АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОЧИНЕНИЯ И. ПЕРЕСВЕТОВА



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

СОЧИНЕНИЯ И. ПЕРЕСВЕТОВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)



СОЧИНЕНИЯ И. ПЕРЕСВЕТОВА



ПОДГОТОВИЛ ТЕКСТ
А. А. ЗИМИН



ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
Д. С. ЛИХАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1956

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук

Редактор издательства *Е. П. Понугаева* Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *З. И. Савинова* и *Е. Б. Томсинская*

РИСО АН СССР № 38—93В. М-60427. Подписано к печати 9/XII 1955 г. Бумага $60\times92^1/_{16}$.
Бум. л. $12^1/_8$. Печ. л. 24,25 + 2 вкл. Уч.-изд. л. 24,71 + 2 вкл. (0,22 уч.-изд. л.).
Тираж 15 000 экз. Заказ № 1302. Цена 16 р. 40 к.

Картфабрика ВМФ



И. С. ПЕРЕСВЕТОВ И ЕГО СОЧИНЕНИЯ

Середина XVI века — время набывалого дотоле подъема русской общественно-политической мысли. Этот подъем связан с изменениями в феодальном базисе Русского централизованного государства.

В экономической жизни России первой половины XVI века происходили серьезные сдвиги. Неуклонно росло поместное землевладение, прежде всего за счет захвата крестьянских земель. В многочисленных владениях светских и духовных феодалов усиливался гнет, ложившийся на плечи крестьянства. Наряду с ростом денежной ренты к середине XVI века явственно обозначилось стремление феодалов к расширению собственной запашки и распространению барщинной формы эксплуатации крестьян. Перемены, происходившие в феодальной деревне, сопровождались постепенным развитием товарного производства и общественного разделения труда, ростом городов. Увеличение в экономической жизни страны удельного веса дворянства и горожан настоятельно требовало проведения реформ в аппарате централизованного государства — укрепления политических позиций дворянской бюрократии и сокращения привилегий боярской знати. Засилье боярской аристократии в годы малолетства Ивана Грозного вызвало недовольство среди самых различных социальных слоев Русского государства. Волна народных движений, прокатившаяся по стране в 1547—1550 годах, заставила феодалов серьезно задуматься об укреплении своей власти над эксплуатируемым большинством. В такой обстановке в 1549 году было создано правительство, объединившее представителей различных прослоек класса феодалов. Во главе его встали Алексей Адашев и благовещенский протопоп Сильвестр. Правительство компромисса (известное в литературе под названием «Избранная рада») уже вскоре приступило к проведению реформ центрального и местного аппарата власти.

В каком направлении будет происходить дальнейшее развитие Русского государства? Какие мероприятия следует провести для его преобразования? Эти и многие другие вопросы волновали передовую общественную мысль середины XVI века, представители которой выступали со своими проектами намечавшихся реформ.

Одним из выдающихся мыслителей того времени был Иван Семенович Пересветов, изложивший в литературно-публицистических сочинениях свои думы и чаяния о судьбах России. Общественно-политические взгляды дворянского публициста И. С. Пересветова, ярче всего выразившиеся в намеченных им преобразованиях Русского государства, свидетельствуют о передовом, прогрессивном характере идей этого писателя.

* *
*

Впервые на сочинения И. С. Пересветова обратил внимание Н. М. Карамзин, который не только опубликовал ряд отрывков из них, но и высказал свое суждение об их авторе [1]. Для Карамзина Пересветов — всего только «затейник», писавший свои сочинения задним числом, т. е. после реформ Ивана Грозного, ибо он «советует царю сделать все великое и хорошее, что было им уже сделано».

Точка зрения Карамзина надолго укрепилась в исторической литературе [2] и не вполне изжита, как мы увидим, до настоящего времени. И. М. Добротворский, издавший в 1865 году Сказание о Петре Волосском и Сказание о книгах (по Хронографу), считал эти произведения «с фактической стороны... ниже всякой критики» и относил время их составления к концу XVI — началу XVII века [3]. А. Попов прямо называл фамилию «Пересветов» — псевдонимом, который якобы «должен означать верного слугу» [4].

Только к 90-м годам XIX века стали все настойчивее высказываться сомнения в правильности гипотезы Карамзина—Попова. Уже Леонид, опубликовавший Малую челобитную,

---

[1] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IX. СПб., 1821, примеч. 849.

[2] См.: С. М. Соловьев. История России, кн. 2, т. VI. Изд. «Общественная польза», СПб., стр. 169, 333, 530; Сочинения Н. С. Тихонравова, т. II, М., 1898, стр. 3; И. Порфирьев. История русской словесности, ч. 1. Изд. 2-е, Казань, 1876, стр. 569—572.

[3] Ученые записки Казанского университета, вып. 1, Казань, 1865, стр. 21—46.

[4] А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 85—87.

Второе предсказание философов и Сказание о Константине, обратил внимание на то, что челобитная Пересветова, содержащая ряд достоверных сведений, «написана, очевидно, еще ранее опричнины» [1].

Для идеолога империалистической буржуазии П. Н. Милюкова Пересветов (или автор, называвшийся этой фамилией) — прежде всего создатель монархической теории. П. Н. Милюков, изображая его программу как «монархически-демократическую», стремился тем самым сделать Пересветова предшественником «либерально-монархической оппозиции его величества» [2].

В конце XIX—начале XX века было предпринято несколько попыток изучить сочинения Пересветова. Горячий защитник реальности Пересветова, М. И. Соколов указал на «список черный» И. Пересветова, хранившийся в царском архиве, и на ряд новых текстов сочинений публициста [3]. Вопросом о редакциях сочинений Пересветова занимался С. Ф. Платонов. [4] Однако ни М. И. Соколову, ни С. Ф. Платонову не удалось довести свою работу до конца. В 1902 году С. А. Белокуров издал две челобитные Пересветова [5]. Всего этого, конечно, было мало для решения вопроса о Пересветове [6].

Новый этап изучения публицистической деятельности Пересветова наступил в 1907 году, когда В. Ф. Ржига и Ю. А. Яворский подошли к решению вопроса о реальном существовании

---

[1] Леонид. Систематическое описание рукописей гр. А. С. Уварова, ч. 3. М., 1894, стр. 17—21, 232—234. — См. также: Д. Иловайский. История России, т. III, М., 1890, стр. 687; автор рассматривает сочинения Пересветова, как «побуждение» Ивана IV к «жестокостям».

[2] П. Н. Милюков. Очерки русской культуры, вып. I. Изд. 3-е, СПб., 1909, стр. 61—69.

[3] Очерк десятилетия научной деятельности Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1902, стр. 51.

[4] См.: Записки Русского археологического общества, т. XII, вып. 1—2; Труды Отдела русской и славянской археологии, СПб., 1901, стр. 393, 395.

[5] Чтения ОИДР, 1902, кн. 4, стр. 1—14.

[6] В своем курсе по истории русской литературы 1906—1907 годов А. С. Архангельский уклонился от решения вопроса об авторстве сочинений Пересветова (Из лекций по истории русской литературы. Казань. 1913, стр. 340—356). А. Н. Пыпин (История русской литературы, кн. 2. Изд. 2-е, СПб., 1902, стр. 485), П. Н. Полевой (История русской словесности. СПб., 1903, стр. 228—229) и А. С. Николаев считали фамилию Пересветова псевдонимом. А. С. Николаев при этом все же датировал его сочинения 1549 годом (Памятники древней письменности и искусства, т. CXX, СПб., 1908, стр. 16). Только В. О. Ключевский считал Пересветова вполне реальным лицом, написавшим свой памфлет в 1548—1549 годах «передним числом в оправдание опричнины». (Курс русской истории, ч. 2. М., 1937, стр. 193—194).

Пересветова [1]. Если работа Ю. А. Яворского, основывавшегося на известных ранее текстах сочинений Пересветова, лишь подводила итоги предшествующему изучению творчества этого публициста, то исследование В. Ф. Ржиги носило совершенно иной характер.

Публикация В. Ф. Ржиги при всех ее недостатках (издатель положил в основу ее дефектные списки одного из поздних изводов неполной редакции сочинений и т. д.) [2] до настоящего времени сохраняла свое значение как первое и единственное более или менее полное издание произведений Пересветова [3]. В своем исследовании В. Ф. Ржига на основе сопоставления фактических данных из Малой и Большой челобитных с историческими событиями первой половины XVI в. по существу подтвердил достоверность основных, сообщаемых Пересветовым, биографических данных. Весьма ценной была и попытка рассмотреть Пересветова в кругу других представителей русской общественно-политической мысли.

Однако вскоре в своей новой работе о Пересветове В. Ф. Ржига, вслед за Д. Егоровым [4], пытаясь сопоставить Пересветова с другими европейскими мыслителями XVI в., пришел к неверному утверждению о том, что «Пересветов развитием своего интереса к обсуждению политических вопросов был обязан пребыванию на Западе, в частности, в польской среде», считая, что западная «культурно-историческая среда обусловила направление и характер» деятельности этого публициста [5].

Работы Ю. А. Яворского и В. Ф. Ржиги не решили окончательно вопроса о личности Пересветова, как не установили и классового смысла идеологии, развивавшейся в его сочинениях. Уже С. Л. Авалиани, возвращаясь к старой теории «псевдонима», предположил, что за «Пересветовым» мог скры-

---

[1] Ю. Яворский. К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI в. Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, кн. 20, вып. 3, Киев, 1908, стр. 59—86. — В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. Чтения ОИДР, 1908, кн. 1, стр. 1—84.

[2] Подробнее см. «Археографический обзор», стр. 78—79.

[3] Ошибкой В. Ф. Ржиги было, в частности, то, что он разделил сочинения Пересветова на отдельные произведения, не поставив вопроса о возможности их связи в качестве частей единого (или, быть может, нескольких) трактата. См. об этом: Г. Бельченко. К вопросу о составе и редакциях сочинений Ивана Пересветова. Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 328—331.

[4] Д. Егоров. Идея турецкой реформации в XVI в. Русская мысль, 1907, стр. 11—13.

[5] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда. Известия ОРЯС, 1911, т. XVI, кн. 3, стр. 169—174.

ваться сам Иван Грозный [1]. С. Вилинский склонен был отнести к деятельности «псевдо-Пересветова» из окружения Ивана Грозного только одну (Большую) челобитную [2]. Ряд исследователей принял выводы В. Ф. Ржиги [3].

Кризис буржуазной исторической науки в период империализма отчетливо сказался на трудах В. Вальденберга, посвященных истории русской общественной мысли. Пересветов для Вальденберга прежде всего «один из предшественников славянофилов», отстаивающий некое, «монархическое начало», опору которого якобы составляют «широкие народные массы» [4]. Передовой русский публицист превращался под пером Вальденберга в своего рода предшественника теории «самодержавие, православие и народность», развитой реакционным министром просвещения гр. Уваровым в XIX веке.

Специальный раздел Пересветову посвящает Г. В. Плеханов в своей «Истории русской общественной мысли», писавшейся в то время, когда ее автор уже находился на меньшевистских позициях. Пересветов для Плеханова — «теоретик помещичьего класса». Очень интересной была постановка Плехановым вопроса о связи социальной программы этого публициста с экономическими условиями XVI века. Однако ошибочные методологические позиции, на которых основывался Плеханов в своей «Истории русской общественной мысли» (в частности, переоценка роли государства в историческом процессе), не позволили Плеханову дать сколько-нибудь верный ответ на этот важный вопрос [5].

Советской исторической науке долгое время приходилось вести борьбу с антимарксистским извращением истории

---

[1] Труды XIV съезда Археологического общества в Чернигове 1909 года, т. III, М., 1911, стр. 111; позднее автор говорил лишь о «торжестве программы Грозного и Пересветова» (С. Авалиани. Земские соборы. Одесса, 1910, стр. 16).

[2] С. Вилинский. Новые труды по изучению деятельности Ивана Пересветова. ЖМНП, 1908, октябрь, стр. 189.

[3] Рецензия С. А. Щегловой на работы В. Ф. Ржиги «И. С. Пересветов, публицист XVI в.» и Ю. А. Яворского «К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI в.» (ЖМНП, 1911, март, стр. 138). Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. Пгр., 1916, стр. 150—195. — М. Н. Сперанский. История русской литературы. Московский период. Изд. 3-е, М., 1921, стр. 153—154.

[4] В. Вальденберг. 1) Предшественники славянофилов. Иван Пересветов. Славянские известия, 1913, № 19, стр. 309; 2) Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 324—330.

[5] Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I. М., 1914, стр. 150—167.

нашей страны «школой» М. Н. Покровского. Для Покровского Пересветов всего-навсего псевдоним одного из идеологов «нового класса» — дворянства, один из первых идеологов русского абсолютизма. «Исходным пунктом всех теорий Пересветова» автор объявляет внешнюю политику, считая ее «империалистической» [1]. Вульгаризаторские антиисторические взгляды М. Н. Покровского оказали известное влияние на некоторых историков и литературоведов [2] и помешали всестороннему изучению творчества этого видного русского публициста.

Постановления Коммунистической партии 1934—1936 годов вскрыли ликвидаторские взгляды на историческую науку «школы» Покровского и содействовали новому подъему советской исторической науки. Советские историки и литературоведы достигли значительных успехов в изучении вопросов истории общественной мысли и, в частности, идейного наследия И. С. Пересветова. Пересветов прочно занял подобающее ему место во всех учебниках по истории СССР, древнерусской литературы и в специальных исследованиях. В результате внимательного изучения его наследия вскрыта классовая сущность мировоззрения Пересветова как идеолога дворянства и показано его прогрессивное значение для своего времени [3]. Выявлена роль сочинений Пересветова в истории русской литературы [4]. Пересветов ставится теперь в один ряд с другими видными публицистами середины XVI века, такими, как Иван Грозный, автор Казанской истории и др. [5]

Вместе с тем целая группа существенных вопросов, связанных с изучением творчества Пересветова, не может считаться

---

[1] М. Н. Покровский. 1) Русская история с древнейших времен, т. I. Л., 1933, стр. 180—181; 2) Русская история в самом сжатом очерке. Л., 1932, стр. 52; 3) Очерк истории русской культуры, ч. 2, Пгр., 1923, стр. 115—121.

[2] См.: М. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923, стр 121.

[3] История СССР, т. I. Под редакцией Б. Д. Грекова и др. Изд. 2-е, М., 1947, стр. 307. — История Москвы, т. I. М., 1952, стр. 256—257. — С. В. Бахрушин. Иван Грозный. М., 1945, стр. 18 — И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944, стр. 57. — А. Л. Саккетти. Политическая программа Пересветова. Вестник Московского Гос. университета, 1951, № 1, стр. 107—117.

[4] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 4-е, М., 1950, стр. 323 и др. — Б. Н. Путилов. О роли национального государственного фактора в развитии древней русской литературы. Ученые записки Грозненского Гос. пед. института, филолог. сер., вып. 1, 1945, стр. 100.

[5] См.: Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». Труды ОДРЛ т. IX, М.—Л., 1953, стр. 273—277.

окончательно решенной. Некоторые историки все еще продолжают отрицать существование Пересветова как реального публициста, жившего в середине XVI века. И. И. Полосин называет автором Большой челобитной даже Ивана Грозного, написавшего ее якобы около 1580 года [1]. Сомневаются в реальности Пересветова и отдельные литературоведы [2].

Особенно сомнительным кажется им «предвосхищение» Пересветовым содержания реформ 50-х годов XVI века. На самом деле предложения публициста отнюдь не совпадают с проведенными преобразованиями, а идут дальше их. Не изжита еще полностью и переоценка «западных влияний» на формирование мировоззрения Пересветова [3]. Отсутствует пока и монографическое исследование творчества этого выдающегося публициста.

Внимательное изучение истории передовой русской общественной мысли тем более необходимо, что оно дает возможность советской исторической науке по-настоящему понять тот вклад выдающихся русских мыслителей, который они внесли в развитие передовых общественно-политических идей.

В 1935 году за рубежом была издана книга В. Филиппа, посвященная И. С. Пересветову. Эта книга содержит ряд интересных соображений, касающихся биографии публициста и его правовых взглядов. Вместе с тем ее автор, отказавшись от анализа классовой сущности и политической направленности проектов государственных преобразований, предложенных Пересветовым, ограничивается при разборе его сочинений формально-юридическим противопоставлением «новизны» и «старины» [4]. Особенно беспомощным оказывается В. Филипп, когда пытается анализировать социальные взгляды Пересветова, выступая против материализма Плеханова [5]. Не использовал В. Филипп и богатой рукописной традиции, без которой нельзя разобраться в творческом наследии И. Пересветова.

---

[1] Ср.: И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр 208—218. — И. И. Полосин. О челобитных Пересветова. Ученые записки Московского Гос. пед. института, т. XXXV, М., 1946, стр. 25—55.

[2] А. С. Орлов. Древняя русская литература. М.—Л., 1945, стр. 314; ср. его же раздел в кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 488.

[3] А. С. Орлов. Древняя русская литература, стр. 311. — Н. К. Гудзий История древней русской литературы, стр. 323.

[4] W. Philipp. Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches. Osteuropäische Forschungen, N. F., Bd. 20, Königsberg—Berlin, 1935.

[5] Подробнее об этом см. ниже, в «Комментариях» к сочинениям Пересветова, стр. 290.

* * *

Исследователю биографии И. С. Пересветова приходится встречаться с большими трудностями. Кроме отрывочных сведений, сообщаемых самим публицистом, и загадочного упоминания о нем в описи царского архива — в его распоряжении нет других источников для изучения жизненного пути Пересветова.

Иван Семенович Пересветов был выходцем из великого княжества Литовского («выеждей из Литвы») [1], точнее из русских земель, входивших в состав этого княжества (о русском происхождении Пересветова говорит и прекрасный русский язык его сочинений) [2]. Сам Пересветов возводит свою фамилию к брянскому боярину Александру Пересвету, героически сражавшемуся на Куликовом поле в 1380 году. Скорее всего перед нами генеалогическая догадка, свидетельствующая о горячем патриотизме ее автора [3]. Фамилия «Пересветов» хорошо известна на Руси в XVI—XVII веках. Однако ни один из известных нам Пересветовых не может быть поставлен в связь с И. С. Пересветовым. Этим косвенно подтверждаются сведения публициста о приезде его в Россию из-за рубежа.

И. С. Пересветов принадлежал к числу «королевских дворян», которые образовывали своеобразную наемную гвардию польского короля и являлись для него серьезной опорой в борьбе за централизацию государства. В первой половине XVI века в Польше и в великом княжестве Литовском происходил процесс сложения феодальной сословной монархии. Польской шляхте удалось добиться ограничения королевской власти и усиления крепостнической эксплуатации крестьянства. Попытки Сигизмунда I (1506—1548), опираясь на отдельные группы магнатов, ограничить самоуправство шляхты были безрезультатны. Близорукая внешняя политика польского короля привела к отказу от борьбы за исконные польские западные земли. В 20—30-х годах XVI века Пересветов принимал участие в длительной войне за венгерское наследство, которую вели чешский король Фердинанд I Габсбург с семиградским (трансильванским) воеводой Яном Заполья. Польское магнатство поддерживало в этой борьбе Фердинанда I, добиваясь

---

[1] *М*, л. 85. [Здесь и ниже ссылки даются на Музейный список Полной редакции сочинений Пересветова (*М*) и на Погодинский I список Неполной редакции (*П I*)].

[2] Название «Пересвет» встречается как обозначение имения около г. Слонима, т. е. в белорусских землях Литовского княжества. РИБ, т. XXXIII, стр. 1211—1214.

[3] Впрочем, в начале XVII века в Брянском уезде были земли некоего Захара Пересветова (АЗР, т. IV, стр. 375).

соглашения с Габсбургами, а польская шляхта была горячей сторонницей Яна Заполья. Сохраняя видимость нейтралитета, Сигизмунд I склонялся к поддержке Габсбургов и издавал категорические указы, запрещавшие шляхетским отрядам поступление на службу к Яну Заполья. Это, однако, не помогало. Очевидно, вскоре после семимесячного пребывания Яна Заполья в Польше Пересветов, в составе отряда из 300 королевских дворян, в конце 1528 года перешел венгерскую границу и принял участие в борьбе с Фердинандом I. Возглавлял этот значительный по тому времени отряд Федор (Фредрик) Сапега — один из литовских господарских (великокняжеских) дворян, земли которого находились в Западной Белоруссии. Пересветов нес службу во время венгерской войны «на шесть коней», т. е. он не принадлежал к дворянской мелкоте, которая могла выставить всего трех-четырех коней [1].

Во время службы в войсках Яна Заполья Пересветов познакомился с турецкой армией, которая поддерживала этого венгерского короля (Ян Заполья был ставленником Сулеймана I). Несомненное знание военных порядков Порты обнаруживается в сочинениях Пересветова.

В сентябре 1529 года Ян Заполья после ряда крупных успехов занял Будин, столицу Венгрии, где был коронован «короною святого Стефана», т. е. получил официально титул венгерского короля. Через год между ним и Фердинандом I было заключено перемирие, продолжавшееся до лета 1532 года. Скорее всего во время этого перемирия Пересветов покинул Федора Сапегу и перешел в отряд Андрея Тенчинского, который находился на службе у Фердинанда I Чешского [2]. Это был большой отряд (500 человек), где Пересветов нес службу уже «на 7 коней». Тенчинские — видные польские магнаты — поддерживали централизаторские устремления Сигизмунда I и являлись во внешней политике сторонниками австрийской ориентации. Двор Тенчинских был средоточием видных гуманистов. Здесь, например, около 1525 года находился известный польский публицист Миколай Рей и другие. Широко образованным человеком был Андрей Тенчин-

---

[1] Ср.: L. Kolankowski. Rycerstwo Obertyńskie 1531 г. Lwów, 1938, стр. 2.

[2] Пересветов мог познакомиться с А. Тенчинским, находясь на службе у Ф. Сапеги, сестра которого была замужем за Яном Тенчинским, родным братом «бельского старосты» Андрея Тенчинского. (Ср.: Sapiehowie, materiały historiczno-genealogiczne, t. I. СПб., 1890, стр. 11). В сентябре 1532 г. Андрей Тенчинский младший с отрядом в 100 воинов прибыл в Вену (Acta Tomiciana, t. XIV, № 423).

ский, краковский воевода, бельский староста, который принимал активное участие в политической жизни Польши (умер он в 1535 году, после поездки на Ближний Восток в 1534 году)[1]. У краковского воеводы был племянник, также носивший имя Андрей[2]. В войсках А. Тенчинского Пересветов находился около 1532—1534 годов, т. е. по существу до конца открытой вооруженной борьбы в Венгрии между Яном Заполья и Фердинандом I. Вскоре после этого он был послан к молдавскому воеводе Петру Рарешу (в конце 1534—начале 1535 года намечалось соглашение о союзе Фердинанда I и Петра Рареша)[3]. Находясь пять месяцев в столице Молдавии Сучаве, Пересветов познакомился с выходцем из Москвы Васькой Мерцаловым, который много рассказывал ему и молдавскому воеводе о Москве и России. Возможно, именно здесь и зародилось у Пересветова желание прекратить свои странствования по чужим землям и переехать на Русь.

Однако попал Пересветов в Москву только в конце 1538—начале 1539 года, проскитавшись еще несколько лет в великом княжестве Литовском.

Годы жизни Пересветова до выезда его на Русь не прошли для него даром. Самовластие шляхты, препятствовавшей абсолютистским стремлениям польского короля, страдания славянских народов под игом турецких войск, а также, возможно, и беседы с «философами» при дворе Тенчинского произвели на Пересветова глубокое впечатление. Однако передовым мыслителем и публицистом он сделался только на Руси; русская действительность, передовые идеи русских вольнодумцев оказали определяющее воздействие на его мировоззрение.

И. С. Пересветов, прибыв в Москву, обратился к правительству малолетнего Ивана Грозного с предложением орга-

---

[1] Z. Woiciechowski. Żygmunt Stary. Warszawa, 1946, стр. 253, 300.

[2] В. Ф. Ржига и В. Филипп путают обоих Андреев Тенчинских. Вероятнее всего, к Фердинанду ездил Пересветов с Андреем Тенчинским младшим (об участии последнего в войне с турками в 1532 году сохранились совершенно определенные сведения, хотя неизвестно, был ли он бельским старостой). О службе чешскому королю Андрея Тенчинского старшего сведений нет, да и сама эта служба маловероятна: ведь Андрей Тенчинский был одним из крупнейших политических деятелей Польши первой половины 30-х годов XVI века. Странно и то, что Пересветов называет его старостой бельским, а не воеводой (позднее каштеляном) краковским, т. е. его важнейшим званием. Андрей Тенчинский старший был бельским старостой во всяком случае в 1521—1530 годах (Akta grodzkie i ziemskie, t. X, №№ 309, 442, 448).

[3] Jon Ursu. Die auswärtige Politik woywoden Moldau Peter Rars, Berlin, 1907, стр. 24—28.

низовать мастерскую по выделке особых («македонского образца») щитов. Это были обтянутые кожей двухметровые щиты с железными шипами в нижней части. Щиты Пересветова давали возможность вести активную оборону «в поле», т. е. против крымских вторжений, и могли использоваться при наступлении, когда нужно было форсировать реку и т. д. Предложение «выезжего» « воинника» было встречено со вниманием, так как «македонские щиты» могли быть применены в сочетании с Гуляй-городом, который был на вооружении русских войск ужс в первой половине XVI века. Правительство решило организовать мастерскую по изготовлению щитов для отряда пищальников в 300 человек, и Пересветов поступил «под начало» боярина М. Ю. Захарьина, который долгое время ведал сношениями с Польшей и Литвой [1]. М. Ю. Захарьин также был одним из воевод, участвовавших в походах на Казань; хорошо он знал и артиллерийское дело [2]. Щиты Пересветова могли пригодиться Русскому государству для предстоящей войны с Казанью. Но случилось так, что осенью 1539 года, вскоре после царского распоряжения об изготовлении щитов, Захарьин умер. Работа мастерской приостановилась, и началось десятилетнее «хождение по мукам» самого Пересветова.

Мрачные годы боярского самовластия, которые переживала тогда страна, тяжело отразились на положении этого «воинника». Пересветов в это время исполнял «всякие» государевы службы, проводя свою жизнь в бесконечных переездах «с Москвы на службу, а с службы к Москве» [3]. Служба была хлопотливая, тяжелая и не принесла особенных благ. Пересветов «истерял» вывезенную им из разных земель «собинку» (имущество), которая пошла на ведение тяжб с «сильными людьми» («в моих обидах и в волокитах пропала»). Вследствие обид и насилий, чинимых вельможами, запустело и поместье Пересветова, которым он был пожалован. Тщетно пытался «воинник» добиться приема у царя; вельможи внимательно следили, чтобы к молодому Ивану Грозному не проник ни один челобитчик. Все больше и больше накапливалась у Пересветова ненависть к боярству. Собственные злоключения только подтверждали вывод Пересветова о губительной политике боярства, приводившей страну к разорению.

---

[1] Он, например, вел переговоры в 1537—1538 годах с послами Сигизмунда. (См.: С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 104).

[2] Древнейшая разрядная книга, М., 1901, стр. 74—75, 103.

[3] *М.* л. 69.

Однако боярской аристократии было не под силу преодолеть общую тенденцию исторического процесса, неуклонно развивавшегося в сторону укрепления Русского централизованного государства. Народные движения 1547 года и последующих годов показали господствующему классу необходимость упрочить свою власть над трудящимися массами. В феврале 1549 года на заседаниях Земского собора Иван Грозный, получивший в 1547 году титул царя, выступил с декларацией, в которой признавалось, что в годы его малолетства бояре чинили «силы и продажи и обиды великие» [1]. Одновременно было провозглашено начало государственных реформ. Для осуществления намеченных мероприятий была создана специальная комиссия, разбиравшая челобитные — жалобы на бояр [2]. К власти пришло правительство Адашева и Сильвестра, осуществлявшее политику компромисса между основными группами класса феодалов.

В такой обстановке появились новые перспективы у И. С. Пересветова, серьезно задумывавшегося над дальнейшими судьбами России. 8 сентября 1549 года он в одной из придворных церквей (Рождества богородицы) подает Ивану Грозному две «книжки», в которых находился, наряду с Малой челобитной, содержавшей просьбу обратить внимание на бедственное положение челобитчика, ряд публицистических произведений, излагавших проект государственных преобразований [3].

Пересветов был не одинок. Одновременно с ним составлял проект социальных реформ протопоп одной из кремлевских церквей Ермолай (Еразм). Этот проект касался положения эксплуатируемого населения и судеб помещичьего землевладения и перекликался с предложениями Пересветова. Но ответа на них не последовало, и уже вскоре (до ноября 1549 года, т. е. до начала похода на Казань) Пересветов подает новую, так называемую Большую челобитную, к которой прилагает копию («противень») с подававшихся им ранее сочинений.

Предложения и просьбы Пересветова были, однако, оставлены без внимания. Правительство Ивана Грозного не могло пойти на осуществление тех больших преобразований, которые

---

[1] С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. Исторический архив, кн. VII, стр. 295—296.

[2] С. О. Шмидт. Челобитный приказ. Известия АН СССР, Серия истории и философии, т. VII, вып. 5, 1950, стр. 447.

[3] О том, что Малая челобитная в составе двух «книжек» была подана 8 сентября, т. е. на праздник рождества богородицы, Пересветов говорит в Большой челобитной. В самой Малой челобитной содержится указание на то, что она писалась накануне похода на Казань (1549—1550).

были намечены Пересветовым. К тому же вскоре начался новый казанский поход и «доступить» снова Ивана Грозного даже такому настойчивому челобитчику, каким был Пересветов, оказалось совершенно невозможным.

Дальнейшая судьба этого публициста по меньшей мере загадочна. О нем сохранилось только одно упоминание в «Описи царского архива» (1562—1572), где хранился «черный список Ивашки Пересветова да Петра Губастого и иные списки» [1]. Поскольку в этой описи «черными списками» обычно назывались подлинники или черновики делопроизводственных (в частности судебных) материалов, то весьма возможно, что речь идет о каком-то судебном деле, касающемся И. Пересветова и Петра Губастого [2].

Как это будет показано ниже, по своим социально-философским взглядам Пересветов был близок к «еретику» М. С. Башкину, который поддерживал тесную связь с рядом выходцев из Литвы. Во время многочисленных процессов 1553—1555 годов «на еретики» вольнодумец Пересветов мог разделить печальную судьбу других передовых русских мыслителей [3].

Таковы те немногочисленные сведения, которые сохранились о жизненном пути И. С. Пересветова.

* *

Дошедшие до нас сочинения И. С. Пересветова, очевидно, восходят к тексту, который был передан Ивану Грозному Пересветовым во время их второй встречи. Сохранившиеся списки этих сочинений, самый древний из которых не старше 30-х годов XVII века, так или иначе связываются с Посольским приказом, куда в начале XVII века попал царский архив. Наиболее ясное представление о составе сочинений Пересветова дают списки так называемой Полной редакции [4]. Судя по ним, порядок отдельных составных частей сборника сочинений Пересветова был следующий. 1) Большая челобитная (которая находилась, очевидно, в особой «книжке», поэтому ее место

---

1 ААЭ, т. I, № 289, ящик 143.

2 Губастый — известная дворянская и дьяческая фамилия второй половины XVI века. Иван Болобанов сын Губастов, как и Матвей Башкин, был около 1551—1552 годов сыном боярским, дворовым по Боровску (Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 30-х гг. XVI в. М.—Л., 1950, стр. 175) О «черном списке» И. Пересветова см. стр. 299.

3 В «Описи царского архива» находился не только «список черный» Ивашки Пересветова, но и «списки черные Матфея Башкина» (ААЭ, т. I, № 289, ящик 222).

4 Подробнее см. «Археографический обзор», стр. 79—95

в Пересветовском сборнике неопределенно). 2) Копия («противень») с подававшихся ранее двух «книжек»: а) трактат на тему о взятии Царьграда Магметом-салтаном, состоящий из двух частей — Повести об основании и взятии Царьграда Нестора Искандера (в особой редакции Пересветова) и Сказания о книгах и Магмете-салтане; б) Первое предсказание философов, Малая челобитная, Второе предсказание философов, Сказание о Константине и Концовка. Эта «книжка» содержала более позднюю, по сравнению с предшествующей, попытку разработать сюжет о падении Царьграда (Сказание о Константине и Концовка) и челобитную Ивану Грозному (в обрамлении предсказаний философов). Все перечисленные сочинения Пересветова были написаны к осени 1549 года [1], и упоминание автора о каких-то «речах», якобы вывезенных им из-за рубежа и тогда же поданных царю, является домыслом, который должен был укрепить доверие Ивана Грозного к достоверности содержания сочинений публициста [2].

Принадлежность этих произведений Пересветову устанавливается путем перекрестного анализа: 1) обычно они в рукописных сборниках помещаются в виде единого комплекса; 2) едина их идейная направленность и сходна тематика; обилие общих стилистических и языковых особенностей выдают нам одну авторскую руку [3]; 3) точное соответствие историческим фактам биографических сведений, сообщаемых И. С. Пересветовым в Малой челобитной, измышление которых кем-либо другим совершенно исключено.

Первое сочинение Пересветова — Повесть об основании и взятии Царьграда. В основу ее он положил произведение

[1] Датировка челобитных Пересветова нами указана выше. Другие сочинения также относятся к этому времени, ибо только после собора 1549 года был широко поставлен вопрос о государственных реформах, ответ на который мы находим в публицистических произведениях Пересветова. Конечно, к осени 1549 года относится только завершение авторской работы; ее начало может быть отнесено к более раннему времени.

[2] Позднейшей стилизацией «под Пересветова» следует признать две переделки Повести о начале Царьграда. По существу новым публицистическим произведением является Сказание о Петре Волосском, написанное в начале XVII века по мотивам Большой челобитной Пересветова. Об этом см. стр. 331—340.

[3] В этом плане интересно наличие полонизмов в языке всех сочинений (например, «заможные» — в Сказании о Магмете, «нарожение» — в Сказании о Константине, и др.). К числу полонизмов можно отнести и некоторые из терминов общеславянского содержания, бытовавшие у славян западных, южных и восточных, — «воинник», «юнаки» и др. Полонизмы выдают нам автора — И. С. Пересветова, выходца из великого княжества Литовского.

Нестора Искандера, обработанное и дополненное Сказаниями о книгах и Магмете-салтане. В этом произведении в иносказательной форме Пересветов дает характеристику Русского государства периода «несовершенных лет» Ивана Грозного, который предстает перед читателем в образе последнего византийского императора Константина. Вместе с тем Магмету-султану, захватившему Царьград, автор приписывает ряд реформ, которые, на его взгляд, следовало бы осуществить на Руси.

Второй публицистический трактат Пересветова — Сказание о Константине и Концовка. Здесь автор резко порывает с текстуальной и сюжетной зависимостью от Нестора Искандера и решает поставленную еще в его первой повести задачу вполне самостоятельно.

Малая челобитная не является по существу литературным произведением, однако ее вполне деловое содержание написано с присущим Пересветову блеском и вставлено в прекрасную рамку чисто публицистических «предсказаний», которые якобы предрекли «мудрые философы и докторы» Ивану Грозному. Избранный на этот раз Пересветовым авторитет свидетельствует о гуманистической направленности идеологии публициста.

Наконец, Большая челобитная является позднейшей попыткой обработать и сюжет о падении Царьграда и «предсказания» философов. Здесь Пересветов вкладывает свои чаяния в уста «мудрого» волосского воеводы Петра; исторический прототип этого литературного образа был верным союзником Ивана Грозного. Большая челобитная Пересветова подводит итог всей его публицистической деятельности.

* *

По своим общественно-политическим взглядам И. С. Пересветов был одним из передовых мыслителей середины XVI века. Он выступает прежде всего как беспощадный обличитель реакционного боярства, которое пыталось воскресить на Руси время феодальных усобиц. Вельможам удалось «лукавством» подчинить своему влиянию малолетнего царя Константина (читай — Ивана Грозного). Поэтому они «царство его обладали и измытарили, и бедами сцепили, неправыми суды и особную брань во царстве том учинили» [1]. Собирая богатства, взимая посулы «с правого и с виноватого», вельможи «казны свои наполнили златом и сребром и многоценным каменьем», «нечистым своим собранием». «И в том же

[1] *М*, л. 70—70 об.

царство его оскудело и казна царева»[1]. Когда посылают таких вельмож собирать деньги в казну, то они «на царя возмут 10 рублев, а на собя 100 рублев»[2].

Пересветов рассказывает, как вельможи в городах не брезгали даже тем, что подкидывали во двор к зажиточным людям трупы недавно умерших людей. Этим они добивались обвинения в убийстве и конфискации имущества, которое шло в пользу самих вельмож[3]. Аналогичный случай описывал и Максим Грек[4]. Именно вельможи привели к падению боеспособности войска царя Константина: «Богатыя николи о воинстве не думают, думают о смирении, и о кротости и о упокое»[5]. Но этого мало. Византийские вельможи поработили всю землю, а «в котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга»[6]. Видя остроту социальных противоречий в современной ему действительности, Пересветов объясняет ее также стяжательной политикой феодальной аристократии. Пагубные результаты господства вельмож — вот основная причина взятия Царьграда «безбожным Магметом-салтаном».

Сходные идеи развивались и другими передовыми мыслителями середины XVI века. Например, ученик Максима Грека Зиновий Отенский, хорошо знавший взгляды Феодосия Косого, так писал о причинах падения Царьграда: греки «суда бо не взыскаша и праведна суда не судиша, вдовицы и сироты оставиша хотящим озлобляти их и милости подручным не сотвориша и злата собирати не престаша... сего ради бог и предаст я в руце враг християньских, языку нечисту; понеже турцы суд имут и мзды не взимают и своим о злате не насилуют и обидети никакоже попущают»[7].

В Большой челобитной Пересветов устами Петра Волоского прямо осуждает малолетнего Ивана Грозного за то, что он «усобную войну на царство свое напущает, дает городы и волости держати велможам своим»[8]. Система кормлений также содействует упадку государства и обогащению бояр. Наместники и их судебно-административный аппарат вызывали недовольство не одного Пересветова. Псковский лето-

[1] *М*, л. 70 об.; ср. л. 90 об.

[2] *М*, л. 94.

[3] Там же.

[4] Максим Грек, Сочинения, т. II, 1910, стр. 199—200.

[5] *М*, л. 71 об.

[6] *М*, л. 60 об.

[7] Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский, СПб., 1894, Приложение, стр. 20.

[8] *М*, л. 88.

писец записывал под 1540 годом: «Быша наместники на Пскове свирепи, яко лвове, и людие его аки звери дивии до крестьян, и начаша подклепцы добрых людей клепати, и разбегошася добрые люди по иным городом»[1]. Так подтверждался вывод Пересветова о том, что «велможи рускаго царя сами богатеют и ленивеют, а царство оскужают»[2].

Разложение армии, лихоимство и неправый суд, подкупность местного и центрального аппарата, усиление гнета, тяжело отзывавшееся не только на положении зависимого населения страны, но и на «воинниках», — таковы, по Пересветову, следствия самовластья и боярской олигархии на Руси. Картина, нарисованная публицистом, поражает своей реалистичностью и подтверждается многочисленными показаниями других современников.

Для того чтобы Русское государство избавилось от указанных пороков, в нем, по мысли Пересветова, должна быть введена «правда», т. е. проведены серьезные социальные и политические реформы. Принадлежа по своему происхождению и социальному положению к дворянам, Пересветов намечает мероприятия, которые должны были укрепить централизованный аппарат власти путем удовлетворения основных требований «воинников». Воинниками царь «силен и славен», поэтому воинника следует «всегда чредити, аки сокола», любить его «аки отцу детей своих[3]. Следовательно, воинники, т. е. рядовое дворянство, — основная опора самодержавной власти.

Военные реформы занимают центральное место в сочинениях Пересветова. Автор выступает сторонником постоянного войска, обеспеченного денежным жалованьем: «Гóдится со всего царства своего доходы собе в казну имати, а ис казны своея воинником сердце веселити... жалованием государевым годовым»[4]. Не знатность рода и богатство, а личные заслуги и храбрость определяют служебное положение воинников. «Ино у царя кто против недруга крепко стоит, смертною игрою играет и полки у недругов розрывает и царю верно служит, хотя от меньшаго колена, и он его на величество подъимает и имя ему велико дает и жалования много ему прибавляет... А ведома нету, какова они отца дети»[5]. Зато тех, кто не проявляет достаточной храбрости, сражается «с отпяткою» (т. е. бежит с поля боя), следует казнить смертной казнью: «Кто не хощет умрети за люди доброю смертию, граючи с недругом

[1] Псковские летописи, вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 110.
[2] *М*, л. 89.
[3] *М*, лл. 93 об.—94; лл. 89 об.—90 и др.
[4] *М*, лл. 89 об.—90.
[5] *М*. л. 62.

смертною игрою, ино он умрет же от моея опалы царские смертною казнью, да нечестно ему будет и детем его»[1]. Строжайшая дисциплина в войске и «наука воинская» (обучение) являются непременным условием поднятия его боеспособности. Военачальники — «паши» и «вельможи» — должны своим личным примером вселять в сердца молодых воинников храбрость и уверенность в победе. Магмет-салтан «пашам своим и вельможам противу недруга всякого велел в челе ставитися в первых полках для того, чтобы люто ставилися против недруга и младыя бы люди не ужасалися, которыя не столь заможныя, и на них смотрячи, люты к недругом были»[2].

Во главе «воинников» должен находиться сам царь или поставленный им «мудрый паша»[3]. Пересветов, следовательно, выступает за централизацию руководства русскими вооруженными силами. Особое место в войске должны занимать «стрельцы» — «20 тысящ юнаков храбрых со огненою стрелбою гораздо ученою»[4]. Вооруженное огнестрельным оружием войско стрельцов, утверждает Пересветов, может сыграть большую роль в борьбе с Крымом и Казанью.

Создавая план военных преобразований, Пересветов широко использовал свои наблюдения над состоянием русских вооруженных сил, в частности, опыт организации войска пищальников. Но его предложения, отвечавшие потребностям дальнейшего развития русской армии, все же намного опережали время. Даже реформы середины XVI века не ликвидировали ни системы местничества в армии, ни поместного характера ее обеспечения; не привели они и к широкому распространению постоянного войска. Все это было осуществлено только с торжеством абсолютной монархии в России, т. е. к началу XVIII века. Сходные мероприятия рекомендует провести Пересветов и по укреплению центрального и местного аппарата власти, суда и финансов. Все они сводятся к утверждению централизации, укреплению самодержавной власти и росту политического значения дворянства.

Непременным условием централизации государства, по Пересветову, является царская «гроза»: «Не мочно царю без грозы быти: как конь под царем без узды, тако и царство без грозы»[5]. «Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет и имя его славно по всем землям»[6].

---

1 *М*, л 62 об.
2 *М*, л. 59 об:
3 *М*, л. 62 об.
4 *М*, л. 90.
5 *М*, л. 55 об.; ср. л. 57.
6 *М*, лл. 71 об.—72.

Очень интересно замечание Пересветова о том, что «приказал бог от мудрости великия человека выбрати мудраго и ему приказати царева казна збирати и праведен суд судити»[1]. В конкретных условиях создания правительства компромисса это означало предложение передать всю полноту государственной власти одному лицу, которым, очевидно, мог быть только Алексей Адашев.

Чтобы ввести «правый суд», — учит Пересветов, — нужно вместо вельмож-кормленщиков послать судей, которые получали бы не пошлины с суда, а денежное жалованье из казны, чтобы «не искушалися неправдою бы не судили»[2]. Эти судьи должны руководствоваться специальными «судебными книгами»[3]. Неправедных судей Магмет-салтан наказывал смертной казнью: велел сдирать кожу с живых, якобы заявляя при этом: «Обростеть телом, отдаст ти ся вина»[4].

Централизована должна быть и финансовая система — все доходы должны поступать в царскую казну. Наместничества следует ликвидировать. Сборщики налогов так же, как и судьи, у Магмета-салтана получали жалованье из казны[5].

Для борьбы с «лихими людьми», т. е. прежде всего с антифеодальными выступлениями народных масс, Пересветов советует распространить опыт губных учреждений, появившихся в конце 30-х годов XVI века, а именно ввести «по городам» институт сотников и десятских, ответственных за поимку «лихих людей», которых следует казнить смертной казнью. «А десятник утаит лиха человека во своем десятке, ино потом обыщется всею сотнею, ино ему та же смертная казнь»[6]. Дворянский публицист с присущей ему ясностью показывает, что предлагаемое им укрепление централизованного аппарата власти имело своей основной задачей держать в узде непосредственных производителей, подавлять малейшие проявления их недовольства.

Обстановка начала реформ государственного аппарата (подготовка к изданию Судебника 1550 года, введение губных учреждений и т. д.) была питательной средой, взрастившей политические идеи Пересветова, которые отличались последовательной защитой принципа централизации.

---

[1] *М*, л. 73; ср. л. 75.
[2] *М*, лл. 54 об.—55, 58, 88 об.
[3] *М*, л. 57 об.
[4] *М*, л. 55 об.
[5] *М*, лл. 54 об.—55, 58, 89 об.
[6] *М*, л. 63 об.

Утопичны взгляды И. С. Пересветова на задачи торговой политики правительства. Публицист резко критикует ненасытную алчность купцов, которые, прежде чем продать свой товар, продают душу дьяволу [1]. Он настаивает на государственной регламентации рыночных цен. Магмет-салтан «купцем куплю уставил» [2]; у него в царстве «всему цена уставлена, что за что дати» [3]. Пересветов, стремясь отстоять интересы воинников, т. е. рядового дворянства, не понимает, что централизованное государство кровно заинтересовано в поддержке нарождающегося купечества, а не в стеснении его инициативы.

Внешнеполитические взгляды публициста свидетельствовали о понимании им насущных задач, стоявших перед Русским государством. Подавая свои челобитные и другие сочинения Ивану IV накануне начала казанского похода 1549—1550 годов, И. С. Пересветов обосновывает целесообразность активной политики Русского государства по отношению к Казани. Казанская «подрайская землица», изобилующая богатыми угодьями, притягивала к себе взоры этого «воинника». Пересветов удивляется, «что таковая землица не велика, велми угодна, у таковаго великаго у силнаго царя под пазухою, а в недружбе, а он ей долго терпит и кручину от них великую приимает». Следует «себя не пощадити ни в чем, послати войско на Казань. . ., а иныя воинники удалыя послати на улусы казанския» [4]. Устами «философов» публицист «предсказывает» Ивану IV, что «он божиею помощию Казанское царство возмет своим мудрым воинством» [5]. В связи с этим находится и предложение Пересветова перенести столицу — «стол царский» в Нижний Новгород (сборный пункт русских войск во время походов на Казань), оставив за Москвою значение великокняжеской столицы [6]. В отношениях с «крымским царем» автор рекомендует держаться оборонительной тактики, создавать заслоны из отрядов «поляниц» (сторожей) по южным границам государства. Эти дозоры должны вербоваться из числа пищальников — «юнаков с огненой стрелбою» и опираться на систему крепостей, которую начало возводить еще правительство Василия III. Отряды пищальников должны были исчисляться внушительной цифрой в 20 000 чело-

[1] *М*, л. 94 об.
[2] *М*, л. 95 об.
[3] *М*, л. 61 об.
[4] *М*, л. 98.
[5] *М*, л. 66 об.
[6] *М*, л. 66.

век. Благодаря этому мероприятию «украины его (т. е. Ивана IV, — *А. З.*) будут все богаты и не оскужены от недругов» [1].

Показывая возросшую международную роль России, Пересветов обращает особенное внимание на то, что к Москве были прикованы взоры порабощенных турками греков, южных славян, молдаван, которые ждали от единоверного русского народа помощи в их борьбе за освобождение от иноземного ига. Греки, например, в споре с «латынянами» с гордостью говорили: «Есть у нас царство волное (т. е. не порабощенное турками, — *А. З.*) и царь волной, благоверный государь князь Иван Васильевич» [2]. Петр, воевода волосский, также заявлял, что «ныне руским царством хвалимся» [3]. Словом, греки и славяне надеются «свободити руским царем от насильства турскаго царя иноплемянника» [4]. В данном случае Пересветов отражал действительные думы и чаяния славянских народов. Во время путешествия Василия Позднякова 1558—1561 годов александрийский патриарх говорил о надеждах на то, что русский царь «сядет на престоле града Царствующего... да и мы избавлени будем рукою его от безбожных турок» [5].

Если политические взгляды Пересветова характеризуют его как идеолога передовой части русского дворянства, то социальные и религиозно-философские воззрения публициста свидетельствуют уже о том, что он в ряде случаев перерастал рамки дворянской ограниченности.

Пересветов резко и последовательно выступает против порабощения населения. «Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: татба, разбой, обида, всему царству оскужение великое» [6]. «Порабощение» людей вельможами не только наносит ущерб всему материальному благосостоянию страны, но и чревато более серьезными последствиями, т. е. резким обострением классовой борьбы угнетенного населения. Понижается и боеспособность дворянской армии [7], ибо ее основную массу составляют «люди» (холопы), приводившиеся в походы помещиками. Пересветов, конечно, выступал не против всяких форм эксплуатации. Он ни слова не говорил о феодальной зависимости крестьян, считая ее, очевидно, вполне естественной. Он протестует прежде всего против пол-

---

[1] *М*, л. 90.
[2] *М*, л. 65.
[3] *М*, л. 87 об.
[4] *М*, л. 91.
[5] Палестинский сборник, т. VI, вып. 3, СПб., 1887, стр. 6.
[6] *М*, лл. 96 об.—97.
[7] *М*, л. 60 об.

ного и кабального холопства. Магмет-салтан, по его словам, «во своем царстве дал волно служити у велмож своих, кому ни буди. А не велел их прикабаливати, ни прихолопити, а служити им доброволно... Да велел пред собя книги принести полныя и докладныя, да велел их огнем пожещи» [1]. Используя известный апокриф об Адаме, с которого якобы дьявол взял «запись», а бог «Адама извел изо ада и запись изодрал», — Пересветов делает вывод: «Которыя записывают в работу вовеки, прелщают и дияволу угождают» [2]. Не достигая той степени критики социальной несправедливости, которую заключало в себе «рабье учение» Феодосия Косого, выступавшего вообще против всякой эксплуатации человека человеком, Пересветов в своих социальных взглядах близок к другому вольнодумцу середины XVI века сыну боярскому Матвею Башкину. Башкин возмущался тем, что «у нас де на иных (людей, — *А. З.*) и кабалы, на иных беглыя, а на иных нарядныя, а на иных полныя; а я, де, благодарю бога моего, у меня, де, что было кабал полных, то, де, есми все изодрал, да держу, де, государь, своих доброволно» [3].

Выступали против холопства, хотя и не в столь резкой форме, и другие публицисты середины XVI века. Так, протопоп Сильвестр, который если не покровительствовал, то сочувствовал некоторым соратникам Башкина (в том числе Артемию, троицкому игумену), «работных своих всех свободих и наделих, и иных окупил из работы на свободу попущах». «А ныне, — писал он, — домочадцы наши все свободны, живут у нас по воли» [4]. Само экономическое развитие Русского государства толкало к ликвидации полного холопства. Передовая общественная мысль шла еще дальше, требуя также и уничтожения кабальной зависимости.

Близок Пересветов к передовым мыслителям своего времени и по религиозным и философским взглядам. Середина XVI века знаменуется новым подъемом реформационно-гуманистического движения на Руси. Яркое отражение этого подъема мы находим в произведениях Пересветова. В них нет даже следов влияния каких-нибудь сочинений «отцов церкви». Единственный церковный авторитет, который признает автор, — это книги священного писания, весьма вольно трактуемые публицистом [5]. В Сказании о книгах дается рез-

---

[1] *М*, л. 60.
[2] *М*, л. 96 об.
[3] ААЭ, т. I, № 238/IV.
[4] Домострой. СПб., 1867, стр. 150 и сл.
[5] См. подробнее в «Комментариях», стр. 307.

кая критика монашества и официальной церковной иерархии, причем для этой цели используется образ греческого патриарха Анастасия, который обвиняется в нарушении христианских заповедей. Положив в основу своей историко-философской концепции понятие «правды», Пересветов доходит до еретических утверждений: «Бог не веру любит — правду», и «коли правды нет, то и всего нет», которые он не в состоянии смягчить даже всякими оговорками («истинная правда — Христос»)[1]. Будучи писателем-гуманистом, Пересветов считает не столько веру, сколько «мудрость» неотъемлемым качеством монарха. Поэтому у него одним из героев выступает далекий от «правоверия» Магмет-салтан, наделенный автором «мудростью», которая противопоставляется «кротости», т. е. христианскому смирению[2]. Мудрым «дохтуром» и ученым философом, по воле автора, делается и воевода Петр, основной герой Большой челобитной[3]. Наконец, мудрые «философы и докторы» выступают также в качестве одного из авторитетов, на которых Пересветов охотно ссылается. Горячая любовь к воинской «науке» и книге чувствуется на протяжении всех произведений Пересветова. Магмет-салтан потому и сделался мудрым философом, что прочитал греческие книги[4], тогда как велможам удалось «укротить» царя Константина только тогда, когда они написали ложные книги[5]. Мудрые книги «видоцеи» помогают «философам и докторам» предсказывать будущее[6]. Книгам публицист посвятил специальный раздел своих сочинений — Сказание о книгах. Веря в великую силу человеческого слова, Пересветов составляет свои «книжки», рассчитывая, что они произведут должное впечатление на Ивана Грозного, побудят его осуществить намечаемые публицистом реформы.

Чуждый официальной церковности, Пересветов двигателем исторического процесса склонен считать не «божий промысел», фигурирующий у него в виде некоей абстракции, а живых людей с их разумом и человеческими страстями. Причины падения Царьграда он ищет не в отвлеченной «греховности» греков, как то склонен был делать Нестор Искандер, а в своекорыстной политике вельмож и безволии царя Константина. Обрабатывая Повесть Нестора Искандера, Пересветов освобождает ее текст от церковной риторики (изымает молитвы

[1] *М*, лл. 91 об., 96.
[2] *М*, лл. 83 об.—84.
[3] *М*, л. 98 об.
[4] *М*, л. 53.
[5] *М*, лл. 71 об.—73.
[6] *М*, лл. 98 об.—99.

Анастасия) и от церковно-славянизмов в языке. Свободен от налета церковной книжности энергичный, близкий к деловой речи язык произведений Пересветова. Пожалуй, ни одному из писателей-публицистов середины XVI века не удалось так приблизиться к передаче живой разговорной речи, как это удалось И. С. Пересветову.

Тесная связь Пересветова с современной ему общественно-политической мыслью прослеживается не только в близости публициста к Матвею Башкину и другим вольнодумцам XVI века. Еще в конце XV века в кругу воинствующих церковников сложилась теория «Москва — третий Рим» [1]. Почти одновременно этой теории было противопоставлено Сказание о великих князьях владимирских. Его зарождение следует связать с созданием чина венчания Дмитрия-внука, а окончательное оформление с деятельностью близкого к нестяжателям кружка митрополита Варлаама [2]. В Сказании, идеи которого стали использоваться русским правительством в политических целях [3], Россия рассматривалась преемницей Византии не потому, что новгородский архиепископ получил якобы белый клобук от папы Сильвестра, а как следствие «происхождения» русских князей от Августа и приобретения Владимиром Мономахом царских регалий от византийского императора. Сказание служило целям укрепления Русского централизованного государства и получило особенно широкое распространение к середине XVI века.

И. С. Пересветов, творчески перерабатывая идейное содержание этого Сказания, стремился показать, что оплотом всего «христианства» после гибели Византии сделалось Русское государство, и тем самым содействовал укреплению его международных позиций.

Исследователи уже установили идейную близость к Пересветову автора Казанской истории, выдающейся историко-публицистической повести 60-х годов XVI века: «Беспощадная борьба с боярством, горячая защита централизации государ-

---

[1] См.: Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского государства. Труды ОДРЛ, т. VIII, М. — Л., 1951; Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клобуке, как памятник общественной публицистики XV века. Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953.

[2] См. список 40-годов XVI века; ГИМ, Чудовское собрание, № 264, лл. 730—732. (Далее помещено родословие литовских князей, составленное в конце XV века, и чин венчания Дмитрия-внука с припиской митрополита Варлаама). Сборник содержит материалы митрополичьего архива не позже конца XV века.

[3] См.: Р. П. Дмитриева. Сказание о Князьях Владимирских М.—Л., 1955, стр. 135 и след.

ственного аппарата и интересов дворянства — характерна для обоих публицистов»[1]. Общеизвестно сходство политических идей Пересветова и Ивана Грозного, хотя говорить о непосредственном влиянии Пересветова на публицистические послания Ивана Грозного, как это делают некоторые историки и литературоведы, не приходится.

Передовой мыслитель, И. С. Пересветов был вместе с тем талантливым писателем. С его именем связано развитие ряда жанров русской литературы. Пересветов придал исторической повести публицистическую заостренность. Герои Пересветова только носят исторические одежды, на самом же деле они взяты из окружающей публициста обстановки. Пересветов был первым, кто попытался создать новый жанр литературного произведения — жанр публицистической челобитной. Впоследствии такие челобитные стали распространенным явлением (см., например, пародийную Калязинскую челобитную).

Сочинения Пересветова сделались широко известными читателю в XVII веке и сразу же завоевали его симпатию: они переписывались в десятках списков, включались в популярные произведения (Хронограф 1617 года, Никоновская летопись). Этот интерес объясняется созвучием тематики сочинений Пересветова с проблемами, волновавшими русскую общественную мысль XVII века. Борьба за укрепление самодержавной власти, деятельность Ивана Грозного, отношение к грекам и южным славянам, агрессия крымско-турецких феодалов — вот вопросы, на которые русский читатель XVII века искал ответа в сочинениях И. С. Пересветова.

Интерес к творчеству этого публициста не ослабел и позднее. Для нас И. С. Пересветов — блестящий представитель передовой русской общественно-политической мысли и литературы XVI века, прогрессивный мыслитель-гуманист. Созданная им теория государственного суверенитета способствовала укреплению феодального базиса. Сочинения И. С. Пересветова занимают видное место среди произведений европейской политической мысли XVI века и являются одним из наглядных свидетельств того вклада, который внесли передовые русские писатели-публицисты в историю мировой общественной мысли.



---

[1] Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории», стр. 273—276.



ИВАН ПЕРЕСВЕТОВ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

Внимание историков древней русской литературы не раз останавливал на себе особый характер литературного развития XVI века. Литература этого времени идет по пути крупных «обобщающих литературных предприятий» (термин акад. А. С. Орлова), осуществляемых в государственном масштабе и имеющих целью централизацию всей русской культуры (Великие Четьи-Минеи митрополита Макария, Стоглав, Домострой, Лицевой свод Грозного и т. д.), а с другой стороны, отмечена сильнейшим подъемом публицистики.

Публицистическая мысль наполняет собой произведения любых литературных жанров этого периода, создает новые жанры, переходит пределы литературы, проникает в деловую письменность, выходит даже за грани самой письменности, оживляя собой произведения живописи и зодчества. Ее воздействие на историческую действительность прослеживается совершенно отчетливо. Публицистический задор заставляет браться за перо рядового монаха и митрополита, холопа и боярина, мелкого служилого дворянина и самого царя. Прогрессивная публицистика этого времени охватывает своими темами все стороны государственной деятельности, опережает реформы и диктует законы.

В чем причины этого усиленного развития публицистики? Исторические корни развития «обобщающих литературных предприятий» XVI века ясны. Они заключаются в государственной борьбе со всякими и всяческими остатками областной обособленности в культурной жизни страны. Это достаточно отчетливо выяснено уже в работах акад. А. С. Орлова [1]. Исторические корни особого развития публицистики в эпоху образования и укрепления Русского централизованного государства

---

[1] Акад. А. С. Орлов. Древняя русская литература XV—XVI вв. М.—Л., 1939, стр. 252 и сл.

значительно сложнее, разветвленнее, глубже уходят в социальную почву своего времени. Их труднее установить и невозможно свести к одной какой-либо задаче. В пору образования централизованного государства публицистика служила оружием в преобразовании жизни.

Классовое лицо публицистики XV—XVI веков определяется довольно четко. Это прежде всего публицистика феодального класса. Трудовой народ, крестьянство, почти не представлено в публицистике, если не считать высказываний Феодосия Косого — холопа по происхождению и еретика, проповедника социального равенства по убеждениям. Крестьянство не было в состоянии противопоставить феодалам идейно законченные письменные произведения. Идеология крестьянства отражалась прежде всего в устном народном творчестве: в сказках, былинах, исторических песнях, пословицах, поговорках, в лирических песнях и т. д. Главной формой идеологического протеста эксплуатируемых масс населения были ереси, яростно преследовавшиеся церковью, известные нам по преимуществу из письменных произведений их противников — представителей господствующей церкви. Религиозные формы идеологии были типичны для всех классов феодальной формации, а церковь была главной опорой господствующего феодального класса. Ф. Энгельс пишет: «Догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона» [1].

У трудового населения не было материальных возможностей для ведения идеологической борьбы в письменном виде. Публицистика отражала прежде всего идеологию господствующего класса. Она имела в основном два направления: с одной стороны, боролась с еретическими учениями эксплуатируемых, с другой — включалась во внутриклассовую борьбу феодалов.

И выступления Вассиана Патрикеева и выступления Ермолая-Еразма в защиту крестьян от слишком жестокой эксплуатации, против закабаления их (Вассиан Патрикеев) и против разорения их землемерами (Ермолай-Еразм) объяснялись, конечно, не их крестьянолюбием, а отстаиванием собственных классовых интересов. Это была борьба внутри класса феодалов за земли и за крестьян как источник материальных благ. Внутриклассовая борьба объяснялась в конечном счете классовыми причинами. На одной стороне находилось дворянство,

---

[1] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

на другой — боярство, но в обоих случаях борьба возбуждалась стремлением тех и других отвоевать себе возможно бóльшие земельные и «людские» богатства.

Из двух основных борющихся внутри феодального класса групп прогрессивным было, несомненно, дворянство. Дворянство в союзе с государственной властью выступало против реакционного боярства, против пережитков феодальной раздробленности.

Так, представители прогрессивной социальной среды — дворянские публицисты — нередко «бессознательно лицемерно» считали себя заступниками за общенародные интересы.

К служилому дворянству в известной мере может быть отнесено то, что говорили К. Маркс и Ф. Энгельс о прогрессивном классе.

«Класс, совершающий революцию, — уже по одному тому, что он противостоит (господствующему, — *Д. Л.*) *классу,* — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он представляется в качестве всей массы общества в противовес единственному господствующему классу. Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно более связан еще с общим интересом всех остальных, не господствующих классов, не успел еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса» [1].

Это положение характеризует не только борьбу классовую, но в известной мере и внутриклассовую, в которой также отражается классовая борьба, что достаточно ясно выступает в публицистических произведениях двух виднейших представителей дворянского направления — Ермолая-Еразма и Ивана Пересветова.

«Бессознательно лицемерное» стремление найти «вечные», разумные, логические, незыблемые основания в самой жизни, провозгласить общие принципы, которые устанавливали бы основы социальной справедливости, в широкой степени характерны и для проектов Ермолая-Еразма.

Ермолай-Еразм говорит об обязанности царя заботиться о благе своих подданных, исходя из воззрений на Русское государство, как на единственное православное государство во всем мире» [2].

Благо подданных Ермолай-Еразм понимает, опять-таки стремясь найти общие принципы его в самом мироздании.

---

[1] К. Маркс и Ф Энгельс. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 38.

[2] ЛЗАК, вып. 33, 1926, стр. 193.

В основе всего социального порядка находятся крестьяне, так как производимый ими хлеб — главный источник жизни. «В начале же всего потребни сут ратаеве; от их бо трудов ест хлеб . . .» [1]. Хлебом питаются все — от царя и до крестьянина; хлеб — свят, он возносится в таинстве евхаристии. Хлеб — основа благосостояния людей и государства. Следовательно, крестьяне, непосредственные производители хлеба, — центральный слой населения. И он называет крестьян несколько необычно и торжественно — «ратаи».

Ермолай-Еразм выступает против знатности. Неравенство может основываться только на неравном труде. Большой надел соответствует бóльшим обязанностям: «Аще ли же где будет поприще поприщу землею неравно, — ест бо тако и людие: суть во едином удобствии, сиречь равенстве, имут же некая отстояние, между себе суще неравна, — по человеку убо размотряй, и поприще разделяет лучшим лучешая» [2]. Дворянский характер этого внешне демократического принципа ясен. По существу, он обосновывает право на поместья и отрицает право на вотчины. Ермолай пишет про вельмож, что они «ни от коих же своих трудов довольствующиеся» [3], и противопоставляет им служилое дворянство, которое, по его мнению, несет службу не бездельно и за эту службу получает землю и крестьян. О награждении последних землей Ермолай-Еразм умалчивает.

Характеризуя политические взгляды Ермолая-Еразма, М. М. Богословский писал, что Ермолай-Еразм ставил целью своих реформ «общее благо подданных», что им владела мысль «о справедливом распределении государственного бремени между различными классами общества» [4]. Рассуждать так, значит повторять точку зрения самого Ермолая-Еразма, далеко не беспристрастную. В «Молении к царю» Ермолай-Еразм действительно заявлял, что он ставит себе целью достигнуть «благоугодия земли и умаления насильства».

Должна быть решительно отвергнута также точка зрения В. Ф. Ржиги и акад. А. С. Орлова на Ермолая-Еразма, как на защитника крестьянских интересов. Ермолай-Еразм не стремился к отмене классовой эксплуатации, к отмене крепостного права и феодальной собственности на землю.

---

[1] ЛЗАК, вып. 33, 1926, стр. 193.

[2] Там же, стр. 196.

[3] Там же, стр. 193.

[4] М. М. Богословский. Несколько слов об одном проекте реформ XVI в. «Древности». Труды Московского археологического общества, т. I, М., 1898, стр. 2—3.

Новейший исследователь творчества Ермолая-Еразма — Т. А. Колесникова [1] — считает, что Ермолай-Еразм «оказался намного дальновиднее своего класса», что он боялся крестьянских восстаний и хотел добиться «некоторого смягчения гнета» крепостной зависимости.

Дело здесь, однако, в другом: проект Ермолая-Еразма направлен на новое землеустройство, на передел земли. В проекте не остается места для боярского, вотчинного землевладения. Вся земля оказывается разделенной между служилыми людьми. Проект Ермолая-Еразма направлен не столько в защиту крестьянства, не на «некоторое смягчение гнета», чтобы отвести угрозу крестьянских восстаний, сколько против боярства.

Это последнее направление сочинений Ермолая-Еразма недостаточно выявлено в последней работе о нем Т. А. Колесниковой.

Ермолай-Еразм озабочен тем, чтобы эксплуатацию крестьянства передать из рук боярства целиком в руки дворянства. Защита интересов крестьянства носит «бессознательно лицемерный» характер [2].

Ермолай-Еразм никаких «уступок» в пользу крестьянства от дворянства не требует. Было бы странно, если бы идеолог поднимающегося дворянства, каким его впервые полно и убедительно показывает Т. А. Колесникова, в момент подъема этого дворянства предлагал ему сразу же делать уступки крестьянам. В сущности, дворяне ничего не теряли от реформ Ермолая, а наоборот, выигрывали. К ним отходила часть доходов с крестьян, шедших государству, и часть доходов купечества с крестьян. Ведь то положение Еразма, что крестьяне обязаны уплачивать оброк землевладельцу натурой, а не деньгами, было направлено против перекупщиков хлеба и ставило дворян на место этих перекупщиков.

В «Правительнице» Ермолая-Еразма основное — реформы, передающие всю эксплуатацию крестьян в руки дворянства. Его проекты прежде всего антибоярские. Перед нами реформатор, прогрессивный деятель, но прогрессивность его не идет, конечно, далее утверждения интересов дворянства.

Предложения Ермолая-Еразма шли в русле многочисленных других предложений, направленных на укрепление позиций дворянства против боярства.

---

[1] Т. А. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма. Труды ОДРЛ, т. IX, М. — Л., 1953, стр. 251—265.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 198.

Как представитель нового, поднимающегося сословия, заинтересованного в отмене старых привилегий, Иван Пересветов также выдвигает принцип равенства всех перед лицом государя. «Все есмя дети Адамовы» [1]. Он ставит в пример русскому царю турецкого салтана Магмета, который велел принести к себе «полныя и докладныя» книги и сжег их. Любимые паши Магмета — бывшие рабы, и ему «ведома нет, какова они отца дети» [2].

Как представитель служилого дворянства, выдвигаемого по личным заслугам, Иван Пересветов выступает против неравенства по рождению и за неравенство, создаваемое самим правительством, награждающим лучших. «Который воинник лют будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру християнскую стояти, — наставляет Пересветов, — ино таковым воинником имена возвышати и сердца им веселити, и жалованья им из казны своея государевы прибавливати; и иным воинникам сердца возвращати, и к собе их близко припущати, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем, и любить, аки отцу детей своих, и быти до них щедру» [3]. Магмет-салтан — идеал правителя у Пересветова — говорит своим воинам: «Братия, все есмя дети Адамовы: кто у меня верно служит и стоит люто против недруга, и тот у меня лучшей будет» [4].

Пересветов очень много говорит в своих сочинениях о «правде», т. е. о справедливости, но и здесь чувствуется идеология служилого дворянина. Справедливость — «правда» Пересветова — направлена главным образом на укрепление позиций служилого дворянства и против боярства. Острие «правды» Пересветова обращено против принципа родовитости. Как удачно выразился исследователь идеологии Пересветова А. Л. Сакетти, «правда» — это прежде всего «соответствие и соразмерность наград и наказаний, воздаяний и возмездий» [5]. Выдвижение начала личной заслуги вместо родового начала соответствовало классовому самосознанию служилого сословия.

Рассуждения Ивана Пересветова о «правде» (справедливости) напоминают встречающуюся в истории права постановку вопроса о «вечной справедливости», о которой Ф. Энгельс писал следующее: «Развитие права состоит лишь в стремлении

---

[1] *М*, л. 62 об.

[2] *М*, л. 62.

[3] *М*, лл. 89 об.—90.

[4] *М*, л. 62 об.

[5] А. Л. Сакетти. Политическая программа И. С. Пересветова. Вестник Московского Гос. университета, 1951, № 1, стр. 111.

все более и более приближать условия человеческой жизни, поскольку они находят юридическое выражение, к идеалу справедливости. . . А эта справедливость всегда представляет собою лишь идеологизированное, вознесенное в небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны. Справедливость греков и римлян находила справедливым рабство; справедливость буржуа 1789 г. требовала устранения феодализма, ибо он несправедлив. Для прусских юнкеров даже жалкий закон об округах является нарушением вечной справедливости. Представление о вечной справедливости изменяется, таким образом, не только в зависимости от времени и места: оно неодинаково даже у различных лиц и принадлежит к числу тех вещей, под которыми, как правильно замечает Мюльбергер, «каждый разумеет нечто другое» [1].

К числу общих принципов, выдвигаемых Пересветовым, под которыми каждый «разумел нечто другое», но которые под пером Пересветова означали явную защиту интересов дворянства, принадлежит и принцип свободы.

Пересветов выступает за свободу страны. Он пишет: «Которая страна порабощена, те люди не храбры». Против чьего же насильства выступает Пересветов? Из всего контекста его сочинений ясно: против насильства и притеснения «вельмож», бояр.

Вопрос о свободе возник в сочинениях Пересветова в связи с необходимостью заменить феодальное ополчение регулярным войском. Первое собиралось по принуждению, второе находилось на жаловании (денежное жалование, пожалование поместьем, натуральное довольствие). Иван Пересветов постоянно подчеркивает, что воевать надо за награду, а не по принуждению: «Воинника держати, как сокола чредити, и всегда ему сердце веселити» [2].

На примере двух наиболее ярких представителей дворянской публицистики XVI века — Ермолая-Еразма и Ивана Пересветова — отчетливо видно, что дворянские публицисты XVI века выступали «бессознательно лицемерно» в защиту «общенародных интересов», а на деле в защиту интересов дворянства. Принимая во внимание, что дворянство в XVI веке было прогрессивной частью феодального класса, нужно отметить, что и идеи, им выдвигаемые, были идеями прогрессивными и в какой-то мере отвечали интересам народа. Дво-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 71.

[2] *М*, л. 89 об.

рянство выступает реформатором государственной жизни, выступает с новыми идеями, борется со старым, стремится к укреплению централизованного государства, способствует прогрессу общественной мысли и литературы.

В противоположность дворянским публицистам, высказывавшим новые идеи, несшим в своих сочинениях стройное и действенное мировоззрение, представители боярской идеологии слабо аргументируют, цепляются за авторитет старины, обращаются по преимуществу к общеморальной аргументации. В этом сказывалась слабость и обреченность боярской идеологии. Вместе с тем боярство не просто упорствует в своем нежелании признавать новое, а принимает некоторые из идей своих противников, идеи, ставшие бесспорными, вошедшие в действительность, но стремится истолковать их по-своему.

С общеморальных позиций Федор Карпов протестует против «терпения», т. е. безусловного подчинения подданных царской власти. Он утверждает, что «терпение» приводит к неограниченному произволу властителей, что покорность развращает власти, и постоянно сетует на современность, на безнравственность современного ему общества. Мировоззрение Федора Карпова пессимистично. Его идеал — покой, и он ищет этот покой в потустороннем мире.

В конце послания Федор Карпов пишет об обетованной земле живых, о рае, в котором «часы не начинают дней, всхода и захода не имеют, годового предела не стяжут, старость младенчества не пременяет, немощь здравия не озлобляет, смерть живота не скончевает, времена несчастия тамо не чаются, тамо вся красна, ничто не благо, вся добра, ничто спротивно, несть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бес конца тихий покой, никоего нерозумна, но всевечна премудрость» [1].

С позиций идеолога боярства обличал современные ему нравы и Максим Грек. Он выступает против «страсти иудейского сребролюбия и лихоимения», против грабежей имений, обид вдов и сирот, против роскоши, взяточничества и т. п.: «Всюду разбойники и душегубцы, воры и грабители, жестокие притеснители» [2].

Боярство стремилось сохранить старое. В призыве к этому и заключалась главным образом идеология боярства. К числу недовольных бояр принадлежал Иван Берсень, заявлявший Максиму Греку: «Ведаешь и сам, которая земля переставливает обычьи свои, и та земля недолго стоит, а здесь у нас

---

[1] ЛЗАК, вып. 21, 1908, стр. 112—113.
[2] Максим Грек, Сочинения, т. I, 1910, стр. 131.

старые обычьи князь велики переменил; ино на нас которого добра чаяти?»[1].

О необходимости соблюдать отеческие обычаи постоянно говорит и А. Курбский. Он приводит в подтверждение выдержку из Цицерона: «Который есть град (государство, — *Д. Л.*)? Всяко ли сошествие лютых и нечеловеколюбных? Всяко ли лотров и бегунов собрание на едино место множество? Заисте прети будешь. Ибо не был он в то время град, егда законы в нем ничесо же возмогали; егда суды попраны; егда обычай отеческий загашен был»[2].

Было бы неточно сказать, что Курбский до конца последовательный защитник старины, что он мечтал о полном восстановлении порядков феодальной раздробленности. При всем своем противодействии прогрессивной деятельности Грозного, мечтать о полном восстановлении старины Курбский уже не мог. Он не мог выдвигать лозунг децентрализации. Преимущества централизованного государства были слишком явными даже для такого представителя боярского эгоизма, как Курбский. Поэтому он стремился не к разделению государства на отдельные княжества, а только к ослаблению единодержавной, объединяющей власти царя. Идеал Курбского — разделение власти между царем и боярством. Это был явный компромисс между старым и новым, — компромисс, на который должны были итти самые реакционные круги боярства под всепобеждающим давлением исторического поступательного движения.

Против Грозного Курбский выдвигает главным образом моральные аргументы. Главная политическая тема его сочинений — изображение «тирании Грозного». Он упрекает Грозного в жестокости, несправедливости, называет его мучителем, варварским и нерассудным царем. Личные качества царя — вот причина всех зол.

Два послания представителя боярской идеологии Сильвестра также характерны именно тем, что в них в сущности не противостоит новой дворянской идеологии ничего стройного и цельного. Аргументы Сильвестра также в основном «моральные». Он обличает современные ему нравы. Он настроен пессимистически и в непривычном новом видит лишь ослабление нравов. Нравы своего времени он склонен оценивать очень низко: «Восста убо на нас ненависть, и гордость, и вражда, и маловерие к богу, и лихоимство, и грабление, и насилие, и лжа, и клевета, и лукавое умышление на всяко зло, паче же

[1] Отрывок следственного дела о Иване Берсене. ААЭ, т. I, № 172, стр. 142.

[2] Сочинения князя Курбского. РИБ, т. XXI, вып. 1, 1914, стр. 143.

всего блуд и любодеяние, и прелюбодеяние, и содомский грех, и всякая скверна, и нечистота»[1]. В духе идей нового времени Сильвестр считает ответственным за такое попустительство правительство. Понятия, связанные с образованием централизованного государства, проникают, следовательно, и в реакционную среду и здесь получают реакционную трактовку. Следуя идеям века, Сильвестр говорит о божественном происхождении царской власти. Государь — это «глава всем людям своим, избран божиею благодатию»[2]. Однако даже обращаясь к царю, Сильвестр в завуалированной форме говорит о необходимости ограничения власти государя.

Таким образом, творческое, действенное начало в развитии публицистики принадлежало не старому боярству, — оно принадлежало молодому служилому дворянству. Дворянство вводило новые темы, новые идеи, в какой-то мере отвечавшие общенародным интересам, способствовавшие развитию общества, оно развивало художественную форму публицистических произведений. Боярство же оборонялось. Оно выдвигало против нового главным образом моральные аргументы, апеллировало к старине и, вынужденное принять некоторые новые идеи. стремилось обезвредить их или обернуть против своих противников.

Публицистическая деятельность боярства активизировалась в XVI веке — это несомненно. Но возбуждение это было ответным; оно вызывалось деятельностью дворянства, его публицистическими выступлениями. Следовательно, в публицистике XVI века из двух борющихся групп — дворянства и боярства — только дворянству принадлежала ведущая роль, именно оно заняло видное место в развитии публицистической мысли, и это чрезвычайно важно учитывать, изучая творчество дворянского публициста Ивана Пересветова.

В XVI веке начинает отходить в прошлое теологическая точка зрения на человеческое общество. «Законы божественные» еще сохраняют свою авторитетность, но наряду с ссылками на священное писание появляются ссылки на законы природы. Проекты Ермолая-Еразма основаны на представлении о том, что хлеб — основа жизни хозяйственной, общественной и духовной. На естественный порядок вещей в природе, как на

[1] Д. В. Голохвастов и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. Чтения ОИДР, 1874, кн. 1, отд. 1, стр. 72.

[2] Там же, стр. 73.

образец для подражания людям в их общественной и государственной жизни, ссылается ряд писателей XVI века. Иван Пересветов почти не пользуется уже в своих писаниях богословскими аргументами.

Авторитарность средневекового мышления продолжала еще требовать в это время какого-то авторитета, незыблемости. В «вечных законах природы» находил себе опору и дедуктивный способ мышления.

Таким образом, обращение к примеру природы не было заимствованием с Запада учения об «естественном праве», как думали некоторые исследователи, а являлось естественным следствием первых трещин, появившихся в богословском мировоззрении средневековья.

Ф. Энгельс следующим образом характеризует развитие светского начала в умственной жизни Германии XVI века: «Духовенство, являвшееся представителем идеологии средневекового феодализма, не менее чувствовало на себе влияние исторического перелома. Изобретение книгопечатания и потребности все более расширяющейся торговли лишили его монополии не только на чтение и письмо, но и на высшее образование. Разделение труда наступило и в интеллектуальной области. Вновь образовавшееся сословие юристов вытеснило духовенство из ряда влиятельных должностей. Оно также начало становиться в значительной степени лишним, само подтверждая это своею все возрастающей леностью и невежеством. Но, чем более оно делалось лишним, тем многочисленнее становилось оно благодаря своим огромным богатствам, которые оно непрерывно увеличивало всевозможными средствами» [1].

В России «разделение труда», наступившее в области публицистики, в значительной мере было обусловлено разделением политических интересов крупного духовенства и дворянства. Служилое дворянство не могло уже довольствоваться политическими сочинениями идеологов церкви и вынуждено было выставлять собственных публицистов из своей среды. Общая секуляризация умственной жизни замечается и в том, что господство церковных писателей приблизительно со второй четверти XVI века начинает явно ослабевать. В конце XV века главные публицисты — митрополиты Феодосий и Филипп, архиепископы Вассиан Рыло и Геннадий и т. д.; позднее, наряду с Максимом Греком, — Федор Карпов, а затем Иван Пересветов, Ермолай-Еразм (не иерарх церкви, а рядовой представитель духовенства), и т. д.

[1] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 120.

Идеологов из своей среды выдвигает и боярство, хотя именно эта среда дольше всего будет опираться на церковных писателей.

Выдвижение светских публицистов будет отчетливо видно особенно в начале XVII века. Внутриклассовая борьба в среде феодалов сделает невозможным тот старый порядок, при котором идеология феодального класса отражалась по преимуществу в сочинениях церковных писателей. Идеология феодального класса в XVI веке в значительной мере лишена единства. По-различному представленная в различных социальных группах, она требовала и различных писателей, выдвигаемых в основном этими же группами.

«Разделение труда» между духовенством, старым вотчинным боярством и новым служилым дворянством явилось основой той общей секуляризации публицистики, которая в основном осуществлялась в XVI веке поднимающимся дворянством.

Церковная среда отнюдь не была едина. В ней находили своих идеологов различные социальные группы. «Разделение труда» упразднило эту монополию церкви в области публицистики и позволило различным социальным группам выставить собственных светских идеологов. К числу этих непосредственных идеологов дворянства из среды самого дворянства принадлежал и Иван Пересветов.

* *

Публицистика в конце XV—XVI века не только отражала классовую и внутриклассовую борьбу своего времени: она была сама частью этой борьбы. Публицистические произведения играли активную роль в проведении различных мероприятий государственной власти. Это в первую очередь относится к публицистике дворянской, прогрессивной.

Излюбленная у дворянских публицистов форма челобитных (челобитные Пересветова, Моление к царю Ермолая-Еразма) отнюдь не случайна. Она явилась результатом стремления не только высказать свои взгляды, но и изменить порядок вещей, опираясь на государственную власть. Она свидетельствует о самом сильном желании их авторов вмешаться в жизнь. О стремлении активно воздействовать на жизнь свидетельствуют также и Стоглав и Домострой.

Многие темы русской публицистики XVI века являлись одновременно и темами государственных мероприятий. Взяточничество и другие злоупотребления властей были злобой дня. Против них восстает Пересветов, и против них принимает

меры в своем Судебнике Иван Грозный[1]. Вопросы землемерия рассматривает Ермолай-Еразм в своей «Правительнице», и они же практически решаются правительством Грозного при введении «большой сохи». О новой организации войска говорят Пересветов и Ермолай-Еразм. Ее же осуществляет государство. Одни и те же вопросы трактуют публицистические произведения и иммунитетные грамоты, «челобитные» публицистов и реальные челобитные.

Публицистика и действительность развиваются рука об руку. Круг государственных вопросов и круг вопросов публицистической мысли поразительно близки. Писатель и государственный человек откликаются на одни и те же темы. Писатель пишет для царя, а царь сам становится писателем. В творчестве Ивана Грозного невозможно отделить писателя от государственного деятеля. Его послания и речи, исполненные личных чувств, острые по форме, порой лишенные всякой официальности, — государственные акты. Его слово стремится убедить, разбить аргументы противника и вместе с тем является приказанием, законом. Он убеждает и распоряжается, преобразует и пропагандирует. Его единомышленники — публицисты — советуют и предлагают реформы. Они ждут не ответов, а действий.

Пафос преобразования общества сочетается в дворянской публицистике с идеей ответственности государя перед своими подданными за их благосостояние.

В. И. Ленин писал, что вопрос о государстве «затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-либо другой вопрос . . .». И далее: «В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите . . . борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства»[2].

Публицисты конца XV—XVI веков ожидали преобразований общества прежде всего от государя. Вот почему со своими проектами они обращаются прежде всего к московскому государю. К нему обращается и Вассиан Рыло, и Иосиф Волоцкий, и Иван Пересветов, и Ермолай-Еразм. Каждый из этих публицистов ждал именно от государя практического ответа на свои челобитные, послания, сказания и различные проекты. Они исходили при этом из идеи моральной ответственности государя за своих подданных. В той или иной мере (хотя и в очень

[1] Чтения ОИДР, 1908, кн. 1, стр. 47.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 435.

незначительной) эта идея моральной ответственности присутствовала и во многих сочинениях церковных писателей периода феодальной раздробленности, однако только с образованием централизованного государства она приобрела исключительно важное значение.

Архиепископ новгородский Феодосий пишет государю между 1547 и 1551 годом о непорядках в Новгороде: «Кроме тобя, государя, того душевного вреду и треволнения внешнего уставити некому» [1]. И далее: «Якоже кормчий бдит всегда, тако и царский многоочитый твой ум содержит твердо доброго закона правило, иссушая крепко беззакониа потокы, да корабль всемирныя жизни не погрязнет волнами смущения» [2].

Иосиф Волоцкий считал, что государь должен «все обладаемое от треволнения спасати и соблюдати, и от нужа и скорби и от бед избавляти» [3]. Митрополит Даниил полагал, что государь должен «снискати яже ко благополучию всех сущих под ним (разрядка моя, — *Д. Л.*)» [4].

Та же идея ответственности царя не только за правоверие в своем государстве, но и за материальное благополучие своих подданных пронизывает собой и сочинения Ивана Пересветова, и сочинения Ермолая-Еразма. Последний сравнивает ответственность царя «за всю землю» с ответственностью каждого человека за свой дом.

И. У. Будовниц в своей книге «Русская публицистика XVI в.» высказывает мысль, что идея ответственности царской власти равнялась идее ее ограниченности, что это была идея боярская [5]. Действительно, об ответственности царской власти перед своими подданными постоянно говорят и боярские писатели (Максим Грек, А. Курбский и др.), однако «ответственность» их другая. Итак, идея ответственности царской власти «носилась в воздухе». Централизация власти была фактом, который и обусловил собой появление этой идеи, однако понималась она совершенно по-разному.

Идею ответственности царской власти находим мы и у Грозного. Грозный стремился к установлению неограниченной монархии, но монархии целенаправленной и ответственной. Эта ответственность царя не имеет политической организации;

---

[1] ДАИ, т. 1, № 41.

[2] Там же.

[3] Там же, № 216. (Послание к дмитровскому князю Юрию Ивановичу).

[4] Слово к благохотящим царям: см.: В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, Приложение, стр. 70.

[5] И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 198.

эта ответственность моральная. Иное у противников Грозного. Боярские писатели сочетают идею ответственности царской власти с необходимостью царю слушать мудрых советников.

Идея ответственности касалась не только царской власти. Она пронизывала собой всю деятельность государства. В Судебнике 1550 года впервые устанавливалась ответственность судей за нарушение законов [1].

Ожидание преобразований общества заставляло дворянских публицистов обращаться с проектами реформ, требовать их у государственной власти. Челобитные Ивана Пересветова и в этом отношении типичное явление дворянской публицистики.

Развитие публицистики в XVI веке связано с верой в силу убеждения, в силу книжного слова. Никогда так много не спорят в древней Руси, как в конце XV—XVI веке. Развитие публицистики идет на гребне общего подъема веры в разум, в возможность улучшить общество и государство доводами рассудка.

Эта вера в разум, в силу убеждения очень характерна для поднимающейся прогрессивной социальной группы — служилого дворянства. Она составляет характерную черту публицистики эпохи образования и укрепления централизованного государства и вместе с тем ту внутреннюю ее основу, которая позволяла спорить, убеждать, побуждала браться за перо, составлять проекты и предлагать реформы.

О значении книжного слова неоднократно пишет в своих сочинениях Иван Пересветов. В Сказании о царе Константине Пересветов считает, что основной причиной неудач Константина было то, что вельможи его — «ленивыя богатины» — дали ему прочесть неправильные книги, в которых проводилась мысль, что царь не должен ходить войной «на иноплеменническую землю», «царь книги причел, да укротел» [2].

С другой стороны, успехи султана Магмета Иван Пересветов объясняет опять-таки влиянием книг — на этот раз правильных и мудрых: «Царь турской Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турецким, а се греческия книги прочел, и написав слово в слово по-турски, ино великия мудрости прибыло у царя» [3]. Рассказав о той «правде», кото-

---

[1] Судебники XV—XVI веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 141 и сл.

[2] *М*, л. 73.

[3] *М*, л. 53.

рую ввел Магмет в своем царстве, Пересветов заключает: «А ту мудрость царь снял з греческих книг, образец — таковым было греком быти» [1]; «А то царь Махмет списал со християнских книг ту мудрость» [2]. «Магмет списал с християнских книг ту мудрость и праведный суд» [3]. «А все то Магмет-салтан, турской царь, снял образец жития света сего со християнских книг» [4].

Пересветов придает исключительное значение «речам» волошского воеводы Петра. Он стремится пересказать их царю; сообщает ему то, что пишут о нем в Литве «философи и дохтуры латынския» [5]. Наконец, в особом Сказании о книгах Иван Пересветов рассказывает, как Магмет-салтан повелел у константинопольского патриарха Анастасия взять и перевести на турецкий язык христианские книги, с которых затем «снял образец жития сего».

Вера в возможность установить социальную справедливость с помощью убеждения и доброй воли законодателя отличает и сочинения Ермолая-Еразма. Ермолай-Еразм предназначил свои сочинения для государя. К государю обращена его «Правительница» и «Моление к царю». По представлениям XVI века, стоит лишь убедить монарха в правильности тех или иных взглядов и все совершится легко и гладко. Значит, цель всех сочинений — убедить царя.

В связи с этой верой в силу личного убеждения следует поставить одинаковое желание и Ивана Пересветова, и Ермолая-Еразма, чтобы царь лично прочел их писание. Об этом Пересветов просит царя в первой своей челобитной; об этом же просит Грозного Ермолай-Еразм в своем «Молении к царю».

Вера в силу слова книжного и устного была характерна не только для представителей дворянской публицистики. Однако и эта вера имела свои оттенки. Представители церкви, обращавшиеся к государю со своими посланиями, твердо надеялись в основном не только на силу своих аргументов (как Пересветов и Ермолай-Еразм), но и на авторитет церкви. Митрополит Даниил самое свое слово считал данным ему богом: «даде нам господь бог от слова помощь» [6]. Представители боярства редко предназначают свои сочинения для царя. Они излагали свои

---

[1] *М*, л. 57.
[2] *П I*, л. 77.
[3] *М*, л. 63 об.
[4] *М*, л. 53.
[5] *М*, л. 65 об.
[6] В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения, стр. 285.

взгляды не только для того, чтобы кого-то убедить, но и чтобы сделать свое негодование достоянием окружающих. Вассиан Косой говорил, что его называли «дерзким языком»[1]. Он жаловался, изливал свои недовольства. «Что убо безмерно или съпротивно святым писаниям сътворю, аще о сицевых беседую с боголюбивыми князи, плачяся и рыдая церковное нестроение (разрядка моя, — *Д. Л.*)»[2].

Вера в «книги» была присуща и оппозиционному кружку, собиравшемуся вокруг Максима Грека. Участник кружка Берсень-Беклемишев спрашивал Максима «как устроити государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити». Максим отвечал ему: «у вас книги и правила есть, можете устроится (разрядка моя, — *Д. Л.*)»[3].

Мировоззрение дворянских публицистов проникнуто максимально действенным началом. Это сказывается не только в призывах к царю и воинству «с коня не сседати», «на иноплеменники ходити воевати», в призывах к коренным социальным и государственным преобразованиям, но и в общефилософских посылках всей их публицистической деятельности. В этом отношении особенное значение имеет учение Ивана Пересветова о первенстве «правды» над «верою». «Правда» — это исполнение веры, это практика, действительность, устроенная руками людей — волей государя. Одной веры, по представлениям Пересветова, недостаточно. Необходимо воплощение этой веры в «правде». Без «правды» вера не нужна. «Коли правды нет, то и всего нет»[4]; «правда богу сердечная радость»[5]; «бог не веру любит — правду»[6]; «бог любит правду лутчи всего»[7], и т. д. Следовательно, только практическое осуществление добра имеет ценность.

Идя по этому пути признания первенства практики над «верою», Иван Пересветов дошел до крайних границ отрицания «веры». Он высказывает чрезвычайно смелую мысль о том, что православные греки, которые «евангелие чли, а иные слушали,

---

[1] Полемические сочинения князя-инока Вассиана Патрикеева. Православный собеседник, 1863, октябрь, стр. 182.
[2] Там же, стр. 197.
[3] Отрывок следственного дела о Иване Берсене. ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141.
[4] *М*, л. 91 об.
[5] *М*, л. 65.
[6] *М*, л. 96.
[7] *М*, л. 57.

а воли божия не творили» [1], оказались менее угодны богу, чем магометане турки, которые хотя и не имели истинной веры, но «правду» осуществляли.

С изящной смелостью формулируя свои мысли, Иван Пересветов заявляет о русском царстве: «Естьли к той истинной вере християнской да правда турская, ино бы с ними аггели беседовали» [2]. Бог отдал греческое царство в руки магометан за то, что власть императора оказалась ограниченной в нем вельможами, за то, что вельможи творили неправый суд, томили народ рабством. Обленивевшие вельможи своею леностью «богу лжут и государю». Отсюда требования Ивана Пересветова самой сильной, самой неограниченной, самой деятельной власти: «Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям» [3].

Чтобы ввести в царстве своем «правду», нужна «гроза»; государь должен быть грозен для своих подданных. Без грозы «правды в царство не мочно ввести. Правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Как конь под царем без узды, так и царство без грозы» [4].

Таким образом, максимальная собранность всех сил государства для введения «правды», наибольшая активность, отрицание «веры» без «правды», неуклонное до беспощадности проведение в жизнь всех мероприятий государственной власти — таково деятельное мировоззрение этого представителя поднимающегося сословия — дворянства, заинтересованного в реформах, во внедрении нового и в искоренении старых порядков феодальной раздробленности.

Всячески стремясь подчеркнуть необходимость активного отношения к жизни, Пересветов практически выступает против церковного провиденциализма. Не бог, но сам человек творит свою судьбу, а бог только «помогает» тем, кто стремится ввести в жизнь «правду»: «Бог помогает не ленивым, но кто труды приимает и бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведен суд судит: правда богу сердечна радость, а царю великая мудрость» [5].

Мировоззрение дворянских публицистов проникнуто духом реформаторства, стремлением активно преобразовать общество,

[1] *М*, л. 96.
[2] *М*, л. 65 об.
[3] *М*, лл. 71 об.—72.
[4] *М*, л 55 об.
[5] *М*, л. 84 об.

призывом к вмешательству в жизнь. Оно действенно, оптимистично. Это мировоззрение поднимающегося, прогрессивного слоя феодального класса.

Развитие публицистики находится в тесной связи с этой чертой дворянской идеологии: публицистика — наиболее активная, наиболее действенная часть литературы. Она требует немедленного вмешательства в жизнь, немедленного ее исправления. Публицистика XVI века с ее челобитными и проектами была наиболее действенной формой литературы. Она не только поучала и убеждала, — она порой приказывала, распоряжалась (послания Ивана Грозного, послания митрополитов), вносила разработанные до мелочей деловые проекты (Ермолай-Еразм и Иван Пересветов).

Существенное место в публицистике XVI века занимает вопрос об организации вооруженных сил Русского государства. Авторы публицистических произведений связывают свои предложения социальных реформ с необходимостью укрепить русское войско, реорганизовать его. Авторы аргументируют необходимость этих реформ тем, что они сделают русское войско более мощным, позволят быстрее созывать ратников во время военной опасности и т. д. Образование централизованных государств на востоке Европы было ускорено интересами обороны. Следовательно, интересы обороны диктовали многие государственные реформы. Важное наблюдение по этому поводу находим мы в книге К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства»: «Войны с Казанским и Крымским ханствами, войны со Швецией, Ливонским орденом, Литвой и Польшей держали в постоянной боевой готовности всю военную систему Руси и были одним из главных источников огромного материального напряжения, которое при феодальном хозяйстве всей тяжестью ложилось на крестьянское и посадское население. Не учитывать влияния внешнеполитической обстановки на внутреннюю политику Ивана III или Ивана Грозного так же нельзя, как нельзя отрывать преобразовательную деятельность Петра Великого от Северной войны, хотя в обоих случаях основными факторами являлись закономерности внутреннего социально-экономического и политического развития. Так, крупные реформы Ивана III, усилившие централизованную систему государственной власти, были проведены в девяностых годах XV века, перед войной с Александром Казимировичем и Ливонским орденом 1500—1503 гг., а еще более значительные реформы пятидесятых годов XVI в.,

направленные против пережитков феодальной раздробленности, непосредственно предшествовали Ливонской войне» [1].

Как рассказывает о себе сам Иван Пересветов в своей Малой челобитной, он выехал в Россию из-за границы «на царское имя» и вывез с собой образец гусарского щита, который хотел распространить в русском войске. Щит был одобрен и через боярина Михаила Юрьевича Захарьина Пересветов получил крупный заказ на такие же щиты. «И Михайло Юрьевич, образца посмотрил, и тобе, государю, службы мою похвалил, и обо мне тобе, государю, печаловался. Делати было мне, государь, щиты гусарьския добраго мужа косая сажень, с клеем и с кожею сырицею, с красками и с рожны железными; а те, государь, щиты, с макидонскаго образца. А делати их в ветляном древе лехко добре и крепко: един человек с щитом, где хощет, туды течет и на коне мчит. И в поле те щиты заборона место: стрела из ближния цели неймет, а пищаль и з дальние цели неймет ручная; из-за тех щитов в поле с недругом добро битися огненою стрелбою из пищалей и из затинных, как з города. И приказал был еси, государь, Михайлу Юрьевичю дати мне плотников к тому делу и иных мастеров, которые мне надобеть, к тому делу. Да из-за тех же, государь, щитов, на Волге, где не похощет недруг воинством своим берега дати, ино мочно у него твоим воинником из-за тех щитов берег взяти» [2].

Эти сведения о себе Ивана Пересветова, сообщаемые им в Малой челобитной, чрезвычайно существенны для понимания его публицистической деятельности. Иван Пересветов был военным. Он заботился об укреплении военного могущества Русского государства в первую очередь. История с гусарскими щитами очень показательна. Иван Пересветов как писатель делал то же, что он делал как профессионал-военный: он и делом, и словом стремился к реорганизации русского войска. Его вооружение он пытался улучшить, создавая производство нового типа щитов; его организацию он пытался улучшить, предлагая ряд реформ в своих публицистических сочинениях.

Свою практическую и публицистическую деятельность объединял сам Пересветов. Заканчивая свою Большую челобитную, Пересветов подчеркивал, что приехал он служить царю «теми речми и з делы воинскими» [3] потому, что услышал, что

---

[1] К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 16.

[2] *М*, л. 67—67 об.

[3] *М*, л. 100.

русский царь имеет от бога мудрое прирожение и счастливое к воинству»[1]. Ради этого Пересветов «оставил службы богатыя и безкручинныя». Публицистические сочинения Ивана Пересветова далеко перешагнули основную волновавшую его тему устройства русского воинства и имели гораздо более широкое значение, но об исходной теме всей деловой и публицистической деятельности Ивана Пересветова не следует забывать.

Забота о военных силах Русского государства не раз сказывается в его сочинениях. О «воинской мудрости» царя, раньше, чем об «упраecon в царстве своем» и «уставе жития царского» говорит Иван Пересветов в Большой челобитной[2]. Богатство и вельможи ослабляют воинов. «Хотя и богатырь обогатеет и он обленивеет: богатый любит упокой»[3]. Мысль эту Пересветов повторяет дважды, настойчиво подчеркивая, что вельможи плохие воины. Он приводит в пример греческое царство, где вельможи царством «обладали, изменили и царство измытарили всякими неправыми суды», собирали богатства «от слез и крови христианской», а сами «обленивели за веру христианскую стоять», царя отвлекли от военных дел и тем погубили страну. Он советует царю приближать к себе тех воинов, которые люто могут «против недруга играти смертною игрою»[4], возвышать их имена, раздавать награды, выслушивать их жалобы и любить их как отцу детей. Пересветов предлагает огнем жечь и иными «лютыми смертями» истреблять тех, кто отвращает царя от его воинских дел. «А царю без воинства не мочно быти, — говорит Пересветов: — аггели божии небесныя силы, и те ни на един час пламеннаго оружия из рук своих не опущают, стрегут рода человеческаго от всякия пакости от Адама и до сего часа, да и те службою своею не скучают. А царю как без воинства быти? Воинником царь силен и славен. Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на царстве своем, а до воинников быти ему аки отцу до детей своих щедру. Что царьская щедрость до воинников, то его и мудрость; щедрая рука николи же не оскужается и славу себе велику собирает»[5].

Пересветов не только предлагает русскому царю укрепить свое воинство, но и поощряет его к завоеванию Казанского царства. Он передает слова, сказанные Петром, волошским

[1] *М*, л. 100.
[2] *М*, л. 84.
[3] *М*, л. 86 об.
[4] *П I*, л. 76 об.
[5] *М*, л. 93 об.

воеводой: «Да тому велми дивуемся, что таковая землица не велика, велми угодна, у таковаго великаго, у силнаго царя под пазухою, а в недружбе, а он ей долго терпит и кручину от них великую приимает» [1].

Те или иные наставления в «воинской мудрости» заключают в себе и Сказание о царе Константине, и Сказание о Магмете-салтане, и Предсказание философов и докторов, и Малая челобитная, и Сказание о книгах. В сущности, проекты Пересветова можно рассматривать как проекты воинских реформ в первую очередь.

Эти воинские реформы мыслятся им с необычной для своего времени широтой, как реформы всего государственного и социального строя, исходящие из интересов и идеологии дворянства.

Стремлением к укреплению армии отмечена и «Правительница» Ермолая-Еразма.

Он предлагает регламентировать ратные повинности помещиков количеством отводимой им земли. С каждого «четверогранного поприща» выходит на военную службу сам помещик и его слуга в бронях. Помещик и слуга живут в городе, чтобы в случае нужды немедленно явиться по призыву. И самые размеры «четверогранного поприща», устанавливаемые Ермолаем-Еразмом, и повинности крестьян в отношении помещиков определяются в известной мере этой воинской организацией.

Итак, реформы, предлагаемые Иваном Пересветовым и Ермолаем-Еразмом, в основе своей имеют интересы обороны. Это многознаменательно. Причины, ускорившие образование Русского централизованного государства, способствовали и развитию публицистики. В свою очередь, дворянская публицистика XVI века служит делу создания и укрепления централизованного государства.

*

Развитие публицистической мысли вызвало появление новых форм литературы. XVI век отмечен сложными и разносторонними исканиями в области художественной формы, в области жанров. Устойчивость жанров нарушена. В литературу проникают деловые формы, а в деловую письменность — элементы художественности. Мы видим уже, что темы публицистики XVI века — темы живой, конкретной политической борьбы. Многие из тем, прежде чем проникнуть в публици-

[1] *М*, л. 98.

стику, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся формами публицистики.

В публицистике XVI века часто трудно решить — где кончается публицистика и начинается деловая письменность. Трудно решить: в деловую ли письменность проникают элементы художественности или в полемической литературе используются формы деловой письменности. Замечателен, например, Стоглав. В «Деяния» Стоглавого собора внесена сильная художественная струя. Стоглав — факт литературы в той же мере как и факт деловой письменности.

Великие Четьи-Минеи митрополита Макария называют «энциклопедией» всех читавшихся на Руси книг [1], но эта энциклопедия художественно обработана. В нее внесена сильная публицистическая, злободневная струя, до сих пор мало еще учтенная в науке.

Художественность настойчиво проникает в летопись, в историческое повествование. Назидательное, публицистическое начало преобразуют летопись в Степенную книгу. Назидание, публицистика перевешивают стремление к соблюдению исторической правды. Выдумка входит сильнейшим элементом в Степенную книгу, в Летописец начала царства, в Казанскую историю и в Лицевой свод Грозного. В уста исторических героев вкладываются измышленные речи (речи Грозного, Анастасии, Макария в Летописце начала царства).

В летопись проникает полемика — в Псковскую [2], в Новгородскую [3], в Ростовскую [4] и т. д.

Публицистика широко обращается к формам устной, ораторской речи.

В этой связи следует подчеркнуть особенное развитие в публицистике таких старых жанров церковной литературы, как проповеди, слова, поучения. Естественно, что ими в первую очередь пользуются политические деятели церкви (Вассиан Рыло, Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил и многие другие). Развивается и диалог, — форма, удобная для ведения полемики. В форме диалога написано «Того же инока пустынника Васиана (Вассиана Косого, — *Д. Л.*) на Иосифа, игумена Волоцкого, собрание от святых правил и от многих

[1] Акад. А. С. Орлов. Древняя русская литература XV—XVI вв., стр. 253 и сл.

[2] Псковская I летопись под 1510 годом.

[3] См. «Словеса избрана» в Новгородской IV летописи под 1471 годом.

[4] См. Ермолинскую летопись под 1462—1463 годами.

книг собрано, и на его ученики, и различные меж собя ответы от книг»[1]. Диалог в этом произведении ведется между автором (Вассианом Косым) и Иосифом Волоцким.

Многие приемы церковной литературы используются в литературе светской и частично изменяют свой характер. Так, например, широкое развитие в публицистике XVI века приобретает аллегория, в прошлом теснейшим образом связанная с традиционной церковной символикой. В публицистической литературе XVI века аллегория используется очень часто, но характер ее целиком светский. Аллегория встречается в Повести о Псковском взятии, читающейся в Псковской первой летописи под 1510 г.

В форме аллегории написана «Повесть некоего боголюбивого мужа»[2]. Здесь интересно то, что историческая сторона повествования затушевана, на первое место выдвинута назидательная. Между тем, в предшествующее время, в XI—XV веках, на первом месте всегда стояла историческая сторона, назидательная же была дополнительной. В повести действует «некий благоверный, боголюбивый и милостивый царь (разрядка моя, — *Д. Л.*)». Имена действующих лиц отсутствуют, чем облегчается возможность различных применений этой повести к современности.

Характерно, что освобождение аллегории от церковности было связано в этой повести с обращением ее к сказочности. На месте церковной аллегории появлялась аллегория, пользовавшаяся сказочными формами.

Аналогично и в других областях: отход от церковности был обычно связан не только с внесением в литературное произведение светского начала, но и с использованием элементов народного творчества. Так, например, в учительной церковной литературе было обычным прибегать к авторитету церковных писателей, вводить из них отдельные изречения, сентенции.

Авторитарность средневекового мировоззрения требовала и в светских сочинениях обращения к авторитету изречений. Эти изречения и давались в светских полемических произведениях, но они были лишены авторства. Они составляются как пословицы, подражают пословицам.

Один из наиболее светских писателей XVI века — Иван Пересветов — широко пользуется афористическими выраже-

---

[1] Православный собеседник, 1863, октябрь, стр. 200—210.

[2] Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 877—882.

ниями. Созданными им самим афоризмами он как бы подкрепляет свои положения.

Писатели XI—XVI веков широко пользовались и церковными изречениями для подкрепления своих мыслей. Иван Пересветов не прибегает к церковному авторитету, но он также широко создает светские изречения, облекая их в форму, близкую к народным поговоркам и пословицам, также обладавшим авторитетностью. Перед нами любопытная деталь процесса секуляризации мысли, секуляризации самой аргументации и поисков новых форм для новой светской в своей основе аргументации.

В XVI веке широко используется в литературных целях форма дипломатической переписки. По весьма правдоподобному предположению Я. С. Лурье первое послание Грозного было рассчитано на «все российское царство» [1]. Для широкого распространения предназначались и послания его противника — Курбского. Послания Иосифа Волоцкого были соединены им самим в особый сборник «Просветитель». Точно так же была соединена в особый сборник сторонниками Курбского переписка его с Грозным [2].

Недостаточно изучены еще так называемые «подложные» послания XVI века — сочиненная переписка Грозного с турецким султаном. Перед нами, конечно, не подлог, а использование деловой формы дипломатической переписки и исторических имен в литературных целях. Недостаточно изучены также «подложные» статейные списки XVI века. Эти последние также представляют собой памятники публицистической мысли, создававшиеся на основе форм деловой письменности.

Связь с деловой письменностью особенно отчетлива в сочинениях Ивана Пересветова.

Пересветов пишет челобитные. Их содержание — близко к содержанию обычных челобитных. В них, как и во всяких челобитных, есть конкретный адресат — «государь благоверный, великий царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии». В них есть, как и во всяких челобитных, и конкретные просьбы: просьбы личные — о допущении его «речей и дел» перед государя, о защите от сильных людей, и о заказе ему щитов. Однако, наряду с обычными элементами челобитных,

---

[1] Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. Послания Ивана Грозного. Изд. АН СССР, М. — Л., 1951, стр. 471 и сл.

[2] Послания Ивана Грозного. Археографический обзор, стр. 528 и сл.

в них есть и необычные. Личные просьбы в этих челобитных самого Ивана Пересветова — лишь дань деловой условности. Основная тема челобитных Пересветова отнюдь не личная. Он предлагает не просьбы, а государственные проекты [1]. В челобитных Пересветова имеются элементы легенды, развитой рассказ.

Форма челобитных в художественной литературе использовалась и позднее — в XVII веке, но там это использование было иным. В XVII веке в сатирической литературе посадского населения челобитные пародируются (ср.: «Калязинская челобитная»). Эксплуатируемый класс пользуется пародиями на челобитные в своей борьбе против враждебного ему класса феодалов. Совсем иначе используется форма челобитных в XVI веке. Публицистическая литература XVI века развивается под флагом поднимающегося служилого дворянства. Эта прогрессивная группа феодального класса стремится не к отмене существующего социального порядка, а к закреплению за собой достигнутых успехов и к развитию этих успехов. Служилое дворянство проектирует, укрепляет настоящее, закрепляет за собой господство, стремится к новым завоеваниям. Оно не отрицает действительности, не высмеивает ее. Челобитные Пересветова — это челобитные «всерьез». Отнюдь не пародия и челобитная Ивана Грозного царю Симеону Бекбулатовичу. Сатирический элемент в ней отсутствует. Она была частью задуманного Грозным в 1564 году политического «маскарада», необходимого ему для определенных политических целей [2].

Перед нами значительный процесс претворения деловой литературы в литературу художественную.

Таким образом, публицистика XVI века развивается в тесном взаимодействии с деловой письменностью. С одной стороны, публицистика пользуется формами выражения, вырабо-

---

[1] О том, что челобитные Пересветова — литературные произведения, пишет И. У. Будовниц: «Ряд сочинений Пересветова встречается во многих списках (см., например: В. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2, Киев, 1908, стр. 1814). Это говорит о том, что и автор и Иван Грозный, которому челобитные Пересветова были адресованы, смотрели на них как на литературные произведения, подлежащие распространению, а не как на частное ходатайство, которое должно было храниться в архиве в единственном экземпляре. И это как будто дает основание видеть в «челобитной» лишь литературную форму, в которую облечен политический памфлет» (И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 212).

[2] См. об этом: Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. Послания Ивана Грозного, стр. 482—484.

тавшимися в деловой письменности. С другой стороны, в деловую письменность все сильнее проникают элементы публицистики. Элементы публицистики входят в дипломатическую переписку («Сказание о князьях владимирских»). Сама дипломатическая переписка порой превращается в литературные произведения. Литературными произведениями оказываются и челобитные, и окружные послания, и частные письма.

Эта связь публицистики с деловой письменностью объясняется в первую очередь тем, что публицистика XVI века в основном служит интересам дворянства. Дворянство для выражения своих светских притязаний не может удовлетвориться формами публицистики, тесно связанными с церковной литературой (слова, поучения, послания и т. д.). Оно обращается к деловой письменности, привычной ему в практическом обиходе повседневной жизни. Дворянство нуждается в немедленных реформах, и оно выступает со своими предложениями, действуя привычными путями, привычными формами, твердо надеясь встретить сочувствие в правительственных верхах. Челобитные лучше всего служили для изложения проектов всякого рода реформ.

Активное стремление к преобразованию жизни не могло удовлетвориться старыми формами публицистики, слишком условными и слишком церковными. Действенному характеру дворянского мировоззрения лучше всего отвечали действенные формы деловой письменности — они стояли ближе к действительности, к ее нуждам и потребностям, воздействовали на жизнь не только литературными, но и деловыми средствами.

Это последнее обстоятельство чрезвычайно важно для понимания роли и значения деловой письменности в литературном развитии XVI века.

Деловая письменность требует немедленного ответа. Челобитные, постановления собора, статейные списки, дипломатические послания и т. п. — все это жизненно действенные формы письменности. К ним и обращаются представители действенной идеологии. К ним обращаются прежде всего дворянские публицисты и только вслед за ними публицисты реакционного боярства.

Публицистика и по содержанию и по форме выражения все более и более становится дворянской. Она не только отражает действительность — классовую и внутриклассовую борьбу своего времени, — она становится частью этой борьбы.

Никогда еще литература не играла такой огромной роли в формировании действительности, как в XVI веке.

Пафос преобразования государства на «разумных» началах охватывает многих публицистов — в большинстве случаев крупных государственных деятелей своего времени, для которых их литературная деятельность была только частью их государственных забот. Деловая и художественная проза сливаются. Это необычайно расширяет публицистическую литературу.

Тесное слияние литературы и деловой письменности отнюдь не уводило историко-литературный процесс вспять. Уже в XI—XIII веках художественная литература постепенно отделяется от деловой письменности. Постепенно кристаллизуется специфика художественной литературы. Однако процесс идет неровно. В периоды, когда литература особенно остро откликается на классовую и внутриклассовую борьбу своего времени, когда старые формы перестают удовлетворять новым потребностям, — литература вновь и вновь обращается к деловой письменности, чтобы черпать из нее новые творческие формы.

Существенные изменения происходят и в языке московской публицистики XVI века. То «разделение труда», которое наступило в умственной области и привело к обмирщению духовной жизни, отразилось и в области языка, — в первую очередь дворянских публицистов. Дворянство, как уже указывалось выше, выдвинуло идеологов из собственной среды и не нуждалось в услугах духовных писателей. Эти идеологи дворянства пользуются формами деловой письменности и соответственно этому — деловой речью. Язык московских приказов дает себя чувствовать и в челобитных Пересветова, и в проекте Ермолая-Еразма. Язык дипломатической переписки входит в послания Грозного. Грозный пользуется в своих произведениях и формами церковной письменности, и языком приказов, и разговорными выражениями. Для представителя боярской идеологии князя А. Курбского две последние категории речи были полностью исключены из писательского обихода. Вот почему, обращаясь к Грозному, он писал, что употреблять «ядовитые словесы» «не токмо цареви, так великому и во вселенней славимому, но и простому, убогому воину еще было недостойно»; «туто же о постелях, о телогреях, и иные безчисленные, воистинну, яко бы неистовых баб басни; и так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым и детем со удивлением и смехом» [1].

Обмирщение языка дворянских публицистов, приближение его к языку простых воинов и даже «неистовых баб» совер-

[1] Сочинения князя Курбского, т. I, РИБ, т. XXI, 1914, стр. 115.

шенно явно и не требует особых доказательств. В нашу задачу не может входить подробный анализ этого явления. Для нас важен только самый факт его, как один из важнейших показателей сущности тех процессов, которые происходили в публицистике.

Расцвет публицистики в эпоху образования и укрепления Русского централизованного государства — чрезвычайно важный этап в историко-литературном процессе древней Руси по пути ее секуляризации и движения к реалистичности. Сочинения Ивана Пересветова — типичное явление дворянской публицистики XVI века. Их темы и их форма находятся в тесной связи с литературной современностью Пересветова.





И. ПЕРЕСВЕТОВ И ЕГО СВЯЗИ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Творчество Ивана Семеновича Пересветова, одного из наиболее интересных и своеобразных публицистов середины XVI века, теснейшим образом связано с общественно-политической жизнью и идейной борьбой того времени. Вопросы внешней и внутренней политики Ивана Грозного нашли яркое художественное отражение в сочинениях Пересветова. Реальная действительность середины XVI века была одним из важнейших источников всего творчества И. С. Пересветова.

Нарисованная Пересветовым картина жизни русского общества середины XVI века находит себе документальное подтверждение почти во всех деталях. Особенность литературного творчества Пересветова как публициста состоит именно в том, что он никогда не преувеличивал недочеты общественной жизни, не сгущал краски, не изобретал несуществующих пороков. Документальными источниками можно подтвердить все те недостатки, против которых восстает в своих произведениях Пересветов.

Недостатки администрации и суда, система кормлений, наместничество, злоупотребления судопроизводства — все это засвидетельствовано и другими публицистами того времени и официальными правительственными документами, например решениями Земского собора 1549 года. Самые яркие краски и самые действенные образы в сочинениях Пересветова не взяты им из других литературных произведений, а подсказаны самой действительностью. Мало того, что он сам наблюдал все темные стороны тогдашней действительности, — он испытал на самом себе, как может «задляться» [1] служба, как трудно «доступити» [2] до царя, как «в обидах и волокитах» [3] личное

[1] *М*, л. 67 об.
[2] Там же.
[3] *М*, л. 69.

имущество («собинка» [1]) может пропасть, а поместье «от великих людей от обид» [2] может запустеть.

Пересветов в своих челобитных не остался на уровне рядового челобитчика того времени, думающего только о себе и защищающего только свои интересы. Пересветов сумел подняться до больших обобщений и в своей частной судьбе, и в окружающей его действительности нашел материалы для стройной и продуманной общественно-политической концепции. Опыт его личной службы царю и жизни под началом боярина М. Ю. Захарьина дал возможность Пересветову наполнить свою историческую схему живыми и полнокровными образами: от «ленивых богатин» [3] — бояр — до «грозного и мудрого царя», у которого «царство его ширеет, и имя его славно по всем землям» [4].

Оригинальность и своеобразие сочинений Пересветова, его челобитных и сказаний объясняются тесной связью этих произведений с окружающей действительностью. В них нашли художественное отражение усиление боярского произвола, захват кормлений и наместничеств боярами, их стремление, «от слез и от крови роду христианского богатеть нечистым собранием», пока еще они находятся у власти. Все это было закономерным проявлением внутриклассовой борьбы в эпоху укрепления Русского централизованного государства. Сочинения Пересветова, с одной стороны, отразили остроту и непримиримость этой борьбы, а с другой, — усилили и еще более обострили ее, ибо они сами представляли одно из существенных явлений общественно-идейной борьбы середины XVI века.

Произведения Пересветова были подготовлены также и общим ходом развития русской литературы и русской общественной мысли.

Русская публицистика с самых ранних этапов ее существования отличалась тесной связью с действительностью, боевым характером, стремлением ответить на самые наболевшие вопросы, осветить наиболее темные стороны жизни, помочь решить важные и насущные проблемы. Таковы публицистические отступления в летописях, повести и послания публицистического характера и т. д. Сочинения Пересветова — лишь одно из звеньев этой общей цепи произведений русской публицистики, подготовленное и обусловленное всем ходом развития

---

[1] *М*, л. 68 об.
[2] Там же.
[3] *М*, л. 69.
[4] *П I*, л. 71 об.

русской литературы вообще и русской публицистики в частности.

Тесную связь творчества Пересветова с русской литературной традицией можно проследить на примере тех давних идей русской публицистики, которые нашли свое отражение также и в трудах Пересветова. Одни из этих идей питали древнюю русскую литературу с самого начала ее существования, другие возникли позже, будучи вызваны к жизни изменившейся исторической обстановкой, но и те и другие сыграли значительную роль в развитии русской общественной мысли. Многие из этих идейных течений нашли свое отражение в творчестве Пересветова не в итоге обычного литературного влияния, а потому, что конкретно-историческая обстановка способствовала дальнейшему развитию тех или иных идей. В частности, в публицистике XVI века и особенно в сочинениях Пересветова нашла свое дальнейшее развитие идея преемственности Русским государством власти от Византии.

Русская публицистика к середине XVI века уже прочно усвоила тезис об исключительном праве Русского государства и русского православия на то, чтобы стать после одряхлевшей и олатинившейся Византии представителем истинного православия. В это время усиленно подчеркивается неприятие русскими Флорентийской унии: соединение греков с латинянами было одной из причин, повлекших за собой, по мнению русских книжников, и падение Византии, и потерю ею независимости. Поэтому у Пересветова греки, отдавшие христианскую веру на поругание неверным, ныне «хвалятся государевым царством благовернаго русского царя от того взятия Магметова и до сех лет» [1]. В своих спорах с «латынские веры докторы» греки прямо ссылаются на русское царство, непосредственно из рук Византии получившее святость и благодать, «и в том царстве великое божие милосердие и знамя божие, святыя новыя чюдотворцы» [2]. С этими доводами у Пересветова соглашаются и латиняне.

* *

Пересветова роднит с русскими еретиками того времени — Матвеем Башкиным, Феодосием Косым и др. — самостоятельность в оценке исторической обстановки, вдумчивый анализ причин исторического развития. Несмотря на то, что Пересветов

---

[1] *М*, л. 92 об.
[2] *М*, л. 65.

мыслил и писал, оставаясь правоверным христианином, что официальная религиозная идеология оставалась одной из первооснов его учения о царской власти («Истинная правда — Христос бог наш» [1]), — нельзя не отметить, что, кроме авторитета бога и Евангелия, Пересветов ни на что более не ссылается. Мы не найдем в его посланиях ссылок на авторитет «отцов церкви», столь обычных и естественных в публицистике того времени; вместо них Пересветов обильно цитирует речи и высказывания Петра волосского воеводы и Магмета-салтана; в лучшем случае Пересветов сошлется еще на авторитет «мудрых философов», да и то потому, что «царь турской Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турским» [2].

Известно, что и еретики XVI века отрицательно относились к сочинениям «отцов церкви», весьма критически оценивая их значение и часто полемизируя с ними. Идейная перекличка Пересветова с еретиками XVI века имеет глубокие корни. Подобно Башкину, признававшему рабство несогласным с духом христианского учения, Пересветов также выступает с горячей проповедью против холопства. Снова и снова устами излюбленного своего героя Петра волосского воеводы Пересветов утверждает: «Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: татба, разбой, обида, всему царству оскужение великое» [3]. Почти те же мысли высказывает и другой герой сочинений Пересветова — Магмет-салтан: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры» [4]. Поэтому Магмет-салтан и приказал сжечь книги «полныя и докладныя» [5], установил срок службы в холопах для полонянников, а бывших холопов взял «к собе в полк» [6]. Подобно Башкину, Пересветов в своей критике рабства пытался опереться на авторитет христианского учения.

Близость Пересветова к вольнодумству XVI века видна также и в одном из центральных пунктов его политического учения: «Бог не веру любит — правду» [7]. Это заявление резко расходится с тогдашним официальным церковным учением. «Коли правды нет, то и всего нет [8], — утверждает Петр волосский воевода, — в котором государстве правда, в том и бог пре-

---

[1] *М*, л. 96.
[2] *М*, л. 53.
[3] *М*, лл. 96 об.—97.
[4] *М*, л. 60 об.
[5] *М*, л. 60.
[6] *М*, л. 61.
[7] *М*, л. 96.
[8] *М*, л. 91 об.

бывает... Правды силнее в божественном его писании нет»[1]. «Правда — вере красота»[2], — говорит Пересветов в другом месте. Еретическое противопоставление веры и «правды» было направлено против иосифлян, бывших в то время одними из самых крупных землевладельцев. Поэтому критика иосифлянской церкви у Пересветова и перекликалась с осуждением рабства: служители церкви были одновременно и крупнейшими крепостниками. Все это дает право говорить о системе еретических воззрений, а не о случайных фактах совпадения во взглядах между Пересветовым и «еретиками» XVI века.

Сочинения Пересветова интересны для нас еще и с той стороны, которая обычно ускользала от внимания исследователей, со стороны литературных приемов, которые нашли свое отражение в его челобитных и сказаниях. Обращает на себя внимание прежде всего прием иносказания, так широко представленный у Пересветова и столь характерный для русской литературы, начиная с древнейших периодов ее существования. Пересветов часто и умело пользуется иносказанием. Описывая мудрое правление Магмета-салтана, его стремление ввести «правду» в государстве, добиться честности и справедливости в суде, рассказывая о заботе Магмета о воинниках, изображая Петра волосского воеводу правдолюбом и философом, Пересветов меньше всего заботился об исторической достоверности сообщаемых им фактов. Перед ним стояла другая задача — в образе Магмета-султана дать представление об идеальном монархе, больше того — идеальном христианском царе. Пересветов не случайно выбрал турка: ведь если бы это был христианский царь, то тогда он был бы лишен возможности показать преимущества Грозного перед Магметом: «А к той бы правде турецкой да вера христианская, ино бы с ними аггели же беседовали». Пересветов нарочно выбрал образ султана, чтобы иметь возможность сказать Грозному: в Русском государстве «вера, государь, християнская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет»[3], «естьли к той истинной вере християнской да правда турская, ино бы с ними аггели беседовали»[4]. Иносказание у Пересветова встречается на каждом шагу — при описании прошлого, иногда и при взгляде в будущее. Вместо последовательного исторического рассказа о жизни императора Константина Пересветов делает прозрачные намеки на судьбу и жизнь Грозного. В разрез с исторической прав-

[1] *М*, л. 91 об.
[2] *М*, л. 65.
[3] *М*, л. 91
[4] *М*, л. 65 об.

дой Пересветов описывает рождение «благоверного царя Константина Ивановича» [1], который «от своего отца, благовернаго царя Ивана... остался млад царствовати трех лет от порожения отца своего» [2], а «вельможи его от возрасту царева царство его обладали, и измытарили, и бедами сцепили, неправыми суды, и особную брань во царстве том учинили» [3]. Конечно, это не подлинная история жизни царя Константина, а картина правления первых лет царствования Ивана Грозного, нарисованная талантливой рукой художника, своими глазами видевшего, как вельможи «сипели друг на друга, яко змии... и казны свои наполнили златом» [4]. В «предсказаниях философов и докторов латынских» [5] предлагается целая система правления, указывается даже место новой столицы — в Нижнем Новгороде, предсказывается взятие Казанского царства.

Современники Пересветова прекрасно разбирались в его иносказаниях, потому что они были воспитаны на давней традиции древнерусской литературы — под внешней оболочкой рассказа о прошлом и далеком различать ясные черты настоящего и близкого. Можно привести много примеров употребления приема иносказания в древнерусской литературе, начиная со «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. В этом Слове образы Сарры и Агари символизируют образы закона и благодати. Сходный прием мы находим и в «Слове на антипасху» Кирилла Туровского, в котором аллегорическая смена зимы весной должна была изображать смену язычества христианством на Руси. Прием иносказания мы находим и в художественной литературе. Таково «Моление» Даниила Заточника, автор которого сам сказал о своей задаче: «Да разверзу в притчах гадания моя». Употребляя ряд библейских аллегорических образов — трава, растущая в тени; сухое дерево при пути; жаждущий олень у водного источника и т. д., — он иносказательно описывает свое бедственное положение.

Нередки в древнерусской литературе и такие случаи, когда даже в переводное произведение включались темы и мотивы, связанные с реальной исторической действительностью. Таков так называемый Афанасьевский извод повести о Варлааме и Иоасафе, возникший во второй половине XV века и отразив-

---

[1] *М*, л. 70.
[2] Там же.
[3] *М*, л. 70—70 об.
[4] *М*, л. 70 об.
[5] *М*, л. 65 об.

ший в своем содержании в иносказательной форме борьбу иосифлян с нестяжателями.

Итак, прием иносказания, столь широко применяющийся в сочинениях Пересветова, является дальнейшим развитием давней русской литературной традиции.

В произведениях Пересветова мы найдем также немалое количество притч. Такова притча в воиннике, пришедшем к Августу-кесарю в убогом образе; притча о царьградских мытарях, растративших казну царя Константина; притча об орле и змее в повести о создании Царьграда и т. д. Включение в публицистическое произведение притч — также традиционная черта древнерусской литературы, ведущая свое начало от библейских и евангельских притч, перешедших на Русь в самом начале письменности, возможно, частью еще в устной форме. Большое количество притч мы встречаем уже в литературе Киевской Руси — в повести о Варлааме и Иоасафе, в повести об Акире Премудром и т. д. В более позднее время этот прием нашел свое отражение в литературе периода феодальной раздробленности и эпохи образования централизованного государства. Пересветов умело воспользовался этим приемом и подчинил его своей основной задаче — доказать необходимость для Русского государства крепкой централизованной власти, «царской грозы» [1], способной укротить вельмож и неправых судей и ввести в государстве «правду».

Исследователи творчества Пересветова давно уже обратили внимание на лаконичность и выразительность его языка, нашедшую свое воплощение, в частности, в пословичности многих его речений. Отдельные мысли Пересветова, видно, так долго им вынашивались и так хорошо были им обдуманы за 11 лет его службы Ивану Грозному, что вылились в форму доходчивых и убедительных пословичных выражений и афоризмов. Вот несколько примеров: «Богатыя о войне не мыслят, мыслят о упокое» [2]; «Воинника держати, как сокола чередити» [3]; «Правда — вере красота» [4]; «Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы» [5]; «Бог не веру любит правду» [6], и т. д. Афористичность мысли, образная пословичность языка Пересветова — это не только его индивидуальные черты, как писателя и мыслителя, это вместе с тем и продолжение одной

---

[1] *М*, л. 55 об.
[2] *М*, л. 89 об.
[3] Там же.
[4] *М*, л. 65.
[5] *М*, л. 55 об.
[6] *М*, л. 96.

из отличительных черт древнерусской литературы, всегда стремившейся к краткой образности языка, к афористичности и немногословию.

Нет надобности приводить многочисленные примеры того, как характерно было для древнерусской литературы не только употребление афоризмов и пословичных выражений, но и создание целых сборников произведений подобного рода. Много афоризмов с толкованиями их мы находим в «Пчелах», «Златоструях», «Измарагдах», «Патериках». Из афоризмов складывается все «Моление» Даниила Заточника; мы встречаем их в большом количестве в летописи, в «Слове о полку Игореве», в повестях житийного характера и т. д. Особенность творчества Пересветова в этой области заключается в том, что он облек в афористическую форму не отвлеченное моральное или религиозное содержание, а острую политическую мысль. Это заставило по-новому звучать афоризм, лишило содержание отвлеченности, придало ему действенность и остроту.

В произведениях Пересветова есть еще одна черта, несомненно идущая от древнерусской литературной традиции — это постоянное сокрытие своего «я» за чужим авторитетом, стремление приписать свои собственные мысли, для большей авторитетности, другому, более известному лицу. Таких авторитетов у Пересветова три: Петр волосский воевода, Магмет-салтан и «философи и дохтуры латынския» [1]. Это они говорят мудрые речи об обязанностях царя, они учат Ивана Грозного создать дружину «воинников» для борьбы с боярством, они предсказывают Русскому царству и самому Грозному великую будущность. То, что говорит Пересветов о себе сам, не выходит за рамки обычной челобитной и не может быть поставлено ни в какое сравнение с теми речами «изо многих королевств государьские и от Петра волоскаго воеводы» [2], которые привез с собой Пересветов и которые были положены в казне государевой.

Пересветов не был одинок в стремлении скрыть свои мысли за каким-либо иным, более авторитетным именем. Древнерусский книжник для придания большего веса своему творчеству сплошь и рядом приписывал свои труды И. Златоусту, Григорию Богослову, И. Дамаскину, а в более позднее время — Максиму Греку. Показательны в этом плане всевозможные сборники слов и поучений, в которых безвестным «мудрым философам», «некиим старцам», безымянным «отцам духовным» приписывались сочинения и отдельные мысли, принад-

[1] *М*, л. 65 об.
[2] *М*, л. 85.

лежавшие русским книжникам, переписчикам и составителям [1]. И с этой стороны Пересветов продолжает традиционную линию древнерусской литературы, правда в несколько измененной форме, приписывая свои мысли светским лицам.

Исследователи творчества Пересветова давно уже отметили его широкую начитанность. В трудах Пересветова мы находим упоминание о чернецах Пересвете и Ослябе, что дает основание предположить знакомство автора с какими-то летописными памятниками или же с повестями о Куликовской битве («Пересвет и Ослябя в чернцех и в схимех благословением Сергия чюдотворца на Донском побоищи при великом князе Дмитрие Ивановиче за веру християнскую и за святыя церкви и за честь государеву пострадали и главы свои положили») [2]. Свободно оперирует Пересветов также и образами «цесаря Августа» и Александра Македонского («Будет о тебе, о государе, слава велия вовеки, яко о цесари Августе и о цари Александре Макидонском») [3]. Пересветов неоднократно сравнивает себя с убогим воинником, пришедшим к Августу или к Александру Македонскому и принесшим им «великия мудрости воинския» [4].

Образ Магмета-салтана близок к образу мутьянского воеводы Дракулы, что также дает основание предполагать знакомство Пересветова и с этой повестью. Близость художественной формы челобитных Пересветова и «Моления» Даниила Заточника позволяет думать, что Пересветов знал и это произведение.

Несомненно широкое знакомство Пересветова с апокрифической литературой. Выше уже шла речь об идейной связи сочинений Пересветова с взглядами «еретиков» XVI века, в частности, с взглядами М. Башкина. Общеизвестно, что апокрифы и возникли и получили широкое распространение главным образом среди различных еретических направлений. Неслучайно поэтому идейная близость Пересветова к «еретикам» XVI века подкрепляется также и общими литературными симпатиями и интересами, а еретическое в своей основе положение о преимуществе «правды» над верой иллюстрируется апокрифическим сравнением с Адамом, которому бог заповедал есть хлеб в поте лица своего, «и Адам заповедь божию

---

[1] Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, стр. 110—122, 189—197 и сл.

[2] *М*, л. 85 об.

[3] *М*, л. 86.

[4] *М*, л. 86 об.

исполнил. И нам такоже годится во всем послушати бога и правдою сердечною радость ему воздати»[1].

Перед нами типично «еретический» способ доказательства: вместо ссылки на авторитет какого-либо святого, подвижника или мученика, Пересветов обращается к авторитету апокрифа.

Показателен и другой пример использования Пересветовым апокрифа в своих целях. Высказываясь против рабства, против кабалы, Пересветов приводит в пример Адама, который, — как говорит апокриф, — дал на себя запись дьяволу, попал к нему «в кабалу» и «было навеки погинул»[2], если бы его не спасла милость божья: бог его «извел изо ада и запись изодрал»[3]. Вывод, который делает Пересветов, не менее еретичен, чем все предыдущие: и те, которые «записывают людей в работу вовеки», и те, которые «вовеки записываются в работу, те оба погибают вовеки»[4]. Итак, для доказательства своей «еретической» мысли Пересветов прибегает к апокрифической литературе. Несомненно, от апокрифической литературы идет у Пересветова сравнение воинников турецкого султана Магмета (т. е. иноверцев) с ангелами небесными: «Яко же небесное по земному, а земное по небесному, аггели божии, небесныя силы, ни на един час пламеннаго оружия из рук не испущают, хранят и стерегут рода человеческаго от Адама и по всяк час... Тако ж царь турской Магмет-салтан возрастил сердце войску своему, и все же воинники его похвалили речь царскую»[5].

И. С. Пересветов был также хорошо знаком и с деловой перепиской своего времени. Использование им челобитной в качестве литературной формы для своих посланий предполагает хорошее знакомство Пересветова и с нормами деловой письменности. И в самом деле, Пересветов умело и легко пользуется типичными для челобитных оборотами, например: «Государю благоверному великому царю и великому князю Ивану Василиевичу всея Русии биет челом холоп твой государев Ивашко Семенов сын Пересветов»[6], или «А яз, холоп твой, Ивашко Пересветов, одиннадцать лет минуло, не могу доступити тобя, государя благовернаго царя и великого князя»[7], и т. д. Пользуется он и обычными в челобитных того времени уничижительными формами («И будет тобе, государю

[1] М, л. 96.
[2] М, л. 96 об.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] М, л. 58 об. — 59.
[6] М, л. 66 об.
[7] М, л. 86 об.

великому царю, не полюбится службишко мое»)[1], типовыми оборотами и застывшими формулами («И ныне, государь, от обид и от волокит наг и бос и пеш»[2], «Государь благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии»[3]) и т. д. Вместе с тем в посланиях Пересветова есть многое, что не позволяет их считать только обычными челобитными: жалобы на «сильных людей» не конкретны, имена обидчиков не указаны, в чем насилие выразилось — точно не сказано, известно только, что Пересветов растерял «собинку», которую привез из чужих стран. В подлинных челобитных все эти сведения обязательно присутствуют. Произведения Пересветова глубже и значительнее обычных челобитных, в них мы находим заботу о всем государстве, о всей Русской земле, а не только стремление улучшить свою личную судьбу. Неслучайно поэтому скромное предложение изготовить щиты в Малой челобитной предваряется описанием Царьграда, правления Магмета и т. д.

Наибольшее значение для Пересветова имела, несомненно, Повесть о взятии Царьграда Нестора Искандера[4].

Основные идеи сочинений Пересветова тесно связаны с проблематикой этой повести и развивают ее. Устами излюбленного своего героя Пересветов высоко оценивает Повесть о взятии Царьграда: «И так рече Петр волоский воевода: Да естьли хотети царской мудрости, отведати о воинстве и о уставе жития царскаго, ино прочести взятие греческое до конца и не пощадити себя ни в чем, да там найдет всю помощь божию»[5].

О какой же «царской мудрости» говорит Пересветов в применении к Повести о взятии Царьграда? В понимании Пересветова и в его толковании падение Константинополя — это грозное предостережение царям, наглядный урок и поучение правителям. Падение Царьграда служит Пересветову яркой иллюстрацией и убедительным подтверждением всей его теории царской власти: греческие вельможи позабыли правду, царь Константин не боролся против неправого суда, забыл о своих воинниках, вместо «грозного» правления он, прочитав лживые книги, «укротел»[6], забыл о своих обязанностях; его подданные, глядя на него, тоже «ленилися... за християнскую

---

[1] *М*, л. 87.
[2] *М*, л. 69.
[3] Там же.
[4] Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора Искандера XV века. По рукописи Троице-Сергиевой лавры начала XVI века, № 773, сообщил архимандрит Леонид. Памятники древней письменности и искусства, № LXII, СПб., 1886.
[5] *М*, л. 84—84 об.
[6] *М*, л. 73.

веру крепко стояти против неверных». И вот, как следствие всего этого, как результат — Константинополь пал, турки полонили все царства, угнетают греков и сербов. Поэтому Петр волосский воевода (а вместе с ним и Пересветов) и считает, что в Повести о взятии Царьграда содержится «устав жития царского».

Падение Царьграда было, по представлению русских книжников, следствием того, что греки «олатинились», впали в еретичество, не соблюли чистоты православия. О том же говорит и Пересветов: кроме того, что греки (особенно греческие вельможи) «укротили» царя, ввели неправый суд и разбогатели «от слез и от крови християнския» [1], они «прелестными путми и ересьми и чародействы. . . царство греческое, и веру християнскую, и красоту церковную выдали иноплемянником турским на поругание» [2].

Помимо идейной близости сочинений Пересветова с Повестью о взятии Царьграда, мы можем найти и еще более тесные связи между ними. Переписчики сочинений Пересветова уже в XVII веке включили в его сочинения небольшой отрывок, представляющий собой переделку начала Повести о Царьграде.

Список сочинений Пересветова (XVII век) (*М.* лл. 13 об. — 14)	Повесть о Царьграде
И се змий внезаап вышед из норы, потече по месту, и абие свыше орел спад, змия похвати и полете на высоту, а змий начат укреплятися въкруг орла. Цесарь же и вси людие бяху зряще на орла и на змию; орел же възлетев изочью на долг час и паки явися низлетающь и паде с змием на тож место, понеже одолень бысть от змия. Людие же текше, змия убиша, а орла изымаше	И се змий внезапу вышел из горы, гордый и лукавый, и потече по ровному тому месту; и абие с небесной высоты сшел орел и змия похватил и полете на высоту небесную. Змий же нача круг орла укреплятися. Царь же и все людие бяху зряще на орла и на змия. Орел же излете из очию на долгий час и паки явися летаючи ниско, и паде орел с змием на то же место, понеже одолен бысть от змия. И людие же, текше, змия убили, а орла поимали.

Хотя эта переделка и не принадлежит самому Пересветову, но самый факт сближения Повести о взятии Царьграда с сочинениями Пересветова весьма характерен и находит себе подтверждение, как мы это увидим ниже, в других историко-литературных фактах.

---

[1] *М*, л. 90 об.

[2] Там же.

В Повести о Царьграде книжники и мудрецы, а у Пересветова «мудрые философы» дают сходное толкование этого знамения с тем лишь различием, что Пересветов не мог удержаться от того, чтобы и здесь не высказать своей излюбленной мысли: «Бог любит правду сильнее всего»[1]. Наконец, следы близости сочинений Пересветова к Повести о Царьграде можно видеть и на примере Сказания о книгах: в Повести о Царьграде Магмет-салтан посыпает пеплом главу у храма Софии, дарует Анастасию милость — «да не убоятся гнева моего, ни убийства, ни пленения». Пересветов продолжает эту же линию в изображении Магмета-салтана и представляет его защитником веры христианской. Магмет разрешает Анастасию сохранить христианские книги, просит молиться за него и т. д. Эта идеализация жестокого и безжалостного турецкого султана была нужна обоим авторам для того, чтобы подчеркнуть, с одной стороны, виновность греков в отпадении от веры, с другой, — закономерность и предопределенность (по пророчеству Мефодия Патарского и Льва Премудрого) смены турецкого владычества православным царством «русого» (в толковании московских книжников — «русского») народа.

На связь сочинений Пересветова с Повестью о взятии Царьграда, точнее с хронографической редакцией этой повести, указывал в своей работе М. Н. Сперанский[2]. Им отмечены случаи, когда хронографическая Повесть о взятии Царьграда уже в XVII веке дополнялась вставками из Сказания И. Пересветова «О Магмете, како хоте сожещи книги греческие»[3], также когда хронографическая редакция объединялась со сказаниями Пересветова[4]. М. Н. Сперанский высказывает предположение, что Пересветов сам или кто-либо другой в ближайшее к нему время объединил Повесть о взятии Царьграда с комплексом сочинений Пересветова и что именно в таком виде «пересветовский комплекс» стал известен составителю второй редакции Хронографа, что, возможно, и навело его на мысль включить Сказание о Магмете в свой Хронограф. Наблюдения М. Н. Сперанского интересны для нас тем, что подтверждают давнюю связь творчества Пересветова с предшествовавшей литературой. Ведь совершенно не случайно русские книжники в XVII веке дополняли хронографическую редакцию повести

---

[1] *М*, л. 75.

[2] М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453 г.) в русской письменности XVI—XVII веков. Труды ОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 136—165.

[3] *М*, лл. 48—53.

[4] *П II*.

о падении Царьграда вставками именно из Пересветова, а не из новейших к тому времени сочинений по истории Византии, таких, как псевдо-Дорофей, Малакса и других, чуждых русской литературной традиции.

Основываясь на биографии И. С. Пересветова, исследователи его творчества предположили, что он испытал известное влияние со стороны западноевропейской (главным образом западнославянской) мысли. Самый факт такого влияния естествен и понятен. Общеизвестны давние культурные и политические связи Русского государства со своими западными славянскими соседями. Постоянный культурный обмен облегчался близостью языков, общностью исторических судеб, тесными торговыми и экономическими связями. Служба Пересветова в различных западных государствах (Польша, Венгрия, Молдавия, Чехия) не могла пройти бесследно для такого публициста. Первая половина XVI века для многих стран Западной Европы ознаменовалась борьбой нарождающейся сильной монархической власти с отживающими порядками периода феодальной раздробленности. Проекты реформ, выдвигавшиеся в то время в Польше, возможно, оказали некоторое влияние на политические проекты Пересветова [1]. Западнославянское влияние прослеживается также и в тех немногих, правда, западнославянских терминах, которые мы встречаем в сочинениях Пересветова — «юнаки», «чередити» (в смысле «лелеять», «ухаживать»), «хистяся».

Однако, как правильно отметил еще Вл. Вальденберг, не следует слишком преувеличивать значение этих влияний [2]. Они занимают ничтожно малое место по сравнению с теми вопросами и проблемами, которые подсказаны Пересветову реальной русской исторической жизнью того времени. Западная среда могла лишь расширить у Пересветова его общие культурно-исторические воззрения, ознакомить его с лучшими образцами политической публицистики, могла, наконец, познакомить его с некоторыми политическими теориями, но и только. Во всем остальном Пересветов глубоко оригинален. Правда, многие литературные приемы, употребляемые Пересветовым (притча, афоризмы, ссылка на авторитеты и т. д.), являются типичными для средневековой литературы, общими и для русской, и для западной традиции.

---

[1] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда. Известия ОРЯС, 1916, т. XVI, кн. 3, стр. 169—181.

[2] В. Е. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира святого до конца XVII века. Пгр., 1916, стр. 334.

Но эти общие средневековые литературные приемы так давно бытовали в русской рукописной традиции, так органически были усвоены последней, что приобрели уже многие типично русские черты. Пересветов вполне мог воспользоваться этими приемами из хорошо известной ему русской литературы.

Не случайно и то, что кроме Петра волосского воеводы у Пересветова на Западе нет больше авторитета, на который он мог бы сослаться. Правда, он довольно часто упоминает о латинских докторах и греческих философах, но никогда не называет их по имени, а использует их мнение в качестве своеобразного фона, на котором излагает устами Петра воеводы свои собственные взгляды. Возможно, что ссылка на латинских книжников и греческих философов — не больше как литературный прием, долженствующий подчеркнуть общепризнанность его собственных политических проектов, их общегосударственную значимость.

Наконец язык сочинений Пересветова, за исключением весьма немногих заимствований, очень близок к народному разговорному языку. Речь Пересветова характерна частым употреблением разговорных интонаций, простой и образной сказовой формой: «А просудится судия, ино им пишется таковая смерть по уставу Магметову: возведет его высоко да пьхнет его взашей надол, да речет тако: не умел еси в доброй славе быти и верно государю служити. А иных живых одирают, да речет тако: обростешь телом, отдаст ти ся вина» [1]. Мы не найдем в языке Пересветова даже и следов западнославянских синтаксических конструкций, типичных для этих языков фразеологических оборотов. Напротив, язык Пересветова близок к фольклорному сказовому языку. В нем часто встречаются пословицы («богатыя о войне не мыслят, а мыслят о упокое» [2]; «хотя и богатырь обогатеет, и он обленивеет») [3], ритмично организованная речь, например:

«Который воинник лют будет
против недруга государева смертною игрою играти,
и крепко будет за веру християнскую стояти,
ино таковым воинником имена возвышати,
и сердца им веселити,
и жалованья им из казны своея государевы прибавливати;

---

[1] *М*, л. 88 об.
[2] *М*, л. 89 об.
[3] *М*, л. 86 об

и иным воинником сердца возвращати,
и к собе их близко припущати,
и во всем им верити»[1].

Наконец у Пересветова встречается и употребление русских фольклорных оборотов, и оборотов, связанных с деловой речью того времени, например: «игрою играти»[2], «плачем плачют»[3], «судом судити»[4], «обыском обсыкати»[5], и т. д. На языке Пересветова сказалось и влияние той деловой среды, с которой он был связан во время своей службы на Руси. Типично русские фольклорные формы наглядно свидетельствуют о русской народной основе языка Пересветова, о незначительности западных влияний в его творчестве. Эти влияния отразились лишь во второстепенных деталях, проявились в малозначительных фактах, которые не могли определить собой ни общую политическую концепцию учения Пересветова, ни художественную форму его произведений. Западные влияния в сочинениях Пересветова — лишь незначительная часть его творчества, уходящего своими корнями в русскую действительность, в русскую литературную традицию, в русский литературный и деловой язык, который под его пером приобрел особую звучность и выразительность. Это дает нам право видеть в произведениях Пересветова черты языкового новаторства, особенно в сравнении с пышно украшенным риторическим стилем исторической и житийной литературы второй половины XVI века.

Отличительная черта творчества Пересветова заключается в том, что наряду с развитием давней литературной традиции у него встречается и преодоление старых литературных традиций, борьба против устаревших норм. С одной стороны, мы находим в его творчестве стремление опереться на давние идеи прогрессивной части русской публицистики, с другой, — его сочинения полны проектами реформ, подсказанных действительностью того времени, а зачастую и просто сочиненных самим Пересветовым (как перевод столицы из Москвы в Нижний Новгород). Следование литературным приемам средневековья, ссылки на авторитеты при изложении своих теорий сочетаются в его творчестве с полным отсутствием ссылок на «отцов церкви». Наряду с широким употреблением иносказания, как типичной средневековой литературной формы,

[1] *М*, л. 89 об.
[2] Там же.
[3] *М*, л. 84 об.
[4] *М*, л. 73.
[5] *М*, л. 63—63 об.

Пересветов смело вводит в литературу новую, необычную до сих пор, типично русскую форму публицистического произведения — форму челобитной. Такое сочетание традиционных черт с новыми литературными приемами делает произведения Пересветова заметным явлением не только в публицистике XVI века, но и в древней русской публицистике вообще.

Сочинения Пересветова не прошли бесследно в истории древнерусской публицистики. Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев в некоторых списках имеет составленный позже Извет Иосифа Волоколамского, написанный в форме челобитной к царю, к «благоверным христолюбивым царем и великим московским князем имя рек». Продолжая традицию Пересветова и, возможно, заимствуя у него литературную форму челобитной, Извет делает дальнейший шаг в изменении данной формы: выбрасывается имя царя, к которому обращена челобитная, уничтожаются все бытовые и реальные подробности; форма челобитной становится ярко выраженным, даже подчеркнуто литературным приемом — наряду с отвлеченностью и публицистичной заостренностью содержания дается типичная концовка челобитной: «Царь-государь, смилуйся, пожалуй, воздвигни и дозри» [1].

Исследователи давно уже отметили близость отдельных сочинений Пересветова к трудам Ермолая-Еразма, особенно его публицистического труда «Благохотящим царем правительница и землемерие». Подобно Пересветову Ермолай-Еразм выступает против кормлений для бояр, ратует за урегулирование воинской повинности [2]. Хотя Пересветов и Ермолай-Еразм бывали в Кремле в одно и то же время, у нас нет данных для того, чтобы говорить об их личном общении. Нужно все же отметить, что идеи, выдвигаемые в сочинениях Пересветова, не были достоянием его одного. Напротив, они были в центре внимания общественно-политической жизни того времени, горячо обсуждались в различных слоях общества; проекты государственного переустройства различными писателями решались по-разному.

Использование форм деловой переписки для литературного произведения оказалось плодотворным. В частности, одной из таких весьма удобных для иносказания форм были статейные списки. Так называемые подложные статейные списки представляют собой литературные произведения, облеченные

---

[1] Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI в. ЛЗАК, вып. 10, 1895, стр. 32.

[2] В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗАК, вып. 33, 1926, стр. 186—189.

в форму документа Посольского приказа. Подложный статейный список посольства князя Захария Ивановича Белозерского-Сугорского к императору Максимилиану включает в себя речь Максимилиана к послу Захарию. В этой речи Максимилиан прославляет Ивана Грозного в тех же выражениях, что и Петр волосский воевода у И. Пересветова: так же «мудрые философы» прорицают славу и силу царю; Грозный так же сравнивается с Александром Македонским. Этот подложный статейный список заимствовал из сочинений Пересветова не только самую идею использования формы делового документа для художественного произведения, но и «предсказание» о храбрости и славе Ивана Грозного [1].

Произведения И. С. Пересветова в XVII веке не только переписываются и переделываются. Создаются особые произведения, которые русскими книжниками приписываются Пересветову. Таково Сказание о Петре, в котором умело использованы основные идеи сочинений Пересветова в иной исторической обстановке.

Наконец, в этой связи еще раз следует упомянуть о включении отдельных произведений И. С. Пересветова в хронографы и летописцы. «Сказание о царе турском Магмете, како хощи сожечь книги» вошло в Хронограф редакции 1617 года и в Никоновскую летопись редакции 1630 года. Через хронографы это сказание широко распространилось в древнерусской рукописной традиции и может считаться наиболее популярным произведением Пересветова. Оно включалось в хронографы обычно при изложении событий, связанных с падением Константинополя в 1453 году. Причина включения именно этой повести в Хронограф заключается в том, что она наиболее полно высказала мысль о предопределенности падения Византии. Сказание Пересветова утверждает, что Магмет-салтан лишь орудие в руках бога, что хотя он и «неверный», но тем не менее понимает смысл и значение христианской веры и богослужебных книг и чуть ли не готов даже креститься в православную веру. По своим идейным установкам Сказание Пересветова целиком соответствовало общей идее Хронографа: показать значение Руси и православия в мировом историческом процессе [2].

[1] Впервые на это обратил внимание А. С. Орлов; см. его кн.: Исторические и поэтические повести об Азове (Взятие 1637 г. и Осадное сидение 1646 г.). Тексты. М., 1906, стр. 35—36.

[2] М. Н. Сперанский насчитал также около полутора десятков рукописей, в которых Повесть о взятии Царьграда объединена с этим Сказанием Пересветова [М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453 г.) в русской письменности XVI—XVII веков].

Сочинения Пересветова были популярны в русской рукописной традиции вплоть до конца XVIII века. Этому способствовала не только распространенность хронографов: многие сочинения И. С. Пересветова бытовали и в виде самостоятельных произведений, включаемых обычно в сборники литературно-исторического характера. Они читались и переписывались представителями различных общественно-социальных групп. Распространенность его сочинений в немалой степени объясняется и тем, что их идейная направленность почти во всех частях совпадала с официальной идеологией того времени. Критика общественных недостатков (за исключением критики рабства) не выходила за рамки дозволенного, так же как и апокрифические увлечения автора не колебали основ православия. Немалую роль в популярности сочинений Пересветова сыграл и простой, понятный, близкий к разговорному язык, лишенный столь обычного для середины XVI века налета книжности и риторичности.

Анализ читательских и владельческих записей на сборниках, содержащих сочинения Пересветова, показывает, что его произведения пользовались особенно большой популярностью в XVII веке и бытовали в самых различных кругах общества. Так, один из сборников принадлежал в конце XVII века стольнику Е. В. Крюкову и переплетался спасским дьячком из Тулы Денисом Семеновым [1]. Другой сборник принадлежал стольнику И. П. Строеву [2]. Сочинения Пересветова, входившие в «Измарагд», составляли собственность иеромонаха Лазаря Келетия [3]. Хронограф с сочинениями Пересветова в XVII веке принадлежал вначале старцу Троице-Сергиева монастыря Никифору Кавадееву, а затем в 70-х годах XVII века архимандриту Хутынского монастыря Пахомию [4]. Еще позже этот Хронограф оказался уже в руках подъячего приказа Большой казны Стефана Иванова, который и продал его в 1685 году [5]. Среди владельцев и читателей сборников с сочинениями Пересветова мы находим также крестьянина с. Ртома Андрея Тарасова сына Нетесова [6], посадского человека из Белоозера [7]. Читатели внимательно относились к трудам Пересветова и оставили на листах его сочинений большое количество помет («Зри»), свиде-

[1] ОИДР, № 198, л. 1. Подробные владельческие записи см. в «Археографическом обзоре».

[2] ГПБ, собр. Погодина, № 1604, л. 125.

[3] Там же, № 1606, лл. 2—4.

[4] ГБЛ, собр. Егорова, № 862, л. 583.

[5] Там же, л. 573.

[6] ГПБ, собр. Погодина, № 1668, лл. 1—38.

[7] Там же, л. 98 об.

тельствующих об интересе к изучаемому материалу [1]. Сборники с сочинениями Пересветова читались и переписывались в Москве [2], служили предметом купли и продажи в Архангельске («таможенный подъячей продал хронограф вологжанину дворовому человеку Кириллова монастыря») [3]. На некоторых сборниках сохранились пометы XVII века читателей и владельцев, без указания их классовой принадлежности и без упоминания географических мест [4]. Все эти пометы свидетельствуют и о значительном географическом распространении книг с трудами И. С. Пересветова и о знакомстве с ними еще в XVII веке широких читательских слоев. И в XVIII веке читатели продолжали с интересом относиться к сочиненениям Пересветова: в одном из сборников первой половины XVII века есть пометы XVIII века, где заглавия даются самими читателями, что указывает на активное отношение владельцев к содержанию сборника, например: «Султан учреждает справедливость и строгость» [5]. Пометы читателей XVIII—XIX веков есть и в других сборниках [6].

Анализ связей творчества Пересветова с русской литературной традицией убеждает нас в том, что труды этого талантливого и своеобразного публициста не являются чем-то случайным, наносным, принесенным извне, с Запада. Нет, творчество Пересветова было подготовлено всем ходом развития русской публицистики и русской общественно-политической мысли. Его сказания и челобитные органически входят в общее русло древнерусской публицистики, заключая собой литературную традицию предшествовавшего времени и в то же время начиная новый этап дворянской публицистики.

Творчество Пересветова тесно связано с общественно-политической борьбой середины XVI века и само по себе является одним из проявлений в литературе ожесточенной внутриклассовой борьбы дворянства с боярством. Творчество Пересветова дорого нам своими патриотическими идеями; мы видим в авторе популярных сказаний зоркого и вдумчивого человека, страдающего за Русскую землю, понимающего необходимость сильной централизованной власти, укрепления военного и экономиче-

---

1 ГПБ, собр. Погодина, № 1568; там же, № 1611.

2 ГИМ, собр. Щукина, № 466, л. 1.

3 ГИМ, собр. Уварова, 1399/104.

4 ЦГАДА, собр. Оболенского, № 132, л. 1—2, 15—471; ГБЛ, Музейное собр., № 1175; там же, № 435.

5 ГИМ, собр. Уварова, №№ 168 и 103, л. 216.

6 См., например: ГИМ, собр. Щукина, № 466, л. 191; ГПБ, собр. Вяземского, № 222, л. 10 об., и др.

ского могущества России. Вместе с тем мы ценим его как незаурядного писателя, взволнованно и горячо образным и простым языком рассказавшего современникам и потомкам не только о своих личных горестях и бедах, но и о «неправдах», постигших Русскую землю.





АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОЧИНЕНИЙ И. С. ПЕРЕСВЕТОВА

До настоящего времени сколько-нибудь полное издание сочинений И. С. Пересветова отсутствует. Предпринятая В. Ф. Ржигой в 1908 году наиболее обстоятельная публикация произведений этого видного публициста середины XVI века не может считаться исчерпывающей[1]. В. Ф. Ржига издал только один из видов (Погодинский) одного из дошедших до нас изводов Неполной редакции сочинений Пересветова (ниже мы его будем называть Сокращенным). Погодинский вид не только представлен поздними списками (60—70-е годы XVII века), но и дает неполный состав Сокращенного извода. К тому же в Сокращенном изводе изложены более кратко существенные части сочинений Пересветова (ср. Концовку в Полной редакции с сокращенной Концовкой, Повесть об основании и взятии Царьграда пересветовской редакции с переделкой отрывка о начале Царьграда). Отсутствует в Сокращенном изводе так называемое Второе предсказание философов, а в Погодинском виде — и Сказание о книгах (последнее В. Ф. Ржига издал по Олонецкому списку Полной редакции сочинений). Издателем достаточно широко не была проведена работа по разысканию текстов сочинений Пересветова и сравнению текстов различных редакций. Сочинения были искусственно разбиты на ряд произведений без предварительного выяснения того, имеем ли мы дело с единым трактатом или с сборником отдельных сказаний и челобитных. Наконец, В. Ф. Ржига не поместил в свое издание Повесть об основании и взятии Царьграда. Эта Повесть не только обычно начинает все сочинения Пересветова, значительная часть которых задумана как ее логическое продолжение, но и подверглась автором весьма интересной обработке.

---

[1] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. Чтения ОИДР, 1908, кн. 1, стр. 57—84.

Не ставя целью окончательно решать все вопросы источниковедческого анализа сочинений Пересветова ввиду их чрезвычайной сложности, мы в настоящем издании помещаем важнейшие из сохранившихся редакций произведений этого видного русского публициста XVI века, что дает материал исследователям для восстановления первоначального текста этих произведений.

Дошедшие до нас списки сочинений Пересветова можно условно разбить на две редакции: 1) Полная (Музейный и Олонецкий изводы), протограф этой редакции содержал все сочинения Пересветова; 2) Неполная (Сокращенный, Барсовско-Никоновский и Хронографический изводы) [1]. Каждый извод в этой редакции имеет пропуск тех или иных произведений Пересветова. Сказание о Петре Волосском, восходящее к Сокращенному изводу Неполной редакции сочинений Пересветова, мы выделяем особо, ввиду того, что оно представляет собой самостоятельное публицистическое произведение, лишь основанное на материалах Пересветова.

ПОЛНАЯ РЕДАКЦИЯ

Полная редакция известна нам по четырнадцати спискам, в их числе: Музейный I (*М*), Егоровский (*Ег*), Уваровский (*Ув*), Олонецкий (*Ол*), Мазуринский (*Мз*), Архивный (*А*), Погодинский III (*П III*), Погодинский IV (*П IV*), Титова I (*Т I*) и ОИДР (*Од*). Четыре списка XIX века (Вяземского — *В*, Царского — *Ц*, Барсова II — *Б II*, Перетца — *Пц*) содержат одну Большую челобитную. В целом списки Полной редакции не публиковались, хотя отдельные их части были изданы С. А. Белокуровым, Леонидом и В. Ф. Ржигой. Списки Полной редакции распадаются на два извода: Музейный (списки *М, Ув, Ег, В, Б II, Ц*) [2] и Олонецкий (списки *Ол, Мз, А, П III, П, IV, Т I, Од, Пц*) [3]. Протограф Олонецкого извода в целом ближе к протографу Полной редакции, чем протограф Музейного извода. Однако в основу публикации текстов Полной редакции мы кладом список *М*, ибо все списки Олонецкого извода чрезвычайно дефектны. Расположение отдельных частей сочинений Пересветова в списках Полной редакции см. в табл. 1.

---

[1] Не исключена, впрочем, возможность, что Хронографический извод непосредственно восходит к протографу сочинений Пересветова (см. об этом ниже).

[2] Списки *М, Ег, В, Б II, Ц* восходят к одному протографу и образуют особый — Музейный — вид этого извода.

[3] Списки *Ол, Пц, Мз, П III, Од, А* образуют Олонецкий вид, а списки *Т I* и *П IV* Титовский вид этого извода. О списке *А* см. дополнение в конце книги.

Таблица 1

Полная редакция сочинений Пересветова

Музейный извод			Олонецкий извод					
Музейный I	Егоровский	Уваровский I	Олонецкий	Мазуринский и Архивный	Погодинский III	Погодинский IV	Титова I	ОИДР
		(Письма Курбского)						
			Повесть об основании Царьграда	Повесть об основании Царьграда [А нет]				
		Большая челобитная	Большая челобитная	Большая челобитная				
Повесть об основании Царьграда	Повесть об основании Царьграда	Повесть об основании Царьграда					Повесть об основании Царьграда	Повесть об основании Царьграда
Повесть о взятии Царьграда	Повесть о взятии Царьграда	Повесть о взятии Царьграда (без начала)	Повесть о взятии Царьграда	Повесть о взятии Царьграда		Повесть о взятии Царьграда	Повесть о взятии Царьграда	Повесть о взятии Царьграда
Сказание о книгах	Сказание о книгах	Сказание о книгах	Сказание о книгах	Сказание о книгах			Сказание о книгах	Сказание о книгах
Сказание о Магмете	Сказание о Магмете	Сказание о Магмете	Сказание о Магмете	Сказание о Магмете	Сказание о Магмете (конец)	Сказание о Магмете (конец)	Сказание о Магмете	Сказание о Магмете
Первое предсказание	Первое предсказание	Первое предсказание	Первое предсказание	Первое предсказание	Первое предсказание	Первое предсказание	Первое предсказание	Первое предсказание
Малая челобитная	Малая челобитная	Малая челобитная	Малая челобитная		Малая челобитная			
Второе предсказание	Второе предсказание	Второе предсказание	Второе предсказание		Второе предсказание			
Сказание о Константине	Сказание о Константине	Сказание о Константине (без конца)	Сказание о Константине	Сказание о Константине	Сказание о Константине	Сказание о Константине (без конца)	Сказание о Константине (без конца)	Сказание о Константине
Концовка	Концовка		Концовка	Концовка [Мз без конца]	Концовка			Концовка
(Письма Курбского)								
Большая челобитная	Большая челобитная					Большая челобитная	Большая челобитная	
								Малая челобитная
								Второе предсказание



Список ГБЛ, Музейное собрание, № 4469, л. 12.

Список ГБЛ, Музейное собрание, № 4469, л. 83 об.

Музейный извод

1. Музейный I список (*М*) находится в сборнике ГБЛ (Музейное собрание, № 4469), приобретен Библиотекой в 1920 году. Сборник написан полууставом 30-х годов XVII века [1], переходящим в скоропись, на 653 листах, в четверку.

Весь текст сборника разделен на 25 глав и открывается оглавлением: «Сказание главам в настоящей сей книзе» (лл. 1—11 об.). Названия глав и начальные буквы следующих за ними текстов обычно написаны киноварью.

Содержание сборника следующее.

В главе I помещена Повесть об основании Царьграда (лл. 12—17) [2].

Глава II содержит Повесть о взятии Царьграда, за которой следуют оригинальные сочинения Пересветова (лл. 17—75). Сначала, на лл. 17—47 об., помещена повесть «О взятии Царяграда безбожнаго царя Магмета Амуратова сына Туръскаго царя» [3]; далее без особого заголовка, с выделением начальной буквы более густыми чернилами, идут произведения Пересветова: на лл. 47 об.—53 — Сказание о книгах (начальная буква **И** написана более густыми чернилами) [4]; на лл. 53—65 об. — Сказание о Магмете-салтане [слитно с предыдущим текстом, только буква **В** (В лето) на л. 54 об. написана более густыми чернилами] [5]; на лл. 65 об.—66 об. — Первое предсказание философов (слитно с предыдущим текстом) [6]; на лл. 66 об. — 69 об. — Малая челобитная (начальное **Г** напи-

---

[1] Водяные знаки: гербовый щит со львом (?), увенчанные короной (ср.: Тромонин, № 706 = 1627 г.); крепостные ворота с виноградом (Тромонин, №№ 1158, 1154 = 1638 г.); лилия (ср. щит с аналогичной лилией: Тромонин, № 1233 = 1636 г.).

[2] Начало: «Начало сооружения Царяграда. Когда разравнивали (до сих пор шел текст, написанный вязью, — *А. З.*) место 7 холмов, созидали Царьград во имя царя Констянтина Ивановича. В лето 5 тысящ 818 царьствующу в Риме».

[3] Начало: «И абие безбожный Магмет брань воздвиже».

[4] Впрочем, жирно написанные буквы встречаются кое-где и в тексте сочинений Пересветова: л. 48 **Н** (Настасии), **в** (видевши); л. 48 об. **И** (Ино глас), **и** (и на нас), **Ц** (Царь); л. 50 об. **Г** (Глас); л. 51 об. **Г** (Глаголю); л. 52 **Ц** (Царь шед); л. 52 об. **Д** (Да рече). Такая же манера выделения характерна и для Повести о Царьграде.

[5] Густыми чернилами написаны: л. 55 об. **Ц** (Царь же рече); л. 58 об. **Я** (Якоже небесное); л. 60 д (да Магмет), л. 60 об. **А** (А все то царь); л. 61 **И** (И они); л. 63 об. **Д** (Да всем тем); л. 64 **Д** (Да писал); л. 65 об. **Ч** (Что он, государь).

[6] В. Ф. Ржига говорит об одном предсказании философов, на второе он не обратил внимания.

сано густыми чернилами)[1]; на л. 69 об. — Второе предсказание философов (слитно с предыдущим текстом); на лл. 69 об. — 73 — Сказание о царе Константине (начальное **Б** написано более густыми чернилами)[2]; на лл. 73—75 — Концовка (слитно с предыдущим текстом).

Главу III сборника составляют послания Курбского и его сподвижников (лл. 75—83), а также Большая челобитная Пересветова (лл. 83 об. — 100). На лл. 75—78 помещены послания Курбского в Печерский монастырь («Список з грамоты Курбъскаго» в Печерский монастырь)[3] и старцу Вассиану[4].

Далее на лл. 78—81 об. находится первое послание Курбского царю Ивану Грозному (с заголовком «Курбъскаго»)[5]; на лл. 81 об. — 82 об. помещено послание Тимохи Тетерина Михаилу Яковлевичу Морозову[6], на лл. 82—83 об. «Список Полубенского»[7] и без особого заголовка на лл. 83 об. — 100 — Большая челобитная Пересветова (начальное **М** выделено густыми чернилами)[8]. Сочинения Курбского, Тетерина и Полубенского, очевидно, попали в царскую казну, где они позднее находились вместе с подлинником произведений Пересветова. В Уваровском сборнике сочинения Пересветова также встречаются вместе с письмами Курбского и его «товарищей», т. е. все эти материалы были взяты составителем Музейного извода (к которому относятся списки *М* и *Ув*) из одного хранилища — царской казны[9]. Переписка Курбского с печерскими старцами изъята была, по всей видимости, Иваном Грозным

---

[1] В. Ф. Ржига именует эту челобитную второй, а Большую челобитную первой. Поскольку эти названия Ржиги дают неверное представление о соотношении обеих челобитных, мы, вслед за Я. С. Лурье, предпочитаем их именовать Большой и Малой.

[2] Более густыми чернилами написано также **О** (Они же, вельможи) на л. 71.

[3] Начало: «Вымете бога ради, положено под пещию писание страха ради смертнаго».

[4] РИБ, т. XXXI, 1914, стр. 359—360, 405—410. (Начало: «В пречестную обитель... от прочих же чего чаяти»).

[5] Начало: «Царю от бога препрославленому».

[6] РИБ, т. XXXI, 1914, стр. 489—492. (Заголовок: «Тимохи Тетерина». Начало: «Господину Михайлу Яковлевичю»).

[7] Там же, стр. 479—498. (Начало: «От гетмана Вифлянския земли»).

[8] Такая же манера характерна для всей челобитной, в которой насчитывается до 40 жирно написанных букв. Заключительные строки челобитной на л. 100 написаны в виде пирамиды вершиной вниз (ср. *Ег*).

[9] Первое послание Курбского Ивану Грозному находится также в одном сборнике конца XVII века, содержащем Повесть об Азовском осадном сидении, восходящую к Посольскому приказу, куда в XVII веке поступили материалы царского архива (Описание рукописей А. И. Хлудова. М., 1872, стр. 297).

из Псковско-Печерского монастыря во время его похода 1570 года. Игумен Корнилий, как изменник, был казнен Иваном IV. О Печерском сборнике интересны соображения Я. С. Лурье[1]. Этот автор не учел, однако, того, что первое послание Грозного в Печерском сборнике первоначально отсутствовало (его нет ни в Музейном, ни в Уваровском сборниках) и добавлено туда позднее, очевидно, в Москве из царской канцелярии. Это добавление вызвано было стремлением составителя нового публицистического сборника противопоставить писаниям изменника Курбского концепцию Ивана Грозного[2].

Главу IV Музейного сборника (лл. 100 об. — 104 об.) составляет статья «О святем граде Иерусалиме». В главе V помещено так называемое Хождение Трифона Коробейникова 1582 года (лл. 105—145). Это Хождение также ведет нас к канцелярии Посольского приказа.

В последующих главах помещены церковные сочинения: «Чин, како подобает кадило чтити» (гл. VI); Сказание Агапия: «Чего ради оставляют роды и домы своя» (гл. VII); «Выписано изс Кизылбашских отписок Московъского государя посланников Василия Коробъина да дьяка Еустафия Кувшинова из роспросу Иерусалимъскаго келаря Иоаникия о срачице господа нашего Исуса Христа во 132-м году месяца июля в 27 день» с записями, доходящими до 26 марта 1625 г. (гл. VIII); и т. д. Главу XXIV составляет Стоглав (лл. 374—569).

К особенностям списка *М* и даже всего Музейного вида следует отнести некоторый книжный налет, следы церковнославянизмов в тексте («града» вместо «города», «Иоанна» вместо «Ивана» и др.)[3]. Очевидно, протограф этого вида сложился в церковной (митрополичьей) среде (см. весь состав Музейного, а также Егоровского сборников).

2. Егоровский список (*Ег*) помещен в сборнике ГБЛ (собрание Егорова, № 862), написанном полууставом

[1] Послания Ивана Грозного. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 212, 533—534, 539—540. Грозный, например, отвечал в 1577 году на послание Т. Тетерина Морозову, имеющееся в Печерском сборнике (стр. 212). Следовательно, текст этого сборника был ему известен.

[2] Нам представляется сомнительным вывод Я. С. Лурье о том, что послание Грозного было соединено с «Печерским сборником» в самом Печерском монастыре. Послание Грозного (первоначальной редакции) дошло до нас в списках XVII века, или вместе с этим сборником (в списке *П* и *А*), или в сборных рукописях (списки *К* и *Б*). Все это не позволяет также считать доказанным вывод о распространении послания по «всему Российскому царству» еще в XVI в.

[3] Ср. в списках *М, В, Ег*: «глаголет» вместо «говорит» (л. 88), сочетание «жд» вместо «зж» (выеждают, приеждий и т. д.).

XVII века, на 585 листах, в лист. Переплет — доски, обтянутые кожей, XVII века.

Основную часть сборника составляет Хронограф первой редакции (лл. 1—473 об.). В сборнике также находятся Повесть о Скандербеке из Хроники Мартина Бельского (лл. 474—503), позднейшая вставка из Степенной книги (лл. 504—512), на лл. 513—573 об. Повесть об основании и взятии Царьграда с Пересветовским сборником[1]. На лл. 574—582 помещена выпись из летописи («Выписано из История Киевского») о начале Руси вместе с кратким княжеским родословцем, касающимся сведений об убиении Дмитрия Углицкого, на лл. 583—585 об. — позднейшие приписки, в том числе «О писме Лектона Чиуса мудреца, как он писал из сивиллиных изо всех пророчеств о судном дни». Егоровский сборник состоит из двух разновременно составленных рукописей: 1) Хронограф и выпись из летописей; составлен в 30—40-х годах XVII века[2]; На полях его помета XVII века о принадлежности старцу Троице-Сергиева монастыря Никифору Кавадееву[3]; 2) выписи из Хроники М. Бельского, из летописей и Повесть о Царьграде с оригинальными сочинениями Пересветова; рукопись конца XVII века[4]. Характерно, что перевод Хроники М. Бельского хранится в царском архиве[5]. На л. 583 помета: «Книга, глаголемая Гранограф, сиречь летописец Хутыня монастыря архимандрита Пахомия и подписал я, Пахомий, сию книгу своею рукою». Пахомий был архимандритом в 1673—1674 годах[6].

Сочинения Пересветова помещены в сборнике в следующем порядке: на лл. 542 об. — 546 — Сказание о книгах (с жирно написанным начальным **И**); на лл. 546—554 — Сказание

---

[1] Водяной знак: однорукий кувшинчик с буквами «ЕВ» и небольшой гербовый щит, увенчанный короной, с неясной надписью под ним (кувшинчик сходного типа см.: Тромонин, № 1122 = 1638 г.).

[2] Начало: «Сказание о Царьграде, како создан бысть Римским великим царем Констянтином в лета 5818». Повесть обычной редакции, сходной с Никоновской, кончается словами: «и одоле неодолевших» (л. 542 об.). Конец Повести отсутствует.

[3] «Книга, глаголемая Гранограф, живоначальные Троицы Сергиева монастыря старца Никифора Кавадеева». По полям помета XIX века: «Сия книга Ирогожникова».

[4] Водяные знаки: узорный гербовый щит с лилией в центре, увенчанный короной (ср.: Тромонин, № 386 = 1681 г.); голова шута (ср.: Тромонин, №№ 384, 385 = 1676—1682 гг.).

[5] См. описание Хронографического извода сочинений Пересветова, стр. 108.

[6] П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Ростовской церкви. СПб., 1877, стр. 50.

о Магмете-салтане [1]; на лл. 554—555 — Первое предсказание философов; на лл. 555—557 — Малая челобитная; на л. 557—557 об. — Второе предсказание философов; на лл. 557 об. — 560 — Сказание о царе Константине; на лл. 560—562 — Концовка; на лл. 562—573 об. — Большая челобитная [2]. Отдельные части сочинений не отделены друг от друга (киноварь не употребляется). Текст представляет собой хорошую копию со списка, довольно далеко отстоящего от протографа Полной редакции, поэтому в нем имеется ряд дефектов. Текст близок к списку *М*.

3. Уваровский I список (*Ув*) сочинений Пересветова находится в двух рукописях ГИМ (собрание Уварова, №№ 168/1584 и 103/1321), некогда составлявших единое целое [3]. Переплет XIX века. Список писан небрежной скорописью первой половины XVII века [4].

В рукописях последовательно помещены: в первой рукописи (№ 168) на лл. 1—13 (147—159) — Печерский сборник (письмо Вассиану, первое послание Курбского Грозному, письма Т. Тетерина и А. Полубенского) [5]; на лл. 159—183 об. — Большая челобитная Пересветова (киноварью обведено начальное **М** [6]); на лл. 183 об. — 190 об. — Повесть об основании Царьграда [7]; во второй рукописи (№ 103) на лл. 191—209 об. — Повесть о взятии Царьграда (без начала); на 209 об. —

---

[1] На л. 549 об. помета «Оно изрядно лжет».

[2] Кончается текстом, написанным пирамидой с вершиной книзу. Далее помета XVII века: «197-го маия в 30 день продал сию книгу летописец Стефан Иванов приказу Большие казны подьячей, зачисто подписал своею рукою».

[3] Описание рукописей см.: Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 3. М., 1894, стр. 17—21, 232—234. Первая рукопись (на 44 листах, в малую четверку) помечена в XVIII в. лл. 147—190; вторая (на 56 листах, в четверку) помечена лл. 191—245. Рукописи, судя по пометам, некогда принадлежали Сахарову. Начало сборника (лл. 1—146 об.) и конец, очевидно, потеряны.

[4] Водяной знак: лилия в вазе с сердцем в середине (ср.: Тромонин, № 1211 = 1636 г.).

[5] В том числе: послание в Печерский монастырь «Список з грамот Курпъского. Вымете бога ради положено писание под печью... не затеряйте» (л. 1), послание Курбского Вассиану (лл. 1—5); первое послание Курбского Грозному (лл. 5—9 об.); послание Тимохи Тетерина (лл. 9 об. — 11 об.); послание Полубенского (лл. 11 об. — 13). Все эти произведения опубликованы Леонидом по этому списку.

[6] На л. 160 об. киноварью обведена буква **Г** (Государю), ср. *М*, л. 84 об.

[7] Конец: «Оскудеша сильнии, обнищаша людие, преуничижися град и смирися зело» (л. 190 об.).

[8] Нач. «Чада, дерзайте, глаголюще на господа» (ср. *М*, л. 33 об.).

216 об. — Сказание о книгах Пересветова (начальное **И** обведено киноварью) [1]; на лл. 216 об. — 235 — Сказание о Магметесалтане (слитно с предшествующим текстом) [2]; на лл. 235—236 об. — Первое предсказание философов (слитно с предшествующим текстом); на лл. 236 об. — 240 об. — Малая челобитная (начинается с небольшим отступлением от левого края рукописи); на л. 240 об. — Второе предсказание философов (слитно с предшествующим текстом); на лл. 240 об. — 245 — Сказание о Константине (слитно с предшествующим текстом), конец Сказания отсутствует [3]. Однако л. 245 об. в рукописи чистый и конечная буква на л. 245 помечена киноварью, это свидетельствует о том, что и протограф рукописи был без конца. На полях обеих рукописей пометы XVIII века в виде заголовков к отдельным произведениям или их частям [4]. Изредка начальные буквы новых произведений или их частей помечены киноварью. Список *Ув* в целом ближе к *М* и *Ег*, хотя имеет и некоторые черты, роднящие его с Олонецким видом.

Олонецкий извод

4. Олонецкий список (*Ол*) сочинений Пересветова находится в сборнике XVII века БАН (33.7.11). Рукопись XVII века, на 525 листах, в четверку [5]. Переплет кожаный, XVII века.

Сочинения Пересветова входят в состав шестой рукописи сборника (лл. 217—343), написанной скорописью 30-х годов XVII века [6]. О близости составителя сборника к приказной

---

[1] Киноварью обведены: л. 212 об. **г** (глас), ср. *М*, л. 50 об.; л. 215 об **и** (прошло), ср. *М*, л. 52 об. (пришло).

[2] При переплетении рукописи лл. 232—233 помещены после л. 237.

[3] Кончается словами: «не достоит царю Коньстяньтину на иноплеменников ходити». Малая челобитная, Второе предсказание философов и Сказание о Константине опубликованы Леонидом.

[4] В рукоп. № 168: л. 147 «Ку[р]пскаго», л. 155 об. «Тимохи Тетерина», л. 157 об. «От гетмана память», л. 159 «О мудрости», лл. 160 об. — 161 «Челобитная царю от Пересвета», л. 183 об. «О создании Констянтинополя». В рукоп. № 103: л. 191 «О възятии турками Царяграда», л. 209 об. «Отобрание султаном от греков кник», лл. 212 об. — 213 «О гласе патриарху с небеси», л. 216 «Султан учреждает справедливость и строгость», л. 234 «Латыне спираютца с греками».

[5] О сборнике см.: Описание Рукописного отделения Библиотеки АН СССР, т. IV, вып. 1. М. — Л., 1951, стр. 132—133.

[6] Всего в сборнике восемь рукописей, написанных примерно в одно время. Подробнее о датировке сборника см.: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М. — Л., 1950, стр. 20 — 22. Водяного знака на бумаге шестой рукописи нет.

среде говорит помещенная там Тысячная книга и отрывок об окладах слугам Сытного двора (л. 119 об.) [1].

Состав шестой рукописи следующий: на лл. 217—225 — Повесть об основании Царьграда, половина л. 225 оставлена чистой; на л. 225 об. заголовок с киноварными **Му** (Мудрость), далее идет текст, написанный более светлыми чернилами до слова «аще» (а написано киноварью); на лл. 225 об. — 252 — Большая челобитная; на лл. 252—300 об. — Повесть о взятии Царьграда (отступя от конца Большой челобитной); на лл. 300 об. — 308 — Сказание о книгах (без особого выделения); на лл. 308—326 об. — Сказание о Магмете-салтане (без особого выделения); на лл. 326 об. — 328 об. — Первое предсказание философов (без особого выделения); на лл. 328 об. — 332 об. — Малая челобитная (без особого выделения); на лл. 332 об. — 333 — Второе предсказание философов; на лл. 333—337 об. — Сказание о царе Константине (с отступлением от предыдущего на одну строку); на лл. 337 об. — 340 об. — Концовка (без особого выделения); на лл. 341—343 — Слово премудрости Соломона [2].

Рукопись содержит дефектный текст сочинений Пересветова (пропуски, неверные чтения и т. д.), списанный, очевидно, с написанного скорописью XVII века протографа, который дает хорошую и раннюю редакцию сочинений.

Возможно, рукопись составлена на севере. Так, например, в Большой челобитной на л. 246 вместо «запись изодрал», написано «рукописание растерзал». «Рукописанием» на севере обычно именовались завещания.

5. Мазуринский список (*Мз*) находится в сборнике ЦГАДА (собрание Мазурина, № 739). Сборник написан на 345 листах, в четверку, скорописью середины XVII века [3]. Переплет деревянный, обтянутый кожей, XVIII века.

Сборник состоит из двух частей. В первой части помещено

---

[1] На л. 353 и сл. помещен посольский наказ 1613 года А. И. Зюзину, отправлявшемуся в Англию; на л. 519 и сл. помещено описание дороги к Переяславлю Залесскому, составленное в 1638 году в Большом дворце.

[2] Начало: «Южеска царица Малтатуска пришла».

[3] Водяной знак: гербовый щит без короны, пересеченный двумя линиями, в нижней части щита буквы «РВ» (несколько напоминают Тромонина, №№ 1331—1332 = 1649 г.). По листам помета XVII века: «Сия книга Арьтемья Шутихина. Подписал он же своею рукою». На чистом л. 227 запись XIX века: «Сия книга летописец куплена в селе Павлове у Ивана Василева Кузницова, а цена ей рубль пятьдесят капеек. А купил тмогрешный раб Маркел Сергеев. А сию книгу потписал своею рукаю тмагрешны раб Степан поп сын кузнецев, по простому Чесноков» Экслибрис на переплете: «Из книг великоустюжского купца Григорея Медведкова». № 464.

Сказание о Троянской войне и выдержки из Хроники М. Бельского с приписками (лл. 1—226)[1]. На лл. 228—345 об. помещена Повесть о Царьграде и оригинальные сочинения Пересветова[2], в том числе: на лл. 228—236 об. — Повесть об основании Царьграда[3]; на лл. 236 об. — 266 об. — Большая челобитная[4]; на лл. 266 об. — 312 — Повесть о взятии Царьграда[5]; на лл. 312—320 — Сказание о книгах (слитно с предшествующим текстом); на лл. 320—322 об., 336—336 об., 323—323 об., 326—327 об., 341—341 об., 328—335 об., 337—338 — Сказание о Магмете-салтане (без особого выделения)[6]; на лл. 338—338 об., 324—325 — Первое предсказание философов; на лл. 325—325 об., 339—340 об., 342—344 — Сказание о Константине (начинается с красной строки и киноварного текста); на лл. 344—345 об. — Концовка (без особого выделения)[7].

Сочинения Пересветова и Повесть о Царьграде восходят к протографу, с которого сделан Олонецкий список. Сходно и размещение частей сочинения Пересветова. Отсутствие Малой челобитной и Второго предсказания философов, возможно, объясняется тем, что эти тексты не рассматривались как литературные произведения, а поэтому опускались (кстати, их нет и в списках Погодинском IV, Титова I, а в ОИДР они помещены в конце всего Пересветовского комплекса). Составитель Мазуринского списка охотно применяет киноварь в Большой челобитной (особенно для текстов: «И тако говорит Петр», «Петр волосский воевода говорит», и т. д.) и в Сказании о книгах; в других сочинениях Пересветова киновари уже меньше[8].

---

[1] Начало: «[П]очалась война у троян з греки. И воевали они 10 лет 8 месяц и 12 дней» Сведения о русской и польской истории доведены до смерти Сигизмунда в 1547 году (л. 128 об. «И королевство дал по нем. По смерти ево до зде»). На лл. 128 об. — 130 об. сведения о славянской грамоте; лл. 131—163 об. «В лето от сотворения свету 417-го... и царство Римское почалось. Конец войне Троиской»; лл. 163 об. — 221 «[П]овесть о Скандербеке князе Албанском... и там скончали живот свой»; на лл. 221—226 приписки: выписки из печатного издания 1799 года «Ядра» Грибоедова (Манкиева).

[2] Внизу этой части сборника особая нумерация тетрадей (1—16).

[3] Начало: «Начало сооружения Царяграда, коли разровняли место седми холмов, а соружали Царьград».

[4] Начинается с киноварного заголовка: «Мудрость... дохтуров».

[5] Конец: «последня не проидут».

[6] Здесь и ниже листы перепутаны при переплетении.

[7] Кончается словами: «приидет ни от слез». Конец в рукописи отсутствует (очевидно, утеряны листы).

[8] Ср.: л. 325 «Благоверный царь Констянтин и и[мати]»; л. 338 «с великих мудростей пишут п[ро]»; л. 336 об. «В лето... доходы себе в»; л. 330 об. «Ф[араон]»; л. 328 об. «Т[ако царь турский]».

дукасъ и великіи доместикъ и анактосъ
і андрѣи протостратовъ сынъ. і братани
его асанъ и фома, палеоло. і епархъ гра
скіи николаи ѿпустиша царицу в корабли.
і аби е салтанъ и ста завъ ихъ по делѣ ка
знити смертию. і си тако бываемы и сице
содержаемы грѣхъ ради наши. беззако
нныи же магметъ есть де на прстле царскомъ
і благодарне и шавесе иже посланцемъ і зоо
бладаша. владѣюще двема частми все
ленныя, і одолѣ не одолѣвши. і повелѣ
царь турскіи магметъ салтанъ оу патріарха
анастасія книги взяти всѣ греческия.
і писати книги христіянскія по турецки
слово в слово. да помысли есте и ты и само
а нами и собызы и епаше мудрыми,
і со всею своею думою, і хотѣлъ книгъ гре
ческих не ѡдати анастасіе патріархъ.
і христіянскую вѣру и греческіи законъ
почернити до конца, коіе влимеіи въ царѣ
граде. і сослѣдалъ то патриархъ анаста
сіе мысль магметову, что не хощетъ
книгъ божественныхъ ѿдати. заплакада
поше в задние хоромы свои, гдѣ стаи
прежніе стеновали на малтшае по местыхъ,
і срцемъ бгатцидели, і аггло собесѣдники
были. і они же не бна аггланиа вѣдали
і слышали пѣсни слубжіию ѡаггльсты

Список ГБЛ, собрание Егорова, № 862, л. 542 об.

рѣчи оумдры людей і оучителии мно
ги доктуров и философов пребывающе вели
кого гдря. і противъ црьское ѿ бга,
мдрое прирожденіе и счастли
вое искоиству. і оставлши
вшии службы богатыя,
і безцрочинныя, вых
хали і ко тебѣ гдрю
блговѣрно мдрю
служити стпѣ
ми рѣчми, и
дрѣлы спо и
сиіми ка
тобѣ гдрю
полюби
тися слу
жени
комо
ехи
лопа
тво
его
. . .
.
.

Список ГБЛ, Музейное собрание, № 4469, л. 573 об.

6. Погодинский III список (*П III*) сохранился в составе сборника ГПБ (собрание Погодина, № 1604), в четверку, на 885 листах, написанных скорописью конца XVII века [1]. Переплет картонный XIX в.

Весь сборник, очевидно, уже в конце XVII века составлял одно целое. Об этом свидетельствует его оглавление на л. 1—1 об., написанное в конце XVII века. «Заглавие книги сея, что имать в себе». Раздел, содержащий сочинения Пересветова, озаглавлен: «Пленения Римского царя и о иных вещах 6 тетратей». Сборник, или во всяком случае его основная часть, видимо, составлен П. Б. Строевым [2] и находился в семейном архиве Строевых, откуда попал к М. П. Погодину.

Материал сборника взят из приказной канцелярии. Так, на лл. 525—687 об. помещено Сказание о князьях Владимирских и родословец, включая гл. 68 (род Тутолмин); на лл. 687 об. — 692 — так называемая Поганая книга [3], написана почерком, сходным с писавшим сочинения Пересветова; на лл. 515—523 об. помещены: Сказание о Магмете-салтане (лл. 515—516 об., со слов «у царя Костянтина судили татей и разбойников»; ср. *М*, л. 63 об.); Первое предсказание философов (лл. 516 об. — 517 об.; текст не отделен от предшествующего); Малая челобитная (лл. 517 об. — 519 об., начальная буква Г написана более яркими чернилами); Второе предсказание философов (лл. 519 об. — 520; текст не отделен от предшествующего); Сказание о царе Константине (лл. 520—522; начинается с красной строки); Концовка (лл. 522—523; текст не отделен от предшествующего). Список Погодинский III в целом близок к Олонецкому. Текст сочинений Пересветова дефектен: очевидно, начала Пересветовского сборника нет, а в дошедшей части много неверных чтений. После сочинений Пересветова, на лл. 523 об. — 524 текст: «Человеческих родов 72, а звериных 50, да рыбьих 102, и зме[и]ных 104. О пути ко Царюграду и ко Иерусалиму от

---

[1] О рукописи см.: А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1. СПб., 1882, стр. 313—327. Водяной знак: разные виды двуглавого орла (ср.: Тромонин, № 1357 = 1697 г.).

[2] См. на л. 125 помету: «Сия книга стольника Ивана Петровича Строева»; на л. 195: «Сия книга Петра Борисовича Строева, а писана сия книга лета...» (дальше оторвано).

[3] Начало: «В лето 6901-го месяца июня в 14 день бог поручил Великий Новьгород великому князю Ивану Васильевичу». Далее роспись испомещенных лиц в 21 новгородском погосте. На л. 692 об. помета «Лета 7189-го декабря в ... день»; ср. на л. 730 об. помета «Лета 7187-го марта в 27 день написана сия тетрать». В пятой тетради помещены отрывки из Хроники М. Бельского и Повесть о Скандербеке в их числе.

Москвы до Киева 1000 верст»; далее роспись дорог к Царьграду до слов: «Церковь Никола чюдотворец, а в той церкви служит патриарх Александрийский Иоаким». Иоаким II вступил на престол в 1665 году.

В составе шестой рукописи (лл. 480—524) [1], содержащей сочинения Пересветова, находятся также отрывки из Степенной книги (лл. 492—500, 502—511 об.), переделка из Иосифа Флавия (лл. 480—492 об.), послание Иоакима, патриарха Александрийского, Ивану Грозному от 20 октября 7065 года (лл. 511 об. — 514 об. также из Степенной книги) [2]; на лл. 500—502 об. — «Сказание о приходе Турского и Сорочинов на Кипрьский остров» [3].

7. Погодинский IV список (*П IV*) помещен в сборнике ГПБ (собрание Погодина, № 1606) [4].

Сборник включает 11 различных рукописей на 339 листах, в четверку. Он представлял уже единое целое к середине XVII века; был снабжен оглавлением (лл. 2—4) [5], написанным на бумаге с гербовым щитом (в центре лилия) с короной [6]. Сборник к середине XVII века находился в Костромском Ипатском монастыре [7] и, судя по пометам, у костромского купца Кузьмы Андреева сына Коржавина. В составе восьмой рукописи (лл. 145—176) [8] помещена Повесть о взятии Царьграда [9]. На бумаге с водяным знаком, аналогичным знаку девятой рукописи, помещена Космография (лл. 211—227 об.), Повесть о Дракуле (лл. 229 об. — 233 об.), Сказание о пути

---

[1] Начало: «Пленение римскаго царя Тита Еустиянова сына Ерусалима».

[2] Послание без конца, оканчивается словами: «милость твоя имат быти непрестано во дни и в нощи».

[3] Начало: «В лето 6060-го году приидоша поганни турчане».

[4] О сборнике см. подробнее: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1, стр. 336—348.

[5] В оглавлении девятая рукопись с сочинениями Пересветова составляет 52-ю главу сборника («51. Взять[е] Царяграда. 52. Указ Турскаго царя судиям, чтоб не прелщались и неправдою б не судили»).

[6] На л. 1 помета: «Сия книга, глаголемая Измарагад, иеромонаха Лазоря келейная». Первая часть рукописи (до л. 85 об.) более ранняя (водяной знак: кувшинчик). На л. 144 об. позднейшая помета: «28 июня 1659 года». На л. 1 об. помета: «Сия книга, глаголемая Измарагад слуги Андреяна Спиридонова».

[7] Ср. на л. 114 об. запись: «В Ыпатцком монастыря под церковью порох запалился», и другие заметки (7163 г.).

[8] Последний лист (176) написан тем же почерком, что и сочинения Пересветова.

[9] Начало: «Властвующу турки безбожному Махмету Амуратову сыну». Конец: «И абие истязав их много, повеле казнити смертию».

Иеросалимстем (л. 266 и сл.) [1], Повести об Азовском осадном сидении (лл. 315—327, 338 и сл.). На л. 342 и сл. помещена 24-я глава Соборного Уложения 1649 года. Сочинения Пересветова составляют девятую рукопись (лл. 177—197 об.), писанную скорописью середины XVII века [2]. Список *П IV* дефектен. Часть сочинений Пересветова в нем отсутствует, некоторые не имеют начальных или конечных частей и содержат значительное число испорченных чтений.

В целом список близок к *Ол.* Состав сочинений Пересветова следующий: на лл. 145—176 — Повесть о падении Царьграда в редакции, близкой к списку Оболенского [3]; на лл. 177—186 об. — Сказание о Магмете-салтане, без вступления, начальная буква **В** написана киноварью [4]; на лл. 186 об. — 187 об. — Первое предсказание философов; на лл. 187 об. — 188 об. — Сказание о царе Константине, начальная буква **Б** написана киноварью, без конца [5]; на лл. 189—197 об. — Большая челобитная, начальная буква **М** написана киноварью, без конца [6].

8. Список Титова I (*Т I*) находится в рукописном сборнике ГПБ (собрание Титова, № 2620), на 265 листах, в четверку [7]. Переплет картонный, обтянутый кожей.

Сборник составлен из ряда рукописей XVII—XVIII веков [8]. Сочинения Пересветова помещены в рукописи, написанной скорописью середины XVII века (лл. 90—208 об.) [9]. В этом сборнике находятся, кроме сочинений Пересветова, главным образом церковно-нравоучительные произведения: Повесть о некоем старце, Житие Федора Тирона и т. д.

На лл. 138—164 помещена Повесть об основании и взятии Царьграда (в редакции Голицынского списка Никоновской

---

[1] На лл. 315—327 помещена так называемая историческая повесть распространенной группы первого вида, см.: Воинские повести древней Руси. М., 1949, стр. 260.

[2] Водяной знак: большой гербовый щит, увенчанный короной с лилией в центре и с буквами «ИС» (?) под ним.

[3] Ср., например: «Он же, окаянный, облобыза и рече: „Воистинну яз взят тя бог миру народ и царь, почто всуе погибе?". И послал к патриарху, да обложит ю сребром».

[4] Начало: «В лето 6961»; ср. *М*, л. 54 об.

[5] Кончается словами: «лет своих, яко об нем философы и дохтуры пишут»; ср. *М*, л. 71.

[6] Кончается словами: «отбивали божие милосердие»; ср. *М*, л. 95 об.

[7] См.: Охранный каталог рукописей А. А. Титова, вып. 3, М. 1888, стр. 112.

[8] На лл. 1—89, 209—264 рукописи XVIII века.

[9] Водяной знак: гербовый щит с лилией (ср., Тромонин, № 1677 = 1640 г.). В нумерации листов путаница: после лл. 138—169 снова помечены лл. 157—185 об.

летописи); на лл. 164—168 — Сказание о книгах; на лл. 168—177 об. — Сказание о Магмете-салтане; на лл. 177 об. — 179 — Первое предсказание философов; на лл. 179—180 об. — Сказание о Константине, без конца [1]; на лл. 180 об. — 185 об. — Большая челобитная, сильно сокращенная и без конца [2].

Список очень дефектен, но он близок к *П IV*, восходит к протографу этого текста (в обоих списках, например, воевода Петр назван Волынским, а не Волосским), и местами распространяет его авторскими пояснениями [3].

9. Список Общества истории и древностей российских при Московском университете (ранее ОИДР, № 198; *Од*) [4] до недавнего времени считался утерянным. В настоящее время обнаружен Г. Н. Моисеевой в собрании рукописных книг ЛОИИ, № 142.

Сборник, в котором находятся сочинения Пересветова, состоит из трех рукописей, написанных скорописью конца XVII века, на 232 листах, в четверку [5]. Переплет — доски, обтянутые кожей, XVII века. Первая рукопись имеет свою нумера-

[1] Кончается словами: «философы и дохтуры многие пишут про его царскую мудрость и про великую силу и про служьбу богатырскую и про войско его великое и как что будет над царем Констянтином и над царьством его над Царемградом». Здесь переписчик решил дать обобщающую концовку, почувствовав обрыв имевшийся в протографе (ср. *М*, л. 71).

[2] Кончается словами: «божие милосердие»; вместо дальнейшего — «царя Костянтина велми и зело оскудили. То они, окаяннии судьи, не мир отбивали от царя и от царства его; но отбивали они от царя и от себе божие милосердие отганяли. И навели на Царьград великую победную злую таковую погибель и великую такую пакость и мерзость за неистовные своя злыя дела, иже злому тому агарянину бог поручил такое царьство. Богу нашему слава всегда и ныне и присно и во веки веков. Аминь!» (ср. *М*, л. 95 об.).

[3] Ср., например, *М*, л. 84 об. «неверных», а в *Т I* «бусурманов неверных турков»; л. 85 об. «напустити», после чего в *Т I* доб. «и алафою всегда жаловати»; л. 87—87 об. «в твоем царстве», после чего в *Т I* доб. «государстве волном»; л. 70 об. «камением», *Т I* доб. «и жемчугом драим»; «казна царева», *Т I* доб. «неполна стала, попрежнему не собирается»; л. 55 «велел судити прямо», *Т I* доб. «вправду, беспосулно»; л. 55 об. «бумагою», *Т I* доб. «клопчатою»; л. 56 об. «меч наведен», *Т I* доб. «и поставлен противу горла», «шерт пиет», *Т I* доб. «и огненная стрелба его не убиет»; л. 58 об. «царство не оскудело», *Т I* доб. «и слезы бы и кровь християнская не лилася; л. 59 об. «смертною игрою» *Т I* доб. «в первых головах»; л. 60 «опалы», *Т I* доб. «и укреплены крепостьми всякими»; л. 65 «противляется», *Т I* доб. «смиренным же дает благодать»; л. 92 об. «Казанского царя», *Т I* доб. «Симеона».

[4] Библиотека имп. ОИДР, М., 1845, стр. 82—83. Водяной знак: герб Амстердама.

[5] На первом ненумерованном листе помета: «Сия книга столника Емельяна Васильевича Крюкова, отдана в переплет 202 году июля в 20 день; а переплетал Спасский дьячек Денис Семенов, города Тулы церкви Спаса Преображенья».

цию (1—16) тетрадей (XVII век). Рукопись (лл. 1—141) составляют сочинения Пересветова (разделенные на 153 главы) [1]. Во второй рукописи (лл. 142—217) помещен Казанский летописец, разделенный на 92 главы [2]; в третьей рукописи (лл. 218—232) — «Повесть зело полезно, выписано от древних Палестинских летописцев» [3]. По мнению П. М. Строева, почерк этой рукописи «моложе обоих предыдущих».

Малая челобитная и Второе предсказание философов были опубликованы С. А. Белокуровым [4]. Порядок сочинений Пересветова в списке *Од* следующий [5]: на лл. 22—99 — Повесть об основании и взятии Царьграда (гл. 1—106); на лл. 99—106 — Сказание о книгах (гл. 107—113); на лл. 106—125 — Сказание о Магмете-салтане (гл. 113—139); на лл. 125—126 — Первое предсказание философов (гл. 140); на лл. 126—134 — Сказание о Константине (гл. 141—149); на лл. 134—138 — Концовка (конец гл. 149, а также гл. 150—152); на л. 138—141 об. — Малая челобитная (гл. 153); на л. 141 об. — Второе предсказание философов (гл. 153).

Список ОИДР, в отличие от всех других, имеет деление на главы (Пересветовский комплекс разделен на 153 главы). В. Ф. Ржига полагал, что список *Од* заключает в себе позднейшую переработку пересветовских сочинений вместе с Повестью о Царьграде. Характерными чертами этой переработки он считает: 1) разделение на главы; 2) более пространное изложение по сравнению с другими рукописями (в частности, полное наименование «Магмет-салтан, царь турской», «благоверный царь Константин Ивановичь»); 3) наличие Концовки, хотя в целом он относит Концовку к Полной редакции пересветовских сочинений. Список ОИДР наиболее близок списку Погодинскому III, а следовательно, и к Погодинскому IV, Титова I, и Олонецкому. Отсутствие Большой челобитной в списке ОИДР является лишним доказательством ее обособленного положения в составе Полной редакции сочинений Пересветова (очевидно, написана была в отдельной

---

[1] Начало: «Сказание о зачатии и о мудрости и о взятии царствующаго седьмихолмнаго Константиня, имянуемаго Царяграда, ныне же турки глаголют его Станбол, о сем пишут философи греческия и латинския». Фраза о философах, как и некоторые другие вставки в текст Повести по списку *Од*, является стилизацией под Пересветова.

[2] О нем см.: «Казанская история», М.—Л., 1954, стр. 38.

[3] Начало: «Бысть в Полестинских странах, в некоем граде велице царь благочестив и славен зело».

[4] Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV 7057 г. (1548—1549 гг.). Чтения ОИДР, 1902, кн. 4, стр. 13—14.

[5] На лл. 1—21 об. помещено оглавление: «Главы настоящия книги».

тетради). Четыре списка, хотя содержат всего одну Большую челобитную, но относятся также к Полной редакции, ибо являются копиями с текста Большой челобитной по спискам этой редакции.

10. Список Вяземского (*В*) Большой челобитной представляет собой копию XIX века, хранящуюся в ГПБ (собрание Вяземского, Q № 222). Рукопись помещена в тетради на 1 + 10 + 1 листах, в четверку. Это хорошая копия, написанная скорописью, с хорошей рукописи. В конце текста на л. 10 об. написано: «Съписана с рукописи XVII века И. А. Г.» [1].

11. Список Царского (*Ц*) Большой челобитной помещен в сборнике ГИМ (собрание Уварова, № 636/1980) начала XIX века, на 102 листах, в четверку [2]. Сборник включает три разновременно составленных рукописи. Вторая помещена на лл. 66—89 об., написанных полууставом начала XIX века [3]. Озаглавлена она «Премудрости греческих философов и Ивана Полоского воеводы». Текст Большой челобитной идентичен списку Вяземского и Барсовскому [4]. В конце его находится помета, написанная тем же почерком: «Выписано из рукописи 17 века». Составитель сборника охотно употребляет киноварь.

12. Барсовский II список (*Б II*) Большой челобитной представляет собой третью копию XIX века, находящуюся в ГИМ (Собрание Барсова, № 2145). Рукопись написана полууставом на 22 листах, в четверку (с киноварными заглавными буквами) [5]. В начале рукописи киноварная запись «Съписана с рукописи XVII века И. А. Г.». Списки Царского, Барсовский II и Вяземского восходят, таким образом, к одному протографу XVII века, которым, возможно, был Музейный список [6]. Отличия этих списков от Музейного столь незначительны, что не позволяют определенно говорить об их происхождении от какого-то иного протографа.

13. Список Перетца (*Пц*) Большой челобитной находится в сборнике Архива Института русской литературы

---

[1] См.: Описание рукописей кн. П. П. Вяземского. СПб., 1902, Q № CCXXII, стр. 403. Водяной знак отсутствует.

[2] Описание сборника см.: П. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие ... И. Н. Царскому. М., 1848, стр. 608—609; Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 4. М., 1894, стр. 373.

[3] Бумага датируется водяным знаком «1824».

[4] К сожалению, Леонид не указал (в отличие от П. Строева), что произведение это принадлежит Пересветову. Поэтому список Царского остался неизвестным в литературе.

[5] Бумага с водяным знаком 1819 года.

[6] Барсовский список, как идентичный со списком Вяземского, для вариантов нами не привлекается.

АН СССР (Пушкинский Дом; собрание Перетца, № 476). Это сборник, написанный полууставом начала XIX века, на 137 листах, в восьмушку. В составе его различные произведения церковной литературы (слова Епифания Кипрского, Иоанна Златоуста), на л. 73 и сл. имеется послание митрополита Фотия во Псков. Челобитная Пересветова помещена в конце сборника, на лл. 93—135 [1]. Список Перетца к изданию нами не привлекается, ибо он является копией, сделанной с Олонецкого списка [2].

НЕПОЛНАЯ РЕДАКЦИЯ

Отличительной чертой Неполной редакции является неполный состав сочинений Пересветова в каждом из ее изводов.

Неполная редакция состоит из трех изводов: Сокращенного, Хронографического и Барсовско-Никоновского. Списки Полной редакции имеют общие чтения и тексты, отличающиеся от всех списков Неполной редакции. Очень характерно, например, что такой явный полонизм, как слово «заможные», встречается только в списках Полной редакции (*М*, л. 59 об.). В Сказании о Магмете в Полной редакции имеются четыре места, отсутствующие в списках Неполной редакции. Один пропуск имеется и в Сказании о книгах Неполной редакции. Эти тексты следующие (выделены разрядкой):

1) л. 55 об. «и виноватаго. А не мочно царю без грозы быти, как конь...»;

2) л. 60 «детем его, кои воинник со отпяткою биется ...»;

3) л. 60 «кому нибуди. А не велел их прикабаливати, ни прихолопити, а служити...»;

4) л. 65 об.: «беседовали. Греки же рекоша: А есть ли бы к той правде...»;

5) л. 49: «трясение про книги християнския. Царь же Магмет-салтан от сна своего трепетен бысть и во ужасе велице и глагола: „Господа бога есми разгневил". И скоро посла...».

Никакой случайностью пять одинаковых пропусков в трех независимых друг от друга изводах, происходящих от одного протографа, объяснить нельзя. Эти пять очень важных мест могли быть или приписками составителя Полной редакции,

---

[1] Заголовок: «Последование Иоанна Пересветова о Петре волоском воеводы». Начало: «Аще кто хощет при помощи божии».

[2] Пользуюсь случаем выразить благодарность В. И. Малышеву, указавшему мне на этот список.

или пропусками составителя протографа Неполной редакции. Принять первый вариант не позволяет самый характер пропусков.

1) Текст на л. 55 об. не только целиком в духе Пересветова[1], но и является естественной связкой: он объясняет, почему царь не щадит виноватых, что в свою очередь поясняется сравнением царства со взнузданным конем.

2) Текст о воиннике, бьющемся «с отпяткою», абстрактно рассуждая, мог быть и вставкой и пропуском, но энергичный и образный характер его говорит скорее за авторство Пересветова.

3) Фраза о «прикабаливании» перекликается не только с русской действительностью середины XVI века (ср. у протопопа Сильвестра о добровольном холопстве), но и с вышеизложенным («дал волно служити»). Эти слова являются логической связью, без которой непонятны предшествующий текст о распоряжении Магмета относительно службы у вельмож, и притча о фараоне. Ее пропуск понятен: он объясняется механическим перескоком переписчика с одного слова «служити» к другому.

4) Текст на л. 65 об. объясняет, что соображение о присоединении христианской веры к турецкой «правде» было высказано греками. Это место не только вполне объясняется всем представлением Пересветова о греках (ср. Большую челобитную, о службе греков Магмету-салтану), но и совершенно необходимо в контексте: без него фраза о втором варианте соединения «правды» и веры становится бессмысленным повторением[2].

5) Наконец, текст из Сказания о книгах также не может быть позднейшей припиской, он является необходимым связующим звеном рассказа, сообщающим о впечатлении, которое произвело видение на Магмета, а именно то, что Магмет проснулся «в ужасе велицем», и объясняет вызов им патриарха Анастасия.

Таким образом, указанные выше чтения были в подлиннике сочинений Пересветова, иначе говоря, изводы Барсовско-Никоновский и Сокращенный восходят к одному протографу[3].

---

[1] Ср. *М*, л. 93 об.: «А царю без воинства не мочно быти».

[2] Подтверждением того, что здесь идет речь о соединении «правды» и веры для царства Магмета-салтана, служит буквальное совпадение этой фразы с текстом из Большой челобитной («да есть ли бы к той правде... беседовали»).

[3] А возможно, и Хронографический извод. Но о нем судить трудно, ибо его составитель вообще сильно сократил имевшийся у него текст.

Сокращенный извод

Сокращенный извод сочинений Пересветова (см. табл. 2) представлен шестью списками: Погодинским I (*П I*), Погодинским II (*П II*), Оболенского (*Об*), Щукинским (*Щ*), Карамзинским (*К*) и Тимковского (*Тм*). Последние два списка к изданию не привлекаются, ибо они являются копиями XIX века

Таблица 2

Сокращенный извод сочинений Пересветова

Список Оболенского	Погодинский I	Погодинский II
Повесть о взятии Царьграда.		
Сказание о книгах.		
Сказание о Магметесалтане.		
Сказание о Константине (без начала).		
Малая челобитная.		
Вторая переделка Повести о начале Царьграда.		
Сказание о Константине (начало).		
Большая челобитная (без конца).		Большая челобитная.
Первая переделка Повести о начале Царьграда.	Первая переделка Повести о начале Царьграда.	Первая переделка Повести о начале Царьграда.
Сказание о Константине (без конца).	Сказание о Константине.	Сказание о Константине.
	Сказание о Магмете.	Сказание о Магмете.
	Первое предсказание.	Первое предсказание.
	Малая челобитная.	Малая челобитная.
	Сокращенная концовка.	Сокращенная концовка.
	Большая челобитная.	
		Повесть об основании и взятии Царьграда.

со списка Оболенского. Щукинский список дает только одну Большую челобитную. К Сокращенному изводу восходит текст Сказания о Петре Волосском. Однако ввиду того, что Сказание существенно отличается редакционной правкой XVII в., оно может рассматриваться как особое произведение. Сокращенный извод представлен двумя близкими друг к другу видами: Оболенским (списки *Об, Щ*) и Погодинским (списки *П I* и *П II*).

Особенно интересно сопоставление Сказания о Магмете списка Оболенского с другими списками. Этот список в целом лучше Погодинского вида, так как дает вместе с Барсовско-Никоновским изводом варианты, соответствующие Полной редакции. В списке Оболенского лучшие чтения (вроде «несуть» вместо «не судят», ср. *М*, л. 63; «богати и лениви», а не «лживи», ср. *М*, л. 54), имеются дополнения, т. е. тексты, по тем или иным причинам опущенные в Погодинском виде («Да та же неповинная кровь... жалобою шла», ср. *М*, л. 53 об. и др.). Вместе с Никоновской летописью (*Нл*) и Погодинским видом список Оболенского восполняет пропуски Музейного вида (ср. «И он рек так «То есть жеребей», перед «А турком дал», ср. *М*, л. 56 об.).

Список Оболенского не может быть списан с протографа Барсовско-Никоновского извода и наоборот (ср. *М*, л. 53 об. суд «изломили», также в *Об*, в отличие от «злоимали» *Нл* и «порушили» *П I* и *П II*; *М*, л. 59 об. «заможны», *Нл* «возможны», *Об* «можные», *П I* и *П II* «силнии»; *М*, л. 59 об. «юнаци», *Об* «юноци», *Нл* «юнцы», *П I* и *П II* «юноши»; *М*, л. 61 «не боецы», *Об* «не боится», *Нл* «не боялися ни конные рати», *П I* и *П II* «крепко не стояли». Последнее сопоставление ярко показывает, как составитель *П I* и *П II* переосмыслил чтения протографа *Об*.

Иногда *Об* ближе к Погодинскому в отличие от *М* и *Нл* (ср. *М*, л. 54 об. «Царь Магмет-салтан турской», *Нл* «царь же Магмет-салтан», *Об*, *П I* и *П II* «Царь же») [1].

Несмотря на то, что список Оболенского очень дефектен, в ряде случаев он дает лучшие сравнительно с *П I* и *П II*

---

[1] Очень интересен пропуск в *Об* и Полной редакции текста: «и в судебнях велел железом гвоздием прибити и» (после «набити» — *М*, л. 55 об.), имеющегося в Хронографическом изводе, в Никоновском и Погодинском видах. Поскольку это единственное место, где *Об* близок к *М*, в отличие от Никоновского и Погодинского видов, постольку его следует объяснить случайным совпадением, а не влиянием протографа Полной редакции на список *Об*. Совпадение *Нл* и *Об*, в отличие от Погодинского и Музейного, по существу отсутствует, кроме «тебе и детем твоим», в отличие от «ему и детем его» (*М*, л. 60).

чтения, приближающиеся к Полной редакции[1]. Поэтому мы выделяем его в особый вид Сокращенного извода. Погодинский вид этого извода был издан В. Ф. Ржигой, а отрывки из так называемого Карамзинского списка Н. М. Карамзиным. Существенными отличиями Сокращенного извода являются: 1) помещение вместо полной Концовки ее сокращенного варианта; 2) отсутствие Второго предсказания философов; 3) отсутствие в Погодинском виде (*П I*) Повести об основании и взятии Царьграда, вместо которой помещаются сокращенная переделка Повести о начале Царьграда (а в списке *Об* две переделки); 4) отсутствие в Погодинском виде Сказания о книгах. В остальных частях сочинения Пересветова были подвергнуты некоторой стилистической правке, особенно заметной в Сказании о Магмете. В целом же Сокращенный извод хуже передает текст протографа сочинений Пересветова по сравнению с Полной редакцией[2]. Однако оба они, независимо друг от друга, восходят к этому протографу. Некоторые чтения Сокращенного извода предпочтительнее, например в Большой челобитной: найдет на царя «великая кротость», а не «великая мудрость»; «от врагов», а не «врагов» (*П I* л. 85, ср. *М*, л. 84). В Сказании о Магмете: «казнью. А татю и разбойнику у царя турецкого тюрмы нет, на третей день его казнят смертною казнью, для того что бы» и т. д. вместо «казнью для того» (*П I* л. 79, ср. *М*, л. 63); «Ябедники. И где кого обыщут лихово человека, татя или разбойника или ябедника, тут его казнят» вместо «И на ябедники, тут их казнят». (*П I* л. 79 об., ср. *М*, л. 63 об.). В Первом предсказании философов: «Исполнение правды в его царстве и на умножение веры християнския.

---

[1] В Большой челобитной по *П I* и *П II* «цены уставити. Нечисто собрание», в *М*, л. 94 об. «цены уставити. Первое душу продаст; тоже и товар продаст. Нечисто», и т. д. В *Об.* и *Щ* этот пропуск списков *П I* и *П II* отсутствует. В сказании о Константине: *М*, л. 70 «и возхвален и нарече»; в *П I* и *П II* первые два слова отсутствуют, но имеются в *Об.* В Малой челобитной по *Об*, как и в *М* (л. 67), «заборона» и «цели», вместо «загорода» и «приметы» (*П I*, *П II*); *М*, л. 68 «Сопежничим» (так и в *Об*), а не «Скопежничем» и т. д.

[2] См. в Большой челобитной: «Чосаве», а не «Сочаеве» (*М*, л. 87 об.); пропуск имени Петра (воеводы) в ряде случаев; «турецкий царь» вместо «турский»; ошибочно «татем» вместо «да те» (*М*, л. 94 об.); «рек о вере» вместо «рек, радеючи о вере» (*М*, л. 95—95 об.); «ласкою» вместо «алафою» (*М*, л. 98). В Сказании о Константине (*М*, л. 72 об.) ошибочно «умирати» вместо «умирити». В Сказании о Магмете: «паши» вместо «паши и каиды» (*М*, л. 57 об.); «юноши храбрые» вместо «юнаки храбрые»; «которые не таковы сильны», вместо «которые не столь заможныя» (л. 59 об.); пропуск важного: «А не велел их прикабаливати, ни прихолопити» (*М*, л. 60); описка: «не судят и ведут» вместо «несут или отведут» (*М*, л. 63), и др.

И пишут про него философи, про государя: будет на него ловление в его царстве, яко же и на» вместо бессмысленного «исполнение правды в его царстве, яко на» (*П I* лл. 81—81 об., ср. *М*, л. 65 об.).

1. Погодинский I список (*П I*) находится в сборнике ГПБ (собрание Погодина, № 1568), на 170 листах, в четверку.

Этот сборник составлен из десяти различных рукописей и предварен оглавлением, написанным П. Строевым 13 марта 1833 года [1]. Рукопись, содержащая сочинения Пересветова, написана скорописью 60—70-х годов XVII века и помещена на лл. 69—98 [2]. Сочинения Пересветова расположены в следующем порядке: на л. 69—69 об. — Переделка отрывка из Повести о Царьграде; на лл. 69—72 (без особого выделения) — Сказание о Константине; далее, отступя строку, на лл. 72—82 — Сказание о Магмете; на лл. 81—82 (без особого выделения) — Первое предсказание философов; на лл. 82—84 об. (с выделением киноварью начальной буквы) — Малая челобитная; на л. 84 об. (с выделением киноварью начальной буквы) — Сокращенная концовка; в новой тетради на лл. 85—98 (начинается киноварной буквой) — Большая челобитная. На полях в ряде случаев есть пометы XVII века «Зри» [3].

Составитель охотно употребляет киноварь [4], а иногда и обычные чернила, но более густые [5]. В. Ф. Ржига использовал список в вариантах к своему изданию, хотя он исправнее списка *П II*, положенного им в основу публикации.

2. Погодинский II список (*П II*) находится в сборнике ГПБ (собрание Погодина, № 1611), написанном скоро-

---

[1] Подробное описание сборника см.: А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1, стр. 70—73.

[2] Тем же почерком написана и рукопись, содержащая Повесть о Мамаевом побоище (лл. 1—38 об.). Водяные знаки: гербовый щит с лилией (ср.: Тромонин, № 536 = 1644 г.), различные варианты шута (ср.: Тромонин, № 1244 = 1666 г.; №№ 385, 380 = 1676 г.; а также №№ 811 = 1668 г.; №№ 1316, 1317 = 1676 г.). По листам Повесть помечена: «Сия книга села Ртома Аднрея (!) Тарасова села (сына?) Нетесова» (XVII век); первые три слова подскоблены. На л. 98 об. помета: «Сия книга белозерца посацкого человека» (XVII—XVIII века). Далее соскоблено «... роши» (?) и помета XVII века: «Сия книга... ова сына Гев...».

[3] См. лл. 77 об., 81 (дважды), 82—84 об.

[4] На л. 69 выделен заголовок: л. 72 **И** (И по мале времени), **Т** (Турской царь); л. 73 «**В лето 6961 ц**(арь)»; л. 84 об. **Р** (Рек Махмет); л. 85 **А** (Аще ли), **Т** (Тако рек), и т. д.

[5] Л. 69 об. **О** (О рождении); л. 77 **Д** (да Бахмет); л. 82 **Д** (Да философи); л. 82 **Г** (Государю); л. 83 об. **С** (Служил есми). **Д** (Да служил).

писью 60—70-х годов XVII века, на 197 листах, в четверку [1].

Сборник состоит из двух частей, написанных разными почерками на разной бумаге [2]. На лл. 1—130 об. помещена «Пчела», в редакции, состоящей из 68 глав. На лл. 131—197 об. — сочинения Пересветова (без конца), а именно: на лл. 131—148 — Большая челобитная; на лл. 148 об. — 149 — Первая переделка Сказания о начале Царьграда (л. 148 об.). Текст начинается с жирно написанной буквы **Н**, после которой оставлено место для киноварного текста, вполне аналогичного списку *П I*; на лл. 149—152 — Сказание о Константине (без особого отделения от предшествующего); на лл. 152—162 об. — Сказание о Магмете-салтане (начало с красной строки и с киноварной буквы **Т**); на лл. 162 об. — 164 — Первое предсказание философов (без отделения от предшествующего); на лл. 164—166 об. — Малая челобитная (начинается в строку с предшествующим текстом, но с киноварной буквы **Г**); на лл. 166 об.— 167 — Сокращенная концовка (выделена от предшествующего киноварной буквой **Р** и красной строкой); на лл. 167—197 — Сказание об основании и взятии Царьграда (выделено киноварным заголовком) [3]. Составитель сборника охотно употребляет киноварь в сходных случаях с *П I* [4].

Интересно, что в списке *П II* имеется в аналогичных с *П I* случаях помета «Зри» [5]. Судя по оформлению и по вариантам,

---

[1] Описание сборника см.: А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. 1, стр. 334—335.

[2] Водяной знак в части, содержащей сочинения Пересветова: голова шута с пятью бубенцами; голова несколько деформирована (ср.: Тромонин, № 1221 = 1636 г., № 1244 = 1666 г.). Часть, содержащая сочинения Пересветова, имеет свою нумерацию тетрадей, проставленную составителем *П II*.

[3] Заголовок: **«О взятии Царяграда от безбожного Махмета-салтана Амуратова сына Турьскаго. О сем же Цариграде положим начало, от кого создан бысть и почему прозвася Царьград»**. Конец обрывается на словах: «яко от многих малии отъидоша на извещение».

[4] Л. 131 **А** (Аще ли котораго царя); л. 131 об. **Т** (Тако рек Петр Волоский); л. 132 **Г** (Государь); л. 133 **П** (Пишут о тебе); л. 135 **Е** (Ехал есми государь); л. 136 об. **Д** (Да так говорит), **Т** (Так говорит); л. 138 **Т** (Так говорит); л. 141 **И** (Изначала); л. 142 **Д** (Да так рек); л. 144 **Т** (Тако рек); л. 146 **Т** (Турецкий царь); л. 146 об. **Г** (Государь благоверный); л. 152 **И** (И по мале времени), **Т** (Турецкий царь); л. 153 **И** (И по мале времени), **Т** (Турецкий царь); л. 153 об. **В лето 6961-е, ц** (царь); л. 156 об. **Т** (Такоже царь); л. 157 об. **Д** (Да Махмет); л. 158 об. **И** (И царь рек); л. 159 **А** (А кто у царя); л. 161 **У** (У царя Констянтина); л. 166 об. **Р** (Рек Махмет). Киноварь употребляется особенно часто в Повести о Царьграде.

[5] На л. 158 об. перед «И царь рек»; на л. 162 перед «и ныне греки».

списки *П I* и *П II* списаны с одного протографа. Впрочем, Сказание об основании и взятии Царьграда, отсутствующее в списке *П I*, возможно, в списке *П II* взято из другого источника [1]. Это Сказание близко к Голицынскому списку Никоновской летописи. Оно начинается кратким введением о происхождении термина «Византия» [2] отсутствующим в других списках этой летописи. «Сыновец» царя Константина назван здесь, как и в Голицынском списке, Долмат, а не Адамант.

3. Список Оболенского (*Об*) находится в сборнике ЦГАДА, в Отделе рукописных книг бывш. Архива МИД (собрание Оболенского, № 96/132). Написан он полууставом 60—70-х годов XVII века, на 493 листах, в четверку [3]. Переплет XX века. Начало сборника отсутствует [4]. Среди произведений, входящих в сборник, интересны: О пути в Иерусалим (гл. 16, лл. 16 об.—42 об.), Хождение Трифона Коробейникова (гл. 11, лл. 91—186). Повесть о патриархе Иоакиме (лл. 186—199). Все эти произведения встречаются и в других сборниках, содержащих сочинения Пересветова (ср. *М*, *Ег* и др.). Далее в сборнике Оболенского помечены подложные статейные списки Сугорского и Квашнина (гл. 12, лл. 199—215), которые так же, как и другие произведения, входящие в сборник, выдают близость его составителя к Посольскому приказу. На лл. 216—325 (гл. 42) помещена Повесть о взятии Царьграда («От взятии Царяграда») с рядом сочинений Пересветова [5]; на лл. 325—375 (гл. 43) помещены сочинения Пересветова; на лл. 375—386:

---

[1] За то, что первоначально в Неполной редакции сочинений Пересветова Повести об основании Царьграда не было, говорит наличие в ней переделки начала этого Сказания: вряд ли в одном произведении могла быть и переделка Повести и сама Повесть. В списке *Об* Повесть о взятии Царьграда имеется, но Повести об основании Царьграда нет.

[2] «По Филиксе царе, владущем вселенною многим летом минувшим, воста от рода его некий царь во Египте, именем Нектанав, волхв сый, и роди Александра Македона... и нарече граду тому в свое имя и во имя дщери своей Византия, иже зоветца ныне Царьград».

[3] Подробно о сборнике см.: А. С. Орлов. Исторические и языческие повести об Азове. Тексты. М., 1906, стр. 13—15. Водяные знаки: гербовый щит с полосой на нем и короной над ним (ср.: Тромонин, № 642 = 1644 г.); два «С» с короной над ними (ср.: Тромонин, №№ 1335, 1337, 1338 = 1649 г.). На полях записи XVII века: лл. 1—2 «...сина Вецькова»; лл. 15—476 «Бориса Максимова сына Панова... Сию книгу я, Борис, своею рукою... Сию книгу мой Борисов ...».

[4] Первые листы (лл. 6—69) помечены в XVII веке. Начинается сборник концом гл. 7. Гл. 8 — «Начало и корень великих князей руских» (до 7092 г.); гл. 9—«А се рустии митрополиты» (кончая Афанасием); гл. 13—«А се имена градом всем руским».

[5] Начало: «В лето 6961-го властвующа турки безбожному Махмету Амуратову сыну разбойницъкому роду и в докончание». Конец: «Мефодием патриархом и Лвом Премудрым иное знамение не преидут».

«В лето 7162-го. По Констянтине же царствовал сын его Констянтин»; на лл. 438—459 об., 460—467 — Повести об Азовском взятии и об осадном сидении [1]; на лл. 476—493 (гл. 50) — Космография (без конца).

Наличие в сборнике Краткой космографии, встречающейся также в сборнике со списком *П I* сочинений Пересветова, весьма показательно, — оно ведет нас к Посольскому приказу. Краткая космография переведена, согласно Соболевскому, с какой-то немецкой компиляции 1611 года [2]. Более вероятно, что мы имеем дело с русской компиляцией начала XVII века [3].

Сочинения Пересветова помещены в следующем порядке: на лл. 216—280 об. — Повесть о взятии Царьграда [4]; на лл. 280 об.—291 — Сказание о книгах; на лл. 291—318 об. — Сказание о Магмете-салтане; на лл. 318 об.—325 — Сказание о Константине (без начала) [5] (все эти части написаны без отделения одной от другой); на лл. 325—331 об. — Малая челобитная; на лл. 331 об.—332 об. — Вторая переделка Повести о начале Царьграда; на лл. 332 об.—333 — Сказание о Константине (начало) [6]; на лл. 333—371 — Большая челобитная (без конца); на лл. 371—372 об. — первая переделка Повести о начале Царьграда; на лл. 372 об.—375 — Сказание о Константине (без конца) [7]

Список Оболенского дает ту же редакцию, что и списки *П I* и *П II*, но представляет другой ее вид, имеющий ряд чтений, более близких к протографу Неполной редакции, чем у протографа списков *П I* и *П II*. Вместе с тем список Оболенского дефектен: в нем имеется много попорченных мест.

4. Щукинский список (*Щ*) Большой челобитной находится в Щукинском сборнике ГИМ (Собрание Щукина, № 466) [8].

---

[1] См. Историческую повесть распространенной группы второго вида (Воинские повести древней Руси, стр. 260).

[2] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 65.

[3] Космография 1670 г. СПб., 1878—1881, стр. 71.

[4] Повесть близка к Полной редакции сочинений Пересветова, но сохраняет больше, чем она, следов обычной редакции.

[5] Начинается: «А рождение благоверного царя». Конец: «Книги прочел да и укротел». Начало Сказания попало на лл. 332 об. — 333. Очевидно, в протографе листы были перепутаны.

[6] Конец: «И на них неутолимый».

[7] Конец: «Бед своих не можем утолити». Другой вариант, близкий к *П I* и *П II*, в отличие от первого, более близкого к Полной редакции.

[8] Подробное описание сборника см: А. И. Яцимирский. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина, вып. 2. М., 1897, стр. 236—237. Для заголовков и начальных букв следующих за ними текстов употреблена киноварь.

Сборник написан скорописью второй четверти XVII века, на 222 листах, в восьмушку [1].

В сборнике помещен Домострой в 62 главах (лл. 1—145) с предисловием, в котором указывается, что он написан «в лета 7060 году... на Москве некоим мудрецем Нестером Селиверстовым ноугородцем» (л. 1) [2], причем последняя глава — указ ключнику «Книги во весь год, что на стол ествы подают» — на лл. 145 об.—161 (этот текст также помещается в ряде сборников с Домостроем) [3]. На лл. 162—190 — Большая челобитная Пересветова; на лл. 190—197 — Сказание о церкви св. Софии в Новгороде, с пометами конца XVII—XVIII веков; на л. 191 об. помета XVIII века: «Писано рукою именитого уроженца Ивана Денипова». На лл. 192—222 позднейшим почерком написаны Послания Филофея Василию III и Мисюрю Мунехину [4]. Челобитная Пересветова по этому списку издана С. А. Белокуровым [5].

Характерным для Щукинского списка является отсутствие в нем вводной части Большой челобитной [6]. Текст начинается прямо с челобитной Ивану IV («Государю... царю» и т. д.). Начальный отрывок из введения помещен в самом конце списка («Аще ли которого царя... ставити ни во что»). Эта часть, кстати, совершенно отсутствует в Олонецком списке, Погодинских I и II и Оболенского. Очевидно, она была подвижной

---

[1] Водяной знак: узорный гербовый щит с лилией, над щитом корона (л. 137; ср.: Тромонин, № 1414 = 1642 г.).

[2] Это Домострой так называемой третьей редакции. О нем см.: А. С. Орлов: 1) Домострой, ч. 1, М., 1917, стр. 25; 2) Домострой по Коншинскому списку. М., 1908, стр. 53—55. — См. также: А. В. Михайлов. Отзыв о сочинении А. С. Орлова «Домострой по Коншинскому списку». СПб., 1914, стр. 331—333; А. И. Яцимирский. Вновь найденный список Домостроя. М., 1897.

[3] Ср.; А. С. Орлов. Домострой, стр. 80—81.

[4] «Послание к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии Псковские области Елизарьева монастыря старца Филофея» (начало: «Прислал ты, государь, ко мне свою царскую грамоту», лл. 192—208), — это послание М. Мунехину «О звездочетах». Далее. «Послание второе к государю царю и великому князю Иванну Васильевичу всея Русии Елизарова ж монастыря того же старца Филофея» (начало: «От вышния и от всемогущия», лл. 208 об. — 215 об.), — это послание Василию III. Наконец, «Послание старца Филофея в царствующий град Москву к дьяку» (начало: «Господину Михаилу Григорьевичу», лл. 215 об. — 222), — это послание М. Мунехину о моровом поветрии. Характерно отсутствие киновари в части сборника, содержащей послания Филофея. См. Послания Филофея по другим текстам: В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. стр. 37—47, Приложения, стр. 26—32, 37—47, 49—56.

[5] Челобитная И. С. Пересветова царю Ивану IV 7057 г. (1548—1549 гг.). Чтения ОИДР, 1902, кн. 4, стр. 1—13.

[6] Начало: «Мудрости греческих философов... пособит».

частью в протографе Большой челобитной (написана на отдельном листе или листах). Поэтому эта часть могла попасть в конец Щукинского списка или исчезнуть вовсе, как в других списках [1]. К тому же и сама Большая челобитная была одной из наиболее подвижных частей всего Пересветовского комплекса. Вторая часть введения в Щукинском списке помещена после челобитья Пересветова Ивану Грозному («Тако рече Петр волоский воевода: есть ли хотети... не пособит»). Распорядок частей в Щукинском списке позднейший, противоречащий другим спискам Сокращенного извода, к которому список относится, и не оправдан логическим развитием мысли автора [2].

Щукинский список восходит к протографу Сокращенного извода Неполной редакции, а не Погодинского его вида [3].

5. Карамзинский список (*К*) находится в тетради начала XIX века ГПБ (Q. IV. 220), написанной скорописью, на 41 листе, в четверку. На л. 1 заголовок: «Выписка из рукописьной книги, хранящейся в руках одного старообрядца» [4].

В сборник входят: на лл. 2—6 — Малая челобитная; на л. 6—6 об. — Вторая переделка Сказания о начале Царьграда; на лл. 6 об. — 7 — начало Сказания о Константине [5]; на лл. 7—30 об. — Большая челобитная (начиная со слов: «тако рече Петр волоский воевода. „Естьли хотели"»); на лл. 30 об. — 31 об. — Первая переделка отрывка Сказания о начале Царьграда; на лл. 31 об.—33 — Сказание о Константине (включая слова «и бед своих не можем утолити»); на лл. 33—41 — Список цареградских владык [6]. Далее (л. 40) — «А се выписано из царств. Рим старие Византии» (кончается словами: «А под тем король польский». Сборником пользовался Карамзин (на полях есть его пометки). Пересветовский текст частично воспроизве-

---

[1] Эта часть введения попала в обработанном виде также в заключительную часть Сказания о Петре Волосском.

[2] См.: В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 9—10.

[3] Ср. чтения *Щ*, сходные с *Об*, в отличие от *П I* и *П II*; л. 178 об. «Ино царю» (а не «государю»); л. 179 об. «первое душу свою продаст, тоже и товар продаст»; л. 181 «беззакония великого», «правду... уставил». В целом же список *Щ* содержит основные особенности Большой челобитной Неполной редакции.

[4] Водяной знак 1816 года. На картонной обложке наклейка с надписью XIX века: «С собственноручными отметками Н[иколая] М[ихайлови]ча. Выписка из рукописной книги, хранившейся в руках одного старообрядца, Царю Иоанну Васильевичу челобитье Ивана Семенова Пересветова».

[5] Конец: «Гнев свой послал на них неутолимый».

[6] Начало: «В лето 6162 по Констянтини же царьствова сын его Константин, брат той, а внук Раклиев лет 17». Конец: «А ныне сын его Сулем царствует грех ради наших на Царствующем граде».

ден им в «Истории Государства Российского» [1]. Список восходит к списку Оболенского.

6. Список Тимковского (*Тм*). Находится в рукописи ГПБ (F. IV. 349). Помещен в тетради, написанной скорописью начала XIX века, на 14 листах. Написан на бумаге 1816 года. Тетрадь озаглавлена «Из рукописи профессора Тимковского». Состав сборника аналогичен предшествующему (без его последней части) и восходит также к списку Оболенского: на лл. 1—2 об. — Малая челобитная; на лл. 2 об. — 3 — переделка Сказания о начале Царьграда; на л. 3 — первый абзац Сказания о Константине; на лл. 3—13 — Большая челобитная; на л. 13—13 об. — Первая переделка Сказания о начале Царьграда; на лл. 13 об.—14 — Сказание о Константине (без его конца).

Хронографический извод

Хронографический извод (см. табл. 3) сочинений Пересветова представляет собой помещенное в Хронограф 1617 года краткое переработанное изложение Повести о взятии Царьграда [2], сказания о книгах и о Магмете-салтане. Издавался извод по дефектной рукописи А. Н. Поповым [3], а последние ее две части — И. Добротворским [4].

Хронографический извод представляет собой значительный интерес уже потому, что дает нам наиболее раннюю (по времени составления) обработку пересветовских текстов [5]. Хронографический извод сохранился во множестве текстов, позднейшие наслоения в которых ничего не прибавляют к изучению сочинений Пересветова. Поэтому мы публикуем его по трем текстам первой половины XVII века (Уваровский II, Музейный II и Музейный III списки). Составитель Хронографа

---

[1] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IX. СПб., 1821, примеч. № 849.

[2] Краткое изложение Повести о взятии Царьграда заменило старую Повесть о Царьграде Хронографа первой редакции. Поскольку это изложение появляется вместе со сказаниями о книгах и Магмете и поскольку обычно эти сказания следует за Повестью о взятии Царьграда, постольку мы полагаем, что составитель Хронографа 1617 года взял их из одного протографа.

[3] А. Н. Попов. Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 160—167.

[4] Ученые записки Казанского университета, т. I, вып. 1, 1865, стр. 21—27.

[5] Так, по Хронографу оказывается, что Магомет-Салтан хотел «сожещи» греческие книги, в то время как по Пересветову Магомет руководствовался ими в своей деятельности.

Таблица 3

Барсовско-Никоновский и Хронографический изводы

Барсовско-Никоновский извод					Хронографический извод
Барсовский вид (списки Барсовский и Титова II)	Никоновский вид				
	Никоновская летопись	Троицкий список	Список Уваровский II	Список Титова III	
Повесть об основании Царьграда	Повесть об основании Царьграда	Повесть об основании Царьграда	Повесть об основании Царьграда		
—	(Список византийских царей)	(Список византийских царей)			
Повесть о взятии Царьграда	Повесть о взятии Царьграда	Повесть о взятии Царьграда	Повесть о взятии Царьграда	Повесть о взятии Царьграда	Повесть о взятии Царьграда
Сказание о Константине					
Концовка Повести о взятии Царьграда					
Сказание о книгах	Сказание о книгах	Сказание о книгах	Сказание о книгах	Сказание о книгах	Сказание о книгах
Сказание о Магмете	Сказание о Магмете	Сказание о Магмете	Сказание о Магмете	Сказание о Магмете	Сказание о Магмете

1617 года был, безусловно, светским лицом [1], знатоком литературы (в том числе переводной). Полагаем, что его следует искать в среде, близкой к Посольскому приказу, где и хранились сочинения Пересветова.

Одним из основных источников Хронографа 1617 года была Хроника М. Бельского (по переводу издания 1564 года), значительную часть которой составляла Космография [2]. Считается, что перевод Хроники М. Бельского с Космографией на русский язык, сделанный в 1584 году, хранится в царском архиве, позднее попавшем в Посольский приказ [3].

Вопрос о взаимоотношении Хронографического извода сказаний Пересветова с другими изводами впервые поставил Ю. Яворский. Никоновская обработка текстов Пересветова, по его мнению, появилась в результате изменения и распространения сказаний о книгах и Магмете из хронографов [4]. С. А. Щеглова, сравнивая Хронографический извод с Олонецким списком, не смогла решить, какое из «сказаний принадлежит Пересветову — хронографическое или ржигинское» [5]. Как позднейшую обработку сочинений Пересветова рассматривает Хронографический извод В. Филипп [6]. А. Л. Саккетти считает, что Хронографический извод более поздний и, возможно, продиктован самим Иваном Грозным [7].

Хронографический извод может быть возведен к Неполной редакции сочинений Пересветова. Он имеет общие чтения с Полной редакцией, в отличие от Барсовско-Никоновского извода и списка Оболенского. Например, в начале Хронографического извода Магмет «повеле собрати все книги» (*У II* л. 495 об.), в *М* — «повеле.. книги взяти все» (л. 47 об.),

---

[1] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1374.

[2] А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 76 и сл.

[3] Ящик 217: «Перевод с летописца польского и перевод с космографии». См.: А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, стр. 95. Возможно, что перевод сделан был ранее: опись архива составлялась в 70-х годах XVI века; над упоминанием о переводе стоит помета, что он был «отдан к государю». Ср.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси, стр. 54.

[4] Ю. А. Яворский. К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI в. Киев, 1908, стр. 63.

[5] Рецензия С. А. Щегловой на работы В. Ф. Ржиги «И. С. Пересветов, публицист XVI в.» и Ю. А. Яворского «К вопросу об Ивашке Пересветове» (ЖМНП, 1911, март, стр. 142).

[6] W. Philipp. Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches. Berlin, 1935, стр. 113.

[7] Рецензия А. Л. Саккетти на книгу И. У. Будовница «Русская публицистика XVI в.» (Советское государство и право, 1948, № 3, стр. 80).

а в Барсовско-Никоновском и Сокращенном изводах этих слов нет; по Хронографическому изводу, Анастасий «иде в заднюю келию», в *М* — «пошел в задния хоромы» (*Ол* — «западныя хоромы»), по Никоновской летописи и *Об* — «пошел в западныя своя хоромы»; в Хронографическом изводе «знамение мое» (*У II* л. 497), как в М (л. 50 об.), а не «мое знамя», как в Никоновской летописи и *Об*; отвержен был «во веки» (*У II* л. 498), а не «навеки», как в Никоновском виде и списке *Об*. Характер этих разночтений еще не дает основания с полной уверенностью утверждать, что Хронографический извод, независимо от Барсовско-Никоновского и Сокращенного, восходит к протографу сочинений Пересветова. Не исключена возможность, что все эти три извода, как это было предположено выше, восходят к одному протографу — протографу Неполной редакции сочинений.

В некоторых местах Хронографического извода есть черты близости и с Никоновской летописью, в отличие от Полной редакции и Сокращенного извода; так, например, «от безверных агарян» (*У II* л. 496), а не «от агарян» (*М*, л. 48 об.); «безбожныи сыроядцы иноплеменники» (*У II* л. 496), а не «сие иноплемянники» (*М*, л. 48 об.); «И бысть. . . глас», а не «Ино глас» (там же); «мене познали» (*У II* л. 497 об.), а не «знали меня» (*М*, л. 51).

В Сказании о Магмете Хронографического извода есть места, близкие к Барсовско-Никоновскому и Сокращенному изводам, в отличие от Полной редакции, например: «в судебной полате к стене прибити» (*У II* лл. 498 об. — 499), «цена всему положена по царскому указу» (*У II* л. 499); нет слов «А не мочно царю без грозы быти», имеющихся в Полной редакции (ср. М, л. 55 об., с *У II*, л. 499 об.).

7. Хронографический извод сочинений Пересветова печатается по У в а р о в с к о м у II с п и с к у (*Ув II*) ГИМ (собрание Уварова, № 109/1339), на 552 листах, в лист [1]. Список датируется тридцатыми годами XVII века [2]. Тексты Повести о взятии Царьграда и Сказания о книгах написаны полууставом и помещены в составе Хронографа редакции 1617 года (текст Хронографа доведен до 1613 года в 169 главах) на

---

[1] См.: Л е о н и д. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания Уварова, ч. 3, стр. 30.

[2] На л. 552 об. помета: «146-го году июля в 2 день архангельского города таможенной подьячей Юшко Кузмин продал сию книгу гранограф вологженину Кирилова монастыря дворовому человеку Матфею Иванову Козманову, взял деньги все сполна. Подписал продавец Юшко Кузмин». Водяные знаки: гербовый щит с лилией, над щитом корона (Тромонин, №№ 536, 640 = 1644 г.), двурукий кувшинчик, над ним полумесяц (Тромонин, №№ 1139, 1176 и др. = 1638 г.).

лл. 488 об. — 499 об., в конце 157-й главы [1]. Заголовок написан киноварью.

8. Музейный II список (*М II*) Хронографического извода помещен в составе Хронографа второй редакции ГБЛ, № 1125, на 558 листах, в лист. На обратной стороне верхней крышки переплета помета: «Того же года писана 7152 года» [2]. На лл. 433—439 в составе 157 главы помещена Повесть о падении Царьграда; на лл. 439—442 об. Сказание о царе Турском Пересветова.

9. Музейный III список (*М III*) сказания Пересветова помещен в сборнике середины XVII века, хранящемся в ГБЛ (Музейное собрание, № 435), на 376 листах, в восьмушку (на лл. 222 об. — 230). Сборник описан Г. П. Георгиевским [3].

Барсовско-Никоновский извод

Барсовско-Никоновский извод состоит из двух близких друг к другу видов: Барсовского (списки Барсовский I и Титова II) и Никоновского, представленного четырьмя списками Никоновской летописи, Троицким списком, а также списками Титова III и Уварова III, дающими только начало Сказания о книгах. Барсовский вид отличается от Никоновского тем, что, во-первых, содержит тексты сочинений Пересветова, непосредственно связанные с Повестью о начале и взятии Царьграда [4]; во-вторых, тем, что содержит Сказание о Константине. Текст сказаний о Магмете и о книгах в обоих видах совпадает, повторяются даже отдельные списки. Только в Барсовском виде несколько попорчено начало Сказания о книгах. Публиковался Никоновский вид этой редакции дважды: в конце XVIII и в конце XIX века при издании Никоновской летописи [5]. Барсовско-Никоновский извод восходит к протографу Неполной редакции сочинений Пересветова [6]. В нем имеются отдельные чте-

---

[1] Интересен Хронографический список в рукописи ГИМ (собрание Барсова, № 1705), написанный полууставом на бумаге 1785 года (большую четверку, на 133 листах), на лл. 117—124 об. Здесь помещены четыре красочные миниатюры, изображающие Магмета-салтана с пашами и Анастасия.

[2] Водяной знак 1644 года: гербовый щит с лилией (Тромонин, № 640).

[3] Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова. Пгр., 1915, стр. 376—378. Водяные знаки: гербовые щиты (ср.: Тромонин, № 642 = 1644 г.) и др. Писал книгу «ГКГДБМЗ» (тайнопись).

[4] В Никоновской летописи сочинения Пересветова добавлены к редакции Повести, имевшейся уже в списках летописи XVI века.

[5] Русская летопись по Никоновскому списку, т. V. М., 1789, стр. 268—277. ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, стр. 102—108.

[6] Вывод В. Ф. Ржиги о том, что текст Никоновской летописи относится к Полной редакции (Иван Пересветов, публицист XVI в., стр. 6), следует отвергнуть.

ния, близкие к Сокращенному изводу (в отличие от Полной редакции), например в Сказании о Константине: «О рождении» царя Константина; ср. *Б*, л. 91), «упокою» (ср. Б I, л. 94); отсутствуют слова, имеющиеся в *М*, л. 72 об. — «И глагола царь Константин вельможам своим хощу»; то же и в Сказании о Магмете: «В судебнях железным гвоздием велел прибити» (ср. *Б I*, л. 113), «един бою запрется да речет да оба» (ср. *Б I*, л. 114 и др.).

Ряд мест Барсовско-Никоновского извода близок, как к Полной редакции, так и к Сокращенному изводу. Например, в Сказании о Константине — «и паче царя Александра Македонскаго меча» (*Б I*, л. 93), «ленивыи богати» (*Б I*, л. 95 об.), «мир умирити за щитом» (*Б I*, л. 95 об.), и др. В Сказании о Магмете: «Вы есте сами, мои мудрые философи» (*Б I*, л. 108 об.) и «И та неповинна кровь... жалобою (*Б I*, л. 109), и др.

Барсовско-Никоновский извод является совершенно необходимым для выявления протографа сочинений Пересветова. Благодаря сопоставлению с ним Полной редакции сочинений Пересветова, можно установить первоначальный текст сказаний о книгах, Магмете и Константине.

Вопрос о происхождении Барсовско-Никоновского извода в какой-то мере уже ставился в исторической литературе. Так, С. Ф. Платонов в 1900 году, на основе сличения списков Никоновской летописи, указал, что сочинения Ивана Пересветова встречаются только в четырех списках летописи, которые, таким образом, по своей редакции никак не могут быть возводимы к первой половине или середине XVI века, так как «Сказание И. Пересветова не может быть старше 1555 года» [1]. Этот вывод был позднее повторен В. Иконниковым [2]. Не касаясь здесь вопроса о времени сложения произведений Пересветова, обратим внимание на самые списки летописи, содержащие пересветовские тексты; три полных списка Никоновской летописи относятся к 30—40-м годам XVII века и заканчиваются Новым летописцем (конец четвертого утерян). Новый летописец этой редакции, как известно, был составлен в 1630 году. Очевидно, в начале его и находилась Никоновская летопись изучаемой редакции (отсюда и само название Н о в ы й летописец, в отличие от «старого», продолжением которого он является). На основе внимательного изучения Нового летописца Л. В. Черепнин пришел к выводу, что в основу известий

---

[1] ЗРАО, т. XII, вып. 1—2. Труды Отдела русской и славянской археологии, СПб., 1901, стр. 393.

[2] В. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 2, Киев, 1908, стр. 1815—1816.

Нового летописца легли архивные материалы Посольского приказа[1]. Но если так, то присутствие сочинений Пересветова в Никоновской летописи редакции 1630 года понятно: ее составитель пользовался материалами Посольского приказа, где находились сочинения Пересветова.

Таким образом, Никоновский вид оказывается сравнительно ранним по происхождению (не позднее 1630 года) и близким к той канцелярии, где хранились автографы сочинений Пересветова[2]. Все это увеличивает значение изучаемой редакции для восстановления протографа пересветовских произведений.

10. Библиотечный список (*Б*) находится в сборнике ЦГАДА, в Отделе рукописных книг бывш. Архива МИД № 7, написанном скорописью второй четверти XVII века, на 952 листах[3]. Летописный текст сборника прерывается на середине 6999 (1491) года[4]. Состав сборника сходен с другими списками Никоновской летописи, содержащими сочинения Пересветова[5]. Полагаем, что вторая часть сборника, содержавшая и Новый летописец (ср. ниже другие списки летописи) была утеряна, а потому до нас не дошла. Сказание о книгах и Сказание о Магмете-салтане написаны на лл. 848 об.—860 слитно, без особого выделения, как от предшествующего текста (Повесть о взятии Царьграда), так и между собой.

11. Троицкий III список (*Т*) Никоновской летописи находится в рукописи ГБЛ (Троицкое II собрание, № 364), написанный скорописью 30—40-х годов XVII века, на 1601 листе, в лист[6]; на лл. 1—1399 об. помещена Никоновская летопись

---

[1] Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. Исторические записки, кн. 14, М., 1945, стр. 92.

[2] Не исключена возможность, что протограф Никоновского вида не помещался в составе летописи. За это говорят списки Титова III и Уваровский III, не связанные с Никоновской летописью.

[3] Водяные знаки: узорный щит с короной над ним. На щите агнец (?), в полосе под щитом на конце вертикальной линии буква «V»; орел на круглом щите (ср.: Тромонин, № 854 = 1627 г.); буквы «ВС» (ср.: Тромонин, №№ 1607—1608 = 1638 г.).

[4] Л. 947 об. конец: «Максимилияна Юрьи Грек Траха[ниот]». Далее, на лл. 948—952 об. продолжение за 1491/92—1504/05 годы, написанное почерком XVIII века (конец: «Того же лета татарове приходили из Қазани под Новград Нижней»).

[5] См.; ПСРЛ, т. IX, ст. IX; л. 1, «Самьборстии·І», и др.; л. 2—2 об. «Қнязи Русстии»; л. 3—3 об. «Суздалстии» и другие епископы; л. 4—4 об. «История, сиречь Повестник о епискуппях»; лл. 5—11 об. «Никифора патриарха Царяграда летописец вскоре». Начиная с л. 12 идет текст летописи.

[6] Водяной знак: двурукий кувшинчик с буквами «РВ» и с полумесяцем над узорной крышкой (ср.: Тромонин, № 1677 = ок. 1640 г.). Рукопись была прислана из МДА в Археографическую комиссию для издания летописей при отношении обер-прокурора св. Синода 30 июня 1837 года

вместе с Новым летописцем, кончающаяся главой 422 (о рождении царевны Анны, 14 июля 1630 года)[1]. На лл. 1400—1402 об. приписка, содержащая грамоту 1661 года царя Алексея Михайловича в Троицкий монастырь об организации молебна. На л. 1403—1403 об. приписка от 1 марта 1684 года о службах в Троицком монастыре с пометой 3 марта 1687 г. Сказания Пересветова помещены на лл. 824 об.—836 и отделены от предшествующего красной точкой.

12. Никоновский список (*Нл*) летописи помещен в рукописи БАН (17.2.5), написанной скорописью 40-х годов XVII века, на 1136 листах, в лист[2]. Рукопись по своему составу схожа с другими и содержит Никоновскую летопись с Новым летописцем (до 1630 года). Сказания Пересветова помещены на лл. 678—687 об.

13. Строгановский список (*С*)[3] помещен в рукописи ГПБ (FIV, № 237), написанной скорописью середины 30—40-х годов XVII века, на 1474 листах, в лист[4]. Состав рукописи аналогичен предшествующему. Сказания Пересветова находятся на лл. 829 об.—841.

14. Барсовский список (*Б I*) сочинений Пересветова помещен в сборнике ГИМ (собрание Барсова, № 1718) на 139 листах, в восьмушку, написанных скорописью конца XVII века[5]. На лл. 1—90 об. помещена Повесть о царице Ди-

---

(№ 1286). Возвращена в МДА 20 мая 1910 года и попала в Троицкую библиотеку 20 октября 1910 года. О рукописи см. также: ПСРЛ, т. IX, стр. IX.

[1] В начальной части рукописи помещены списки епископов, князей русских, Летописец Никифора патриарха, «Данье» Дмитрия Донского и Василия I Троицкому монастырю (л. 14—14 об.). Летописный рассказ начинается с л. 15.

[2] См.: Ф. И. Покровский и В. И. Срезневский. Описание рукописного отдела БАН, т. III, вып. 1. М., 1930, стр. 103—106. Водяной знак: узорный гербовый щит с геральдической лилией (ср.: Тромонин, №№ 638, 641, 643 = 1644 г.). Рукопись была издана в публикации. Русская летопись по Никоновскому списку, в 8 томах. СПб., 1767—1792. О рукописи см. также: ПСРЛ, т. IX, стр. VIII—IX.

[3] В ПСРЛ список назван Публичным (Строгановским).

[4] Водяные знаки: однорукий кувшинчик с буквами «РО» и полумесяцем над ним (ср.: Тромонин, № 1212 = 1636 г.) и ваза с двумя ручками, с сердцем посередине и с цветами в ней (ср.: Тромонин, № 211 = 1636 г.); по листам надпись: «Сия книга графа Александра Сергеевича Строганова». О рукописи см. также: ПСРЛ, т. IX, стр. IX.

[5] Водяной знак: герб Амстердама (ср.: Тромонин, № 545 = 1681 г.). На л. 136 пометы июня и июля 7202 г. («лета 7202-го июля в ... июня в 20 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича», на л. 137 помета: «Господину преосвященному Корнылию митрополиту Великого Новъграда и Великих Лук»). По листам помета XIX века: «Сия книга Егорея домовая». На внутренней стороне нижней

наре (лл. 1—11 об.), а затем Повесть об основании и взятии Царьграда (лл. 11 об.—90 об.)[1]. Далее без особого заголовка на лл. 90 об.—96 об. — Сказание о Константине; на лл. 96 об.—97 об. — окончание Повести о взятии Царьграда; на лл. 97 об.—108 — Сказание о книгах; на лл. 108—132 — Сказание о Магмете (причем л. 133—133 об. — лист из Повести о Динаре — попал не на место). Сочинения Пересветова здесь в позднейшей сокращенной переработке и с рядом искажений. Помещенный на лл. 96 об.—97 об. текст окончания Повести о взятии Царьграда дублируется в конце самой Повести (лл. 89 об.—90 об.), вслед за ним на л. 90 об. идет текст: «но такожде совершитися имут. Пишут бо рустии людие, иже род со преже создателными сего Измаила победят, а седмохолмаго приимут со прежезаконными его». Смысл этой концовки, имеющейся и в Никоновском виде, ясен. Москва, по мысли ее составителя, является наследницей Византии. В других редакциях Повести такая концовка отсутствует. Текст сочинений Пересветова здесь особого вида Барсовско-Никоновской редакции (см. Титовский II список). В Повести о Царьграде для заголовков и следующих за ними начальных букв текста употреблена киноварь.

15. Список Титова II (*Т II*) находится в сборнике ГПБ (собрание Титова, № 1956), написанном полууставом 70—80-х годов XVII века, на 333 листах, в четверку[2]. Переплет деревянный, обтянутый кожей, XVIII—XIX веков. В состав сборника входят: Летописец Никифора патриарха, Краткая космография (лл. 107—132), Повесть о белом клобуке (лл. 133—161), Повесть о Дракуле, Сказание патриарха Геннадия о небесном дне (л. 186 об. и сл.), Хождение Трифона Коробейникова (лл. 241—302). На лл. 57 об.—98 помещена Повесть об основании и взятии Царьграда (в Никоновской редакции)[3]; на лл. 98—101 об. (без особого выделения) — Сказание о Константине с концовкой из Повести о взятии Царьграда; на лл. 102—105 об. — Сказание о книгах[4]. Список Титова II примыкает к Барсовскому списку Барсовского вида.

крышки переплета помета XVIII века: «Лета 1702 году месяца августа в ... день новоторжец посадкой человек дал сие писмо». На л. 138 об. помета: «1710-го июня в 1 день сия книга новоторжца посацково человека».

[1] Возможно, начала нет (начинается словами: «И писаще и оттоле навыче воинской храбрости, якоже пчела избирая мед»). Перед текстом иными чернилами: «...воения».

[2] Водяной знак: голова шута (ср.: Тромонин, № 545 = 1681 г.).

[3] Конец: «Расширяя землю свою».

[4] Конец: «века своего и страх божий в сердце держаще» (ср.: Б I, л. 107 об.).

16. Список Титова III (*Т III*) находится в сборнике ГПБ (собрание Титова, № 4255), состоящем из различных рукописей; написан скорописью конца XVII — начала XVIII века, на 312 листах, в четверку [1]. Переплет картонный, XIX века. На лл. 250—269 помещен отрывок Повести о падении Царьграда [2]. На лл. 269 об. — 271 — Сказание о книгах, начинающееся с киноварной буквы **Ц** (Царь). В сборник входят также Устюжский и Сибирский летописцы и другие произведения. Сказание о книгах помещено после слов «о граде совершившися» и содержит первую половину памятника (ближе всего оно к Никоновской редакции).

17. Троицкий список (*Тр*) помещен в сборнике ГБЛ (Троицкое собрание, № 810), написанном скорописью 30-х годов XVII века, на 385 листах, в четверку [3]. В сборнике помещены главным образом церковно-нравоучительные произведения (три слова из Просветителя И. Волоцкого, жития Кирилла Белозерского, Никиты Столпника, Пахомия и др.). На лл. 1—69 помета: «Лета 7173-го дал в дом живоначальные Троицы в Сергиев монастырь сию книгу келарь старец Симон Азарьин вовеки неотъемлемо никому».

На лл. 7—81 помещена Повесть об основании и взятии Царьграда и сказания о книгах и Магмете Пересветова. В описании эти Сказания не отмечены, а потому выпали из поля зрения исследователей. Обратил на них внимание только А. С. Николаев [4]. На лл. 7—16 помещена Повесть об основании Царьграда (близка к Никоновской редакции) [5]. На лл. 16—23 помещен список византийских царей (имеется в Никоновской летописи редакции 1630 года) [6]. На лл. 23—69 об. — Повесть о взятии Царьграда (близка к Нико-

---

[1] Водяной знак: герб Амстердама. На полях надпись XVII века: «[Ве]ликаго Стретенскаго». На л. 216 помета XIX века: «Великоустюжского городового магистрата».

[2] Начало: «И безаконие превратит престол силных и паки расточи гордыя мысли».

[3] См. описание сборника в: Описание славянских рукописей Библиотеки святой Троице-Сергиевой лавры. М., 1878, стр. 261—262. Водяные знаки: гербовый щит с лилией на нем и короной над ним, под щитом буквы «МО»; однорукий кувшинчик с полумесяцем над ним и буквами «РО» в его центре (ср.: Тромонин, № 1123 = 1638 г.); ворота (ср.: Тромонин, № 1136 = 1638 г.); последние два знака — на бумаге, на которой написана Повесть о Царьграде.

[4] См.: Памятники древней письменности, т. CLXX, стр. 16.

[5] Начало: «В лето 5800 третие царствующу в Риме».

[6] Начало: «Констянтин, иже во святых, царствовав лет 32. Православен». Конец: «И оттоле проиде царство на турки».

новской редакции). Конец отсутствует [1]. На лл. 70—81 — сказания о книгах и Магмете Никоновской редакции, без начала [2]. В середине, после л. 77 об., пропуск (8 листов) [3].

Полагаем, что текст списан с протографа Никоновской летописи редакции 1630 года. Как правило, этот список повторяет даже описки, имевшиеся в протографе Никоновской летописи [4].

18. Уваровский III список (*Ув III*) находится в сборнике ГИМ (Собрание Уварова, № 1824/536/401), написанном полууставом конца XVII — начала XVIII века, на 306 листах, в четверку [5]. Сборник состоит из четырех рукописей. I, II и IV рукописи церковно-нравоучительного содержания [6]. В третью рукопись входят: Повесть об основании и взятии Царьграда (лл. 183—214 об.) [7], Сказание о книгах (лл. 214 об.—217 об.), «Написание вкратце сведено притчею о годе» (лл. 224—230), «Стих покаян о втором пришествии» (лл. 230 об.—231).

Текст Повести о Царьграде в целом близок к Никоновской редакции, хотя чрезвычайно дефектен.

Сказание о книгах также очень испорчено и конца не имеет [8].

---

[1] Начало: [В] лето 6961 властвующу турки безбожному Магметю Амуратову сыну». Кончается словами: «Убив своею рукою, яко же оставшеи сказаша». После л. 69 об. идет тетрадь (8 лл.) с чистыми листами.

[2] Начало: «Молитву Анастасия патриарха и напустил великий страх».

[3] После слов «враждами обнизили, а меч его», перед словами «и мученическия смерти прииняли». Пропуски объясняются тем, что утеряны отдельные тетради.

[4] Со списка Титова III, как и с других, дошедших до нас списков, список Троицкий непосредственно не мог быть описан.

[5] См.: Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания Уварова, ч. 4, стр. 142—145. Водяные знаки: голова шута и герб Амстердама. Судя по счету тетрадей, рукописи II—IV уже в конце XVII — начале XVIII века составляли единое целое. Предположительный порядок листов ранее был следующий: лл. 218—223 об.; лл. 224—231 об. (тетрадь 8), лл. 183—217 (тетрадь 9 — начало 13); лл. 119—182 об. (окончание тетради 15 — тетрадь 23); лл. 232—239 об. (тетради 27—31); лл. 68—118 об. (тетради 33—39). I и IV рукописи нумерации тетрадей не имеют и, очевидно, первоначально с II и III рукописями тетради связаны не были.

[6] На лл. 162 об. 182 об. помещен Краткий летописец (начало: «Положим начало Руской земли. В лето 6360 наченшу Михаилу царствовать»). Доведен до воцарения Василия Шуйского. По Леониду, летописец, возможно, заимствован из Хронографа.

[7] Начало: «Бытие о Цареграде. Како создан бысть царем Константином и како взят бысть от турского царя Бахмета. В лето 5808-е царствующе в Риме богосодетелному Константину Флавиану...». Конец: «Владеюще двемя частми вселенныя».

[8] Кончается словами: «оно бо есть неверно иноплеменники веры християнския не познают ныне и присно и во веки веков. Аминь».

СКАЗАНИЕ О ПЕТРЕ ВОЕВОДЕ ВОЛОССКОМ

Сказание о Петре воеводе Волосском впервые было опубликовано в 1865 году И. Добротворским [1]. Это Сказание представляло позднейшую переделку Большой челобитной в редакции, близкой к Щукинскому списку.

Основные списки Сказания о Петре следующие.

1. Соловецкий список Сказания о Петре Волосском (*Сл*), положенный ниже в основу публикации (ГПБ, Соловецкое собрание, № 973/863) [2], находится в сборнике, написанном скорописью второй четверти XVII века, лл. 81—88, в четверку [3]. Сказание составляет отдельную рукопись, вплетенную в сборник с другими рукописями, в сборнике находятся также Повесть о Царьграде, Повесть о Псковско-Печорском монастыре и сочинения Авраамия Палицына. Соловецкий список издан был впервые в 1865 г. [4].

2. Музейный IV список (*М IV*). Сказание о Петре Волосском находится в сборнике ГБЛ (Музейное собрание, № 8779), на 80 листах, в четверку. Сборник состоит из четырех тетрадей, написанных скорописью конца XVII — начала XVIII века. Подробно он описан Л. Н. Пушкаревым [5]. Сказание помещено на лл. 30—35 об. и непосредственно предшествует подложному статейному списку посольства 7079 г. А. Ищеина в Царьград. Сказание сильно сокращено, часть текста переставлена.

3. Академический список (*Ак*) представляет собой отрывок из Сказания о Петре Волосском, помещенный в сборнике церковно-нравоучительных сочинений (БАН, 33.14.30);

---

[1] И. Добротворский. Сказание о Петре Волосском воеводе, како писал похвалу благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии. Ученые записки Казанского университета, т. I, вып. 1, 1865, стр. 31—46.

[2] См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, ч. 2. Казань, 1885, стр. 547—548.

[3] Водяной знак: кувшинчик с двумя ручками, на нем буквы «ДВ» (ср. аналогичные кувшинчики с буквами «ВД», «ВС»: Тромонин, №№ 1145, 1176 = 1638 г.).

[4] Заголовок: «Сказание Ивана Пересветова о царе Турском Магмете, како хоте сожещи книги греческия». Ученые записки Казанского университета, т. I, 1865, стр. 31—46.

[5] Л. Н. Пушкарев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». Труды ОДРЛ, т. IX, М. — Л., 1953, стр. 363—365. В сборнике помещены также Повесть о Дракуле и другие произведения. Сборник сложился и бытовал в кругах, близких Кирилло-Белозерскому монастырю, ср. записи в летописчике за 7004—7042 годы на л. 14 об.; ср. л. 29 об. «...Сказание о Петре Во[ло]ском, како писал похв[алу]. Христово возькресение 1727-го году случился в 8 день Белозерского уезду Напорскаго стану Устегорской волости в сельци ... дворянин Василей Ат ...».

рукопись конца XVII века, на 322 листах, написанных скорописью, в восьмушку [1]. Открывок написан почерком, отличающимся от основной части сборника (лл. 319—322 об.) [2]. Текст сильно попорчен вследствие того, что правый край рукописи срезан.

Одна рукопись, приписанная Леонидом Ивану Пересветову, в настоящее время отсутствует, и что-нибудь определенное о ней сказать трудно. Под № 1565 среди копий XIX века с разных актов и статей из старинных сборников (до XVIII века) Леонид называет рукописи:

«5. О создании Царьграда седмахолмнаго. Сосдася от благоверного царя Константина в лето 5803 (начало Повести о Царьграде).

«6. Описание вкратце о Царьграде: откуду преже именовася Византия и како преименовася Царьград от турскаго [царя] Магмета. Начало: «В лето державства Русскаго великаго князя Василья Васильевича бысть некий царь во Египте именем Нектонов. . . .

«7. Повесть о пленении Царяграда турками Ивашки Пересветова. Начало: „Чада, дерзайте, глаголюще: на господа бога спаса нашего возложим надежду".

«Сочинение второй половины XVI века» [3].

Возможно, это была какая-то позднейшая переработка сочинений Пересветова.

В заключение обзора списков сочинений И. С. Пересветова прилагаем схему, наглядно поясняющую их взаимоотношение.

В настоящем издании печатаются:

а) Музейный вид Полной редакции (по списку *М*) [4].

б) Сокращенный извод Неполной редакции (по списку *П I*), причем Вторую переделку Повести о начале Царьграда, сказа-

---

[1] На эту рукопись наше внимание обратил Л. Н. Пушкарев. См. в сборнике: Описание Рукописного отделения Библиотеки АН СССР, т. IV, вып. 1. М. — Л., 1951, стр. 187—188. Водяной знак: герб Амстердама (конец XVII века).

[2] Начало: «И того ради в царьстве воинстве кратит».

[3] Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания Уварова, ч. 3, стр. 218.

[4] При издании Повести об основании и взятии Царьграда для вариантов привлекаются только Олонецкий список (*Ол*) и Никоновская летопись (*Нл*).

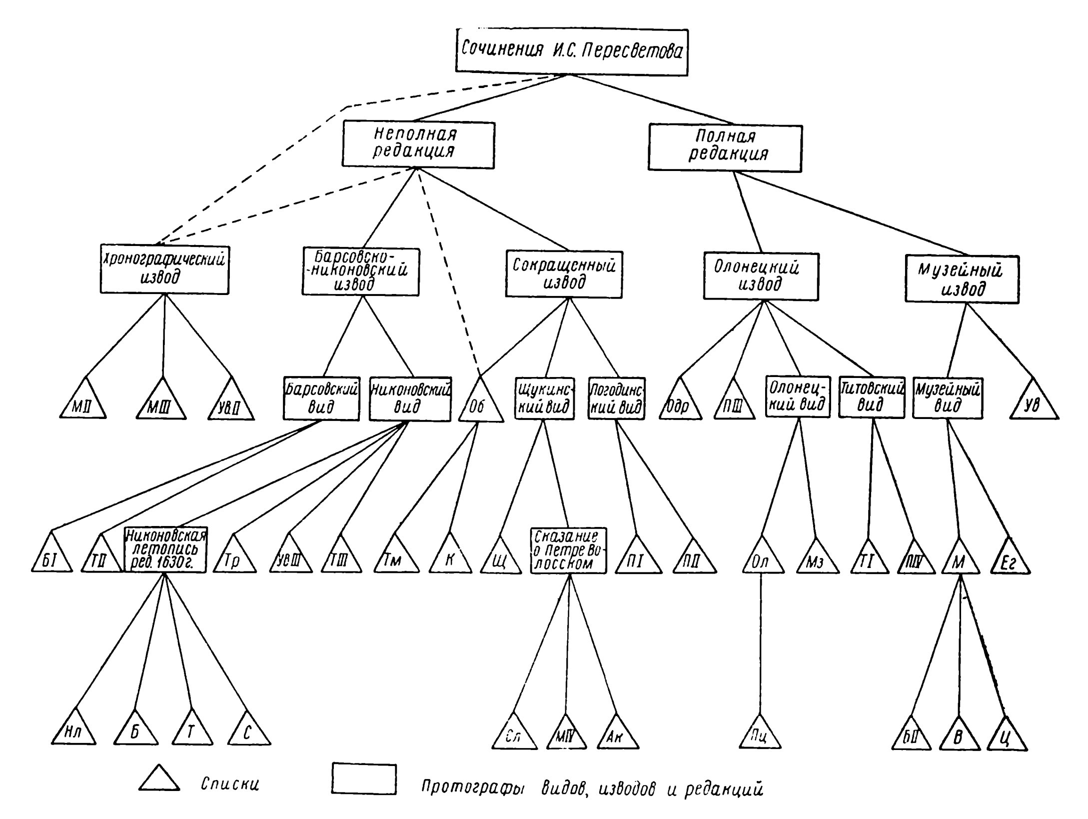


Схема взаимоотношения списков сочинений И. С. Пересветова.

ния о книгах, о Константине (первый из двух текстов) и о Магмете-салтане даем также по списку *Об* [1].

в) Хронографический извод (по списку *Ув II*).

г) Никоновский вид Неполной редакции (по Библиотечному списку — *Б*).

д) Барсовский вид Неполной редакции (по списку *Б I*).

е) Большая челобитная по Щукинскому списку.

ж) Сказание о Петре Волосском (по списку *Сл*).

При публикации сохраняем последовательность отдельных частей сочинений Пересветова, имеющуюся в рукописях, которые положены в основу издания.

Издавая Музейный вид Полной и Сокращенной Неполный извод редакций, мы выделяем отдельные части сочинений Пересветова принятыми в литературе заголовками, которые помещаются в прямых скобках.

Описки в публикуемых списках исправляются. Издатель также вводит элементы реконструкции, позволяющие лучше представить протографы редакций сочинений Пересветова. Все исправления в тексте выделяются курсивом [2].

При издании текста приняты следующие правила: «ъ» в середине слов сохранен, в конце слов опущен, титла раскрыты, «i» заменяется «и», «ѣ» — «е», «Ѳ» — «ф», «кси» — «кс», «пси» — «пс», «омега» — «о», «оу» — «у», «юс малый» — «я»; выносные буквы внесены в текст, буква-цифирь передана цифрами; пунктуация современная. В издании приводятся лишь те варианты, которые дают материалы для реконструкции протографа сочинений Пересветова или его редакции.

В заключение издатель приносит благодарность З. Н. Бочкаревой, И. А. Мироновой, Р. П. Дмитриевой, В. Ф. Покровской, А. А. Ромодановской, В. И. Малышеву, Г. Н. Моисеевой, Е. Н. Кушевой, Л. Н. Пушкареву и Н. Н. Розову за помощь, оказанную ими при подготовке к изданию сочинений Пересветова.



---

[1] Первые два произведения отсутствуют в списке *П I*, а последние два в списке *Об* значительно отличаются от списка *П I*. Списки *П I* и *П II* (в вариантах) подготовлены к печати совместно с И. А. Мироновой.

[2] При исправлении текста автор руководствовался сравнением вариантов, имеющихся в различных изводах Полной редакции, с изводами Неполной редакции и отдавал предпочтение тем вариантам, которые имеются в обоих редакциях.

СОЧИНЕНИЯ И. ПЕРЕСВЕТОВА

ТЕКСТ





ПОЛНАЯ РЕДАКЦИЯ ПО МУЗЕЙНОМУ СПИСКУ

[ПОВЕСТЬ ОБ ОСНОВАНИИ И ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА]

л. 12 Глава I[a]. Начало соружения Царяграда. Когда разравнивали место 7 холмов, созидали Царьград во имя царя Констянтина Ивановича

В лето 5 тысящь 818 царьствующу в Риме богосодетельному
царю Констянтину Флавию, со тщанием с великим отвсюду
собрав от земъствованных християн, и нача укрепляти и раз-
ширяти веру християнъскую и церкви божия украшати, а иныя
преславныя воздвизати, а идолов сокрушати и домы их в славу
л. 12 об. божию превращати. || И к тому законы многия уставляти, яко
идольския капища святителем Христовым и християном точию
владети и рядити, в среду и в пяток поститися страстей ради
Христовых, а в неделю праздновати воскресения ради Хри-
стова. Жидове же жертвы не творят, и на распятие не осуждати
никого же нечестия ради Христова, и раб не покупати никому
же от них, на златницах образу его писати. И бысть радость
великая повсюду християном.

В 13 лето царства его, советом[1] божиим подвизаем, восхоте
создати град во имя свое и посла мужей мудрых во Асию, и во
*Ли*вию[2], и во *Евро*пию[3] на взыскание и избрание таковаго
града и на создание преславна и нарочита места. Онем же воз-
вратившимся, и сказываху царю различные места преславная,
л. 13 наипаче похвалиши || ему Византию и Македонию. Он же
болши и прилежаще мыслию своею на Троаду, идеже всемир-
ная радость, победа бысть греком на фряги. И сице помыш-
ляющу царю во дни и в нощи, слышав же во сне глас гла-
голя: «В Визанътию подобает Констянтину граду создатися».

---

[1] *Испр.:* светом *М.* [2] *Нл*; Авию *М, Ол.* [3] *Нл*; Арапию *М, Ол.*

И [4] абие царь возбудився от сна своего, въскоре посла в Византию магистров своих градцких делателей готовити место. А сам же царь, остави в Риме кесарей два сына *своя, Консту и Констянтина, а сыновца своего Адаманта* [4] и посла во Вританию. И прииде царь с материю своею со царицею Еленою в Византию; и с нею же взя жену свою, царицу Максимъяну [5], дщерь Диоклитияна царя, и сына своего Констянътина, и зятя своего Ликиния, и два брата своя Далмата и Констянтина, и Долматов*а* [6] сына Долмата же, и Констянтиновых дву сынов Гула
л. 13 об. и Улияна. И пришед в Визан||тию, и виде на том месте 7 гор [7] и глушиц [7] морьских много, и повеле горы рыти, а нижняя места наполняти, и по глушицам столпы повеле каменныя ставити и на них своды сводити, и ровняти место; а сам царь пребываше в Византии. Егда же уготоваша место, собрав царь велмож и мегистанов, и нача мыслити, как быти стенам и стрелницам. И повеле размеривати место на три углы, на все страны по седми веръст; тако бо место межу дву *морь* [8], Чермнаго и Белаго.

И се змий, внезапу вышел из *н*оры [9], гордый и лукавый и потече по ровному тому месту; и абие с небесной высоты сшел орел и змия похватил и полет*е* [10] на высоту небесную.
л. 14 Змий же нача круг орла укреплятися||. Царь же и вси людие бяху зряще на орла и на змия. Орел же излете изо очию на долгий час и паки явися летаючи ниско, и паде орел с змием на то же место, понеже одолен бысть от змия. И людие же, текше, змия убили, а орла поимали. И бысть царь во ужасе велице, и созва книжники и мудрецы, и сказа им знамение. Они же поразсудиша царю: «А се место 7-ми холмное наречется и прославится и возвеличится по всей вселенней паче иных градов, [11] *н*о по*н*еже [11] станет меж дву морь, биен будет волнами морьскими, и поколеблен будет. А орел есть знамение сия веры християнъския, а змия есть знамение бесерменское. И понеже змий одоле орла, являет, яко бесерменьство [12] одоле*е*т христ*ья*н*ство* [12]; а понеже християня змию убили, а орла поимали, ||
л. 14 об. являет, яко напоследок паки християня одолеют бесерменство, Седмихолмаго [13] приимут и в нем воцарятся» [14].

Великий же Констянтин о сем возмутися зело, и словеса их повеле написати, а магистров и градцких делателей повеле разделити и нача град делати, градцкие стены и стрелницы, а ко другой ст*ране* [15] повеле размеривати улицы и площади на римь-

---

[4–4] *Нл*; *нет М, Ол.* [5] *Ол*; *далее* и *М.* [6] *Ол*; Долматово *М.* [7–7] *Повторено дважды в М.* [8] *Нл*; *нет М, Ол.* [9] *Ол*; горы *М.* [10] *Ол*; полетее *М.* [11–11] *Нл*; на поле же *М, Ол.* [12–12] *Ол*; одолеют християня *М.* [13] *В рук. над строкой* н (Седмихолмнаго). [14] *Нл*; воцарится *М, Ол.* [15] *Нл*; стене *М, Ол.*

ския обычаи. И так нача делати церкви божия, и двор царский и иныя домы славныя велможам и магистаном и всем *санов*ником [16], и воды сладкия приводити.

В 7-е лето виде царь во граде мало живущих людей, зане бо
велик зело, и тако сотворив: *послав* [17] из Рима и от иных стран
собрати достохвалных *мужей* [18] великих и мегистанов, сановни-
л. 15 ков, и множество людей, и ту их приведе, || и домы им великие
создав, да*бе* [19] жити им во граде со устроением великим и [20] *цер-
ковным* чи*ном* [20], яко своя домы и*х* [21] и отечество забыти. Создав
же царь полату велику, [22] *и*подр*о*му предивн*ую* [22], и два поля
устрои, сииречь улицы покровенные, на торгование; и наречеся
Новый Рим. И потому же создася храм святыя Софеи, [23] и свя-
тых Апостол, и святыя Ирины, и святаго Мокия, и святаго
архангела Михаила и святаго чюдотворца Николы [23], и иные
многие пречюдныя храмы постави, а он столп багряный, егоже
из Рима принесе морем трема леты до Царяграда, зане велик бе
и тяжек, [24] с мо*ря* [24] же до торгу единым летом принесен бысть,
и царю часто приходящу злата много дающе людем брежения
ради. И положи основание брежения ради 12 кошь, ихже
[25] благослови *Христос* [25], от древа честнаго и святых мощей на
утвержение и сохранение предивнаго и единокаменнаго
л. 15 об. столпа, || егоже принесе от солнечного града Фругийскаго
и постави на нем кумир, имущи на главе 7 лучь. Такоже
и иныя вещи предивныя и достохвалныя принесе от стран изо
многих градов, преукрасив град, и возда ему честь великую
и обновление, праздники, торжествы великими на многи дни;
тако [26] уставя: «Да зовется Царьград». И бысть радость велия
в людех. Днем же минувшим, и паки царь с патриярхом и святи-
тели, и собра весь чин священнический, такожде весь и церков-
ный чин, и множество народа, и сотвориша литию, молбы,
и моление, дающе хвалу богу и благодарение всемогущей
и животворящей троице, отцу и сыну и святому духу, и пречи-
стой богоматери. И предаша град и всяк чин человеческие
в руце всесвятей владычице *богородици* [27] Одигитрие, сиирече
наставнице, глаголюще: «Ты еси всенепорочная владычице
богородице, человеколюбивая и естеством сущи, не остави ||
град достояния своего, но яко мати человеческому роду, заступи
л. 16 и помилуй, и сохрани его, уставляя и научая во всем и во вся
времена, яко человеколюбивая и милостивая мати, яко да в нем
прославится и возвеличится имя великолепия твоего во веки».

---

[16] *Нл*; славником *М, Ол.* [17] *Нл*; *нет М, Ол.* [18] *Ол*; *нет М.* [19] *Нл*; да *М, Ол.* [20–20] царскими чины *Нл.* [21] *Нл*; им *М, Ол.* [22–22] *Нл*; подраму предивному *М.* [23–23] *нет Ол.* [24–24] *Ол*; смотрят *М.* [25–25] *Нл*; благословихся *М.* [26] *Ол*; как *М.* [27] *Ол*; *нет М.*

И вси людие рекоша «Аминь» и благодариша царя и похвалиша добрый его разум, еже к богу желание.

Царь же нудяше стратигов и градцких делателей храмы святых и домы миръския создати на исполнение граду, велможам и мегистаном и всем нарочитым людем заповеда: аще кто сподобится коея степени царскому чину, да сотворит себе память достохвалную, или дом воздвигнет, или обитель славну, или иное создание дивное, яко да населится град преславными делы. Такоже по нем цари и царицы, кождо во *свое* [28] время, подвизашеся сотворити вещь преславну и нарочиту: овии будет
л. 16 об. на взыскание || и собрание страстей господних, и пречистой его богоматери ризы, и святых мощей и божественых икон, ино того самого богомужнаго неру*ко*твореннаго [28а] образа, Христа бога нашего, его же от Едеса, овии же на прибавление граду и домов великих, а иных же на воздвизание святых обителей, храмов божественых, яко великий Устиян царь и Феодосий великий *и царица Евдокия, жена Ираклиа царя* [29], и иные мнози. И так наполниша грады [30] преславными и дивными вещми, имже иногда бл*а*женный [31] Андрей Критъцкий удивися, и рече: «Во истину град сей выше слова и разума есть». [32] *К с*им [32] же пренепорочная владычице богородице мати Христа бога нашего во оно время бяше Царствующий град сохраняюще, и от бед спасающе, и от неисцелных напастей пременяющ*е* [33]. И такими убо великими и неизреченными деянми дарованием пречистыя богородицы сподобися град сей, яко
л. 17 всему миру, мню, недостойну быти. *Но убо* [34] есте||ство тяжкосер*до* [35] и нерадив*о* [36], яко [37] не*истово: юж*е [37] на нас милость божию и щедрот его отвращаемся на злодеяние, беззаконием обращаемся. Мы же бога и пречистую его богоматерь разгневаем и славы своея и чти отпадаем. Якоже есть писано: злодеяние и беззаконие превратит престол силных; паче разточи гордыя мысли сердца их [38], низложи силныя со престол; такоже сий Царствующий град, неизреченными деянми беззаконными от толиких щедрот и благодеяния пречистыя богоматери отпадше, тмочисленными бедами и различными напастьми много лет *пострада* [39], такоже и ныне, в последнее время, грех ради наших овогда нахождением неверных, овогда же гладом и поветреи частыми, овогда же межуусобныя брани, им*и* же [40] оскудеша силнии, и обнищаша людие, преуничижися град и смирися до зела.

---

[28] *Нл*; все *М, Ол.* [28а] *Исправ.* нерутворенного *М.* [29] *Нл*; *нет М, Ол.* [30] град *Ол.* [31] *Нл*; божественный *М, Ол.* [32–32] *Нл*; И рече *Ол*; Им *М.* [33] Ол; пременяющей *М.* [34] *Нл*; убо но *М*; убо *Ол.* [35] *Нл*; тяжкосердъство *М*; тяжко и жестосердо *Ол.* [36] *Ол*; нерадив *М.* [37–37] *Нл*; некто вню же *М*; недостойно есми *Ол.* [38] *Далее текст Повести об основании*; *отсутствует Ол.* [39] *Нл*; *нет М.* [40] *Нл*; и мы *М.*

Глава II. О взятии Царяграда безбожнаго || 17 об. царя Магмета Амуратова сына Туръскаго царя

В лето 6 тысящь *девятьсот*[41] шестьдесят перваго, властвующи турки безбожному Магметю *Амуратову сыну, и бывый тогда в миру*[42] и в докончании с православным царем Констянтином Ивановичем, царствующим во Цариграде. И абие безбожный Магмет брань возъдвиже против Констянтина града, не по чину, и сопротиву сотворенных сложений[43], против клятвы воинъство приведе много по земли и по морю, и ратоватися нача, и пришед внезапу и град объступи со много*ими*[44] людми. Царь же с прилучившимися велможами и вси людие града о*щут*иша[45] его устремление[46] безбожнаго и не ведяху, что сотворити, понеже людцкаго собрания не бе, и братиям царевым не сущим ту. И посла царь Магметь-салтану посланники, хот*я*[47] уведати бывшее, о миру глаголати. Он же лукавый, л. 18 окаянный, безверен сый и посланники отослал бе||зделн*ы*[48], а сам предивным ополчением по суше и по морю приступив к[49] царствующему граду, месяца декамврия, и повеле бити пушками и пищалами и стенобитными хитростьми, и приступы градцкие люди уготовляют. Сущее же людие во граде, греки и фрягов я, выезждают из града, бияхуся с турки, не дающе им стенобитныя хитрости наряжати. Но убо, салтанове силе велице *и*[50] тяжце сущее же, греки не возмогоша им никоея пакости сотворити, зане един бияшеся с тысящею, а два со тмою. Се же уведал царь, повеле велможам своим и мегистаном *разделити*[51] воином врата, тако же и всех людей, колоколы ратныя повеле на всех ст*ра*нах[52] поставити, да кои же велможа ведает свою страну и сохраняет, да биется с турки с стены, а из града не выходити, ни выеждати, тако же пушки и пищали повеле уста- 18 об. вити || по приступным местом на сохранение стенам. А сам царь с патриархом и со царицею и со святители по вся дни моляхуся. Царь же объеждяше въкруг града почасту, укрепляет[53] стратигов своих и воинников и всех людей, да не отпад*у*т[54] надеждею, ни ослабляют сопротивлением на враги, но да упова*ют*[55] на господа бога вседержителя. Той бог наш помощник и защититель есть. И паки обращаешеся на молитву. Турки же на всех местех бияхуся безпрестани день и нощь, переменяющеся, не дающе ни мало починути градцким людем, но да *ся*[56]

---

[41] *Ол*; *нет М*. [42] *Нл*; *нет М, Ол*. [43] *Нл*; и сложенных *М, Ол*. [44] *Ол*; многи *М*. [45] *Нл*; обступиша *М*; ощитиша *Ол*. [46] *Нл*; устремлением *М*; устремления *Ол*. [47] *Нл*; хоте *М*. [48] *Ол*; беделный *М*. [49] *Испр*.; ко граду *М*; [50] *Ол*; *нет М*. [51] *Ол*; нет *М*. [52] *Нл*; стенах *М, Ол*. [53] укрепляя *Ол*. [54] *Ол*; отпадает *М*. [55] *Нл*; упование *М*; уповаем *Ол*. [56] *Ол*; *нет М*.

утрудят, понеже готовляхуся ко приступу. И тако творяху ся обои 13 дней.

В 14 день турки, откликнувшися свою скверную молитву, нача в сурны играти и в варганы *и накры*[57] бити; и пушками и пищалми многими начаша бити во град, тако и стреляти из
л. 19 ручных луков тмочисленных. || Граждане же от безчисленнаго стреляния не можаху стояти на стенах, но, западше, ждаху приступу; а иныя против стояху на стенах и стреляху турков ис пушек и ис пищалей, и елико можаху, много турков убиша.

Патриярх же Анастасий и весь священнический чин бяху непрестанно молящеся о милости божии и о избавлении града. Егда же безбожнии турки всех людей *с*[58] стен збиша, абие возкричаше все воинъство, нападоша на град вкупе со всех стран, кличюще и вопиюще, овии со огни различными, а иныя с лествицами, друзии же *со*[59] стенобитными своими хитростьми, иныя многия козни на взятие града. Градцкия же люди такожде вопияху и кличаху и кричаху на них, биющеся с ними крепко.

Царь же объеждаше по всему граду, понуждая люди своя,
л. 19 об. дающе им на||дежду божию, повеле звонити по всему граду на звание людем. Турки же услышаша звон великий, пустиша сурны и трубныя гласы и тимпаны тмочисленых. И бысть сеча зла и преужастна от пушешнаго бою и пищалнаго стуку, и от звоннаго з*ы*ку[60], *и от гласа вопли и кричания*[61] от обоих людей, и от трескоты оружия, такожде и от плача и рыдания градцких людей и жен и детей, яко земле поколебатися и не бе слышати что друг другу глаголет; бысть аки гром велий. От множества огненаго стреляния пушек и пищалей от обеих стран дымное курение, согустивсе, покры град и воиньство все, яко не видити друг друга, с кем ся биет, з зелнаго[62] духа много умрети. Сечахуся, имаяся, на всех стенах, дондеже нощная тма их раздели. Турки убо отъидоша в своя страны, и мертвыя своя оста-
л. 20 вив; и градцкия люди п*а*||доша[63] от турков, аки мертвы, яже токмо стражи оставиша по стенам.

Царь же Конъстянътин наутрие повеле собрати трупия мертвых и погрести; бе же числом убиенных знаемых греков тысяща 7 сот 40, а фрягов и армен 7 сот. Царь же поиде по стенам града з боляры своими, хотя видети ратных, и не бе от них гласа, ни послушания, вси бо бяху опочивающе от труда и видяше полны рвы трупия, а иныя в потоцех и на брезех громады мертвых. И по*мет*аша[64] убиенных турков 18 тысящь. И повеле царь стенобитными сосуды и хитростьми всех огню

---

[57] *Нл*; *нет М, Ол.* [58] *Ол*; *нет М.* [59] *Ол*; *нет М.* [60] *зуку Ол.* [61] *Ол*; *нет М.* [62] зелейнаго *Ол.* [63] *Нл*; поидоша *М, Ол.* [64] *Нл*; посмекаша *М*; сметиша *Ол.*

предати. А сам царь поиде с патриархом, и со святители, и со всеми соборы, во святую и великую церков молебная благодарения воздати всесилному и милостивому богу и пречистой его богоматери; чаяти убо уже отступити безбожному, толикое
л. 20 об. падение видев своих ратных. Он же бе зве||рообраз*ен*[65] и не тако помышляше, но во вторый день посла видети мертвыя своя; яко сказаше ему много мертвых, и въскоре посла многия полки взяти мертвых своих трупия. Царь же заповеда: «Не дейте же им никоея брани, яко да очистят рвы и потоцы». И тако взяша трупия безбранно и пожгоша их.

Видевше[66] безбожный Магмет, яко не успе ничтоже, но паче всех погуби, и повеле магистром въскоре приготовити пушки и пищали и многия стенобитныя козни. В 7-й же день па*ки*[67] безбожныя и безверныя повеле итти войску Магметову ко граду, тако же ся бити, аки впервые, и без почивания. Царь же Констянтин, слышах тои, и посла по морю и по суху во Амморию ко братиям своим, и в Венецею, и в Зеновию, о помощи. Братия его не успеша, понеже распря велия бе
л. 21 межу ими, хотяше ратоватися; а фря||говя не восхотеша помощи, но глаголаху к собе: «Не ездите, да возмут турки град, а мы у них возмем Царьград». И тако не бысть ниоткуды помощи.

Сие един толко зеновияанин князь, имянем Зустунея, поиде ко благоверному царю Констянтину на помощь и ко граду на дву кораблех и на дву катаргах, воруженных крепких *имеа с собою 600 храбрых*[68], и поиде въсквозе всея рати турскаго царя и доиде здрав до стены Царяграда и до царя Констянтина Ивановича. Егоже видев, царь возрадовася зело, дающе ему честь велию, понеже ведом[68] бяше царю. Он же испроси у царя хуждьшее место приступное у врат, и придаде ему царь людей своих на исполнение двою тысящь; биющеся с турки толма храбо и мужественно, яко не отступити от того места всем и не переходити на иная места. Зустунея же не токмо свое место
л. 21 об. держаще, || но и по стенам града обхождаше, укрепляя и уставляя люди, да не отпадут люди надеждею, и на бога уповают неподвижно, и не ослаблятися в делах, и от всея душа и от всего сердца бранитися с неверными. И глагола: «Господь бо поможет ны». Таковыми убо словесы многими уча и наставляя люди многи, занеже сам научен бе до зела ратному делу. И возлюбиша его вси людие и послушаша его во всем. Турки же, по всем местом приступающе, биющеся з гражданы без почивания, переменяющеся, занеже множество их.

---

[65] *Нл*; зверенъобразно *М*; зверннообразен *Ол*. [66] *Нл*; велев же *М*; И виде же *Ол*. [67] *Нл*; падше *М*; паши *Ол*. [68] *Нл*; *нет М, Ол*. [68a] *Испр*; ведомо *М*.

В 30 день по первом приступе паки прикатиша пушки и пищали и иныя стенобитныа сосуды мнози, иже в них пушки бяху две велицы, в те влазят ядра едино в пояс, а другое в колено; и со всеми силами приступиша и нача бити град
л. 22 непрестанно со все || страны. А против Зустунея наводиша болшую ту пушку, занеже на том месте стена бысть градцкая ветха и ниска. Яко удариша по тому месту, и стена поколебалася; и паки во второе удариша, из тое же пушки и збиша с стены верхь, аки саженей с пять; втретие же не успеша ударити, занеже нощь приспела. Зустунея же то место нощию задела и другою стеною древяною изнутра подкрепи и землею засыпа, ничтоже помощи не учинися противу толкия силы, но и паче противу гнева божия, грех ради наших.

Наутрия же паки начаша бити то же место изо многих пушек и пищалей, яко утрудиша стену, и наводив, стрелили из болшия пушки: уже чаяху стену разорити, божиим заступлением ядро подняся выше стены, токмо седмь зубов захватило, и уда-
л. 22 об. рися зело под кровенной стене || и распадеся ядро, аки прах; и видев же, ту сущии людие благодариша бога. Яко же о полудни наводиша въдругие; а Зустунея же, наводиша свою на ту пушку и ударив по пушке, и разсядеся[69] у нея зелейник. Сия же видев, безверный Магмет возъярися до зела и возопиша велиим гласом: «Ягмамя, ягмамя», — сии речен: «На раздробление града!». Абие возкрича войску своему и повеле всем приступити ко граду со всеми силами, по земли и по морю, всякими делы и хитростьми на взятие града. Градцкия же люди все взыдоша на стены и противляхуся им, биющеся крепко. А патриарх со святители и со всем священническим чином оставяся в церквах божиих и моляся господу богу со слезами и с рыданием. Царь же Констянтин непрестанно объеждаше по всему граду, плача и рыдая, моляся стратигом своим и всем
л. 23. людям, глаголя: || «Господие и братия, мали и велицы! Днесь прииде час, прославите бога и пречистую его богоматерь и нашу православную веру християнъскую; мужайтеся и крепитеся и не ослабляйте в трудех, и не отпадайте надежею, кладуще главы своя за провославную веру и за святыя церкви, яко да и нас помилует и прославит всещедрый господь бог». И повеле звонити по всему граду. Такоже и Зустунея, рыщет по стенам, и укрепляше и понуждаше людми. Яко слышаше людие звон святых церквей, и абие укрепишася и вси бияхуся с турки крепко, глаголюще друг ко другу: «Умрем за веру християнъскую!».

---

[69] *Ол*; разсседеся *М*.

Яко же прежде писахом, кий язык может исповедати или изрещи тоя беды и страсти? Падаху бо трупие с стены, яко снопы из забрал же, кровь их тече, яко реки; наполнишася рвы трупия мертвых человек доверху, чрез их ходят турки, аки по
23 об. сте*пен*е*м*[69a] || *и*[70] биются; мертвыя бо им бяху яко мосты и лествицы ко граду. Тако же потоцы и брези въкруг града наполнишася трупия человеча, и лименя Г*алат*скому[71] кроваву быти, тако силнее, непощадне бияхуся. И яко не бы господь прекратил день той, конечная бо уже бяху погибель граду, изнемогше граждане. Нощь же наставши, турки отступиша к станом своим, уставъши же; а градцкия же людие п*а*доша[72] койждо где успе, от труда; и бе тоя нощи слышати ничего, но развее стонание и вопль сеченых людей и стреляных, кои же еще живи бяху.

Царь же наутрие повеле священником и дияконом собрати трупия мертвых и погрести честно их; а кои еще живи бяху, тех повеле раздавати врачем. Собра мертвых греков и фрягов и армен и иных пришелцев 5 тысящь и 7 сот. Зустунея же
л. 24 и все велмо||жи поидоша по стенам града, смотряюще с стен трупия мертвых; и тако, посмекавше, Зустунея же и все велможи сказаше царю и патриарху убиенных турков 30 тысящь и 5 тысящь. Царь же плача и рыдая непрестанно, видяше своих людей падение, а помощи ниоткуду чающи, неотступное дело неверных. Патриарх же и весь крилос, такожe и весь синъклит церковный, взяша царя и поидоша, утешающе его, к великой церкви на молитву и благодарение дающе всемилостивому богу, такожe и множество благородных жен и детей со царицею; бяше видети во всем граде всем людем и женам, притекающим к божиим церквам, хваляще и благодаряще бога и пречистую его богоматерь. И тако про*вод*иша[73] день той и всенощное пение. Безбожныя же трупия людий своих не восхотеша взяти, но помышляше метати их пороки во град, яко изгнеют и усмрадят
24 об. град: || не*ции*[73a] в них, добро знающе про град, и сказываху ему величество бо града и пространьство, яко не прикоснется смрад их; и абие пришед со многою силою, взяша их и пожгоша.

По сих в 9 день скверный Магмет паки повеле всему войску своему приступити ко граду и брань творити по вся дни беспрестанно; а пушку свою великую повеле паки пределати того крепчая. Сия же уведали, велможи великого царя Констянътина, и Зустунея, князь Венецевъской, собрався вкупе с патриархом, и нача увещевати царя, глаголюще: «Господи царю, видим, яко сий безверный Магмет не ослабеет делом, но и паче готовится

[69a] *Нл*; стенам *М, Ол.* [70] *Ол*; *нет М.* [71] *Нл*; Голыскому *М*; нет *Ол.* [72] *Ол*; поидоша *М.* [73] *Нл*; пробавиша *М*; *нет Ол.* [73a] *Нл*; нежели *М, Ол.*

на болшее дело; что им сотворим, помощи ниоткуду чающе?
Ино подобает тобе, царю, изыти из града сего на подобное
место; и сия услышат, людия твоя и братия твоя и приидут
к тобе на помощь, но и Арбанаша[74], убоявся, приеде*т*[75], к сим||
егда како сей безбожный Магмет, устрашився, и отступит от
л. 25 града». Сия и иныя многия рекоша царю и корабли и катарги
даяху ему Зустунеевы. Царь же на долгий час умолче, испущая
слезы, и тако рече им: «Хвалю и благодарю совет ваш во
всем, яко на ползу ми есть сия вся, понеже могут сия тако
быти; но како аз сие сотворю, оставлю священъство и церкви
божия и царство и всех людей, в толицей беде сущей? Что ми
речет вселенная, молю вы, рцыти ми, господия моя, но да умру
зде с вами». И пад, поклонися им, плачася горко. Патриарх
же и вси сущии людие возплакаше и прекратиша рече, да
н*е*[76] паче молва будет в людех. Царь же послаши паки во
Амморию, и во вси островы, и во Фряги о помощи. Гражане
же в день бияхуся с турки, а в нощь влазяху во рвы и пробиваху стены ровныя, изн*ы*ряху[77] стену землену позади, во мно-
л. 25 об. гих местех заделывающе || сосуды с пушечным зелием. Тако
же и *на*[78] стенах изготовляху многия сосуды, наполняющие
смолия и серы горючие и поскони с пушечным зелием.

Днем же минувшем 25, такожe биющеся по вся дни, паки
безверный и безбожный Магмет повеле прикатити ону пушку
велию; бе бо увязанна обручми железными, чаяху уже укрепише ея; яко пустиша из нея впервыя, абие разседеся части
Он же безверный, мняшеся поруган быти, и въскоре повеле
туры прикатити ко граду со всеми силами, бяху бо велицый
и в покровенней. Егда уставиша *туры*[79] по всему берегу *рва*[79],
исходящу во рвы, наполняюще рвы древясы *и*[80] хврастием
и землею, подвигнути и прик*ат*ити[81] туры ко граду и паки подкопати стену *во*[82] многия места и извергнути на землю. Яко
приступиша множество людей рвы засыпати, и абие граж-
л. 26 дане || зажгоша сосуды *зелейныа*[83], иже бяху заделаны вне
рв*а*[83а], и внезапу возгреме земля, аки гром велий, подъяся с
туры, и с людми, яко до облак. И бе слышати трескот и сотрение
туром и вопль и стонание людское страшно, яко обоим бежати:
гражане убо со стен во град, а турки от града далече. И падаху
с высоты людие и древеса, овии во град, а иныя во врата,
наполнилися рвы трупия мертвых турков. И паки взыдоша гражане на стену и видяше во рвех множество турков, и абие за-

---

[74] *Нл*; Одранаша *М.* [75] *Нл*; приедем *М, Ол.* [76] *Ол*; но *М.* [77] *Ол*; изнуряху *М.* [78] *Нл*; во *М, Ол.* [79] *Нл*; *нет М, Ол.* [80] *Ол*; их *М.* [81] *Нл*; приклонити *М, Ол.* [82] *Ол*; *нет М.* [83] *Нл*; земленые *М, Ол.* [83а] *Нл*; во рвы *М, Ол.*

жигаху смолие на них, и *погореша* вси[83б]. И тако божиим промышлением в той день избавися град от безбожных турков.

Злонравный же Магмет со множеством воя своя издалеча смотряше бывших и помышляше, что сотворити им; такоже ратныя вси, убояхуся, от града отступиша. Греки же, вышед из града, побиваху во рвех турков, кои еще живи бяху; собраша
л. 26 об. их во многия || грамады, и жгоша их вкупе с оставшими тур*ы*[84]. Царь же Констянтин с патриархом и весь священнический чин бяху по всем церквам молящеся и благодариша бога, чаяху убо конец бранем. Тако же и *тот*[85] злонравный Магмет, многия дни советовав с своими пашами и придумав отступити от града во свояси, занеже морский путь приспе и чаяху отовсюду помощи граду. Но убо понеже беззакония наша превзыдоша на главы наша и грехи наша отяготеша сердца наша, во еже заповедей божиих не послушасте и в путех его не ходисте, а от гнева его камо убежим?.

О послании. Царю убо во граде с патриархом, такоже и всему царскому синъклиту и всем людем совет советовающь, не благо, глаголюще сице: «Понеже он, злонравный Магмет, и тако многия дни стоит безбранно, паки на нас готовится,
л. 27 но || да пошлем к нему о миру». Еже и сотвориша тои. Он же, лукавый, сие слышав, порадовася во сердцы своем, чающе нужа не*кая*[86] прииде граду. Безбожный же Магмет отлагаше свое отступление, нача совещевати о мире, сице глаголише посланник*ом*[87]: «Сотворю мир, но изыди, царь, из града во Амморию, такоже и патриарх и вси людие, иже восхотят, без вреда, оставивше мне град пуст, и аз мир вечный сотворю, да не возступлюся во Амморию, ниже во острови, никоторою хитростию во веки. А иже не восхотят изыти из града, да будут во имяни моем без вреда и без печали». Сия вся слышавше, царь же и патриарх и вси людие, возстонавше от среды сердца и руце на небо воздвигше, и глаголаху: «Заступниче наш господи! Призри от высоты славы своея, низложи гордыню сквернаго сего, избави град достояния твоего, *ибо людие есмя владычествиа*
л. 27 об. *твоего*[88] и овца пажити твоея, || живуще во дворе твоем едином стаде; и камо изыдем, оставивше пастыря и наставника своего! Ни, царю, ни! Но да умрем и во славу величествия твоего». Сия вся изрекше им, и греки уготовляхуся на брань, кающеся о послании к безбожному Магмету, зане мы удержаху его.

Днем же трем минувшим, сказаша турчанин безбожному своему Магмету, яко пушка она великая слилася добре[89];

[83б] *Ол*; пожгоша всех *М*. [84] *Нл*; турки *М, Ол*. [85] *Нл*; отпота *М*; опотай *Ол*. [86] *Ол*; неиская *М*. [87] *Нл*; посланнику сие *М*; посланнику *Ол*. [88] *Нл*; нет *М, Ол*. [89] *Ол*; доре *М*.

и тако свещашася еще поискусити ю. Зловерный же Магмет повеле паки войску своему пойти ко граду и брань творити по вся дни, и еже за наша грехи божие попущение. Яко да збудется вся прежденнная о граде сем при Констянтине Велицем цари и *Лве*[90] *пре*мудрем[91] и [92]Мефодие *епископом Патрьским*[92].

Месяца маия в 6 день паки безверный Магмет повеле бити град, идеже первие бияху, в то же место, изо многих пушек по
л. 28 три дни. Яко утруди||ша стену, и повеле безбожный Магмет ударити из болшия пушки, испаде стены камения много; и въдругия удариша, и разпадеся с стены велие место. И уже вечеру наставшу, турки нача стреляти изо многих пушек в то же место безпрестани чрез всю нощъ, не дающе гражаном заделывати того места; *греки же тоя нощи уготовиша башту велию противу того места*[93].

Наутрия же турки удариша из болшия пушки пониже того места и вывалиша стены много, и тако въдругие, и вътретии, якоже учини место велие, и абие возкрича, множество людей возкочиша на место, друг друга понужаше. Також и греки против их из града сечахуся зле, и рыкающе, аки дивныя звери; и бе страшно видети. Зустунея же собрав многия люди, возкрича, нападе на турки мужественне и абие проводи их со стены и уби их множество и наполни ров мертвых. Амурат
л. 28 об. же некий, || турскаго царя янычанын, крепок сый телом, и смешався со греки, дойде Зустунея и нача сещи его *люто*[94]. Гречанин же некий, скочив с стены, и отсече ему ногу секирою и тако избави Зустунея от смерти. Фрабура*р*[95] же воевода западный Амарбий же со инеми полки оба турскаго царя и нападе на греки и бысть сеча зла преужастна. Из града же приспевши на помощь ко греком Рахковия стратиг со многими людми, греческаго царя и скоро прогна Турскаго и доиде до самого Амарбия. Он же, видев храбра Рахковия люто сечаху турков, и обновив мечь, нападе на нь, и сечахуся оба зле. Рахковий же, наступи на камень, и удари мечем по плечо Амарбия обема рукама, и разсече его надвое. Турки убо, тмочисленнии окруживше Рахковия и сечахуся люто и разсекоша Рах-
л. 29 ковия на части и греков прогнаша во град. || И бысть плачь греком и ужасть велии о Рахковие, понеже ратник бе велий, мужествен зело, любим был сый.

Уже нощь наставши, и преста сеча и разыдошася обои; и турки убо паки начаша стреляти из пушек на разрушенное

---

[90] *Ол*; а Лве *М*. [91] *Ол*; мудрем *М*. [92–92] *Нл*; Мефодием патриархом *М*; Мефодие патриархе *Ол*. [93] *Нл*; *нет М, Ол*. [94] *Ол*; лепо *М*. [95] *Ол*; Фрабураз *М*.

место, и начаша баш*ту*[96] ширити и гражане заделывати крепко о всей прогалине и наводиша в ню пушки болшия многия таїно, занеже башт*а*[97] бе изнутри[98] граду.

Наутрия же, паки видеша же турки стену незаделану[98а], въскоре наскочиша и бияхуся со греки. Греки же, биющеся с ними, и побежаху от них, а турки возкричаху на них, и въскоре нападоша на них множество, чающе уже одолети. Согустився турков много, греки же разбегошася и пустиша на них гречаня пушку, и побиша много турков. Из града же
л. 29 об. нападе на их П*алео*л*ог*[99] стратиг || Сингурла со многими людми, избиваше их крепко. Въскоре же прииде турки со многою силою на греки и прогна их во град. И уже хотяху турки стену отняти, Феодор же тысущник, совокупився з Зустунеем, поскочиша на помощ греком, и бысть сеча велия, зла и преужастна, и турки одолеваху греков.

Царю же Конъстянтину благоверному бяху в притвори — великия церкви, со всеми боляры своими и стратиги, советуя о устремлении безбожного Магмета, глаголюще: «Сие *у*же[100] по вся дни непрестанно секущеся с турки, колико тысящь погибе нашего люду. И аще вперёдь будет такоже, всех нас погубят и град восприимут. И сие собравшеся со избранными и назнаменавшеся, изыдем из града нощию в подобное время
л. 30 и, богу помогающу, нападем на них, якоже иногда Гедион || [1] над медиамляны: [1] или помрем за святыя божия церкви, или избавление граду получим». Тако бо усоветова, и мнози ту уклоняхуся, боляря и стратиги, надеяся на царя, занеже ведая храбрость цареву и силу его, велик бо бе зело и исполнен силою. Кир Лука же *а*рхиду*кс*[2] и Никола епарх умолчаху на долгий час и тако рекоша: «Се уже пять месяц прошло от*неλи*же[3] начахом бранитися с турки, и просяще милости божия; аще будет воля божия, можем и не пять месяц бранитися с ними; аще ли же не будет божия помощи, тако едином часом сотворим, вси погибнем и град погубим». Великий же до*ме*ст*ик*[4] и с ним *ло*гофет[5] и иныя мнозии велможи совещевахуся, да изыдет царь из града, и возмет с собою избранных, колико мощно, на отсеку града, не дающе турком толико дерзос*тне*[6]
л. 30 об. приступити ко граду, издалеча потре||бная[7] проводити; сии християне зберутся[8] к нему многия люди.

[96] *Нл*; башню *М, Ол.* [97] *Нл*; башня *М, Ол.* [98] *Ол*; знутре *М.* [98а] ***Ол***; назаделану *М.* [99] *Нл*; Полеогерлег *М*; Полеолег *Ол.* [100] *Нл*; еже *М*; же Ол.

II, 1—1 *Так на полях. В тексте:* над мадиамы; на мадмяляны *Ол.* [2] *Нл*; и архидуиси *М*; архидуй *Ол.* [3] *Нл*; онеже *М*; отнежели *Ол.* [4] *Нл*; досток *М, Ол.* [5] *Нл*; гофет *М, Ол.* [6] *Ол*; дерзостен *М.* [7] *Ол*; погребная *М.* [8] *Ол*; берутся *М.*

И тако умышляющему, сказа*ша*[9] царю, якоже турки взыдоша на стену и одолевают гражан. Царю же погнавше напрасно, и всем велможам и стратигом, минув царя, велможи и стратиги ускориша на помощь и сретоша народу много бегающе и возвращаху их, биюще.

Зустунея же со инеми стратиги бияхуся с турки уже во граде, овии побегающе пред ними, овии укрепляхуся пред турки и возвращахуся и бияхуся с ними. А иныя турки, многия мосты сотвориша, на конех возъеждати; своим стратигом всем снемшимся з Зустунеем, нападаху на турки сурово и возвратиша их до стены. Но убо турки многия вшедши во град, конные и пешие, возвратиша стратиг паки, бияхуся нещадно
л. 31 и одолеваху греков; и аще бы || не царь ускорил к ним, конечная *бе*[10] уже погибель граду. Царь же благоверный Констянтин, достигнув, напад на турки со избранными своими, и сечаше их нещадно и ужастно: их же бо достизаше, разсекаше их надвое, а иных пересекая наполы, не удержася бо мечь его ни в чем. Турки же с*к*ликахуся[11] против крепости его, друг друга поникаше на него и всяким оружием суляху его и стрелы безчисленыя пущаху на него. Но, якоже *речеся*[12], бранныя победы и царское падение божиим промыслом бывает, оружия бо их и стрелы вся суетно падаху и, мимо его летающе, и не улучат его. Царь же, един мечь имея в руце, сечаше их; бежаше от него из града к разрушимому месту; и тут затеснившися, и побиша турков многих, а иных прогнаша за рвы. Также божиею помощию в той день царь избави град от
л. 31 об. безбожнаго Магмета. И уже вечеру бывшу, и турки || отступиша.

Наутрия же епарх Никола повеле гражаном избиенных турков выметати из града вон за рвы, на показание безбожным туркам. И бысть числом убиенно турков 16 тысящь; и взяша их турки и пожгоша. Епарх повеле разрушенное место все заделати древом и баш*ту*[13] делати, чающе уже им отступити, окаянным.

Безбожный же Магмет не тако совещает, но по три дни, собравшу пашей своих и с*а*нчак*би*ев[14], и тако рече им: «Видите ли убо, яко гаурев охрабришася на нас и, тако бранитися с ними, не можем и одолети их, понеже о едином месте токмо бранимся, о разрушенном, многими людми нас невместно, а они малыми людми нас перемогают и тако одо-
л. 32 левают нас; но да сотворим паки ягму, якоже и первие, прикатим туры и лествицы ко стенам града на многия места, ||

---

[9] *Ол*; сказати *М*. [10] *Нл*; бо *М*; бы *Ол*. [11] *Ол*; сликахуся *М*. [12] *Нл*; со *М*; рече со *Ол*. [13] *Нл*; башню *М*, *Ол*. [14] *Нл*; сончакъ-беем *М*, *Ол*.

и, разделятся гражане по всем стенам на сопротивление, и абие тогда приступим крепко к разрушимому месту». Еже совеща окаянный, божиим попущением, тако и сотвори: туры убо и лествицы и иныя козни многия приступныя повеле уготовити, а иным паки повеле бранитися со гражаны по вся дни, не дающе гражаном опочити.

О, предивное чюдо, о великое божие милосердие! В 21 день, месяца майя, грех ради наших, бысть знамение страшно во граде. Нощи убо против пятка осветися весь град, видев же стражие градцкия течаху видети бывшее чюдо, чааху бо: турки зажгоша град; и возкричаша велиим гласом, и собрашася многия люди. Видев же у великие церкви Премудрости
божии у верха из *о*кон [15] пламень огненный великий изшедши
л. 32 об. и окружившу всю шею церковную || на долгий час, и собрався
пламень во едино место пременися, и бысть яко свет неизреченный, и абие взятся на небо. Градцкия же стражие зряще и нача плакати горко, вопиюще: «Господи, помилуй!». Свету же оному до небес достигшу, отверзошася двери небес*ныя* [16], и, прият свет, и паки затворишася небеса.

Наутрия же, шедше стражие и сказаша патриарху. Патриарх же Анастасей, слышав тои, и собра боляр и советников своих всех, поиде ко царю Констянтину и нача увещевати его: «Изыди из града и со царицею». И яко не послуша их царь, и не внят [17] глагол их, и рече патриарх: «О царю, веси вся преждереченная о граде сем; и се паки иное ныне знамение страшно бысть: свет неизреченный, иже бе содействуя в велицей церкви божия премудрости со прежними светилники, архи-
л. 33 ереи вселенскии и цари благо||честивыми, такоже и аггел
божи*й* [18], и укрепи его бог при Устияне цари на сохранение великия церкви и граду сему, в сию бо нощь отоидоша *на* [19] небо. И сие знаменует, яко милости божии и щедроты [20] его отъидоша от нас, грех ради наших, господь наш Исус Христос разгневася на нас неутолимым гневом своим святым и хощет господь бог предати град сей врагом нашим. И ты, господине царю, отъиде». *И тако представи ему* он*ех* муж*ей*, *иже* [21] видеша чюдо сие. Яко услыша царь от патриарха глаголы его, и пад на землю, яко мертв, и бысть безгласен на долгий час; едва отлиша его ароматны водами. Воставше же царь, патриарх же паки нача крепко царя увещевати; «Да изыди из града». Такоже и боляре вси глаголюще ему: «Тебе господи, царю, изшедшу из града, со елицыми восхощеши, паки, богу

---

[15] *Нл*; вокон *М*, *Ол*. [16] *Ол*; до небес *М*. [17] *Ол*; внят ми *М*. [18] *Нл*; божиих *М*, *Ол*. [19] *Ол*; *нет М*. [20] *Последние две буквы в М соскоблены и слово исправлено* на щедрость; щедрость *Ол*. [20] *Нл*; нет *М*, *Ол*. [21] *Нл*; от них мужие, же *М*, *Ол*.

помогающу, мощно есть тебе, царю, граду помощи учинити,
л. 33 об. и иныя грады || и всю землю, подъимешь, а мы надежду
имеюще на тя, да к нам приидут, а мы въскоре не предадимся
безверным». Царь же не уклонився на то, и отвещав им тако:
«Слышите, боляря и велможи, аще господь бог наш изволит,
камо избегнем от гнева божия? Колико царей прежде мене
бывших, великих и славных, иже пострадаша за свое отече-
ство и помроша, и яз ли последний царь сего не сотворю же?
Но да умру с вами». И не послуша их царь.

Во вторый же день, егда услышаша людие отшествие свя-
таго духа, и абие разставашеся вси и нападе на них страх
и трепет. Патриарх же укрепляше их и поучаше их: «Не отпа-
дайте надежды божия, но дерзайте, убо, чада, дерзайте», гла-
голюще: «На господа бога и спаса нашего возложихом руце
и очи от всея душа возведем. Той нас избавит от врагов наших
л. 34 и вся сущая на них || вражия совещания разженет». Сицевыми
и иными многими бяше народ укрепляя. И тако святители
и со всеми освященными соборы, взем святыя иконы, и обхо-
ждаху по стенам града по вся дни, просяще милости божия,
со слезами *глаголюще*[22]: «Господи, пощади, ихже иску*пи*л[23]
еси животворною кровию твоею, не предай же нас врагом
и суперником владычествия твоего, избави нас обстояния дне-
шняго, и обышедших зол и напастей и сподоби множеству
милости твоея, изми нас по чюдесем твоим, отдай же славу
имяни твоему и да посрамятся врази твои и постыдятся от
всякия силы, и крепости их да сокрушатся, и да разумеют, яко
ты еси бог наш господь Исус Христос в славу богу и отцу».

Турки же, предрекохом, по вся дни брань творяху, греком
же не даваху опочивания, а окаянъный Магмет, собрав воин
л. 34 об. своих, разде||ли им места ко приступу: убо Карачебею противу
Царских полат и Древяных врат и Калихаря, *а*[24] бигиларбием
к востошному противу Пиги и Златаго моста, а западному
противу Хорсуни всея; сам же безверный нарек собе посре*ди*[25]
их, противу врат святаго Романа и разрушеннаго места;
столу же морскому, Бултаоглия и Загоню, обе стены от моря,
яко да окружат весь град, и во едино место, время и в один
час ударити бранию на град, по земли же и по морю.

Божиим попущением такоже зловерный Магмет грех ради
наших месяца майя в *26*[26] день, проповедником же отклик-
нувше свою скверную молитву, и повеле войску своему уда-
рити на град и абие воскричав все воинство его и скакаху
л. 35 ко граду; и прикатиша пушки и пищали, и туры и ле||ствицы,

---

[22] *Нл*; *нет М*, *Ол*. [23] *Нл*; не искусил *М*; искусил *Ол*. [24] *Нл*; и яз. *М*; яз *Ол*. [25] *Ол*; постреде *М*. [26] *Нл*; 16 *М*, *Ол*.

и грады древяные и иныя стенобитныя хитрости, такоже подвинувше по морю корабли и катарги многия; и начаша град бити отовсюду и мосты ко граду на *рве*х[27] чинити. Яко же збиша с стен всех гражан, и въскоре придвигнувша грады деревянные и туры высокие и лествицы тмочисленыя, нуждахуся силою взыти на стену; греки же не давше им, но сечахуся с ними крепко. Магмет же окаянный со всеми чины своими, заиграв во все игры и в тимпаны, и вопли великими возшумевши, аки буря силная; прииде на полые места таким суровством, мняше бо внезапу похитити град. Стратиги же многия с Зустунеем приспеша на помощь ко греком и бияхуся с турки крепко. И бысть пагуба велика гражаном; но и еще в [27а] час
л. 35 об. погибе*лный* не приспевш*у* граду[27а], || перемогахуся с ними, и бысть сеча велия, яко страшна и жестока бе видети от обоих дерзости и мужества.

От патриарха Анастасия моление господу богу нашему Исусу Христу и пречистой его богоматери о избавлении града от безбожнаго Магмета-салтана. Патриарх же со всеми соборы во святей велицей церкви неотступно моляся Христу богу и пречистой его богоматери о помощи и укреплении на враги, плача и рыдая, глаголаше: «Воскресни, боже, помози нам конечне погибающим! Не отрини людей своих до конца, не даждь достояния твоего в поношение сыроядцем сим, да не рекут: «Где есть бог их?», но да познают, яко ты еси бог наш Исус Христос в славу богу и отцу». Сице ко пречистой его богоматери возглашающе: «О всесвятая владычице! Стани, возведи руце к сыну своему и богу нашему, утиши, владычице,
л. 36 иже на || нас гнев божий и пагубу; уже бо, есмя, пречистая госпоже, при устех адовых, поскори, о милостивая и человеколюбивая мати, изми нас преже, доколе не пожрет нас ад, яко и в сем прославится имя твое всесвятое». Сице вопияху и моляхуся непрестанно.

Царь же приспевши со избранными своими к полому месту и видев брань тяжку велми и сам царь стал туто и велможи все, яко сказаше царю безбожнаго устремление близ полаго места, абие возопи воином своим, плачющи: «О братие и друзи! Ныне прииде время обрести славу вечную за церкви божия, и за православную веру, сотворите мужественно на память последним!». И ударив в *фарис*[28], хотяше преско*чити разрушенное место и доступити*[29] Магмета на отмщение крови християнския; *и яша*[30] велможи и оружники

---

[27] *Нл*; верх *М*, *Ол*. [27а] *Ол*; в час погибе, а инсго граду не приспевше *М*. [28] *Нл*; фириф *М*, *Ол*. [29] *Нл*; предскончати *М*, перескочити *Ол*. [30] *Нл*; нашед *М*, *Ол*.

и пещцы нужно, за*не*[31] невъместно бе дело: Магмету безбож-
л. 36 об. ному || в силе тяжце *сущу. Царь же*[31a] и обнажив мечь, обратися на турки и, якоже достизаше мечем по раму или по перстом, пересекаху их наполы. Турки же, ужасошася крепости царевы, побежаху из града; стратиги же и воинъники и в*си*[32] людие, видевше царя своего храбра и мужественна и все скакаша на турки и прогнаша их за рвы. Магмет же ста крепко и повеле турком битися, возвр*а*щаяся[33] за греки. И бысть сеча примрачна, зане стрелы их помрачиша свет. Греки же с обеих стран с стен меташа на турки смолие горячее, и смолия пучмы великия зажигающе; и уже солнце зашло есть, сечаше же ся непрестанно, но огни безчисленныя безбожнии сотвориша: а сам скакаше по всем станом, кричаху и вопияху, понуждаху людей своих, чающе уже пожрети град.
л. 37 Но убо греки и прочии людие сущии, огражда||шеся дерзостию, вопияху друг другу: «Поскорим, братия, н*а*[34] осужденное место се и помрем за святыя церкви!». И тако сечахуся с турки крепко до полунощи, согна их со забрал градных и на землю збиша и преста сеча. Окаянный же Магмет от града не велел отступати, стоя,[35] брегуще градов своих и иных козней многих и хитростей, не дающе гражаном зажечь и взяти тех хитростей.

Того же месяца майя в 27 день паки безверный Магмет повеле войску своему бити град возле разрушенаго места изо многих пушек и пищалей. В девятую годину дни того, наводив пушку болшую, и удариша в баш*ту*[36], такоже в другие, и втретие, и разбиша баш*ту*[36]. И тако той день проиде. Нощ же наставши, Зустунея же паки со всею дружиною и фрягове все начаша баш*ту*[36] созидати. И прилетев из болшия пушки
л. 37 об. ядро каменное || на излете, и удариша Зустунея по перс*ом*[37] и пад на землю, аки мертв, едва отлиша его араматными водами и отнесоша его в дом. Боляре же и вси людие и фрягове, иже бе с ним, стояху и не ведяху, что сотворити. С*е*[38] же бысть изволением божиим на погибель граду, понеже поло место он же то храняше великою силою и мужеством, храбр бо бе и мудр и ратному делу искусен зело. Егда же сказаша царю Констянтину, царь же опечалися зело о нем и скоро поиде к нему, со всеми велможи и врачи, утешающе его. Врачи же чрез всю нощь ону тружахуся о поможении его и е*два*[39] справиша ему *г*руди[40], вшибленное место *от*[40a] удара, и абие

---

[31] *Ол*; за *М.* [31a] *Нл*; *нет М, Ол.* [32] *Ол*; вои *М.* [33] *Нл*; возвещаяся *М, Ол.* [34] *Ол*; не *М.* [35] *Ол*; стоя *М.* [36] *Нл*; башню *М, Ол.* [37] *Ол*; перстом *М.* [38] *Нл*; Сии *М*; Сей *Ол.* [39] *Нл*; егда *М, Ол.* [40] *Ол*; труди *М.* [40a] *Ол*; *нет М.*

Зустунея же отдохнув от болезни, и даша ему мало от брашна
вкусити и пития, и опочив мало. Дружина же его оставшая,
л. 38 не успеша зделати башт*ы*[41] ничтоже. || Зустунея же повеле
собя вести тамо и начаша делати башт*у*[36] ту устроением
великим.

В 28 день месяца майя видеша турки башт*у*[36] ту делаю-
щих, въскоре наскочиша множество их на полое место, такоже
греки против их, и бысть брань велия. *Фл*абурар[42] же некий
со многими людми срацыны яростно нападе на греки; в них
же бяху *пять*[43] муж срацынин возрастом и взором и биюще
гражан нещадно. Такоже из града приспевша протостратор
и сын его Андрей со многими людми поскочиша на турки.
И бысть сеча ужастна. Видеша же с стены братия пяти мужей
срацынянин и иных многих, биющих силно гражан; тем же
скочившим с стены и нападоша на них, сечахуся с ними люто,
и яко удивитися турком и не деют им ничтоже, чающе убиен-
л. 38 об. ным быти || от срацын тех. И убиша гражане дву срацынянин,
и тако, воскричаша, нападе на них много турков, они же *от*[44]
них уйдоша вси три братие без вреда.

О полом же месте сечахуся непрестанно; паки турки
бо великою силою одолевают гражан; стратиги же и вси вел-
можи вкупе с Зустунеем мужеств*оваху*[45], и падоша множе-
ство людей обоих стран. Но еже бог изволи, тому не преити:
прилетев из полку из пушки ядро и удариша Зустунея и срази
ему десное плече, и паде Зустунея на землю, аки мертв.
И падоша над ним боляря и вси людие, кричаше и рыдающе,
понесоша его прочь; такоже и фрягове вси поидоша за ним.
Турки же, слышавше рыдание и смятение градцкое, абие вос-
л. 39 кричавше, попустивше всеми полки и потопташа гра||жан
и вогнаша их во град, биюще и секуще. И видев устремление
турков, и греки начаша бежати, и глаголаху себе: погибель
бысть конечная граду, аще бы не царь поскорил со избран-
ными своими велможами. Царь же Констянтин Иановичь бла-
говерный, всед на избранный свой конь, и поиде противу ока-
янных турков. И прогнавшу турков, царь и въсрете Зустунея,
еще жива суща, и возплакася о нем горко и возъярися паки
и по сем нападе на турки с великия кручины со избранными
своими велможами и биюще их и секуще нещадно; токмо
бо имея царь един мечь в руце, их же достизаше и разсекаше
надвое мечем; аще по коню ударит мечем и падет, не удер-
жаша бо меча его ни з*бруи*[46], ни коньская сила. Турки же,
видеша крепость и мужество царево, бежаша от него. И тако ||

[41] *Нл*; башни *М*, *Ол*. [42] *Нл*; Храбурар *М*, *Ол*. [43] *Нл*; нет *М*; ся *Ол*.
[44] *Ол*; у М. [45] *Нл*; мужественно *М*; *нет Ол*, [46] *Нл*; зубры *М*; зубри *Ол*.

л. 39 об. прогнаша турков к полому месту, и спустившимся ту множество народа, и побиша гражане турков безчисленно, закалаху бо их, аки свиней, а дондеже приидоша полого места; а иныя ту бежаша страны по улицам, те тамо побиени быша. И тако божественым промыслом в той день избавися град сей от безбожных турков, а гражане падаху опочива*ти*[47].

Царь же с патриархом и вси людие поидоша в великую церковь и возблагодариша бога и пречистую богоматерь и похвалиша царя. И нецы*и*[48] сказаше безбожному, яко и сам царь во сердцы своем вознесыйся; но отшествия поганых чающе и не ведяху божия изволения.

Магмет же, видев толикое падение своего войска, слыша цареву храбрость, тое нощи не спа, но совет зол сотвориша,
л. 40 хотя||ще тоя нощи отступити безбожный Магмет, занеже морский путь приспе и корабли многия приидут на помощь граду. Но да забудется божие изволение, совет [49] *же* безбожнаго *не*[49] совершается. В 7 часов убо нощи нача разгневание на град и на люди и на царя благовернаго Констянтина, наступати тма велия, воздуху убо на аере огустевшу, написася над градом плачевным образом, испущающе, аки слезы, капли велицы, подобни величеством и взором буйволному оку, черлены, и терпяху на земли на долгий час, яко удивитися всем людем в тузе велице и в ужасе быти. Патриарх же Анастасий, въскоре собра весь крилос и синъклит, прииде ко царю и рече ему: «Светлейший царю, вся преждереченная о граде сем добро веси, такоже отшествие святаго духа от нас видели,
л. 40 об паки се ныне тварь проповедуется погибель граду || сему; молим тя, царю: изыди из града, да не все вкупе погибнем, бога ради изыди!». И поведоша ему много деяни*й*[49а] п*ро* прежних царе*й*[49а] сим подобна. Благоверный же царь Констянтин Иванович, моляся спасу и пречистой, глаголя патриарху: «Воля господня да будет! Камо ся нам дети от крепкия его руки?» И не послуша их царь да рече: «Умру с вами!»

Безбожный же Магмет, яко виде тму над градом, *рекоша*[50]: «Знамение великое есть и граду пагуба». Он же, безверный, повеле въскоре уготовити воя своя.

Месяца майя в 29 день повеле же безбожный пустити наперед собя тмочисленыя оружники и пешцы, и пушки и пищали, и за ними свое войско попустити. И повеле прикатити против полого места великия пушки и начаша о всем том
л. 41 месте бити; и яко || отбиша гражан от полого места, и поскориша же пешцы очистити *путь*[51] ратным и рвы изровняти;

---

[47] *Ол*; опочивания *М*, [48] *Ол*; нецых *М*. [49–49] *Ол*; безбожнаго *М*. [49а–49а] *Нл*; по прежних царех *М*. [50] *Нл*; *нет М, Ол*. [51] *Ол*; туто *М*.

и тако напустиша турки всеми полки и потопташа гражан [52].
Стратиго*м* и м*а*гистаном [52] и [53] все*м* конником приспе*вшим*,
и *подкрепившим* народ [53], и боряхуся с турки. И по сем царь
приспел со всеми велможи и со избранными своими, и нападе
на турки, и уже бо много войску *вну*три [54] града турскаго
салтана. Царь же смешався с ними, и сечаху их нещадно
тяжким зверообразным рвением и прогнаша турков к полому
месту. Бегиларбий же безбожнаго Магмета, богатырь восточ-
ный, велик ростом и телом мужествен, возкричав, со всею
силою восточною и нападе на греки и размеси их полки и про-
гна; и взем копие, напусти на царя. Царь же подал ему щит,
и отведе копие, и удари его по главе мечем, и разсекоша его
л. 41 об. || надвое до седла. И абие возопиша турки многими
гласы [54а], вземше и отнесоша его. Царь же, пр*и*гласив [55] своих
велмож со восклицанием многим, и внидоша в полки их и абие
прогнаша их из града. И царская сила была храбростно, аще
бы горами под*визали* [56], ино божие изволение и попущение
не *пре*мочи [57]. От царскаго было меча и богатырства и муд-
рости его вся подсолнечная не могла [58] ухранитися. *И*но [59]
за *не*правду [60] господь бог гневается. Аще бо, рече господь,
прочая. Турки же убиша их множеством многих, переменяю-
щеся на брань, а гражане всегда едины, изнемогаху и падаху.

Безбожный же Магмет окаянный, слышав восточнаго биги-
ларбия убийство, плакашася о нем много, зело любляше
бо его и храбрости его для и разума, возъярися, поиде
л. 42 сам своими враты со многими силами, || а на царя повеле
пушки наводити и пищали, бояше бо ся его, яко да не изыдет
из града со всеми людми и нападет на них. И пришед безбож-
ный, ста противу полого места и повеле бити первие из пушек
и из пищалей, да отступят гражане. По сих же напусти
Балтаулию-пашу со многими силами, а на царя посла 30
тысящ избранных и заповеда им: «Да где улучите царя, еще
и до смерти постражите», или из пищали убиют его. Стра-
тиги же и мегистаны и все волможи, видев устремление без-
божнаго Магмета, и притекоша вси ко царю, и отведоша его
великою силою, и глагола ему: «Господи царю, да не всуе
умрем». Царь же, плача горко, рече им: «Помните слово, еже
глаголах вам, и обет положих, да умру с вами; не имайте
л. 42 об. мене, но отъидите от мене!» Они же отвещаваше: «Мы || все
да умрем за божия церкви и за тобя, государя!». И все отве-

[52–52] *Ол*; Стратигов и мегистанов *М*. [53–53] *Ол*; всех конников приспеша же народ и позкрепиша *М*. [54] *Нл*; три *М*. [54а] *Ол*; людми гласы *М*. [55] *Нл*; прогласив *М*; приглаголав *Ол*. [56] *Нл*; подзами *М*; подвизами *Ол*. [57] *Нл*; измочи *М*; змочи *Ол*. [58] могла бы *Ол*. [59] *Ол*; Но *М*. [60] *Ол*; правду *М*.

щеваху от народа и много увещеваху его: «Да изыди, царь, из града, да не умрешь с нами». И глагола царь: «Не изыду из града, умру с вами за свое отечество» И дав им конечное целование, стеня и рыдая и прощаяся, и возвратишася вси на уреченное место, царь же отпусти их.

Балтаулия же приспе со многими полки. Стретоша его стратиги на полом месте и не возмогоша его удержати. Вниде во град со всеми полки и нападе на гражан. И бысть сеча крепчайше всех прежних. И падоша стратиги и мегистаны и все велможи, яко от многих мало их отьидоша на извещение царю; избиенных же гражан и турков ни есть числа; 30 тысящ паки *ристаху*[61] и совахуся во граде на все страны
л. 43 града, ищуще себе лову царя Констан||тина Ивановича.

Магмет же окаянный паки, въскоре *уряд*ив[62], разсылаше всю рать свою по улицам и по вратом царя беречи, а сам ся остал токмо с янычаны, вообольскъся круг себе пушки и пищали уставив, бояше бо ся его. Царь же Константин благоверный, слышав от своих воинов божие разгневание и изволение и погибель граду, и поиде в великую церковь, и възозря на образ спаса и пречистыя, и паде на землю, прося милости божия прощением, и каяся грехов своих, и простяся с патриархом и со всеми клирики и со царицею своею, и поклонися до земля на все страны, и причастися от патриарха святых страшных Христовых таин божественных, поиде из церкви. И абие возопиша весь клирик и весь народ, сущий же ту, жены и дети, им же не бе гласа слышати, в плаче и в рыда-
л. 43 об. нии и в стонании, яко мнети церкви оной || великой колебатися, глас их, мню, до небес достизаху. Идущи же царю из церкви, сие едино слово прорек: «Иже кто хощет пострадати за божия церкви и за православную веру христианъскую, и да поидет со мною на фариос».

Царь же Константин Иванович, простяся с патриархом и со царицею и с народом и приня свой избранный конь и мечь свой, поиде ко Златым вратом, чаяше бо въстретити самого безбожнаго Магмета. И собрався с ним войску ото всех три тысящи; и обрете его у врат множество турков, стрегущих его. Царь же напусти на них с мечем своим и сечаху их множество нещадно. И поиде во врата, и не можаху конь его проити от многа трупия, и паки въстретоша его много множеством турков безчисленно. И царь же сечахуся с ними до нощи. И тако пострада христолюбивый царь Константин ||
л. 44 Иванович за божия церкви и за православную християнъскую

---

[61] *Нл*; разкакахуся *М*. [62] *Ол*; ударив *М*.

веру и за свое отечество главу свою положил месяца майя
в 29 день, убив *его* [63], якоже оставшие сказаша безбожному
Магмету-салтану про убиенных турков от царя Костантина
болши шестисот тысящ. И бысть реченно: Константином град
создася и паки Константином скончася, судом божиим и вре-
менем бывает. Злодеяние бо, рече, безаконие превратит
престол силных [64].

О велика сила греховнаго жала! И колико зло твори пред
7 холми, яко погании соблюдают! Ибо колико благодатей бо-
жиих на тебе, овогда прославляя и величая паче иных градов,
овогда многообразне и многократне и наказуя и наставляя бла-
гими делы и чюдес преславных, овогда же на враги победами
прославляя [65], не престаше поучатися ко спасению призывая и
14 об. житейскими || изообилии утешая и украшая всяческая; такоже
пренепорочная мати Христа бога нашего неизреченными бла-
годеянми, неизреченными дарованми миловаше и храняше во
все времена. Ты же, яко неизготовен, юже на тебе милость бо-
жия и щедроты отвращаеши, и се ныне откры [65а] гнев божий
на тобя и преда ти в руце врагом твоим! И кто о сем ныне воз-
плачется или изрыдает? Но убо паки да приидет и предле-
жащему.

[66] Цар*ица же* [66] в он же час прият прощение и от царя,
иночество [67] прият; останшии же его стратиги и боляря, взем
царицу и благородных девиц и многих младых жен, и отпу-
стиша в Зустунеевых кораблех и на катаргах во островы,
во Амморию к племянем. Народ же по улицам и по двором
не покаряющеся турком, но бияхуся с ними, и падоша на них
много турков, гражан и жен и детей сечаху, а иных полоняху.
л. 45 Такоже || и в стрелницах сущии воинники гражане не преда-
ющеся, но бияхуся со всеми турки из града и внутри града
в день, одолеваеми от турков, и бегаху от них и скрывахуся
в пропастех, а в нощи вылазяху и бияху турков много.
А иныя люди метаху на них с полат керемиды и плиты, и кро-
вли полатныя древяные зажигающе и метающе на них
со огни, и иные многия пакости деяху им. И ужасошася от них
паши. И сончак-бей [68] же посла к салтану, глаголя: «Аще
не сам внидеши во град, *не одолен будет град* [69]». Он же взы-
скание сотвори великое о царе и о царице, бояся во град
внити. И бысть в размышлении великом; и по*зва* [70] бояр
и стратигов царевых, их же поимаше на боех и взяша их
паши на свое руки. Салтан же даде им свое крепкое слово

---

[63] *Ол*: ею *М*. [64] *Ол*; *далее* О велико *М*. [65] *Ол*; преставляя *М*. [65а] *Ол*; открый *М*. [66–66] *Нл*; Царю *М*; Царя *Ол*. [67] *Нл*; иночество *М*, *Ол*. [68] сензян-бее *Ол*. [69] *Нл*; *нет* *М*, *Ол*. [70] *Нл*; посла *М*, *Ол*.

и дары, послаша их с паши и сончак-беи же рече гражаном по всем улицам, сущим воинником и в стрелницы слово салл. 45 об. таново с клятвою, глаголя: || «Да престанетеся бранити безо всякого страху и убийства и пленения: аще же не престанете, и слова его не послушаете, то всех вас велю и жены ваши и дети мечю предати». И все воинники градцкие престашася сечи и бранитися и давшеся на руки всем бояром и стратигом и пашам. И сия слышав, салтан возрадовася и посла во град чистити улицы и площади.

В день 11 по брани посл*а*[71] санчак-беев по всем улицам со многими людми бранити изграды, а сам поиде со всеми чины ратию своею во врата святаго Романа, в нюже бяху собранни патриарх же и весь клирос, собрашася к нему в церковь народу безчисленно, жен и детей. И пришед Магметсалтан на площадь к великой церкви, и сшел с коня, и паде на землю лицем, и перстию посыпаху главу свою, благодаря ||
л. 46 бога. И почюдися оному великому созданию, что ему создал господь бог таковое царство великое, и тако рече: «Во*истину*[72] людие сии быша и приидоша, а иныя по них сим подобни и не будут». И поиде в церковь. И вниде мерзост*ь*[73] запустение и во святилище божие и ста на месте святем его. Патриарх же и весь клирос и весь народ возопиша со слезами и рыданием и падоша пред ним. Он же помахав рукою, да престанут, и рече им: «Глаголю тебе, Анастасий, и всей дружине твоей *и*[74] всему народу: по нынешний день и впредь к тому не бойтеся гнева моего, ни убийства, ни пленения». И обратишася, и рекоша им, пашам, санчак-бее*м*[75]: «Да повелел запретити своему войску всему всякому чину моих врат, да не велел Магмет-салтан туръской царь весь народ градл. 46 об. ский, ни жен, ни детей, ни бити||, ни пленити, ни в полон имати, ни иною которою враждою; аще кто повеления царева не слушает, тот злой смерти предан будет». И повеле их выслати из церкви всех, да повелел им итъти комуждо во свой двор, хотяше бо видети уряд и сокровища церковная. И народу же идущу до девятыя годины и еще много в церкви, и не дождася царь, вышед из церкви, и видев изшедших полну площадь и во все улицы идущих много, и удивися толику народу, от единыя храмины изшедших. И поиде ко царскому двору, и въстрете его некий сербин, и принесе ему главу цареву. Он же возрадовался зело и въскоре созва бояр и стратигов и воспроси их: «Рцыте ми истинну, то ли есть глава царева». Они же, страхом одержими, и рекоша ему: «То есть глава

---

[71] *Нл*; посланник *М*, *Ол*. [72] *Ол*; воинстии *М*. [73] *Ол*; мерзости в *М*. [74] *Нл*; сии *М*; и сии *Ол*. [75] *Нл*; санчакбеев *М*, *Ол*.

л. 47 сущая || царева». Он же облобыза ю и рече: «Явно тя бог миру уроди, паче же и царя, почто всуе погибе?» И посла ю к патриарху, и повеле ю обложити сребром и златом и сохранити ю, яко сам веси. Патриарх же положи в ковчег сребрян и позлащен и сохранив ю в великой церкви под престолом. Иныя же тако слышахом, яко останшие сущие по цари поидоша тоя нощи и украдоша его от Златых врат и отнесоша его в *Го*лату[76] и сохраниша ю. О царицы же быв салтану велику испытанию. И приидоша некий мужие, сказавше салтану, яко великий *ду*кас[77] и великий доместик иманактос и протостратигов сын Андрей, братаничь его Асан [78]Фом*а* Палеол*огов*[78] и епарх градский Николай[79] отпустиша царицу в кораблех, и абие повеле их достизати, и повеле их казнити смертию.
47 об. Сим же || тако бываемым, грех ради наших.

Безбожный же Магмет сяде на престоле царском благороднейша сущи всех, иже под солнцем, изобладаша владеющих двема части вселенныя, и одолев одолевшаго гордаго Ртаксея, невместима пучинами морскими и воеводами шире земля, и потреби потребивших Тр*оию*[80] предивною, седмидесятми и четырми крали обороняему. Но убо разумееши, о окаянне, аще преждереченная вся Мефодием Пат*арским*[81] *и Лв*ом[82] Премудрым знамение о граде сем совершишася, то бо последняя не приидут.

[СКАЗАНИЕ О КНИГАХ]

[а]И повеле царь турский Магмет-салтан у патриарха *А*настасия[83] книги взяти все греческия[а] и списати книги християнския по-турски слово в слово, [б]да помыслил с сеиты и с мол-
л. 48 нами, и с обызы, и с паши с мудрыми,[б] || и со всею своею *верною*[84] думою, и хотел книг греческих не отдати Анастасию-патриарху и християнъскую веру и греческий[85] закон почернити[85] до тла во Иерусалиме[а] и во Цариграде. И сведал то патриарх Анастасий мысль Магметову, что не хощет книг божественных отдати, заплака*в*[86], да пошел в *хоро̂мы западныя*[87] свои, где святители прежния стояли на молитвах своих святых, и сердцем бога видели и аггелом собеседники были, и от них же небесная глаголания ведали, и слышали всю силу

[76] *Нл*; полату *М, Ол.* [77] *Нл*; докас *М*, доктос *Ол.* [78–78] *Нл*; Фомин сын Палеололов *М, Ол.* [79] *Нл*; *далее* и *М, Ол.* [80] *Нл*; Третьею и *М*, Троиею *Ол.* [81] *Нл*; патриархом *М, Ол.* [82] *Ол*; Алфом *М.* [83] *Ол, Од, Ег, Т I, Мз*; у Настасия *М*; у Настасия *Ув* (у *испр. из* а). [84] *Испр.*; *нет М, Ег.* [85–85] язык потребити *Ол*; закон порудити *Т I*; порудити и еретический язык и закон ввести *Мз.* [86] *Испр.*; заплакал *М, Ув.* [87] *Ол, Од, Мз*; задния хоромы *М, Ег*; западныи хоромы *Ув*; свои хоромы в западные *Т I.*

божию от аггелов святых и от собеседник[88] своих. Настасий
же патриарх с плачем великим и сердечными слезами, запла-
ка*в*[89] пред образом святым пречистыя владычицы[90] богоро-
дицы, матери Христа бога нашего, и рече[91] с великим плачем
пред Христом: «Господи, господи, царю владыко человеко-
л. 48 об. любче, всевидящее око! Видиши тако||вое поругание от ага-
рян, от безбожных турков, от иноплемянник? Твоим святым
церквам поругаются, кресты с церквей поснимали, и твоя свя-
тыя образы нечестно из церквей выносили, и престолы твоя
святыя поламали, и книги у меня поотнимали, у раба твоего.
Всем те*м*[92] вере твоей любимой християнской наругалися!
Ино твоя ли то воля сталася, что сие иноплемянники над
твоими святыми церквами и надо образы твоими чюдотворными
наругалися?». Ино глас с небеси сошел Анастасию-патриарху
и глагола тако Анастасию: «Сказа ти о том царь небесный
владыка человеколюбец: естьли бы яз на вас на то напустил,
яко на Содом и Гомор, вечный гнев свой[93] огнь и потоп, и на
л. 49 вас я напустил на поучение агарян[94], иноплемянник || турков,
а не навеки, любячи вас. Ино тако тебе видится грузко и сердцу
твоему кручина вели*кая*[95] иноплемяннческая поругания Хри-
сту богу нашему, ино мне было, господу богу, грузчая того от
вас, что естя[a] во всем [96]заповедь мо*ю святую*[96] преступили,[a]
а яз у вас оставил житие земное и путь царства небеснаго».

И услыша Христос бог наш, царь владыко-человеколюбец,
молитву Анастасия-патриарха, и напустил господь бог наш
великий страх на Магмета-царя и на сеиты его: виделся ему
Христос бог наш, царь и владыко человеколюбец, во сне,
и напустил на него трясение про книги християнския. Царь же
Магмет-салтан[97] от сна своего трепетен бысть, и во ужасе
велице и глагола: «Господа бога есми разгневил». И скоро
л. 49 об. посла по патриарха Анастасия. И рече ему || тако: «Ты ли ся
жаловал богу своему на меня? Виделъся мне сон велми грозен
и напустил на меня такую болезнь. И ты возми книги своя да[98]
исправ*ляй дела свои*[98], что ваш Христос вам приказал да
и обо мне помолися. Естьли бы мне того царства не выдал
бог[99], и мне бы мочно ли о том умудрити, естьли бы на то
божия воля не была? Все то есми божиею волею делал».

---

[88] беседников *Ув, Т I, Мз*; собеседников *Ол, Од, Ег.* [89] *Испр.*; заплакал *М.* [90] *Испр.*; *далее* нашея *М, Ег.* [91] рек тако *Ол, Од, Ув, Мз*; рече тако *Т I.* [92] *Ол, Од, Мз*; тебе *М, Ег, Ув.* [93] *далее* и *Ув, Ол, Од, Мз.* [94] *Испр.*; *далее* и *М.* [95] *Ол, Мз, Ув*; велия *М, Од, Ег.* [96–96] *Испр.*; заповеди моя *М, Ег.* [97] *далее* ста *Т I*; востав (*над строкой*) *Ол.* [98–88] *Ол*; исправу делай *М, Ег, Ув*; исправу делай свою *Мз*; исправу дела своего твори *Т I,* исправи дела своя *Од,* [99] *Испр.*; *нет М, Ув.*

Патриарх Анастасий книги вземше со благодарением гос-
пода бога и спаса нашего Исуса Христа, царя небеснаго, влады-
ки-человеколюбца, и рече тако патриарх пред царем: «Велик
бог христианеск, и силно милосердие его, и чюдна дела его!».
Да видя патриарх великое милосердие господне, что
господь бог на иноплемянники ужас велик напустил и страх
за книги христианъския, и он пошел опять въскоре во святи-
л. 50 тельския || хоромы западныя, где прежния святители на молит-
вах своих святых стояли и сердечными слезами своими бога
на помощь призывали и сердцем бога видели. И патриарх
Анастасий стал сердечными слезами своими на молитвах,
видя*чи*[100] таково знамение божие, что господь бог страх на
них, на неверных, напустил за книги християнъския.[1] *А рек*[1]
тако Анастасий к богу на молитвах своих святых сердечными
слезами своими: «Господи, царю, владыко человеколюбче!
Дай свою милость великую, приведи сих неверных к вере,
аще ли бы познали святое твое великое милосердие и силу
божию и имя твое святое. Как им, господи, терпиши сие вели-
кое пору*га*ние[2] от неверных, что оне, неверныя, всей твоей
святыни наругаются: кресты с церквей твоих святых посни-
50 об. ма*ли*[3], и образы твоя || святыя нечестно выносили, и престолы
твоя святыя поламали, и себе поделали мизгиты[a] в твоих
святых церквах на свои скверныя молитвы, иноплемянические
безбожныя агаряне?». Глас с небеси сошел от бога ко Анаста-
сию-патриарху[4] и рече[4] тако Анастасию-патриарху: «Люто
ли тебе видится и грузко сердцу твоему сие поругание от
неверных, что моей святыни наругаются?[5] А яз им свою свя-
тыню *не*[6] выдал на поругание: видели естя знамение мое свя-
тое небесное, иже аз свою святыню от храмов своих святых
и от своих чюдотворных образов, и от чюдотворцов, и от муче-
ников и угодников моих, волных страстотерпцов, всю есми
свою святыню к себе на не*бо*[6a] взял, доколе будет мое святое
милосердие опять во Иерусалиме и во Цариграде; лише есми
л. 51 выдал вас на поучение пра||вды моея неверным иноплемянни-
ком, а не навеки. Да будет мое святое милосердие к вам
во умножение веры християнъския! Ино то ли тебе видится,
Анастасию, сие поругание неверных грузко сердцу твоему?
Они бо есть неверныя иноплемянники, веры християнъския
не знают. Лютее было мне, господу богу вашему, терпети от
вас, иже бы естя знали меня, господа бога своего, и веры хри-

---

[100] *Ув, Од, Ол*; видя *М, Ег*; видящи *Т I*; видяше *Мз*.

III, [1–1] *Испр.*; И рече *М, Ег.* [2] *Испр.*; *рукоп. М. продрана.* [3] *Испр.*: поснимаша *М, Ег.* [4–4] а рек *Ол, Ув, Мз*; глаголющь *Т I.* [5] поругаются *Ол.* [6] *Од, Ол, Мз, Т I*: *нет М, Ег, Ув.* [6a] *Испр.*; *рукоп. М. продрана.*

стиянския естя моея любимыя надо всеми верами, да ни в чем
естя моея воли не творили, во всем естя мене прогневали,[7]
заповед*ь* мо*ю*[7] преступали. Да еще того лютее мне от вас
было терпети, что мою святую волю творите, смиренное житие
приимаете, и обще со мною, со Христом, мнишеское да чаяние
и святыню на собя возводите и гордость, брат к брату ропта-
л. 51 об. нием; || и пришедши в церков святую мою да ста[8] по местом
своим мнишеским, да кланяетеся, яко трава от ветра, а сердца
своего в кознях не обратитеся, в роптании своем брат на брата
в[9] кознях своих. А приняли естя бремя мое великое и добро-
детелное и братолюбства общего моего жития: брату брата
любити аки сам себе; а вам что же болши того надобно, моего
святаго великаго милосердия? Во всем заповедь мою святую
преступили, и мя, господа бога своего, Христа царя небеснаго,
разгневили, а яз оставил у вас житие земное и путь царства
небеснаго». И ре*к*[10] патриарху Анастасию господь г*ласом*[11]
своим святым небесным: «Аминь! Глаголю ти, Анастасие:
люто ли тебе видится и грузко сердцу твоему? Еще было мне
л. 52 того лютее от тебе и грузча*я*[12]: что еси наместник || престола
моего святаго, божественнаго, в *мое*[13] место Христово,
пастырь[14] веры християнъския и учитель царю и всему миру;
царь сшед с праведнаго суда, и весь мир прельстился на
нечистое собрание,[a] суд был их лукав и слезен[a], слезы и кровь
мира сего, род*а*[15] християнскаго, неповинно осуждал и бр*ы*з-
гали[16] на образы моя святыя чюдотворныя от лукавых судей
и от неправеднаго суда их; а твоего поучения святителскаго
к ним не было и на путь еси *их*[17] мой святый не правил. Да
естьли бы еси не разлил ныне сердечных слез предо мною,
господем своим, богом Исусом Христом, царем небесным,
поминаючи свое согрешение, аще бы не те твои сердечныя
слезы, кающеся о гресех своих предо мною, — все *бы то на*
тебе[18] взыскалося, Анастасие, на праведнем суде моем да
отвержен бы еси был от лица моего святаго вовеки. А ныне
л. 52 об. поучение || мое святое напишите да розошлите по общим
моим, по настоятелем общаго жития на молитвы верныя
сердечныя, да братолюбъство бы было всегда промежу
вас, да отставите[19] козни и роптание от святыни мнише-

[7–7] *Испр.*; заповеди моя *М*, *Ег*. [8] ставше *Ол*, *Мз*; станете *Ег*, *Т*; став *Од*. [9] *Испр.*; и в *М*, *Ег*. [10] *Ол*. *Т I*, *Од*, *Мз*; рече тако *М*, *Ег*; рек тако *Ув*. [11] *Испр.* (*см. Сокр. и Бара. Никон. изводы*); господем *М и др.* [12] грузчае *Ег*, *Ол*, *Од*, *Мз*; *нет Т I* [13] *Ол*, *Од*, *Мз*; *нет М*, *Ег*, *Ув*, *Т I*. [14] пастырем *Ол*, *Од*, *Мз*. [15] *Испр.*; родо *М*. [16] *Испр.*; бразгали *М*, *Ег*; бразгали *Ув*, *испр. из* брызгали. [17] *Ол*, *Од*, *Мз*, *Т I*; *нет М*, *Ег*, *Ув*. [18] *Ол*, *Од*, *Мз*; на тебе бы *М*, *Ег*; на тобе *Ув*; бы то их согрешение на тебе *Т I*. [19] отставте *Ол*; оставите *Мз*, *Ув*.

ския; *и*[20] яз буду всегда промежу вас, Христос бог ваш, с миром».

А от молитв святых Анастасиевых пришло великое сумнение на царя на Магмета: велми о том мыслил и хотел веру християнскую прияти. Да ре*к*[21] тако Магмет-салтан сеитам своим и молна*м*[22], и пашам, и абыз*ам*[23]: «Се есми праведен суд в царство се ввел, [б]а се веру християнскую прииму, да буду самому господу небесному угодник».[б] И сеиты ему молвили: «Естьли бы ту веру любил *господь*[24], и он бы тебе ея не выдал». И в том *его*[25] сеиты с пути божественнаго совратили. И до скончания веку своего || бога в сердцы держал, и веры християнъския из мысли не выпустил, и [а] поту чела своего уживал[а], и ничего же ис казны своея царския во уста своя не положил: что сам зделает, да пошлет продати, да на то себе велит ясти купити. [26]*А* ре*к*[26] тако: «Исполняю заповедь божию. Господь приказал отцу нашему Адаму первому поту чела своего уживати».

А все то Магмет-салтан, турской царь, снял образец жития света сего со християнъских книг.

[СКАЗАНИЕ О МАГМЕТЕ-САЛТАНЕ]

[б] Царь турской Магмет-салтан сам был философ мудрый[б] по своим книгам по турским, а се греческия книги прочел, и написав слово в слово по-турски, ино великия мудрости прибыло у царя [27]*Магметя. Да рек*[27] тако сеитам своим, и пашам, и молнам, и абызам: [в] «Пишется великия мудрости о благоверном || царе Констянтине. Вы естя сами мудрыя философы, [28]да смотрите то[28] в книги своя мудрыя, как о великом царе Констянтине пишет: он же родился источник мудрости воинския; пишется: от меча его вся подсолнечная не могла сохранитися. Да он [29]же на царстве своем[29] отца своего остался млад, тре*х*[30] лет от рода своего; *и*[31] от злоимства и от нечистаго собрания, [32]от слез[32] и от крови роду человеческаго, богатели велможи его, и они праведный суд изломили, да неповинно осуждали по мздам. Да та же неповинная кровь и слезы столпом ко господу *богу*[33] на небо с великою жалобою шла. Велможи царевы до возрасту царева богатели от нечистаго собра-

[20] *Ол, Од, Мз, Т I*; *нет М, Ег, Ув*. [21] *Испр.*; рече *М, Ег*. [22] *Ол, Мз, Т I, Ег*; молиям *М, Ув*. [23] *Ол, Мз, Т I*; абызем *М, Ув*; абызом *Ег, Од*. [24] *Ег*; *нет М, Ув*; господь бог *Ол, Мз, Т I*; бог *Од*. [25] *Ол, Мз, Т I*; *нет М, Ув, Од, Ег*. [26–26] *Испр.*; И рече *М, Ег*. [27–27] *Ол, Мз*; Он рече *М, Ув*; И он рече *Ег*; И рече *Од*; И рек тако *Т I*. [28–28] досмотрите *Ол, Т I*; да смотрите *Ув, Од, Мз*. [29–29] *Нет Ол. Мз, Т I*; от *Од*. [30] *Испр.*; трею *М, Ег*. [31] *Испр.*; *нет М, Ув*. [32–32] *Нет Ол, Т I, Мз*. [33] *Ол, Мз, Од*; *нет М, Ув, Ег*.

ния. На возрасте цареве, и царь почал трезвитися от юности своея
л. 54 и почал приходити к великой мудро||сти к воинской и к прироже-
нию[34] своему царскому. И велможи его, видя то, что царь приходит к великой мудрости и к своему царскому прирожению[35], да будет с коня своего воинъскаго не сседом[36], и пишется об нем от мудрых философ во всех странах: от меча его вся подсолнечная не может сохранитися, и велможи рекли тако: «Будет нам от него суетное житие, а богатество наше будет с ыными веселитися». И рече Магмет-салтан, турской царь, философом своим мудрым: «Видите ли то, яко они богати, так и ленивы, и осетили царя Констянтина враждбами и уловили его великим лукавъством своим и козньми, дияволскими[36а] прелестьми мудрость его и щастие укротили, и меч его царской обнизили своими прелест*ными*[37] враждбами, и меч его был высок надо
л. 54 об. всеми || недруги его, и оне то ухитрили ересию своею». И рече[38]
Магмет-салтан, турской *царь*[38], философом своим мудрым: «Видите *ли*[39], то бог хитрости не любит и гордости *и*[40] ленивства, противится тому господь бог, гневом своим святым неутолимым за то казнит? Иже видите вы, что нам бог выдал таковаго великаго царя и по писанию мудраго вроженнаго источника[41] воинскаго про гордость греческую и про лукавъство? И враждбы[42] их бога разгневили, иже таковаго мудраго царя осетили враждбами своими и уловили его лукавством своим и укротили воинство его. А яз вам о том реку, мудрым своим философом: поберегайте мя во всем, еже бы нам бога не разгневити ни в чем». [в]

В лето 6960 перваго[43] царь Магмет-салтан турской[43]
л. 55 велел со всего царьства все доходы к собе в ка||зну имати,
а [а] никому ни в котором городе[44] наместничества не дал велможам своим для того, чтобы[45] не прелщалися, неправдою бы не судили, и оброчил вельмож своих из казны своея[46], царския, кто чего достоит[47]. И дал[48] *суд во все* царство[48], и велел присуд имати к собе в казну для того, *чтобы*[49] судьи не иску-

[34] *Ол, Од, Ув*; прирождению *М, Ег*; притяжании *Т I*; прироженному *Мз*. [35] *Мз, Од, Ув, Ег*; прирождению *М*; *нет Ол, Т I*. [36] сседати *Ол*; сседает *Од*, ссядет *Т I, Мз*. [36а] *Испр.*; *далее* и *М, Ег*. [37] *Ол, Од, Мз*; прелестьми и *М, Ув, Ег*; *нет Т I*. [38–38] *Ол, Мз*; царь Магмет-салтан турской *М, Ег*; Махмет-салтан царь турской *Од, Ув*; Махмет турской царь *Т I*. [39] *Ол, Мз, Од, Т I*; *нет М, Ег, Ув*. [40] *Испр.*; *нет М, Ув*. [41] восточника *Ол, Т I*. [42] *Ув*; вражды *М, Ег*; враждбу *Ол, Мз*; враждба *Од*; вражда *Т I*. [43–13] Магмет-салтан турской царь *Ол, Мз*; Магмет салтан царь турской *Од*; царь турской *П IV, Т I*. [44] *Испр.*; граде *М*. [45] *Ол, П IV, Т I, Од, Ег*; кои бы *М*; кое бы *Ув, Мз*. [46] *Испр., далее* из *М, Ув*. [47] стоит *Ол, Мз, П IV, Т I*; достоин *Од, Ег*. [48–48] *Испр.*; во всем суд царство *М*; во всем суд царстви *Ег*. [49] *Ол, Од, Т I, П IV, Ув*; аще бы *М, Ег, Мз*.

шалися и неправдою *бы*[50] не судили [а]. Да приказал судиям: «Не дружитеся с неправдою, да не гневити бога да держитеся правды, что бог любит». Да послал по градом[51] судии свои, паши верныя[52] и [б] кадыи и шибошии и амини[б], и велел судити прямо. И рек тако Магмет-салтан: «Братия моя любимая, верная, судити прямо и воздадите богу сердечную радость».

Да по мале времяни обыскал царь Магмет судеї своих, л. 55 об. как они судят, и на них довели || пред царем злоимство, что оне по посулом судят. [в]И царь им в том вины не учинил, только их велел живых одирати. Да рек тако: «Естьли оне обростут опять телом, ино им вина та отдастъся»[в]. А кожи их велел проделати, и бумагою[53] велел *набити*[54], и написати велел на кожах их: «Без таковыя грозы не мочно в царство правды ввести». [г] Правда богу сердечная радость: во царьстве своем правду держати, а правда ввести царю во царство свое, ино любимаго своего не пощадити, нашед виноватаго. А не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы[г].

Царь же рече: «Не мочно без грозы царство царю[55] держати. Яко же Констянтин-царь велможам своим волю дал и сердце им веселил; [56]они *же*[56] о том[57] радовалися и не|| л. 56 правдою судили и[а] обема исцем по своей вере по християнской целования присужали, правому и виноватому; и оба не правы, *и*[58] истец[59] и ответчик, — един бою своего приложив ищет, а другой[60] всего запрется: ни бивал, ни грабливал [61]есми; его[61] иску[62] не обыскав, да оба крест поцелуют, да богу изменят, и сами от бога *на*веки[63] погибнут [а]. И таковы*м*[64], которыя в сердцах своих правды не помнят, ино таковыя бога гневят, ино им мука вечная готовится. И с теми неправыми судьями во всем греки в ересь впали, и в [65]*к*рестно*м* целовани*и*[65] греха себе не ставили, во всем бога прогневали».

И царь Магмет вразумел от великия мудрости, что есть таковый суд великий грех и бога гневят. И он дал одному [66]*з* жребия[66] крестнаго целования; целовати крест, напра-

[50] *Испр.*; нет *М, Ег.* [51] городом *Мз, П IV, Т I, Ув.* [52] *Ол, Мз, П IV, Од, Т I*; и каиды и *М, Ег, Ув.* [53] бумаги *Ол, Од, Мз.* [54] *Ол, Мз, Од, П IV*; набивати их *М, Ег*; набити их *Ув*; наслати *Т I.* [55] *Нет Ол, Мз, Од, П IV, Т I.* [56–56] *Ол, Мз, П IV, Од, Т I*; и они *М, Ег, Ув.* [57] *Ег, Т I*; *далее* не *М, Ув, П IV, Од, Ол, Мз.* [58] *Нет Ол, Од, Мз, П IV, Т I.* [59] *Ол, П IV, Т I, Ег*; ищик *М*; изщея *Ув*; ищея *Од, Мз.* [60] *Ол, Мз, Т I*; другой и *М, Ув*; другий *Од, П IV, Ег.* [61–61] и *Ол, Од, Мз, П IV, Т I, Ув.* [62] судьи *Ол, Мз, П IV, Т I*; суд *Од*; су *Ув.* [63] *Од, П IV, Мз*; вовеки *М, Ег, Ув.* [64] *Мз, Т I*; таковыми *М, Ув, Ег*; *нет Ол*; таковии *П IV*; таковыя *Од.* [65–65] *Испр.*; цpестное целование *М*; кресное целование *Ув.* [66–66] *Барс.-Никон и Сокр. изводы*; а жеребия *М, Ув, Ег*; *нет Ол, Мз, Од, П IV, Т I.*

л. 56 об. вивше огненную стрелбу против сердца и самострел || против горла, а стояти доколе противу так*овыя*[67] смерти, доколе десятера приказания [68]оте*ц* его духовн*ый* проговори*т*[68] [б]еуа*нгель*ские[69] притчи: не лжи, н*е*[70] кради, на[71] лжи послух не буди, чти отца и матерь, люби ближняго своего[72] яко сам себя[б]. То есть *царь*[73] дал греком, *з*[74] жребия[74а]крестнаго целования: естьли *ево*[75] огненная стрелба не убиет, и самострел на него не вы*пуст*ит[76], и он крест поцелует, и свое возмет, в чем ему суд был. А турком дал чрез меч острый, горлом переклонитися и [в]шерт[77] пити[в], а меч наведен. А молнам своим велел при том месте быти и наказати их по своей вере турской с того же обычая греческаго: есть ли меч с наводу на него не спустит, а горла ему не рушит, и речь свою доведет, и через меч шерт[78] пиет, и свое возмет, в чем ему суд был, — то есть божий суд. [а]А поля || им *судил*[79] в своем царстве без крестнаго целования[а]: нагым лести в темницу, бритвами *резатися*[80], а бритву им одну положат в тайне месте, и кто найдет, тот и прав, — то есть божий суд: свое возьмет, на чем ему суд был, а виноватаго своего вол*ен*[81] жива выпустити из темницы, волен зарежет его.

Царь же Магмет велико о том ум*удрил*ся[82], кое[83] великую правду во царство свое ввел, и он великия знамения гроз*ныя*[84] указал для того, ащебы люди не слабели ни в чем и бога бы не гневили. А ту мудрость царь Магмет снял з греческих книг, образец — таковым было греком быти. И Магмет-салтан правый суд во царство свое ввел, и ложь вывел, и богу воздал сердечную радость, и рек тако: «Бог любит правду лутчи всего: не мочно царю царства без грозы дер-
л. 57 об. жати; яко же царь Констянтин велможам своим волю || дал и [85]сердце *им*[85] веселил, они же о том радовалися и нечисто збирали, богатели, а земля и царство плакало и в бедах купалося. И за то господь бог разгневался на царя Констянтина и на велможи его и на все царство греческое неутолимым гневом своим святым, что они правдою гнушалися и не знали того, что бог любит силнее всего правда. А вы меня на то же

---

[67] *Испр.*; такия *М, Ег.* [68–68] *Испр.*; отцу его духовному проговорити *М, Ег.* [69] *Испр.*; еуагские *М.* [70] *Испр.*; ни *М*; и не *П IV.* [71] *а Ол, Мз, Ув*; и на *П IV*; *нет Т I*; и *Од.* [72] *Испр.*; *далее* роду *М, Ег, Ув.* [73] *Испр.*; *нет М, Ег.* [74] *П IV*; и *М и др.* [74а] *Испр.*; *далее* и *М и др.* [75] *Ол, Мз, Од, П IV, Т I*; *то М, Ег, Ув.* [76] *Ол, Од, Мз*; выступит *М, Ег*; выпустил *Ув.* [77] шерсть *Ол*; с шерсти *П IV, т I.* [78] шерсть *Ол, П IV*; с шерсти *Т I*; шесть *Мз.* [79] *Ол*; *нет М, Ег, Ув*; судит *П IV Од, Мз*; присужал *Т I.* [80] *Испр.*; ся резати *М, Ег, Ув.* [81] *Ег, Од*; велено *М, Ув*; хощет *Ол*; вон же *Мз*; *нет Т I.* [82] *Ол, Од, Мз*; умилосердися *М, Ув*; умудрил *Ег, П IV, Т I.* [83] ито *Ол*; и *П IV, Т I*; такую *Ег*; что *Од.* [84] *Испр.*; гроз *М* (*вырвана часть листа*). [85–85] сердце *Ув*; сердцем *Ег*; сердцем их *Ол, Мз, Од, П IV, Т I.*

ли приводите, *что*бы[86] бог разгневался, [87]также да[87] *и с ва*ми[88] бы аз погибл?».

И послал на те грады своя прямыя суд*ьи*[89], угрозив их своею грозою царскою, [б]и выдал им книги судебныя[б], по чему им правити и винити. А суд им дал полатной *на всякой*[90] град бес противня[в], и послал на всякой град свой и во все царство свое паши, и [91]*кадыя*, и шубаш*а*, и аминя[91], то есть судьи царевы на всяком граде. А воинников своих велел
л. 58 судити с вели||кою грозою[92] смертною казнию безпошлинно для того, *что*бы[93] не искушалися неправдою судити. [а]А судей своих изоброчил из казны своим царским жалованием для того, *что*бы[94] не искушалися неправд*ою*[95] судити[а]. А[б] воинников судят паши[б], под которым сколко в полку воинства, и тот свое войско знает; и суд*ит*[96] прямо для великия грозы царевы беспошлинно и *безпосулно*[97], и суд их свершают въскоре.

И тем царь умудрил*ся*[98] и множил сердце свое и войску своему да возвеселил все воинство[99] свое[в]. З году на год оброчил их своим царским жалованием из казны своея[в], кто чего достоит, а казне его несть конца, богом исполнена за его великую правду, что со всего царства своего, [100]*из городов*[100], и из волостей, и из вотчин, и из поместей — все доходы в казну свою царскую велел собирати по всяк час. А зборщи-
л. 58 об. ков тех из казны же оброчил || своим жалованием, которые збирают казну цареву [г], и после зборщиков обыскивает, по приказу ли царскому збирают, а для того, чтобы царство его[1] не оскудело. А вой*ско*[2] его царское с коня не *с*седает[3] николи же и оружия из рук не *ис*пущ*а*ют[4]. А воинником своим всегда сердце весел*ит*[5] своим царским жалованием и[6] алафою[д] да речью своею царскою. И рек тако всему войску своему: «Не скучайте, братие, службою; мы же без службы не можем быти на земли; хотя царь мало оплошится, и он

[86] *Ол, Т I*; ащебы *М, Ег*; ажебы *Ув, П IV, Мз*; ижебы *Од*. [87–87] да также *Ол, Мз*; *нет Т I, П IV*. [88] *Испр.*; ами (*текст попорчен*) *М*. [89] *П IV, Мз*; суды и *М, Ег. Ув*; судей *Т I, Од*; суд *Ол*. [90] *Ол, Мз, П IV, Т I*; *нет М, Ув*; во всякой *Од*; и *Ег*. [91] *Ол, Од, Мз*; каиды и шубашии и амини *М, Ув, Ег*; кадыя и шибаша и аминя *П IV, Т I*. [92] *Испр.*; *далее* со *М, Ув, Ег*. [93] *Ол, Од, П IV*; коебы *М, Ег, Ув*; ажебы которые *Т. I*. [94] *Ол, Од, П IV Т I*; коебы *М, Ег, Ув*; *нет Мз*. [95] *Ол, П IV, Т I*; неправды *М, Ег, Ув*; *нет Мз*. [96] *Ол, П IV, Т I*; судят их *М, Ег, Ув*; судит их *Од*. [97] *Испр.*; *нет М, Ег*. [98] *Испр.*; умудрил *М, Ег*. [99] войска *Ол, Мз*; войство *Ег*; *нет П IV, Т I*; воя *Од*. [100–100] *Испр.*; и из градов *М. Ег*.

IV, [1] *Испр.*; *нет М, Ег, Т I*. [2] *Испр.*; воинство *М, Ег, Ув*. [3] *Ол, П IV, Т I*; зседало *М*; ссedало *Ег, Ув*; ссеdают *Од, Мз*. [4] *Мз*; пущало *М, Ув*; пущали *Ег*; изпущают *Ол*; выпущают *П IV*; выпускают *Од*; выпускает *Т I*. [5] *Ол, П IV, Т I, Ув*; веселил *М, Ег*; *нет Мз*. [6] *Нет Ол, Од, Мз, Т I, П IV*.

окротеет, ино царство его оскудеет и иному царю достанется
от небрежения царского. Яко же небесное по земному, а зем-
н*ое*[7] по небесному: аггели божии, небесныя силы, ни на един
час пламеннаго оружия из рук не испущают, хран*ят*[8] и стре-
гут рода человеческаго от Адама и *по всяк час*[9], да и те небес-
л. 59 ныя силы службою не ску||чают». Тако царь турской Магмет-
салтан возрастил сердце войску своему, и все же воинники
его похвалили речь царскую и рекли: «Тако ли волю божию
делаем, — что бог любит воинство, *и*[10] кого у нас убиют на
побоищи, ино им пишется, те грехи омываем своею кровию;
ино душа наши господь приимает в свою руку святую, и тако-
выми чистыми воинники небесныя высоты наполняются».

Царь же турской умудрился[11], на всяк день 40 тысящ
янычан при себе держ*ит*[а][12], гораздых стрелцов огненыя
стрелбы, и жалование им дает, алафу *по*[13] всяк день.[б] Для
того их близко у себя держит, *что*бы[14] ему в его земли недруг
не явился и измены бы не учинил, и в грех бы не впал, безум-
ный царя потребляет, умножився велми и угордится[15], и царем
похощет быти, и то же ся ему не достанет[б], а сам *на*веки[16]
л. 59 об. погибнет от греха своего, а царство без царя не будет; || для
того царь[17] бережет[18]. А иныя у него верныя любимыя люди,
любячи царя, верно ему служат, государю, про его царское
жалование. Мудр царь, что воином сердце веселит, —
воинниками он силен и славен. И[19] пашам своим и велможам
противу недруга всякого велел в челе ставитися в первых[20]
полках для того, *что*бы[21] люто ставилися противу
недруга, и младыя бы люди не ужасалися, которыя[в] не столь
заможныя[в][22], и на них бы смотря*чи*[23], люты к недругом были.
У турского царя воинники с великия мудрости и с науки ста-
вятся противу недруга играти смертною игрою. И гроза
велика турского царя такова по приказу его: «А кои не хощет[24]
честно умрети на игре смертной с недругом моим за мое
государство[25] великое[26] жалование, как юнаки[г][27] храбрыя

---

[7] *Испр.*; земная *М, Ег.* [8] *Ол, Мз, Од, П IV*; храня *М, Ег, Ув*; слу-
жат *Т I.* [9] *Ув*; до сего дни *М, Ег, П IV, Т I*; до сего часа *Ол, Мз.*
[10] *Ол, Мз, Од, Ув*; ино *М, Ег, Т I*; а *П IV.* [11] *Ол, Од, П IV*; умудрил
М, Ег; умудрися *Ув*; умилосердися *Мз*; умудрил себе *Т I.* [12] *Ол, Мз, Од,
Ув*; держати *М, Ег, П IV, Т I.* [13] *Испр.*; на *М, Ег.* [14] *Ол, П IV, Од,
Т I*; ащебы *М, Ег*; ажебе *Ув, Мз.* [15] *Испр.* угодится *М, Ув, Мз*; *нет П IV,
Т I, Ег*; годится *Ол.* [16] *П IV, Т I*; вовеки *М, Ег, Ол*; ввек *Ув.* [17] *Испр.*
(*ср. Неполную редакцию*); царя царь *М и др.* [18] *Ол, Мз, П IV, Т I*; бережет-
ся *М, Ег, Ув*; берегут *Од.* [19] а *Ол, Мз, П IV, Т I.* [20] *Испр.*; *далее* в *М, Ув.* [21] *Ол,
П IV, Т I, Од*; ежебы *М, Ег*; ажебы *Ув, Мз.* [22] замочныя *Ув*; мочны *П IV*;
мочныя *Т I.* [23] *Испр.*; смотря *М, Ег*; смотрили *Т I.* [24] похощет *Ол, П IV*;
похочет *Т I, Мз.* [25–26] *Нет Ол, Мз, П IV, Т I.* [27] юноци *Ол, Мз*; юноши *Од*;
юнацы *П IV*; юнцы *Т I.*

л. 60 умирают, играючи с недруги моими || смертною игрою, ин[28] здесе умрет[29] же от моей государевы[30] опалы, да нечестно ему будет и детем его, кои воинник с отпяткою биется[а]».

[б] Да Магмет-салтан турской царь уставил иным[31] царем после собя от тех лет и до сих лет, а во всем царстве дал волно служити у велмож своих, кому ни буди. А не велел их прикабаливати, ни прихолопити, а служити им доброволно[б]. А рек тако велможам своим: «Един бог над нами а мы рабы его. Фараон царь был поработил израилтян и бог на него разгневался своим святым неутолимым гневом, да потопил его Чермным морем». Да велел пред собя[в] книги принести полныя и докладныя[в] да велел их огнем пожещи.[г] А полоняником[32] учинил урок, доколе кому робить, в седмь лет выро-
л. 60 об. бится, и в силах || девять лет[г]. А естьли кто дорого купил кого, а чрез девять лет у себя будет держит его, и будет на него жалобник от полоняника[33], ино на него опала царская и казнь смертная: не делайте того, что бог не любит, блюдитеся бога, *чтобы*[33а] его не разгневить ни в чем, а помните заповедь цареву и блюдитеся его.

[д] А все то царь Магмет-салтан списал со християнских книг ту мудрость, — таковому годится християнскому царю божию волю делати[да]. И рече тако Магмет-салтан: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга: они бо есть порабощены, и тот человек срама не боится, а чести себе не добывает, а ре*че*[34] тако: «Хотя и богатырь или не богатырь, однако, есми холоп государев, иново мне имени не прибудет»[35].
л. 61 А во || царстве Констянтинове при царе Констянтине Ивановиче велможи его что люди лутчие, *и*[36] те порабощены *были*[37] з неволю, а все те были против недруга [38]*не* боец*ы*, и[38] конныя и доспешныя; и цветно видети было велможи его, полки противу недруга бою крепко не держали и з бою утекали и ужас[39] полком давали, и иным царем они же прелщалися[а]. И то царь Магмет вразуме*вши*[40], и дал им волю, и взял их к собе в полк[а], и они стали у царя лутчие люди, которые у[41] велмож царевых в неволе были. Ино как стали в воле в цар*еве*[42]

---

[28] и ты *Ол*; и он *Ег*; ино *П IV*; ино они *Т I*; и они *Од*; и *Мз*. [29] умрешь *Ол*; умрут *Од, Т I*; ты умрешь *Мз*. [30] царевы *П IV, Т I, Ув*; царския *Од*. [31] *Испр.*; и иным *М*. [32] *Испр.*; полоняников *М*. [33] *Ол, Т I, Ег, Ув*; полоненика *М, П IV, Од, Мз*. [33а] *Ол*; ежебы *М, Ег*; аще б *П IV*; аже бы *Ув, Мз*. [34] *Ол, Мз*; рек *М, Ег, Ув*; рекут *П IV*; речет *Од*; говорят *Т I*. [35] будет *Ол, Од, Мз, П IV, Т I*. [36] *Испр.*; а *М, Ег, Ув*. [37] *Испр.*; *нет М, Ег, Ув*. [38–38] *Ол, Мз*; боец и *М, Ув*; боеци *Ег*; не бойцы, а *П IV, Од*; не боец, а *Т I*. [39] ужасть *Ол, Т I, Од, Ув*; усть *Мз*. [40] *Ол, Мз*; вразумил *М, Ег, Ув*; вразуме *П IV*; вразумив *Од*; вразумел *Т I*. [41] *Испр.*; *нет М*. [42] *Ол, П IV, Т I*; царском *М, Ег, Ув*; царевом *Мз*.

имени, и кажной стал против недруга люто стояти, и полки
у недругов розрывати и смерътною игрою играти, и чести себе
добывати. И царь рек: «Се есми бога утешил и божию волю
сотворил, что бог любит, а се есми в полк *к себе* [43] юнаков
л. 61 об. [44] *храбрых* прибавил [44]». У турского || царя по триста тысящ ходит против недругов ученых *людей* [45] храбрых, а все те сердцем
веселы, от царева жалования и от алафы, коли идут воевати,
и они идут тихо. На день им живет по три торгы: порану, да
о полудни, да в вечере; всему цена уставлена, что за что
дати, а купят все в вес; а наметывают [46] те торгы торговати
на гости, на торговыя люди, [б] по *город*ом [47] ходити с войском
со всем с тем. Что кому надоб*еть* [48] купити, и он заплатит
цену, да возмет; а не заплатит тоя цены, что указано, ино
таковому смертная казнь, да и лутчаго не пощадити [б].
А естьли то он оманет, не столко дасть, как вес держит, или
цену возмет не такову, или болши того устава царева, которому царь цену уставил, ино таковому человеку *смертная*
л. 62 *казнь* [49] бывает, что цареву заповедь престу||па*ет* [50].

Ино у царя кто против недруга *крепко стоит, смертною игрою играет* [51], и полки у недругов розрывает, и царю верно служит, хотя от меншаго колена, и он его [52] на величество *подъима*ет [52], и имя ему велико дает, и *жалования* [53] много ему прибавливает, для того ростит сердце воинником своим. [а]У нынешняго царя турскаго Орнаут-паша Орнаутския земля полоняник был да уд*ался* [54] против недруга крепко стояти *и* [55] полки приводити *да* [54а] Короман-паша Корманския земли полоняник[а] [56], для того их слава повышено, для их великия мудрости, *что умеют царю служити и против недруга крепко стояти* [57]. А *ведома нету* [58], какова *они* [59] отца дети, *да* [60] для их мудрости царь на них велико имя положил для того, чтобы

---

[43] *Ол, Мз*; *нет М, Ег, Ув, Т I*; собе *П IV*. [44–44] *Ол, Од, Мз*; добрых прибавил и храбрых *М, Ув*; добрых прибавил *П IV*; добрых и храбрых к себе в полк взял Т I; добрых прибавливал и храбрых *Ег*. [45] *Ол, Мз, Ув*; *далее* и *М, Ег*; и *П IV*; умеющих юнаков *Т I*. [46] наметывает *Ув, Од, П IV*. [47] *Испр.*; градом *М, Ег*. [48] *Ол, П IV, Ув*; надобно *М, Ег, Од, Мз*. [49] *Испр.*; казнь смертная *М, Ег*. [50] *Ол, Мз, Од, П IV*; преступают *М, Ег, Ув*. [51] *Испр., ср. Сокр. и Барс.-Никон. изводы*; смертною крепко игрою играет *М, Ег, Ув*; смертною игрою крепко стоит *Ол, Од, Мз*; стоит *П IV*. [52–52] *Мз*; на величество возведет *М, Ег*; на величество подъимет *Ув*; возвеличит *Ол*; на величество возводит *Од*; на величество подымаетса *П IV*. [53] *Ол, Мз, Од, П IV*; *нет М, Ег, Ув, Т I*. [54] *Испр.* ударился *М, Ув*. [54а] *Испр.*; *нет М и др.* [55] *Ол, Мз, Од, П IV*; *нет М, Ег, Ув, Т I*. [56] *далее* был *Ол*; был *П IV*. [57] *Испр.*; и против недруга, что умеют стояти и крепко царю служити *М, Ег*. [58] *Мз*; не ведомы они тут *М, Ув*; не ведомы они *Ег*; ведома про них нету *П IV*; не ведомо *Ол*. [59] *Ол, П IV, Од, Мз*; *нет М, Ег, Ув*. [60] *Од, Мз*; *нет М, Ег, Ув*; и *Ол*; а *П IV*.

иныя также удавалися верно царю служити. А царь тако рек
л. 61 об. во все войско свое, малу || и велику: [б]«Братия, все есмя дети Адамовы; кто у меня верно служит и стоит люто против недруга, и тот у меня *лучшей*[61] будет»[б]. То царь *рек войску своему*[62] на возращение[63] сердца, *чтобы*[64] и кажной впредь собе чести добывал и имяни славнаго. Царь говорит и жалованием своим жалует и грозою *всею*:[64а] «Кто не хощет умрети[65] доброю смертию, играючи с недругом смертною игрою, ино он умрет же от моея опалы царския смертною казнию, да нечестно ему *будет*[66] и детем его».

А коли сам царь нейдет противу недруга, и он пошлет паш*у*[67] мудраго во свое место царево да всем пашам велит его слушати и ч*т*ити[68], как самого царя. [в] А все у него в полку разряжены воинники по десятским и по сотником, а те сотники по тысящником[в], *чтобы*[69] не было в полках его татбы
л. 63 и разбою, и *игры*[70], костар||ства, и пиянства. И естьли что найдут, конь или аргамак, или платно, или что ни есть, и они несут[71] или отведут к большему паше[72] к шатру; а у кого что пропало, и он найдет у *шатра у болшого паша*[73], а переем [а] заплатит по цареву *уставу*[74], что за что довелося. А станется татба в войске или разбой или *что*[75] иное, да к шатру не отнесут или не отведут, *ино*[76] на так*ия*[76] лихия люди[77], тати и разбойники[78] обыск царев живет накрепко по десятником и *по сотником и*[79] по тысящником; *а*[80] который десятцкой утаит лих*ово*[81] человека во своем десятку, ино десятник тот с лихим человеком казнен будет смертною казнию, для того. *чтобы*[82] лиха не множилося; лише опалным *людем тюрьма*[83] до обыску царева. [б] И по гор*о*дом[84] у него те же десятския уставлены и сотники и тясыщники на лихия люди, на тати и на
л. 63 об. разбойники и на ябедники [б], || тут их и казнят смертною казнию; а десятник утаит лиха человека во своем десятке, ино потом обыщется всею сотнею, ино ему та же смертная казнь.

---

[61] *Ег, П IV, Мз*; лучши *М, Ув*; лутчий *Од, Ол.* [62] *Мз, П IV*; войску своему рече *М, Ег*; рек всему войску своему *Од*; рече войску своему *Ол, Ув.* [63] *Мз, П IV, Ув*; возвращение *М, Ег, Од, Ол.* [64] *Ол*; ежебы *М, Ег*; ажебы *Мз, Ув.* [64а] *Ол*; весь *М, Ув*; *нет Ег, П IV.* [65] *Испр.*; *далее* за люди *М, Ег, Ув.* [66] *Испр.*; *нет М, Ег.* [67] *Испр.*; паша *М, Ег.* [68] *Испр.*; честити *М.* [69] *Ол, Од, П IV*; ажебы *Мз*; а ежебы *М, Ег, Ув.* [70] *Ол, Од, Мз, П IV*; *нет М, Ег, Ув.* [71] отнесут *Ол, Од, Ув.* [72] *Мз, Од, Ув*; пашу *М, Ег, Ол*; паши *П IV.* [73] *Ол, Мз, Од, П IV*; болшаго паша у шатра *М, Ег*; болшаго шатра у паши у болшаго *Ув.* [74] *Испр.*; указу *М, Ег, Ув.* [75] *Испр.*; *нет М, Ег.* [76–76] *Ол*; таковыя *М, Ег, Мз, Од, П IV, Ув.* [77] *Испр.*; *далее* и *М, Ув* [78] *Ол, П IV*; *далее* и *М, Ег, Ув, Од, Мз.* [79] *Ол, Мз*; *нет М, Ег, Ув*; по сотцким и *П IV, Од.* [80] *Испр.*; *нет М, Ув* и *Од.* [81] *Испр.*; лихаго *М, Ег.* [82] *Ол, Од, П IV*; ащебы *М, Ег, Ув.* [83] *Испр.*; тюрма людем *М, Ег*; людем турма *Ол.* [84] *Испр.*; градом *М, Од, Ег.*

И у царя Констянтина судили татей и разбойников и ябедников в полате для своего злоимства и нечистаго собрания велмож*и*[85] его, да всем тем бога разгневили, неправыми суды своими, от слез и от крови рода християнскаго богатели по языком по разбойническим; кто был у них богат, тот и виноват, да в напрасне *от*[86] них люди прямыя погибали, мученическия смерти приимали. А татей и разбойников на окуп[87] пущали, нечисто збирали, во всем *прелщались и*[88] бога разгневили. Магмет-салтан списал с християнских книг ту мудрость и праведный суд, да рек тако: [б]«*Чего для*[89] малые речи[б] прелстилися, нечисто збирали и путь царства небеснаго
л. 64 поте||ряли, во всем бога разгневили[90]? Аще бы велик*у*[91] громаду злата найти нечистаго собрания, — и тому господь бог мъстит до девятаго роду многими страшными знамении[92]. А самому нечисто собрати, как *богу*[93] ответ дати?».

Да писал Магмет-салтан турской царь в таїне себе: «Таковому было быти християнскому царю, всеми правдами богу *сердечную радость воздати*[94] и за веру християнскую крепко стояти». И сам о том *много*[95] мыслил с великой мудрости, хотел веру християнскую приняти *с*[96] с*ер*дечной[97] радости и возхвалил веру християнскую: «Нет таковы[98] веры великия у бога[98], яко вера християнская: где поїдет неверных к вере приводити и веры християнской[99] *умножати, ино*[99] где войско его побьют, ино тамо[100] божия воля сталася[1], и то есть муче-
л. 64 об. ники божия последняя, яко же постра||дали за веру християнскую, яко первыя, — души их к богу в руки; небесныя высоты наполняются таковыми чистыми воинники, аггелом равны и украшенны от бога златыми венцы».

[а]А греки в том ослабели во всем, и правду потеряли, и бога разгневили неутолимым гневом своим, и веру християнскую выдали неверным на поругание[а]. И ныне греки хвалятся государевым царством благовернаго рускаго царя[2] от того

---

[85] *Ол, Од, П III, П IV*; вельмож *М, Ег, Ув, Мз.* [86] *Ол, Од, Мз, П III, П IV*; у *М, Ег, Ув.* [87] откуп *Ол, Мз, Ув.* [88] *Ол, П IV*; *нет М, Ег*; прелстилися во всем *Ув, П III*; прельстилися и во всем *Од*; прелстились *Мз.* [89] *Ол, Ув*; Для чего *М, Ег*; Чего деля *П III*; Чего ради *П IV, Т I, Од, Мз.* [90] прогневили *Ег, Ув*; разгневали *Ол, П III, П IV, Т I.* [91] *Ол, Мз, Од*; *П III*; великую *М, Ег, Ув*; *нет П IV, Т I.* [92] знаменами *Ол, Од*; *П III, П IV*; знаменами *Мз.* [93] *Ол, Мз, П III, П IV, Т I, Ув*; *нет М, Ег.* [94] *Испр.*; воздати радость сердечную *М, Ег.* [95] *Испр.*; *нет М, Ег, Ув.* [96] *Нет Ол, Мз, П III, Т I, Ув.* [97] *Испр.*; срдечной *М.* [98–98] у бога веры *Ол*; веры *Мз*; веры к богу *Од*; веры у бога *П III, П IV, Т I.* [99–99] *Мз*; во умножение *М, Ув*; умножати, и *П IV, Т I*; воумножати, ино *П III, Од*; аще *Ол*; во умножение и *Ег.* [100] то *Ув*; есть *Ол*; на того *П III, Мз*; *нет П IV, Т I*

V, [1] *нет Ол. П IV, Т I.* [2] *Ол, Мз, П III, П IV, Т I*; *далее* и государя и великаго князя Иванна Васильевича всея Русии *М, Ег, Ув*; государя

взятия Марметова и до *сех*[3] лет. А иного царства волнаго и закона християнскаго греческаго нету, и *надею*[4] на бога держат во умножение веры християнския на то царство руское благовернаго царя рускаго; хвалятся им, государем волным царем и великим князем *Иваном*[5] Василиевичем всея Русии.

л. 65 Коли на споре с латыняны латын||ския веры *дохтуры*[6] спираются со греки: «На вас, на *греков*[7], господь бог разгневался неутолимым гневом своим святым, тако, яко же и на жидов, да выдал вас турскому царю в неволю за вашу гордость и за неправду. Видите, как господь *бог*[8] гордым противляется, за неправду гневается, а правда *богу сердечная радость*[9] *и*[10] вере красота». Они же о том отказывают им и хвалятся: «Есть у нас царство волное и царь волной, благоверный государь князь *Иван*[11] Васильевич всея Русии, [а]и в том царстве великое божие милосердие и знамя божие, святыя новыя чюдотворцы[а], яко первыя, — тако от них милость божия, якоже и от первых». И латыняня[12] рече против им на споре: «То есть правда. Ино лучилося нам быти в том царстве на отведывание веры християнския: ино они истинныя веры християнския,
65 об. и велика божия милость || в той земли. Как про них молвить, про святыя чюдотворцы? Ино таково есть божие милосердие, Естьли к той истинной вере християнской да правда турская, ино бы с ними аггели беседовали». [б]Греки же рекоша: «А естьли бы[13] к *той правде*[13] турской да вера християнская, ино *бы*[14] с ними аггели же беседовали»[б].

[ПЕРВОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ ФИЛОСОФОВ И ДОКТОРОВ]

[б] В Литве пишут философи и дохтуры[б] латынския *с*[15] великих мудростей пишут про государя, благовернаго царя, *и великого князя*[16] *Ивана*[17] Василиевича всея Русии московскаго, что [в] он, государь, зачался от великаго божия милосердия и от сердечных молитв к богу отца своего и матери *и*[18] породился от великия мудрости по небесному знамению на исполнение правды в его царстве[в]; яко и на благовернаго

царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Росии самодержца *Од.* [3] *Испр.*; сих *М, Ег.* [4] *Ув*, надеются *М, Ег, Од, Ол*; надеюся *Мз*; надежу *П III, П IV*; надежду *Т I.* [5] *Испр.*; Иванном *М.* [6] *Испр.*; дохтур *М, Ег.* [7] *Испр.*; греком *М.* [8] *Испр.*; *далее* з *М, Ув.* [9] *Испр.*; сердечная радость богу *М, Ег.* [10] *Ол, Од, П III, П IV, Т I*; *правда М, Ег, Ув*; а правда *Мз.* [11] *Испр.*; Иванн *М.* [12] Латынянин же *Ол, Т I*; Латынянин *Од, П IV*; Латынския *Ув*; Латыни же *Мз*; Латыня ж *П III.* [13–13] *Испр.*; кто праведен *М.* [14] *Испр.*; *нет М, Ув, Ег.* [15] *Ол, Мз, П III, П IV, Т I*; *и М, Ув*, от *Од*; из *Ег.* [16] *Испр.*; великаго царя *М*; царя и благовернаго великаго князя *Т I*; и великого царя *Ув.* [17] *Испр.*; Иванна *М.* [18] *Испр.*; *нет М, Ег, Ув*

царя Констянтина ловлени*е*[19] со вражбами[20] для ради укрочения воинства его и укрочаючи от воинства. «И по мал*е*[21]
л. 66 време||ни, — пишут философи и дохтуры, —[а] приидеть на нег*о*[22], государя, охула от всего царства, от мала и от велика, и будут его, государя, хулити, не ведаючи его царскаго прирожения, и впадут в великий грех»[а]. Пишут философи греческия и дохтуры латынския: «Хулы царьския много греха сотворяют в помышлении своем». *И*[23] то пишут: «Коли его, государя, бог милостию своею сохранит и помилует и не выдаст его на охулу, и найдет на него великая мудрость, и обличит бог пред ним все враги его, и да будут каятися о гресех [24] все вра́ги[24] пред богом[24а] сердечными слезами, увидевше таковую мудрость царскую, от бога прироженную, да и сами тому [25] велико удивятся»[25].

[б]А стол царской пишется в [26] Новеграде в Нижнем[26], а Москва стол великому княжеству[б][27]. Да то пишут философи
л. 66 об. и дохтуры: «Любячи господь *бог*[28] веру християн||скую, что таковаго царя создал[29] мудраго воинника, благовернаго царя *и великого князя*[30] Ива*на*[17] Василиевича всея Русии, от сердечных молитв ко господу отца своего, государя великаго князя, самодержца рускаго царства, благовернаго *великого князя*[31] Василия Ивановича всея Русии, и матери его молитвами сердечными, благоверныя[32] великия княгини Елены[33] о *умножение*[33] плоду[34] царскаго». И так про него пишут, про благовернаго царя и великаго князя[35] *Руския земли* Ива*на*[35] Василиевича всея Русии, [в]что[36] он божиею помощию Казанское царство возмет своим мудрым воинством[в] да и крестит, [г] да будут *восмь*[37] градов християнских славных во все царства[г]. И то пишут философи и дохтуры, что он будет государь, многолетен во здравстве на[38] царстве своем.

[МАЛАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ]

Государю благоверному великому царю *и великому*[39] князю Ивану[40] Василиевичю всея Русии бьет челом холоп

---

[19] *Испр.*; ловления *М*, *Ув*. [20] ворожбами *Ол*, *Од*, *П IV*. [21] *Ол*, *Мз*, *Од*, *П IV*, *Т I*, *Ув*; малом *М*, *Ег*, *П III*. [22] *Испр.*; *далее* на *М*. [23] *Испр.*; *нет М*, *Ег*. *Ув*. [21–21] *Нет Ол*, *П IV*, *П III*. [25–25] *Испр.*; великому удивляются *М*, *Ег*; дивятся *П III*; велико удивуются *Од*, *Мз*. [26–26] Новеграде *Ол*; Новегороде *Мз*; Великом Новеграде *Ег*. [27] *Ол*, *Мз*, *Од*, *П III*, *Ув*, *Т I*; княженпю *М*, *Ег*, *П IV*. [28] *Испр.*; *нет М*, *Ег*, *Ув*. [29] *Испр.*; и великаго князя создал *М*, *Ег*, *Ув*. [30] *Испр.*; *нет М*, *Ег*, *Ув*. [31] *Ол*, *Од*, *П III*, *Мз*; *нет М*, *Ег*, *Ув*, *П IV*, *Т I*. [32] *Испр.*; *далее* и *Ег*, *М*. [33–33] *Ол*, *П IV*; от умножения *М*, *Од*, *Ег*, *Ув*; о умножении *Т I*; и умножении *Мз*. [34] плода *Ол*, *Мз*. [35–35] *Ол*, *Мз*, *Ув*; И *М*; Иванна *Ег*; Ивана *Од*, *П III*, *нет П IV*, *Т I*. [36] *Ол*, *Мз*, *П III*, *Од*, *Ув*; Руския земли, что *М*, *Ег*, *П IV*, *Т I*. [37] *Испр.*; *8 М*, *Ув*. [38] *Ол*, *Мз*, *Од*, *Ув*; на в *М*; в *Ег*; не на *П III*; во *П IV*, *Т I*. [39] *Ол*, *Од*, *П III*; *нет М*, *Ег*, *Ув*. [40] *Испр.*; Иванну *М*.

л. 67 твой государев ||[а]Ивашко Семенов[41] сын Пересветов[а], чтобы еси, государь, пожаловал меня, холопа своего, велел службишка моего посмотрити.

Коли есми выехал на твое имя государево, и вывезл есми образец *тое*[42] службы к тобе, к государю; и тот образец службы моея пред тобою, государем, клали.[б] И ты, государь, образцы[43] службы моея смотрил, и Михайлу Юрьевичю меня, холопа своего, приказал, и образцы службы моея Михайлу же дал[б]. И Михайло Юрьевич, образца[44] посмотрил[45], и тобе, государю, службу мою похвалил, и обо мне тобе, государю, печаловался.[в] Делати было мне, государь, щиты гусарьския добраго мужа косая сажень, с клеем и с кожею сыр*ицею*[46], с красками и с рожны[47] железными; а те, государь, щиты с макидонскаго образца[в]. А делати их в ветляном древе лехко
л. 67 об. добре и крепко: един человек с щитом, где хо||щет, туд*ы*[48] течет и на кон*е*[49] мчит. И в поле те щиты заборона с места: стрел*а*[50] из ближния цели неймет, а пищаль из далния цели неймет ручная; из-за тех щитов в поле с недругом добро битися огненою стрелбою [г]из пищалей и из затинных [г][51], как з города. И приказал был еси, государь, Михайлу Юрьевичю дати мне плотников к тому делу и ины*х*[52] мастеров, которые мне надоб*еть*[53] к тому делу. [д]Да из-за тех же, государь, щитов, на Волге, где не похощет недруг воинством своим берега дати, ино мочно у него твоим воинником из-за тех щитов берег взяти[д].

[е] И Михайла, государь, Юрьевича борзо в животе не стало, въскоре преставися. И та, государь, служба моя задлялася[54]. Как тобе, государю, надоб*еть*[55] ли службишко мое? А выезду, государь, моему 11 лет[е]. А яз тобя, государя благоверного царя, доступити не могу; а яз тобе, государю,
л. 68 говорю на собя для твоего || царскаго воинства мудраго, еже бы служба моя не замерла за мною; а тобе, государю, надобно въскоре на недруги тво*и*[56]. А велел б*ы*[57] еси, государь, делати щиты на 300 человек, да велел был еси, государь, на 300 коней юнацких делати щиты же, которыя горазди смертною игрою

---

[41] *Испр.*; Симеонов *М.* [42] *Ол, Од.*; твоея *М, Ег, Ув*; своей *испр. из* твоей *П III.* [43] образец *Ол, Од, П III.* [44] образцы *Ол, Од, П III, Ув.* [45] посмотрив *Ол*; смотрил *Од*; посмотрев *Ув*; посмотрел *Ег.* [46] *Ол, П III*; сырою и *М, Ег, Ув*; сырицею и *Од.* [47] *Ол, Од, Ув, Ег*; *далее* з *М, П III.* [48] *Од, Ув*; туды и *М, Ег*; тут *Ол*; туды, *причем* д *испр. из* т *П III.* [49] *Ол, Од, П III, Ув*; кони *М, Ег.* [50] *Ол, Од, П III*; стрелят *М, Ег, Ув.* [51] карабинов *П III.* [52] *Испр.*; инных *М.* [53] *Ол, П III, Ув*; надобно *М, Од*; надобны *Ег.* [54] *П III, Од, Ег, Ув*; задлилася *М*; задлялось *Ол.* [55] *П III, Ув*; надобно *М, Ег*; *Од*; надобе *Ол.* [56] *Ол, Од, Ув*; твоя *М, Ег*; нет *П III.* [57] *Ол, Од, П III, Ув*; был *М, Ег.*

играти, противу недруга за християнскую веру и за тобя, государя великаго царя.

[а] Служил есми, государь, *у*[58] угорского короля Въянуша, на Гусыни граде службу дворянскую[а] на шесть коней, а имал есми, государь, на всякий конь по 7 золотых на 12 недель. [б]А был есми, государь, там 3 годы в полку с Федриком[59] с Сопежничим: было, государь, нас 300 дворян королевских, короля полскаго, а ездили есмя служити с королевскаго ведома к угорскому королю[б]. И яз, государь, те щиты видел там
л. 68 об. гусарския с образца макидонскаго. || [в]Да служил есми, государь, четцкому королю Фордыналу дворянскую же[60] службу на седми конех, а имал есми, на *всякой*[61] конь по 7 золотых на 12 недель. Было, государь, нас, дворян полскаго короля, пятьсот; а был у нас гетман пан Андрей[62] Точинской, староста был белский [в]. Служили есмя, государь, [63]*у* короля у че*тц*кого[63] 3-же годы с ведом*а*[64] полскаго короля, и грамоты его с нами были. [г] И оставя яз тамо дворянскую службу, выехал есми на твое имя царево, слышавше от многих мудрецов, что быти тебе, государю, великому царю по небесному знамению[г]. И ты был, государь, своим царским жалованием, поместьем, пожаловал меня, холопа своего, гораздо. А с собою собинъки вывез[65] гораздо же.

И твое, государь, жалование, поместие, от великих людей от обид нарядили пусто, а яз тобя, государя, благовернаго
л. 69 царя, доступити не могу || пожаловатися на них; да и собинку есми, государь, *ис*терял[66], которую вывезл с собою из королевств, в моих[67] обидах и в волоки*т*ах[67а] вся пропала. Служъбы твои государевы[68] всякия служу[68], *с Москвы на службу, а*[69] *с службы*[70] *к*[71] Москве, а в поместии, государь, в твоем жаловании, не дадут ни часу пожити недруги: нас, государь, приеждих людей, не любят. И ныне, государь, от обид и от волокит[72] наг и бос и пеш. [а] Служил есми, государь, трем королем [а], а такия обиды ни в котором королевстве не видал. Что есми был с собою собинки вывезл, то зде все потерял во обидах и в волоки*т*ах[73], с Москвы на службу, а з службы к Москве. А тобя, государя благовернаго царя, доступити не мочно.

---

[58] *Ол, Од, П III*; *нет М, Ув, Ег.* [59] Фендриком *Ег, П III.* [60] *Нет Ол, Од, Ег.* [61] *Ол, Ег*; кажний *М, Ув*; кийждо *Од*; койждо *П III.* [62] *Ол, Од, П III, Ег*; Ондрей *М, Ув.* [63–63] *Ув*; короля у четсцого *М*; чатцкого короля *Ол*; четсково короля *П III*; короля у ческсго *Ег*; ческого короля *Од*; [64] *Испр.*; *далее* с *М.* [65] *Ол, Ег*; вывезл есми *М, Ув*; вывезл *П III*; привез *Од.* [66] *Од, П III, Ув, Ег.*; изтерял *М, Ол.* [67] *Ол, Од, П III, Ув*; *далее* государь *М, Ег.* [67а] *Испр.*; волокидах *М, Ув.* [68–68] *Ув, П III*; всякия служу яз *М*; я великия служу *Ег*; служу *Ол, Од.* [69] *Испр.; нет М, Ег.* [70] *Испр.; далее* в поместие, а из поместия *М, Ег.* [71] *Испр.;* на службу к *М.* [72] волокид *Ол, Од, П III, Ег, М, Ув.* [73] *Ол, Од, П III, Ег*; волокидах *М, Ув.*

Государь благоверный[74] царь и великий князь Ива*н*[75]
л. 69 об. Василиевич всея Русии! Умилосердися, обыщи своим|| царским
обыском и оборни от насилных людей, чтобы холоп твой государев до конца не загибл и службы твоея не о*т*ста*л*[76]. А яз, холоп твой государев, слышачи про твое мудрое воинство и счастливое, ехал к тебе, государю, нароком твоея для мудрости, оставивше королевы службы богатыя.

[ВТОРОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ ФИЛОСОФОВ]

[б] Что в Литве пишут мудрыя философ*ы*[77] о твоем царском приро*ж*ении[78], и от веры християнския, они же християне познают, что правда богу люба *и*[79] сердечная радость. И они же, яко от сна, проснутся и посрамятся лукавъству своему и возмутся за вечную правду и утеш*а*т[80] бога сердечною радостию. В силе божии и правда силнее всего[б].

[СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ КОНСТАНТИНЕ]

[б] Благоверный царь Констянтин и мати его благоверная
царица[81] Елена[в] веру християнскую уставили и[82] иным царем
благоверным[83] после собя, и град || создан благоверным царем
л. 70 Констянтином и материю его благоверною царицею Еленою
и возхвален, и наре*кли*[84] ему имя Царьград. [а] А благоверным царем Констянтином Ивановичем Царьград взят от турскаго царя Магмета-салтана Амуратова сына; *а*[85] все то для гордости и неправды велмож Констянтиновых господь бог гнев послал на них неутолимый[а].

Нарожение[86] благовернаго царя Констянтина Ива*н*овича[87]. Так пишут про него, что он родился воин, от его меча вся подсолнечная не могла сохранитися, а в нем была, благоверном царе, архаггельская сила. [б] *От*[87а] своего отца, благовернаго царя Ива*на*[88], Констянтина града, остался млад царствовати, трех лет от порожения[89] отца своего[б] в Констянтине-граде, *и*[90]

---

[74] *Ол, Од, П III*; *далее* великий *М, Ег*; и великий государь *Ув.* [75] *Испр.*; Иванн *М.* [76] *Од, П III*; оставил *М, Ег*; остал *Ол, Ув.* [77] *Од, П III, Ув*; философи *М, Ег, Ол.* [78] *Ол, Од, П III, Ув*; прирождении *М, Ег.* [79] *Од, П III*; *нет М, Ег, Ув, Ол.* [80] *Ол, Од, П III*; утешают *М, Ув*; утишат *Ег.* [81] *Ол, Мз, Од, П III*; *нет М, Ег, Ув, П IV, Т I.* [82] *Нет Ол, Од, Т I, П IV.* [83] *Ол, Од, Мз, П III, П IV*; *нет М, Ег, Ув, Т I.* [84] *Испр.*; нарече *М, Ег.* [85] *Испр.*; и *М. Ув*; *нет Ег.* [86] *Ол, Мз*; Нарождение *М*; Нарождения *Ув*; На рождении его *Ег*; О нарождени *П III*; Нарожении *П IV*; Нарождении *Т I.* [87] *Испр.*; Иванновича *М.* [87а] *Ол*; он *М*; он от *Ег*; *нет П IV, Т I.* [88] *Испр.*; Иванна *М.* [89] *Ол, Мз, П IV*; порождения *М, Ег, Ув*; рождения *П III, Од, Т I.* [90] *Испр.*; а *М, Ег, Ув*; *нет П III.*

на всем царстве греческаго закону християнския веры. И вел-
л. 70 об. можи *его* [91] до возрасту царева царство его обла||дали и измытарили, и бедами сцепили, неправыми суды, и *о*собную [92] брань во царстве [92а] том учинили; друг ко другу не мог сердца своего обратити и в добродетел*и* [93], и сипели [94] друг на друга, яко змии; и тоже наполнилися велможи его нечистым собранием и казны свои великим богатеством, от бед и от крови и от слез рода християнскаго; неправедными суды своими, емлющи посулы с обеих стран, [95] с прав*аго* и с виноват*ого* [95], и в том [96] казны свои наполнили [97] златом и сребром [97] и многоценным каменнием *и нечистым собранием* [98]. *И* [98а] в том же царство его оскудело и казна царева, уже [99] в бедах своих изумелися от тех неправых судей, что их бедами сцепили, и не почали помнити ни о бозе, ни о государе, ни о воин*стве* [100], от иноплемянников
л. 71 боронити [1] вер*ы* християнск*ия* [1], — толко мыслили о своих || бедах, глаголюще: «Господи, како можем беды сия утушити? Грех ради наших сий нам неправедный суд послал еси, господи! Казны их не можем наполнити, ка*к* [2] бы аду насытити [3], и бед своих не можем утушити».

Они же, велможи его, благовернаго царя Констянтина, наполнивше своя казны великим *богатеством* [4] и почали мыслити о воине царской и рек*ли* [5] так себе: «Царь наш будет воин на возраст*е* [6] лет своих, яко об нем пишут философи во многих странах, сядет на конь свой и возмет меч свой в руку свою и будет добрый пастырь вере християнстей и будет неверных к вере [7] приводити, и веру *християнскую* [8] умножати [9], и славу божию возвышати, и паче Александра Макидонскаго меча [10] из рук не выпущати и с коня [11] воин-
л. 71 об. ского не сседати» [12]. || И велможи его о том велми почали мыслити, как бы царя укротити от воинства, а самим бы

[91] *Испр.*; царевы *М, Ег, Ув.* [92] *Мз, П III, П IV*; усобную *М, Ол, Од, Т I*; межусобную *Ег*; ульсобную *Ув.* [92а] *Испр.*; *далее* в *М, Мз.* [93] *Испр.*; добродетель *М, Ег*; добродетели *Ол.* [94] *Ол, П III, Ув, Ег*; сипили *М*; шипели *Мз, Од, П IV, Т I.* [95–95] *Испр.*; с правыя и с виноватыя *М, Ег. Ув.* [96] *Ол, П IV, Т I, Ег*; *далее* же *М, Ув, Мз, П III.* [97–97] *Испр.*; сребром и златом *М, Ув.* [98] *Ол, Мз*; *нет М, Ег, Од, Ув, П IV*; чистым *П III.* [98а] *П III, П IV, Т I*; *нет М, Од, Ег, Мз, Ув*; Да *Ол.* [99] *Нет П IV, Т I, Од, Ув*; людие же *Ол.* [100] *Ол, Т I*; воине *М, Ег, Ув*; воинех *П IV*; всех *П III*; воинниках *Мз*; своих *Од.*

VI, [1] *Испр.*; веру християнскую *М, Ег, Ув.* [2] *Испр.*; ка *М, Ег, Ув.* [3] насыпати *П III, П IV, Т I, Ув.* [4] *Ол, Мз*; собранием *М, Ег, Ув*; богатьством *П IV Од, П III*; собранием и богатством *Т I.* [5] *П III, Од, П IV, Т I*; рекоша *М, Ег*; рекли *Ол, Ув*; прирекли *Мз.* [6] *Ол, П III, П IV, Т I, Мз*; возрасту *М, Ег. Ув.* [7] *Испр.*; *далее* християнстей *М.* [8] *Испр.*; *нет М, Ег.* [9] умножити *Мз, П III, Ув.* [10] *Испр.*; *далее* своего *М, Ег.* [11] *Испр.*; *далее* своего с *М*; своего *Ег*; с *Ув.* [12] *Ол, Од, П III, П IV*; зседати (*Ег, Ув* сседати) и неверных к вере приводити и веру християнскую умножати *М, Ег, Ув.*

с упокоем пожити, *тако*[13] рекли себе: «Естьли царя не укротим от воинства, и наше богатество будет с ыными веселитися, а нам с коня не бывати и дому своего не видати». И умыслили книги написати от бога с великою клятвою, кое не достоит царю християнскому на иноплемянники ходити воевати, достоит ему от находу боронитеся. Так написали велможи его для своего укрочения: «Естьли царь християнъский[14] отведет воя своя на иноплемянники, и тамо кровь пролиется, и та кровь на нем взыщется».

[a] Богатыя николи о воинстве не думают, думают о смирении и о кротости и о упокое. Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на
л. 72 царстве грозен и мудр[a], || царство его ширеет, и имя его славно по всем[15] землям.

А греки благовернаго царя Констянтина укротили от ереси своея, и они царство потеряли. Коли было час и время благовер*ному*[16] царю Констянтину Ива*н*овичю[17] на конь свой на воинской сести, и меч свой в рук*и*[18] взяти, и веру християнскую[19] хранити божиею помощию *и умножати*[20], и неверных к вере приводити; они[21] же ведали, неверные, во многих странах от мудрых философ[22] своих прирож*ение*[23] царское о воинъстве его, что от меча его вся подсолнечная не могла сохранитися, [24] *но* и паче[24] же Александра Макидонскаго благоверный же царь Константин. Они же его мнози убоялися, неверныя, по многим странам, [a] а иныя присылали о мир*у*[25] глаголити с ним, а иныя цари дань дают, а иныя цари слу-
л. 72 об. жити приказываются ко благоверному || царю Констянтину. Благоверный же царь Констянтин вразумел от великия мудрости своея, что есть хотя и многоценно да найдется кому даром, то есть не мило живет, а мир как может крепок быти, коли щита не розщепил и копия не переломил в недрузе? [a] И глагола царь Констянтин велможам своим: «Хощу бога на помощь на недруги сво*и*[26] двигнути и все хощу божиею помощиею умирити за щитом копием своим». И велможи его, ленивыя богатыя, не думают о войск*у*[27], тако рекли: «Ино противу, царю, бога стоишь, от покоренных миру не примешь, а писа*но*[28] есть, кое не достоит царю Констянтину на инопле-

[13] *Ол, Мз, Од, П III*; как *М, Ег, Ув.* [14] *на полях* зри *Ол.* [15] *Ол, Од, Мз*; *далее* градом *М, Ег*; городом и *Ув.* [16] *Испр.*; благовер *М.* [17] *Испр.*; Иванновичу *М.* [18] руку *Од, Ол.* [19] *Испр.*; *далее* умножати и *М, Ег.* [20] *Ол, Мз*; *нет М, Ег*; умножити и *Ув*; умножити *Од.* [21] *Ол, Од, Мз*; и они *М, Ег, Ув.* [22] философов *Ол, Мз, Од, Ув.* [23] *Ол, Мз, Ув*; прирождение *М, Ег, Од.* [24–24] *Ол, Мз, Ег*; наипаче *М, Ув.* [25] *Испр.*; мире *М, Ег.* [26] *Ол, Мз, П III, Ув*; своя *М, Ег, Од.* [27] *Ол, Мз, П III, Ув*; войске *М, Ег*; войне *Од.* [28] *Ол, Ег, Од, Ув*; писанно *М*; написано *Мз, П III,*

мянников ходити воевати, но достоит царю от находу боронитися». И книги пред него *те* [29] положили. Царь же книги прочел; *ино* [30] написанно от бога с великою клятвою: «Отведет
л. 73 царь войско свое на иноплемяническую || землю, и тамо кровь [31] пролиет християнскую [31], и та кровь на цари взыщется». Царь книги проче*л* [32] да [33] укроте*л* [34].

И по мале времяни Магмет-салтан, турской царь, с силою прииде по суху и по морю.

[КОНЦОВКА]

Рече Магмет-салтан своим пашам и сеитам: [а]«Не приказал бог велможам, ни [35] воинником давати власти судити праведнаго суда и казны царевы збирати. Приказал бог от мудрости великия человека выбрати мудраго и ему приказати *царева казна збирати* [36] и праведен суд судити [а], кто бы неповинно не осудил рода *человече*ского [37] и крови бы и слез не проливал, на мзду бы не утекся и тем бы бога не разгневил. Бог любит правду силнее всего, — греки с праведнаго суда своротилися, и за то их *господь* [38] бог покорил. То есть велможа, что в нем великая мудрость и казны царевы не осквернит ни в чем».

[б] Да рек тако Магмет-салтан: «Пишет о милостыни мудрец,
л. 73 об. яко по || добает от праведнаго труда творити милостыню, а не от лихоимства». Сотворите себе, други, от Мамоны неправеднаго, да приимут вы в вечныя кровы» [39]. Ибо рекл сице: «Остави токмо до сего, не приложи от Мамоны неправеднаго, да будет ныне исправление твое». Еже бо рече: «Стяжал еси зле, раздай добре [40]; собрал еси неправдою, ныне же кайся, расточи». Ибо не то добродетель, еже грабление давати, еже от тех оставистеся — се бо последнее есть беззаконие, еже от иного отъемлюще и другому дающе; ибо твориши [41] милостыню от правды, то лучши тех помилуй, у них же еси взял. Но еже бо много милует, т*о* [24] есть милостивно, еже ни единаго не преобидел еси, ибо от правды [43] не отступльше, и богу дары приношаше, не прияти [44] суть. Пишет бо ся: «Жертвы
л. 74 беззаконных морзят гнев, ибо от непра||вды и хищения хотя

---

[29] *Испр.*; *нет М, Ег.* [30] *Ол, Од, Мз*; и *М, Ег, П III.* [31–31] *Испр.*; пролиется християнская *М, Ег.* [32] прочет *Ол.* [33] *далее* и *Ег.* [34] *Мз, П III, Ег*; укротил *М*; укротели *Од*; укротился *Ол.* [35] и *Ег, Од.* [36] *П III*; збирати казна царева *М, Ег*; государева казна збирати *Ол, Мз*, цареву казну збирати *Од.* [37] *Испр.*; християнского *М, Ег.* [38] *Ол, Мз*; *нет М, Ег, Од, П III.* [39] крови *Ол, Мз.* [40] добро *Ол, П III*; *нет Мз.* [41] творити *Мз, П III, Од.* [42] *Испр.*; тои *М*, тот *Од.* [43] *Ол, Мз*; неправды *М, Ег, П III.* [44] *Ол, П III*; прият *М, Ег*; приятны *Од*, прия *Мз.*

приносити богови». Лучше не стяжати таковаго имения, нежели лицемерно даяти богу. *О*[45] нетворящих же милостыню[46] нищим пророк рече: «Затыкая уши свои, да не слышит[47] убогих, и сам взовет, и не будет избавляющаго». Тем подобает[48] милость[49] его[50] и правду[50] получити. *Ино*[51] умей[52] стяжати правдою, раздаяти же милостыню, по писанию, и тем приближитеся богу. Тем да исправил есть о сих себе с расмотрением, аще имаши от своего труда[53] *сеи*[54] богатество, от него же хощеши принести дар богови, но смотри, егда немощным нужда сотворил еси или под собою нуждая[55] облиховал еси. Аще ли властель еси, не насилуй и не лихоимствуй, но егда приключится власть, покажи правая. Аще ли емляй
л. 74 об. у иных, убогим даешь, то лутчи есть не гра||бити чюжих, ни милостынями творити. Почто сотворяеши мирское[56] твое приношение от неправды приносити, набирая[56а]? Ими же бо хощеши помиловати убогаго? *То лутчи*[57] помилуй, *его же обидишь*[58]. Ибо лихоимства бог не приимает, несть[59] бо то[60] милостыни, еже от лихоимства, ни от клятвы благословение приидет, ни от слез веселие. Тем же молю вы, братия, разсуждайте сами себе от всякия вещи и понудитеся заповеди господня творити, да обрящете покой душам вашим»[б].

Да рек тако Магмет-салтан сеитам своим и пашам: «Видите то по писанию тому правда и чистота, братия, се бо сердечная радость богу. Держитеся[61] правды в веки».

Рече Магмет-салтан сеитам своим и пашам: «Не приказал бог велможам, ни воинником давати власти и судити праведл. 75 наго суда и казны царевы зби||рати. Приказал бог от мудрости великия[62] человека выбрати мудраго и ему приказати царева казна збирати и праведен суд судити, кто бы неповинно не осудил рода человеческаго и крови бы и слез не проливал, на мзду бы не утекся, и тем бы бога не разгневил. Бог любит правду силнее всего. Греки с праведнаго суда совратилися, и царя Констянтина Ивановича[63] от ереси своея укротили, и меч его царской обнизили и измытарили своими неправдами, и царство Констянтиново потеряли. И за то их господь бог[64] покорил».

---

[45] *П III, Од*; *от М, Ег, Мз. Ол.* [45–46] *Ол, Мз, П III*; нетворящим же милостыню *М, Ег.* [47] слышат *Ол.* [48] *Ол, Мз*; подавает *М, Ег*; подает *Од, П III.* [49] *П III, Од*; милостив *М, Ег*; милостыню *Ол, Мз.* [50–50] и правда *Ол, Мз.* [51] *Мз*: На *М, Ег*; Ина *Ол, Од, П III.* [52] уме *Ол, Од, П III, Мз.* [53] друга *Ол, Мз.* [54] *Ол, Мз, П III*; *нет М, Од, Ег.* [55] нужда *Ол, Мз, П III.* [56] мерзкое *П III, Ег.* [56а] богови *Ол*; на божие *Мз*; обидимая *П III.* [57] *Испр.*; Его же *М, Ег.* [58] *Испр.*; кого еси обидил, лучши есть *М, Ег.* [59] *Испр.*; ни есть *М, Ег.* [60] *Ол, Од, Мз*; твое *М*; по *П III*; тое *Ег.* [61] *Ол, Од*; держите *М, Ег*; держатися *П III.* [62] Испр.; *далее* своя *Од, М.* [63] *Испр.*; Иванновича *М.* [64] Испр. *далее* нам *М.*

[a] А [65] се речи [65] вывезл Иван Сем*е*нов [66] сын Пересветов изо многих кралевств [67], *и* [68] Петра Волоскаго [69] воеводы[a].

[БОЛЬШАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ]

[л. 83 об.] [a]Мудрости греческих философ и латынских дохтуров и Петра волоскаго воеводы, [70] к богу молением и правды [70].

л. 84 [71] Естьли ведати [71] котораго царя мудрости его приро||*же*нныя [72] воинская оминет, и приидет на него великая *кро*тость [73], — то и есть уловление врагов его; не будет царь мыслити о воинстве, ни о управе во царстве своем, и будет веселитися с теми, которыя ему сердце разжигают вражбами и многими прел*е*стными [74] путми; а на воинники свои великие кручины напустит и на все царство свое неутолимыя беды великие от велмож своих; да ничто же ему не будет мило, *ни*которая [75] мудрость воинская, ни жития царства того; или которыя мудрости воинския будут доходити до него, или от его приро*ж*енной [76] мудрости царской, и у чнет ставити их ни за что.

И так рече [77] Петр волоский воевода: «Да естьли хотети царской мудрости, отведати о воинстве [71] и о уставе жития царскаго, ино прочести взятие греческое до конца, и не пощал. 84 об. дити себя ни в чем, да там найдет всю по||мощь божию. Бог пом*о*гает [78] не ленивым, но кто труды приимает и бога на помощь призывает да кто правду любит и праведен суд судит: правда богу сердечная радость, а царю великая мудрость».

Приметил есми, государь, Петра волоскаго воеводу, был тебе, государь, великий доброхот и царству твоему; а яз, государь, потому слышал те речи его, и переписа*в* [79], вывезл к тебе, государю, служачи тебе, как тебе, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего.

Тако рек [80] Петр волоский воевода: «Ленилися греки за християнскую веру крепко стояти против неверных, и они ныне неволею бусорманскую веру боронят от находу. Царь турской

[65–65] сие речи *П III*; *си* речи *Ег*; сии речи *Од*; речи сии *Ол*. [66] *Ол, Од, П III*; Симеонов *М*; Семионов *Ег*. [67] *Ег*; кралеств *М*; королевъств *П III*; государъств и королевъств *Од*; *нет Ол*. [68] *Ол. П III, Од*; *нет М, Ег*. [69] Воложскаго *П III, Од*. [70–70] А вывез сия речи и дела царьския изо многих королевств ко благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии Иван Семенов сын Пересветов *Ол, Мз*. [71–71] Аще кто хощет при помощи божии видати *Ол*; Аще хощет кто ведати, а помощи божии и *Мз*. [72] *П IV, Т I*; прирожденныя *М, В*; прирожения *Ув*; прирождения *Ег*. [73] *Испр.* (*ср. Сокр. извод*); мудрость *М и др.* [74] *Т I, П IV, Ув*; прелетными *М. В*; пресветлыми *Ег*. [75] *П IV*; которая *М, В, Ег, Ув*; да которая *Т I*. [76] *П IV, Т I, Ув*; прирожденной *М, В, Ег*. [77] рек *Т I, Ег, Ув*. [78] *Испр.*; помагает *М*. [79] *Ол, Мз*; переписал *М, В, Ег, Ув, П IV, Т I*. [80] *Испр.*; рече *М, В*; рекл *Ег*; говорит *Ол*.

у греков и у сербов дети отнимает на седмой год на воинскую науку и во свою веру[81] ставит их[81], они же, з детми своими разставаючися, великим плачем плачют, да никто же себе не пособит».

л. 85 [а] Государю благоверному великому царю и великому || князю Ива*ну*[82] Василиевичю всея Русии бьет челом холоп твой государев, выеждей из Литвы Ивашко Семенов сын Пересветов[а]. Вывезл есми к тебе, государю, речи изо многих короле*в*ств[83] государьския и от Петра, волоскаго воеводы, и дела твои царская. И те, государь, речи и дела легли в казне твоей государева, а меня, холопа своего, за те речи и за дела велел еси, государь[83а], гораздо пожаловати. А те, государь, речи и дела и до сих мест пред тобою, государем, не бывали. Ино, государь, противен пред тобою, государем, а дела твои, государь, у меня службы моей[б]. А в тех, государь, королевъствах твоему царскому прироженню[84] и знамению небесному велми дивилися и хвалили[85] и славили[86] мудрыя люди, философи греческия и дохтуры латынския, и рекли так про те речи: «Годится таковому царю воинскому, от бога мудрому приро*женному*[87] таковыя речи златом разписати и при себе на мно||га лета держати

л. 85 об. и после себя иному царю оставити таковыя дела и славу свою царскую». А я те речи, государь, и дела достал в тех королевствах у мудрых людей. Как тебе, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего?

А яз, государь, с теми речми выехал из Литвы, уже тому 11 лет минуло, служачи тебе, благоверному великому царю, верно, [в]поминая своих пращур и прадед, как служили верно государем, руским великим князем, твоим пращуром, Пересвет и Ослябя[88] в чернцех и в схиме со благословением Сергия чюдотворца на Донском побоищи[в] при великом князе Дмитрие Ивановиче за веру християнскую и за святыя церкви и за честь государеву пострадали и главы свои поло*жи*ли[89]. А яз на то же выехал, холоп твой, на твое имя царево во всем тебе, государю, верно служити, сколко бог поможет.

Пишут о тебе, государе, мудрыя философи греческия

л. 86 и дохтуры латынския, || о благоверном *великом царе*[90], что будет о тебе, о государе, слава велия вовеки, яко о цесари Августе и о цари Александре Макидонском, тако же и о тебе,

---

[81–81] *Т I, Ув, Ег*; ставити их *М, В*; преводих их и *Ол*; их ставит *П IV*. [82] *Испр.*; Иванну *М, Ег, В*. [83] *Мз, Ег, В*; королеств *М, Ол*; королество *Ув*. [83а] *Ег, Ув*; государю *М, В*; *нет Ол, Мз*. [84] *Ол, Мз, Ув*; прирождению *М, В, Ег, Ув* [85] восхвалили *Ол*; ухвалили *Ув*; хвалилися *Ег*. [86] вславили *Ув*; уславили *Мз*. [87] *Ол, Мз*; прирождению *М, В, Ег*; прироженно *Ув*. [88] *Ол, В, Ег*; Ослабя *М*; Ослебя *Ув, Мз*. [89] *Ол, Мз*; полагали *М, В, Ег, Ув*. [90] Ол; царе и великом князе *М, В, Ег, Мз*; великом царе *Ув*.

государе, те *мудрые*[91] философи пишут и о твоем государеве воинстве и о мудрости твоей. Да и т*о*[92] начитают в мудрых книгах своих, кое введешь правду великую во царстве своем и утешишь бога сердечною радостию. И так начитают мудрыя философи, что не будет таковыя правды по всею подсолнечною, яко во твоем царстве государеве, от твоей мудрости *и*[93] великие грозы царские лукавыя судии яко от сна проснутся, да и посрамятся дел своих лукавых, да будут и сами о собе дивитися, что лукаво судили, а нечисто собирали,[94] богу много согрешали[94] безчислено.

*И*но[95] так пишут о тебе, о благоверном царе: ты — государь грозный и мудрый, на покаяние приведешь грешных, и правду во[96] царстве своем[96] *введешь*[97], и богу сердечную

л. 86 об. || радость воздашь. —[а] Ко Августу[98] кесар*ю* во[98] убогом образе пришед воинник и принесл ему великия мудрости воинския, и он его про то пожаловал, держал его близко себя и род его. [99]*А* ко[99] царю Александру Македонскому пришед воинник во убогом же образе с великою мудростию воинскою[а]. От богатых [100]мудрость *в*оинская[100] не почитается николи же. Хотя и богатырь обогатеет, и он обленивеет: [б]богатый любит *у*покой[1], а воинника всегда чредити, аки сокола[б], сердце [2]ем*у* веселити, *и*[2] ни в чем на него кручины не напустити.

А яз, холоп твой, Ивашко Пересветов, 11 лет минуло, не могу доступити тобя, государя благовернаго царя и великого князя. Кому ни подам память, и они до тебя, государя[3], не донесут, велможи твои. А на приезде, государь, приказал еси меня, холопа своего, боярину своему Михайлу Юрьевичю во

л. 87 всем. И въскоре, государь, после || твоего государева приказу Михаило Юрьевич преставися, и яз, государь, без приказу и по ся мест живу[4], тобя, государя, доступити не могу, побити челом о приказе. А приеждему человеку без приказу и без бер*е*жения[4а] прожити не мочно во твоем царстве государеве. [а]И доступил есми тобя, государя, у праздника в церкви Рожества[5] пречистыя богородицы, и подал есмь тобе, государю, две книж*ки*[6] с твоими речми *ц*арскими[7], что есми вывезл из

[91] *Ол, Мз, Ув*; *нет М, В, Ег.* [92] *Испр.*; тои *М, В.* [93–93] *Испр.* (*см. Сокр. извод*); *нет М и др.* [94–94] *Нет Ол, Мз.* [95] *Ол, Мз*; Но *М, В, Ег, Ув.* [96–96] царьство свое *Ол, Мз*; царство *Ув.* [97] *Ол, Мз, Ув*; уставишь *М, В, Ег.* [98–98] *Ол, Мз, Ег*; кесаревоо *М, В*; кесарево *Ув.* [99–99] *Ол*; Яко *М, В, Ув*; Яко к *Ег*; А как *Мз*; Ко *П IV, Т I.* [100–100] *Ол, Мз, П IV, Т I*; мудрость и воинская *М, В, Ег*; и воинская мудрость *Ув.*

VII, [1] *Ол, Мз*; покой *М, В, Ег, Ув*; покой и проклад *П IV*; упокой и проклад и честь *Т I.* [2–2] *Ол, Мз, П IV, Т I*; его веселити *М, В, Ув*; его веселити и *Ег.* [3] *Испр.*; до государя *М, В.* [4] *далее* до *Ол. Мз, Ег.* [4а] *Испр.*; брежения *М.* [5] на Рожество *Ол, Мз*; у Рожества *Ув.* [6] *Ол, Мз, Ув*; книжицы *М, В, Ег.* [7] *Ол, Мз*; государьскими *М, В, Ег, Ув.*

ыных королевств [8], служачи тобе, государю благоверному царю и великому князю. И ты, государь, меня, холопа своего, не приказал никому. И будет тобе, государю, великому царю, не полюбится [9] службишко мое и речи, что яз вывезл из ыных земель [10] и королевств, слышав от *многих* [11] мудрых людей и дохтуров и философ про твое царское *мудрое* [12] прироже-
ние [13], так [14] пишут о тебе, о великом царе, по небесному зна-
л. 87 об. мению, о твоем || царстве и о мудром воинстве: «Беречи [15] веры християнския и умножити, неверных [16] в веру приводити, и славу божию возвышати, и правду во царство свое вводити, и богу сердечную радость воздавати,» — и ты, государь, те книж*ки* [17] обе мне вели отдати назад. Да сию книж*ку* [18] прочетши, мне же вели отдати, толко тобе, государю, не полюбится, благоверному царю [а].

[б]Ехал есми, государь, из Югор *на* [19] Волоскую землю и был есми пять месяц у Петра [20], волоскаго воеводы, в Сочаеве [б21]. И он про тебя [22], государя благовернаго царя, и про твое царство государство говорит на всяк день и у бога просит во умножение веры християнския. И он говорит: «Такова была вера греческая силна, и мы ся ею хвалили, а ныне руским царством хвалимся». Да говорит так: «Боже! Поблюди ея от неверных и от ереси вражия». Да того не хвалит, что в крест целуют,
л. 88 да изменяют — то есть великая || ересь[в], что за веру християнскую не стоят, а государю верно не служ*ат* [23]. Да и того не хвалит, что [а] усобную войну на царство свое напущает, дает городы и волости держати велможам своим[а], и велможи от слез и от крови рода християнскаго богатеют нечистым собранием, и как съед*ут* [24] с кормленей, з городов и с волостей, и во обидах присужают им поля. И в том на обе страны [25] много греха сотворяют, [б] крест целуют на виновате [26] оба исца — истец [26] и ответчик [27]: един, приложивше, ищет ко своей обиде, а другий и *всего* [28] запрется, а в том, оба во гресех погибают и в великую ересь впадают, и на бога хулу кладут; не крепко

---

[8] *Испр.*; королеств *М.* [9] *Ол*; полюбилося *М, В, Ег, Ув.* [10] *Ол, Мз, Ег, В*; земль *М, Ув.* [11] *Ол, Мз, П IV, Т I*; *нет М, В, Ег, Ув.* [12] *Ол, Мз, Ув*; *нет М, В, Ег, П IV, Т I.* [13] *Ол, Мз, Т I, Ув*; прирождение *М, В, Ег*; жалование *П IV.* [14] *И так Ол, Мз, П IV, Т I.* [15] *Ол, Мз, П IV, Т I*; речи *Ег, М, В, Ув.* [16] *Ол, Мз, П IV, Т I*; и неверных *Ег*; *далее* и *М, В, Ув.* [17] *Ув, Ол, Мз*; книжицы *М, В, Ег.* [18] *Ол, Мз, Ув*; книжицу *М, В, Ег.* [19] *Испр.*; на в *М.* [20] *Ол, Мз, П IV, Т I, Ег*; *далее* у *М. В, Ув.* [21] *Ол, Мз, П IV. Т I*; Высочаеве *М, В, Ув, Ег.* [22] *Ол, Мз, П IV, Т I*; *далее* про *М, В, Ег, Ув.* [23] *Ол, Мз, П IV, Ег*; служит *М, В, Ув.* [24] *Ол, Мз, П IV*; съедет *М, В, Ег, Ув.* [25] страны *Мз, П IV, Ув.* [26–26] *Ол*; истца, нищей *М, В*; ищик *Ег*; исас нищей *Ув*; оба: истец *П IV*; оба исца, а ищея *Мз.* [27] *Ол, Мз, П IV*; ответчики *М, В, Ег, Ув.* [28] *Ол, Мз, П IV, Ув*; во всем *М*; совсем *В*; по всем *Ег.*

крестное целование держат, — тем бога всем гневят; чем вера християнская украшена, а оне того крепко не держат.

Тако *говорит*[29] Петр волоский воевода про перваго царя
л. 88 об. турскаго Магмета-салтана: «Неверный царь да богу уго||дно учинил, великую мудрость и правду в*о* [30] царство сво*е* *ввел*[30], по всему царству своему розосла*л*[31] верныя своя судии, и пооброчивши их из казны своим жалованием, чем им мочно прожить з году на год. А суд дал полатный во все царство свое судити без противня, а присуд велел имать на собя в казну, *чтоб*[32] не искушалися и во грех не впадали и бога не разгневили. [в]А какова велможу пожалуе*т*[33] за его верную службу каким городом или волостию, и он пошлет к судиям своим и велит ему по доходному[34] списку выдати из казны вдруг[в]. А просудится судия, ино им пишется таковая смерть по уставу Магметову — возведет его высоко[35] да *пьхнет*[36] его взашей надол, да речет тако: «Не умел еси в добр*о*й[37] славе *бы*ти[38], а верно государю служити». А иных живых одирают, да речет тако: «Обростешь телом, отдаст ти ся вина».
89 [а]По уставу Магметову с великою || грозою мудрою *а*[39] нынешнии цари живут[а]; а виноватому [40] смерт*и* розписан*ы*»[40]; а нашедши виноватаго, не пощадити лутшаго, а казня*т*[41] их по делу дел их; да рекут тако: «И от бога написа*но*[42], комуждо по делом его».

Тако речет Петр волоский воевода: «Знаменуе*т*ся[43] в мудрых книгах, пишут философи и дохтуры о благоверном великом царе руском и великом князе Ива*не*[44] Василиевиче всея Русии, что будет у него в его царстве таковая *великая мудрость*[45] и правда неправедным судиям от его мудрости великия, от бога приро*ж*енн*ыя*». [46]

[б]Тако *говорит*[47] Петр, волоский воевода, про руское царство, что велможи рускаго царя сами богатеют и ленивеют, а царство оскужают *его*[48], и тем ему слуги называются, что цветно и конно *и людно*[49] выезжают[50] на службу его,

---

[29] *Ол, Мз, П IV, Ув*; глаголет *М, В, Ег.* [30–30] *Ол, Мз*; царстве своем *М, В, Ег*; царьство ввел *П IV*; царстве своем ввел *Ув.* [31] *Мз, Ол, П IV*; розослати *М, В, Ег, Ув.* [32] *Ол, П IV*; ижебы *М, В, Ег*; азже бы *Мз*; ожебы *Ув.* [33] *Ол, П IV*; пожалуют *М, В, Ег, Ув*; пожалую *Мз.* [34] духовному *Мз, Ег, Ув.* [35] на высоко место *Ег, П IV*; на высоту *П IV.* [36] *П IV*; ударит *М, В, Ег, Ув*; пехнет *Т I*; бьет *Ол, Мз.* [37] *Испр.*; добрей *М.* [38] *П IV, Т I, Ув*; жити *М, В, Ег, Ол, Мз.* [39] *Испр.*; а и *М, Ег.* [40–40] *Ол, Мз, П IV*; смерть росписана *М, В, Ег, Ув.* [41] *Ол, Мз*; казнити *М, В, Ег, Ув, П IV.* [42] *Испр.*; написанно *М.* [43] *Ол, Мз*; знаменуемся *М, В, Ег, Ув*; знаменается *П IV.* [44] *Испр.*; Иванне *М, В, Ег.* [45] *Ол, Мз, П IV, Ув*; мудрость великая *М, В, Ег.* [46] *Ол, Мз*; прирождения *М, В, Ег*; прирожения *Ув.* [47] *Ол, Мз, П IV, Ув*; речет *М, В, Ег.* [48] *Ол, Мз, П IV, Ув*; *нет М, В, Ег.* [49] *Ол, Мз, П IV*; *нет М, В, Ег, Ув.* [50] *Ол, Мз, П IV, В*; выеждают *М*; выезждают *Ув*; выежают *Ег.*

а крепко за веру християнскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тем богу лгут и государю.

л. 89 об. *И*но[51] тако *говорит*[52] Петр воло||ский воевода: «Что их много, коли у них сердца добраго нету, и смерти *боятся*[53] и не хотят умрети. Всегда богатыя о войне не мыслят, а мыслят[54] о упокое; хотя и богатырь обогатеет, и он обленивеет».

Тако *говорит*[55] Петр волоский воевода: «Воинника держати, как сокола чредити, и всегда ему сердце веселити, а ни в чем на него кручины не напустити».[б]

Ино тако *говорит*[56] Петр волоский воевода: «Таковому силному государю годится со всего царства своего доходы собе в казну имати, а ис казны своея воинником сердца веселити; ино казне его конца не будет. Который воинник лют будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру християнскую стояти, ино таковым воинником имена возвышати, и сердца им веселити, и жало*ванья*[57] *им из казны своея государевы*[58] прибавливати; и иным воинником сердца возвращати, и к собе их близко

л. 90 припущати, || и во всем им верити,[а] и жалоба[59] их послушати во всем[а], *и*[60] любити, аки отцу детей своих, и быти до них щедру; щедрая рука николи не оскудевает[61] и славу царю собирает: что государю щедрость к воинником, то его и мудрость».

А про тобя, государя, про великаго царя благовернаго, говорит Петр волоский воевода: [б]«Таковому государю годится держати 20 тысящ юнаков храбрых со огненою стрелбою, гораздо ученою, и стрелбы поляниц со укр*аи*ны[62] на поле при крепостех от недруга, от крымскаго царя, и оброчивши их из казны своим жалованием государевым годовым[б], и оне навыкнут в поле жити и от недруга его, крымскаго царя, воевати. Ино та ему 20 тысящ лутши будет 100 тысящ; а украины его будут все богаты и не оску*же*ны[63] от недругов. А мочно ему, таковому силному царю, то все учинити».

Так *говорит*[64] Петр волоский воевода про Греческое цар-

л. 90 об. ство: «Велможи || греческия при царе Констянтине Ивановиче царством обладали, и крестное целование ни во что же ста-

---

[51] *Ув*; Но *М, В, Ег*; Но, *причем оставлено место для киноварного* И *Ол*; И *Мз* [52] *Ол, Мз, П IV, Ув*; рече *М, Ег.* [53] *Ол, Мз, П IV, Ег*; бо ся боят *М, В, Ув.* [54] *Ол, Мз, П IV*; нет *М, В, Ег, Ув.* [55] *Ол, Мз, П IV, Ув*; речет *М*; рече *В, Ег.* [56] Ол, Мз, *П IV, Ув*; рече *М, В, Ег.* [57] *Ол, Мз, П IV*; жалоние *М*; жалование *В, Ег, Ув.* [58] *Ол, Мз*; государево из казны своея *М, В, Ег, Ув*; из казня своеа *П IV.* [59] жаловати *Ол, Мз, П IV.* [60] *Ол, Мз*; их *М, В, Ег, Ув*; *нет П IV.* [61] *Ол, П IV, Ув*; оскудевается *М, В, Ег*; окудеет *Мз.* [62] *Ол, Мз, П IV*; украшенны *М, В, Ег, Ув.* [63] *Ол, Мз, П IV*; скудны *М, В, Ег*; оженны *Ув.* [64] *Ол, Мз, Ув*; рече *М, В, П IV*; рек *Ег.*

вили, изменяли, и царство измытарили своими неправыми[65] суды, от слез и от крови християнския *богатели и*[66] богатество свое наполнили нечистым собранием, и сами обленивели за веру християнскую крепко стояти[67], царя укротили от воинства своими враждбами и прелестными путми и[68] ерестьми и[68] чародействы; и тем царство греческое, и веру християнскую, и красоту церковную выдали иноплемянником турским на поругание. А ныне сами [в]греки за свою гордость и за беззаконие и за ленивьство[в] свое веру християнскую у царя турскаго откупают, — великия оброки дают царю туреському, а сами в неволе живут у царя турскаго за свою гордость и за ленивьство. Греки и сербы на*йму*ются[69] овец пасти и верблю-
л. 91 дов у турскаго царя: || и лутчия греки, *и они*[70] торгуют».

[а] Говорит Петр, волоский воевода, с великими слезами про ту веру християнъскую рускаго царьства и просит у бога всегда во умножение веры християнския от восточнаго царства, от рускаго царя, благовернаго[71] великаго кнзя Ива*на*[72] Василиевича всеа Русии. Тем ся царством руским ныне хвалит вся греческая вера[73], надеются от бога великаго милосердия и помощи божия свободити руским цар*ем*[74] от насильства турскаго царя иноплемянника[а].

И говорит[75] Петр волоский воевода: «Таковое царство великое, и силное, и славное, и всем богатое[76] царство Московское, есть ли в том царстве правда?». [б] Ино у него служит москвитин Васка Мерцалов, и он того воспрошал: «Ты гораздо знаешь про то царство Московское, скажи ми подлинно!».
л. 91 об. И он *стал*[77] сказывати Петру волоскому воеводе: «Вера, || государь, християнская добра, [78]всем *с*полна[78], и красота церковная велика, а правды нет».[б] И к тому Петр, волоский воевода, заплакал и рек *тако*:[79] «Коли правды нет, то и всего нет». Да тако рек[80] Петр волоский воевода: «Истинная правда Христос есть, сияет на все небесныя высоты и на земныя широты и на преисподняя глубины многочисленное светлее солнца, все ему колена поклонилися небесныя и земныя и преисподняя, и все его святое имя возхвалили и вославили, яко

---

[65] неправедными *Ол, Мз, П IV, Ув.* [66] *Ол, Мз, П IV*; *нет М, В. Ег, Ув.* [67] не стояли и *Ол, Мз, П IV*; не стояти *Ув.* [68—68] ерестными *Ол, Ег*: ерасными *Мз*; *нет П IV.* [69] *Ол. Мз, П IV Ув*; нанимаются *М, В. Ег.* [70] *Ол. Мз*; **нет** *М, В, Ег, Ув, П IV.* [71] *далее* и *Ол, П IV, Ег.* [72] *Испр.*; Иванна *М. Ег.* [73] *далее* и *Ол, П IV, Мз.* [74] *Ол, Мз, П IV*; царством *М, В. Ег, Ув.* [75] *Испр.*; горит *М* [76] *Ол*; богатством то *М, В, Ег*; богатстве тои *Ув*; богато *П IV*; богатое и то *Мз.* [77] *Ол, Мз*; писал *М, В*; почал *Ег*; учал *Ув*; ему сказал *П IV.* [78—78] *Ол, Мз, П IV*; и всем полна *М, В, Ег, Ув.* [79] *Ол, Мз, П IV*; нет *М, В, Ег, Ув.* [80] говорит *Ол, Мз, П IV.*

свят господь бог наш, силен и крепок, и безсмертен, и велик
бог християнский, и чюдна дела его, долготерпелив и много-
милостив. И в котором царстве правда, в том и бог пребывает
и помощь свою великую подает[81], и гнев божий не воздви-
зается на то царство. [82]Правды силнее *в* божественном его
л. 92 писани*и* нет[82]. Правда || богу [83]и отцу[83] сердечная радость,
а царю великая мудрость и сила. Помилуй, господи, веры хри-
стиянския[84] от неправды их. Тако брался[85] диявол *всеми
неправдами з греки*[86], не любя*чи*[87] веры християнския для
того, что вера христианская богу люба, всех вер лутчи, бог ея
любит, и диявол изб*орол*[88] всякою неправдою. Ино ныне на
то надеются[89], что пишут *мудрыя*[90] философи и дохтуры о бла-
говерном царе и великом князе Иван*е*[91] Васильевиче всея
Русии, что он будет мудр и введет правду в свое царство».

И тако *говорит*[92] Петр волоский воевода и просит у бога
милости, моляся: «Боже! Дай милосердие свое великое, чтобы
та его мудрость не ом*и*нула[93] великого царя благовернаго;
и толко [94]*бы* по[94] нашим грехом да не то царство руское
осталося, и просияло верою християнскою волное царство.
И нам бы[95] нечем говорити греческой вере, аки жидом[96] ||
92 об. и арменом, нечем говорити, что нет у них волного царя, и цар-
ства волнаго нет же у них; а мы тем[97] царством руским
и християнским[98] греческой вере хвалимся». И так говорит
Петр волоский воевода: «*Поблюди*[99], господи, многолетно
и на умножение веры християнския».

Да о том добре дивится Петр, волоский воевода, и говорит
так: «Великий государь, силный царь благоверный [а]таковыя
великия досады терпит от своего недруга, от казанскаго царя[а],
то ему пущей недруг, [100]казанск*ой* цар*ь*;[100] не надоб*ет*[1] ему
тако много терпети. [б]*Т*ак[2] был Магмет-салтан, турской царь,

---

[81] дает *Мз, П IV*; нет *Ол*. [82–82] *Мз*; Правды силнее божественым (*нет Ув*; божественому *Ег*) его писанием (писанию *Ег*) *нет М, В, Ег, Ув*; Нет силнее правды в божественном писании *Ол*; В божественном писании правды сильнее нету *П IV*. [83–83] отцу *В, Ув*; *нет Ол, Мз, П IV*. [84] *далее* тоя *Ол, Мз, Ув*. [85] боролся *Ол, Мз, Ув*. [86] *Ол, Мз, П IV, Ув*; со греки всеми неправдами *М, В, Ег*. [87] *Ол, Мз, П IV, Ув*; любя *М, В, Ег*. [88] *Ол, Мз, П IV, Ув*; избрал *М, В, Ег*. [89] *Ол, Мз*; надеяся *М, В, Ег*; надея *Ув*; и надея *П IV*. [90] *Ол, Мз, П IV*; многия *М, В, Ег, Ув*. [91] Испр.; Иванне *М, Ег*. [92] *Ол, Мз, Ув*; речет *М, В*; рек *Ег*; рече *П IV*. [93] *Ув*; оманула *М, В, Ег*; обинулася *Ол, Мз*; обинула его *П IV*. [94–94] *Ол, Мз, П IV*; по *М, В, Ег*; бы *Ув*. [95] было *Ол, Мз, П IV*. [96] *Ол, Мз, П IV*; жидовом *М, В, Ег, Ув*. [97] *Ол, Мз, П IV*; *далее* ся *М, В, Ег, Ув*. [98] *Ол, П IV, Ув*; *далее* и *М, В, Ег*; в *Мз*. [99] *Ол, Мз, П IV*; соблюди *М, В, Ег*; облюди *Ув*. [100–100] *Ол, Мз*; от казанскаго царя *М, В, Ег, Ув*.

VIII. [1] *Ол, Мз*; надобно *М, В, Ег, Ув*; надобе *П IV*. [2] *Ол, Мз, Т I*; как *М, В, Ег, Ув, П IV*.

ко Царюграду дань давал, з благоверным царем жил в великом смирении безбранно; а отец его разбойник был на море и турскую землю осилел и засел, и потом грех ради наших Магмет-салтан, турской царь, разбойнический род, осилел и Царьград взял[б], и благовернаго царя Констянтина потребил,
л. 93 и красоту церков||ную обезчестил[3], и звон церковный поотнимал, и кресты с церквей поснимал, и образы *чудотворные*[4] из церкв*ей*[5] нечестно выносил, и в церквах божиих мизгити поделал на свои скверныя молитвы».

И Петр волоский воевода говорит так[6] *и бога молит*[7]: «Боже! Поблюди и милостив буди над руским царем благоверным великим князем Ива*н*ом[8] Василиевичем всея Русии и над царством его, да не уловили бы его тако же велможи его вражбою от ереси своея и лукавством своим, да не укротили бы его от воинства, боячися смерти, якобы им, богатым, не умирати. Яко же благовернаго царя Констянтина Ивановича Царяграда велможи укротили от воинства *в*ражбою[9] от ереси своея и ленивъства ради лукавъством своим; и они царство верное потеряли и царя благовернаго потребили иноплемяннической мечем. Давно того не хвалят мудрыя фило-
л. 93 об. софи, что [а]которыя велможеством ко царю прибли||жаются н*е*[10] от воинск*ия*[11] выслуги, ни от иныя которыя мудрости. Ино про тех мудрыя философи говорят тако: *то* есть чародеи и еретики,[12] *у царя счастие* от*н*имают[12] и мудрость царскую, и к собе царское сердце разжигают[13] ересию и чародейством, и воинство кротят»[а]. И то говорит Петр волоский воевода: «Таковых годится огнем жещи и иныя лютыя смерти им давати, чтобы лиха не множилося; без лица им вина, что воинство у царя кротят и мысль царскую отнимают. А царю без воинства не мочно быти: аггели божии небесныя силы, и те *ни*[14] на един час пламеннаго оружия из рук своих не опущают[15], стрегут рода человеческаго от всякия пакости от Адама и до сего *часа*[16], да и те службою своею не скучают. А царю как без воинства быти? Воинником царь силен и славен. Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на
л. 94 царстве своем, а до воинников быти ему, аки отцу до || детей

[3] *Испр.*; обезчестив *М.* [4] *Ол, Мз, Т I*; *нет М, В, Ег, Ув*; нечисто *П IV.* [5] *Ол, П IV, Т I*; церкви *М, В, Ув, Мз*; церкве *Ег.* [6] *Нет Ол, Мз, П IV, Т I.* [7] *Ол, Мз*; *нет М, В, Ег, Ув*; бога молит *П IV*; и бога велми молит *Т I.* [8] *Испр.*; Иванном *М.* [9] *Испр.*; бражбою *М.* [10] *Ол, Мз, П IV, Т I*; ни *М, В, Ег, Ув.* [11] *Ол, Мз, П IV, Т I*; воинства *М, В, Ег, Ув.* [12–12] *Ол, Мз*; отъимают *М, В, Ег, Ув*; у царя счастие отъимает *П IV, Т I.* [13] *Ол, Мз* зажигают. [14] *Ол, Мз, Т I*; *нет М, В, Ув, П IV.* [15] выпущают *Ол, П IV*; выпускают *Т I*; пущают *Мз*; отпущают *Ув.* [16] *Ол, Мз, П IV*; дни *М, В, Ег*; дни и часа *Ув*; дни и до сего часа *Т I.*

своих, щедру. Что *царьская щедрость* [17] до воинников, то его и мудрость; щедрая рука николи же не оскужается и славу себе велику собирает».

Да тако рек [18] Петр волоский воевода: «У благовернаго царя Констянтина [19] во Цареграде воинники оскужали и нищали, а мытари богатели. А иныя воинники, видя*чи* [20] тот непризор благовернаго царя к воинству, и они, оставивше воинство, да на мытарствах [21] прелщалися, и царство царя [22] Констянтина оскужали и казну цареву. А сами мытари богатели: и пошлют их [23] где собрати царския казны, ино на царя где взяти 10 рублев, и они [24] на царя возмут 10 рублев а на себя 100 рублев. А кто их посылал [25], велможи царские, и те с ними, *мытари, делилися* [26], а царство благовернаго царя Констянтина оскужали и казну цареву, а сами богатели от

л. 94 об. крови и от слез рода християнскаго. А велможи || друг о друге печаловалися царю Констянтину [27] о кормлениях и о городех и о наместничестве, аки голодныя пси, [а]*хистятся* [28] на кровь[а] и на слезы рода християнскаго. А царь [29] *всю их* [29] волю творил *и* [30] во всем *им* [31] сердце веселил, и усобную [32] войну на царство свое напустил [33], велмож своих, и [34] всем бога разгневил» [35].

Да тако рек Петр волоский воевода: «Суд был греческой неправеден, купля их была нечиста: купец не умел товару своему цены уставити. Первое душу продаст, *тоже и товар продаст* [36]. Нечисто [37] собрание их было. [б]А велможи царьския на городех и на волостех домышлялися лукавством своим и дияволским пре*л*щением [38], мертвых из гробов новопогребенных выгребали да те гробы тощи загребали; да того мертваго человека, рогатиною *изколовши* [39], или саблею изсек*ши* [40], да кровию измажут, да богатаго человека в дом

---

[17] *Ол, Мз, Ув*; щедрость царская *М, В, Ег*; царьская щедрота *П IV*. [18] говорит *Ол, Мз*; рече *П IV*. [19] *Ол, Мз, П IV*; *далее* Ивановича *М, В, Ег, Ув*. [20] *Ол, Мз, Ув*; видя *М, В, Ег*; видючи *П IV*. [21] мытарства *Ег, П IV*; мытарство их *Ув*. [22] *нет Ол, Мз, П IV*. [23] его *Ол, Мз, П IV*; кого *Т I*. [24] оне *Ув, Т I, Ол, П IV*. [25] посылают *Ол*; посылает *П IV, Мз, Т I*. [26] *Ол*; делили с мытари *М, В, Ув*; делилися *П IV*; делятся тою мздою *Т I*; мытарили, делилися *Мз*; делилися с мытари *Ег*. [27] *Ол, Мз, П IV, Т I*; *далее* Ивановичю *М, В, Ег, Ув*. [28] *Ол, П IV, Т I*; льстятся *М, В, Ег, Ув*; хитятца *Мз*. [29–29] *Мз*; всех *М, В, Ег, Ув*; все их *Ол, П IV*; всем их слушал и *Т I*. [30] *Ол, Ув*; и всем им *М, В, Ег*; *нет Мз, П IV, Т I*. [31] *Испр.*; *нет М, В, Ег*. [32] особную *П IV, Т I*. [33] напущал *Ол, Ув*; пустил *П IV, Т I*; напускал *Мз*. [34] во *П IV, Т I*; и во *Мз*. [35] разгневал *П IV, Т I, Ув*. [36] *Ол*; нет *М, В, Ув*; да то же товар продаст *Ег*; тоже товар продаст *Мз*; потом же и товар продаст *П IV, Т I*. [37] *Ол, Мз*; нечистое *М, В, Ег, Ув*. [38] *Ол, Мз, Ег*; прещением *М, В, Ув*. [39] *Ол*; изтычют *М, В, Ег, Ув*; исколов *Мз, П IV*; исколют *Т I*. [40] *Ол, Мз, П IV, Т I*; изсекут *М, В, Ег, Ув*; истычут и изсекши *Т I*.

л. 95 подкинут, да || истца ему ябедника поставят[б], который нимало
бога не знает, да осуд*ивши*[41] его неправым[42] судом, да подворие его и богатество со з дом разграбят. Нечисто богатели
дияволским прелщением, а царския грозы к ним не было,
всем бога гневили и науки божия забыли». Ино про то господь бог разгневался на них неутолимым гневом своим святым, послал на них плен[43] иноплемянника Магмет-сал*та*на[44],
турскаго царя, Амуратова сына от нискаго колена разбойническаго рода. И Магмет-салтан *потребивши*[45] Царьград и царя
Констянтина, *вземши*[46] веру християнскую себе в помощь[47],
богом выданую грех ради[48] и для их[48] гордости, что оне мир
от царя отбивали и[49] жалобников ко царю не припущали.
И управы во царстве Констянтинове не было никому от велмож Констянтиновых; а они, велможи, сами обиду велику[50]
в царстве деяли и царьство оскужали, — то они не мир от
л. 95 об. царя || отбивали и не жалобников, отбивали они от царя
божие милосердие, [51] да и отбил*и*»[51].

И тако рек Петр волоский воевода, со слезами, радеючи
о вере християнской: «И по грехом *по*[52] нашим сталося, что
впали есмя неверному в неволю иноплемяннику для беззакония великаго греческаго, что греки тмы для да *свет*[53] оставили, во всем в ересь впали и бога разгневили неутолимым
гневом. Ино неверный иноплемянник да познал силу божию,
Магмет-салтан, турской царь, взявши[54] *Царь*град *да*[54] уставил правду и праведен суд, что бог любит, во всем царстве
своем и утешил бога сердечною радостию, и за то ему бог
помогает, многия царства обладал божиею помощию. А он бо
великую правду во царство свое ввел и купцем куплю уставил,
и купити и продати единем словом, хотя на тысящу рублев.
л. 96 Да тако рек: Делайте правду во царь||стве моем, бого*даном*[55];
видите то, иже бог любит правду, *а за неправду*[56] гневается
неутолимым гневом, да мне бог выдал, малому царю, великаго
царя; держитеся заповеди божия, уживайте [57] *лиц*а своего
поту[57]. Аки отцу нашему первому бог приказал Адаму,
создавши его, и дав ему землю и помощь его, и велел

[41] *Ол, Мз*; осудят *М, В, Ег, Ув*; осудивъше *П IV, Т I*. [42] неправедным *Ол, Мз, П IV, Т I*. [43] *Испр.*; бог плен *М, В, Ег*. [44] *Испр.*; сална *М*. [45] *Ол, Мз*; пополениша *М, В, Ег, Ув*; потребил *П IV, Т I*. [46] *Ол, Мз*; и всем *М, В, Ег, Ув*; вземши и *П IV*; и *Т I*. [47] мочь *Ол*. [48–48] наших для их *Ув*; для их *Ол, Мз*; наших и *П IV, Т I*. [49] *Нет Ол, Мз, П IV, Т I, Ув*. [50] *Нет Ол, Мз, П IV, Т I*. [51–51] *Ол, Мз*; да и отбивали *М, В*; тем отъемля *Ег*; да отбили *Ув*. [52] *Ол, Мз*; *нет М, В, Ег, Ув*. [53] *Ол, Мз*; всего *М, В, Ег, Ув*. [54–54] *Ол, Мз*; град *М, В, Ег, Ув*. [55] *Ол, Мз*; богом дано *М, В, Ег*; богом даном *Ув*. [56] *Ол*; *нет М, В, Ег, Ув*; за неправду *Мз*. [57–57] *Мз*; цела своего поту *М, В, Ув*; лица чело своего поту *Ег*; в поте лица своего *Ол*.

делати землю, в поте лица ясти хлеб, и Адам заповедь божию исполнил[58]. И нам такоже годится во всем послушати бога и правдою сердечною радость ему воздати».

[а]И тако рек Петр волоский воевода: «Бог не веру любит, — правду[а]. Истинная правда — Христос бог наш, сын божий[59] возлюбленный, в [60]троиц*е едином божестве* нераз*делимые*[60] единю[61] божество и сила; да оставил нам еуангелие правду, любя*чи*[62] веру християнскую надо всеми верами, указал путь царства небеснаго во еуангелии. И гре*ки*[63] еуангелие чли,
л. 96 об. а иныя слушали, а воли божия не творили, на бога || хулу положили *и*[64] в ересь впали. Во всем диявол прелстил велмож Констянтиновых, всю его волю дияво*лскую*[65] творили, и бога прогневали, а сами прелстилися, и царство, Констянтиново все на прелщение привели, и [66]веру християнскую поработили[66]. Т*е же прелесники дияволскую волю*[67] творили. [б]Коли Адама господь бог выгнал из ра*ю*[68], а он заповедь божию преступил, и тогда диявол его искусил, и запись на него взял. И Адам было вовеки погинул, и господь бог *милосердие свое учинил*[69] волною страстию своею святою и Адама извел изо ада и запись[70] изодрал[б]. Един бог над [71]все*м светом*[71], то есть которыя записывают[72] в работу вовеки, прелщают, и дияволу угождают[73], и котор*ые*[74] прелщаются для светлыя ризы *да*[75] вовеки записываются в работу, те оба погибают *вовеки*»[76].

И тако рек Петр волоский воевода: «Которая земля пора-
л. 97 бощена, в той земле все *зло сотворяется*[77]: татба, || разбой, обида, всему царству оскужение великое; всем бога гневят, дияволу угождают. Ино у благовернаго царя Констянтина велможи его всем тем беззаконием *исполнились*[78] и бога разгневили; ино[79] о*т* них[79] живыи мертвым завидовали, а волныя порабощенным от велмож Констянтиновых. *А*[80] благовернаго царя Констянтина осетили[81] кудесы и вражбами

---

[58] *Испр.*; изсполнил *М*. [59] *Испр.*; *далее* и *М*. [60–60] *Мз*; троицы неразлимей *М*; троице едине божестве неразделимый *Ол*; троицы неразделимей *В, Ег, Ув*. [61] *Ол, Мз*; *далее* господьство и *М, В, Ег, Ув*. [62] *Ол, Мз, Ув*; любя *М, В, Ег*. [63] *Ол, Мз*; греческия *М, В*, гречене сие *Ег*; греческие *Ув*. [64] *Ол, Мз*; *нет М, В, Ег, Ув*. [65] *Мз, Ув*; дияволю *М, В, Ег*; диялскую *Ол*. [66–66] потеряли веру християнскую *Ол, Мз*. [67] *Ол, Мз, Ув*; Тем же прелстилися, что волю дияволю *М, В, Ег*. [68] *Мз, Ег, Ув*; рая *М, В, Ол*. [69] *Ол, Мз, Ув*; учинил милосердие свое *М, В, Ег*. [70] рукописание *Ол*. [71–71] *Ол, Мз*; всеми святыми *М, В, Ег, Ув*. [72] записываются *Ол*; записываютца *Мз*. [73] *Испр.*; угаждают *М*. [74] *Ол, Мз, Ув*; то которыя *М, В, Ег*. [75] *Ол, Мз*; *нет М, В, Ег, Ув*. [76] *Ол, Мз*; *нет М, В, Ег, Ув*. [77] *Мз, Ол*; сотворяется зло *М, В, Ег, Ув*. [78] *Ол, Мз, Ув*; *нет М, В, Ег*. [79–79] *Испр.* (*ср. Сокр. извод*); о них *М, Ув*; они *Ег*; в них *В*; у них *Ол, Мз*. [80] *Ол, Мз*; *И М, В, Ег, Ув*. [81] *Ол*; осилели *М, В, Ег, Ув*; *нет Мз*.

уловили, *и*[82] мудрость его воинскую отлучили, и богатырство *его*[83] укротили, и меч царской воинской опустили и учинили [84]его в безпутном житии[84]. Именем было царским не мочно прожити никому, ни главы из дому выклонити, [a]ни версты переехать[85] ото обиды велмож его: все царство заложилося за велмож его, и слыли их имянем для прожитку[a], ждучи мудрости царьския, и не дождалися. А того греки забыли, яко знамени*е*[86] господь бог показал над Фараоном, царем
л. 97 об. египетским, — морем потопил его да и велмож его || для того, что был он израилтян поработил. Ино то *есть знамение*[87] велико от бога, что бог гордости не любит и порабощения. А греки за то же погибли, за гордость и за порабощение. А израилтяня умножилися и угордели, и бога забыли, и погинули в неволю и в разсеяние, нет им царства волнаго, и не познали сына божия Христа, царя небеснаго, сердце их окаменнело з гордости».

И тако рек Петр волоский воевода: «Видя*чи*[88], да погибают, *иже гордым*[89] господь бог противляется, неутолимый на них гнев напущает за неправду, а правду бог любит, [90]правда силнее всего[90]. Турской царь Магмет-салтан великую правду во царство свое ввел[91], иноплемянник, да сердечную радость воздал богу; да естьли бы к той правде да вера християнская, ино бы с ними аггели беседовали».

Да тако рек Петр волоский воевода про Казанское цар-
л. 98 ство: «Есть*ли*[92] хоте*ти*[93], взем бога || на помощь, Казанскаго царства добыти, ино себя не пощадити ни в чем, послати войско на Казань, [94]возрастивш*и им* сердц*а*[94], воинником своим царским жалованием и алафою и приветом добрым; а иныя воинники удалыя послати на улусы казанския, да велети жещи и[95] людей сечи и пленити, да бог помилует и помощь свою святую даст. И возмет их да и крестит, то и крепко. Да слышал есми про ту землицу, про Казанское царство, у многих воинников, которыя в том царстве в Казанском бывали, что про нея говорят, применяют ея подра*й*ской[96] земли угодием великим.[a] Да тому велми дивуемся, что таковая землица не велика, велми угодна, у таковаго великаго

---

[82] *Ол, Мз, Ув*; *нет М, В, Ег.* [83] *Ол, Ув*; *нет М, В, Ег, Мз.* [84–84] в беспутном его житие *Ол, Мз*; в его беспутном житие *Ув.* [85] *Испр.*; преехать *М.* [86] *Ол, Мз*; знаменисм *М, В, Ег, Ув.* [87] *Ол, Мз*; знамя есть *М, В, Ув*; есть знамя *Ег.* [88] *Ол, Мз, Ув*; Видя *М, В, Ег.* [89] *Ол, Мз*; еже *М, В, Ег, Ув.* [90–90] силнее всего правда *Ол, Мз;* силнее всего *Ув.* [91] *Далее* хоти был *Ег*; хотя *Ол.* [92] *Ол, Мз, Ув*; Есть *М, В, Ег.* [93] *Испр.* (*ср. Сокр. извод*); хотех *М, В, Ег, Ув*; хотел *Ол, Мз.* [94–94] *Ол, Мз*; возвративше сердце свое *М, Ег, Ув, В.* [95] а *Ол*; *нет Ув, Мз.* [96] *Ол, Мз, Ег*; подраской *М, В, Ув.*

у силнаго царя под пазухою, а в недружбе, а [97] *он ей* долго терп*ит* [97] и кручину от них великую приима*ет* [98]; хотя бы таковая землица и в *д*ружбе [99] была, ино бы ея не мочно тер-
98 об. пети за такое угодие»[а]. ||

Государь благоверный, великий царь и великий князь Иван Василиевич всея Русии! Был есми вы-Сочаеве у Петра волоскаго воеводы [5] месяц, холоп твой государев Иванец [100] Семенов сын Пересветов, и видел есми мудрость великую, — и те речи говорит от научения веры и мудрости философския, — занеже, государь, сам Петр волоский воевода, учен*ый* [1] философ и дохтур мудрый. И служили ему многия люди, мудрыя философы и молвили про твое [2] царское приро*ж*ение [2] по небесному знамению, что быти [3] тебе, царю [4] великому [5], покорит бог недруги твои тебе, царю [4], божиею помощию до*ч*лися [6] в книгах, что обладати тобе, государю, многия царства.

Толко, государь, то начитают [б]в своих мудрых книгах в *видоцеях* [б7], что будет на тобя, на государя, ловление, аки [8] же *на* [8] царя Констянтина царяградцкаго, от ворожеб и от кудес,
л.99 то знаменуется || у них [9] укрочени*е воинству твоему* [9] мудрому: будут доходити [10] велможи твои любви твоей царския со враждами и с кудесы и с прелестными путми ни по роду, ни по [11] *вотчине*, ни по *воинству* [11], ни по мудрости, которая бы [12] мудрость пригодилась [12] тобе, царю, и славе твоей царской в твоем государстве царстве. То они начитают, что теми кудесы и враждами твою мудрость, от бога приро*женную* [13] и счаст*ье* [14] отлучают [15] и воинство твое кротят, к чему тобя, благовернаго царя, природил бог, а к собе твое государево сердце разжигают великою любовию, и не можешь от них ни часу быти. И видел есми, государь, что Петр, волоский воевода, стал пред образом пречистыя владычица нашея богородицы помолитися со слезами о твоем многолетнем здравии, чтобы господь бог совершил твое царское от бога мудрое прирож*е*-
99 об. ние [16] к воинству счастливое во умножение ве||ры християнския, во исполнение правды в твоем царстве, как их им книги

[97–97] *Ол, Мз*; они долго терпят *М, В, Ег, Ув*. [98] *Ол*; принимают *М, В, Ег.*; терпят *Ув*; принимает *Мз*. [99] *Испр.*; недружбе *М, В*. [100] Ивашко *Ол, Мз*.

IX, [1] *Ол, Мз*; учение *М, В, Ув*; учением *Ег*. [2–2] *Ол, Мз*; государево царство прирождение *М, В, Ег*; царско прироржению *Ув*. [3] *Ол, Мз*; бы *М, В, Ув*; бы, но *над строкой позднейшее* ти *Ег*. [4] государю *Ол, Мз*. [5] *Испр.*; великуму *М*; *далее* и *Ол*. [6] *Ол, Мз*; и дочелися *М, В*; и дочьлися, *испр. из* дочелися *Ег*; и члися *Ув*. [7] *Ол, Мз*; завидощах *М, В, Ег*; видощах *Ув*. [8–8] *Ол, Мз*; же и *М, В*; и *Ув*; же и на *Ег*. [9–9] *Ол*; укрочению твоему воинству *М, В, Ег, Ув*; укроченья воинству твоему *Мз*. [10] ходити *Ув, Ег, Мз*. [11–11] *Ол, Мз*; воинству ни по отчине *М, В, Ег, Ув*. [12–12] *Ол, Мз*; ся мудрость пригодила *М, В, Ег, Ув*. [13] *Ол, Мз, Ув*; прирождением *М, В, Ег*. [14] *Ол, Мз*; счастием *М, В, Ег, Ув*. [15] отнимают *Ол*. [16] *Ол, Мз, Ув*; прирождение *М, В, Ег*.

указуют о твоем царском прирожении[17] по небесному знамению, [18]*и* от ловления[18] вражебного[19] твоих велмож и от кудес всяких бог избавил своею святою великою милостию, чтобы его не *о*минуло[20] царское от бога мудрое прирожение[21] к[22] счастьливому воинству, к чему его бог природил. И тако рек Петр волоский воевода: «Толко *его*[23] бог соблюдет от того уловления велмож его, ино таковаго под всею[24] подсолнечною не будет[25] мудраго воина и счастливаго к воинству, и введет во царство свое великую правду и утешит бога сердечною радостию, и за то ему господь бог многия царства покорит».

А меня, холопа твоего, Ивашка Семенова сына Пересветова, унимал у собя служити Петр волоский воевода, а яз,
л. 100 холоп твой государев, слышачи таковыя || речи у мудрых людей, и у великих многих дохтуров и философ про тобя, великого государя, и про твое царское от бога мудрое прирожение[24] и счастливое к воинству, и оставивши службы богатыя и безкручинныя, выехал к тебе, государю благоверному царю, служити с теми речми и з делы с воинскими. Как тобе, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего?



[17] *Ол, Ув*; прирождении *М, В, Ег*; прирождение *Мз.* [18–18] *Ол*; о ловлении *М, В, Ув*; уловлении *Ег*; уловление *Мз.* [19] *Испр.* (*см. Сокр. извод*); вражебном *М, В, Ег, Ув*; вражбы, а *Ол, Мз.* [20] *Ол, Ув*; минуло *М, В, Ег*; мило *Мз.* [21] *Ол, Мз, Ув*; прирожденне *М, В, Ег.* [22] *Испр.*; аки *М, Ув, Ег*; и *Ол, Мз.* [23] *Ол, Мз*; *нет М, В, Ег, Ув.* [24] *Ол, Мз*; *далее* землею *М, В, Ег, Ув.* [25] *Ол, Мз*; *далее* государя *М, В, Ег, Ув.* [26] *Ол, Мз, Ув*; прирождение *М, В, Ег.*



СОКРАЩЕННЫЙ ИЗВОД НЕПОЛНОЙ РЕДАКЦИИ ПО ПОГОДИНСКОМУ I СПИСКУ

[ПЕРЕДЕЛКА ОТРЫВКА ИЗ ПОВЕСТИ О ЦАРЬГРАДЕ]

л. 69 Начало[1] создания Царяграда. Коли разравнывали 7 холмов, а здали град во[2] имя благовернаго царя Констянтина, ино вышел ис пещеры змей и потек по равному месту гордо и лукаво, и с высоты слетел орел храбро да змия изымал, да, бьючися, пошли вверх. Да были в высоте многое время, яко их не видети, да по том времени на то же место змей и орел; ино люди змея убили, а орла изымали. Ино мудрыя философи рекоша: Орел есть знамение веры христианския, змей же есть гордость и лукавство и ненависть, друг друга ненавидит, яко змеи, возсипят, да не возмогут сердца своего обратити друг к другу на добродетель. А орел есть храбрость и правда и друголюбъство сердечное; змий же есть знамя от дьявола, ненавистника роду христианского; а орел есть знамя от бога, царя небеснаго. Знаменуется первое: ненавидя роду христианского и веры христианския, дьявол всеет в них гордость и неправду, и ненависть, и зависть; а орел есть знамя: господь
л. 69 об. бог хранит веру христианскую, и даст || им наказание от неверных, и потом милость свою великую дасть им, и всеет в сердца их правду и друголюбство, — они же, христианя познают, что правду бог любит, и силнее всего правда.

[СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ КОНСТАНТИНЕ]

И благоверный царь Конст*ян*тин[3] и мати его благоверная царица Елена веру христианскую уставили и инным царем благоверным после себя град, создан царем Констянтином и материю его благоверною царицею Еленою, и нарекли ему имя

---

[1] Зачало *Об.* [2] *В П II вместо* Начало... во — начало... о, *хотя оставлено чистое место, очевидно для киновари, как П I.* [3] *Об, П II.*; Конъстин *П.*

Царьград. А благоверным царем Констянтином Ивановичем Царьград взят бысть от турецкого царя Махмета, а все то гордости ради и неправды велмож Констянтиновых бог гнев свой послал на них неутолимый.

О рождении благовернаго царя Констянтина Ивановича. Так пишут, что он родился воин, от его же меча вся подсолнечная не могла сохранитися, а в нем, благоверном царе, была аггельская сила. От своего отца, благовернаго царя Иванна, остася млад царствовати, трех лет от рожения своего в Констянтине-граде и на всем царстве греческаго закону хри-
л. 70 стианския веры. Велможи его до возрасту || царева царством его обладали и измытарили, и бедами исцепили и своими неправ*ыми*[4] суды, и особную брань в царстве том учинили; друг ко другу не мог сердца своего обратити в добродетели, и сипели друг на друга, яко змеи, и наполнили велможи его нечистым собранием казны свои великим богатством, и от бед, от слез и от кровей роду христианского неправедными суды своими, емлючи посулы со обоих стран, с праваго и с виноватого, и казны свои наполнили златом и сребром и многоценным камением, нечистым своим собранием. И в том же царство его оскудело и казна царева, и в бедах своих изумелися от тех неправых судей, что их бедами сцепили, не памятовали о бозе, [5]*ни* о государ*и*[5], ни о воинстве, от иноплемянников боронити веры христианския, но о бедах своих мыслили, глаголюще: «Господи, како можем беды своя утолити, грех ради наших сия нам неправыя судьи послал еси, господи, казны
л. 70 об. их не можем наполнити, как бы ада насытити, || и бед своих не можем утолити»[6].

Они же, велможи его, благовернаго царя Констянтина, исполнивше казны свои великим богатством, и почали мыслити о вои царевом и рекли так: «Царь наш будет воин в возрасте лет своих, яко о нем философи пишут во многих странах, всядет на конь свой и возмет мечь свой в руку свою, и будет добрый воин и пастырь вере христианской, и неверных к вере приведет, и веру христианскую умножит, и славу божию возвысит, паче царя Александра Македонскаго меча из рук не пустит и с коня воинского не ссядет». Велможи же его почали о том мыслить, как бы царя укротити от воинства, а самим бы со упокоем пожити, и рекоша к себе: «Аще царя не укротим от воинства, и наше богатство будет со иными веселитися, а нам с коня не бывати, дому своего не видати».

---

[4] *Об.*; неправдами *П I*; неправедными *П II*. [5-5] *П II*; и о государе *П I*; ни о гсударе *Об.* [6] *На этом Сказание о Константине (второй вариант) кончается в Об.*

И умыслили книги написати от бога с великою клятвою, что не достоит царю христианскому на иноплемянники ходити ||
л. 71 воевати, достоит ему от находу боронитися. Так написали велможи для своего упокою: «Естьли царь христианский отведет воя своя на иноплемянники и тамо кровь пролиет, и та кровь на нем взыщется».

Богатый николи жи воинства не думает, мыслит о смирении и о кротости. Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям.

А греки царя благовернаго Констянтина укротили от ереси своея, и они царство потеряли. Коли было время благоверному царю Констянтину на конь воинский всести и мечь свой в руки взяти, веры христианския хранити божиею помощию и умножати и неверных к вере приводити; они же ведали, неверныя, во многих странах от мудрых философ прирожение царское о воинстве его, что от меча его вся подсолнечная не могла сохранитися. И мнози его убоялися неверныя по многим странам, а иныя прислали о миру быти с ним, а иныя
71 об. цари || реклися дань давати, а иныя приказывалися служити. Благоверный же царь Констянтин уразумел от великия мудрости своея, и созвал вся велможи своя к себе и глагола им от великия мудрости: «Что и многоценно найдетца кому даром, тои не мило живет, а мир как может крепок быти, коли щита не разщипил и копия не преломил в недрузех? И взем бога на помощь хощу на недрузи свои двигнутися и умирати за щитом копием своим». И велможи его, ленивыя богатины, не думают о войску, и рекоша: «Противо ты, царю, бога стоишь, от покорных миру не приимаеш, а писано есть: не достоит царю христианскому на иноплеменники ходити воевати, но достоит царю от находу боронитися, против недругов стояти». И те книги пред царя положили. Царь же книги прочет; ино написано от бога с великою клятвою: «Отведет царь войско свое на иноплеменническую землю и там кровь пролиет христианскую, и та
л. 72 кровь на цари взыщетца». || Царь же книги прочет, да и укротел.

И по мале времени Махмет-салтан, царь турецкий, с силою с великою по суху и по морю прииде под Царьград.

[СКАЗАНИЕ О МАГМЕТЕ-САЛТАНЕ]

Турецкий царь Махмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турецким, а греческия книги прочет, и написал слово в слово по-турецкии, ино великия мудрости

прибыло у царя. И он рек так сеитом своим и пашам, и молнам, и обызам: «Пишется великая мудрость о благоверном царе Констянтине в философских книгах: иже родися источник мудрости воинския, от меча его вся подсолнечная не может сохранитися. Он от отца своего остался млад трех лет от роду своего; и греки для злоемъства и нечистаго собрания от слез и от крови роду человеческаго богатели, и праведный суд порушали, да неповинно осужали по мздам. Велможи царевы до возрасту царева богатели от нечистаго своего собрания; на возрасте цареве и царь почал трезвитися от юности своея
л. 72 об. и почал приходити к великой мудрости к воинской || и к прирожению своему царскому. И велможи его, видя то, что царь приходит к великой мудрости, и рекли так: нам будет от него суетное житие, а богатство наше будет с ыными веселитися». И рек Махмет-салтан, турецкий царь, философом своим мудрым: «Видите ли, яко они, богати и лживи, осетили царя враждбами и уловили его великим лукавством своим и козньми, дияволскою прелестию, и мудрость его и счастие укратили, и меч его царский обнизили своими прелестными враждбами, а меч его был высок над всеми недрузи его, и они ухитрили ересию своею». И Махмет-салтан, турецкий царь, так рек философом своим: «Видите ли что бог злохитръства и гордости и ленивства не любит, и противитца тому господь бог, и гневом своим за то казнит неутолимым; видите, что нам бог выдал таковаго царя великаго и мудраго источника воинскаго про гордость греческую и про лукавство; и вражба их бога прогневала, иже таковаго царя мудраго осетили враж-
л. 73 бами своими и уловили лукавством || своим и укротили воинство его. А яз вам о том реку мудрым своим философом: поберегите[7] меня во всем, чтобы нам бога не разгневити ни в чем.

В лето 6961 царь же велел со всего царства все доходы себе в казну имати, а никому ни в котором граде наместничества не дал велможам своим для того, чтобы не прелщалися неправдою судити, и оброчил велмож своих ис казны своей, кто чего достоин, и дал суд в ево все царство, и велел присуд имати к себе в казну для того, чтобы судьи не искушалися и неправды бы не судили. Да приказал судьям: «Не дружитеся с неправдою, держитеся правды, что бог любит». Да послал по городом судьи свои, паши верныя и кадыи, и шубаши, и ам*и*ни[8], и велел судити прямо. И рек так: «Братия моя любимая и верная, судити прямо».

---

[7] *П II*: побережите *П I*. [8] *Испр.*: амити *П II*; амени *П I*.

Да по мале времени обыскал царь судей своих, как они судят, и на них довели пред царем злоемство, что они по посу-
л. 73 об. лом судят. И царь им || вины в том не учинил, толко их велел живых одрати да рек так: естьли оне обростут телом опять, ино им вина отдаетца. И кожи их велел проделати [9], и велел бумагою набити, и в судебнях велел железным гвоздием прибити, и написати велел на кожах их: «Без таковыя грозы правды в царство не мощно ввести». Правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадити, нашедши виноватаго: как конь под царем без узды, так царство без грозы.

И царь же рече: «Не мощно царю царства без грозы держати: яко же Констянтин царь велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовалися и неправду судили и обоим *и*сцом [9a] по своей вере по христианской целование судили, правому и виноватому; а они оба не правы, один бою запретца, рек так: не бил есми его и не грабливал, а другий бою для своего да грабеж приложит, да оба крест поцелуют,
л. 74 да богу изменят, и сами от бога навеки погибнут || в сердцах своих правды не помнят и бога прогневают, ино им мука вечная готовится. И с теми неправыми судьями во всем греки в ересь впали и в крестном целованье греха не ставили, во всем бога прогневили». И царь Махмет вразумел от великия мудрости, что таковый суд великий грех и бога гневит. И он дал одному з жеребья крестное целование; а целовати крест, направивши огненую стрелу против сердца и самострел против горла, а стояти дотоле против таковыя смерти, поколе десять слов божиих проговорит отец его духовной, еуангельския притчи: не лжи, не укради, лжи послух не буди, чти отца и матерь, люби ближняго своего, яко сам себе, и протчая. То царь дал греком з жеребья крестное целование: есть*ли* [10] его огненая стрела не убиет, и самострел на него не спустит, а он крест поцелует, и свое возмет, в чем суд был. И он тако рек:
л. 74 об. «То есть жеребий || — божий суд». А турком дал через меч острый, горлом переклонившися, шерсть пити, а меч наведен. А молнам своим велел при том месте быти и наказати их по своей вере турецкой с того же обычая греческаго; есть ли меч *с* [11] наводу не спустит и горла *ему* [12] не рушит, и речь свою доведет, и через меч шерсть пьет, и свое возмет, в чем им суд был, а то есть божий суд. А поля им судил в своем царстве без крестного целования: нагим лести в темницу, бритвами резатися, а бритву им одну положат в тайном месте, и кто найдет, тот и прав, то есть божий же суд, свое возмет, на чем

---

[9] *П II*; пределати *П I*. [9a] *Испр.*; сцом *П I*; нет *П II*. [10] *Испр.*; есть *П I*, *П II*. [11] *П II*; *нет П I*. [12] *П II*; его *П I*.

ему суд был, а виноватого своего, хощет, его ис темницы выпустит, и волен его изрезати.

Тем же царь Махмет велико умудрился, что правду в царство свое ввел и великия и грозныя знамяна им указал для того, чтобы люди не слабели ни в чем и бога не гневили. А ту мудрость царь снял з греческих книг, образец таковым было греком быти. И Махмет правый суд в царство свое
л. 75 ввел, а лож вывел || и рек так: «Бог любит правду лутчи всего; не мощно царю царства без грозы держати; яко же царь Констянтин велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовалися и нечисто збирали богатство свое, а земля и царство от них плакало, и в бедах купалися. И за то господь бог прогневался на царя Констянтина и на велможи его и на все царство греческое, что они правдою гнушалися, не знали того, что бог любит силнее всего правду. А вы меня на то же ли приводите, чтобы бога прогневал да с вами погибл?». И послал на все свои грады прямыя судьи, угрозивши своею грозою царскою, и выдал им книги судебныя, по чему им винити и правити. А суд им дал полатной на всякой град без противня, и послал во все грады свои и во все свое царство велможу своего, пашу, шубаша, аминя, то есть судьи царевы на всяком граде. А воинников своих велел судити с великою грозою смертною казнью безпошлинно для того, чтобы лиха не множилося. А судей своих
л. 75 об. изоброчил[13] ис казны своим || царевым жалованием для того, чтобы не искушалися неправо судити. А воинников судят паши, под которым сколко войска в полку, и тот свое войско и знает, судит прямо для великия грозы царевы безпошлинно и безпосулно, и суд их совершает вскоре.

И тем царь умудрился, умножил сердце свое и войску своему и возвесели вся воинская[14] своя. А з году на год оброчил *их*[11] своим царским жалованием из казны своея, кто чего достоин, а казне его нет конца, богом исполнена за его великую правду, что со всего царства: из городов, и с волостей, и из вотчин, и ис поместей — все доходы в казну свою царскую велел собрати по всяк час. А зборщиков тех из казны оброчил своим жалованием, которыя збирают казну цареву, и после зборщиков обыскивает, по приказу ли царскому збирают, а для того, чтобы царство его не оскудело. А войско царское с коня не сседает николи же и оружия из рук не пущают. А воем своим всегда сердце веселит своим жалованием цар-
л. 76 ским и алафою да и речию своею || царскою. Так

[13] *П II*; оброчил *П I*. [14] войска *П II*.

рек войску своему всему: «Не скорбите, братие, службою; мы же без службы не можем быти на земли; хотя мало царь оплошитца и окротеет, ино царство его оскудеет и иному царю достанетца. Яко же небесное по земному, а земное по небесному; ангели божии, небесныя силы, ни на един час пламеннаго оружия из рук не испущают, хранят и стрегут род человеческий от Адама и по всяк час, да и те небесныя силы службою не стужают». Такоже царь турецкий возрастил сердце войску своему, и все воинники похвалили реч царскую и рекли: «Тако ли волю божию делаем, что бог любит воинства, и кого у нас на побоищи убьют, и мы грехи свои кровью омываем, души наши бог в руку свою приимет, и таковыми святыми воинники небесныя высоты наполняются».

Царь же турецкий умудрился, на всяк день 40.000 янычан при собе держит, гораздых стрелцов со огненою стрелбою, и жалование им давает и алафу по всяк день; для того их блиско себя держит, чтобы его недруг в его земли не явился
л. 76 об. и измены бы не учинил, || и в грех бы не впал безумный царя потребит, велми множившися, и разгордитца и царем похощет быти, то же ся ему не достанет, а сам навеки погибнет от греха своего, а царство без царя не будет; для того царь бережет, а янычаня у него, верныя люди, любячи царя, верно ему, государю, служат про его царское жалование. Мудрый царь воинником сердца веселит, войском он силен и славен. А пашам своим и велможам против недруга всякого велел впереди ставитися, в первых полцех для того, чтобы жестоко ставилися против недруга, и младые бы люди не ужасалися, которые не таковы силни, и, на них бы смотря, храбры против недруга были. У него же, у турецкого царя, великия мудрости и учения ставитися против недруга играти смертною игрою. И гроза велика царя турецкого по приказу его: «Кто не хощет умрети на игре смертной честно с недругом за мое великое жалование царево, как юноши храбрые умирают, играючи с недругом смертною игрою, и тому зде умрети от
л. 77 моей || царевой опалы, да нечестно будет ему и детем его».

Да Махмет-салтан[14a] уставил и иным царем после собя от тех лет и до сех лет, а в своем царстве дал волно служити и у велмож своих, а рек так: «Един бог над нами, а мы рабы его. Фараон был царь египетский, поработил израилтян, и бог на него разгневался своим неутолимым гневом, да и потопил их морем». Да велел перед себя книги принести полныя и докладныя, да огнем велел пожещи. И полоняником уставил

[14a] *П I*; Бахмет-салтан *П 1*

урок, поколе кому работати, в седмь лет выробився, и в силах — 9 лет. Естьли кто кого дорого купит, а чрез девять лет будет держати, и будет на него жалоба от полоняника, ино на таковаго царская опала и казнь смертная. Не делай того, чего бог не любит, бойся бога, чтобы его не разгневити ни в чем, и помни заповедь цареву.

А то царь Махмет списал со християнских книг ту мудрость; таковому быти подобает крестьянскому царю, божию
л. 77 об. волю творити. А так рек || Махмет-салтан: «В котором царстве люди порабощенны, и в том царстве люди и не храбри и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек срама не боитца, а чти собе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: «Однако есми холоп, иного мне имени не прибудет». А в царстве в Конъстянтинове при царе Констянтине[15] *у* велмо*ж*[15] его и лутчие люди порабощенны были в неволю и противо недруга крепко не стояли; конны и доспешны цветно видети было велможи его, пол*к*и[16] против недруга крепкаго бою не держали и з бою утекали и ужас царевым полком иным давали, они же прелщалися. И то царь уразумев, да дал им волю и взял их к себе в полк, и они стали у царя храбры, лутчие люди, которые у велмож царевых в неволи были. И как учали в воли быти в цареве имени, всякий стал против недруга стояти и полки недругов розрывати, смертною игрою играти и чти собе добывати. И[17] царь рек: «Волю божию сотворил ||
л. 78 есми, что бог любит, в полк к собе *ю*наков[18] храбрых прибавил». У царя у турецкаго по триста тысящ ходит против недругов ученых людей храбрых, а все те сердцем веселы, а царева жалования и алафы доволно, а идут тихо воевати. На день им живет по три торга: порану, да о полдни, да в вечере; а всему цена установлена, что на чом дати, а купят в вес все; а наметывает те торги торговати на гости, по городом ходити с войском со всем с тем. Что кому надобет купити, и он, заплатив цену, да возми по цареву указу. А естьли кто даром возмет, а не заплатит тое цены, что указано, ино таковому смертная казнь, и лутчаго не пощадят. А естьли тот оманет, не столко даст, как вес держит, или цену возмет не такову, болши устава царева, которому царь уставил товару цену, ино таковому смертная казнь бывает, что цареву заповедь преступает.

А кто у царя против недруга крепко стоит, играет смертною игрою, полки недруга разрывает, верно служит, хотя от
л. 78 об. меншаго колена, и он его на величество поднимает, || и имя

[15–15] *П II*; велможи *П I*. [16] *Испр.*; полни *П I, П II*. [17] *На полях помета* зри *П I, П II*; [18] *Испр.*; онаков *П I, П II*.

ему велико давает, и жалования ему много прибавливает, *р*остит[19] сердце воинником своим. А у нынешняго у царя у турецкаго Орнаут-паша Орняутъские земли полоняник был да удался против недруга крепко стояти и полки пробивати; да Короман-паша Короманские земли полоняник, для того им слава повышена, для их великия мудрости, что умеют царю служити и против недруга крепко стояти. А ведома нет, какова отца они дети, да для их мудрости царь велико на них имя положил для того, чтобы и иные такоже удавалися верно царю служити. А царь рек так во все войско свое, малому и великому: «Братие, вси есмя дети Адамовы; кто у меня верно служит и против недруга люто стоит, тот у меня и лутчей будет». Так царь рек войску своему, чтобы всякий *чес*ти[20] собе добывал и имени славнаго, и жалует жалованием своим и грозою: «Кто не хощет умрети доброю смертию, играючи с недругом смертною игрою, и он умрет же от моей опалы
л. 79 царевой смертною каз||нью, да нечестно ему будет и детем его».

А коли сам царь нейдет против недруга, и он пошлет пашу мудраго в свое место царское, да всем пашам велит его слушати и чтити, как самого себе, царя. И все у него в полку розряжены воинники по десят*ни*ком[21] и по сотником, а те сотни*ки*[22] по тысяцким, чтобы не было в полцех его татбы и розбоя, ни игры костарства и пьянства. Естьли что найдут, конь или аргамак, или платно, или что ни буди, и они не судят и ведут к болшому паши к шатру; у кого что пропало, и он найдет у шатра у болшого паши, а переем заплатит по уставу цареву, что за что довелося. А станетца татба в войску или разбой, и, нашедши что, да к шатру не отнесет, ино на таковыя лихия люди, о тате и о разбойнике обыск царев живет накрепко по десят*ни*ком[23] и по сотником и по тысяцким; и которой десятник утаит лихово человека в своем десятку, и тот десятник с тем лихим человеком казнен будет смертною казнью. А татю и разбойнику у царя у турецкого тюрмы нет,
79 об. на третей день его казнят смертною казнью для || того, чтобы лиха не множилося; лише опалным людем тюрма до обыску царева. И по городом у него те же десятцкие уставлены и сотники и тысяцкие на лихие люди, на тати и на разбойники и на ябедники. И где кого обыщут лихово человека, татя или разбойника или ябедника, тут его казнят смертною казнью; а десятник утаит лихово человека в своем десятку, и потом обыщут всею сотнею, ино та же ему смертная казнь.

---

[19] *Испр.*; чростит *П I, П II*. [20] *П II*; чти *П I*. [21] *П II*; десятком *П I*. [22] *П II*; сотни *П I*. [23] *П II*; десятком *П I*.

У царя Констянтина судили татей и разбойников и ябедников для своего зловерства в полате *и*[24] нечистаго собрания велможи его; да всем тем бога разгневили, неправыми своими суды богатели от слез и от крови неповинныя роду христианского, по языком по разбойницким, кто был у них богат, тот и виноват, да в напрасне у них люди прямые погибали, мученическия смерти приимали. А татей и розбойников на откуп пущали, нечисто избирали, во всем прелстилися и всем бога
л. 80 разгневили. Махмет || салтан списал с христианских книг ту мудрость и праведный суд да и рек так: «Почто малыя для вещи прелстилися нечисто збирати и путь царства небеснаго потеряли, во всем бога прогневали. Аще бы кому велику грамаду злата найти нечистаго собрания, и тому бог мъстит до девятого роду многими страшными знамении. А кому нечисто собрати, как богу ответ дати?».

Да написал Махмет-салтан в тайне себе: «Таковому было быти христианскому царю, во всем правда имети и за веру христианскую крепко стояти». И сам о том много мыслил с великие мудрости, хотел веру христианскую приняти от сердечныя радости и восхвалил веру христианскую: «Несть таковыя веры у бога, яко же вера христианская: где ли пойдет неверных к вере приводити и веру христианскую множити, и где войско его побьют, и над теми божия воля, то есть мученики божии последнии, тако же пострадали за веру христианскую, яко же и первии, души их во царствии небеснем и венца прияша нетленныя от господа бога».

л. 80 об. А греки || в том ослабели во всем и правду потеряли, и бога разгневили неутолимым гневом, и веру дали христианскую неверным на поругание. И[25] ныне греки хвалятся государевым царством благовернаго царя рускаго *от*[26] взятия Махметева и до сих лет. А иного царства волного христианского и закону греческаго нет, и надежу на бога держат и на то царство руское благовернаго царя руского; хвалятца им, государем волним царем. Коли на споре с латыняны латынския веры докторы спираютца з греки: «На вас, на греков, господь бог розгневался своим неутолимым гневом, яко же и на жидов, да выдал вас в неволю царю турецкому за вашу гордость за неправду. Видите, како гордым бог противитца, а за неправду гневаетца, а правда вере красота». Они же о том отказывают им и хвалятца: «Есть у нас царство волное и царь волный, благоверный государь, князь великий Иван Васильевич всея Русии, и в том царстве велико божие милосердие, знамения

[24] *П II*; с *П I*. [25] *На полях* зри *П I*, *П II*. [26] *П II*; о *П I*.

л. 81 божия, святыя новыя || чюдотворцы, милость божия от них, яко же и от первых святых, богу угодивших». Латынин[27] же рече противо их на споре: «То есть правда, и лучилося бывати в том царстве на отведывание веры христианския: ино они истинныя веры христианския, велика божия милость в той земле. Как про них молвити, про святые чюдотворцы? А они по божию милосердию истинные великие чюдотворцы, и велика[28] от них[28] благодать божия и исцеление бывает с верою приходящим. Чтобы к той истинной вере христианской да правда турецкая, ино бы с ними ангели беседовали. А к той бы правде турецкой да вера христианская, ино бы с ними ангели беседовали».

[ПЕРВОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ ФИЛОСОФОВ И ДОКТОРОВ]

В[29] Литве пишут философи и докторы латынские про государя, про благовернаго царя и великаго князя Иванна Васильевича всеа Русии, что государь зачался от великого божия милосердия и от сердечныя молитвы к богу отца и матери своея и породился от великия мудрости по знаменью небес-
81 об. ному на исполнение правды || в его царстве и на умножение веры христианския. И пишут про него философи, про государя: «Будет на него ловленье в его царстве, яко же и на благовернаго царя Констянтина ловленье с ворожбами для укроченья воинства его, укрочаючи его от воинския мудрости. И по мале времени, пишут философи и докторы, и приидет на него охула от всего царства *его*[30], от мала и до велика, и будут его, государя, хулити, не ведая его царского прирожения, и впадут в великий грех». И пишут философи и доктори: «Хулы ради царские много греха сотворят в помышлении своем; и коли его, государя, бог милостию *своею*[31] сохранит и помилует и не выдаст его на охулу, и найдет на него вскоре великая мудрость, и обличит бог пред ним вся враги его, да и буд*ут*[32] каятися о гресех своих пред богом сердечными слезами, увидевше таковую мудрость царскую, от бога прироженную, да и сами тому велми удивятца».

А стол царский пишетца в Новеграде в Нижнем, а Москва
л. 82 стол великому княжеству. || Да[33] философи же пишут и докторы: «Любя господь бог веру христианскую, и он таковаго царя создал мудраго воина, благовернаго и великаго царя Ивана Васильевича всеа Русии, от сердечных молитв к богу

[27] *На полях* зри *П I.* [28–28] *Повторено дважды П I.* [29] *На полях* зри *П I.* [30] *П II*; твоею *П I.* [31] *П II*; *нет П I.* [32] *П II*; будет *П I.* [33] *На полях* зри *П I.*

отца его, государя великаго князя, самодержьца рускаго царства, благовернаго великого князя Василья Ивановича всеа Русии, и матери его сердечные молитвы благоверные великие княини Елены о умножении плода царского». И так про него, про государя, пишут, про благовернаго великаго царя Ивана Васильевича всеа Русии, что он божиею помощию Казанское царство возмет своим мудрым воинством, да и крестит, да будут осмь градов християнских славных на все царства. И тако пишут философи и доктори, что он будет, государь, многолетен во здравстве на царстве своем.

[МАЛАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ]

Государю[33], благоверному великому царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии бьет челом холоп твой государев Ивашко Семенов сын Пересветова, чтобы еси, государь, пожаловал *меня* [34] холопа своего, велел службишка *моего* [34] посмотрити.

л. 82 об. Коли || есми выехал на твое государево имя, и вывез есми образец тое службы к тобе, к государю; и тот образец службы моей пред тобой, пред государем, клали. И ты, государь, образцы службы моей смотрил, и Михайлу Юрьевичю меня, холопа своего, приказал, и образец службы моей Михайлу же дал. И Михайло Юрьевич, образца посмотрив, и тебе, государю великому царю, службу мою похвалил, и обо мне тебе, государю, печаловал*ся*[35]. Делати было мне, государь, щиты гусарские доброго мужа [36] ко*сая* саже*нь* [36], с клеем и с кожею, с сырицею, с красками и с рожны железными; а те щиты, государь, с македонскаго образца. А делати их в ветляном древе легко добре и крепко; один человек с щытом, где хочет, туды течет и на коне мчит[37], и в поле те щиты забор*о*на[38] место: стрел*а*[39] з ближные *цели*[40] неймет, а пищаль з далные *цели*[41] неймет ручная; из-за тех щитов в поле с недругом добро битися огненною стрелбою ис пищалей и из затинных, как ||
л. 83 з города. И приказал бы еси, государь, Михайлу Юрьевичю дати мне плотников к тому делу и иных мастеров, которые мне [42] надоб*е к тому делу*[42]. Да и из-за тех же щитов, государь, на Волге, не похочет недруг воинъством своим берега дати, ино мощно у него твоим воинником из-за тех щитов берег взяти.

[34–34] *Об*; *нет П I, П II.* [35] *Об*; печаловал *П I, П II.* [36–36] *Об*; косые сажени *П I, П II.* [37] *П II, Об*; носит *П I.* [38] *Об*; загорода *П I, П II.* [39] *Об*; стрелами *П I, П II.* [40] *Испр.*; приметы *П I, П II*; делы *Об* [41] *Об*; приметы *П I, П II.* [42–42] *Об*; надобет *П I*; надобе *П II.*

И [43] Михайла, государь, Юрьевича борзо в животе не стало, въскоре преставися. И та, государь, служба моя задлялася. Как тебе, государю, надобет ли службишко мое? А выезду моему, государь, одиннатцать лет. А яз тебя, государя благовернаго царя, доступити не могу; а яз тобе, государю, говорю н*а* [44] собя для твоего [45] царскаго мудраго воинства, чтобы моя служба не замерла за мною; а тебе то, государь, вскоре надобе на недруги твои. А велел бы еси, государь, делати щиты на 300 человек, да велел бы еси, государь, на 300 коней юнадцких *делати* [46] щиты же, которые горазди играти смертною игрою
83 об. против недруга за веру крестьянскую || и за тобя, государя великаго царя. Служил есми, государь, у угорского короля, *Вь*януша [47], на Бузыне граде службу дворянскую на шесть коней, а имал есми, государь, на всякий конь по семи золотых на двенатцать недель; а был есми, государь, там 3 годы в полку с [48] Федриком с *Сопежничим* [48]. Было, государь, нас 300 дворян королевских, короля польского. А [49] ездил*и* есм*я* [49] служити с королевскаго ведома ко угорскому королю. И яз, государь, те щиты там видел гусарскии с [50] образца с македонскаго [50]. Да служил есми, государь, че*тск*ому [51] королю Фордыналу дворянскую службу на семь коней, а имал есми, государь, на всякий конь по семи золотых на двенатцать недель. Было нас, дворян полского короля, 500; а был у нас гетман пан Андрей Точинской, староста был *Бел*ский [52]. И служили есми, государь, у короля у ческого три же годы с ведома полского короля, и грамоты его с нами были. И оставя там дворянскую службу, выехал есми на твое царское имя.
л. 84 Слышел от многих мудрецов, что || быти тебе, *государю* [46] великому царю по небесному знамению. И ты был, государь, своим царским жалованием, поместьем, пожаловал меня, холопа своего, гораздно. А с собою собинки вывез есми был гораздно же.

И твое государево жалование, поместье, от великих людей от обид нарядили пусто, а яз тобя, государя благовернаго царя, доступити не мо*гу* [53] пожаловатися на них; да и собинку есми, государь, истерял, что вывез с собою ис королевств, в моих, государь, обидах и в волоките все пропало. А службы твои государевы всякие служу, с Москвы на службу, а с службы к Москве, а в поместье, в твоем, государь, жалованье, не дадут пожити ни часу недрузи; нас, государь, приезжих людей.

---

[43] *На полях* зри *П I*. [44] *Об*; не *П I, П II*. [45] *Об*; *далее* для *П I, П II*. [46] *П II*; *Об*; *нет П I*. [47] *Об*; у Януша *П II, П I*. [48–48] *Об*; Фендриком Скопижичем *П I, ПII*. [49–49] *Об*; ездил есми *П I, П II*. [50–50] *Об*; образцы с македонскими *П I, П II*. [51] *Об*; честному *П I*; чесному *П II*. [52] *Об*; ский *П I, П II*. [53] *П II*; мощно *П I*; мочно *Об*.

не любят. А ныне, государь, от обид и от волокиты наг и бос и пеш. Служил есми, государь, трем королем, а такой обиды ни в котором королевстве не видал. Что есми был с собою собин*ки*[54] вывез, то все здесь потерял во обидах и в волокитах с Москвы на службу, а с службы к Москве. А тобя, государя
л. 84 об. благовернаго великаго царя, || доступити не мощно[55].

Государь благоверный, великий царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии! Умилосердися, обыщи своим царским обыском и оборони от насилства силных людей, чтобы холоп твой государев до конца не загиб и службы твоей царской не отстал. А яз, холоп твой государев, слышачи про твое мудрое воинство и счастливое, ехал к тебе, к государю, нароком твоей для мудрости, и оставя королевские службы богатые.

[КРАТКАЯ КОНЦОВКА]

Рек Махмет-салтан своим пашам и сеитам: «Не приказал бог велможам и воинником давати власти судити праведнаго суда и казны царевы забирати. Велел бог от премудрости великия человека избрав мудраго, и ему приказати царева казна збирати и праведный суд судити, кто б неповинно не судил рода человеческаго, крови б и слез не пролил, на мъзду бы не утекся и тем бога не разгневал. Бог любит правду силнее всего. Греки с праведнаго суда совратилися, за то их господь бог покорил. То есть и велможа, кто в чем великая мудрость, и казны б царевы не осквернил ничем, и тако учинил правду и по собе бывшим». ||

[БОЛЬШАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ]

л. 85 Аще ли котораго царя мудрость его прироженная воинская оминет, и придет на него великая кротость, то есть уловление от врагов его, не будет царь мыслити о воинстве, ни о управе в царстве своем, будет веселитися с теми, которые ему сердце разжигают вражбами и многими прелестными путми; а на воинники своя великия кручины напустит и на все царство свое и неутолимыя беды великия от велмож своих, да ничто же ему будет мило, ни ксторыя мудрости, ни воинския, ни жития царства того; и которыя мудрости воинския будут до него приходити или о его царском прироженки мудром, и начнет ставити их ни за что[56].

Тако рек Петр волоский воевода: «Естьли хотети мудрости царской, отведати о воинстве и о уставе жития царского,

---

[54] *Об*; собины *П I, П II.* [55] *На полях* зри *П I.* [56] *Абзаца нет Об.*

ино прочести взятье Цареградское[57] до конца, да не пощадити собя ни в чем, да тамо найдет всю помощь божию. Бог помогает не ленивым, но кто труды приимает и бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведен суд судит: правда
л. 85 об. богу сердечная радость, || а царю великая мудрость».

Приметил есми, государь, Петра, волоского воеводу, был тобе, государю, великий доброхот и царству твоему; и яз, государь, потому, слышав те речи у него, переписав, вывез к тебе, к государю, служачи тебе, как тебе, государю, полюбитца службишко мое, холопа твоего.

И рече волоский воевода Петр: «Ленилися греки за крестьянскую веру крепко стояти против неверных, и они ныне неволею бусурманскую веру боронят от находу. Царь турецкой у греков и у сербов дети отъимает на седмой год на воинскую науку и в свою веру ставит; они же, з детми своими розставаючися, великим плачем плачют, да ничто же собе не пособят».

Государю благоверному, великому царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси бьет челом холоп твой государев, выезжей из Литвы Ивашко Семенов сын Пересветова. Вывез есми к тебе, к государю, речи изо многих королевств государския и от Петра воеводы волоского, и дела твои царские. И те, государь, речи и дела легли в твоей казне государеве, а меня, холопа своего, за те речи и за дела велел еси,
л. 86 государь, го||раздо пожаловати. И по приказу твоему государеву яз, холоп твой, гораздо пожалован. А те, государь, речи и дела и до сех мест перед тобою, государем, не были. Ино, государ, противень тех речей перед тобою, пер*ед*[58] государем, а дела твои государевы у меня службы моей. А в тех, государь, королевствах твоему царскому прироженiю и знаменью небесному велми дивилися и возхвалили, и возславили мудрыи философы греческия и докторы латынския, и рекли так про те речи: «Годитца таковому[58а] государю воинскому, от бога мудрому прироженному, таковыя речи златом разписати и при собе на многа лета држати и после собя иному царю оставити таковыя дела и славу свою царскую».

А яз, государь, те речи достал в тех королевствах у мудрых людей. Как тебе, государю, полюбитца службишко мое, холопа твоего? А яз, государь, с теми речами выехал из Литвы, уже тому одиннатцать лет минуло, служачи тебе, благоверному царю, верно, поминая своих пращур и прадед, как слу-
л. 86 об. жили верно государем руским великим князем, твоим || пращуром и прадедом, Пересвет и Ослебя в черньцох и в схимех

---

[57] *П II*; Цареградского *П I*; градское *Об.* [58] *П II*; пере *П I*; *пред Об.*
[58а] *П II*; тасковому *П I*.

с благословением Сергия чюдотворца на Донском побоище при великом князе Дмитрее Ивановиче за веру христианскую и за святыя церкви и за честь государеву пострадали и главы своя положили. А яз, холоп твой, на то же выехал на твое имя царево во всем тебе, государю, верно служити, сколко бог поможет.

Пишут о тебе, о государе, мудрыя философы, о благоверном великом царе, что будет о государе, о тебе, слава великая ввеки, яко же о цесари Августе и о царе Александре Македонском, тако же и о тебе, о государе, те мудрыя философы пишут и о воинстве твоем и о мудрости великой твоей. Да и то начитают в мудрых книгах своих, кое введешь правду великую в царство свое и утешишь бога сердечною радостию. И так начитают мудрыя философы, что не будет таковыя правды ни под всею подсолнечною, яко в твоем царстве государеве, от твоей мудрости великой и грозы государевой лукавыя судьи
л. 87 яко от сна проснутся, да и по||срамятся дел своих лукавых, да будут и сами о том себе дивитись, что лукаво судили, а нечисто собирали, богу велико согрешали безчисленно.

Ино так пишут о тебе, о государе: ты — государь грозный, мудрый, грешных на покаяние приведешь и правду в царстве своем введешь и богу сердечную радость воздаси. Ко Августу цесарю во убогом образе пришел воинник и принес к нему великия мудрости воинския, и он его про то пожаловал, держал его блиско себя и род его. А к царю Александру во убогом образе пришел воинник с великою мудростию воинскою. От богатых мудрость воинская не починается николи, хотя и богатырь обогатеет, и он обленивеет: богатый любит упокой, — воинника всегда чередити, яко сокола, сердце ему веселити, ни в чем на него кручины не допустити.

А яз, холоп твой, Ивашко Пересветов, одиннатцать лет минуло, не могу доступити тобя, государя благовернаго великаго царя: кому ни дам память, и они до тобя, до государя, не донесут велможи твои. А на приезде, государь, приказал еси меня, холопа своего, боярину своему Михайлу Юрьевичю
л. 87 об. беречи во || всем. И вскоре, государь, после твоего государева приказу Михайло Юрьевич преставися, а яз, государь, без приказу и до сех мест живу, тобя, государя, доступити не могу побити челом о приказе. А приезжему человеку без приказа и без бережения прожити не мочно в твоем царстве государеве. И доступил есми тобя, государя, у праздника в церкви на рожество пресвятыя богородица, и подал есми тебе, государю, две книжки с твоими речми царскими, что есми вывез их из ыных королевств, служачи тобе, государю благовер-

ному, великому царю. И ты, государь, меня, холопа своего, не приказал никому. И будет тебе, государю великому царю, не полюбится службишко мое и речи, что яз вывез из ыных земель и королевств, слышав от многих мудрых людей и доктор и философ про твое царское от бога мудрое прирожение, как пишут о тебе, великом царе, по небесному знамянию и о твоем царстве и о мудром воинстве: беречи веры христианския и умножати, и неверных к вере приводити, и славу божию возвышати, и правду в царство свое ввести, и богу сердеч-
л. 88 ную радость воздати, — и ты, государь, те книжки || обе мне вели отдати назад. Да и сю, государь, книжку вели мне же отдати, прочетши, толко тебе, государю благоверному царю, не полюбитца.

Ехал есми, государь, из Угор на Волоскую землю и был есми пять месяц у Петра, у воеводы у волоского, в *Сочаве*[59]. И он про тебя, государя, про великаго царя благовернаго, и про твое царство говорит государево на всяк день, и у бога просит умножения веры крестьянския. И он говорит: «Такова была вера греческая силна, и мы ся ею хвалили, а ныне руским царством хвалимся». А говорит так: «Боже! Соблюди ея от неверных и от ереси всякия». Да того не хвалит, что крест целуют, да изменяют — то есть великая ересь, что за веру христианскую не стоят и государю верно не служат. Да и того не хвалит, что особную войну на свое царство напущает; дает городы и волости держати велможам, и велможи от слез и от крови роду христианского богатеют нечистым собранием, и как съедут с кормленей з городов и с волостей, и во обидах присужают поля. И в том на обе стороны много греха сотворяют, крест целуют на виновате обои исцы, [60]*и*
л. 88 об. ище*я* и ответчи*к*[60]: один, || приложив, ищет к своей обиде, а другой всее обиды запрется, и в том обои в гресех погибают, и в великую ересь впадают, и на бога хулу кладут, не крепко крестное целование держат; тем бога всем велми гневят; чим вера христианская укреплена, а они того крепко не держат.

Так говорит волоский воевода Петр про перваго царя турецкаго Махмет-салтана: «Неверный царь богоугодная учинил, великую мудрость и правду в царство свое ввел, по всему царству своему розослал верныи свои судья, пооброчивши их из казны своим жалованием, чем им мочно прожити з году на год. А суд дал полатный во все царство судити без противня, а присуд велел имати на собя в казну, чтобы не искушалися и в грех не впадали и бога не разгневили. А какова велможу

---

[59] *Об*; Чосаве *П I, П II*. [60–60] *Об*; ищеи и ответчики *П I*; и ответчики *П II*.

пожалует за его верную службу каким городом или волостию, и он пошлет к судьям своим и велит ему по доходному списку из казны выдати вдруг. А просудится судья, ино им пишется такова смерть по уставу Махметеву: взведет его *высоко*[61] да и пхнет его взашею[62] надол, да речет так: «Не умел еси в доб-
л. 89 рой славе быти и верно государю служити». А иных || живых одирают, да речет так: «Как обростешь телом, отдаст ти ся вина». По уставу Махметеву с великою грозою мудрою и нынешни цари живут; а виноватым смерти розписаны; а нашедши виноватого, не пощадити и лутчаго; а казнят их[63] противу дел их, да рекут так: «И от бога написано, комуждо по делом его».

Да[64] так говорит волоский воевода: «Знаменуется в мудрых книгах, пишут философи и доктори о благоверном великом царе о руском и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии, что будет у него в его царстве такова великая мудрость и правда и гроза неправедным судьям от его мудрости великия, от бога прироженныя».

Так говорит волоский воевода про руское царство, что велможи руского царя сами богатеют и ленивеют, а царство его оскужают, и тем они слуги ему называются, что цветно и конно и людно выезжают на службу его, а крепко за веру христианскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тем богу лжут и государю.

Ино так говорит волоский воевода: «Что их много, коли у них сердца нет доброго, и смерти ся боят и не хотят умрети ||
л. 89 об. за веру христианскую, и как бы им не умирати. Всегды богатый о войне не мыслит, мыслит о упокои; хотя и богатырь обогатеет, и он обленивеет».

Так говорит волоский воевода: «Воина держати, как сокола чередити, и всегда ему сердце веселити, а ни в чем на него кручины не допустити».

Ино так говорит волоский воевода: «Таковому силному государю годитца со всего царства своего доходы к собе в казну имати и из казны своея воинником сердца веселити; ино казне его конца не будет, и царство его не оскудеет. Который воинник лют будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру христианскую стояти, ино таковым воинником имян[65] возвышати и сердца им веселити, и жалования из казны своей государевой прибавливати; и иным воинником сердца возвращати, и к собе их припущати блиско, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем,

---

[61] *Об*; на высоко кат *П I*; высокий скат *П II*. [62] *Об*; взашъю *П I*; взашию *П II*. [63] *На полях* зри *Об*. [64] *На полях* зри *П I*. [65] имяна *П II*.

и любити их, яко отцу детей своих, и быти до них щедру: щедрая рука николи не оскудевает и славу царю собирает, что царю щедрость к воинником, то его и мудрость».

А про тобя, про государя, про великого царя благовернаго, л. 90 волоский воевода || говорит: «Таковому государю годится держати 20 000 юнаков храбрых со огненною стрелбою, гораздо учиненою, и стояли бы поляницы с украины на поле при крепостех от недруга, от крымского царя, изоборочивши их из казны своим жалованьем государским годовым; и они навыкнут в поле жити и недруга его, крымского царя, воевати. Ино та ему 20 000 лутчи будет ста тысящ, а украины его все будут богаты и не оскужены от недругов. А мочно ему, таковому силному царю, то все учинити».

Так[66] говорит Петр, волоский воевода, про греческое царство: «Велможи греческия при царе Констянтине Ивановиче царством обладали, и крестное целование ни во что же ставили, изъменяли, и царство измытарили своими неправыми суды, и от слез и от крови христианской богатство свое наполнили нечистым собранием, и сами обленивели за веру христианскую[67] крепко стояти, и царя укротили от воинства своими вражбами и прелестными путми ерестными и чародействы; и тем царство греческое, и веру христианскую[67], л. 90 об. и красоту церковную выдали иноплемянником || турком на поругание. А ныне сами греки за свою гордость и за беззаконие и за ленивство свое[68] веру христианскую у царя у турецкого откупают, великие оброки дают царю турецкому, а сами в неволи у царя у турецкого за свою гордость и за ленивство. Греки и сербы наймуются овец пасти и верблудов у турков; и лутчия греки, и они торгуют».

Говорит волоский воевода с великими слезами про ту веру христианскую руского царства и просит у бога всегда умножения веры христианския от восточнаго царства, от руского царя благовернаго великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии. Тем ся царство руским и ныне хвалит вся греческая вера, и надеются от бога великого милосердия и помощи божия свободитися руским царем от насилства турецкого царя иноплемянника.

И говорит волоский воевода: «Таковое царство великое, силное и славное и всем богатое, царство московское, есть ли в том царстве правда?» Ино у него служил москвитин Васка

---

[66] *На полях* зри *П I, Об.* [67—67] не стояли *Об.* [68] В *Об далее* (*лл. 349—351*) навеки. И тако речет волоский всевода: «которая земля... и нет им» (*П I*, лл 95—96). *Этот текст пропущен в Об на л. 365, где он должен был быть по смыслу.*

Мерцалов, и он того вопрашивал: «Ты гораздо знаеш про то
л. 91 царство московское, скажи ми подли||нно». И он стал сказывати Петру волоскому воеводе: «Вера, *государь*[69], христианская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет». И к тому Петр-воевода заплакал и рек так: «Коли правды нет, то всего нет». Да тако рек воевода волоский: «Истинная правда Христос есть, возсияет на вся небесныя высоты и на земныя широты и на преисподняя глубины многочисленно светлее солнца, вся ему колена поклоняются небесная и земная и преисподняя, и вся его святое имя восхвалили и возславили, яко свят господь бог, силен, и крепок, и безсмертен, и велик бог христианский, и чюдна дела его, долготерпелив и многомилостив. И в котором царстве правда, в том и бог пребывает, и помощь свою святую велику давает, и гнев божий не воздвигается на то царство. Правды силние в божественнем писании несть. Правда [70] *богу* и [70] отцу сердечная радость, а царю великая мудрость и сила. Помилуй, господи, веры христианския от неправды их. Так брался диявол всеми неправдами з греки, не любя веры христианския для того, что христианская вера богу люба, всех вер лутчи,
л. 91 об. бог ея || любит, и диявол изсилел всякою неправдою». Ино ныне пишут мудрыя философи и докторы о благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии, что он будет мудр и введет правду в свое царство.

И так говорит волоский воевода и просит у бога милости, моляся: «Боже! Дай милосердие свое великое, чтобы та его мудрость не оминула великого царя благовернаго; и толко бы по нашим грехом да не то царство руское осталося, и просияло верою христианскою волное царство. Ино нам нечем говорити греческой вере, яко жидом и арменом, что нет у них волного царя и царства волного нет у них; а мы тем царством руским и царем волным христианским греческой вере хвалимся. И так рек волоский воевода: «Поблюди, господи, на многа лета и на умножение веры христианския».

А о том велми дивится Петр, воевода волоский, говорит так: «Великий государь и силный царь благоверный таковыя великия досады терпит от своего недруга, от казанского царя, то ему пущей недруг казанский царь, и не надобает так ему много терпети. Так был Махмет-салтан, царь турецкий, ||
л. 92 к Царюграду дань давал благоверным царем, жил в великом смирении безбранно; а отец его разбойник был на море и турецкую землю осилел и засел, и потом грех ради наших Махмет-

---

[69] *П II, Об*; *нет П I.* [70–70] *Об*; бо *П I*; богу *П II.*

салтан, турецкий царь, разбойнический род, осилел, и Царьгород взял, и благовернаго царя Констянтина потребил, и вере христианской поругался, и красоту церковную обезчестил [71], звоны церковныя поотъимал, и кресты с церквей поснимал, и образы чюдотворныя из церквей повыносил, и в церквах мезгити поделал на свои скверныя молитвы».

И Петр волоский воевода, так говорил и бога молил: «Боже! Буди милостив над руским царем благоверным великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии и над царством его, да не уловили бы его так же велможи его враждбою от ереси своей и лукавством своим [72], великаго богатства ленивством своим, да не укротили бы его от воинства, боящися смерти, яко богатым и не умирати. Яко же благовернаго царя Констянтина Ивановича Царяграда велможи укротили от воинства враждбою и от ереси своея и ленивства ради лукавством своим; и они царство благоверное потеряли и царя бла-
л. 92 об. говернаго Констянтина потребили || иноплеменническим мечем». Изначала [73] не хвалят мудрыя философи, что которыя велможеством к царю приближается не от воинския выслуги, ни от инныя от которыя мудрости, ино про тех мудрыя философи говорят так: «То есть чародеи и ересники, у царя счастие отъимают и мудрость царскую, и к собе царское сердце зажигают ересию и чародейством, и воинство кротяг». И то говорит волоский воевода: «Таковых подобает огнем жещи и инные лютые смерти им давати, чтобы зла не множилося; без лица им вина, что воинство у царя кротят и мысль царскую отъимают. А царю без воинства не мочно быти: ангели божии небесныя силы, и те ни на един час пламеннаго оружия из рук своих не *ис*пущают [74], стрегут рода человеческаго от всякия пакости от Адама и до сего [75] часу, а царю земному как без воинства быти? Воинниками царь силен и славен. Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на царстве своем, а до воинников быти, яко отцу до детей своих, щедру. Что царская щедрость до воинников, то его и мудрость: щедрая рука николи же не оскудеет и славу собе велику собирает». ||
л. 93 Да [76] так рек Петр волоский воевода: «У благовернаго царя Констянтина в Цареграде воинники оскудели и обнищали, а мытари богатели. А инныя воинники, видячи то непризор [77] благовернаго царя к воинству, и они, оставивше воинство, да на мытарства же прелщалися, и царство царя Констянтина оскужали и казну цареву. А сами мытари богатели: *и пошлют*

---

[71] *П II*; безчестил *П I*; обещестил *Об.* [72] *П II, Об*; ствоим *П I.* [73] *На полях* зри *П I, П II.* [74] *П II, Об*; пущают *П I.* [75] *Далее* дне и *Об.* [76] *На полях* зри *П II.* [77] непризрение *П II*; непризорство *Об, П II.*

коего же збирати царьския казны[78], ино государю где в казну взяти царскую 10 рублев, и оне на царя возмут 10 рублев, а на собя 100 рублев. А кто их посылал, велможи царские, и те с ними, мытари, делилися, а царство благовернаго царя Констянтина оскужали и казну цареву, а сами богатели от крови и от слез роду христианского. А велможи друг о друзе печаловалися царю Констянтину о кормленьях и о городех и о наместничестве, яко гладныя псы, хистяся на кровь и на слезы рода христианского. А царь всю их волю чинил, и во всем им сердце веселил, и особную войну на царство свое напущал, велмож своих, и всем бога разгневал».

Да так рек волоский воевода: «Суд был греческий непра-
л. 93 об. веден, а купля их была не||чиста: купец не умел товару своему цену уставити; *перво душу продаст тоже и товар продаст*[78]. Нечисто собрание их было. А велможи царския на городех и на волостях домышлялися лукавством своим и дьяволским прелщением мортвых из гробов новопогребеных выгребати татем и гробы тощи загребати; да того мертвого человека рогатиною исколовши, или саблею изсекши, да кровию измажут, да богатого человека в дом подкинут, да исца ему ябедника поставят, который бога нимало не знает, да осудивши его неправым судом, да подворье его и богатство со з дом разграбят. Нечисто богатели дьволским прелщением, а царевой грозы к ним не было, всем бога гневили и поучения божия и святых отец забывали. Ино про то господь бог разгневася на них неутолимым гневом своим, послал на них плен инеплемянника Махмет-салтана, турецкаго царя, от ниского колена разбойниче-
л. 94 скаго рода. И Махмет-салтан потребивши царя Кон||стянтина и вземши веру христианскую собе в помощь, богом выдана грех ради их и гордости, что они мир от царя отбивали и жалобников к царю не припущали. И управы в царстве Констянтинове никому не бывало от велмож Констянтиновых; а они, велможи, *сами*[78] обиду велику в царстве делали и царство оскужали, — то они не мир отбивали от царя и не жалобников, отбивали они от царя божие милосердие, да и отбили».

И так рек волоский воевода со слезами о вере христианстей: «По грехом по нашим стало, что впали есмя неверному в неволю иноплеменнику для беззакония *великаго*[78] греческаго, что греки тмы для да свет оставили, во всем в ересь впали и бога разгневили неутолимым гневом. Ино неверный иноплеменник да познал силу божию, Махмет-салтан, царь турецкий, взя*в*[79] Царьград и уставил[80] праведен суд, что бог

---

[78] *Об*; *нет П I, П II.* [79] *Об*; взялв *П I*; взял *П II.* [80] *Об*; управил *П I, П II.*

любит, во всем царстве своем, и утешил бога сердечною радо-
94 об. стию, и за то ему бог помогает, многие || царства обладал.
И он бо великую правду в царство свое ввел, и купцом куплю
уставил, и купити и продати единым словом, хотя на тысящу
рублев. Да рек так: «Делайте правду в царстве моем, богом
данном; видите то, еже бог любит правду, *а*[80a] за неправду гне-
ваетца неутолимым гневом своим, да мне, малому царю,
выдал великаго царя; держитеся заповеди божия, доволни
будете от поту лица своего, яко отцу нашему первому бог
заповедал Адаму, создав его, и дал ему всю землю в помощь
его, и велел делати землю, и в поте лица ясти хлеб; и Адам
заповедь божию исполнил; и нам такоже подобает во всем
бога послушати и правдою сердечною ему радость воздати».

Тако рек волоский воевода: «Не веру бог любит, правду.
Истинная правда Христос бог наш, сын божий возлюбленный,
в троицы един*ой*[81], в божестве неразделим*ом*[82], едино боже-
ство и сила; да оставил нам еуангелие правду, любя веру
христианскую надо всеми верами, и указал путь царства
л. 95 небеснаго || в еуангелии. И греки еуангелие чли, а иные слу-
шали, а воли божии не творили, на бога хулу положили
и в ересь впали. И во всем их дьявол прелстил, велмож Кон-
стянтиновых, всю его волю дьяволскую творили, во всем бога
прогневали, сами прелстилися и царство Констянтиново все на
прелщение привели, и поработили род христианский те же
прелестники, дьяволскую волю творячи. Коли Адама господь
бог изгнал из раю, а он заповедь божию преступил, и тогда
дьявол его искусил и запись на него взял. И Адам был навеки
погибл, и господь бог милосердие свое учинил, волною стра-
стию своею святою Адама извел изо ада и запись изодрал.
И един бог над всею вселенною, и то есть, которыя записы-
вают людей в работу ввеки, прелщают, дьяволу угожают,
и которыя прелщаются для светлыя ризы да ввеки записы-
ваются в работу, те оба погибают навеки».

И тако рек волоский воевода: «Которая земля порабощена,
95 об. в той земле все зло сотворя||ется: и татба, и разбой, и обида,
и всему царьству оскужение великое, всем бога гневят,
а дьяволу угожают. Ино у благовернаго царя Констянтина
велможи его всем тем беззаконием исполнилися и бога раз-
гневили, ино от них живыя мертвым завидели, а волныя пора-
бощенн*ым*[83] от велмож Констянтиновых[83a]. А благовернаго
царя Констянтина осетили кудесы и вражбами и уловили,

[80a] *П II, Об*; *нет П I.* [81] *Об*; единый *П I, П II.* [82] *Об*; неразделимый *П I, П II.* [83] *П II, Об*; порабощенны *П I.* [83a] *На полях* зри *П I.*

и мудрость от него воинскую отлучили, и богатырство его укротили, и меч царский воинъский отпустили, и учинили его в безпутном житии. Именем было царским не мочно прожить никому, ни главы из дому не выклонити, ни версты переехати от бед и от обид велмож его: все царство заложилося за велмож его, и слыли их имянем для прожитку, ждучи мудрости царския, и не дождали. А то греки забыли, яко знамение господь бог показал над Фараоном, царем египетским, морем
л. 96 потопил его || и велмож его для того, что он израилтян поработил. Ино знамение велико от бога, что бог гордости не любит и порабощения. А греки за то же погибли, за гордость и за порабощение. А израилтяне умножилися и возгордели, и бога забыли, и погибли в неволю и в разсеянии, и нет им царства волного и царя, и не познали сына божия Христа, царя небеснаго, сердце их окаменнело в гордости. И рек волоский воевода: «Все видячи, да погибают, иже гордым бог противится и неутолимый гнев на них напущает вовеки за неправду, а правду бог любит силнее всего. Турецкий царь Махметсалтан великую правду в царство свое ввел, иноплемянник, да сердечную радость богу воздал; да к той бы правде да вера христианския, ино бы с ними ангели беседовали».

Да рек Петр, волоский воевода, про Казанское царство: «Естьли хотети взем бога на помощ Казанского царства добывати, ино собя ни в чем не пощадети, послати войско на
л. 96 об. Казань, возрастивши сердца воинником своим царским || жалованьем и ласкотою[84] и приветом добрым; а иныя воинники удалыя послати на улусы на казанския, да велети их жечи и людей сечи и пленити. Да бог помилует и помощь свою святую даст извоевати их да и крестити, то и крепко. А слышал есми про тую землю, про Казанское царство, у многих воинников, которые в царстве Казанском бывали, что про нее говорят, применяют ея к подрайской земле угодьем великим. Да тому велми дивимся, что таковая землица не великая, велми угодная, у таковаго великаго, силнаго царя под пазухою, а не в дружбе, а он ей долго терпит и кручину от них великую приимает; хотя бы таковая землица угодная и в дружбе была, ино было ей не мочно терпети за такое угодье.

Государь[85] благоверный и великий царь и князь великий Иван Васильевич всеа Русии. Был есми в Сочаве у Петра, у воеводы у волоского, 5 месяц, холоп Иванец Семенов сын
л. 97 Пересветов, || и видел есми его мудрость великую, и те речи говорил от наученныя мудрости философския, занеже, госу-

---

[84] *Об*; ласкою *П I, П II.* [85] *На полях* зри *П I, Об.*

дарь, сам воевода Петр ученый философ и доктор мудрый
был, и ему служили многия люди мудрыя философи и док-
тори. И он, государь, начитал на мудрых своих книгах с сво-
ими докторы и с философы мудрыми по твое царское приро-
жение по небесному знамению, что быти тобе, царю великому,
и покорит бог недрузи твои тобе, государю; и божиею помо-
щию дочлися в книгах, что обладати тебе, государю, многими
царствы.

Толко, государь, то начинают в своих мудрых книгах
в войдоцеях[86], что будет на тобя, государя, ловленье, яко же
на царя Констянтина цареградского, от ворожеб и от кудес,
то знаменуется у них укрочение воинству твоему мудрому:
будут доходити велможи твои любви твоея царския с ворож-
бами и с кудесы прелестными путми не по роду, ни по чину,
л. 97 ни по воинству, ни по мудрости, || которая бы мудрость при-
годилася тобе, государю, к славе твоей царской в твоем
царстве государеве. И то они начитают, что теми кудесы
и ворожбами твою мудрость, от бога прироженную, и счастие
отлучают и воинство твое кротят, к чему тебя, благовернаго
великаго царя, бог природил, а к собе твое сердце государево
царево розжигают великою любовию, и не можеш без них
ни часу быти. И видел есми, государь, что Петр волоский вое-
вода, став пред образом пречистыя владычица нашея богоро-
дица, помолился со слезами о твоем многолетном здравии
и, чтобы господь бог совершил твое царское от бога мудрое
прирожение к воинству и счасливое во умножение веры хри-
стианския и во исполнение правды в царстве твоем, как им
их книги указуют о твоем царском прирожении по небесному
знамению, и от ловленья вражебнаго твоих велмож и от кудес
л. 98 всяких прелестных[87] их || путей[88] бог избавил своею святою
великою милостию, чтобы его не оминуло царское от бога
мудрое прирожение и счасливое к воинству, к чему его бог
природил. Да так рек волоский воевода: «*Т*олко[89] его бог со-
блюдет от того ловленья велмож его, ино таковаго царя под
всею подсолнечною не будет, мудраго воина и счасливаго
к воинству, и введет в царство свое великую правду, и за то
ему господь бог многие царства покорит».

А меня, холопа твоего, Ивашка Семенова сына Пересве-
това, уймал Петр волоский воевода, у собя служити, и яз,
холоп твой государев, слышачи таковыя речи у мудрых людей,
у великих и у многих докторов и философ, про тебя, великаго

---

[86] видоцесах *Об.* [87] ересных *Об.* [88] путь *Об.* [89] *П II*; столко *П I*; *Н* толико *Об.*

государя, и про твое царское от бога мудрое прирожение и счасливое к воинству, и оставив [90] службы богатыя и безкручинныя, ехал к тебе, государю благоверному великому царю, с теми речми и з делы воинскими служити. Как тебе, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего?



[90] *Об*; оставил *П I, П II.*



ХРОНОГРАФИЧЕСКИЙ ИЗВОД ПОВЕСТИ О ПАДЕНИИ ЦАРЬГРАДА И СОЧИНЕНИЙ ПЕРЕСВЕТОВА ПО УВАРОВСКОМУ II СПИСКУ

[ПОВЕСТЬ О ПАДЕНИИ ЦАРЬГРАДА]

488 об. О взятии Царьграда от безбожнаго Магмета Амуратова сына, Турскаго царя, еже при Констянтине царе сыне Мануилове

В лето 6961-го, в царство благочестиваго царя Костянтина, сына Мануилова, а при великом княжении Московском Василия Василиевича и при Ионе митрополите Московском и всеа Русии, и при патриарсе Анастасии Царяграда, царь Магмет-салтан турской, сын Амуратов, праправнук Аркана, царя Ачамискаго всю страну Греческую поплени и на Царствующий град, аки звероядный волк, яростию дыхая, приде, грех ради наших, богу попущающу, декабря в 1 *день* [1], со множест-
л. 489 вом вой по суху и по морю, и люто устремися || и брань воздвиже. Царь же Констянтин, посылая к Магметю послы, прося смирения, он же не брег, но паче на ярость подвизавшеся и повелевая со всех стран ко стенам града приступати. Людие же сущии в граде недоумевахуся, что сотворити, бе бо агарян много зело. И сего *ради* [2] беспрестанно по 13 дней турки пременяющеся приступающе ко стенам града. В 14 день вси безбожнии турки приготовишася на разхищение града и приступиша со всех стран ко граду со многоразличными козньми и со всякими стенобитными устроении с пушками и стрелами тмочисленными. Гражаня же от безчисленных стрел не могущи на стенах стояти, но западше лежаху, ждуще егда на стену возступят, и елико же мощно много побивающе безбожных турок из пищалей и пушек. Патриарх же Анастасий со всем священным собором в велицей церкви со слезами молящеся богу о избавлении града, царь же Констянтин непрестанно обходя по всему граду, понужая люди, дающу ему надежду на бога. Егда же безбожники взыдоша на стены града, греки же
489 об. крепко || сечахуся с ними, и збиша их со стены. Турки же паки.

---

[1] *М II; нет Ув II.* [2] *М II; нет Ув.*

крикнуша со всех стран и паки взыдоша на стены, и возструбиша в трубы, и взыграша в арганы и в тимпаны тмочисленная. Такоже и во граде греки по всем *церквам*[3] учиниша звон, и бысть шум *велик, яко*[4] не слышати друг ко другу глаголюща, и к тому плачь и рыдание жен и детей и сиротам; мнети убо яко и самой земли тогда *по*колебатися.[5] И бысть сеча зла и ужасна, дондеже тма их нощная раздели. И тако турки отъидоша во станы свои. Наутриа же повеле царь собрати трупия мертвых, и предати их погребению; бысть же число убиенных грек 1940, а фраг и армен 900, а безбожных турок 18 000.

Видев же Магмет, яко не успе ничтоже, точию своих погуби, и повеле мало опочинути и потом в 7 день такоже повеле уготовитися на брань и приступати ко граду. Царь же Констянтин посылаше по морю ко братии своея во Амморию и в Виноцею, прося помощи и ничтоже успе, бе бо прю межу себя имеяху. Посла же и в Рим к латыням, и сии рекуще: «Не помо-
л. 490 жем греком: аще || турки град возмут, а мы у них возмем». И тако не бысть ни откуду помощи, токмо един зиновианин приде на помощь, именем Зустеней на двух катаргах, имея с собою шестьсот храбрых, проиде сквозе рати морския здрав. Сей много мужества показа, бияшеся с турки толма храбро, яко отступити от того места всем. Он же и вся укрепляше, зане зело искусен бе ратному делу, и вси людие возлюбиша его. Турки же непрестанно приступающе ко граду, и разбиваху стены града, царь же Констянтин ничтоже успевающе, и ниоткуда помощи чающе, патриарх же Анастасий и вси людие моляху его, глаголюще: «Да изыдеть из града на место подобное, некли придут к тебе братия на помощь, и враги убоявшеся отступят от града». Он же отвеща рече им: «Како, могу сотворите се еже оставити святыя церкви и люди сия в толице беде сущи, и что ми вселенная речет, не изыду, дондеже, зде умру с вами». Турки же непрестанно биющеся со греки и не дающе опочивати день и нощь. Собрав же Магмет паши и воеводы
л. 490 об. свои || сице рече им: «Что сотворим, видим бо гауров сих охрабрившихся противо нас, и тако борющеся с ними, не можем их одолети, сотворим придвигнувше туры и лествицы многи, и разделивше по всем местом приступим к разрушеным местом». Совещав же окаянный и сотвори божиим попущением.

О явльшемся знамении. Бысть месяца маия в 21 день страшно знамение явился во граде, в нощи убо противо пятка освети весь град, и видеху стражие, течаху видети бывшее, мняху бо зажжену граду быти от турков. И стекошася

---

[3] *М II*; улицам *Ув II*. [4] *М II*; *нет Ув II*. [5] *М II*; колебатися *Ув II*.

множество народа к велицей церкви, и вси видяху из окон церковных велику пламени изшедшу и окруживщу всю шию церковную на долг час, и собрався пламень во едино *место*[6], и бысть свет неизреченен, и абие взятся на небо всем зрящим. И начаша плакати горко, вопиюще: «Господи, помилуй». Свету же оному отверзошася небеса, и по вшествии паки затворишася. Наутрии же поведаху сия царю и патриарху Анаста-
491 сию. Патриарх же рече царю Констянтину: || «Веси, о царю, яко сие знамение являет — милость божия и щедроты его отъидоша от нас, и хощет бог предати град сей врагом нашим грех ради наших». Царь же сия слышав и от страха аки мертв паде на землю и едва возста. Патриарх же и вси боляре начаша увещати его, да изыдеть из града, он же отвеща: «Никако не изыду, воля господня да будет, готов есмь с вами зде умрети, нигде бо могу избежати гнева божия, не быша ли цари велики и славны преже мене, се вси умроша за отечество свое, и аз, последний, такоже умру». И не послуша их, не изыде. Турки же, якоже и преди рекохом, по вся дни брань творяху, и греком не дающе ни в день, ни в нощь починути. Бысть же в 26 *день*[7] маия прикатиша ко граду пушки, и пищали, и туры, и лествицы, и грады деревяныя, и иныя вся стенобитныя козни, такоже и по морю корабли и катарги, и збиша всех грек со стен. Магмет же окаянный со всеми чины своими на полое место приде, и во все игры, в арганы, и тимпаны
491 об. играти повеле, и во все || трубы трубити, и вопль велик, аки буря силная, возшуме, и мняше окаянный похитити внезапу град. И бысть сеча зла, яко страшно есть со обоих стран видети дерзости и мужества храбрых. Царь же Констянтин виде брань обоих и поведаху ему безбожнего Магмета устремление, и удари в фарис, хотя прескочити разрушенное место и доступити Магмета на отмщение крови християнския; и яша его велможи и удержаша, зане не вместно се дело, Магмету бо безбожному в тяжце силе сущу. Царь же, обнажив меч, и обратился на турки и егда коего достизаше, того на полы мечем пресекаше. И бысть премрачная сечь, зане стрелами помрачиша турки свет. Греки же со обоих стран стен метаху на турки смолие горящее пучмы зажигающи. Уже и солнцу зашедшу, сеча же не престала, огни бо безчисленныя безбожнии сотвориша, и сам Магмет по всем местам скача, понуждая своих, мняше бо уже пожрети град. Греки же дерзостно воору-
492 жившееся и друг || ко другу вопиюще глаголаху: «Поскорим, братие, умрети за святыя церкви и за православную веру».

---

[6] *Испр.; нет Ув II, М II.* [7] *М II; нет Ув II*

И тако крепко сечахуся с турки, и до полунощи, и едва събиша с забрал. И престала сечь, а от града не отступиша. Магмет же видев толикое падение своих и слышав цареву храбрость, не спаше тоя нощи, и призвав все свои паши и воеводы, помышляя с ними, хотя от града отступити, зане уже морский путь приспе, и мняше кораблем приидти на помощь граду. И се бысть в 7 час нощи нача над градом тма велия быти, воздуху бо огустевшуся и низпущаще крапли, аки слезы, падаху на землю и на мног час лежаше и не разливашеся, яко всем людем дивитися сему и во ужасе быти. Патриар*х* [8] приде ко царю и рече ему: «Изыди, царю, из града, се второе знамение и тварь являет граду погибель». Царь же рече: «Единою глаголах, еже ми зде умрети за святыя церкви, а не изыдти». Магмет же, видев тму велию над градом, и возспроси книжники и волхвы свои. Они же рекоша:
л. 492 об. «Сие знамение || граду погибель являет». Бысть того же *м*аия в 29 *день* [7] повеле Махмет паки всем готовитися на взятие града, еже и бысть. Пусти ко граду тмочисленныя оружницы и пешцы и за ними повеле всему войску идти. И прикатив против полого места пищали и пушки, и отбиша гражан от полого места, и поскориша пещцы, путь ратным очистиша, и рвы разравниша, и тако ту всеми полки напустиша и гражан потопташа и побиша. Стратигом же и магистром и всем конником приспевшим ту и подкрепиша народ, боряхуся с турки. По сем и царю приспевшу с велможами своими, и напад на турки, уже зело многу сущу войску во граде, и смешався с ними сечахуся тяжко, и прогнаша турков к полому месту. Бысть же у турок возсточный воевода Беграр, велик телом и мужествен, возкричав, со всею силою возсточною нападе на греки, и размесив полки их, взя копие и устремися на царя. Царь же поддав ему щит и отведе копие и удари его
л. 493 мечем, и разсече его на двое до седла. || И тако устремишася греки со царем своим на турки, и прогнаша их из града, но убо аще тмами подвизашеся, а божия суда гонзнути не могоша. Множество бо турок пременяхуся на брань, гражаном же единым, и от многаго труда изнемогаху и падаху. Магмет же слыша, яко убит воевода его Беграр, возъярився и поиде сам со всеми силами, и пришед ста противо полого места, и посла на царя 3000 избранных, и заповеда им, аще и до смерти вси постражут, а царя улучат. Царь же, видев устремление безбожных, абие тече в великую церковь, и причастися от патриарха божественных таин, и всем подав последнее целование.

---

[8] *М II; нет Ув II.*

И бысть тогда плачь и рыдание, и вопль зело мног, яко мнети и церкви велицей оной поколебатися, и гласы их до небеси достизати. Идущу же царю из церкви едино прорече: «Иже кто хощет за божию церкви пострадати и за православную християнскую веру, той да идет со мною». И всяде на конь свой, поиде ко Златым вратом, мняше ту сретити безбожнаго.
493 об. Всех же вой || собрася с ним 3000. И обрете у врат множество турков, стрегуще его: Магмет бо заповеда по всем вратом и по улицам стрещи царя, бояше бо ся его. Царь же поиде во врата, побиваше многих, и не можаше проидти от многаго трупия. И паки стретоша его множество турков, сечахуся с ним до нощи. И тако пострада благоверный царь Констянтин за божия церкви и за православную веру христианьскую в лето 6961 месяца маия в 29 *день*[7], убив своею рукою безбожных турков, яко же оставшии сказаша, болши штисот. Цариц*а*[9] же в он же час прощение от царя получи, иночество прият, и со благородными девицами отпустиша ю в Зустунеевых катаргах во Аммореския островы, ко племяни своему. Народу же по улицам и по двором не покоряющуся турком, но биахуся с ними, тако же и во стрелницах сущи не предавашеся, но биахуся с турки, в день убо одолеваеми греки бежаху и крыяхуся в пропостех, а в нощи выхожаху и побиваху турков. Паши же и воеводы послаша к Магмету-салтану, гла-
л. 494 голюще: || «Аще не сам внидеши во град, не одолееши града». Он же взыскание велие сотвори о цари и о царицы и бояся внидти во град, и бысть в размышлении велии, и повеле поставити пред собя всех боляр царевых, и воевод, и стратигов, и магистров греческих, иже на боях взяты быша, и сих паши турския взяша на свои руки. Магмет же салтан даде им свое крепкое слово и дары почти их, и посла их с пашами и[10] *с* сан*чак*бей[10] рещи гражаном по всем улицам и сущим воином в стрелницах слово салтаново с клятвою: «Да престанет брань без всякого страха, и убийства, и пленения; аще ли же ни, то всех вас и жены ваши и дети меч пояст». И сему бывшу, престала брань, и вдашася вси стратигом и магистром и пашам в руки. Магмет же салтан слыша и возрадовася и повеле град чистити, а сам поиде со всеми чины во врата святаго Романа Певца к великой церкви, в ню же собрани быша патриарх со клиросом и множество народа, жен и детей.
494 об. И пришед пред церковь великую, с коня ссед, || и пад лицем на землю, и взя персть на главу посыпа, похвалив бога и оному великому зданию почюдися и сице рече: «Во истинну людие

---

[9] *М II*; царицы *Ув II*. [10–10] *Испр.*; санжабеи *Ув II*; санжакбеи *М II*.

сии быша и преидоша, а инии по сих тем подобни не будут». И поиде во церковь, — ох! увы! — и вниде мерзость запустения во святилище божие, и стал на месте святем. Патриарх же и вси людие со слезами рыдаху, падоша пред ним. Он же, рукою помахав, да престанет всяк клич, и сице рече: «Тебе глаголю, Анастасий, и всей дружине твоей и всему народу, от нынешняго дни и впредь гнева моего не убойтеся, ни убийства, ни пленения». И обратився, рече к пашам и к сан*чак*беем [11]: «Да запретят всему войску, да не деют никоего убийства, ни пленения, ни женам, ни детем, ни иныя коея крамолы злыя, ни вражды; аще же кто преступит наша повеления смертию да умрет». И повеле всем комуждо идти в домы свои. Народу же идущу из церкви до девятаго часа и не дождав сам из церкви изыде, видев же множество народа и подивися
л. 495 толику народу из единаго || храма изшедшим, и поиде к царьскому двору. И ту муж некий сербин принесе цареву главу; он же видев, зело возрадовася и возспроси греческих боляр и стратигов, да рекут истинну, — аще то есть глава царева. Они же рекоша: «Сущая та царева глава». Он же облобызав ю и рече: «Явна тя бог царя миру уроди, почто всуе погибе». И послав ю к патриарху и рече: да обложит ея сребром и златом, и сохранит ю, яко же сам весть. Патриарх же взя и положив ю в ковчежец сребряный и позлащен, сокрыв ю под престолом великия церкви. О телеси же его слышано бысть, яко от сущих со царем оставльших тоя нощи украдоша его у Златых врат, и отнесоша его в палату, и ту сокрыша.

О царице же бывшу велику истязанию от Магмета, и поведаша ему, яко великий дукас, и великий доместик [12], и патриарх Анастасий, и протостар Андрей и братанич его Асан Фома Палеологов, и епарх градский Николаос отпустиша царицу
л. 495 об. в Зустунеовых катаргах. И абие испытав их окаянный || Магмет-салтан, и повеле их казнити смертию.

И сице учинися грех ради наших, зане согрешениям осужение судом божиим временем бывают.

[СКАЗАНИЯ О КНИГАХ И МАГМЕТЕ-САЛТАНЕ]

Сказание Ивана Пересветова о царе турском Магмете, како хотял сожещи книги греческия

Царь Магмет-салтан сяде на царском престоле, и повеле собрати все книги закона греческаго, тако же и святым божиим церквам бысть велико поругание от безбожных тур-

[11] *Испр.*; санжекбеем *Ув II*; санжакбеем *М II.* [12] *М II*; деместик *Ув II*; доместит *М III.*

ков. И повеле царь турский Магмет-салтан книги греческия по турски превести слово в слово и списати, и нача мыслити с своими сеитами, и с молнами, и с абызами, и с мудрыми пашами о том, чтобы ему книги христианския сожещи все, а Анастасию патриарху не отдати, и веру христианскую до конца изтребити во Цареграде, и во Иерусалиме, и во всех градех страны тоя. И доиде о том слово Анастасию патриарху; он же иде в заднюю келию, идеже и вси прежнии святители на молитве стояли, и ту пред образом Христа бога нашего и пречистыя
496 его богоматери мо||лящуся ему и со слезами рыдающе, горко вопиюще: «Господи царю и владыко человеколюбче, всевидящее око, види таковое великое поругание от безверных агарян и от безбожных турок, како содеяша святым твоим церквам, кресты с них все сняли, и звоны отняли, и образы вон на поругание повыносили, и святыя престолы сокрушили, и книги христианския все у мене, раба твоего, отняли, и всяко святыню твою сквернят, и вере христианстей поругаются, но твоя ли о том господня воля, что те безбожныи сыроядцы иноплеменники святым твоим церквам и чюдным образом поругаются». И бысть Анастасию патриарху глас с небесе, глаголя: «Анастасий, тако глаголет господь бог: аще ли бы на вас не сих агарян попустил, и аз бы аки на Содом и Гомора вечный гнев, огонь с серою одождил, но умилосердихся о вас и не во веки отринух вы. И сего ради на вас агарян сих попустих, любя вас, а не в веки прогневахся на вас. А что тебе видится мерско неверных поругание, а мне было и того мер-
496 об. зостние ваше || много беззаконие, понеже во всем мене есте преслушали и заповеди мои преступили». На утрии же прислал царь Магмет-салтан ко Анастасию патриарху, и повеле ему пред собою быти. Егда же приде, тогда рече ему Магмет салтан: «Ты ли еси, Анастасий, на меня жаловался богу своему? Видел ми ся во сне зело страшен, и повеле ми тебе отдати книги ваши, и сего ради ужас велик и трепет мя обдержит. И ты возми книги, да исправляй свое дело, что вам Христос бог ваш приказал, да помолися ему и о мне, чтобы мене от страха того и трепета избавил, да исповедаю, аще бы мне того царства бог ваш не выдал, и мне бы возможно ли было и помыслити, а не токмо чем умудрити, аще бы на то не его[13] божия воля была». Патриарх же прия книги, и возвратися в дом свой, и радуяся и славя бога. И пришед в дом свой, паки ста на молитву и моляшеся со слезами, глаголюще: «Благодарю тя, господи боже мой, яко услышал мя еси, греш-
л. 497 наго раба своего, услыши мя и ныне, молящаго тебе, и го||рко

[13] *М II, М III*; егова *Ув II*.

от сердца вопиюща и рыдающа, обрати неверных ко своей святей вере, да будут верны, и познают тебе, истиннаго бога, ненавидит и мерзит душа моя, видех бо от злых, поганых сыроядцов святыню твою поругаему, уже бо святыя твоя церкви зело оскверниша, претвориша[14] бо их в мизгити на скверная своя молбица, во прочих же конем и скотом хлевы учиниша». И бысть глас с небеси, глаголя: «Анастасие, induречеши, яко зло есть и мерско души твоей видети, еже от неверных святыни моей поругание, а яз святыни своея неверным на поругание не выдал. Понеже и сами есте видели святое знамение мое, еже явих многим, яко свою святыню от святыя церкви моея и от образов моих и от мощей святых мучеников и преподобных и от всех святых моих взял есми к себе на небо, а вас предал в руки неверных в наказание правды моея временно, а не вечно, дондеже обратятся ко мне и явлю им милосердие мое. А что тебе видится зло и мерзко поругание от неверных,
л. 497 об. а мне ничто же, неверни бо суть иноплеǁмяники, а то мне было лютее, и мерзостнейши, богу вашему, от вас терпети, что есте мене познали, бога своего, и веру христианскую возлюбили, а ни в чем естя воли моея не творили, во всем есте меня, бога своего, прогневали, и заповедей моих не послушали, и гордящеся вси брат на брата вместо любви оружие кующе, а во церковь святую мою приходяще, аки трава от ветра колеблема кланяется, а сердца своего ко мне не обратите, но роптанием и суетными беседами божественная правила препровожаете. А и то, Анастасие, мне, богу твоему, не мерско ли, что еси поставлен наместником в мое, Христово, место пастырь и учитель веры христианския самому царю и всему народу; и царь от праваго суда отвратился и весь народ на нечистое собрание прелстился, судии судящи и нечистаго ради собрания своего неповинныя осужающе, а виноватыя свобожающе, а твоего святительскаго поучения к ним никогда не было, и заповедей моих им еси не возвещал, и на
л. 498 путь мой правый ǁ их еси не наставливал. И аще бы ныне предо мною не пролил еси слезы своя за своя согрешения, все бы на тобе на праведном на суде моем взыскалося, и отвержен бы еси был от лица моего святаго во веки. А ныне напиши, еже слышиши, и пошли во общии жителства, чтобы имели между себе братство и любовь без роптания, а яз, бог ваш Исус Христос, всегда буду с вами во смирении вашем. Аминь».

Царь же Магмет-салтан турской, егда перевел книги греческаго закона на свой язык турской, и призвал к себе все

[14] *М II, М III,* предтвориша *Ув II.*

свои паши и воеводы и мудрыя люди, и учал им так говорити: «Братия моя, паши и воеводы, и всяких чинов началныя люди и мудрые философы, послушайте моего совету. Ведомо нам о том учинилося, что вера христианская лучши иных всех вер и закон их праведен. И как они своего закона соблюдати не стали, и за то на них бог прогневался, и предал их в наши руки. И ныне нам и самим таковых неправд надобе хранитися, чтобы и нам также бога не разгневити, и от иных не
498 об. по||страдати нам так же, как и от нас пострадали греки. И аз ныне с вами о том зело советую, что надобно нам ото всяких неправд хранитися и правду межу себе утвердити накрепко, чтобы нам также не погинути». И тако Магмет-салтан изговоря и велел тот час во все свои грады книги законныя и судебники написав, розослати, которыя книги перевел с греческаго языка на турский язык. И дал заповедь и грозу свою во всю свою землю такову, что разбойника и татя, и ябедника, и всякого хищника без всякого ответа смертию казнят. А что ся по градом собирает мыта и тамги, и всяких доходов, то все идет в царскую казну, а воеводам и судиям и наместником идет из царские казны годовой оброк, кто чево достоин. А просудится судия или посул возмет, ино с нево кожу сдерут. А говорит так Магмет-салтан: «Егда на нем кожа наростет, тогда ся ему и пеня отдаст». А в его судейскую кожу
л. 499 велит хлопчатые бумаги напхати и в судебной по||лате к стене прибити, и подпишет, за кою вину на такую казнь осужен бысть.

А коли пойдут ратные люди на службу, и на то Магмет-салтан велел выбирати купецких людей, и в полках с ратными людми посылати со всякими товары, а цена всему положена по царскому указу, а все в вес продают. А как чево не довесит, или через указ лишнее возмет, ино смертию казнят; или кто возмет что без денег силно, или чево не додаст, — ино смертию же казнят. А кто что чюжее найдет, и то понеси к воеводцкому шатру и тут переем по указу возмет, а будет не отнесет, а потом познают, ино смертию казнят. И иные многие Магмет-салтан над законными писмены страшныя грозы уставил, и над тем приговорил то: до ково дело придет, ино не щадити ни друга, ни недруга, ни силна, ни велика, ни богата, ни мудра. И потом Магмет-салтан учал говорити сеитом и пашам своим и воеводам, и всем людем: «Аще не такою грозою великой
499 об. народ угрозити, || ино и правды в землю не ввести, занеже толко грозы людем не будет, ино и книг законных не послушают. И как конь под человеком без узды, так и царство под царем без грозы».

И потом учал Магмет-салтан думати и говорити сеитам и пашам своим: «Хощу и аз приняти себе веру христианскую, а то уже нам ведомо, что вера христианская лучши есть всех вер и богу люба, а толко бы греки по преданому закону своему жили, и нам бы их где видати. А яз сей суд праведно уставил, а се веру христианскую приму, и буду угодник самому богу небесному царю». Сеиты же его и паши реша ему: «Любит тебя и так бог, коли тебе такое царство выдал». И не обретеся с ним ни един советник. А Магмет-салтан, царь турской, имел в мысли своей и до скончания живота своего, как бы ему прияти вера християнския, но не получил, зане же кровопивец и лют зело был.





СКАЗАНИЯ О КНИГАХ, О МАГМЕТЕ-САЛТАНЕ И О ЦАРЕ КОНСТАНТИНЕ ПО СПИСКУ ОБОЛЕНСКОГО

[СКАЗАНИЕ О КНИГАХ]

280 об.] Тако царь турецкий Махмет-салтан книги християнския написа слово в слово, да помыслил с сеиты и с молнами, и [1]*с* обы*за*ми[1] и с пашами с мудрыми, и своею верною думою, и хоте книг греческих не отдати Анастасию патриарху, л. 281 и христия||нскую веру греческий закон подернити до тла во Иеросалиме и во Цариграде. И сведал то Анастасий патриарх мысль Махметову[2]. Патриарх же Анастасий пошел в западныя храмы своя, где святители прежния на молитвах своих святых стояли, сердцем бога видели и ангелом собеседники были, и от них же глаголания небесная ведали, и всю 281 об. силу божию, от аггелов святых и от собеседников || своих. Анастасий же патриарх с плачем великим и сердечными слезами, заплакав пред образом святым и пред пречистою святою владычицею богородицею, Христа бога нашего, и рек так с великим плачем пред Христом: «Господи, господи, царю владыко человеколюбец, всевидящее око! Видиши таковое поругание от агарян, от безбожных от турков, и от иноплемен- л. 282 ников: твоим святым церквем || поругаются, кресты с церквей поснимали и святыя образы ис церкви нечестно выносили, престолы святыя твоя поломаша, и книги у меня поотнимали, у раба твоего. Всем тем вере твоей любимой християнской наругалися! Ино твоя ли воля сталася, что се иноплеменники над твоими святыми церкъвами и над образы твоими святыми чюдными *наругалися*?»[3]. Ино глас Анастасию патриарху || 282 об. с небеси сшел, рече Анастасию патриарху: «Казал, *с*казати[4] о том царь небесный владыко-человеколюбец: естьли бы аз на вас не то напустил, яко на Содом и на Гомор, вечный гнев

[1–1] *Испр.*; кобысами *Об.* [2] *В рукоп. далее пропуск. см. Полную редакцию.* [3] *Испр.*; *нет Об.* [4] *Испр.*; казати *Об.*

свой, огонь и потоп, а на вас напустил на поучение[5] агарян,
иноплеменных туръков, а не навеки, любячи вас. Ино как
тебе видится грузко и сердцу твоему кручина велика иноплеменническая
л. 283 менническая по||ругания, Христу богу вашему грузчае было,
что во всем есте заповедь мою святую преступили; а аз у вас
оставил житие земное и путь царьства небеснаго».

Услыша Христос бог наш, царь владыко-человеколюбец,
молитву Анастасия-патриарха, и напустил великий страх на
Магмета и на его сеиты: виделся ему Христос бог наш царь
л. 283 об. владыко-человеколюбец во сне, и напустил на него тря||сания[2].
И посла царь по Анастасия патриарха, и рек так: «Ты
ли жаловал богу своему на меня? Виделся мне со*н*[6] велми гро-
зен и напустил на меня такую болезнь. И ты возми книги свои
да исправи дела своя, что ваш Христос вам приказал, да обо
мне помолися. Естьли бы мне того царства не выдал бог,
и мне бы мошно ли о том умудрити, естьли бы
л. 284 на то бо||жия воля не была? Все то есми божию волю
делал». И патриарх книги вземше и со благодарением Христа
бога нашего, царя небеснаго, владыку-человеколюбца, и рек
так патриарх пред Магметом царем: «Велик бог християнский
и силно милосердие его, и чюдна дела его!». Да видячи пат-
риарх велико милосердие господне, что господь бог на ино-
л. 284 об. племенников напустил великую ужасть и страх за || книги
християнския, и он пошел вскоре опят во святительския
храмы в западныя, где прежныя святители на молитвах своих
святых стояли и сердцем бога видели и слезами своими сер-
дечными бога на помощь призывали. И патриарх же стал
Анастасий сердечными слезами своими на молитвах, видя*чи*[7]
таково знамение, что господь бог страх на неверных за книги
л. 285 греческия напустил. И рек || Анастасий так богу в молитвах
своих святых серьдечными слезами своими: «Господи! Дай
свою милость великую, приведи сих неверных к вере, аще
бо познали святое твое великое милосердие и силу божию,
имя твое святое. Господи, како сим много терпиши сие великое
поругание неверных, что они, неверныя, всей твоей святыни
л. 285 об. поругаются: кресты с церквей твоих святых по||снимали, образы
твоя святыя нечестно выносили, и престолы твоя святыя поло-
мали и нечестно выносили, и себе поделали мизгити в твоих
святых церквах на свои скверныя молитвы иноплеменническия
безбожныя агаряне».

И абие глас небесный сшел от господа ко Анастасию-па-
риарху: «Люто ли тебе видети и гр*у*зко[7a] сердцу твоему сие

---

[5] *Испр.*; поучении *Об.* [6] *Испр.*; во сне *Об.* [7] *Испр.*; видяси *Об.* [7a] *Испр.*; грозко *Об.*

л. 286 поругание неверных, святыни || моей. А яз им своея святыни
не выдал на поругание: видите есть знамя мое святое небесное,
иже яз [8] всю свою святыню и от храмов своих святых и от
чюдотворных образов своих, и от чюдотворцев, и от мучеников,
угодников моих, волных моих страстотерпец, всю свою святыню
к себе в небо взял, доколе будет мое милосердие святое
286 об. опят || во Иерусалиме и в [9] Цареграде. Лише есми выдал вас
на поучение правды моея неверным иноплеменником, да не навеки.
Да опят будет мое милосердие к вам во умножение
веры християнския. Ино то ли тебе видится, Анастасию,
се поругание неверных и грузко сердцу твоему, они бо есть
неверныя иноплеменники, веры християнския не знают.
л. 287 Л*ю*тее [10] мне, господу богу вашему, || терпети от вас, иже естя
знали меня, бога своего, и веры естя християнския любимыя
надо всеми верами, да ни в чем естя моей воли не творили,
во всем естя меня прогневали, и заповедь мою преступили.
Да *е*ще [11] мне лютее того от вас было терпети, что мою
святую волю творите, смиренно житие примаете, *общее* [12]
со мною, Христом, мниш*е*ское [13], да чаяние и святыню ||
287 об. на себя возводити и гордость, брат к брату и роптания;
и пришед в церковь мою святую да ставши по местом своим
мниш*еск*им [14], да кланяетеся, яко трава от ветра, а сердце свое
в казнех не обратитеся в роптании своем брат на брата
в казнех своих. А приняли естя бремя великое и добродетелная
и братолюбства и общего моего жития: брат брата
л. 288 лю||бите, яко сам ся; а вам же болши того надобе, моего
святаго великаго милосердия? Во всем заповедь мою есте преступили
и меня, господа бога Христа, царя небеснаго, разгневили;
а яз остави у вас житие земное и путь царства
небеснаго». И рек Анастасию-патриарху господь гласом своим
святым небесным: «Аминь! Глаголю ти, Анастасию, люто ли
288 об. тебе видится и грузко сердцу твоему; еще || было того ми
люте*е* [15] от тебя и груз*чае* [16], что еси наместник престола моего
святаго, божественнаго, в мое место Христово, пастырем моей
вере християнской и учитель и цар*ю и* [16a] всему миру: и царь
сшед с праведнаго суда и весь мир прельстися на нечистая
собрания, суд их был лукав и слезен, слезы и кровь мира сего,
л. 289 рода християнского, неповинно осужд*али* [17] и брыз||гали
на образы и кровми святыя чюдотворныя от лукавых судей
и от неправеднаго суда их; а твоего поучения святительскаго

---

[8] *Испр.*; яко *Об.* [9] *Далее повторено* и во *Об.* [10] *Испр.*; летее *Об.* [11] *Испр.*; аще *Об.* [12] *Испр.*; *нет Об.* [13] *Испр.*; мнишесякое *Об.* [14] *Испр.*; мнишекним *Об.* [15] *Испр.*; лютею *Об.* [16] *Испр.*; грузко *Об.* [16a] *Испр.*; царь. [17] *Испр.*; осужденныя *Об.*

к ним не было и на путь еси мой святый не направливал их,
во всем еси заповедь мою святую преступили. Да естьли бы еси
не разлил сердечных слез ныне предо мною, господем своим
л. 289 об. богом, [18]Исус*ом* Христ*ом* цар*ем* небесн*ым*[18], поминаю||чи
согрешение свое, аще бы не те твои сердечныя слезы, кающееся
о гресех своих предо мною, — все бы то на тебе взыскалося,
Анастасий, на праведном суду моем, да отвержен
бы еси был от лица моего святаго навеки. Да нынечи поучение
мое святое напишите да розошли сия по общим житиям
моим, по настоятелем общаго жития на молитвы искренния
л. 290 || сердечныя, да братолюбъство бо было всегда промеж вас.
Да отставите козни и роптания и чаяния о святыню мнишеския,
да буду всегда промежю вас, Христос бог ваш, с миром».

А от молитв святых Анастасиевых пришло великое сумнение
на царя Магмета, велми о том мыслил веру християнскую
приняти. Да рек так Магмет сеитам своим: «Се есми праведен ||
л. 290 об. суд во царство ввел, а се веру християнскую прииму да
буду самому господу богу небесному царю [19] угодник». И сеиты
ему молвыли: «Естьли бы тое веру бог любил, и он бы тебе
ея не выдал». В том его сеиты с путя божия совъратили.
А он [12] и до скончания века своего бога в сердцы держал,
и веры християнской из уст не выпустил, и поту чела своего
л. 291 уживал, и ничего же и||с казны своея царския во уста своя
не положил: что сам зделает, да пошлет продати, да на то
себе велит ясти купити. А рек так: «Исполня*ю* [19а] заповед божию.
Господь приказал Адаму, отцу нашему, первому поту чила
своего уживати».

А все то Магмет-салтан, турской царь, снял образец жития
святаго сего с християнских книг.

[СКАЗАНИЕ О МАГМЕТЕ-САЛТАНЕ]

Турецкий царь Махмет-салъ||тан был философ мудрый
по своим книгам по турецким, а се греческия книги пр*очел* [20],
написавши слово в слово по-турецки, ино великия мудрости
прибыло у Магмета-царя. И рек так сеитам своим и пашем,
и [21] молна*м* и об*ы*зам: «*Пишется великая мудрость* о [21] благоверном
царе Констянтине Ивановиче. Вы есте сами, мои муд-
л. 291 об. рые философи, досмотрите то в книгах || своих мудрых, как
о великом царе Констянтине пишут: он же родился — источник
мудрости воинская; пишется, от меча его вся подъсолнечная
не могла сохранитися. Да он от отца своего на царствии своем

[18–18] *Испр.*; Исуса Христа царя небеснаго *Об.* [19] *Испр.*; цару *Об.* [19а] *Испр.*; исправляя *Ол.* [20] *Испр.*; принял *Ол.* [21–21] *Испр.*; молна и обязам Патриарх же Анастасий з *Об.*

остался млад, трех лет от роду своего; а велможи его от зло-
имства нечистаго собрания от слез и от крови роду челове-
292 ческаго богатели и они праведный суд || изломили, да непо-
винно осуждали по мздам. Да та же неповинная кровь и слезы
столпом ко господу богу в небо с великою жалобою шла.
Велможи царевы до возраста царева обогатели от нечисти-
ваго своего собрания; на возрасте ж цареве царь почал
т*р*езвитися [22] от юности своея и почал приходити к великой
мудрости и к своему царскому прироженню, да и будет ||
292 об. с коня своего с войскаго не зседати. И пишется об нем от
мудрых философ: во всех странах от его меча вся подъсол-
нечная не может сохранитися. И велможи его рекли так: нам
будет от него суетное житие, а богатства наши будут сы иными
веселитися. И рек Магмет-салътан, турецкой царь, философом
л. 293 своим мудрым: «Видите то, яко они, богати || так и ленивы,
осетили царя враждами и уловили его великим лукавством
своим и козньми и дьяволским прелщением и мудрость его
и счастие укротили, и мечь его царской обнизили своими пре-
лестными враж*б*ами [23], а мечь его высоко надо всеми недруги
его, и они то окротили ерестию своею». И Махмет-салтан,
294 турецкой царь, так рек философом || своим: «Видите то, иже
бог хитрости и гордости и ленивства не любит, противится
тому господь бог, и гневом своим за то казнит неутолимо?
Иже видите вы, тои нам бог выдал таковаго царя великаго,
по писанию мудраго вроженнаго источника воинскаго про гор-
дость греческую и про лукавство? И вражба их бога гневила,
294 об. иже таковаго царя || мудраго осетили враждами своими
и уловили лукавством своим и укр*о*тили [24] воиньство его.
А яз вам о том рку, мудрым своим философом: поберегите
меня во всем, ажебы нам бога не разгневити ни в чем».

В лета 6961-го царь же *веле*л [25] со всего царства всем
доход себе в казну имати, а никому ни в котором граде наме-
л. 295 стничества не дал || велможам своим для того, коебы не
прелщалися неправдою судити, и оброчив вельмож своих ис
казны своея царския, кто чего достоит, и *дал* [26], суд во все
царство, и велел присуд имати к себе *в* [12] казну для того, аще
бо судии не искушалися и неправъды бы не судили. Да при-
казал судиям: «Не дружитеся с неправдою, да не гневите бога,
295 об. да держитеся правды, что || бог любит». Да послал по городом
судей своих, паши верныя и кадыи, шюбаши, и амини, и велел
судити прямо. И рек так: «Братия моя любимая, верная,
судите прямо и воздайте богу сердечную радость».

---

[22] *Испр.*; терезвитися *Об.* [23] *Испр.*; вражгами *Об.* [24] *Испр.*; укрепили *Об.*
[25] *Испр.*; навел *Об.* [26] *Испр.*; дати *Об.*

Да по малу времяни обыскал царь судей своих, как они судят, и на них *довели*[27] пред царем злоимство, что они по
л. 296 посулом судят. || И царь им в том вины не учинил, только их велел живых одирати. Да рек так: «Естьли они обростут телом опят, оно им и вина отдастся». И кожи их велел пределати, и велел бумаги набити и писати велел на кожах их: «Без таковыя грозы правды во царство не мошно ввести». Правда
л. 296 об. богу сердечная радость, во царстве своем правда де||ржати, правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадит, нашедше его виноватого. Как конь под царем без узды, так царство без грозы.

Царь же рече: «Не мошно царства царю без грозы держати. Яко же Констянтин-царь велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том не радовалися и неправду судили
297 и обема им по своей || вере християнской целования судили, правому и виноватому; а они оба не правы, един бою запрется, рече так: «Не бивал есми, господине, его и не грабливал», а другой бою для своего да грабежу приложит, да оба крест целуют да богу изменят, и сами от бога навеки погибнут. И таковыми злыми, которыя в сердцах своих правды не помнят, ино
297 таковыя бога || гневят, им уготовится мука вечная. И с теми неправыми судьями во всем греки в ересь впали и крестное целование греха не поставили ни в чем, во всем бога прогневили.

И царь Магмет вразумел от великой мудрости, что есть таковый суд великой грех и бога гневит. И он дал одному,
298 а жеребья крестнаго целования; а целовал крест, || направивши огненную стрелу против сердца и самострел против горла, а стоят против таковыя смерти, поколя десетра приказания отец его духовной проговорит еуаггельския притчи: не лжи, не укради, лжив послух *не буди*[28]; чти отца и матерь, люби ближняго своего, яко сам себе. То есть царь дал греком
л. 298 об. а жеребья крестнаго целования: естьли || его огненая стрелба не убиет, а самострел на него въспустит, и он крест поцелует, и свое возмет, в чем им суд был. И он рек так: «То есть жеребей — божий суд». А турком дал через мечь острый, горлом преклонитися, и шерт пити, а мечь наведен. А молнам своим велел при том месте быти и наказати их по своей вере турец-
л. 299 кой и с то||го же обычая со греческаго; естьли мечь с наводу не пустит, и горла его не рушит, и речь свою доведет, и через мечь шерть пиет, и свое возмет, всем им суд был, а то есть божий суд. А поля им судил во своем царстве без крестного целования: нагим лести в темницу, бритвами резатися, а брит-

[27] *Испр.*; да велит *Об.* [28] *П I, П II*; *нет Об.*

299 об. ву им одну положат в *тайне месте*[29], да кто найдет, || тот
и прав, — то есть божий же суд, свое возмет, на чем ему суд
был, а виноватаго своего, велел его ис темницы выпустит,
велел его зарезати.

Тем же царь Магмет велико умудрилъся, кое правду во
царство свое ввел, и он велико грозныя знамения им указал
для того, ащебы людие не слабели ни в чем и бога не гневили.
300 А ту мудрость || царь снял со греческих книг, образец — тако-
вым было греком быти. И Магмет праведный суд во царство
свое въвел, и ложь вывел, и возъдал богу сердечную радость,
и рек так: «Бог любит правду лутчи всего; не мошно царю
царства без грозы держати; яко же царь Констянтин велмо-
жам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радо-
300 об. валися и не||чисто збирали[30] богатство свое, а земля и цар-
ство плакала, и в бедых купалися. И за то господь бог разгне-
вался на царя Констянтина *и на*[28] велможь его и на все цар-
ство греческое неутолимым гневом своим святым, что они
правдою гнушалися, не знали того, что бог любит силнее
всего правда. А вы меня на то же ли приводите, аже аз тако-
л. 301 же бога разгневил, || да с вами навеки загинул».

И посла на те свои грады прямые судии, угрозивше их сво-
ею грозою царскою, и выдал им книги судебныя, по чему
им винити и правити. А суд им дал полатной на всякой град
свой и во все свое царство велможу своего, пашу, и кадыя,
и шюбаша, амина, то есть судии царевы на всяком граде.
301 об. А воинников || своих велел судити с великою грозою смертною
казьныю безпошлинно, а для того, коебы лиха не множилося.
А судей своих[31] изоброчил ис каз*н*ы[31] своим царским жало-
ваньем для тово, коебы не искушалися неправды судити.
А воинников судят паши; под которым сколко войска в пол-
ку, и тот свое войско и знает, судити прямо для великия ||
грозы царевы безпошлинно и безпосулно, су*д*[32] их совершают
л. 302 вскоре.

И тем государь умудрилъся, умножил сердце свое и войску
своему да возвесели вся войска своя. А з году на год обро-
чил своим царским жалованием и алафоя из[33] казны своей,
хто чево достоин, а казне его несть конца, богом исполнена
302 об. за его великую правду, что со всего царства, и з горо||дов,
и из волостей, ис поместей и из вотчин, — все доходы в казну
свою царскую велел збирати по всяк чес. А зборщиков тех
ис казны оброчил своим жалованием, которые збирают казну
цареву, и после зборщиков обыскивает, по приказу ли цареву

[29] *Испр.*; таинстве *Об.* [30] *Испр.*; далее в *Об.* [31–31] *Испр.*; изоброчили ис казанны *Об.* [32] *Испр.*; судит *Об.* [33] *Испр.*; и *Об.*

збирают. А для тово, чтобы царство его не оскудело, а войско
л. 303 царское с коня не сседает, || николи же и оружия из рук
не пущает, а воином своим всегда сердце веселит царьским
своим жалованием, и алафою, да и грозою своею царьскою.
Рек тако своему войску всему: «Не скучайтеся, братия, служ-
бою, мы же без [34] службы не можем быти на земли; хотя мало
царь оплошится и окротеет, ино царьство его оскудеет, иному
л. 303 об. царю достанется. Яко же || небесное по земному, а земное
по небесному, аггелы божия, небесныя силы, ни на один час
пламеннаго оружия из рук не пущают, хранят и стрегут роду
человеческаго от Ад*а*ма [35] во всяк час, да и те небесныя силы
службою своею не скучают». Тако [36] царь туръский возра-
стил сердце войску своему, и вси же воинники его похвалиша
л. 304 речь царскую и ркли: «Так ли волю || божию делаем, что бог
любит [37] воинника, и *к*ого [38] у нас на бою убьют, ино мы те
грехи своя кровью обмываем, и души наши бог в свою руку
приимает, и таковыми чистыми воиники небесныя высоты на-
полняются».

Царь же турской умудрился, на всяк день сорок тысячь
янычан при себе держит, гораздых стрелцов огненыя стрел-
л. 304 об. бы, и жалованья им дает || и алафу по всяк день. Для того
их близко себе держит, ажебы ему недруг в его земли не
явился и измену бы не учинил, и в грех бы не *в*пал [39], безум-
ный царя потребит, велми вомноживъшися, и угордился и царем
похочет быти, и то же ся ему не достанет, а сам навеки погиб-
нет от греха своего, а царство без царя будет, для того царь
л. 305 бережет. || А иные у него; верныя люди, любячи царя, верно
ему служат, государю, и про царское жалование. Мудр царь,
что воинником царским своим жалованьем сердце веселит;
воинником он силен и славен. А пашам своим и велможам
против недруга всякого велел в челе ставитъся, в первых
полках для того, аще бы люто ставится против недруга, и ту
л. 305 об. || молодыя бы люди не ужасалися, которые не столь можные,
и на них бы смотрячи, люты *к* недруг*ам* [40] были. У него же, у ту-
рецкаго царя, с великия мудрости и науки ставитися против не-
друга играти смертною игрою. И гроза великаго царя турскаго
такова: по приказу его «не похочет умрети на игре смертной
л. 306 честно с недругом за мое государево великое жа||лование,
как юноцы храбрыя умирают, играючи с недруги смертною
игрою, и ты здеся умрешь же от моея государевы опалы, да
нечестно будет тебе и детем твоим».

---

[34] *Испр.*; с *Об.* [35] *Испр.*; Адаама *Об.* [36] *Испр.*; Таков *Об.* [37] *Испр.*; *Далее* а *Об.* [38] *Испр.*; ного *Об.* [39] *Испр.*; упал *Об.* [40] *Испр.*; недруги *Об.*

Да Магмет-салтан уставил иным царем после себя от тех
лет и до сех лет, а во всем царстве дал волно служити у вел-
306 об. мож своих, а рек так: «Един бог над на||ми, а мы есть раби
его. Царь Фараон был, поработил *израил*тян [41], и бог на него
разневался своим неутолимым гневом, да потопил их морем».
Да велел перед себя книги принести полныя и докладныя,
да огнем их велел пожечи. И полоненникам учинил урок, поколе
л. 307 кому робити, в 7-м лет выробится, и в силах — в 9 || лет. *Есть-
ли кто кого дорого купит, а чрез девять лет [28] будет держати,
и будет на него жалоба от полоняника, ино на него какова
опала царская и казнь смертная: не делайте того, чего бог
не любит, блюдитеся бога, аще бы его не разгневити ни в чем,
и помни заповед цареву.

А то царь Магмет-салтан с християньских книг тое муд-
рость снял; такову годится быти и крестьянскому царю, бо-
307 об. жию || волю ведати. А рек так Магмет-салтан: «В котором
царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры
и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек
сраму не боится, а чти себе не добывает, а речет так: «Хотя
и богатырь, однако есми холоп государев, иного мне имени не
л. 308 прибудет» А во царстве Констянтинове при царе Ко||нстянти-
не и у велмож его что лут*чие* [42] люди порабощены в неволю,
а все те были против недруга не бой*цы* [43]; и конные и доспеш-
ные и цветно были велможи, полки против недруга крепкого
бою не держали и з бою утекали и ужас [44] *п*олком *и* [44] иным
царем давали, они же прелщалися. То царь вразумевше
308 об. да да*л* [45] им волю и взял их к себе в полк, || и они стали
у царя лутчия люди, которыя у велмож царевых в неволе
были. Ино так стали в *в*оле [46] в царском имени, каждый стал
против недруга люто стояти, полки недругов разърывати,
и смертною игрою играти, чти себе добывати. И царь рек:
«Се есми бога утешил, божию волю сотворил, что бог любит,
л. 309 а се есми в полк к себе юнаков || храбрых прибавил». У царя
у турецкого по триста тысящь ходит против недругов учених
людей храбрых, а все те сердцем веселы, от царева жалованья
и от алафы, а идут тихо, коли идут воевати. На ден им живет
по три торги: порану, да к полдни, да вечере; а всему цена
уставлена, што за шъто дати, а купят все в вес; а наметывает
309 об. те то||рги торговати на гости, по городом ходити с войском
со всем с тем, что кому надобе купит, и он, заплативше цену,
да возмет по цареву указу. А естьли кто даром возмет, а не за-
платит цены, што указано, ино таковому смертная казнь,

---

[41] *Испр.*; египтян *Об.* [42] *Испр.*; лучится *Об.* [43] *Испр.*; боится *Об.*
[44–44] *Испр.*; ти толком *Об.* [45] *Испр.*; дали *Об.* [46] *Испр.*; поле *Об.*

да и лутчаго[47] не пощадят. А естьли тот оманет, не столко
л. 310 даст, как вес || держит, или цену не такову возмет, болши
того устава царева, которому царь уставил цену товару, ино
таковому смертная же казнь бывает, што цареву заповедь преступает.

Ино у царя [48] который против недруга крепко стоит, играет [48]
смертною игрою, и полки у недруга разрывает [49], и царю верно
310 об. служит [50], хотя от меншаго колена, а он его на ве||личество по-
ставит, и имя ему велико дает, и жалованья ему многа прибавъливает, а для того ростит сердце воинником своим. У нынешняго царя у турецкаго Орнаут-паша Орнаутские земли был полоняник, да вдался против недруга крепко стояти, полки приводити; да Кроман-паша Кроманские земли
л. 311 полоняник, для тово [51] || их слава повышено, для их великия
мудрости, что умеют царю служити и против недруга крепко стояти. А ведома нет, какова они отца сын, для мудрости их царь на них велико имя положил для того, чтобо иныя також бы удавалися верно царю служити. А царь тако рече войску
311 об. своему малому и великому: «Братие, все есмя дети || Адамовы;
хто у меня верно служит, а против недруга крепко стоит, тои у меня лутчии будет». И то царь рек войску свому на возвращения сердца, ажебы койждо и перед себя чти себе добывал и имяни славного. Царь говорит *и жалует* [52] жалованием своим и грозою: «Видите, хто не хочет умерети доброю смертию,
л. 312 *играючи с недругом смертною* [52] игрою, и он у||мрет же от моея
опалы царьской смертною казнию, да нечестно ему будет и детем его».

А коли сам царь нейдет против недруга, и он пошлет пашу мудраго в свое место царское, да всем пашам велит его слушати и чтити, как самого царя. А все у него в полку розряжены и воиники по десятком и по сотником, а те сотники по
л. 312 об. ты||сяцким, ажебы не было в полкех его татбы и разбоя, и игры
костарства и пиянства. Естьли что найдут, конь [52а] или аргамак, или платно, или что которое ни есть, и они несуть и ведут к болшему пашу к шатру; у кого что пропало, и он найдет у шатра у болшего паши, а переем заплатит по цареву уставу, што
л. 313 за што довелося. А ста||нется татба в войске или разбой, или
нашедши что, да к шатру не отнесет, или не отведет, ино таковые лихие люди, и тати и разбойники и обыск царев живет накрепко по десятком и по сотником и по тысяцким. Которой десятник утаит лихово человека в своем десятке, ино тот

[47] *Испр.*; лутчаего *Об.* [48–48] *Испр.*; которые против недруга крепко стоят играти *Об.* [49] *Испр.*; разрывати *Об.* [50] *Испр.*; служити *Об.* [51] *Испр.*; тво Об. [52] *П I, П II*; *нет Об.* [52а] *Испр.*; кон *Об.*

313 об. десятник с лихим человеком казнен будет смертною казнью || для того, ажебы лиха не множилося; лише опалным людем тюрма[53] до обыску царева. И по городом у него те же десятники уставлены и сотники и тысяцкие на лихие люди, на тати, на разбойники, на ябедники, где ково обыщут лихово человека, татя или разбойника или ябедника, тут его и казнят смертною
л. 314 казнию; а десятник утаит лихово человека || в своем десятке, а потом обыщется всею сотнею, ино такоже ему смертная казнь.

У царя Констянтина судили татей и разбойников и ябедников в полате для своего злоимства и нечистаго собрания велмож его; да всем тем бога разгневили, неправыми своими суды богатели от слез и от крови невиноватые роду хри-
314 об. стиянскаго, по языком || по разбойниц*ким*[54], кто был у них богат, тот и виноват, да в напрас*не*[55] у них люди прямые погибали, мученическая смерти приимали. А татей и разбойников по откупом пущали, нечисто збирали, во всем прелстилися и всем бога разгневили. Магмет-салтан снял тую мудрость со крестьянских книг, праведный суд, да и рек так:
л. 315 «Чего для м*а*лыя[56] гре||ки прелстилися, нечисто збирали и путь царства небеснаго потеряли, во всем бога разгневили? Аще ли бы велику грамаду злата найти нечистаго собрания, и тому бог мстит до девятого роду многими страшными знамении. А самому нечисто собирати, как будет богу ответ дати?»

Да написал[57] Магмет-салта*н* в та*й*не[57] себе: «Таковому
315 об. было быти || христианскому царю, всеми правдами богу сердечную радость воздати, а за веру християнскую крепко стояти». А сам о том много мыслил с великой мудрости, хотел веру християнскую приняти с сердечной радости и восхвалил веру християнскую: «Нет таковыя веру християнския у бога яко крестьянская вера: и где пойдет неверных к вере приво-
л. 316 дити || и веры християнския вомножати, ино где войско *его*[58] побьют, ино на того божия воля стала, и то есть мученики божии последныя, тако же пострадали за веру християнскую, яко и первыя, — души их к богу в руки и небесной высоты наполняются таковыми чистыми воиники, аггелом равны, украшены от бога златыми венцы».

316 об. А греки в том *ос*л*аб*||*ли*[59] во всем, и правду потеряли, и бога разгневили неутолимым гневом, и веру выдали християнскую неверным на поругание. Нынеча хвалятся государевым царством благовернаго царя рускаго от того взятия Магметова и до сех мест. А иного царьства волного християн-

---

[53] *Испр.*; турма *Об.* [54] *Испр.*; разницем *Об.* [55] *Испр.*; напраснине *Об.* [56] *Испр.*; милыя *Об.* [57–57] *Испр.*; Магмет-салтан таевно *Об.* [58] *Испр.*; е *Об.* [59] *Испр.*; отслабили *Об.*

скаго и закону греческаго нет, и надежду на бога держат ||
л. 317 и во умножение веры християнской на то царство руское бла-
говернаго царя рускаго; хвалятся им, государем руским, царем
волным. Коли на споре с латыняны латыньския веры дох-
туры спираются с греки: «На вас, на греков, господь бог раз-
гневался неутолимым гневом так, яко и на жидов, да выдал
л. 317 об. вас турецкому царю в неволю, за вашу гор||дость и за не-
правду. Видите, как гордым бог противится, за неправду
ся гневает, а правда богу сердечная радость и вере правда
красота». Они же о том отказывают им и хвалятся им: «Есть
у нас царство волное и царь волной, благоверный государь
Иванн Васильевичь всеа Русии, и в том царстве велико божие
л. 318 милосердие, и знамя божия, святыя новыя чюдотво||рцы, яко
первыя, — тако от них и милость божия, яко от первых». И ла-
тынянин же речет им против на споре: «То есть правда, ина
*л*училося[60] быти в том царстве на отведывания веры християн-
ской: *ино они истинныя веры християнския*[61], и велико божие
милосердие в той земли. Как про них[62] молв*и*ти, пр*о*[62] святыя
чюдотворцы? А они по божию милосердию истинные великие
чюдотворцы, и велика от них благодать божия и исцеление
л. 318 об. бывает с верою приходящим || и есть велико божие милосер-
дие. Естьли бы к той истинной вере християнской да правда
турецкая, ино бы с ними ангелы беседовали».

[СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ КОНСТАНТИНЕ]

. 332 об. [Благоверный царь Констянтин и мати его благоверная
царица Елена веру християнскую уставили и иным царем
благоверным после себя град создан[63]. Констянтином царем
л. 333 и материю его благове||рною царицею Еленою восхвален
и нарекли ему имя Царьград. А благоверным царем Кон-
стянтином Ивановичем Царьград взят от турецкого царя Маг-
мета. А все то для гордости и неправды велмож Констянтино-
вых бог гнев свой послал на них неутолимый].

318 об. А рождение благовернаго царя Констянътина Ивановича
философи пишут про него, что он родился воин, от его меча
вся подьсолнечная не могла сохранитися, а в нем, благоверном
л. 319 цари была архаггельская сила. Он своего отца, благове||р-
наго царя Ивана Констянтиня града остался млад царствовати,
трех лет от порожения отца своего в Констянтине-граде
и на всем царстве греческаго закону християнской веры. Вел-
можи его до возрасту *царева*[61] царством его обладали и измы-

[60] *Испр.*; училося *Об.* [61] *П I, П II*; *нет Об.* [62–62] *Испр.*; молвыти пре *Об.*
[63] *П I, Об II, П II*; создал *Об I.* [64] *П I, Об II*; беды *Об I.* [65] *П I, ПII, Об II*;
наполнимся *Об I.*

тарили, бедами[64] сцепили и своими неправыми суды, межу-
319 об. усобную бран во царьстве том учинили; дру||г другу не могли
сердца своего обратити в добродетели, и сипели друг на друга,
яко змеи, и тоже наполнили[65] велможи его нечистым собра-
нием казны свои великим богатьством, от бед, и от кровей
и от слез крови християнския неправыми суды своими, емлю-
чы посулы с обоих стран, с праваго и с виноватого, и в том
л. 320 казны свои наполъ||няли златом и сребром, и многоценным
камением, нечистым своим собранием. И от того царство
его оскудело и казна царева, уже в бедах своих изумелися
от тех неправых судей, что их бедами сцепил*и*[66] и не почали
помнити о том ни о бозе, ни о государе, ни *о воинстве*[67], от ино-
племенник боронити веры християнской, толко о бедах своих
320 об. мы||слили, глаголюще: «Господи, како можем беды сия уту-
шити, гре*х*[68] ради наших и си нам неправыя судии послал
еси, господи, казны их не можем наполнити, как бы аду насы-
тити, и бед своих не можем утушити». Они же, велможи
его[68'] благовернаго царя Констянтина, наполнивше казны
л. 321 своя великим богатьством, и почали мыслити о вое царе||ве
и ркли так себе: «Царь наш будет воин на возрасту лет своих,
яко об нем философи пишут во многих странах, сядет ни кон*ь*[69]
свой, и возмет мечь свой в руку свою, и будет добрый
*па*ст*ы*рь[70] веры християнской, и будет неверных к вере при-
водити, и веру християнскую умножати, и славу божию воз-
321 об. вышати, и паче царя Александра || Македонскаго меча из рук
не пущати, с коня с воинскаго не *с*седати[71] и неверных к вере
приводити и веру християнскую умножати». Велможи же его
о том почали велми мыслити, как бы царя укротити от воин-
ства, а самем бы с упокоем пожити, так ркли себе: «Естьли
царя не укротим от воинства[72], *и наше богатство* будет *со*[72]
л. 322 иными веселитися, а нам с коня не бы||вати, [73]дом*у* сво*его*[73]
не видати». И умыслили книги написати от бога с великою
клятвою, кое не достоит *царю*[68a] християнскому на иноплемен-
ники ходити воевати, достоит ему от находу боронитися. Так
написали велможи его для своего упокою: «Естьли царь хри-
стиянский отведет воя своя *на*[74] иноплеменники и там будет
322 об. кровопролитие, и та кровь на нем въ||зыщется. Богатый нико-
ли воинства не мыслит, а думает о смирении и о кротости.
Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оску-

---

[66] *П I, Об II*; сцепило *Об I;* и сцепили *П II.* [67] *П I, П II, Об II*; *нет Об I.* [68] *П I, П II, Об II*; грехов *Об I.* [68a] *П I, П II*; *нет Об I.* [69] *П I, П II*; кон *Об I.* [70] *Испр.*; мастерь *Об I*; воин и пастыр *П I, П II.* [71] *П I, П II*; седати *Об I.* [72–72] *П I, П II*; будутсы *Об I.* [73–73] *П I, П II*; домов своих *Об I.* [74] *П I, П II*; во *Об I.*

деет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр,
царство его *шир*еет[75], и имя его славно и по всем землям.
А греки благовернаго царя Констянтина укр*о*тили[76] от ерести
. 323 своея, и они ц*а*рство[77] потеряли. Ко||ли было час и время
благоверному царю Констянтину на конь воинской сести
и мечь свой в руки взяти, и веру християнскую хранити, бо-
жиею помощию умножати, неверных к вере приводити; они
же ведали, неверныя, во многих странах от мудрых философ
своих прирожение царьское о воинстве его, что от меча его
323 об. вся подсолнечная не могла сохранитися, наипаче || Алексан-
дра благоверный царь Констянтин. Они же его мнози убоя-
лися, неверныя, по многим странам, а иные присылали о миру
глаголити с ним, а иные цари дань дают, а иные служити
приказывают к царю Констянтину благоверному. Благо-
верный же царь Констянтин вразумел от великия
мудрости своея, что есть хотя и многоценно да
. 324 найдется [78]*к*ому || даро*м*[78], то не мило живет, а мир
как может крепо*к*[79] быти, коли щита не розщепил и копия
не пр*е*ломи*л*[80] в недрузе? Хочю взем бога на помощь, на не-
друзи свои двигнути и все хощу божию помощию умирати
за щитом копьем своим». И велможи его, ленивыя богаты,
ни думают о войске, так ркли: «Но против ты, царю, бога
. 324 об. стоиш, от покоренных миру || не приемлеш, а писано есть,
кое не достоит царю християнскому на иноплеменники ходи-
ти воевати, но достоит *царю*[81] от находу боронитеся.
И книги пред него те положили. Царь же книги прочел; ино
писано от бога с великою клятвою: «Отведет царь войско свое
на иноплеменническую землю и там кровипролитие християн-
л. 325 ской, и та кров на царе взыщется». Царь || Констянтин Ивано-
вич книги прочел, да и укротел.

И по мале времени Махмет-салтан царь турецкий, с силою с великою по суху и по морю прииде под Царьград[82].



[75] *П I, П II*; ширяет *Об I.* [76] *П I, П II*; укрепили *Об I.* [77] *П I, П II*; цртво *Об I.* [78–78] *П I, П II*; тому даровое *Об I.* [79] *П I, П II*; крепко *Об I.* [80] *П I, П II*; приломи *Об I.* [81] *П I, П II*; нам *Об I.* [82] *П I, П II*; *нет Об I.*



ВТОРАЯ ПЕРЕДЕЛКА ПОВЕСТИ О НАЧАЛЕ ЦАРЬГРАДА ПО СПИСКУ ОБОЛЕНСКОГО

331 об.] Рече Петр Волос*кий*[1] воевода: от начала Царяграда пишут
мудрыя философы. Орел есть знамя небесное, знаменует храб-
рост и правда и друголюбъство сердечное. Змий же есть знамя
от диявола ненавистника рода христианского и учителя и со-
здателя нашего милостиваго Христа царя небеснаго. То есть
л. 332 знаменуется первое ненавидячи роду християнска||го и христи-
янския веры. Диявол всеет в них горьдость и неправду и нена-
вист и зависть. А орел есть знамя: господь бог, хранячи веру
християнскую, дасть им поучение от неверных и потом милость
свою великую даст им и всеет в сердца их правду и друголюб-
ство. Они же, християне, познают правду, что правда богу
332 об. любов и сердечная радость. Они же, аки || от сна, проснутся
и покаются лукавству своему и возъмутся за вечную правду
и утешат бога сердечною радостию. В силе божии и правда
силнее всего.



[1] *Испр.*; Волоску *Об.*



БОЛЬШАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ ПО ЩУКИНСКОМУ СПИСКУ НЕПОЛНОЙ РЕДАКЦИИ

Челобитна государю царю Ивану Васильевичу

л. 162 Государю благоверному великому царю и великому князю
Ивану Васильевичу всея Русии бьет челом холоп твой выезжей
из Литвы Ивашко Семенов сын Пер*е*светов[1]. Вывез есми из
Литвы к тебе, государю, речи твои государьские изо многих
королевств и от Петра воеводы волоского. И те, государь, речи,
дела твои царьские, легли в твоей государеве казне, а меня,
холопа своего, велел есми за те речи и за дела, велел еси, госу-
л. 162 об. дарь, гораздо пожаловать. || И по приказу твоему, государеву,
яз, холоп твой, гораздо пожалован. А те, государь, речи и до сех
мест перед тобою, государем, не бывали. Ино, государь, проти-
вень тех речей перед тобою, государем, а дела твои, госуда-
ревы, у меня службы моей. А о тех королевствах твоему царь-
скому прироженикю и знамеию небесному велми дивилися,
и хвалили, и славили мудрые философы греческие и дохтуры
латынския и рекли тако про те речи: «Годится такому госу-
л. 163 дарю воиньскому, от бога мудрому прироженному, || таковыя
речи златом розписати, и при собе на многие дела держати
и после себя иному государю оставити таковыя дела и славу
царьскую». И яз, государь, те речи достал в тех королевствах
и у мудрых людей. Как тебе, государю, полюбитца службишка
моя, холопа твоего?

А яз, государь, с теми речьми выехал из Литвы, уже тому
одиннатцать лет минуло, служу себе, государю благоверному,
поминая своих пращур и прадед, как служили верно государем
руским великим князем, твоим пращурам и прадедам, Пересвет
л. 163 об. и Ослебя || в черньцах и в схиме со благословением Сергия

---

[1] *Испр. (Здесь и ниже по П I)*; Пересветов *Щ*.

чюдотворца на Донъском побоище при великом князе Дмитрее Ивановиче, за веру християнскую, за святые церкви и за честь государ*еву* [2] пострадали, главы свои положили. И я, холоп твой, такоже выехал на твое имя царево во всем тебе, государю, верно служити, сколко бог поможет.

Тако рече Петр волоский воевода: «Естьли хотети мудрости царьской отведати и воинстве и о уставе жития царьскаго, ино
л. 164 прочести взятие Цареградцкое до конца, да не поща||дити себя ни в чем, да там найдет всю помощь божию. Бог помогает не ленивым, но кто труды приимает и бога на помоцъ призывает, да кто правду любит и праведен суд судит: правда богу сердечная радость а царю великая *мудр*ость» [3].

Приметил есми, государь, Петра волоского воеводу, был тебе, государю, великий доброхот и царству твоему; и яз, государь, потому слыша у него те речи, переписав, вывез к тебе, государю, служачи тебе, государю, как тебе, государю, полюбитца службишка моя, холопа твоего.

л. 164 об. И рек волоский воевода Петр: || «Ленилися греки за веру крепко стоять против неверных и от них неволею бусорманъскую веру веруют, бороняся от находу. И царь турецкой у греков и у сербов дети отнимает [4] на седьмой год н*а* [5] воинскую науку и в свою веру бусурмянят; они же, з детми своими разставаючися, великим плачем плачют, да никто же себе не пособит».

Пишут о тебе, государе благоверном и великом царе, мудрые философы, что будет о тебе, государе, слава великая, яко о цысаре Августе и о царе Александре Макидонском, ||
л. 165 тако и о тебе, государе, те мудрые философы и о воинстве твоем и о мудрости великой твоей. Да и то начитают в мудрых книгах своих тако: введеш правду великую в царство свое и утешиш бога сердечною радостию. И тако начитают мудрые философы, что не будет такие правды под всею подсолнечною, яко во твоем царьстве, и от твоей мудрости и великой грозы государевы лукавые судьи, яко от сна проснутся, да и посрамятся дел своих лукавых, да будут сами о том дивитися себе, что лукаво судили,
л. 165 об. и нечисто збирали || и богу велми согрешили безчисленно.

Ино так пишут о тебе, государе: ты — государь грозны и мудрый, и грешных на покаяние приводиш и правду в царство свое введешь, богу сердечную радость воздаси. Ко Августу кесарю во убогом образе пришол воин, принес к нему великия мудрости воинские, и он его про то пожаловал, а держал его близко себя и род его. А к царю Александру во убогом образе пришол воин с великою мудростию воинскою, от поганых муд-

---

[2] *Испр.*; государю *Щ.* [3] *Испр.*; милосердость *Щ.* [4] *Испр.*; отнимают *Щ.* [5] *Испр.*; но *Щ.*

л. 166 рость воинская не починается николи, хотя || и богатырь обогатеет, и он обленивеет: богатые любят упокой, воина всегды яко сокола чредить, сердце ему веселить, ни в чем до него кручины не допустить.

А яз, холоп твой Иваш Пересветов, одинатцать лет минуло, не могу доступить до тебя, государя благовернаго, великого царя: кому ни дам память, и они до тебя, государя, не донесут велможи твои. А на приезде, государь, приказал еси меня, холопа своего, боярину своему Михаилу Юрьевичу беречи во
л. 166 об. всем, и въскоре, государь, после твоего государева || приказу представися Михайло Юрьевичь; а я, государь, без приказу и до сех мест живу, до тебя, государя, доступить не могу, побити челом [6] о приказе. А приезжему, государь, человеку без приказу и без бережения прожити не мочно в твоем царстве государеве. И доступил есми, государь, до тебя, государя, у празника во церкви Рожества пресвятей богородицы: подал есми тебе, государю, две книшки с твоими речми царьскими, что есми вывез из ыных королевств, служачи тебе, государю благоверному,
л. 167 великому царю. И ты, государь, меня, || холопа своего, не приказал никому. И будет тебе, государю, великому царю, не полюбилося службишко мое и речи, что яз вывез из ыных земель и королевств, слыша от многих мудрых дохтуров и философ про твое царьское от бога мудрое прирожение, как пишут о тебе, великом царе, по земному знамению и о твоем царстве и о мудром воинстве, беречи веры християнския, и умножити, неверных [7] к вере приводити, и славу божию возвышати, и правду
167 об. во царство свое ввести, и богу сердечную радость воз||дати, — и ты, государь, те обе книшки отдать вели назад. Да и сю, государь, книшку, почетчи, мне ж вели отдать, только тебе, государю благоверному и великому царю, не полюбится.

А ехал есми, государь, из Угор на Волоскую землю, и был есми пять месяц у Петра воеводы волоского, в Сочаве, и он про тебя, государя великого князя благовернаго, и про твое царьство государево говорит, на всяк день у бога просит умножения веры християнския. И он говорит: «Такова была вера
л. 168 греческая силна и мы ся ею хвалили, || а ныне Руским царьством хвалимъся». А говорит так: «Боже! Соблюди ее от неверных и от ереси всякия». Да тово не хвалит, что крест целуют, изменяют; то есть великая ересь, что за веру християнскую не стоят и государю верно не служат. Да и того не хвалит, что особною войною на царьство свое попущают; дает городы и волости держати велможам, и велможи от крови и от слез рода

---

[6] *Испр.*; чело *Щ*. [7] *Испр.*; неверны *Щ*.

християнского богатеют нечистым собранием; сьедет с кормле-
об. ния из городов и с воло||стей, и в обидах присужают поля.
И в том на обе стороны многа греха сотворяют, крест целуют
на виновате оба исца, истец и ответчик: один, приложив, ищет
в своей обиде, а другой во своей обиде запрется. И в том обои
во гресех погибают, и в великую ересь впадают, и на бога хулу
кладут, не крепко крестное целование держат[8]. Те все бога
хулят, чем вера християнская укреплена, а они того крепко не
держат.

Так говорит Петр волоский воевода, про перваго царя тур-
169 скаго || Магмет-салтана: «Неверный царь добре угодно учинил,
великую мудрость и правду во царство свое ввел, по всему
царству своему розослал верныя своя слуги, пооброчивши их
ис казны своим жалованьем, чем им мочи прожить з году на
год. А суд дал полатной во все царство, судить без противня,
а присуд велел имать на себя в казну, чтобы не искушалися,
в грех не впадали и бога не разгневали. А какова велможу по-
жалует за его верную службу каким городом или волостью,
об. и он пошлет || к судьям своим, и велит ему по до*ход*ному[9]
списку выдати из казны жалованье вдруг. А просудится судья,
ино им пишется такова смерть по уставу Магметову: возведет
его на высоко место, да пехнет его възашей надол и речет так:
не умел ты в славе доброй быть и верно государю служити.
А иных живых одирают, да речет так: как обростет тело, отдаст
ти ся вина по уставу Магметову с великою грозою. А нынешние
170 цари живут тайно, а виноватым смерти росписаны, || а нашедши
виноватого не пощадити и лучьшаго, а казня*т*[10] и*х*[11] против дел
их, рекут тако от бога написано[12] комуж*до* по де*лам*[12] их».

Так говорит волоский воевода: «Знаменается в мудрых кни-
гах, пишут философы и дохтуры о благоверном великом царе
руском и великом князе Иване Васильевиче, что будет у него в
его царстве такова великия мудрость и правда и гроза неправед-
ным судьям от его мудрости великия и от бога прироженныя».

Так говорит волоский воевода про Руское царьство, что
об. велможи Рускаго царства || сами богатеют, имение емлют,
царство его оскужают, и тем они слуги ему называются, что
цветно и конно и людно выезжают на службу его, а крепко
за веру християнъскую не стоят, и люто против недруга смерт-
ною игрою не играют; тем богу лжут и государю.

И так говорит волоский воевода: «Что их много, коли у них
сердца нет доброво, и смерти боятся и не хотят умрети за веру
християнскую. И как им умирати? Всегда богатии о войне не

[8] *Испр.*; даржат *Щ*. [9] *Можно прочесть и* духовному. [10] *Испр.*; казня *Щ*. [11] *Испр.*; ит *Щ*. [12–12] *Испр.*; комуж подем *Щ*. [13] *Испр.*; богатым *Щ*.

л. 171 мыслят, а мыслят о покое; хотя и не богатый, [13] || а богатеет, и он обленивеет».

Так говорит волский воевода: «Воина держати, как сокола чредити, и всегда ему сердце веселить, и ни в чем до него кручины не допустити».

Ино так говорит волоский воевода: «Таковому силному государю годится со всего государьства своего доходы в казну себе имати и из казны своей воином сердце веселити; ино казне его конца не будет, и царство его не оскудеет. Которой воин лют будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет стояти за веру християнскую, ино
л. 171 об. таковым || воином имян возвышати, и сердца им веселити, и жалованья государева своего из казны прибавливать, и иным воином сердца возвращати, и к себе их блиско припускать, и во всем им верити и жалобы их послушати, во всем их любить, яко отцу детей своих, и быти до них щедру и милостиву: щедрая рука николи не оскудевает и славу царю собирает; что царю щедрость к воином, то ему и мудрость».

А про тебя, государя, про великого царя благовернагo воло-
л. 172 ский воевода говорит: «Таковому || государю годитца держати дватцать тысячь юнаков храбрых со огненною стрелбою, гораздо ученных, и стояли бы поляницы украинныя на поле при крепостях от недруга от крымскаго царя, изоброчивши их ис казны своим жалованьем государьским годовым; и они навыкнут в поле жить и недруга его крымскаго царя воевати. Ино та ему 20 тысящ лучши ему ста тысящь, и украинные его все будут богати, и не оскужены от врагов. А мочно ему, таковому силному государю царю, то все учинить».

л. 172 об. Так говорит Петр волоский || воевода про греческое царство: «Велможи греческие при царе Костянтине Ивановиче царьством обладали, и крестное целованье ни во что ставили, изменяли, и царство измытарили, и своими неправедными суды и от слез и от крови християнския богатество наполнили нечистым собранием и сами обленивели за веру християнскую крепко стояти, и царя укротили от воинства своими вражбами и прелестными пути и ересными чародействы, — и те грече-
л. 173 скую веру християнъскую и красоту || церковную выдали иноплеменником турком на поругание. А ныне сами греки за свою гордость и за беззаконие и за ленивство свое веру християнскую у царя турскаго окупают, великия оброки дают царю турецкому, а сами в неволе у царя турецкого за свою гордость и за ленивство. Греки и сербы наимуются овец пасти и велбудов у турков; и лутчие люди греки, и они торгуют».

Говорит волоский воевода с великими слезами про ту веру
л. 173 об. християнскую Рускаго царства и просит у бога || всегда умно-

жения веры християнския от восточного царства от рускаго
царя благовернаго и великого князя Ивана Васильевича всея
Русии. И' тем' ся царством хвалит греческая вера, надеются от
бога великого милосердия и помощи божия свободитися руским
царем от насилства турецкаго и иноплеменник.

И говорил волоский воевода: «Таковое царство великое
и силное и славное и во всем богатое царство Московское;
л. 174 естьли бы в том царстве была правда?» Ино у него || служит
москвитин Васка Мерцалов, и он того роспрашивал: «Ты го-
раздо знаеш про то царьство Московъское; скажи ми подлинно!».
И он стал так сказывать Петру волоскому воеводе: «Вера, госу-
дарь, християнская добра и во всем исполнен*а*[14], и красота
церковная велика, а правды несть». И к тому Петр воевода за-
плакал и рек тако: «Коли правды нет, тогда и всего нет». Да
тако рек волоский воевода: «Истинная правда Христос есть,
174 об. и сияет на вся небесныя высоты и земныя широты || и на пре-
исподния глубины мно*го*численное[15] светлое солнце, вся ему
колена покланяются небесная и земная и преисподняя, и все его
имя святое восхвалили и возславили, яко свят господь, силен и
крепок и безсмертный; велик бог християнский и чюдна дела
его, долготерпелив и многомилостив. И в котором царстве прав-
да, в том и бог пребывает, и помощь свою святую дает, и гнев
божий не воздвигается на то царство. Правды силнее в божест-
л. 175 веном писании не||сть. Правда богу и отцу сердечная радость,
а царю великая мудрость и сила. Помилуй, господи, веры
християнския и от неправды их. Так брался диявол всеми не-
правдами со греки, не любя веры християнския для того, что
вера християнская богу люба всех л*у*тчи[16], бог ея любит и дия-
вол изсилил всякою неправдою». И ныне пишут мудрые фило-
софы и дохтури о благоверном царе и великом князе Иване Ва-
сильевиче всеа Русии, что он будет мудр и введет правду в
царство свое». ||

175 об. И тако говорит волоский воевода и просит милости у бога,
моляся: «Боже! Дай милосердие свое великое, чтобы эта его
мудрость не оминула великого царя благовернаго, и толко бы
по нашим грехом да не то царство руское осталося и просияло
верою християнскою волное царство. Ино нам нечего говорить
греческой вере, яко жидом и арменом, что нет у них небеснаго
царя, и царства волнаго нету же у них; а мы тем' царством рус-
ким хвалимся, царем волным християнским греческой вере».

л. 176 И тако||говорит волоский воевода: «Соблюди, господи, на
многие лета и умножение веры християнския».

---

[14] *Испр.*; исполнени *Щ.* [15] *Испр.*; многочисленное *Щ.* [16] *Испр.*; лютчи *Щ.*

А о том велми дивится Петр волоский воевода и говорит
так: «Великий государь и силный царь благоверный таковыя
великия досады терпит от своего недруга [17] от казанскаго царя,
то ему пущой недруг казанской царь. И не надобет ему так
много терпети. Как был Магмет-салтан туреский ко Царюграду
дань давал благоверным царем, жил в великом смирении
и безбранно; а отец его разбойник был на море, и турецкою зем-
л 176 об. лю осилел, засел, || и потом грех ради наших Магмет-салтан
разбойнический род осилел, Царьград взял, и благовернаго ца-
ря Констянтина потребил, и вере християнской поругалися, и
красоту церковную обесчестил, звоны церковныя поотнимал, и
кресты с церквей поснимал и образы церковныя из церквей выно-
сил, и в церквах мизгиты поделал на свои сокровенныя мо-
литвы».

И Петр волоский воевода так говорил, у бога молил: «Боже!
Буде милостив над руским царем благоверным, великим кня-
л. 177 зем Иваном Васильевичем всея Русии || и над царьством его,
да не уловили бы его любви тако велможи враждбою от ереси
своея, лукавством своим, с великого богатества ленивством
своим, да укротили бы от воинства, боящися смерти, яко бо-
гатым не умирати. Яко же благовернаго царя Констянътина
Ивановича Царяграда велможи укротили от воинства враждбою
от ереси своея и ле*ни*вства [18] ради лукавством своим, и оне
царство благовернаго царя потеряли, и царя благовернаго Кон-
стянтина потребили иноплеменническим мечем. Изначала не
177 об. х||валят мудрые философы, что которыи велможством своим ко
царю придвигнется не от воинские выслуги, ни от иные кото-
рые мудрости, ино про тех мудрые философы говорят: то есть
чародеи, ересники, у царя счастье отнимают и мудрость царь-
скую, и к себе царьское сердце разжигают ересью и чародей-
ством, воинство кротят». И то говорит волоский воевода:
«Таковых подобает огнем жещи и иные лютые смерти давати,
чтоб зло не множилося; без лица им вина, что воинство у царя
л. 178 кротят, и мысль царь||скую отнимают. А царю без воинства не
мо*чно* [19] быти: ангели божии и небесныя силы, и те на един час
из рук своих пламенного оружия не выпущают, стрегут рода
человеческаго от всякия пакости от Адама и до сего часа.
А царю земному как без воинства быть? Воинами царь силен и
славен. Царю быти благоверному благодатию [20] божиею мудро-
стию великою на царьстве своем, а до воинов быти, аки отцу до
детей своих, щедру. Что царьская щедрость до воинов, то ево

[17] *Испр.*; от недруга *Щ.* [18] *Испр.*; левстства *Щ.* [19] *Испр.*; мощи *Щ.*
[20] *Слог* ти *вставка XIX в. в Щ.*

178 об. и мудрость, щедрая рука ни||коли не оскудевает и силу бесовъскую премогает».

Тако рече Петр волоский воевода: «У благовернаго царя Констянтина во Цареграде воины оскудели и обнищали, а мытари обогатели. А иные воины видячи непризорство благовернаго царя к воинству, и они, оставивши воинство, да на мытарство же прелщалися, и царьство царя Констянтина вооскужали и казну цареву. А сами мытари избогатели; и пошлют его где збирати царьские казны, ино царю где взяти в казну царьл. 179 скую || сто рублев, и они на царя возмут десять рублев, а на себя сто рублей. А хто их посылает, велможи царьские, и те с ними делилися, а царство благовернаго царя Костянтина оскужали и казну цареву, а сами богатели от крови и от слез роду християнского. А велможи друг о друге печаловались царю Костянтину о кормлениях, и о городех, и о *на*месничестве,[21] яко гладные псы хистяся на слезы и на кровь християнскую. А царь всех их волю чинил, и во всем их государь веселил, и особною войною на царство свое напущал, велмож своих ||
179 об. неприятных слушал и всем бога разгневил».

Да тако рек волоский воевода: «Суд был греческий неправеден, а купля их была нечиста: купец не умеет товару своему цены уставить. Первое душу свою продаст, тоже и товар продаст. Нечисто собрание их было. А велможи царьские на городех и на волостях домышлялися лукавством своим, дьяволским прелщением мертвых из гробов новопогребенных выгребали татем, и гробы тощи загребали; да того мертвого челол. 180 века рогатиною исколовши, или саблею || иссекши, да кровью измажут, да богатому человеку в дом подкинут, да исца ему ябедника подставят, который нимала бога не знает, да осудивши его неправедным судом, да тот двор его и з богатеством со з дом розграбят. Нечисто богатели дияволским прелщением, а царевы грозы к ним не бывало, всем бога гневили и поучение божие и святых забыли. Ино про то на них господь бог разгневался неутолим*ым*[22] гневом своим, послал на них плен иноплеменника Магмет-салтана турецкого от нискаго колена
180 об. разбойническаго || рода, и Магмет-салтан потребивши[23] царя Костянтина, вземши веру християнскую, *се*бе[24] в помощь богом[25] *выдана* была[25] грех ради их и гордости, что они мир от царя отбивали и жалобников к царю не припущали. И управы в царстве Костянтинове не бывало от велмож Костянтиновых; а они, велможи, сами обиду великую в царстве делали, и царство оскужали, и то они не мир отбивали от царя и не

[21] *Испр.*; помесничестве *Щ.* [22] *Испр.*; неутолим *Щ.* [23] *Испр.*; потребившися *Щ.* [24] *Испр.*; небе *Щ.* [25–25] *Испр.*; была но *Щ.*

жалобников, отбивали они от царя божия милосердия, да и отбили».

л. 181 Тако рек волоский воевода со || слезами о вере христианстей: «И по грехом нашим стало, что впали есмя неверному в неволю иноплеменнику для беззакония великого греческаго, что греки тмы для свет отставили, во всем в ересь впали, и бога разгневили неутолимым гневом. И *не*верный [26] иноплеменник познал силу божию, Магмет-салтан турецкий взял Царьград, и уставил праведен суд, что бог любит, во всем царстве своем, и *у*тешил [27] бога сердечною радостию, и за то ему бог помогает, многие царства обладал. А он правду великую ввел, уставил

л. 181 об. в царстве своем || купцем купить и продать единым словом, хотя на тысящу рублев. *Да рек так*: [28] «Делайте правду [29] в царстве моем, богом данным, видите, чтоже бог любит правду, за неправду гневается неутолимым гневом своим, да мне, малому царю, выдал великого царя; держитеся заповеди божия, доволни будете от поту лица своего, яко отцу нашему первому бог заповедал Адаму, создав его, и дал ему всю землю в помощь его, и велел делати землю, в поте лица своего ясти хлеб;

л. 182 и Адам заповедь божию исполнил. || Ино нам такоже подобает во всем слушати, и правдою сердечною ему радость воздати».

И тако рече волоский воевода: «Не веру бог любит, правду. Правда — Христос бог наш, сын божий, и возлюбленный, в троицы единый, и в божестве неразделимый, едино божество и сила; да оставил нам правду, любя евангеля и веру християнскую надо всеми верами, и указал путь царствия небеснаго во еуангелии. И греки во еуангелии чли, а ныне слушали, а воли божии не творили, на бога хулу положили, и в ересь впали. И всех дьявол

л. 182 об. прелстил велмож Коньстянтиновых, всю его дьявол||скую волю творили во всем, бога прогневили, и сами прелстилися, и царство Костянтиново все на прелщение пр*и*вел*и* [30], и поработили род християнский те же прелестники, дьяволскую волю творячи. Коли Адама господь бог изгнал из раю, а он заповедь божию преступил, и тогда дьявол его искусил, и запись на него взял. И Адам было навеки погиб, и господь бог милосердие свое учинил. волною страстию своею Адама извел изо ада, а запись изодрал. И един бог надо всею землею и вселенною, и то есть которыя

л. 183 и запысывают людей в работу, || в веки прелщаются, дьяволу угождают, и которые прелщаются для светлые ризы да во веки записываются в работу, те от бога погибают навеки».

И тако рек волоский воевода: «Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворится, и татба, и разбой, и обида,

[26] *Испр.*; новерный *Щ*. [27] *Испр.*; тешил *Щ*. [28] *Испр.*; нет *Щ*. [29] *Испр.*; правде *Щ*. [30] *Испр.*; превели *Щ*.

всему царьству оскужение великое, всем бога гневят, дияволу угождают. У царя Костянтина велможи его всем тем беззаконием [31] исполн*ились и* [31] бога разгневили, ино от них живые мертвым позавидели, а волные порабощенным от велмож Кон-
183 об. стян||тиновых. А благовернаго царя Констянтина осетили кудесами, и вражбами уловили, и мудрость воинскую от него отлучили, и богатырство его укротили, и меч царьский воиньский отпустили, и учинили его в безпутном житии. Именем было царьским немочно прожить никому, ни главы им выклонить, ни версты перейти и переехать от бед и от велмож его: все царство заложилося за велмож его; и слыли их именем для прожитку, ждучи мудрости царьской, и дождалися. А то греки забыли,
л. 184 яко знамение господь бог по||казал над Фараоном царем египетским, морем потопил ево и велмож его для того, что он израилтян поработил. Ино то знамение велико от бога, что бог гордости не любит и порабощения. А греки за то же погибли, за гордость и за порабощение. А израилтяня умножилися и возгордели, а бога забыли, и погибли в неволе и в разсеянии; нет им царства волнаго, и царя не познали, сына божия Христа царя небеснаго, и сердце их окаменело в гордости. И турецкий царь
184 об. салтан Магмет великую правду в царство || свое ввел, иноплеменник, да сердечную радость богу воздал, да к той бы правде та вера християнская, ино бы с ними ангели беседовали».

Да рек Петр, волоский воевода про Казанское царьство: «Естьли хотя вземши бога на помощь Казанскаго царства добывать, ино себя ни в чем не пощадити, послати воинства на Казань, но возрастивши сердце воином своим царьским жалованьем и ласкою и приветом добрым; а иные воины удалые
л. 185 послати на улусы казанские да велети их жечи, и лю||дей сечи и казнити. Да бог помилует и помощь святую свою даст извоевати их: да и крепитися крепко. А слышал есми про ту землицу, про Казанъское царство, от многих воинов, которые в том царьстве Казанском бывали, что про него говорят, применяют ее к подр*ай*ской [32] земле угодием великим. Да тому велми дивятся, что таковая землица не великая, а велми угодна, у таковаго силнаго царя под пазухою, а в недружбе; а он ей долго терпит и кручину великую от них принимает, хотя б таковая ||
185 об. земля угодная и в дружбе была, ино б ей немочно терпети, и за такое угодие».

Государь благоверный, царь и великий князь Иван Васильевичь всея Русии! Был есми, государь, в Сочаве у Петра воеводы волоскаго, пять месяц я, холоп твой Иванец Семенов сын

[31–31] *Испр.*; исполнена *Щ*. [32] *Испр.*; подранской *Щ*.

Пересветов, и видел есми ево мудрость великую и те речи говорил от научения мудрости философския, занеже, государь, сам воевода Петр ученый философ и дохтур мудрый был, и ему служили мудрые люди и мудрые философы и дохтуры; и он,
л. 186 государь, начитал в мудрых || своих книгах с своими дохтуры и философы мудрыми про твое царское прирожение по небесному знамению, что быти тебе, государю великому, и покорит бог недруги твои тебе, государю, и божиею помощию дочлися в книгах, что обладати государю многими царьствы.

Тако, государь, то начинают во многих своих книгах мудрых в видоцех, что будет на тебя, государя, яко же на царя Конъстянтина царяградцкаго от ворожеб и от кудес то знаменуется, от них и укрочение воинству твоему мудрому, будут
л. 186 об. доходити велможи твои твоей || любви царской вражбам*и* [33] и кудесы прелестными пути ни по роду, ни по чину, ни по воинству, ни по мудрости, которая бы мудрость пригодилась тебе, государю, ко светлости твоей царской и в твоем царстве государеве. И то они начитают, что теми кудесы и вражбами твою мудрость от бога прироженную и счастье отлучают, и воинство кротят, к чему тебя благовернаго царя бог природил, а к себе твое сердце государево разжигают великою любовью, и не можешь без них ни часу быти. И видел есми, государь, что Петр
л. 187 волоский воевода, став перед || образом пречистыя владычицы нашея богородицы, молился со слезами о твоем многолетном здравии и чтоб господь бог совершил твое царс*кое* [34] от бога мудрое прирожение к воинству и счасливое *во* [35] умножение веры християнския и во исполнении веры и правды во царствии твоем, как им их сказуют о твоем царьском прирожении, и по небесному знамению и уловления вражебнаго твоих велмож и от кудес всяких ересных их пут бог избавил бы своею святою великою молитвою, чтоб его не оминуло царьское от бога муд-
л. 187 об. рое прироже||ние и счастливое к воинству, к чему его бог природил. Да так волосский воевода рек: «Толко его бог соблюдает от того ловления велмож его, ино таковаго царя подо всею подсолнечною мудраго не будет воина и счастливого к воинству, введет в царство свое великую правду, и за то ему господь бог многие царства покорит».

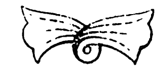
А меня, холопа твоего Ивашка Пересветова, уимал Петр волоский воевода, служити, и яз, холоп твой государев, слышачи таковые речи у мудрых людей и у великих и у многих
л. 188 дохтуров и философов про тебя, великого || царя, и про твое царьское от бога мудрое прирожение и счастливое к воинству

---

[33] *Испр.*; вражбам *Щ*. [34] *Испр.*; царство *Щ*. [35] *Испр.*; *нет Щ*.

и, оставив службы богатые и безкручинные, ехал к тебе, государю благоверному царю, с теми речьми и з делы воинскими служити, как тебе, государю, полюбитца службишка моя, холопа твоего.

Аще ли котораго царя мудрость его прироженная воинская *оминет* [35] и приидет на него великая кротость, и то есть уловление от врагов, не будет царь мыслити о воинстве и о *у*праве [36] во царстве своем, будет веселится с теми, которые ему сердце раз-
188 об. жигают вражбами и многими || прелестными пути; а на воины своя великая кручины напустит и на все царство свое и неутолимыя беды великия от велмож своих, да ничто ж ему бу*дет* [37] мило, ни которые мудрости, ни воинския, ни жития царства того, и которые мудрости воинские будут до него приходити или его царское прироженые, и мудрость начнет ставити ни во что.



[36] *Испр.*; праве *Щ.* [37] *Испр.*; бут *Щ.*



НИКОНОВСКИЙ ВИД НЕПОЛНОЙ РЕДАКЦИИ ПО БИБЛИОТЕЧНОМУ СПИСКУ

[СКАЗАНИЕ О КНИГАХ]

л. 848 об. Царь же Магмет-салтан списал книги крестьянския по-турски слово в слово да помыслил с своими сеиты, и с молнами, и с обызы, и с мудрыми паши, со всею своею верною думою, и хотел греческих книг Настасию патриарху не отдати и крестьянскую веру, греческий закон, подернити до тла во Иерусалиме и во Цариграде. Ино сведал Настасий патриарх Магметеву салтанову мысль да пошел в западныя своя хоромы, где прежние святителие на молитвах своих святых стояли и сердцем бога видели, и ангелом были собеседники, и ангелом небесныя глаголания ведали, и всю силу божию от анге-
л. 849 лов святых и от беседник своих. || Анастасий же патриарх с великим плачем, сердечными слезами пред образом спасовым и пред пречистою богородицею Христа бога нашего заплакав, рек тако с великим плачем пред Христом: «Господи царю, владыко человеколюбец, всевидящее око владычне! Видишь таковое поругание от безверных агарян, от безбожных турков и от иноплеменник? Святым твоим церквам поругаются, кресты с церквей поснимали, и звоны поотнимали, и твоя святыя образы нечестно и из церкви выносили, и святыя престолы поломали, и книги у меня, раба твоего, поотнимали. Всем тем вере твоей любимой крестьянской наругаютъся. Ино твоя ли господня воля стала, что те безбожные сыроядцы, иноплеменники, над твоими святыми церквами и над твоими чюдъными образы наругаютъся?». И бысть к Настасею патриарху с небеси глас сошел и рече тако Настасию патриарху: «Велел сказати о том царь небесный человеколюбец: аще ли бы на вас не то напустил, и аз бы на вас напустил, яко на Содом и на Гомор, вечный гнев свой и огонь [1]: и потому на вас напустил на поучение агарян иноплеменников турков, а не на веки,

[1] *Испр.*: огню *Б, Т, Н, С.*

любячи вас. Ино как тебе видиться груско и твоему сердцу кручина великая иноплеменническое поругание Христу богу нашему, грузчая того было, что есте во всем заповедь мою свя-
849 об. тую || переступили, а яз у вас оставил житие земное и путь царства небеснаго». И услышал господь бог наш царь владыко человеколюбец[2] молитву[3] Настасия патриарха и напустил великий страх на Магметя и на его сеиты: виделся ему Христос бог наш владыко человеколюбец во сне и напустил на него трясение. И посла царь по Настасея патриарха и рече тако: «Ты ли ся жаловал на меня богу своему? Виделся ми во сне велми грозно и напустил на меня таковую болезнь. И ты возми свои книги да исправи своя дела, что вам Христос приказал, да и о мне помолися богу своему. Аще бы мне того царства не выдал бог ваш, и мне мочно ли о том умудрити, аще бы на то воля божия не была? Все то есмь божию волю делал». Патриарх, вземши книги, з благодарением Христа бога нашего, царя небесного человеколюбца, и рек пред царем: «Велик бог християнский и силно милосердие его и чюдна дела его! Да види, патриарх, велико господне милосердие, что бог на меня, иноплеменника, ужасть велику напустил и страх за крестиянския книги». И патриарх Настасей опять вскоре пошел во светительския западные хоромы, где прежние святители на молитвах своих святых стояли и сердечными слезами
л. 850 своими бога на помощь призывали || и сердцем бога видели. И патриарх Анастасий стал на молитве сердечными своими слезами, видячи таковое знамение божие, что господь бог на неверных страх напустил за книги греческия християнския. А рек Настасей тако к богу во святых своих молитвах сердечными[4] своими слезами: «Господи! Дай свою великую милость, приведи сих к вере, чтобы неверные познали имя твое Христово и святое твое великое милосердие и силу божию! Как им, господи, терпиши великое сие поругание неверных, что они, неверныя сыроядцы, всей твоей святыни наругаются, кресты со святых твоих церквей поснимали, и образы святых твоих нечестно повынесли, и престолы святыя твоя поламали и во святых твоих церквах собе мизгити изделали на свои скверные молитвы иноплеменническия безбожныя агаряне?». И от бога небесный глас с небеси сшел к патриарху Настасию и рече тако Настасею патриарху: «Люто ли тобе то видети и грузско твоему сердцу неверных сих поругания святыни моей? А яз им святыни своея на поругание не выдал: видите, есть мое знамя святое небесное, яко свою святыню от[5] святых храмов и от

---

[2] *Испр.*; любец *Б, Т, Н, С.* [3] *Отсюда начин. список Тр.* [4] серидечными *Т, С*; *в Б написано по стертому.* [5] *Испр.*; *нет Б, Т, Н.*

чюдотворных своих образов и от чюдотворцов и от мучеников, угодников моих, волных страстотерпцев, всю свою святыню
л. 850 об. взял к себе на небо дотоле, доколе будет || мое святое милосердие опять во Иерусалиме и во Цареграде. Лише есмы выдал вас на поучение правды моея неверным иноплеменником, да не в веки, доколе будет к вам мое святое милосердие, и во умножение веры крестьянской. Ино то ли тобе, Настасию патриарху, видитъся сие поругание неверных и груско сердцу твоему, что они, неверныя иноплеменники, крестьянской веры не знают? Лютее мне, господу богу вашему, от вас терпети, что есте мене познали, бога своего, и веру крестьянскую мою любимую надо всеми верами, да ни в чем есте моее воли не творили, во всем есте мене, бога своего, прогневили, заповедь мою преступили. Да еще лютее мне того от вас было терпети, что есте мою святую волю творите, смиренное житие приимаете мнишеское со мною со Христом, да чаяние и святыню на себя возводите сами и брат к брату гордость и роптание; и пришедши во святую мою церьковь да став по своим мнишеским местом, да кланяетеся, яко трава от ветра, а сердца своего в кознях и в роптании своем брат на брата не обратите*ся*[6]. Приняли есте бремя мое лихкое и добродетель и братолюбство общаго жития моего брат брата люби*ти*[7] яко сам себя любиши,
л. 851 и вам || болши того святаго великаго милосердия что надобеть? Во всем есте заповедь мою преступили и мене, господа бога своего Христа, царя небеснаго, разгневили и забыли: а яз оставил у вас житие земное и путь царства небеснаго».

И господь бог рек Настасею патриарху святым своим небесным гласом: «Аминь! Глаголю тебе, Настасие: то ли тобе видитца и груско твоему сердцу? А мне от тебе еще того лютее и грузчая, что еси моего святаго божественнаго престола наместник, в мое место Христово пастыр*ь*[8] *и*[9] учитель веры крестьянской царю и всему миру: царь сшел Констянтин с праведнаго суда, и весь мир прелстися на нечистое собрание, суд и хлебы лукав и слезень, слезы и кровь мира сего рода крестьянского неповинно осужены и на мои святыя чюдотворныя образы от лукавых судей и брызгали от неправедного их суда; а твоего святительского поучения к ним не было, и на путь еси мой святый не направил их, во всем еси заповедь мою святую преступил. Аще бы еси не разлил ныне предо мною, господем богом своим, Исус Христом, царем небесным, сердечных своих слез, поминаючи свое великое согрешение, аще бы

---

[6] *Испр.*; обратится *Б, Т, Н, С, Тр.* [7] *Испр.*; любите *Б*; люби *Тр.* [8] *Испр.*; пастырем *Б, Н, С, Тр, Т.* [9] *Испр.*; *нет Б, С, Н, Тр, Т.*

тебе не те сердечные слезы предо мною пролились о гресех твоих, — все бы то на тебе, Анастасие, взыскалося на праведнем моем суде да отвержен бы еси был от лица моего свя-
л. 851 об. того || на веки. Да нынеча поучение мое святое напишите да розошлите по общим житиям моим и по настоятелем общаго жития на молитвы искренныя сердечныя, да всегда бы было братолюбство промеж вас, да оставите козни и роптания и чаяния о святыню мнишескую; а яз, господь бог ваш, всегда буду промежу вас с миром».

А от святых Настасиевых молитв пришло на царя Магметя великое сумнение про книги греческия. И царь Магмет о том велми много мыслил приняти веру християнскую. Да тако рек Магмет-салтан сеитам своим и молнам и пашам: «Се есми праведен суд во царство ввел, а се веру християнскую прииму да буду господу богу, небесному царю самому, угодник». И сеиты и молны и паши ему молвили: «Аще бы тое веру бог любил, и он бы тобе ее не выдал». И в том царя Магметя его сеиты и молны[10] и паши с путя божия своротили. И Магмет-салтан бога в сердцы держал и крестьянской веры из мысли не выпустил до скончания века своего, и поту чела своего уживал, ис казны своей царской во уста своя ничего положил: что сам царь зделает да пошлет продати, да на то себе велит ести купити. А рек тако[11]: «Исполняю заповедь бо-
л. 852 жию. Господь бог приказал первое отцу нашему || Адаму поту чела своего уживати». И Магмет-салтан, турской царь, снял образец жития света сего с крестиянских книг.

[СКАЗАНИЕ О МАГМЕТЕ]

Турской царь Магмет-салтан сам был мудрый философ по своим книгам по турским, а се греческия книги прочел, написа*в*[12] по-турски слово в слово, ино у царя Магметя великие мудрости прибыло вдвое. И царь Магмет-салтан тако рек сеитам своим и молнам и пашам и абызам и кадыям: «Пишиться о благоверном царе Констянтине великая мудрость. Вы есте и сами, мои мудрые философы, досмотрите того в свои мудрыя книги, как о великом царе Констянтине пишут: царь Констянтин родился источник воинския мудрости; ино пишется: от меча его вся подсолнечная не могла ся сохранити. И он отца своего остался млад, трех лет от роду своего, на своем царстве; и греки для своего злоимства и нечистаго собрания от слез и от крови крестьянския захотели обогатети, и они

[10] волны *С, Н.* [11] *Испр.*; *нет Б, С, Т, Н, Тр.* [12] *Испр.*; написал *Б, Т, Н.*

праведный суд злоимали да осужали неповинно по мздам. И *та*[13] неповинная кровь и слезы, аки столп, ко господу богу в небо шла с великою жалобою, что велможи царевы Констянтиновы до возраста царева *на*богатели[14] от нечистаго своего собрания, от слез и от крови християнския. На воз-
л. 852 об. расте цареве и царь Констянтин почал трезвитися от юности своея, как от сна пробужатися, || и почал приходити к великой мудрости к воинской и ко своему царскому прироженикю. И вельможи Констянтиновы, видячи то, что царь Констянтин приходил к великой мудрости и к своему царскому прироженикю, да и будет с коня своего воинского не сседати, и пишетъся о нем от мудрых философов: во всех странах от его меча вся подсолнечная не может сохранитися, — и велможи его рекли: «То нам от него суетно житие будет, а богатество наше будет с ыными веселитися». И рек Магмет-салтан, турской царь, мудрым своим философом: «Видите то, как они, богати, так и ленивы, и осетили царя Констянтина вражбами и великим своим лукавством его лови*ли*[15], козньями и дьяволскою прелестию, и мудрость его и *с*частъ*е*[15a] укротили и меч его царской своими прелестными вражбами обнизили, а меч его[16] был высок надо всеми надрузи его божиим повелением, и в нем была архангельская сила; и они и то ересью своею ухитрили, для своего богатества обленились[16a], не хотя смертною игрою играти, царство и веру крестьянскую выдали неверным на поругание ленивства ради и сами погибли». И Магмет-салтан, турской царь, тако рек философом своим: «Видите то, что бог
л. 853 хитрости и гордости и ленивства не любит; про то господь бог || противитъся и за то великим своим и неутолимым своим гневом казнит? Видите то, что нам господь бог такова великого царя и по писанию мудраго выдал, уроженнаго источника воинского: греческ*ая*[17] гордость и прелукавство и ленивство и вражба их бога разгневила, что таковаго царя мудраго вражбами своими осетили и лукавством своим уловили и воинство его укротили. А яз вам, мудрым своим философом, о том говорю: поберегите мене во всем, чтобы вам бога ни в чем не розгневити и богу угодити».

Лета 6961-го царь же Магмет-салтан велел со всего царства все доходы к собе в казну имати, да ни в котором граде велможам своим наместничества не дал для того, чтобы его велможи не прельщалися неправдою судити; и оброчил их ис казны своей царской оброком на год, кто чего достоин.

---

[13] *Испр.*: тако *Б.* [14] *Испр.*: и обогатели *Б.* [15] *Испр.*: ловити *Б, Н, Т, Тр.* [15a] *Испр.*; часть *Б, Н, С, Т, Тр.* [16] *Далее нет Тр, включая* прямые погибли (*Б, л.* 859). [16a] *Испр.*; обленилились *Б.* [17] *Испр.*; греческую *Б, Н, С, Т.*

И во все царство суд дал прямой и велел присуд имати к собе
в казну для того, чтобы не искушалися и неправды бы не
судили. Да приказал судьям своим не дружитися неправдою,
не гневити бога, держатися правды, что бог любит. Да посла
по градом судьи свои, паши верныя, и кадыи, и шубаши,
и амини, и велел судити прямо. И рек тако: «Братия моя, люби-
мии и верныя паши, и каидыи и шубаши, и амины! Судите ||
853 об. прямо и воздайте богу сердечную радость». Да по малу вре-
мени обыскал царь судей своих, что они судят по посулом,
и велел им злоимство перед собою положити. И царь им в том
вины не учинил, толко их велел живых одирати. Да так рек:
«Они обрастут телом, ино им вина ся отдаст». А кожи их
велел проделати, и велел на кожах бумаги набити, и в судеб-
нях железным гвоздием велел прибити, и велел на кожах напи-
сати: «Без таковыя грозы правды в царство не мочно ввести».
Правда богу сердечная радость, в царстве своем правда дер-
жати, а которому царю хотети в свое царство правда ввести
нашедши виноватого, ино и любимаго не пощадети; как конь
под царем без *у*зды [18], так царство без грозы. Царь Магмет
салтан тако рек: «Не мочно царю царства без грозы держати.
Также царь Констянтин велможам своим волю дал и сердцем
веселил, и велможи о том радовалися и неправду судили, обема
им по своей вере крестьянской целования судили, правому
и виноватому, и они оба неправ*ы* [19], — един бою запреться да
речет так: не бивал есми его и не грабливал; а другой для
л. 854 своего бою да приложит грабеж; || да оба исца крест поцелуют,
и на поле, бьютъся, да богу изменят, и сами от бога навеки
погибнут. И таковыя злыя бога гневят, которыи в сердцах
своих правды не помнят, и тем, злым, с неправыми судьями
мука вечная готовится. Во всем в том греки в ересть впали
и в крестном целовании и греха не ставили, во всем бога про-
гневали».

И царь Магмет вразумел о великой мудрости, что есть тако-вый суд великой грех и бога гневит, и он дал одному з жребья крестное целование, целовати крест так: направивши вогненную стрелбу против сердца и самострел против горла, а дотоле стоять против таковыя смерти, доколе отец его духовной десятия приговорит приказ евангилския притчи: не лжи, не кради, лжив послух не буди, чти отца и матерь и люби ближняго своего, яко сам себе любиши. То Магмет-салтан царь дал греком крестное целование з жеребья: аще ли его огненая стрелба не убиет и самострел на него не вспустит, а он крест поцелует

[18] *Испр.*; езды *Б, Т, С*; езды, *но испр. на* узды *Н.* [19] *Испр.*; неправды *Б. С, Т, Н.*

и свое возмет, о чем суд был; и он так рек: «Той есть жеребей божий суд». А турком дал через вострой мечь горлом преклонившимся шерсть пити, а мечь наведен. А молнам своим
л. 854 об. велел при том месте || быти и их наказати по своей вере по турской с того же обычая греческаго; аще мечь на воду не вспустит[20] и горла его не рушит, и речь свою доведет и через мечь шерсть пиет, и он свое возмет, в чем им суд был, — и той есть божий суд. А поля им судил в своем царстве бес крестного целования: нагим лести в темницу бритвами резатися; а бритву одну положат в тайне месте, и кто бритву найдет, тот и прав и свое возмет, на чем ему суд был, — то есть суд божий. А правой в виноватом волен: хочет, его ис темницы выпустит; хочет, его зарежет. Тем же царь Магмет-салтан велико умудрилъся, кое в свое царство правду ввел, и он великия грозныя знамяна им указал для того, чтобы люди не слабели ни в чем и бога не гневили. А ту мудрость царь снял з греческих книг, образец — таковым было греком быти. И Магмет правый суд в свое царство ввел, и ложь вывел, и воздал богу сердечную радость, и рек Магмет-салтан тако: «Бог любит правду всего лутчи[20а]; не мочно царю без грозы царства держати; тако же царь Констянтин велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовалися и нечисто свое богатество збирали, а земля
л. 855 и царство плакало и в бедах купалося. || И за то господь бог разгневался на царя Констянтина и на велможи его и на все царство греческое неутолимым своим гневом святым, что они правдою гнушалися и того не знали, что бог любит всего силнее правду. А вы меня на то же ли приводите, чтобы яз такоже бога разгневил да и с вами бы загинул?». И послал на те свои грады прямые судьи, угрозиша своею царскою грозою, и выдал им судебные книги, по чему им правити и винити. А суд им дал полатной, на всяком городе бес противня, и послал на всякой свой град и во все свое царство велможи свои, и паши, и кадыя, и шубаши, и аминя, то есть судьи царевы на всяком граде. А воинников своих велел судити с великою смертною казнию безпошлинно для того, кое бы лиха не множилося. А судей своих оброчил ис казны своим царским жалованием для того, чтобы не искушалися неправды судити. А воинников судят паши; под которым колко войска в полку, и тот свое войско знает судити прямо, для великие грозы царевы безпошлинно и безпосулно, а суд их свершает вскоре.

И тем[21] царь умудрился, умножил сердце свое войску своему, да возвесели вся войска своя. А з году на год оброчил своим царским жалованием ис казны своее, хто чего

[20] *Испр.*; вспустил *Б, Т, Н.* [20а] *Испр.*; лучите *Б.* [21] *Испр.*; тех *Б, С, Т, Н*

достоин; || а казне его несть конца: богом исполнена за великую правду. И то со всего царства, из городов, и с волостей,
855 об. и с вотчин, и ис поместей, все доходы в свою царскую казну велел собрати по всяк час. А те зборщики ис казны же оброчил своим жалованием, которые казну цареву збирают, и после тех зборщиков обыскивает, по приказу ли царскому збирают, а для того, чтобы царство его не оскудело. А войско царское с коня не сседает николиже, и оружия из рук не пускают. А воям своим *всегда сердце весилит*[21a] царским жалованием и алафою да и речью своею царскою. Рек тако всему своему войску: «Не скучайте, братия, службою; мы же на земли не можем без[22] службы быти; хотя мало царь оплошится и окротеет, ино царство его оскудеет, иному царю достанетъся. Якоже небесное по земному, а земное по небесному, ангелы божия небесныя силы ни на един час пламенного оружия из рук своих не пущают, хранят и стрегут род человеческий, от Адама и по всяк час; да и те небесныя силы службою своею не скучают». Тако же турской царь Магмет-салтан возрастил сердце войску своему, и вси воинники его речь царскую похвалили и ркли так:
л. 856 «Коли волю божию делаем, что || бог любит воинства, ино кого у нас на побоищи убиют, и мы те свои грехи кровью обливаем, и таковыми чистыми воинники небесныя высоты наполняются».

Царь же турской умудрилъся, на всяк день сорок тысящь янычан при себе держит вогненныя стрелбы, и жалованье им дает и алафу по всяк день. Для того блиско их при себе держит, чтобы ему недруг в его земле не явилъся, ни измены бы не учинил, и в грех бы не впал безумны царя потребити, велми умножившися; и угордитъся и царем похочем быти, и то ся ему не достанет, а сам наве*ки*[22a] погибнет от греха своего, а царство без царя будет; ино для того царь бережет. А янычаня у него верныя люди, любячи царя, верно ему, государю, служат про его царское жалование. Мудр царь, что воинников сердце веселит, воинники он силен и славен. И пашам своим и велможам против недруга своего велел в челе ставитися, в первых полкех, для того, чтобы против недруга люто стояли, и молодыя бы люди не ужасались, которые не столь возможны, и, на них бы смотрячи, люты были недругу. [23]*У него* же[23], у турского царя, с великия мудрости против недруга ставитися игрою играти. И гроза турского царя велика
856 об. по приказу его: «Не похочешь умерети на игре честно || с недругом смертною игрою за мое государево великое жалование,

---

[21a] *Испр.*; *нет Б, С, Т, Н.* [22] бе *С, Т, Н.* [22a] *Испр.*; на велике *Б, С, Т, Н.*
[23-23] *Испр.*; Не угоже (*причем Н испр. на* у него же) *Б, С, Т, Н.*

как юнцы храбрые умирают, играючи с недругом смертною игрою, и ты здесе то моее государевы опалы умреши же, да нечестно тебе будет и твоим детем».

Магмет оставил иным царем после себя, от тех лет и до сех лет, а во своем царстве дал волно служити, и в велможах своих, а рек так: «Един бог над нами, а мы есмя раби его. Фараон царь бысть поработил израилтян, и бог на него разгневалъся неутолимым своим гневом, да потопил их в море». Да велел перед себя книги принести полныя и докладныя, да велел огнем пожещи. И полоняником учинил урок: поколе кому робил, в семь лет выработилъся, и в силах деветь лет. Аще ли которого дорого купил, а чрез девять лет будет држати, и будет на него жалоба от и полоняника, ино на такова опала царская и казнь смертная: не делай того, чего бог не любит, блюдися бога, чтобы его не разгневити ни в чем, и помни заповедь цареву.

И то царь Магмет-салтан списал с крестьянских книг, ту мудрость — таковому быти годится крестьянскому царю, божию волю делати. И рече так Магмет-салтан: «В котором цар-
л. 857 стве || люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы; порабощеный бо человек срама не боитъся и чти себе не добывает, а речет тако: «Хотя богатырь, однако есми холоп государев и ко мне имени не прибудет». И в царстве Констянтинове, при цари Констянтине, и у велмож его что лутчие люди, те все порабощены были в неволю; а все те были против недруга стояли, не боялися ни конные рати, ни доспешные; и цветно было видети велмож его полки, да против недруга крепкого бою не держалися и смертною игрою не играли, и з бою утекали, и ужасть иным полком давали, а они прелщалися. И то царь вразумев, да дал им волю и взял их к себе в *полк* [24], и они стали у царя лутчие люди; которые у велмож царевых в неволе были, ино *как* [25] стали в воли, *в* [26] цареве имяни, кажний став против недруга люто стояти, и смертною игрою играти, и полки недругов разрывати, и чти собе добывати. И царь Магмет-салтан тако рек: «Се есми бога утешил, божию волю сотворил, что бог любит, а се есми в полк себе юнаков храбрых прибрал». У царя турского по триста тысещь ходит против недруга уче-
л. 857 об. ных людей храбрых, || а все те сердцем веселы от царева жалования и от алафы; а идут тихо, коли поидут воевати. И живет на день по три торги: заутра, да о полудни, да вечере; а всему цена установлена, что за что дати; а купят все в вес; а наме-

---

[24] *Испр.*; полок (*причем Н испр. на* полък) *Б, Н, Т, С.* [25] *Испр.*; так *Б. Н, Т, С.* [26] *Испр.*; *нет Б, Н, Т, С.*

тывает те торги торговати на гости по годом ходити с войском со всем. Что кому надобет купити, и он заплатив цену да возми по цареву указу; аще ли кто даром возмет, а не заплатит тое цены, что царь указал, ино таковому смертная казнь, да и лутчего не пощадети. Аще ли кто оманет, не столко даст, как вес держит, или цену возмет не такову, болши того устава царева, которому товару царь уставил цену, ино таковому смертная же казнь бывает тому, что государев указ преступает.

Ино кто у царя против недруга стоит крепко играти смертною игрою, и полки у недруга разрывает, и царю верно служит, хотя от меншаго колена, и он его на величество поднимает, и имя ему велико дает, и жалования ему много прибавливает; а для того ростет сердце воинником своим. У нынешняго царя у турского Арнаут-паша Арнаутцкия земли полоняник был да Короман-паша || Короманския земли полоняник же был, да удалися против недруга крепко стояти и смертною игрою играти и полки розрывати, для того слава их повыше и для их великия мудрости, что умеют царю служити и против недруга крепко стояти. А ведома нет, какова отца дети: и царь на них для их мудрости велико имя положил и для того, чтобы иные такоже удавалися царю верно служити. А царь Магмет-салтан тако рек во все свое войско, и малу и велику: «Брате, все есмы дети Адамовы; кто у меня верно служит и против недруга люто стоит, тот у меня лутчей будет». И то рек Магмет-салтан царь войску своему *на*[27] возращение сердца, чтобы кажний его воин преже себя чти собе добывал и славного имени. И царь Магмет говорит, и жалованием своим *жалует*[26] и грозою великою: «Кто не хочет умрети доброю смертию, игрою с недругом играючи смертною, ино он от моее царские опалы умрет же смертною казнию, да нечестно ему будет и детем его».

А коли сам царь не идет против недруга, и он в свое место пошлет мудраго паша, а всем пашам велит его слушати в свое место царское и чтити велит, как самого себя, царя. А все у него в полку разряжены воинники по десятком и по сотником, а те сотни || по тысечником, чтобы не было в полках его татьбы, и разбоя, и игры, костарства, и пьянства. Аще кто найдет конь, или аргамак, или платно, или что которое ни есть, и они несут и ведут к большему паше к шатру; у кого что пропало, и он найдет у шатра у болшаго паши, а переем заплатити по цареву уставу Магметеву, что за что довелося. А станется татба войску или розбой, или нашед что, да к шатру не несет или не отведет, ино *на*[26] таковые люди, тати и раз-

[27] *Испр.*; а *Б, Н, Т, С.*

бойники, обыск царев живет накрепко, и по сотником и по десятником; или которой десяцкой утаит лихово человека в своем десятку, ино тот десятник с тем лихим человеком казнен будет смертною казнью. А татю и разбойнику тюрмы у турского царя нет, на третей день его казнят смертною казнью для того, чтобы лиха не множилося; тюрма лише опалным людем до царева обыску. И по городом у него те же десяцкие уставлены, и сотники, и тысящники на лихие люди, на тати и на разбоинники и на ябедники; а где кого обыщут лихово человека, татя, или разбойника, или ябедника, тут его
л. 859 казнят смертною казнью; а десятник утаит || лихово́ человека в своем десятке, ино потом обыщется всею сотнею, ино та же ему смертная казнь.

У царя Констянтина судили татей и разбойников и ябедников в полате для своего злоимства и нечистаго собрания велможи его, да всем тем бога разгневили неправыми суды своими, от слез и от крови неповинныя роду крестьянского богатели; по разбойничьим языком[28], кто у них *богат*[29] тот и виноват; да внапрасне от них многие люди прямые погибли и мученическия смерти принимали. А татей и разбойников пущали на окуп, всем тем бога разгневили, во всем прелщалися и нечисто збирали. Магмет-салтан турской царь списал тое мудрость с крестьянских книг, и праведный суд, да тако рек: «Чего для малые для речи прелстилися, нечисто збирали, и пути царства небесного потеряли, во всем бога разгневили; аще бы велику громаду злата найти нечистого собрания, ино тому бог мстит многими страшными знамены до девятого роду; а самому нечисто собрати, как богу ответ дати?».

Да написал Магмет-салтан тайно себе: «Таковому было быти крестьянскому царю, всеми *было*[30] правдами сердечную радость богу здати и за крестьянскую веру крепко стояти». ||
л. 859 об. И сам о том Магмет-салтан много мыслил с великой мудрости, хоте веру крестьянскую приняти *с*[31] сердечной радости, и похвалил веру християнскую: «Нет таковыя веры иныя велики у бога, как вера крестьянская; где поидет неверных к вере приводити и веры крестьянской умножити, ино где войско его побиют неверные, ино на тех божия воля станется, ино то есть божии мученики последние; также пострадали за веру крестьянскую, как и первые мученики, и души их в руце божии, и таковыми чистыми воинники небесныя высоты наполняются и ангелом[32] равны и украшены от бога златыми венцы».

---

[28] яцыком *Т*; ящыком *Н*. [29] *Испр.*; был *Б*, *Н*, *Т*, *С*. [30] *Испр.*; боно *Б*, *Т*, *Н*, *причем Н испр. на* бо. [31] *Испр.*; *нет Б*. [32] анггелом *Т*. *С*.

А греки в том во всем ослабели, и правду потеряли, и бога разгневили неутолимым гневом, и веру крестьянскую неверным на поругание выдали. И нынеча греки хвалятца государевым царством благовернаго царя руского, от того взятья Магметева и до сех лет. А иного крестьянского царства волного и закону греческаго нет, и надежу на бога держат и во умножение веры крестьянской, а то царство руское благовернаго царя рускаго, хвалятъся и государем царем волным и до сех лет.

А коли на споре с латыняны латынския веры доктуры,
л. 860 туры, || спираются з греки: «На вас, на греков, бог разгневался неутолимым своим гневом так, как и на жидов, выдал вас турскому царю в неволю и за вашу гордость и за неправду. Видите и сами, как бог гордым противлятъся, за неправду гневатъся, а правда богу сердечная радость и вере красота». Они же о том хвалятъца и сказывают: «Есть у нас царство волное и царь волной, благоверный государь, царь и великий князь всеа Русии, и в том царстве велико божие милосердие и знамя божия новыя чюдотворцы, и от них милость божия такова, как от первых». И латыненин же речет против их на споре: «То есть правда. Ино лучилося в том царстве бывати на отведывание веры крестьянской, ино они истинной веры крестьянския, и велика милость божия в той земле. Как про них молвите, про святые чюдотворцы? Ино таково есть божие милосердие. Нароком мы ходили отведывати, ино так велико божие милосердие. Аще бы к той истинной вере крестьянской да правда турская была, ино бы с ними аггели беседовали. Аще бы к той правде турской да вера християнская была, ино бы с ними *ангели* [33] же беседовали».



[33] ангелы *Т*, *С*.



БАРСОВСКИЙ ВИД НЕПОЛНОЙ РЕДАКЦИИ ПО БАРСОВСКОМУ I СПИСКУ

[СКАЗАНИЕ О КОНСТАНТИНЕ]

[л. 90 об.] Благоверный же царь Костянтин и мати его Елена веру
христианскую уставили, град же Костянтин создан Костян-
тином царем и материю Еленою, благоверною царицею и вос-
хвален, и нарекоша имя ему Царьград. А при благоверном ||
л. 91 храбром царе Костянтине Ивановиче Царьград взят бысть от
царя Магмета-салтана турского; а все то бысть гордости ради
и неправды велмож Костянтиновых, бог гнев свой послал на
них неутолимый.

О рождении же благовернаго и силнаго и славнаго царя
Костянтина *Иоанновича*[1] пишут философи, что он родился
воин, от меча же его вся подсолнечная не могла бы сохра-
нитися, а в нем, благоверном царе, была архангелская сила.
л. 91 об. Остался же || он от своего отца, благоверного царя Иванна
Костянтиновича млад, токмо трею лет царствовати от пороже-
ния отца своего в Костянтинеграде, на всем царстве грече-
скаго закона християнския веры. Велможи же его до возраста
царя царство его обладали и измытарили, и беды сцепили
своими неправедными суды, особную брань в царстве том учи-
л. 92 нили; и друг ко другу не могут || сердца[1a] своего обратити в доб-
родетели, и с*и*пели[2] друг над друга, яко змии, и наполниша
велможи его казны своя великим богатством, от бед и от слез
крови християнския неправыми суды своими, емлючи посулы
со обоих стран, с правого и с виноватого, и от того казны своя
наполнили златом и сребром и камением многоценным, от
л. 92 об. нечистаго собания. И в том царьство его оскудело || и казна
царева истощала от тех неправых судей, что не учали *пом-
нити*[3] ни о бозе ни о царьстве, ни о вое*х от*[3] иноплеменников

---

[1] *Т II*; *нет Б I.* [1a] *Т II*; сердеца *Б* I. [2] *Т II*; сыпели *Б I.* [3-3] *Текст попорчен Б I*; *восстанавливаем по Т II* и *П IV.*

боронитися веры христианския, толко о бедах своих мыслити,
и исполниша казны свою великим богатство, и почали
мыслити о воях царевых. И рекли тако: «Царь наш будет воин
силен на возрасте лет своих, яко же о нем пишут философи,
л. 93 яко во многих странах сядет *на конь*[4] свой и возмет || меч
свой в руку свою, и будет добрый пастырь вере християнския,
неверных к вере приводити, и веру християнскую множити,
и славу божию возвышати, и паче царя Александра Македон-
скаго меча из руки не выпущати, и с коня воинского не ссе-
дати, и неверных к вере приводити. И велможи его о том велми
почали мыслити, как бы царя укротити от воинства, а самим
93 об. бы со упокоем || жити, и тако рекли: «Аще царя не укротим от
воинства, и наше богатство будет ыным на веселие, а нам
с коня не бывати, и дому своего не видати». И умыслили книги
написати от бога с великою клятвою, яко не подобает царю
християнскому на иноплемянники ходити и воевати, токмо
л. 94 достоит || ему от находу боронитися. Тако убо написали вел-
можи его для своего упокою: «Аще царь християнский пойдет
с вои своими на иноплеменники и тамо кровь пролиет, и та
кровь на царе *в*зыщется»[5]. Богатый бо николи о воинстве не
мыслит. Царь аще кроток и смирен на царьстве своем, цар-
ство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царьстве гро-
94 об. зен и мудр, царство его || ширится и имя его славится по всем
землям. А греки благовернаго царя Костянтина укротили
и царьство потеряли. А коли был час и время благоверному
и храброму царю Костянтину на конь свои *воинственный*[6]
сести, и меч свой в руку взяти, и веру християнскую множити,
и неверных к вере приводити; неверныя же во многих странах от
л. 95 мудрых || философ уведали царьское прирожение и о воинстве
его, что от лица его вся подсолничная не могла бы сохрани-
тися, наипаче же царя Александра Македонскаго. Невернии же
мнози убоялися по многим странам, и инии цари присылают
о миру ко благоверному царю Костянтину, а инии цари дань
дают, а инии цари и короли служити приказываються к царю
95 об. Костянтину. Благовер||ный же Костянтин вразумел от вели-
кия мудрости своея, и рек тако: «Како может мир крепок быти,
коли аз щита своего не росщипил и копия не приломил
в недрузех своих. Взем бога на помощь на недруги двигнути
и мир умирити за щитом своим». Велможи же его, ленивыи
л. 96 богати, не думали о войске, но тако рекли: «Како ты ||, царю,
противо бога стоиши, а у покоренных миру не приимеши, а то
есть написано: яко царю християнскому не достоит на ино-

---

[4] *Испр.; нет Б I, Т II.* [5] *Т II*; сыщется *Б I.* [6] *Т II; нет Б I.*

племенники ходити и воевати, но достоит ему от находу боронитися». И книги пред него те положили. Царь же те книги прочел и увидел, что написано яко об бога с великою клятвою
л. 96 об. А все то написали велможи Костянтиновы: яко аще || пойдет царь християнский на иноплеменническую землю и тамо кровь пролиеть *християнскую* [7], и та кровь взыщется на царе. Благоверный же царь Костянтин Иванович, егда книги прочел, и укротился во веки. Аминь.

[ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ О ПАДЕНИИ ЦАРЬГРАДА]

Безбожный же Магмет сяде на престоле царьском благороднейши всех сущих, иже под солнцем, царей изобладал,
97 владеющих || двемя частми вселенныя и одоле одолившаго и гордаго Артаксея, не въместимаго пучинами морскими одоле и силнаго воеводу шире земля, и потреби их Трею предивною семдесят и четырми коро*ли* [8] обороняему, но убо разумееши ли, окаянне, яко вся прежереченная о граде сем совершишася при
л. 97 об. Мефодии епископе Патаръстем || и при благочестивом царе Лве Премудром, еже бысть и та знамения вся о град сем совершишася, и ту же последняя не приидут.

[СКАЗАНИЕ О КНИГАХ]

Такоже и царь турский Магмет-салтан книги християнъския написал слово в слово по своему турскому языку, и умыслил с сеиты, и с мол*нами* [9], и с абызами, и с пашами и с муд-
л. 98 рыми, и со в||сею *своею* [7] мудрою думою и верною, и не хоте книг греческих отдати Анастасию патриарху и християнскую веру, греческий закон, хотя погубити до тла во Иеросалиме и в Цареграде. И то уведал Анастасий патриарх мысль Магмете*ву* [10] и пошел в западныя храмы своя, где прежнии святители *к богу тайно молитвы возсылали и сердечными очами сподобишася бога видети и со аггелы беседоваху* [7], на молитвах своих стояли и сердцем бога видели и ангелом собеседники
л. 98 об. были, от них же || глаголания небесная ведали и всю силу божию от ангелов своих святых собеседников. Патриарх же Анастасий с плачем великим, сердечными слезами заплакав пред образом святым и пред пречистою [11] богордицею и рече с великим плачем: «Господи, господи царю, владыкочеловеколюбче [12], всевидящее око: видиши ли таковое поругание от

---

[7] *Т II*; *нет Б I.* [8] *Испр.*; королу *Б.* [9] *Испр.*; молиями *Б I, Т II.* [10] *Т II*; Магмету *Б I.* [11] *Т II*; пречистую *Б I.* [12] *Т II*; человеколюбче *Б I.*

л. 99 агарян безбожных турков || иноплеменников, како твоим свя-
тым церквам поругаются[13], кресты с церьквей нечесно выно-
сили, и престолы твоя святыя поломали, и книги своя святыя
у мене, раба твоего, поотнимали; и вере твоей любимой хри-
стиянской наругаются. Твоя се воля сталася, что сии инопле-
менники святым твоим церквами и иконами наругаются?».
л. 99 об. И бысть глас Анастасию || патриарху: «Тако сказа ти о том
царь небесный владыка человеколюбец: аще бы не твоих ради
молитв, Анастасие, и аз бы на вас не то напустил, напустил
бы на вас вечный гнев, огнь и потоп, яко на Содом и Гомор;
и аз еще пустил на вас на поучение агарян, иноплеменников
турков, *не*[14] навеки, любячи вас. Ино то тебе видится груз*ко*[15]
л. 100 и сердцу твоему кручина великая || иноплеменническая пору-
гания, а Христу богу нашему, грузчае того было, что во всем
есте заповедь его святую преступили; и аз оставил у вас житие
земное и путь царства небесного». И услышал господь бог наш
молитву Анастасия патриарха и напустил великий страх на
Магмета и на его сеиты: явился ему во сне Христос бог наш,
напустил на него трясания. И посла царь по Анастасия пат-
л. 100 об. риарха и рек тако: «Анастасие! || Ты ли ся жаловал богу
своему на мене? Виделся мне он во сне и напустил на мене
таковую болезнь. И ты возми у мене свои книги да исправи
дела своя, что ваш Христос вам приказал, да и о мне помо-
лися богу своему. Аще бы мне того царства на выдал бог ваш,
и мне мочно ли о том умудрити, аще бы на то воля божия не
л. 101 была? Все то есмь волю божию || делал». И патриарх книги
взял, со благодарением Христа бога нашего и рек тако пред
царем Магметом: «Велик бог християнский и велико милосер-
дие его и чюдна дела его!». Да увидя патриарх милосердие
господне, что господь бог напустил на иноплеменников вели-
кий ужас и страх за книги християнския, и он пошел опять
во святительский храм, в западный, где прежние святители на
л. 101 об. молитвах своих стояли и сердцем || бога видели и слезами
своими бога на помощь призывали. И патриарх Анастасий
стал на молитве своей, видячи таковое знамение божие, что
господь бог напустил страх на неверныя за книги християн-
ския. И рек сице, глаголя со *сл*езами[16]: «Господи, владыко!
Даждь милость свою великую, приведи к вере неверных сих,
л. 102 дабы || неверные познали имя твое Исус Христово и святое
твое великое милосердие и силу божию! Како им, господи,
терпиши великое сие поругание неверных, что они, неверные
сыроядцы, всей твоей святыни наругаются, кресты со святых

---

[13] *Т II*; наругаются *Б I*. [14] *Т II*; *нет Б I*. [15] *Т II*; грузно *Б I*. [16] *Т II*; злезами *Б I*.

твоих церквей поснимали, и образы *из* [7] святых твоих церквей нечесно повынесли, и престолы святыя твоя поломали, и *во* [17]
л. 102 об. святых твоих церквах себе мизгити изделали || на свои скверные молитвы, иноплеменническия безбожныя агаряне?». И от бога небесный глас с небеси сшел к патриарху Анастасию и рече тако Анастасию патриарху: «Люто ли тебе то видети и грузко твоему сердцу неверных сих поругание святыни моей? А аз им на поругание [18] святыни своей [19] не выдал: видите, есть мое знамя святое небесное, яко свою святыню от
л. 103 святых храмов || и от чюдотворцов и от чюдотворных своих образов и от мучеников, угодников, моих, волных страстотерпцов, всю свою святыню взял к себе на небо дотуду, доколе будет мое святое милосердие впреди во Иеросалиме и во Цареграде. Лише есми выдал вас на поучение правды моея неверным иноплеменником, да не в веки, доколе будет к вам мое святое милосердие, и во умножение веры християн-
л. 103 об. ския. || Ино то ли тебе видиться, Анастасию патриарху, сие поругание неверных и груз*ко* [20] сердцу твоему, что они, иноплеменники, християнской воры не знают? Лютее мне, господу богу вашему, от вас терпети, что есте мене познали, бога своего, и веру християньскую мою любимую надо всеми верами, да ни в чем есте моей воли не творили, во всем ест*е* [21]
л. 104 мене, бога своего, || прогневили, заповедь мою преступили. Да еще лютее мне того от вас было терпети, что ест*е* [21] мою святую волю творите, смиренное житие приимаете мнишеское со мною, со Христом, да чаяние и святыню на себе возводите сами и брат к брату гордость и роптание; и пришедши во святую мою церковь да став по своим мнишеским местом, да кла-
л. 104 об. няется, яко трава от ветра, а сердца своего в кознях || и в роптании своем брат на брата не обратится. Приняли есте бремя моя легкое и добродетель и братолюбство обшаго жития моего, брат брата любити, яко сам себе любиши, и вам болши того святаго великаго милосердия что надобно? Во всем ест*е* [21] заповедь мою преступили и мене, господа бога своего Христа, царя небеснаго, разгневили и забыли. А аз оставил у вас
л. 105 житие земное и путь царства небеснаго». || И господь бог рек Анастасию патриарху святым своим небесным гласом: «Аминь! Глаголю тебе, Анастасие: то ли тебе видится и грузко сердцу твоему? А мне от тебе еще того лютее и грузчае, что еси моего святаго божественнаго престола намесник, в мое место Христово [22] пастыр*ь и* [22] учитель веры християнской

---

[17] *Т II*; по *Б I*. [18] *Т II*; повругание *Б I*. [19] *Т II*; а своей *Б I*. [20] *Т II*; грузио *Б I*. [21] *Т II*; есть *Б I*. [22–22] *Т II*; пастырем *Б I*.

царю и всему миру: царь сшел Костянтин с праведнаго суда,
105 об. и весь мир прелстился на нечи||стое собрание, суд и хлебы
лукав и слезен, слезы и кровь мира сего рода християнского
неповинно осужены и на мои святыя чюдотворныя образы от
лукавых судей, брызгали от неправеднаго их суда; а твоего
святителского [23] поучения к ним не было и на путь еси мой
святый не направил их, во всем еси заповедь мою святую пре-
ступил. Аще бы еси не разлил ныне предо мною, господем ||
л. 106 богом своим, Исус Христосом царем небесным, сердечных
своих слез, поминаючи свое великое согрешение, аще бы тебе
не те сердечные слезы предо мною пролилися о гресех
твоих, — все бы то на тебе, взыскалось на праведнем моем
суде да отвержен бы еси был от лица моего святаго навеки.
Да ныне поучение мое святое напишите да розошлите по
106 об. об*щ*им [24] житиям моим и по настоятелем || обшаго жития на
молитвы искренния сердечныя, да всегда бы было братолюб-
ство промеж вас, да оставите козни и роптания и чаяния
о святыню мнишескую; а аз, господь бог ваш, все*г*да [25] буду
промеж вас с миром». А от Анастасиевых святых молитв при-
шло на царя Магмета великое сумнение про книги греческие.
И царь Магмет о том велми много мыслив прияти веру хри||-
л. 107 стиянскую, да тако рек Магмет-салтан сеитам своим и молнам
и пашам: «Се есми праведен суд в царство ввел, а се веру
християнскую прииму да буду господу богу небесному царю
самому угодник». И сеиты, и молны, и паши ему молвили:
«Аще бы тое веру бог любил, и он бы тебе ей не выдал».
И в том царя Магмета его сеиты и молны и паши с пути
107 об. божия совратили. И Магмет-салтан бога в сердцы || держал
и християнской веры из мысли не выпустил до скончания века
своего, и поту лица своего уживал, ис казны своей царской во
уста своя ничего не положил: что сам царь зделает да пошлет
продати, да на то себе велит есть купити, исполнял заповедь
божию. Господь бог приказал первое праотцу нашему Адаму
л. 108 поту лица своего уживати. И Магмет-салтан, || турской царь,
снял образ жития света сего с християнских книг.

[СКАЗАНИЕ О МАГМЕТЕ]

Турской царь Магмет-салтан сам был мудрый филосо*ф* [26] по своим книгам по турским, а се греческия книги прочел, написав по-турски слово в слово, ино у царя Магъмета вели-

---

[23] *Т II*; святилтелского *Б I*. [24] *Т II*; обжим *Б I*. [25] *Т II*; всегда *Б I*.
[26] *Испр.*; филосов *Б I*.

кия мудрости прибыло въдвое. И царь Магмет-салтан тако
рек сеитам своим и молнам и пашам и абызам и кадыям:
л. 108 об. «Пишетъся о благоверном царе Костянтине || великая муд-
рость; вы есте сами, мои мудрые философи, досмотрите, того
в свои мудрые книги, как о великом царе Костянтине пишут:
царь Костянтин родился источник воинския мудрости; ино
пишется: от меча его вся подсолничная не могла ся сохранити.
И он отца своего остался млад, трех лет от роду своего, на
своем царстве; и греки для своего злоимства и нечистаго соб-
л. 109 рания от слез || и от крови християнския захотели обогатети,
и они праведный суд злоимали да осужали неповинно по
мздам. И та неповинная кровь и слезы, аки столп, ко господу
богу в небо шла с великою жалобою, что велможи царевы
Костянтиновы до возрасту царева набогатели от нечистаго
своего собрания, от слез и от крови християнския. На воз-
109 об. расте цареве и царь Костянтин учал трез||витися от юности
своея, как от сна пробужатися и учал приходити к великой
мудрости воинской и к своему царьскому прироженюю.
И велможи Костянтиновы, видячи то, что царь Костянтин при-
ходил к великой мудрости и к своему царьскому прирожении,
да и будет с коня своего воинского не сседати, и пишется
л. 110 о нем от мудрых филосо*ф* [26]: во всех странах || от его меча вся
подсолничная не может сохранитися, и велможи рекли: «То
нам от него суетно житие будет, а богатство наше будет
со инеми веселитися». И рек Магмет-салтан турской царь
мудрым своим философом: «Видите то, как они богати,
так и ленивы, и осетили царя Костянтина вражбами и великим
л. 110 об. своим лукавством его лови*ли* [27], || кознями и дияволоскою пре-
лестию, и мудрость его и счасть*е* [27а] укротили и меч его царьской
своими прелестными вражбами обнизили, а меч его был высок
надо всеми недруги его божиим повелением, и в нем была
архангелская сила; и они и тое ересью своею ухитрили для
своего багатства обленилися, не хотя смертною игрю играти,
царство и веру християнскую выдали неверным на поругание
л. 111 ленивства ради и сами погибли». || И Магмет-салтан, турской
царь, тако рек философом своим: «Видите то, что бог хитрости
и гордости и лености не любит; про то господь бог противъ-
ляется и за то великим своим и неутолимым своим гневом
казнит; видите то, что нам господь бог такова великого царя
и по писанию мудраго выдал, уроженнаго источника воин-
ского: греческ*ая* [28] гордость и прелукавство и ленивство
л. 111 об. и вражба || их бога разгневила, *что* [29] таковаго царя мудраго

[27] *Испр.*; ловити *Б I*. [27а] *Испр.*; часть *Б I*. [28] *Испр.*; греческую *Б I*.
[29] *Испр.*; то *Б I*.

враждбами своими осетили и лукавством своим уловили и воин-
ство его укротили; а аз вам, мудрым своим философом, о том
говорю: поберегите мене во всем, чтобы вам бога ни в чем не
разгневити и богу угодити».

Лета 6961 царь же Магмет-салтан велел со всего царства
112 вси доходы к себе в казну имати, да ни в котором || граде вел-
можам своим наместничества не дал, для того, чтобы его вел-
можи не прелстилися неправдою судити; и оброчил их ис
казны своей царьской оброком на год, кто чего достоит. И во
все царство суд дал прямой и велел присуд имати к себе
в казну для того, чтобы не искушалися и неправды б не
судили; да приказал судиям своим не дружитися неправдою,
не гневити бога, держатися правды, что бог любит; да послал
112 об. по градом || судьи свои, паши верныя, и кадыи, и шубаши,
и амини, и велел судити прямо и рек тако: «Братие мои люби-
мии и вернии паши, и кадыи и шубаши, и амины! *Су*дите[30]
прямо и воздайте богу сердечную радость». Да по малу вре-
мени обыскал царь судей своих, что они судят по посулом,
и велел их злоимство пред собою положити; и царь им в том
л. 113 вины не учинил, толко их велел || живых одирати, да тако рек:
«Как они обростут телом опять, ино им вина ся отдаст».
А кожи их велел пределати, и велел на кожах бумаги набити,
и в судебнях железным гвоздием велел прибити, и велел на
кожах написати: «*Без*[31] таковыя грозы правды в царство не
мощно ввести». Правда богу сердечная радость, в царстве
113 об. своем правда держати, а которому царю || хотети в свое цар-
ство правда ввести, нашедши виноватаго, ино и любимаго не
пощадети; как конь под царем без *у*зды[32] тако царство без
грозы. Царь Магмет-салтан *тако рек*[33]: «Не мошно царю
царъства без грозы держати. Такоже царь Костянтин велмо-
жам своим волю дал и сердъцем веселил, и велможи о том
л. 114 радовалися и неправду судили, обема || и*м*[34] по своей вере
християнской целования судили, правому и виноватому, и они
оба неправы: един бою запрется[35] да речет так: не бивал
есми его, не грабливал; а другой для своего бою да приложит
грабеж; да оба истца крест поцелуют и на поли биются, да
богу изменят, и сами от бога навеки погибнут. И таковыя злыя
бога гневят, котор*ые*[36] в сердцах своих правды не помнят,
114 об. и тем, ||, злым с неправыми судьями мука вечная готовится.
Во всем в том греки в ересь впали и в кресном целовании
греха не ставили, во всем бога прогневили». И царь Магмет

---

[30] *Испр.*; Сидите *Б I.* [31] *Испр.*; все *Б I.* [32] *Испр.*; езды *Б I.* [33] Нет *Б I.* [34] *Испр.*; и *Б I.* [35] *Испр.*; запретится *Б I.* [36] *Испр.*; которое *Б I.*

вразумел о великой мудрости, что есть таковый суд *в*еликой [37]
грех и бога гневит, и он дал одному з жеребья кресное цело-
л. 115 вание, целовати крест тако: н*а*правивши [38] || воогненную
стрелбу против сердца и самострел против горла, а дотоле
стояти против таковыя смерти, доколе отец его духовной
десятью проговорит приказ евангелския причти: не лжи, не
кради, лжив послух не буди, чти отца и матерь и люби ближ-
няго своего, яко сам себе любиши. То Магмет салтан царь дал
греком кресное целование з жеребья: аще ли его огненная
л. 115 об. стрелба || не убиет и самострел на него не в*с*пустит [39], а он
крест поцелует и свое возмет, о чем суд был; и он тако рек:
«Той есть жеребей божий суд». А турком дал чрез вострой меч
горлом преклонившимся шерсть пити, а меч наведен, а *мол*-
нам [40] своим велел при том месте быти и их наказати по своей
вере по турской с того же обычая греческаго; аще меч на
л. 116 воду || не вспустит и горла его не рушит, и речь свою доведет
и чрез меч шерсть пиет, и он свое возмет, в чем им суд был;
и той есть божий суд. А поля им судил в своем царьстве бес
кресного целования: нагим лести в темницу бритвами реза-
тися; а бритву одну положат в тайне месте, и кто бритву най-
дет, той и прав и свое возмет, на чем ему суд был; то есть суд
л. 116 об. божий. А правой || в ви*новат*ом [41] волен: хочет, его ис темницы
выпустит; хочет, его зарежет. Тем же царь Магметь-салтан
велико умудряся, кое в свое царьство правду ввел, и он вели-
кия грозныя знамена им указал для того, чтобы люди не сла-
бели ни в чем и бога не гневили. А ту мудрость царь снял
з греческих книг: образец таковым было греком быти. И Маг-
л. 117 меть правый суд || в свое царство ввел, и ложь в*ы*вел [42], и воз-
дал богу сердечную радость. И рек Магмет-салтан тако: «Бог
любит правду всего лучши; не мошно царю без грозы царства
держати; тако же царь Костянтин [43] велможам своим волю
дал и сердце им веселил, они же о том радовалися и нечисто
свое богатство [44] збирали, а земля и царство плакало и в бедах
л. 117 об. купалося. И за то господь разгневался || на царя Костянтина
и на велможи его и на все царство греческое неутолимым
своим гневом святым, что они правдою гнушалися и того не
знали, что бог любит всего силние правду. А вы мене на то же
ли приводите, чтобы аз такоже бога разгневил да и с вами бы
загинул?». И послал на те свои грады прямыи судии, угро-
зивше своею царскою грозою, и выдал им судебные книги, по
118 чему им || правити и винити. А суд им дал полатной, на всяком

---

[37] *Испр.*; в великой *Б I.* [38] *Испр.*; не правивши *Б I.* [39] *Испр.*; впустит *Б I.* [40] *Испр.*; волнам *Б I.* [41] *Испр.*; витаном *Б I.* [42] *Испр.*; ввел *Б I.* [43] *Далее* такоже царь Констянтин *Б I.* [44] *Испр.*; богатсво *Б I.*

городе бес противня, и послал на всякой свой град и во все
свое царьство велможи свои, и паши, и кадыя, и шубаши,
и аминя; то есть судьи царевы на всяком граде. А воинников
своих повелел судити с великою смертною казнью беспош-
линно для того, ко*е* [45] бы лиха не множилося; а судей своих
оброчил ис казны своим царьским жалованием для того,
чтобы не искушалися неправды судити. А воинников судят
118 об. паши; под ко||торым колко войска в полку, и той свое войско
знает судити прямо, для великие грозы царевы, беспошлинно
и беспосулно; а суд их свершает вскоре. И те*м* [45а] царь умуд-
ри*л*ся [46], умножил сердце свое войску своему, да возвесели
вся войска своя; а з году на год оброчил своим царским жало-
ванием ис казны своей, кто чего достоин; а казны его несть
конца: богом исполнена за великую правду. И то со всего
л. 119 царьства, из городов, ис волостей, ис вотчин, || ис поместей вси
доходы в свою казну царскую велел собирати по всяк час; а те
зборщики из казны же оброчил своим жалованием, которые каз-
ну цареву збирают; и после тех зборшиков обыскивает, по при-
казу ли царскому збирают, а для того, чтобы царьство его не
*о*скудело [47]. А войско царское с коня не ссєдает николиже, и ору-
жия из рук не пускают. А воем своим *всегда сердце веселит* [48]
119 об. царским жалованием и алафою да и речью своею || царскою.
Рек тако всему своему войску: «Не скучайте, братие, службою;
мы же без службы не можем на земли быти; хотя мало царь
оплошится и окротеет, ино царство его оскудеет, иному царю
достанется. Якоже небесное по земному, а земное по небес-
ному, ангели божии небесныя силы ни на един час пламенного
оружия из рук своих не пущают, хранят и стрегут род чело-
120 веческий, от Адама и по всяк час; || да и те небесныя силы
службою своею не скучают». Тако же турской царь Магмет-
салтан возрастил сердце войску своему, и вси воинники его
речь царскую похвалили и рекли тако: «Коли волю божию
делаем, что бог любит воинства, ино кого у нас на побоищи
убиют, и мы те свои грехи кровию об*ли*ваем [48], и таковыми
чистыми воинники небесныя высоты наполняются». Царь же
120 об. турский умудрився, на всяк день четыредесят ты||сящ янычан
при себе держит воогненныя стрелбы, и жалование им дает
и алафу по всяк день. Для того блиско их *при* [49] себе держит,
чтобы ему недруг в его земли не явился и измены бы не учи-
нил и в грех бы не впал безумный царя потребити, велми
умножившися; и *у*гордится [50] и царем похощет быти, и то ся

[45] *Испр.*; коли *Б I.* [45а] *Испр.*; тех *Б I.* [46] *Испр.*; умудрулся *Б I.* [47] *Испр.*; ускудело *Б I.* [48] *Испр.*; обмываем *Б I.* [49] *Испр.*; *нет Б I.* [50] *Испр.*; огородится *Б I.*

ему не достанет, а сам наве*ки*[51] погибнет от греха своего,
л. 121 а царство без царя || будет; ино для того царь брежет.
А[49] янычане у него верные люди, любячи царя, верно ему служат про его царское жалованье. Мудр царь, что воинников сердце веселит, воинники он силен и славен. И пашам своим и велможам против недруга своего велел в челе ставитися, в первых полкех, для того, чтобы против недруга люто стояли, и молодыя бы люди не ужасалися, котор*ые*[52] не столь воз-
л. 121 об. можны, и, на них бы смотрячи, || люты были недругу. *У него*[53]
же, у турскаго царя, с великие мудрости против недруга ставитися игрою играти, и гроза турскаго царя велика по приказу его: «Не похощеши умрети на игр*е*[54] чесно с недругом смертною игрою за мое государево великое жалованье, как юнцы храбрые умирают, играючи с недругом смертною игрою, и ты зде от моея государевы опалы умреши же, да не
л. 122 чесно тебе будет и твоим || детем». Магмет уставил иным
царем после себе, от тех лет и до сих лет, а в своем царстве дал волно служити, и в велможах своих, а рек тако: «Един бог над нами, а мы есми раби его. Фараон царь был поработил израил*т*ян[55], и бог на него разгневался неутолимым своим гневом, да потопил их морем». Да велел пред себе книги при-
л. 122 об. нести полные и докладные да велел огнем пожещи || и поло-
няником учинил урок: поколе кому робил, в седмь лет выработился, и в силах девять лет, аще ли которого дорог*о*[56] купил; *а чрез девять лет будет держати*[48], и будет на него жалоба от полоняника, ино на такаваго опала царьская и казнь смертная: не делай того, чего бог не любит, блюдися бога, что его бы не разгневити ни в чем, и помни заповедь цареву. И то царь Магмет-салтан списал с християнских книг, ту муд-
л. 123 рость; || такову быти годится християнскому[57] царю, божию
волю делати. И рече тако Магмет-салтан: «В котором царстве люди порабощенны, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы; порабошенный бо человек срама не боится и чести себе *не*[58] добывает, а речет тако: «Хотя и богатырь, или не богатыр*ь*[59], однако есми холоп государев и ко
л. 123 об. мне имени не прибудет». И в царстве || Костянтинове, при
царе Костянтине, и у велмож его что лутчие люди, те все порабощенны были в неволю; а вси те были против недруга стояли, не бояся ни конныя рати, ни доспешные; и цветно было видети велмож его полки, да против недруга крепкого бою не держали смертною игрою не играли, и з бою утекали и ужасть

---

[51] *Испр.*; навелике *Б I.* [52] *Испр.*; которое *Б I.* [53] *Испр.*; неуго *Б I.* [54] *Испр.*; игры *Б I.* [55] *Испр.*; и израилян *Б I.* [56] *Испр.*; дорогово *Б I.* [57] *Испр.*; християнскому *Б I.* [58] *Испр.*; давал *Б I.* [59] ***Далее* или не богатырь *Б I.***

л. 124 иным полком давали, а они прелщалися. || И то царь вразу-
мев, *да дал*[60] им волю и взял их к себе в полк, и они стали
у царя лутчие люди, которые у велмож царевых в неволи
были. Ино *как*[61] стали, в воли, в цареве имени, койждо стал
против недруга люто стояти и смертъною игрою играти,
и полки недругов разрывати, и чести себе добывати. И царь
Магмет-салтан тако рек: «Се есми бога утешал, божию волю
124 об. сотворил, что бог любит, а се есми в полк || к себе юн*а*ков[62]
храбрых прибрал». У царя у турскаго по триста тысеч ходит
против недругов ученных людей храбрых, а вси те сердцем
веселы от царева жалования и алафы; а идут тихо, коли
поидут воевати. И живет на день по три торги, заутра[63] *да о*[63]
полудни, да в вечере; а всему це*н*а[64] уставлена, что за что дати;
а купят все в вес; а наметывает те торги торговати на гости
по годом ходити с войском со всем. Что кому надобно купити,
л. 125 и он, заплатив цену, да возми по цареву указу; аще ли || кто
даром возмет и не заплатит тое цены, что царь указал, ино
таковому смертная казнь, да и лутчаго не пощадети. Аще ли
кто оманет, не столко даст, как вес держит, или цену возмет
не такову, болши того устава царева, которому товару царь
уставил цену, ино таковому смертная же казнь бывает тому,
что царев указ преступает. Ино кто у царя против недруга
стоит крепко играти смертною игрою и полки у недруга раз-
125 об. рывает и царю верно служит, || хотя он меншаго колена,
и он[64а] его на величество поднимает и имя ему велико дает
и жалованья ему много прибавливает; а для того ростет сердце
воинником своим. У нынешняго царя у турскаго Арнаут-паша
Орнаутцкие земли пленник был, да Короман-паша *Коро*манс-
ские[65] земли пленник же был, да удалися против недруга
крепко стояти *и смертною игрою играти и полки розрывати,
для того слава их повыше и для их великая мудрости, что
умеют царю служити и против недруга крепко стояти.*
А ведома честь, какова отца дети, и царь на них для их муд-
л. 126 рости велико имя положил и для того, чтобы || инные такоже
удавалися царю верно служити. А царь Магмет-салтан тако
рек во все свое войско, и малу и велику: «Братие, вси есми
дети Адамовы; кто у мене верно служит и против недруга
люто стоит, той у мен*е*[67] лутчее будет». И то рек Магмет-салтан
войску своему, *н*а[68] возвращение сердца, чтобы всякой его воин
126 об. преже себе || чести себе добывал и славнаго имени. И царь Маг-

---

[60] *Испр.*; давал *Б I.* [61] *Испр.*; тако *Б I.* [62] *Испр.*; юноков *Б I.* [63–63] *Испр.*; до *Б I.* [64] *Испр.*; *далее* не *Б I.* [64а] *Испр.*; ино *Б I.* [65] *Испр.*; Нароманские *Б I.* [66] *Испр.*; *нет Б I.* [67] *Далее* верно служит и против недруга люто стоит, той у мене *Б I.* [68] *Испр.*; а *Б I.*

мет говорит, и жалованием своим жалует[66] и грозою великою: «Кто не хощет умрети доброю смертию, игрою с недругом играючи смертною, ино он от *моее*[69] царской опалы умрет же смертною казнию, да нечесно, ему будет и детем его». А коли сам царь не идет против недруга, и он в свое место
л. 127 пошлет мудраго пашу, а всем пашам велит его || слушати в свое место царское и чтити велит, как самого себе, царя. А вси у него в полку розряжены воинники[70] по десятком и по сотником, а те[71] сотн*и* п*о*[71] тысячником, чтобы не было в полкех его татбы и разбоя и игры, и костарства, и пиянства. Аще кто найдет конь, или аргамак, или платно, или что которое ни
л. 127 об. есть, и они несут и ведут к болшому паше || к шатру; у кого что пропало, и он найдет у шатра у болшаго паши, а пер*е*ем[72] заплатит по цареву уставу Магметову, что за что довелося. А станется татба в войске или разбой, или, нашед кто что, да к шатру не несет или не отведет; ино про таковыя люди, тати и разбойники, обыск царев живет накрепко, и по сотни-
л. 128 ком и по десятцким. И которой || десятцкой утаит лихово человека в своем десятке, ино той десятник с тем лихим человеком казнен будет смертною казнию. А татю и разбойнику тюрмы у турскаго царя несть, на третий день его казнят смертною казнию для того, чтобы лиха не множилося; тюрма лише опалным людем до царева обыску. И по городом у него же десятц-
л. 128 об. кие установле||ны, и сотники, и тысечники, на лихие люди и тати и разбойники и на ябедники; а где ково обыщут лихово человека, татя, или разбойника, или ябедника, ту*т*[73] его и казнят смертною казнью; а десятник утаит лихово человека в своем десятке, ино потом обыщется всею сотнею, ино та же ему
л. 129 смертная казнь. А у царя Костянтина судили || татей и разбойников *и ябедников*[74] в полате для своего злоимства и нечистаго собрания велможи его, да всем тем бога разгневили и неправыми суды своими, и от слез и от крови неповинные роду християнского богатели; по разбойничим языком кто у них *богат*[75], тои и виноват; да в напрасне от них многие люди
л. 129 об. прямые погибли и мученические || смерти приимали. А татей и разбойников пущали на откуп, всем тем бога разгневили, во всем прелщалися и нечисто збирали. Магмет-салтан, турской царь, списал тое мудрость с християнских книг, праведный суд, да тако рек: «Чего для малыя для речи прелстилися,
л. 130 нечисто збирали и пути царства небеснаго потеряли, во всем || бога разгневили. Аще бы велику громаду злата найти нечи-

[69] *Испр.*; мужей *Б I.* [70] *Испр.*; с воинники *Б I.* [71–71] *Испр.*; сотники под *Б I.* [72] *Испр.*; персем *Б I.* [73] *Испр.*; ту *Б I.* [74] *Испр.*; *нет Б I.* [75] *Испр.*; был *Б I.*

стаго собрания, ино тому бог мстит многими страшъными знамены до девятого роду; а самому нечисто собрати, *как*о [76] богу ответ дати?». Да написал Магмет-салтан тайно себе: «Таковому было быти християнскому царю, всеми было правдами сердечную радость богу воздати и за християнскую веру крепко
130 об. стояти». И сам || о том Магмет-салтан много м*ы*слив [77] с великой мудрости, хотел веру християнскую приняти *с* [74] сердечною радостию, и похвалил веру християнскую: несть таковые веры иные великие у, бога как вера християнская; где поидет неверных к вере приводити и веры християнской умножити, ино где во*й*ско [78] его побиют неверные, ино на тех божия воля
л. 131 станется, || ино то есть божии мученики последние, также пострадали за веру християнскую, как и первые мученики, и души их в руце божии, и таковыми чистыми воинники небесныя высоты наполняются и ангелом равны и украшены от бога златыми венцы. А греки в том во всем ослабели, и правду потеряли, и бога разгневили неутолимым гневом, и веру хри-
131 об. стиянскую неверным || на поругание выдали. И ныне греки хвалятся государевым царством благовернаго царя рускаго, от того взятия Магметова и до сих лет. А иного християнскаго царства волнаго и закону греческаго несть, и надежу на бога держат и во умножение веры християнския, а то царь-
л. 132 ство руское благовернаго царя рускаго, хвалятся || *и государем царем волным и до сех лет. А коли на споре с латыняны, латынския веры доктуры спираются з греки: «На вас, на греков, бог разгневался неутолимым своим гневом так, как и на жидов, выдал вас турскому царю в неволю и за вашу гордость и за неправду. Видите и сами, как бог гордым противляетъся, за неправду гневаеться, а правда богу сердечныя радость и вере красота». Они же о том хвалятца и сказывают: «Есть у нас царство волное и царь волной благоверный государь царь и великий князь всеа Русии* [79] и белыя Росии самодержец, и в том царстве велико божие милосердие и знамя божия *новыя чюдотворцы, и от них милость божия* [80] такова, како от первых». И латынянин же на вспоре речет: «То есть правда. Ино лучилося в том царстве бывати на отведывание вере хри-
132 об. стиянские, ино они || истинные веры християнской, и велика милость божия в той земли. Како про них молвите, про святые чюдотворцы. Ино таково есть божие милосердие. Нарочно мы

---

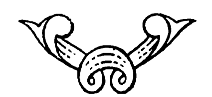
[76] *Испр.*; нако *Б I.* [77] *Испр.*; мислив *Б I.* [78] *Испр.*; воинско *Б I.* [79] ***Испр.*** по *Нл*; *нет Б I. возможно, выпал лист Б I.* [80] *Испр.*; *нет Б. I*

ходили отведывати; ино тако великое божие милосердие[81] ||
л. 133 Аще бы к той истинной вере[82] християнской да правда турская была, но бы с ними ангели беседовали. Аще бы к той правде[83] турской да вера християнская была, ино бы с ними ангели же беседовали».



[81] *Далее на лл.* 133—133 об. *Б I текст из Повести о Динаре* [му]жескую храбрость и отложу женскую немощь и облекуся в мужескую крепость... персы вся убо возможна, но не отчайтеся своего ради. [82] *Испр.*; веры *Б I*. [83] *Испр.*; правды *Б I*.

КОММЕНТАРИИ





КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТУ МУЗЕЙНОГО СПИСКА ПОЛНОЙ РЕДАКЦИИ (стр. 123—184)

К лл. 12—47

[a] Глава I. — Деление на главы принадлежит составителю Музейного списка (основного, по которому печатается текст). Глава I посвящена началу Царьграда, глава II — падению Царьграда и сочинениям Пересветова.

Повесть об основании взятии Царьграда предшествует другим сочинениям Пересветова и в списках Полной редакции, и в хронографах, и в тех списках Никоновской летописи, где читаются сочинения Пересветова. Как отметил уже В. Ф. Ржига (И. С. Пересветов, публицист XVI в. Чтения ОИДР, 1908, кн. 1; отд. изд.: М., 1908, стр. 11—12), комбинация эта, повидимому, принадлежит не позднейшим книжникам, а самому Пересветову, в концепции которого история падения Царьграда играла особенно важную роль и который даже специально ссылался в своей Большой челобитной на «взятие Царьградское» (см. комм. к лл. 83 об.—84, *а-а*). Сама по себе Повесть о взятии Царьграда довольно сложна по составу. Автор ее, судя по одному списку, — некий Нестор Искандер (Искиндер), христианин, в детстве обращенный в мусульманство и участвовавший во взятии Константинополя турками в 1453 году. Первоначальный текст Повести, написанный, повидимому, на русском языке, был дополнен более поздними вставками легендарного характера (об основании Царьграда, пророческие предсказания и т. д.; см.: B. Unbegaun. Les relations vieux-russes de la prise de Constantinople. Revue des etudes slaves, t. IX. fasc. 1—2, Paris, 1929, стр. 13 и сл.; Г. П. Бельченко. Состав исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 507 и сл.). Ввиду того, что Повесть о взятии Царьграда представляет собой, несмотря на ее включение в Полную редакцию сочинений Пересветова, произведение другого автора (и включая легендарные вставки другого, более раннего, периода), мы не даем здесь развернутого комментария к этой Повести, тем более, что такой комментарий читатель может найти в специальной статье (см.: И. И. Срезневский. Повесть о Царьграде. Ученые записки II Отделения Академии Наук, т. I, 1854, стр. 99—137).

К л. 47 об.

[а—а] И повеле царь турский Магмет-салтан у патриарха Анастасия книги взяти все греческия. — Сказание о книгах Пересветова примыкает непосредственно к Повести о взятии Царьграда Нестора Искандера; в Повести этой уже упоминаются оба дей-

ствующих лица Сказания о книгах: турецкий султан Магомет (Мухаммед II), завоеватель Константинополя, и патриарх «Настасий», в действительности не существовавший. По весьма вероятному предположению исследователей, Анастасий — искаженное в русских текстах Нестора Искандера имя Афанасия, действительно избранного на патриарший престол незадолго до 1453 года (ср.: И. И. Срезневский. Повесть о Царьграде, стр. 108—109, примеч. 20; В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 29, примеч. 6; Unbegaun, ук. соч., стр. 27—29). Однако и Афанасий не мог вести после взятия Константинополя бесед с Магометом II, так как, во-первых, он не принял патриаршего сана и никогда патриархом не был, а во-вторых, в 1453 году его уже, повидимому, не было в живых. Легенда о переговорах Магомета с Анастасием сочинена Пересветовым, вероятно, под влиянием сходной легенды о беседе с султаном патриарха Геннадия (Георгия) Схолария — преемника Афанасия (см. комм. к *л.* 52—52 об. *б-б*).

*б—б*да помыслил с сеиты и с молнами и с обызы, и с паши с мудрыми. — «Сейт», сейид (saiyid) — князь, государь, господин; первоначально титул потомков Магомета, затем вообще обозначение высших вельмож; «молна» — мулла; «обыз» — хафиз (hafız), хранитель (веры), знаток Корана, духовное лицо.

К л. 48

*а*во Иерусалиме. — Иерусалим был потерян византийскими императорами еще в VII веке, когда его завоевали арабы; с конца XI по XIII век им владели католические крестоносцы (Иерусалимское королевство); в XIII веке он вновь перешел в руки мусульман; в состав Турецкой империи Иерусалим вошел уже после Магомета II — при Селиме I (1517 год). Греко-православные патриархи оставались в Иерусалиме и под мусульманской властью.

К л. 49

*а—а*во всем заповедь мою святую преступили. — Обвинение византийцев в отступничестве от истинного христианства было выставлено русскими книжниками уже с середины XV века. В 1439 году на соборе во Флоренции представители византийской церкви согласились на унию с католицизмом, фактически означавшую подчинение греко-православной церкви папе. На Руси уния не была признана; вскоре после Флорентийского собора появилось несколько полемических сочинений против унии. Но формальное обвинение греков в отступничестве (и формальный разрыв с византийской церковью) появилось позже: лишь после того, как патриарх-униат Григорий Мамма признал законным митрополитом «всея Руси» литовского митрополита, русский митрополит Иона заговорил об отступничестве греков (РИБ, т. VI, стр. 62), и лишь после того, как началась борьба с Литвой за Новгород, Иван III официально заявил, что греческое «ся уже православие изрушило» и «имеем его от себя, самого того патриарха, чюжа и отреченна» (РИБ, т. VI, № 100, стр. 711). В 1492 году московский митрополит Зосима в так называемом «Извещении о пасхалии» применил к русским и грекам евангельское предсказание — «будут перви последними и последнии первим» — и заявил, что роль, принадлежавшая некогда грекам, перешла к «новому граду Константина — Москве» (РИБ, т. VI, стр. 118). Уже с 70-х годов XV века вопрос о «изрушении греческого закона» стал неразрывно связываться с вопросом о независи-

мости русской церкви от константинопольского патриарха (см. комм. к л. 64 об., *а-а*). Отношение Пересветова к вопросу об униатстве греков в очень незначительной степени определялось его религиозными взглядами: Пересветов нигде не упоминает Флорентийскую унию и, судя по его довольно уважительным высказываниям о «латинских дохтурах» (см. стр. 161)[1], он не был фанатичным врагом католицизма. Говоря о «преступлении» господних «заповедей», Пересветов имел в виду прежде всего нарушение того, что ему казалось общими принципами христианской жизни. Византийская империя была для него ненавистна прежде всего из-за ее политического строя (см. комм. к л. 70, *а-а*).

К л. 50 об.

*а*мизгиты. — Довольно распространенное на Руси (ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., стлб. 134)[2] название мусульманских мечетей (ср. тур. mesçit).

К л. 52—52 об.

*а—а*суд был их лукав и слезен. — Для Пересветова, типичного светского публициста древней Руси, характерно объяснение падения Константинополя не столько религиозным отступничеством греков, сколько мирскими (политическими) пороками византийского государственного строя. Этим порокам специально посвящено Сказание о царе Константине (см. комм. к л. 70, *а-а*).

*б—б*а се веру християнскую прииму, да буду самому господу небесному угодник. — Легендарное сообщение Пересветова о намерении Магомета II перейти в христианство. В. Ф. Ржига (И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда. Известия ОРЯС, 1911, т. XVI, кн. 3, стр. 179—180) сопоставляет с аналогичными легендами у итальянских хронистов (Спандугино). Между тем, в русской письменности XVI века существовала легенда, значительно более близкая к Пересветову — о беседах Магомета с патриархом Геннадием, в результате которых султан «оглашен бысть от него к христову пути, а нецыи [глаголют] же бы и крещен был от него и умре во крещению сам салтан». Легенда эта была связана с так называемым «Диалогом патриарха Геннадия» — византийским сочинением XV века, состоящим из вопросов султана о сущности христианской веры и ответов, якобы данных ему патриархом. Обстоятельства проникновения этого «Диалога» на Русь заслуживают особого внимания. Известный археограф начала XX века X. Лопарев обнаружил текст перевода «Диалога патриарха Геннадия», сопровождающийся сочинением о том, «каким должен быть царь» (X. Лопарев датировал этот памятник 1563 годом, но его датировка вызвала серьезные возражения. Ср.: Отчет о заседаниях ОЛДП, 1907—1910 гг. Памятники древней письменности и искусства, CLXXVI, 1911, стр. 20; Исторический вестник, 1908, апрель, стр. 378—379); местонахождение этого текста в настоящее время неизвестно, и мы не можем судить, верна ли догадка В. С. Иконникова о его влиянии на Пересветова (В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Изд. 2-е, Киев, 1915, стр. 68, примеч. 1). Однако сохранился (в рукописях и старопечатном издании) другой текст «Диалога патриарха Геннадия», по переводу, сделанному, по всей видимости, А. Курбским;

[1] Здесь и далее все ссылки на сочинения Пересветова даются по настоящему изданию.

[2] В дальнейшем: И. И. Срезневский. Материалы для словаря.

в предисловии к этому переводу содержатся приведенные выше слова о переходе (предполагавшемся или действительном) Магомета II в христианство и указание о том, что эту «повесть» автор узнал от «моего учителя Максима, нового исповедника», т. е. от Максима Грека (Сборник, изданный в типографии Мамоничей, Вильна, 1585; ср.: Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 2, М., 1859, стр. 565—568). Итак, легенда об обращении патриарха Магомета II распространялась на Руси Максимом Греком, крупнейшим публицистом первой половины XVI века, творчество которого и во многих других отношениях перекликается с творчеством Пересветова (см. комм. к лл. 53, *г-г*; 57—57 об., *а-а*; 64 об., *а-а*; 65—65 об., *в-в*; 70, *а-а*; 91, *а-а*; 94 об., *б-б*; 96—96 об., *б-б*). Следует отметить, что в данном случае, как и во многих других, сходная тематика разрабатывается обоими публицистами диаметрально противоположным образом. Для Максима Грека и его ученика Курбского в центре рассказа — моральное торжество патриарха, Пересветов, наоборот, подчеркивает греховность греков, закономерность падения Константинополя и высокие моральные качества Магмета-салтана.

К лл. 53—54 об.

а—а поту чела своего уживал. — «Уживати» — южный и западнорусский термин, означающий «потреблять в пищу, питаться, есть» (В. Даль. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, т. IV, стлб. 969; ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. III, стлб. 1165). Пересветов, несомненно, имеет в виду известный библейский текст проклятия Адаму — «в поте лица своего есть хлеб свой», но, как обычно, передает его своими словами.

б—б Царь турской Магмет-салтан сам был философ мудрый. — Образ султана Магомета, мудрого государя, служащего примером для всех носителей царской власти, проходит через все сочинения Пересветова. Буржуазные исследователи искали параллелей этому «туркофильству» Пересветова в западной публицистике. Они указывали, что «туркофильство» было присуще таким протестантским публицистам, как Ульрих фон Гуттен, надеявшийся на «турецкую реформацию» в Европе, как Лютер, выступавший в ранних своих работах против войны с турками, что в немецкой народной литературе XVI века (масленичный театр) «турок» изображался защитником простого народа от аристократов (см.: Д. Н. Егоров. Идея турецкой реформации в XVI в. Русская мысль, 1907, VII; А. Крымский. История Турции и ее литературы. М., 1910, стр. 151 и сл.). Однако сравнения такого рода являются поверхностными и неубедительными. Западным протестантским публицистам «турок» представлялся прежде всего политическим союзником в борьбе против папства и католицизма: «турок», по мнению Гуттена, мог свергнуть иго «романистов»; союз с Турцией соответствовал внешнеполитической программе активных антигабсбургских сил Франции и Англии во второй половине XVI века. Внешнеполитическая программа Пересветова, наоборот, не только не совпадала с внешнеполитической программой султанов, но прямо ей противостояла — Пересветов требовал войны с казанским ханом, вассалом Турции (см. комм. к лл. 92, *а-а*; 98—98 об., *а-а*), он мечтал об освобождении от турецкого ига православных земель южной и центральной Европы (см. комм. к. л. 91, *а-а*). Отличает Пересветова от западных «туркофилов» и то, что он был знаком с Турцией и ее внутренними порядками значительно лучше, чем они. Пересветов много лет жил в странах, находившихся в непосредственной зависимости от турок — Венгрии и Молдавии, и даже воевал бок о бок с турками в армии их союзника Запольи

(см. комм. к л. 68—68 об., *а-а*). Конечно, образ Магмета-салтана у Пересветова — образ в значительной степени фантастический, имеющий мало общего с реальными чертами «кровопивца» (по собственному выражению Пересветова) Магомета II. Однако выбор именно этой фигуры для изображения идеального монарха не был со стороны Пересветова случайным. Для того чтобы понять этот выбор, необходимо учесть некоторые черты государственного строя Турции XV — первой половины XVI века, отмеченные Марксом в «Хронологических выписках». Называя Турцию «единственной подлинной военной державой средневековья» Маркс указывал, что «империя турок была организована на демократически-деспотических началах. На случай войны у них имелось поголовное вооружение народа, обязательная военная служба; кроме того, конница, состоявшая на постоянной службе и получавшая денежное жалованье; наконец, ядро пехоты (в тогдашней Европе эту роль выполняли швейцарцы, т. е. иностранные наемники), которая также находилась на постоянной военной службе и получала жалованье» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, 1939, стр. 177 и 189). Военно-феодальный строй Османской империи содержал в себе зародыши будущего упадка империи: отсутствие прочных торговых связей внутри империи, слабость экономического развития, большая роль ростовщического капитала — все это уже к концу XVI века привело к кризису султанской Турции. Но во времена Пересветова кризис этот еще не наступил; Пересветова в первую очередь поражал контраст между олигархической политикой последних византийских императоров и «грозной» политикой султанов. Максим Грек — идейный антагонист Пересветова, публицист, тесно связанный с реакционно-боярскими кругами — считал необходимым специально предостерегать русских против «прельщения» турецкими «победами и исправлениями [порядками]» (Максим Грек, Сочинения, ч. I, Казань, 1859, стр. 145—146). Для Пересветова византийские порядки ассоциировались с ненавистным ему боярским засилием в годы малолетства Ивана IV; деятельность «царя Магмета» превращалась в политический псевдоним предлагаемой им централизаторской политики.

в—в Пишется великия мудрости о благоверном царе Константине... еже бы нам бога не разгневити ни в чем. — Рассказ Магмета-салтана о царе Константине во многих отношениях совпадает с более развернутым Сказанием о Константине (см. о нем комм. к л. 70, *а-а*). Вопросу о «царском прирожении» (природных свойствах, предсказанных астрологами с рождения; ср. польск. przyrodzenie — природное свойство) Пересветов также посвящает много места в Предсказаниях философов (см. комм. к л. 65—65 об., *г-г*) и Сказании о Константине. Термин «укротити», «укоротити» («укротить воинство», «укротить мудрость и счастие») встречается почти во всех сочинениях Пересветова — он принадлежит к числу его излюбленнейших терминов. И. И. Срезневский (Материалы для словаря, т. III, стлб. 1186—1187) переводит термин «укратити, украчу», как «сократить, уменьшать», а «украчати (укрочати), укрочаю», как «ослаблять, облегчать». Но в сочинениях Пересветова «укротити» имеет более широкий и вместе с тем специфический смысл, ассоциируясь с ненавистным ему понятием «кротость» (см. комм. к л. 71, *а-а*). Пересветов употребляет «укротити (кротити)» и с прямым дополнением: «укротити царя, воинство, себя» (в Предсказаниях философов, стр. 162; Сказании о Константине, стр. 167; Большой челобитной, стр. 178, 181, 183) и с предложным: «укротити от воинства» (Предсказания философов, стр. 162; Сказание о Константине, стр. 166; Большая челобитная, стр. 175, 178). В последнем случае «укротити» значит, очевидно, «освободить, избавить, облегчить» от чего-либо. Употребляется «укротити» и в страдательном смысле: царь... прочел да укротел» (стр. 168).

К л. 55—55 об.

а—аНикому ни в котором городе наместничества не дал велможам своим ... и велел присуд имати к собе в казну для того, чтобы судьи не искушалися и неправдою бы не судили. — В турецком законодательстве Пересветова, очевидно, привлекало главным образом отделение функций судей от функций сборщиков налогов. На Руси до середины XVI века обе функции сосредоточивались в основном в руках наместников — представителей системы, с которой Пересветов энергично боролся и в других своих произведениях (см. комм. к. л. 88—88 об., *а-а*). Специфические черты турецкой судебной и фискальной системы — сосредоточение основных судебных функций в руках представителей духовенства, различная система налогов для мусульманского и христианского населения (ср.: J. Hammer. Geschichte des Osmanisches Reiches, t. III. Pest, 1827, стр. 235—237[1]; А. Ф. Миллер. Краткая история Турции, М., 1948, стр. 16) — Пересветова не интересовали, и он о них не упоминает. «Присуд» — в данном случае означает «судебную пошлину» (ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. II, стлб. 1468).

б—бкадыи и шибошии и амини. — «Кадыи» — кадии (kadı), судьи, считавшиеся в Турции духовными лицами и назначавшиеся великим муфтием — главой мусульманской церкви; «шибошии» — шубаши (subaşı), название, которое носили в больших городах специальные уголовные судьи, а в сельских местностях — тимариоты (помещики), несшие по очереди полицейские функции; «амини» — надзиратели, приставы.

в—вИ царь им в том вины не учинил, только их велел живых одирати. Да рек тако: «Естьли оне обростут опять телом, ино им вина та отдастъся». — В. Ф. Ржига (И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 50) справедливо сопоставил этот рассказ о жестокостях Магомета в борьбе за правосудие с известной древнерусской повестью XV века «Сказание о Дракуле-воеводе». Как и Магомет, Дракула в повести нелицеприятен в своей жестокости: «И толико ненавидя в своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой или кую лжу или неправду, той никако не будет жив. Аще ли великий болярин или священник или инок или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупитися от смерти, и толико грозен быть» (Сказание о Дракуле-воеводе. Известия по русскому языку и словесности АН СССР, т. II, кн. 2, 1929, стр. 652—659). Однако конкретные примеры жестокостей Дракулы, приведенные в повести, едва ли могут быть сопоставлены с рассказами Пересветова о Магмете: жестокости эти направлены не против нарушителей правосудия и имеют иную форму (вбивание гвоздей в голову, сажание на кол и т. д.). Гораздо ближе к Пересветову рассказы, действительно ходившие в тот период, о борьбе Магомета II со злоупотреблением судей: итальянский хронист Спандугино рассказывает о том, как Магомет заставлял судью судить, сидя на коже, снятой с его отца, наказанного таким образом за лихоимство, и т. д. (J. Hammer, t. II, стр. 209). В применении к русской действительности замечания Пересветова отражают глубокое недовольство служилого класса подкупностью и неправосудием бояр-наместников, выступавших в качестве судей. Прямым следствием этого недовольства было включение в Судебник 1550 года специальных статей (ст. 3—5), направленных против взяточничества судей (Судебники XV—XVI вв. Изд. АН СССР, М. — Л., 1952, стр. 197—199).

---

[1] В дальнейшем: J. Hammer.

*г—г*Правда богу сердечная радость... А не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы. — Тема «правды» как важнейшего аттрибута государственной власти рассматривается Пересветовым на протяжении всего его сочинения (см. стр. 153, 161, 169 и 176—177); в Большой челобитной он договаривается даже до мысли, что «бог не веру любит — правду» (см. комм. к л. 96—96 об., *д-д*). Исследуя общий вопрос о «правосознании» Пересветова, немецкий исследователь В. Филипп противопоставляет его «правосознанию» понимание права во всех остальных письменных памятниках древней Руси — от Повести временных лет до Степенной книги — антиисторически объединяя эти разнородные памятники в общем понятии «старины» (W. Philipp. Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches. Osteuropäische Forschungen, N. F., Bd. 20, Königsberg — Berlin, 1935, стр. 42—83) [1]. В результате, как справедливо отметил советский исследователь А. Л. Сакетти, у Филиппа получилась ложная модернизация «светского правосознания» Пересветова (А. Л. Сакетти. Политическая программа И. С. Пересветова. Вестник Московского Гос. унив., № 1, 1951, стр. 110). А. Л. Сакетти считает, что понятие «правды» у Пересветова заключает в себе идею соразмерности наград и наказаний по отношению к объективному мерилу — личной заслуге. При этом, однако, А. Л. Сакетти, вслед за В. Вальденбергом (Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 326—327), излишне, на наш взгляд, подчеркивает ортодоксально-христианский характер понятия «правды» у Пересветова (там же, стр. 111). Едва ли такие высказывания Пересветова, как «правда — веры красота» (стр. 161), «истинная правда — Христос бог наш» (стр. 180), могут рассматриваться как свидетельство традиционной религиозности, «свойственной идеологии феодализма». Настаивая на том, что прославляемая им «правда» стóит «веры» и заслуживает почитания и с религиозной точки зрения, Пересветов, однако, нигде не придает этой формуле обратной силы: «правда» и без «веры» (у Магмета-салтана) угодна богу, но «вера» без «правды» ведет (в случае с Византией) лишь к гибели. Другим характерным свойством пересветовской «правды» является ее неразрывная связь с «грозой». В этом отношении пересветовское понимание «правды» резко противостоит трактовке этого термина у ряда его современников (ср.: В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 44—45). И для автора «Послания к царю Ивану Васильевичу», приписываемого Сильвестру, и особенно для Максима Грека «правда» неизменно связывается с «кротостью» и «милостью»: автор «Послания» призывает Ивана IV царствовать «истинны ради и кротости и правды» (Чтения ОИДР, 1874, кн. 1, отд. 1, стр. 69); Максим Грек пишет специальное слово «о правде и милости» (Сочинения, ч. 3, слово XXIX, стр. 236); в неразрывном единстве выступают эти понятия и в других произведениях Максима Грека (Сочинения, ч. 2, стр. 338, 349), в частности, в «Главах поучительных начальствующим правоверно», посвященных общим вопросам государственного управления. Пересветов же — решительный противник всякой «кротости»: она у него всегда связана с «неправдами» (см. комм. к л. 71 об., *а*).

К л. 56

*а—а*обема исцем по своей вере по христианской целования присужали, правому и виноватому, и оба не правы, и истец и ответчик, — един бою своего при-

[1] В дальнейшем: W. Philipp.

ложив ищет, а другой всего запрется: ни бивал, ни грабливал есми; его иску не обыскав, да оба крест поцелуют, — да богу изменят, и сами от бога навеки погибнут. — Как и в других местах своих сочинений, Пересветов, критикуя «византийские» «неправды», в действительности имеет в виду русскую юридическую практику своего времени. Практика эта вызывала ряд возражений с его стороны. Прежде всего, приведенный Пересветовым казус прямо перекликается со ст. 25 Судебника 1550 года: «А который ищеа взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет: бил, а не грабил...» (Судебники XV—XVI вв., стр. 147). В обоих случаях речь идет о двойном обвинении — в приведенном Пересветовым примере обвинение в грабеже несправедливо «приложено» к обвинению в «бое» (это место яснее изложено в списках Неполной редакции — см. стр. 189). Пересветов выступает против механического разрешения присягой обоих обвинений. В этом отношении ст. 25 Судебника 1550 года, новая по сравнению с Судебником 1497 года, очевидно, в какой-то мере отвечала на претензии, высказанные Пересветовым: здесь вводится дифференцированный подход к двум разным обвинениям — по обвинению, признанному ответчиком, устанавливается пеня, а по второму обвинению «суд и правда, крестное целование». Но формы этого «суда и правды», очевидно, тоже вызывали сомнения у Пересветова. Его возмущало именно то обстоятельство, что судьи отсылали участников спора к присяге «иску не обыскав» — не проведя следствия. Типичные для удельной Руси состязательные формы суда (взаимная присяга, судебный поединок) не устраивали Пересветова: при всей фантастичности предлагаемых им ниже форм расследования, они, по его мысли, должны были содействовать «обысканию иска» — следствия. В этом отношении энергичный сторонник централизованного государства Пересветов отражал характерные тенденции своего времени, — по справедливому замечанию Л. В. Черепнина, «с централизацией аппарата суда состязательный процесс заменяется следственным (расследованием дела органами власти), в большей мере обеспечивающим защиту интересов господствующего класса» (Судебники XV—XVI вв., стр. 86).

[б—б] еуангельские притчи: не лжи, не кради, на лжи послух не буди, чти отца и матерь, люби ближняго своего яко сам себя. — В отличие от огромного большинства древнерусских книжников, так или иначе связанных с церковью, «воинник» Пересветов чрезвычайно редко прибегает к цитатам из священного писания, а если и цитирует, то весьма неточно и необычно. Приводимые цитаты представляют собой не «еуангельские притчи», а моисеевы заповеди из Ветхого завета, причем первая и последняя («не лжи» и «люби ближняго...») не входят в состав традиционного «десятословия» (ср.: Исход, XX, 2—17), а отыскиваются в других местах Библии (Левит, XIX, 8, 18). В Евангелии «десятословие» несколько раз цитируется (например, Лука, XVIII, 20).

[в—в] шерт пити. — «Шерт» (арабск. shart, тур. şart) — условие, соглашение, клятва; в последнем смысле слово «шерт» (и глагол «шертовати») нередко встречается в древнерусских памятниках (ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. III, стлб. 1587). Принесение клятвы в древности сопровождалось у тюркских народов актом питья, в связи с чем самое понятие «клясться» передается в турецком языке с помощью глагола «пить» (içmek) — «ant içmek, yemin içmek».

К л. 57—57 об.

[а—а] а поля им судил в своем царстве без крестного целования. — «Поле» (судебный поединок) было до середины XVI века

одной из форм судебного доказательства; оно упоминается в Псковской судной грамоте, Судебниках 1497 и 1550 годов. Против «поля» выступал уже в начале XV века митрополит Фотий в послании к новгородцам (ААЭ, т. I, № 369); выступал против «поля» и Максим Грек (Сочинения, ч. 2, стр. 200—203). Однако у обоих этих лиц протест против «поля» вызывался главным образом соображениями религиозного благочестия: Максима Грека особенно возмущало «чародейство сатанинское», к которому прибегали участники поединка. Выступление Пересветова против «поля» вызывалось, несомненно, иными причинами: предложенная им (от имени Магмета) другая форма поединка, когда тяжущиеся лица голые ищут в темнице бритву, и тот, кто найдет ее, имеет право зарезать другого, никак не более благочестива, чем «поле»! «Поле» вызывало возражения Пересветова как типичная форма старого состязательного процесса времени феодальной раздробленности (см. комм. к л. 56, *а-а*) и в особенности потому, что институт «поля» довольно широко допускал замену тяжущегося лица (духовного, «увечного» светского, женщины) профессиональным наемным бойцом — «наймитом» (Псковская судная грамота, ст. 21; Судебник 1497 года, ст. 49; Судебник 1550 года, ст. 17); а в этом случае «богатые» получали явное преимущество (ср.: Л. В. Черепнин. Феодальные архивы XIV—XVI вв., т. II, М., 1951, стр. 337). Максим Грек (ссылаясь, как и Пересветов, на опыт «неверных») предлагал заменить «поле» «достоверными свидетелями или клятвою». Но Пересветов, очевидно, достаточно скептически относился к искренности тяжущихся при обычном «крестном целовании»; если уж он допускал клятву, то в особых, совершенно необычных условиях смертельной опасности для тех, кто клянется. Формы присяги и «поля», приписанные им Магмету, конечно, достаточно фантастичны (характерно, что Пересветов не повторяет их в более деловой Большой челобитной), но сущность их сводится к замене обоих институтов системой жребия, где исход определяется чистой случайностью (или «божьей волей»), а не какими-либо внешними обстоятельствами.

б—б и в ы д а л и м к н и г и с у д е б н ы я. — При Магомете II (около 1470 года) в Турции действительно была создана «судебная книга» — «Канун-намэ» (ср.: F. Kraelitz-Greifenhorst, Kanūnāme Sultān Mechmeds, Mitteilungen d. Osman. Geschichte, Bd. I, H. I, Wien, 1921); в царствование Сулеймана II, современника Пересветова, законодательная деятельность Магомета II была продолжена, но законы Сулеймана II еще едва ли могли быть известны Пересветову. Как обычно Пересветов, упоминая о «судебных книгах» Магмета-салтана, обращается не столько к турецкому прошлому, сколько к русскому будущему. Судебник 1497 года уже не отвечал всем чаяниям передовых слоев русского общества; вставал вопрос о новой кодификации. Как и многие другие предложения Пересветова, его замечание о «судебных книгах», предвосхитило одно из важнейших правительственных мероприятий середины XVI века — издание Судебника 1550 года (ср.: И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. Исторические записки, т. XXIV, 1947, стр. 277).

в б е с п р о т и в н я. — «Противень» в данном случае означает «судебную пошлину» (ср.: Судебники XV—XVI вв., Судебник 1497 г., ст. 6; ср. стр. 51).

К л. 58—58 об.

а—а А с у д е й с в о и х и з о б р о ч и л и з к а з н ы с в о и м ц а р с к и м ж а л о в а н и е м д л я т о г о, ч т о б ы н е и с к у ш а л и с я н е п р а в д о ю с у д и т и. — Осуждая в своих сочинениях систему наместничьего управления (см. стр. 152 и 173), Пересветов предлагал иную форму местного суда и управления, якобы введенную мудрым Магметом-салта-

ном. Сравнивая этот проект реформы наместничьего суда, предложенный Пересветовым, с действительными реформами наместничьего управления середины XVI века, В. Ф. Ржига приходит к выводу, что «реформа осуществилась, но не вполне так, как думал Пересветов. Кормлений почти не стало, но их заменили учреждения с выборными властями. Проект же Пересветова был иной. Он предлагал поставить во главе областного управления и суда чиновников, назначаемых центральной властью и получающих определенное жалованье» (В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 46). Классовый характер предложенных Пересветовым реформ достаточно ясен. «Выборные власти», о которых говорит Ржига, существовали на Руси уже с первой половины XVI века: в 30-х годах начали возникать так называемые губные учреждения — выборные органы местного управления, состоящие из детей провинциальных бояр и разбиравшие дела о «ведомых разбойниках и лихих людях», под которыми часто подразумевались лица, покушавшиеся на имущество и жизнь феодалов; еще раньше появились так называемые городовые приказчики, ведавшие сбором податей и других государственных повинностей. Ограничение, а затем отмена наместничьего управления в середине XVI века, несомненно, значительно усилили роль этих выборных учреждений, игравших прежде (в период, когда писалась челобитная Пересветова) весьма скромную роль. Однако едва ли можно сказать, что наместничье управление было заменено с середины XVI века только этими выборными органами. Губные учреждения ведали наиболее тяжкими уголовными преступлениями; окончательно установленный в 1555—1556 годах институт «излюбленных старост» ведал, повидимому, делами, относящимися к районам, где не было помещичьего землевладения — «черным землям» и городам (И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944, стр. 45). Чьему же веденью подлежали представители класса феодалов (бояре и дворяне) и зависимые от них лица? Бояре, имевшие иммунитетные права, уже издавна не были подведомственны наместничьему суду; не подведомственны этому суду были и их крестьяне. Уже в феврале 1549 года из ведения наместников были изъяты все судебные дела о помещиках и их крестьянах (см. новый летописный текст, опубликованный С. О. Шмидтом: Исторический архив, т. VII, М., 1951, стр. 295—296; ср.: ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 529). Кто же судил всех этих людей (по всем делам «опричь душегубства и татьбы и разбоя с поличным»)? Формально суд принадлежал самому царю, фактически судебные функции исполнялись либо некоторыми московскими приказами (ср.: С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI ст. Известия АН, серия истории и философии, т. VII, вып. 5, 1950, стр. 448—449), либо специально назначаемыми, так называемыми «данными судьями» (ср.: П. Беляев. Специальное назначение судей в древнерусском процессе. Сборник правоведения и общественных знаний, М., 1897, стр. 1—16). «Данные судьи», как и губные старосты, существовали и до 1549 года, но с ограничением функций наместников роль их неизбежно должна была возрастать. «Данные судьи» (так же, как и представители центральных московских приказов) были не выборными властями, а именно чиновниками, назначаемыми центральной московской властью и получающими определенное жалованье. В какой-то форме на содержании от правительства находились и выборные власти, например городовые приказчики, приблизительно соответствующие «зборщикам» налогов в казну по схеме Пересветова (ср. комм. к л. 58—58 об., *г-г*).

б—б воинников судят паши. — Система специального военного суда действительно существовала в Турции: во главе военных судей стоял «кады-аскер», главный судья войска, ему подчинялись судьи низшего ранга (см.: J. Hammer, том II, стр. 226).

[в—в]З году на год оброчил их своим царским жалованьем из казны своея. — Система денежного жалованья войску вовсе не носила в Турции столь всеобъемлющего характера, как это изображал Пересветов. По известию турецкого писателя XVII века Кочи-бея Гомюрджинского, даже во второй половине XVI века количество лиц, получавших денежное жалованье от султана, немногим превышало 37 тыс. человек; причем в армии денежное жалованье получали главным образом янычары (13.5 тыс.), артиллеристы и отряды, охранявшие султана (В. Д. Смирнов. Кучибей Гомюрджинский. СПб., 1879, стр. 94—96); значительная часть армии получала «жалованье» в виде поместий — тимаров и зеамов. Как и в других местах, Пересветов здесь приписывает «турскому царю» то, что он считал желательным для Русского государства, — в применении к русским «юнакам» предложение о денежном жалованьи прямо высказывается Пересветовым в Большой челобитной (стр. 175). Хорошо знакомая Пересветову по его службе в Польше и других центральноевропейских странах система денежного обеспечения «воинников» была мало реальной в русских условиях того времени, — в условиях феодального строя, при недостаточном развитии товарно-денежных отношений государство не обладало необходимыми средствами для денежного обеспечения служилых (ср.: Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I. М., 1914, стр. 60; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, М., 1946, стр. 609; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. Изд. 3-е, М., 1952, стр. 226—227; А. Л. Сакетти. Политическая программа И. С. Пересветова, стр. 111). Вопрос о денежном обеспечении служилых «воинников» был сложным вопросом в древней Руси — денежное жалованье выдавалось служилым людям не всегда и не за все виды службы, более обычной формой вознаграждения было поместье (ср.: В. Сергеевич. Древности русского права, т. I. Изд. 3-е, СПб., 1909, стр. 649—659). Однако некоторые реформы в указанном Пересветовым направлении были в середине XVI века предприняты: «Уложение о службе» 1556 года установило, повидимому, для некоторой части служилых («четвертчиков») систему ежегодного жалованья; остальные дети боярские и дворяне («городовые») должны были получать жалованье раз в три или четыре года (ПСРЛ, т. XIII, стр. 267—268. Ср.: В. Н. Сторожев. К вопросу о «четвертчиках». ЖМНП, 1892, № 1, стр. 205—206; С. Ф. Платонов, Сочинения, т. I, 1912, стр. 139—140). Стрелецкое войско с самого начала своего существования обеспечивалось денежным жалованьем (см. комм. к л. 90—90 об., *б*).

[г—г]А зборщиков тех из казны же оброчил своим жалованием, которые збирают казну цареву. — В исторической действительности XVI века пересветовским «зборщикам царевой казны» ближе всего соответствовали городовые приказчики, ведавшие еще с первой половины XVI века сбором податей и натуральных государственных повинностей; по мере сужения роли наместников (изъятие из их веденья все большего числа представителей класса феодалов, получавших иммунитетные права), роль городовых приказчиков все более возрастала. Иногда городовые приказчики, как и «зборщики» Пересветова, получали государево жалованье, но обычно им давалось поместье (ср.: М. А. Дьяконов. Городовые приказчики. ЖМНП, 1900, № 1, стр. 64, 66—67). Пересветовский термин «зборщики» также встречается в некоторых документах XVI века, относящихся, повидимому, к областям черного землевладения (см. платежную опись Антониева Сийского монастыря. Архив ЛОИИ, фонд Антониева Сийского монастыря, № 175).

[д] а л а ф о ю. — «Алафа» (арабск., тур.) — продовольствие, жалованье; термин этот часто встречается в древнерусских письменных памятниках (И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. I, стлб. 15; т. III, стлб. 658).

К л. 59—59 об.

[а—а] 40 т ы с я щ я н ы ч а н п р и с е б е д е р ж и т. — «Янычары» (тур. yeni çeri) — новое войско (в отличие от старой пехоты «яя»), образованное в XIV веке и составленное в основном из набираемых в турецкую армию христианских детей. Янычары представляли собой постоянную, профессиональную армию (члены янычарского «очага» не имели ни собственного хозяйства, ни семьи); они находились на жалованье у султана. Численность янычарского войска у Пересветова (или, еще вероятней, в источниках, которыми он пользовался) преувеличена — до конца XVI века общее число янычар не превышало 20 тыс. (A. Djevad-Bey. Etat Militaire Ottoman, t. I, вып. 1. Const., 1882, стр. 75—76).

[б—б] Д л я т о г о и х б л и з к о у с е б я д е р ж и т, ч т о б ы е м у в е г о з е м л и н е д р у г н е я в и л с я и и з м е н ы б ы н е у ч и н и л... и ц а р е м п о х о щ е т б ы т и, и т о ж е с я е м у н е д о с т а н е т. — Борьба за престол между различными претендентами была довольно частым явлением в истории Турции XVI века. Уже после смерти Магомета II его младший сын Джем сделал попытку выступить против своего брата Баязета II, провозгласив себя султаном. Подробность и некоторая страстность, с которой Пересветов говорит об этой борьбе «царя» с «царем», заставляет предположить, что, как и в других местах своего Сказания, он здесь имеет в виду не столько турецкие, сколько русские дела. Борьба за престол происходила в Русском государстве в начале правления Ивана IV: в 1534 году против малолетнего великого князя выступил его дядя Юрий Дмитровский, претендовавший на великое княжение (ПСРЛ, т. XIII, стр. 78); в 1537 году с аналогичными претензиями выступал и другой его дядя Андрей Старицкий (ПСРЛ, т. XIII, стр. 95).

[в—в] н е с т о л ь з а м о ж н ы я. — Это выражение, встречающееся только в списках Полной редакции (в Погодинском списке Неполной редакции более понятное русскому читателю — «не такови силни», см. стр. 191) является одним из образцов полонизмов у Пересветова. Слово «zamożność» имеет по-польски, наряду со смыслом «богатство», смысл «сила» (moc, siła, Macht; ср.: S. B. Linde. Słownik języka polskiego, VI. Lwów, 1860, стр. 829).

[г] ю н а к и. — Также одно из сравнительно немногих западных слов, усвоенных Пересветовым за время его странствий. Термин «юнаки» (в смысле — храбрецы, богатыри) — западнославянского происхождения.

К л. 60

[а—а] с о т п я т к о ю б и е т с я. — Это выражение, очень образно передающее понятие о трусливом воине, пятящемся назад (ср. выражение «отпятываться»: В. Даль. Толковый словарь русского языка, т. II, стлб. 1944), встречается только в текстах Полной редакции (в Неполной редакции его нет, ср. стр. 191).

[б—б] Д а М а г м е т - с а л т а н т у р с к о й ц а р ь у с т а в и л и н ы м ц а р е м п о с л е с о б я д о т е х л е т и д о с и х л е т, а в о в с е м ц а р с т в е д а л в о л н о с л у ж и т и у в е л м о ж с в о и х, к о м у н и б у д и. А н е в е л е л и х п р и к а б а л и в а т и, н и п р и х о л о п и т и, а с л у ж и т и и м д о б р о в о л н о. — Вторая из приведенных здесь фраз

(«а не велел их прикабаливати») пропущена в тексте Неполной редакции (стр. 191) и печатается, таким образом, впервые в настоящем издании. Фраза эта дает очень важное дополнение к читающимся в нескольких сочинениях Пересветова высказываниях против «порабощения»; становится ясным, что говоря о «записи в работу» (стр. 181), о «полонянниках» (стр. 157), Пересветов имеет в виду наряду с холопами (полными рабами) и кабальных людей. Неясность высказываний Пересветова против «порабощения», до сих пор известных в науке, давали возможность очень разнообразного толкования этих высказываний — от очень узких до очень широких. В. Ф. Ржига (И. С. Пересветов, публицист XVI века, стр. 22—23), указывая, что совет Пересветова относительно «отмены рабства» осуществился только в XIX веке, понимал, очевидно, этот термин в смысле всякой личной зависимости, включая и крепостно́е право, отмененное в 1861 году. Другие исследователи, наоборот, толкуют «порабощение» несравненно у́же. Б. Д. Греков, например, приводит высказывания Пересветова (наряду с высказываниями «еретика» Матвея Башкина против «держания христовых рабов») в главе «Сокращение применения рабского труда» и сопоставляет их с фактами массового отпуска на волю «холопской челяди» — полных холопов, рабов, эксплуатация которых становилась экономически невыгодной (Крестьяне на Руси, стр. 570—573; ср.: Л. В. Черепнин. Феодальные архивы XIV—XVI вв., т. II, стр. 347—348). В другом месте своего труда Б. Д. Греков высказывает предположение, что «больше интересовали» Пересветова «зависимые от вельмож военные слуги» — дворяне, попавшие в холопство (Крестьяне на Руси, стр. 717; ср.: И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI ., М., 1947, стр. 211). Очень неясна точка зрения А. Л. Сакетти по этому вопросу, — Сакетти считает, что «понятие Пересветова о свободе коренным образом отлично от учения о свободе, например, Вассиана Косого (Феодосия Косого? — *Я. Л.*) и Матвея Башкина, проповедовавших индивидуальное освобождение холопов волею их господ от неволи. Пересветов . . . не отрицает безусловно неволю и зависимость для низших классов населения, в частности для «полонянников», но считает несовместимой с достоинством человека пожизненную неволю, полагая, что вовлечение в пожизненное кабальное рабство есть служба диаволу, и поэтому считает необходимым ограничить такую неволю семью-девятью годами» (А. Л. Сакетти. Политическая программа И. С. Пересветова, стр. 112). Из этого замечания непонятно, считает ли А. Л. Сакетти Пересветова противником только «рабства», т. е. полного холопства, или также и кабальной зависимости («служилой кабалы»). Следующее за этим утверждение, что «Пересветов как бы восстанавливает древний обычай славян», описанный у византийского писателя Маврикия (там же), еще более усложняет дело, ибо у древних славян, как известно, служилой кабалы не было, а существовал родовой строй с патриархальным рабством. Вопреки возражениям А. Л. Сакетти и других исследователей, сходство взглядов между Пересветовым и Матвеем Башкиным (отмеченное уже В. Ф. Ржигой, ук. соч., стр. 51—52) представляется несомненным. Оба они протестуют против «рабства», аргументируя это его несовместимостью с духом христианского учения; оба не отрицают безусловно всякую неволю и зависимость: Башкин (кстати, такой же служилый человек, как и Пересветов), изодрав «кабалы полные» своих зависимых людей, оставил их служить «добровольно» (тот же термин, что и у Пересветова); оба, повидимому, не ощущали ничего ненормального в существовавшей в то время форме крепостной зависимости крестьян. Вместе с тем и Пересветов и Башкин не ограничивались в своем протесте отрицанием только уже вполне изжившей себя системы полного холопства — рабства (неудобство которой понимал даже такой консервативный

человек, как Сильвестр), или защитой от порабощения только служилых людей; они понимали термин «рабство» достаточно широко, включая в него и разные виды кабальной зависимости (о воззрениях Башкина см.: Московские соборы на еретиков. Чтения ОИДР, 1847, № 3, отд. 2, стр. 1). Чем же объясняется такой протест наиболее передовых и радикальных представителей служилого дворянства против системы кабальной зависимости (системы, которой предстояло еще развиваться в XVI и XVII веках)? В своей «Истории русской общественной мысли» Плеханов объяснял протест помещиков против кабального холопства тем, что система закабаления применялась именно в «крупных вотчинах» (т. I, стр. 155—156). Немецкий исследователь Пересветова В. Филипп, критикуя в своей книге с реакционно-идеалистических позиций «материалистическую постановку вопроса» у Плеханова (W. Philipp, стр. 29, примеч. 111), попытался опровергнуть приведенное объяснение, заметив, что помещики также были заинтересованы в прикреплении крестьян и пострадали бы от отмены крепостного права (там же, стр. 26). Но возражение это несостоятельно: Филипп смешивает закабаление (обращение в зависимое состояние «вольного человека» за сумму, выданную ему в долг) и закрепощение (прикрепление к хозяину крестьянина, имеющего собственное хозяйство). Гипотеза Плеханова несомненно заслуживает дальнейшей проверки (материал первой половины XVI века слишком беден; «служилые кабалы» второй половины века не подтверждают гипотезу Плеханова о «крупных вотчинах» как центрах закабаления). Пока же можно отметить, что служилые люди типа Пересветова и Башкина в первой половине XVI века были решительными противниками закабаления и обращения в холопство (несмотря на наличие у обоих авторов поместий). Не поднимая голоса против существовавшей формы эксплуатации крестьян, имевших право перехода в «Юрьев день» (этого сюжета касался в тот период публицист иного направления — Максим Грек, да и то в отношении лишь монастырских крестьян; см.: Максим Грек, Сочинения, ч. 2, стр. 99—100), Пересветов и Башкин с большой для того времени смелостью протестовали против «прикабаливания» и «прихолопивания». Практически в ходе реформ середины XVI века было осуществлено только ограничение приема в «холопи» «детей боарьских служилых и их детей», да и то «опричь тех, которых государь от службы отставит» (ст. 81 Судебника 1551 года; Судебники XV—XVI вв., стр. 170, 291—293), — мероприятие несравненно более узкое, чем то, о чем писали Пересветов и Башкин.

[в—в]книги принести полныя и докладныя. — «Полными» и «докладными» назывались в древней Руси грамоты об обращении в холопство (полное); книги, куда заносились эти акты, до нас дошли только начиная с конца XVI века (см.: С. Н. Валк. Грамоты полные. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, Пгр., 1922, стр. 130).

[г—г]А полоняником учинил урок, доколе кому робить, а седмь лет выробится, и в силах девять лет. — Термин «полоняник», употребляемый здесь Пересветовым, не совсем понятен. П. А. Садиков (Очерки по истории опричнины, М. — Л., 1950, стр. 9) полагает, что здесь идет речь о человеке, выкупленном из вражеского плена, который должен отработать уплату за выкуп. Предположение П. А. Садикова представляется слишком искусственным; предложенный им казус вряд ли был настолько частым, чтобы Пересветов стал специально на нем останавливаться, разбирая гораздо более широкий вопрос о закрепощении. Употребление термина «полоняник» становится достаточно понятным из общего контекста рассказа — ведь Пересветов говорит здесь о Магмете-салтане, изображает с бо́льшим или меньшим правдоподобием «турецкую» обстановку. А в Турции действительно основ-

ным источником рабства был военный плен. Разумеется, как и всюду, рассказ о Турции является для Пересветова лишь формой, в которой он излагает свои политические проекты в отношении России, — при переносе действия на русскую почву «полоняник» означал просто зависимого человека — кабального или полного холопа. Срок в семь-десять лет для зависимых людей не известен из древнерусской юридической практики (срок службы кабального человека определялся размером его долга; впоследствии кабала стала пожизненной). А. Л. Сакетти считает, что срок в семь лет взят Пересветовым из Библии (Политические идеи И. С. Пересветова. Диссертация, 1945, стр. 86—87; хранится в ГБЛ).

д—д А все то царь Магмет-салтан списал со християнских книг ту мудрость, — таковому годится християнскому царю божию волю делати. — Легенда о происхождении законов Магмета-салтана из «християнских книг» приводится Пересветовым и в других местах его сочинений (стр. 154, 180). Легенда эта была нужна Пересветову главным образом для того, чтобы оправдать свое восхищение политикой «неверного иноплеменника» (см. комм. к л. 55—55 об., *г-г*). Но в данном случае ссылка на «християнские книги» имеет еще одно значение: Пересветов здесь прямо рекомендует аналогичную политику освобождения холопов и кабальных «християнскому царю» — Ивану IV, предваряя, таким образом, прямые обращения по этому поводу в Большой челобитной (см. стр. 181).

К л. 61

а—а И то царь Магмет вразумевши, и дал им волю и взял их к собе в полк. Об освобождении Магометом II во время одной из войн «всех тех янычар, которые не были вольными» рассказывает также «Турецкая хроника» Константина из Островицы (Pamietniki Janczara, wyd. Jan Łoś. Biblioteka pisarzow polskich, № 63, Krakow, 1912, стр. 106), памятник польской литературы конца XV — начала XVI века, во многих отношениях перекликающийся с творчеством Пересветова (см.: В. Ф. Ржига. Пересветов и западная культурно-историческая среда, стр. 177—179; W. Philipp, стр. 87—88).

б—б по городом ходити с войском со всем с тем. Что кому надобеть купити, и он заплатит цену, да возмет; а не заплатит тоя цены, что указано, ино таковому смертная казнь, да и лутчаго не пощадити. — В «Турецкой хронике» Константина из Островицы также сообщается о регулярном снабжении войска в походе: «Ибо когда цесарь [султан] выступает со своим войском и идет по христианским землям, то христиане должны доставить ему множество всяких запасов и живности, чтобы войско всегда могло удовлетворять свои потребности за деньги по соответствующим справедливым правилам, согласно старому обычаю»; в связи с этим говорится и о запрещении мародерства под страхом сурового наказания (Pamiętniki Janczara, стр. 213).

К л. 62—62 об.

а—а У нынешнего царя турскаго Орнаут-паша Орнаутская земли полоняник был ... Короман-паша — Короманския земли полоняник. — «Орнаутская (Арнаутская) земля» — Албания; «Короманская земля» — Кармания, малоазиатская провинция Турции. Многие выдающиеся деятели Турции XVI века были людьми незнатными; среди этих деятелей встречалось много албанцев.

Нет оснований, вслед за Г. В. Плехановым, видеть в этом известии Пересветова тенденциозный намек литовского выходца на необходимость привлечения к службе иностранцев (История русской общественной мысли, т. I, стр. 155); скорее всего, названные Пересветовым лица — реальные личности. В. Филипп даже отождествляет их с двумя последними визирями Магомета II — Мохаммедом Гедик Ахмедом, албанцем по происхождению, и бывшим янычаром и Мохаммедом Карамани — караманцем (W. Philipp, стр. 91—92). Однако Пересветов называет здесь приближенных «нынешнего царя», т. е., очевидно, своего современника Сулеймана II (I), а не Магомета II.

*б—б*Братия, все есмя дети Адамовы: кто у меня верно служит и стоит люто против недруга, и тот у меня лучшей будет. — Если протест против порабощения сближал Пересветова с Башкиным (см. комм. к л. 60, *б-б*), то высказываемая им мысль о природном равенстве воинов перекликается с учением другого еретика середины XVI века — Феодосия Косого, защищавшего идею всеобщего равенства в применении к представителям разных народов («языков»): «Вси людие едино суть у бога, и татарове, и немцы и прочие языцы» (Послание многословное, сочинение инока Зиновия. М., 1880. стр. 144). У Пересветова идея равенства воинов перед богом направлена в первую очередь против аристократических притязаний боярства; в этом отношении его высказывания следует сравнить с высказываниями Ивана IV в послании в Кирилло-Белозерский монастырь. Возмущаясь тем, что опальные бояре сохраняют в монастыре свои боярские привилегии, царь напоминал игумену монастыря «апостолово слово: несть еллин и скиф, раб и свобод; вси едино во Христе» и приводил многочисленные евангельские примеры превосходства «рыболова» и «поселянина» над «царями» (Послания Ивана Грозного, стр. 179—180). Однако смысл этих антиаристократических высказываний Грозного ограничивался требованием равенства лишь в монастырской обстановке — только в монахах боярин должен «избыть боярства», а холоп «избыть холопство». Смысл антиаристократических высказываний Пересветова значительно шире; именно поэтому, вероятно, высказывания эти делаются от лица Магмета и читаются только в Сказании о Магмете (в Большой челобитной их нет).

*в—в*А все у него в полку разряжены воинники по десятским и по сотником, а те сотники по тысящником. — Аналогичная система разделения войск упоминается и в русских источниках середины XVI века. Ср., например, следующее известие «о устроении в полцех» во время казанского похода 1552 года: «Приказывает государь... да урядят в полъку его царском коемуждо сту браным детем боярьским голову устроит из великих отцев детей . . . да кыйжды сын боярский своего голову знает» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 198—199).

К л. 63—63 об.

*а*переем. — Вознаграждение за находку (поимку сбежавшего холопа). В этом смысле термин «переем (переим)» встречается в «Уставе о холопах» Пространной правды (ст. 113, 114, 115) и в других письменных памятниках древней Руси (И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. II, стлб. 905).

*б—б*И по городом у него же десятския уставлены и сотники и тысящники на лихия люди, на тати и на разбойники и на ябедники. — Термин «ябедничество» встречается в Судебнике 1497 года (ст. 8 и 39) и в Су-

дебнике 1550 года (ст. 59 и 72). «Ябедничество» — это, повидимому, злостная клевета с целью вымогательства (ср.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. II, стр. 327—328; его же комментарий к Судебнику 1497 года в: Судебники XV—XVI вв., стр. 54). В Большой челобитной Пересветов приводит конкретные примеры подобного «ябедничества» (см. комм. к л. 94 об., *б-б*). Термины «десятские» и «сотские» (гражданские должности), взятые Пересветовым якобы из турецкого быта, употреблялись в тот период и на Руси. В речи Ивана IV к Стоглавому собору 1551 года о введенном им новом Судебнике говорится: «Да устроил по всем землям моего государства старосты и целовальники и сотцкие и пятидесятцкие по всем городом и по пригородом и по волостем и по погостом . . .» (Макарьевский Стоглавник. Труды Новгородской губернской ученой архивной комиссии, вып. 1, Новгород, 1912, стр. 16—17). В упомянутых здесь «старостах» и «целовальниках» исследователи видят тех старост и т. д., которые согласно ст. 62 и 68 Судебника 1550 года были обязательными участниками суда наместников (И. И. Смирнов. Судебник 1550 г., стр. 270; комментарий Б. А. Романова к Судебнику 1550 года в: Судебники XV—XVI вв., стр. 267). Вновь «десятские и сотские» упоминаются в известном указе 1556 года: «И повеле государь во градах и в волостях разчинити старосты и сотцкые и пятьдесятцкые и десятцкые ... чтоб им разсуждати промеж разбои и татбы» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 268). Это, повидимому, те самые «излюбленные старосты» (с их аппаратом), которые пришли на смену наместникам в «черных» волостях (И. И. Смирнов. Иван Грозный, стр. 45).

*в—в*Чего для малые речи. — Слово «речь» в этой фразе читается в списках Полной редакции и в Никоновской летописи (в Погодинском I и II списках вместо «речи» читается «вещи», см. стр. 194); оно употреблено здесь в смысле польского rzecz — вещь, дело. Это — один из полонизмов Пересветова, устраненный переписчиками в других редакциях.

К л. 64 об.

*а-а*А греки в том ослабели во всем и правду потеряли и бога разгневили неутолимым гневом своим, и веру христианскую выдали неверным на поругание. — Вопрос об отношении к грекам-современникам и, в частности, к продолжавшей существовать под господством турок греческой церковной иерархии (константинопольскому патриарху), вызывал горячие споры в русской письменности XVI века. Разрыв с константинопольской патриархией, провозглашенный Иваном III во второй половине XV века, имел своим формальным основанием отступничество греков — признание ими Флорентийской унии (см. комм. к л. 49, *а-а*). Однако еще до 1453 года значительная часть греческой иерархии унии не признала; после завоевания Константинополя турками среди греческих иерархов, ставших подданными султана, окончательно победило антиуниатское направление. Но это не привело к восстановлению связи греческой иерархии с русской церковью. Если зависимый от папы патриарх не вызывал доверия русских князей и митрополитов, то и патриарх, поставленный султаном, вызывал не больше доверия. Когда патриарх в 1476 году назначил русским митрополитом «тверитина Спиридона», то этот поставленный «повелением турского царя» митрополит попал на Руси в заключение; в дальнейшем специальная клятва о непризнании этого митрополита или любого другого, назначенного «от латыни или от турскаго области» требовалась от новопоставленных архиереев (см.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. II. М., 1900, стр. 550—551). Однако столь резко отрицательное отношение к грекам, живущим под властью турок, разделялось на Руси не всеми. Если

митрополит-еретик XV века Зосима категорически утверждал, что греки из «первых» стали «последними», то иосифлянин старец Филофей, преобразовавший теорию Зосимы о «Москве — новом граде Константина» в теорию «Москва — третий Рим» был не вполне последователен в своем отношении к современным ему грекам. В одном из своих посланий он противопоставляет их латинянам, утверждая, что вера их не «повредилась» даже под турецкой властью: «Аще убо агарины внуци греческое царство приаша, но веры не повредиша, ниже насилствуют греком от веры отступати» (В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 46). Но в другом, более позднем послании Филофей указывает, что православная церковь и в Византии не «обрела покоя», «соединения их ради с латынею» и что «едина ныне святаа соборнаа апостольская церковь. . . и един православный великий русский царь во всей поднебесной» (В. Малинин, ук. соч., стр. 63). На Руси находились и защитники авторитета греческой церкви. Уже упомянутый опальный митрополит Спиридон играл в XVI веке не малую роль в развитии русской письменности, — он был автором «Послания о Мономаховом венце», использованного впоследствии в официозной литературе, связанной с венчанием Ивана IV царским венцом. В защиту константинопольского патриарха выступали и греки, жившие при московском дворе, — братья Траханиоты, слуги и сподвижники супруги Ивана III Софии Палеолог, а впоследствии — связанный с ними Максим Грек (см.: С. Герберштейн. Записки о Московии. СПб., 1866, стр. 67). Максим Грек был особенно активен в защите авторитета константинопольского патриарха. Человек со сложным и подозрительным прошлым, едва ли не грешивший сам прямым обращением в «латинство» (см.: E. Denisoff. Maxime le Grec et l'Occident. Universite de Louvain, Recudil de Travaux d'Histoire et de Philol., s. III, f. 14, Paris-Louvain, 1943), Максим на Руси выступал в качестве энергичного обличителя «латин» и доказывал чистоту патриарха и в отношении «латинского» и «бусурманского» влияния. Он написал даже специальное послание «ко отрицающимся... от цареградского патриарха аки во области безбожных турков», в котором патетически восклицал: «Констянтиноградского вселенского патриарха, во всяком православии... благодарно даже и доселе сохраняемого рукоположения, коея ради вины отметаешися, о пречюдный?» (Максим Грек, Сочинения, ч. 3, слово XXII, стр. 154). Пересветов занимает в этом споре о греках достаточно определенное место. Несмотря на то, что он вовсе не склонен к переоценке религиозной нетерпимости «агарян» и даже готов приписать Магмету-салтану желание обратиться в христианство (см. комм. к л. 52—52 об., *б-б*), мнение его о греках, находящихся под властью «иноплеменников турских», резко отрицательное. Греки «погибли», «ослабели», «веру християнскую у царя турскаго откупают», — несколько раз повторяет он и в Сказании о Магмете и в Большой челобитной (стр. 176). Эту точку зрения Пересветова разделял и Грозный. «Ты же убо почто ревнуеши — иже в грецех царствии погубивших и турком повинувшимся?» — вопрошал он Курбского (Послания Ивана Грозного, стр. 22). Причины этой «гибели» греков Пересветов, а вслед за ним и Грозный, видит не столько в религиозных, сколько и политических их грехах (см. комм. к л. 70, *а-а*).

К л. 65—65 об.

[а—а] И в том царстве великое божие милосердие и знамя божие, святыня новыя чюдотворцы. — По весьма вероятному предположению В. Ф. Ржиги (И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 19), имеются в виду церковные соборы 1547—1549 годов, во

время которых было канонизовано множество новых святых: Александр Невский, Савватий и Зосима Соловецкие, Пафнутий Боровский и другие (ср.: ААЭ, т. I, № 213; Стоглав, гл. 4, Казань, 1862, стр. 43—45).

[б—б]Греки же рекоша: «А есть ли бы к той правде турской да вера християнская, ино бы с ними аггели же беседовали». — Указание, что цитируемая фраза принадлежит «грекам», читается только в Полной редакции сочинений Пересветова; в других текстах (ср. стр. 195) эта фраза примыкает к предшествующему тексту речи «латынянина». Текст Полной редакции, повидимому, правильнее отражает протограф Пересветова: ответ «греков» по смыслу является именно возражением (или полемическим дополнением) к речи «латынянина». В чем же смысл спора? Нет необходимости доказывать, что фигура «латынянина» в «Сказании» совершенно условна: прославление новых московских чудотворцев, предложение дополнить московскую «истинную веру» «правдой турской» — все это выражает мысли не «латын», а самого Пересветова. Но что представляет собой возражение «греков»? Здесь мы явно имеем дело с новой мыслью: если первый собеседник надеялся на достижение идеального благочестия («аггели бы беседовали») путем реформ в общественном строе Русского государства, то второй надеется на религиозную реформу там, где уже есть «турская правда», — т. е., очевидно, в турецких владениях. Чья же это точка зрения? Судя по тому, что в Большой челобитной аналогичная фраза приписывается молдавскому воеводе Петру (стр. 176), можно думать, что перед нами какие-то чаянья представителей греческой веры, живших под турецкой властью.

[в—в]В Литве пишут философи и дохтуры. — Эти предсказания «философов и дохтуров» во многих отношениях совпадают с легендарным предсказанием «цесаря Максимилиана» в Повести о посольствах XVII века, единственном литературном памятнике (не считая Сказания о Петре Волосском), в котором можно обнаружить прямые черты влияния Пересветова (см. стр. 373).

[г—г]Он, государь... породился от великия мудрости по небесному знамению на исполнение правды в его царстве. — Пересветов имеет в виду астрологические предсказания, якобы сделанные латинскими философами и докторами Ивану IV; тема астрологических предсказаний, «прирождения», «небесного знамения» в применении к Ивану IV и его историческому прототипу — Константину XI — много раз поднимается Пересветовым в его сочинениях (стр. 164, 165 и 183). Интерес к астрологии был и до Пересветова достаточно распространен в русской литературе. Еще в 20-х годах XVI века Максим Грек счел необходимым выступить с рядом сочинений против «тщащихся звездозрением предрицати о будущих» (Сочинения, ч. 1, слова XVI, XVII, XVIII, XIX, XXI, стр. 347—456). Следует иметь в виду, что до середины XVI века (до Коперника) вера в астрологические предсказания была широко распространена в кругах как западноевропейской, так и русской интеллигенции; вера в «прирождение» не свидетельствовала о невежестве, так же, как враждебность астрологии далеко не всегда порождалась научным мышлением. Максим Грек протестовал против астрологии из чисто богословских соображений: он считал, что если бы люди были «нужами звездными связани», то это лишало бы их свободы воли и, следовательно, ответственности за грехи (Максим Грек, Сочинения, ч. 1, стр. 408, 415 и 441). Следует отметить также, что обвинение в фатализме неприменимо к астрологическим взглядам Пересветова: Пересветов считает, что злая воля «вельмож» могла нарушить благоприятное «прирожение» Константина (стр. 167) и предостерегает Ивана IV против той же опасности.

К л. 66-66 об.

[а—а]приидеть на него, государя, охула от всего царства, от мала и до велика, и будут его, государя, хулити, не ведаючи его царскаго прироження, и впадут в великий грех. — Картина общего недовольства царем, нарисованная Пересветовым, чрезвычайно интересна: Пересветов явно имеет в виду какой-то конкретный момент в царствовании Ивана IV. С точностью определить этот момент трудно, так как ни в каких других источниках мы не встречаемся с таким откровенным указанием на существование всеобщей «охулы на государя». Речь может итти либо о периоде «боярского правления», когда, несомненно, существовало широкое недовольство политикой правительства (ср.: Псковские летописи, 1941, стр. 110), либо, еще вероятнее, о восстании 1547 года, непосредственно предшествовавшем реформам середины XVI века, — о выступлении «черных людей» в этом году сообщает официальная летопись XVI века со специальными приписками об этом событии (ПСРЛ, т. XIII, 154 и 455—457) и Иван IV в послании к Курбскому (Послания Ивана Грозного, стр. 35).

[б—б]А стол царской пишется в Новеграде в Нижнем, а Москва стол великому княжеству. — Причины, побуждавшие Пересветова желать перенесения царской резиденции (очевидно, уже после венчания Ивана IV на царство в январе 1547 г.) из Москвы в Нижний Новгород не ясны. И. У. Будовниц, считая вероятным, что сочинения Пересветова написаны задним числом (после опричнины или даже после Ивана IV), видит в замечании о Нижнем Новгороде намек на перенесение резиденции Грозного во время опричнины в слободу Александровскую или на существовавший в тот же период план перенесения столицы в Вологду (И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 210—211). Однако предположение этого представляется малоубедительным. План перенесения столицы в Нижний Новгород принадлежит к числу неосуществившихся проектов Пересветова и связан, повидимому, с важной ролью Нижнего Новгорода во время происходившей тогда войны с Казанью (ПСРЛ, т. XIII, стр. 155—156; ср.: В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 18 и 23).

[в—в]что он божиею помощью Казанское царство возмет своим мудрым воинством. — Нет никаких оснований считать вслед за Карамзиным (История Государства Российского, т. IX, примеч. 849; ср.: И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 211), что это предсказание Пересветова «удивительным образом сбылось» потому, что в действительности оно было сделано задним числом, уже после завоевания Казани. Пожелание о завоевании Казани выражено в предсказаниях философов и докторов в форме пророчества в связи с общим характером этого произведения Пересветова, в той же форме высказано пожелание о перенесении столицы в Нижний Новгород (см. комм. к л. 66-66 об., *б-б*), и т. д. В других своих произведениях Пересветов не предсказывает взятие Казани, а советует ее завоевать, что уже совсем не стоило делать задним числом (см. стр. 177, 182; комм. к л. 98-98 об., *а-а*). В том, что «предсказание» Пересветова сбылось, едва ли можно видеть что-либо удивительное. Казань уже до середины XVI века несколько раз признавала вассальную зависимость от Москвы: в 1487 году казанский хан «бил челом» Ивану III и «назвал» его «отцом»; в 1505 году он отказался от вассального подчинения Москве, но в 1518 году Василию III удалось восстановить русский суверенитет над Казанью. В 30—50-х годах борьба за Казань шла почти непрерывно (см. комм. к л. 92 об., *а-а*). Естественно, что свидетель и совре-

менник этой борьбы Пересветов сочувствовал ей и предрекал успех «мудрому воинству» Ивана IV.

[г—г]да будут восмь градов християнских славных во все царства. — Это предсказание принадлежит к числу загадочных мест у Пересветова. В. Филипп (W. Philipp, стр. 13) высказал предположение, что Пересветов имеет здесь в виду Москву, Киев, Нижний Новгород и пять городов, в которых имеются патриархии греко-правсславной церкви (Константинополь, Александрия и т. д.); однако его объяснение едва ли может быть принято.

К л. 67

[а—а]Ивашко Семенов сын Пересветов. — Вопрос о личности И. С. Пересветова, автора двух челобитных, Сказания о Магмете-салтане и еще нескольких произведений, вызывал споры в исторической науке. Н. М. Карамзин, называя «эпистолу Ивашки Семенова Пересветова» к Ивану IV «мнимой» и «сочиненной, без сомнения, уже гораздо позже сего царствования», в упоминаниях М. Ю. Захарьина-Юрьева, господаря молдавского Петра, венгерского и чешского королей усматривал «анахронизмы» и «историческую несообразность»; считал весьма подозрительным тот факт, что Пересветов советовал Ивану IV сделать «все великое и хорошее, что было уже сделано»; все творчество Пересветова он считал «подлогом и вымыслом» (История Государства Российского, т. IX, примеч. 849). К точке зрения Карамзина примыкал С. М. Соловьев (История России. Изд. «Общественной пользы», кн. 2, т. VI, стлб. 168—169, примеч. 2), А. Н. Попов (Оброз хронографов русской редакции, вып. 2, М., 1869, стр. 85), считавший имя Пересветова коллективным псевдонимом, и др. В советской историографии сомнения в реальности Пересветова высказывали (в осторожной форме) А. С. Орлов (Курс лекций по древней русской литературе XI—XVI вв., Л., 1939, стр. 278) и И. У. Будовниц (Русская публицистика XVI в., стр. 210—212). И. У. Будовниц обратил внимание на отсутствие в языке Пересветова варваризмов (полонизмов и др.), которые, по его мнению, должны были иметь место, если бы Пересветов действительно, как он указывал, многие годы жил за границей. Мысль о полной исторической реальности И. С. Пересветова и достоверности сообщаемых им автобиографических данных, впервые в развернутом и обоснованном виде была высказана М. И. Соколовым в специальном курсе, читанном им в 1899 году в Нежинском лицее (краткое изложение в: Очерк десятилетней научной деятельности Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1902, стр. 51—52). М. И. Соколов указал на то, что многие предсказания Пересветова не подтвердились, из чего следует, «что сочинения Пересветова не есть оправдание политики Грозного post factum», и что имя Ивашки Пересветова фигурирует и вне его сочинений, — в «Описи царского архива», относящейся к 1575—1584 годам, упоминается «черной список Ивашка Пересветова». Дальнейшее развитие этот взгляд получил в работах Ю. А. Яворского (К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI в. Киев, 1908) [1] и особенно В. Ф. Ржиги (И. С. Пересветов, публицист XVI в.; И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда, стр. 169 и сл.). В аргументации этих исследователей решающим доводом в пользу достоверности автобиографии Пересветова является множество реалий, содержащихся главным образом в Малой челобитной, а также в других произведениях Пересветова. Вопреки мнению Карамзина, совершенно реальными оказываются все упомянутые Пересветовым исторические лица: «Угорский король

[1] В дальнейшем: Ю. А. Яворский.

Януш» — Ян Заполья и «чешский король» Фердинанд (см. комм. к л. 68-68 об., *а-а*); служба Пересветова у них и его дальнейшие взаимоотношения с М. Ю. Захарьиным прекрасно согласуются хронологически (см. комм. к л. 67, *е*); возможно хронологически и пребывание Пересветова в Молдавии (см. комм. к л. 87-87 об., *б-б*); реальным лицом, действительно служившим в войсках Фердинанда, оказывается и упомянутый Пересветовым А. Тенчинский (см. комм. к л. 68-68 об., *в-в*); фамилия Пересветовых. как указывают и Ю. А. Яворский и В. Ф. Ржига, многократно упоминается в источниках XVI—XVII веков (Ю. А. Яворский, стр. 22; В. Ф. Ржига, И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 23—24); Ю. А. Яворскому (стр. 23—24) удалось найти запись о И. С. Пересветове (хотя и не вполне бесспорную, см. комм. к л. 75, *а-а*) и на страницах одной рукописной книги. Установленные Яворским и Ржигой реалии несомненно могут быть еще дополнены в ходе дальнейшего изучения Пересветова; фамилия Пересветовых встречается во многих документах XVI века (см., например, Рукописный отдел ГБЛ, Троицкие акты: Троицк., № 533, Дмитр., № 158 — деловая Пересветовых 1516—1517 годов; данная на треть села Пересветово 1562/63 г.; ЦГАДА, ГКЭ, опись Гоздаво-Голомбиевского, № 10 — данная М. И. Пересветова на треть села Пересветова 1573/74 г., и т. д.); исторически реальным лицом оказывается и упомянутый Пересветовым Фредерик Сопежич (см. комм. к л. 68-68 об., *б-б*). Хороший русский язык И. С. Пересветова объясняется его русским происхождением, однако количество варваризмов в его языке не так уж мало: списки Полной редакции, лучше отражающие первоначальный текст, чем списки Неполной редакции, содержат ряд полонизмов, исправленных более поздними переписчиками (см. комм. к лл. 59, *в-в* и 63—63 об., *в-в*). Малая челобитная Пересветова была, повидимому, вполне реальной челобитной, вопреки мнению Будовница (ук. соч., стр. 211—212), видящего в просьбах Пересветова только «литературный прием, имеющий целью сделать правдоподобным существование Пересветова». Ходатайства Пересветова о защите от сильных людей можно рассматривать, как реальные и конкретные просьбы с его стороны (в Малой челобитной Пересветов ничего не пишет ни о падении Царьграда, ни о турецких порядках, а сообщает только минимум необходимых сведений о своих военных службах). Но из этого не следует, что Малую и особенно Большую челобитную Пересветова следует рассматривать только как челобитные, как чисто деловые документы [так считает, например, В. Филипп (W. Philipp, стр. 10)]. Уже в Малой челобитной содержатся темы («царское прирождение» Ивана IV и «небесные знамения» — стр. 164), выходящие за пределы его ходатайства и сближающие ее с другими его сочинениями. Большая челобитная — скорее памфлет в литературной форме челобитной, чем просто челобитная (см. комм. к л. 85—85 об., *а-а*). В связи с вопросом о личности Пересветова особый интерес приобретает отмеченная уже М. И. Соколовым запись из «Описи царского архива»: «Ящик 143. А в нем ... черной список Ивашка Пересветова да Петра Губастого да иные списки» (ААЭ, т. I, № 289, стр. 345). Понятие «черной грамоты» противостояло в древнерусской канцелярской терминологии понятию «белой грамоты»; историки обычно толкуют понятие «черная грамота (книга)», как подлинник, оригинал (ср.: А. А. Зимин. К истории восстания Болотникова. Исторические записки, т. XXIV, стр. 353). Слово «список» нередко означало в древней Руси «копию»; в той же «Описи царского архива», где встречается упоминание о Пересветове, мы находим (при описании ящика 210) отождествление «черного списка» с «противнем» (списком, копией; стр. 351). Разбирая многочисленные примеры «черных списков» в указанной «Описи», А. Н. Ясинский толковал поэтому «черные списки» не как оригиналы, а как копии (А. Н. Ясинский. Московский Гос. архив в XVI в. Киев,

1889, стр. 13). Но как бы мы ни понимали термин «черной список Ивашка Пересветова», мы все равно не можем определить, что именно содержалось в этом «списке». Это могла быть копия или оригинал сочинений Пересветова, а может быть копия или оригинал каких-то относящихся к нему грамот (челобитных и др.). Учтем, что в другом ящике того же архива хранились «списки черные Матвея Башкина», человека, близкого к Пересветову по взглядам (см. комм. к л. 60, *б-б*), — «списки», заключавшие в себе не сочинения Башкина, а «соборные дела» о нем и других еретиках (ААЭ, т. I, стр. 353). Таким же делом о Пересветове и неизвестном нам Губастом могли быть и их «черные списки». Драгоценная помета в «Описи царского архива», очевидно, относится именно к автору челобитных — Ивану Семеновичу Пересветову, но что заключалось в его «черном списке» — неизвестно.

*б—б*И ты, государь, образцы службы моея смотрил, и Михайлу Юрьевичю меня, холопа своего, приказал, и образцы службы моея Михайлу же дал. — «Михайло Юрьевич» — М. Ю. Захарьин-Юрьев (см. комм. к л. 67, *е-е*). «Образцы службы» — очевидно, привезенные Пересветовым щиты (см. сл. комм.).

*в—в*Делати было мне, государь, щиты гусарские... с макидонского образца. — Упоминание «гусарских щитов» является одной из многочисленных реалий, свидетельствующих о пребывании Пересветова в Центральной Европе: «гусары» (венгр. huszar) — венгерский термин, обозначающий легкие кавалерийские части (из дворян); до конца XVI века гусары имелись только в венгерской армии. Вопросу о «гусарских щитах», упоминаемых Пересветовым, посвящено специальное исследование В. Филиппа и П. Глуйчи «Гусарские щиты» (Zeitschrift f. hist. Waffen und Kostümkunde, 13, 1932—1934). Именование этих щитов щитами «македонского образца» (по образцу щитов, которыми пользовалась армия древней Македонии) также не свойственно русской терминологии того времени (Ср.: П. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия... СПб., 1896, стр. 180—181; Ю. А. Яворский, стр. 26—27).

*г—г*из пищалей и из затинных. — «Затинная пищаль» — огнестрельное оружие (легкое орудие), установленное в затине (затыне), специально укрепленном месте с амбразурами, через которые стреляли стрелки.

*д—д*Да из-за тех же, государь, щитов, на Волге, где не похощет недруг воинством своим берега дати, ино мочно у него твоим воинником из-за тех щитов берег взяти. — Речь идет, очевидно, о войне с Казанским ханством в 40-х годах XVI века. Война с Казанью упоминается и в других сочинениях Пересветова (см. комм. к лл. 66—66 об., *в-в*; 92 об., *а-а*; 98—98 об., *а-а*).

*е—е*И Михайла, государь, Юрьевича борзо в животе не стало, въскоре преставися. И та, государь, служба моя задлялася... А выезду, государь, моему 11 лет. — Михаил Юрьевич Захарьин-Юрьев, боярин, игравший видную роль в последние годы правления Василия III и в первые годы после его смерти. Согласно «Послужному списку», изданному Н. И. Новиковым в «Древней Российской вивлиофике» (т. XX, изд. 2-е, 1791, стр. 29), умер в 1538 году. Дата этого источника (не всегда достоверного) подтверждается тем, что к 7046 (1538) году относится последнее упоминание М. Ю. Захарьина в разрядных книгах (ср.: П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 103); к октябрю 7048 (1540) года относится уже упоминание (обнаруженное А. А. Зиминым) о «вкладе по душе» М. Ю. Захарьина

(Загорский историко-краеведческий музей, Вкладная книга Троицкого монастыря, л. 352 об.), — следовательно, к этому моменту он уже был покойником. Указание Пересветова, что он был поручен Иваном IV боярину М. Ю. Захарьину, представлялось Карамзину вопиющей «хронологической несообразностью» (История Государства Российского, т. IX, примеч. 849). В действительности, однако, как справедливо отметили В. Ф. Ржига (Иван Пересветов, публицист XVI в., стр. 20) и Ю. А. Яворский (стр. 17), в этом известии нет ни малейшей хронологической несообразности. Карамзина, видимо, смутило то обстоятельство, что Ивану IV было в 1538 году 8 лет. Однако с момента смерти Василия III в 1533 году малолетний Иван считался полноправным государем: все распоряжения, крупные и мелкие, делались от его имени, и спустя 11 лет Пересветов не только мог, но и обязан был говорить, что Захарьину его поручил «государь» (Иван IV и сам впоследствии, вспоминая об освобождении из тюрьмы князя Владимира Старицкого в годы своего малолетства, говорил: «я его... свободил» — Послания Ивана Грозного, стр. 210, примеч. 8). Известие Пересветова о том, что он приехал на Русь и был «приказан» Захарьину незадолго до смерти последнего, помогает определить дату его приезда и дату написания обеих челобитных. Пересветов приехал незадолго до 1538 года; Малая и Большая челобитные написаны 11 лет спустя, т. е. незадолго до 1549 года (другие хронологические расчеты, основанные на известиях о заграничных странствиях Пересветова, подтверждают эту дату; ср.: В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 12—14). Другими словами, тяжелые годы в жизни Пересветова, когда он не мог «доступить» Ивана IV и когда складывались его основные впечатления о Русском государстве, совпадают со временем «боярского правления» и ожесточенной классовой борьбы на Москве (восстание 1547 года).

К л. 68—68 об.

[а—а]Служил есми, государь, у угорского короля Вьянуша, на Гусыни граде службу дворянскую. — Угорским (венгерским) королем «Вьянушем» Пересветов именует Яна Заполью, крупнейшего венгерского магната, семиградского (трансильванского) воеводу, занимавшего в течение ряда лет венгерский престол. Заполья был выбран королем в 1526 году (на сейме в Секешфехерваре) после гибели венгерского короля Людовика в битве с турками при Могаче; его поддерживала партия, опиравшаяся на среднее и мелкое дворянство; магнатство, не признав Заполью, избрало (на сейме в Братиславе) венгерским королем Фердинанда I Габсбурга, брата германского императора Карла V. Между обоими претендентами шла война за престол. Военные действия развивались неудачно для Запольи; в 1527 году ему пришлось бежать в Польшу. Новое наступление турецкого султана Сулеймана II резко изменило обстановку; Заполья вступил в союз с турками и после занятия ими в 1529 году Будапешта, был провозглашен королем Венгрии, вассалом султана. Дальнейшие военные действия против Фердинанда Заполья вел при прямой помощи турецких войск. На Руси имя «Януша» Запольи было хорошо известно при Иване IV: о войне в Венгрии извещали русского государя и враги и друзья Запольи. Враждебная характеристика Запольи получила отражение в первом послании Грозного к Курбскому, где, обвиняя бояр в изменническом поведении под Казанью, царь спрашивал: «И тако ли прегордые царства разоряете, еже народ... от брани отвращати, подобно Янушу Угорскому?» (Послания Ивана Грозного, стр. 47). Эту же версию царь использовал и в переговорах с польскими послами в 1578 году, заявив послам: «Был на королевстве Угорском... Лодовик,

которого Турецкой убил, а посадил на Уграх Януша Седмиградцкого, а Яныш был у Угорского короля у Лодовика гетман навышшой, и Януш, по ссылке с Турецким, Лодовика короля не дал, и всем своим полком отступил, и для тое израды Турецкий его на королевстве учинил» (Дело о приезде польского посла Крыйского и др.; Рукописный отдел ГПБ, Q.IV, 33, л. 35 об. — 36). Проникала на Русь и противоположная, антигабсбургская версия венгерских событий, носителями которой были польские или западнорусские сподвижники Заполья типа Пересветова. В 1576 году, во время переговоров с послами «цесаря» (германского императора) царь иронически указал им на разницу между ним и их государями: «У государя нашего то в обычае: кому слово молвит о братстве и о любви, и то живет крепко и неподвижно, и инако слово его не живет, не так бы было, как король Лодвик, Владиславов сын Угорский, сослався с цесарем и со многими немецкими государи и захотели стояти против Турского салтана, и как на него пришел Турской, а цесарь и немецкие государи ему не способили и ему помочи не учинили, а его выдали, и турские люди его побили и самого его убили» (Памятники дипломатических сношений древней России, т. I. СПб., 1856, стлб. 536—537). Упоминание Пересветовым места своей службы у Заполья заслуживает внимания. Название «Гусын», читающееся в списках Полной редакции, не находит себе соответствия в названиях венгерских городов (город Хуст в Закарпатской Украине входил в XVI веке в число владений венгерской короны, но нам ничего неизвестно о военных действиях Заполья у этого города); но в списках Неполной редакции вместо этого читается «Бузын» — название, весьма близкое к турецкому наименованию Буды (Будапешта) — «Будин». Если Пересветов действительно имел в виду столицу Заполья — Буду, то это значит, что он служил у «Януша» после 1529 года, ибо только в этом году Буда попала в руки Заполья (W. Philipp, стр. 4—5, примеч. 25 и 36). Это предположение представляется тем более вероятным, что именно с 1527 года начался усиленный приток к нему польских дворян (ср.: A. Huber. Geschichte Österreichs, IV. Gotha, 1892, стр. 16), с которыми вместе пришел, повидимому, и Пересветов (см. сл. комм). В 1530 году войска Заполья вместе с турецкими войсками успешно обороняли Буду от войск Фердинанда. В 1532 году между обоими претендентами на венгерский престол было заключено короткое перемирие; затем военные действия вновь возобновились, но уже в конце 1533 года в войне наступил довольно длительный перерыв (до 1537 года).

[б—б]А был есми, государь, там 3 годы в полку с Федриком с Сопежничим: было, государь, нас 300 дворян королевских, короля польского, а ездили есмя служити с королевского ведома к угорскому королю. — Позиция польского короля Сигизмунда I во время борьбы Фердинанда и Яна Заполья была довольно сложной. Огромное большинство польской шляхты, законно видевшее в Габсбургах своих главных врагов, поглотивших уже Чехию и Словакию и грозивших самой Польше, горячо сочувствовало Заполье; императорский посол в Кракове еще в 1527 году извещал своего государя об антигабсбургских настроениях в Польше (Bucholtz. Geschichte der Regierung Ferdinand I, Bd. III. Wien, 1832, примеч. на стр. 214—222). Сигизмунд I также склонен был поддерживать своего свойственника Яна Заполью: он предоставлял ему убежище в Польше, сквозь пальцы смотрел на массовые переходы польских шляхтичей на службу к Заполье и на вербовку солдат на польской территории. Но прямо выступить против Габсбургов Сигизмунд I не решался. Открытая война с империей казалась ему слишком трудной, особенно в виду непрекращавшейся вражды с Русским государством (между обоими государствами

заключались краткие перемирия, но мира не было с 1508 года); уже в 1526 году враги Запольи и Сигизмунда пугали их русско-габсбургским союзом; в 1529 году, когда султан с помощью Запольи предпринял наступление на Фердинанда (и осадил Вену), именно страх перед Москвой заставил Сигизмунда I не пропустить через Польшу войска, навербованные Запольей (H. Uebersberger. Oesterreich und Russland. W. — Lpz., 1906, стр. 219, 241). Помогать Заполье Сигизмунд решался только тайком. В. Филипп (стр. 6, примеч. 38) уже обратил внимание на характерную деталь в рассказе Пересветова: говоря о своей службе у Запольи, он глухо замечает, что служил «с королевского ведома»; в то время, как о службе у Фердинанда (ниже, стр. 164) пишет, что служил «с ведома полскаго короля и грамоты его с нами были». В первом случае, очевидно, король не мог дать своим подданным никаких «грамот»! Имя «Федрика Сопежнича (Сопежича)», с которым Пересветов воевал у Запольи, читалось в изданном В. Ф. Ржигой тексте, как «Фендрик Скопижич» (ср. выше стр. 197, прим. 48), — искаженное написание, но позволявшее до сих пор исследователям определить эту фигуру. Имя «Сопежнич», читающееся в Полной редакции, это несомненно форма известной литовской фамилии Сопега (Сапега). Фредерик — Федор Сопега, сын Ивана Семеновича Сопеги, лицо, реально существовавшее в годы пребывания Пересветова за границей (Sapiehowie. Materialy historyczno-genealogiczne, t. I. СПб., 1890, стр. 57—58). Сохранившиеся фамильные хозяйственные документы ничего не сообщают об участии Ф. Сопеги в венгерской войне, но между 1525 и 1532 годами нет никаких известий о его пребывании в Польше — в эти годы он мог находиться у Запольи.

*в—в*Да служил есми, государь, четцкому королю Фордыналу дворянскую же службу... Было, государь, нас, дворян польского короля, пятьсот; а был у нас гетман пан Андрей Точинской, староста был Белский. — В. Ф. Ржига (И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда, стр. 180—181) указывает, что Андрей Точинский (Тенчинский) — реальное историческое лицо; он действительно был бельским старостой и в 1532 году участвовал с отрядом в 300 человек в войне с Сулейманом II на стороне Фердинанда I, за что ему впоследствии была дарована специальная грамота с перечислением его заслуг (см. также стр. 12). Речь идет в данном случае, очевидно, о походе Сулеймана II в 1532 году через Сербию и Славонию в западную Венгрию, во время которого султан был задержан на самой границе с Австрией у города Гюнс. Участие польских войск в войне на стороне Фердинанда I объяснялось некоторым улучшением польско-германских отношений в эти годы (в 1533 году было даже совершено обручение сына Сигизмунда I с дочерью Фердинанда). Борьба между Фердинандом I и Яном Запольей также стала после 1532—1533 годов менее напряженной, так как возникли серьезные трения между «угорским королем» и его покровителем — султаном, поддерживавшим соперника Запольи — Гритти.

*г—г*И оставя яз тамо дворянскую службу, выехал есми на твое имя царево, слышавше от многих мудрецов, что быти тебе, государю, великому царю по небесному знамению. — Последней «дворянской» (военной) службой Пересветова была служба у Фердинанда I; это не исключает возможности его пребывания в Молдавии по пути из венгерских владений в Москву (см. комм. к л. 87—87 об., *б-б*), термин «служба» в древней Руси обозначала почти исключительно военную службу (ср.: В. И. Сергеевич. Древности русского права, стр. 625—627). О «небесных знамениях» и других астрологических темах у Пересветова см. комм. к л. 65—65 об., *в-в*.

К л. 69—69 об.

[а—а]С л у ж и л е с м и, г о с у д а р ь, т р е м к о р о л е м. — Речь идет, несомненно, о короле «угорском» — Заполье, «чешском» — Фердинанде I и польском — Сигизмунде I; что́ имеет в виду Пересветов, говоря о службе у последнего — службу в самой Польше (не упомянутую в челобитной подробнее) или службу под командованием польских полководцев у Запольи и Фердинанда — неизвестно (вероятнее последнее). Во всяком случае, неправа С. Щеглова, считающая, что три короля — это угорский, молдавский и чешский (рецензия на работы В. Ржиги и Ю. Яворского, см.: ЖМНП, 1911, № 3, стр. 135). Молдавского господаря Петра Пересветов всюду именует «воеводой»; по его же словам, он не «служил» у Петра, а был у него несколько месяцев проездом (см. комм. к л. 87—87 об., *б-б*).

[б—б]Ч т о в Л и т в е п и ш у т м у д р ы е ф и л о с о ф ы о т в о е м ц а р с к о м п р и р о ж е н и и... и п р а в д а с и л н е е в с е г о. — Второе предсказание философов помещается в списках Полной редакции (в Неполной его нет) между Малой челобитной и Сказанием о Константине, но по содержанию оно не примыкает ни к одному из этих произведений, и представляет собой, несмотря на краткость, некое самостоятельное целое, близкое к первому предсказанию философов.

[в—в]Б л а г о в е р н ы й ц а р ь К о н с т я н т и н и м а т и е г о б л а г о в е р н а я ц а р и ц а Е л е н а, — римский (византийский) император Константин I Флавий (даты правления: 306—337) и его мать, жена императора Констанция Хлора Елена. С именем Константина и Елены связывается установление христианства в римской (византийской) империи; оба они почитались в православной церкви как святые. Город Константинополь был основан Константином I в 326 году на месте древнегреческой колонии и города Византии. Сопоставление основателя Константинополя Константина I с его последним императором Константином XI было обычным в литературе, связанной с падением Константинополя; ср. у Нестора Искандера (стр. 145).

К л. 70

[а—а]А б л а г о в е р н ы м ц а р е м К о н с т я н т и н о м И в а н о в и ч е м Ц а р ь г р а д в з я т о т т у р с к а г о ц а р я М а г м е т а... а в с е т о д л я г о р д о с т и и н е п р а в д ы в е л м о ж К о н с т я н т и н о в ы х г о с п о д ь б о г г н е в с в о й п о с л а л н а н и х н е у т о л и м ы й. — Вопрос о п р и ч и н а х падения византийской империи и завоевания Константинополя турками неоднократно поднимался в древнерусской письменности XV—XVI веков. В первую очередь выдвигались объяснения религиозного характера: обвиняя византийскую церковь в отступничестве от православия (см. комм. к л. 49, *а-а*; л. 64 об., *а-а*), русские книжники нередко объявляли именно это отступничество причиной падения Византии: митрополит Иона писал в 1458—1460 годах литовским епископам, что Царьград пал только «егда же своего благочестия отступи» (РИБ, т. VI, стр. 623, 648—649); ту же мысль повторял митрополит Филипп в 1471 году в послании новгородцам (там же, стр. 726, 728—729). Объяснялось падение Царьграда и иной причиной — нарушением общих принципов христианской жизни со стороны византийцев и их императоров. Максим Грек писал, что византийские «последние царие и державу свою погубиша точию за превелию их гордость и превозношение и сребролюбие июдейское и лихоимство» (Сочинения, ч. 2, стр. 351). Вслед за Максимом то же объяснение выдвигал и его ученик Зиновий Отенский: «Грецы... суда бо не взыскаша и праведна суда не судиша, вдовицы и сироты оставиша...

и милости подручным не сотвориша» (Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский. СПб., 1894, Приложение, стр. 20). Сходную мысль встречаем и в Хронографе западно-русской редакции, здесь также идет речь о «сребролюбии» греков и о «вражде и ненависти друг на друга и клевете и зависти и возношении и гордости и законопреступлении» (ПСРЛ, т. XXII, ч. 2. стр. 207). Совершенно иной характер имеет объяснение, предложенное Пересветовым. Он тоже считает, что Византия погибла за «гордости и неправды», но, во-первых, связывает «гордости и неправды» только с одной определенной общественной группой, а во-вторых, понимает «гордости» гораздо конкретнее, чем другие книжники. Византия погибла по вине «вельмож Константиновых», «ленивых богатых» — насгойчиво повторяет Пересветов, прямо противопоставляя свою точку зрения взглядам Максима Грека, считавшего, что византийские «цари» погубили свою державу именно потому, что «хищаху неправедне имения подручников, презираху свои боляры» (Сочинения, ч. 2, стр. 351). Вина же «вельмож» заключалась, по Пересветову, прежде всего в том, что они отвратили императора от правильной политики, «укротили его от воинства», этим подорвали мощь государства и привели к его военному поражению (см. комм. к. л. 71 об., *а-а*). Таким образом, объяснение это, как обычно у Пересветова, носит вполне светский характер: гибель Византии — не возмездие божие, а логический результат «укорочения». Прямым продолжателем Пересветова в этом отношении является Иван Грозный. Филиппики Пересветова против «вельмож» он дополняет энергичными выпадами против «епархов» — духовных феодалов; он иллюстрирует мысль о вредоносной роли «епархов и синклита», «не престающих о властех меж собя ратоватися», целым очерком византийской истории IV—XV веков, заканчивая его словами: «Смотри же убо се и разумей, каково управление составляется в разных начялех и властех, и понеже убо тамо быша царие, послушные епархом и сигклитом и в каковую погибель придоша» (Послания Ивана Грозного, стр. 23—27).

б—б О т своего отца, благовернаго царя Ивана, Констянтина града, остался млад царствовати, трех лет от пороження отца своего. — Константин XI (XII) Палеолог наследовал своему старшему брату (а не отцу) императору Иоанну VIII; Константин родился в 1403 году; в момент смерти его отца Мануила II, ему было 22 года; в момент смерти брата и восшествия на престол (1449 г.) — 46 лет. Не может быть сомнения (как указал уже В. Ф. Ржига в: И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 19), что легенда о том, будто Константин XI «остался млад царствовати», была нужна Пересветову для сопоставления Константина с Иваном IV, которому в момент смерти его отца и восшествия на престол (1533 г.) действительно было три года. Сопоставление Константина XI и Ивана IV делается Пересветовым и прямо в разных местах его сочинений (см. стр. 161—162 и 183).

К л. 71 об.

а—а Богатыя николи о воинстве не думают, думают о смирении и о кротости и о упокое. Царь кроток и смирен на царстве своем... на царстве грозен и мудр... — Учение Пересветова о «грозе» (которую он противопоставляет «кротости») составляет одну из основ общей системы взглядов публициста, дополняя и уточняя его излюбленное понятие «правды» (см. комм. к л. 55—55 об., *г-г*). Причина гибели Византии — «кротость», введенная вельможами, отвлечение царя от военных дел и отсутствие «грозы» против врагов государства. С особенной ясностью боевой, остро полемический характер этой теории

Пересветова выступает при сопоставлении ее с сочинениями его современника и постоянного антагониста — Максима Грека. У Максима Грека имеется произведение, специально посвященное тем же сюжетам, что и сочинения Пересветова: «Инока Максима главы поучительные начальствующим правоверно». Как и Пересветов, Максим Грек пишет в этих главах о «правде», но «правде», неизменно сопровождающейся «кротостью» (Максим Грек, Сочинения, ч. 2, стр. 158, 164): «телесному мужеству», заключающемуся в воинственности, он противопоставляет «мужество души, царские и боголюбивые», подавляющей свои «страсти» «некою браздою и уздою» (стр. 157). Заключает он свои главы перечислением трех главных «добродетелей» царя: «правда», «целомудрие» и «к подручникам кротость растворенна со устрашением государским на исправление их, а не на погубление» (стр. 184). Какие же свои «страсти» должен обуздывать царь? Прежде всего это «сребролюбие» (стр. 173), желание «чюжого имения» и «стяжание» (стр. 166). О каких именно «подручниках» беспокоится в данном случае автор, легко понять из его совета царю «дарити вельможи и прочих слуг своих» (стр. 167). Защищая «боляр, в скудости и лишении потребных живущих», Максим Грек в другом своем сочинении объяснял «гибель Византии» именно тем, что там «последние царие» «хищали» у них имущество (стр. 351). Но в «Главах поучительных» точка зрения Максима Грека противостоит взглядам таких врагов «вельмож», как Пересветов, не только объективно. «Главы поучительные» содержат ряд мест, прямо направленных против каких-то оппонентов Максима Грека, «глаголющих развратна»: Максим призывает царя «отсылать» этих советников (стр. 167). В чем же заключаются взгляды противников Максима? Прежде всего в призыве к конфискации имущества вельмож: «Той бо по истине заблудился от священные паствы христиан, иже радуется о неправде и всяческом хищении чюжих имений», — восклицает Максим Грек (стр. 171—172). И второе «заблуждение», с которым борется Максим, это как раз пересветовская идея «прирожденной воинской мудрости» царя: Максим Грек советует считать «дивным советником» не того, кто «через правду на рати и воевания вооружает тя», а того, кто «советует тебе мир и примирение любити всегда со всеми окрестными соседы» (стр. 162). Столь прямое совпадение взглядов Максима Грека с воззрениями «вельмож Константина» и взглядов Пересветова с воззрениями «советников», осуждаемых Максимом Греком, дает основание поставить вопрос о возможности непосредственной полемики между обоими авторами. В этой связи особенно важно было бы определить время написания «Глав поучительных». К сожалению, задача эта, как и вообще задача источниковедческого исследования творчества Максима Грека, еще не поставлена и не разрешена в науке [Е Голубинский в своей «Истории русской церкви» (т. II, ч. 2, стр. 242—244) обратил внимание на сборники Максима Грека в собрании МДА (№№ 42 и 153), составленные, повидимому, самим Максимом и начатые в 1532 году; в состав этих сборников входят и «Главы поучительные», но это не определяет времени написания «Глав», так как дата окончания сборника не известна и в него входят произведения, датированные 40-ми годами]. В своей статье о Максиме Греке. В. Ф. Ржига (к сожалению, совсем не сопоставивший «Главы» с творчеством Пересветова) датирует «Главы поучительные» 1548 годом, но за недостатком места опускает обоснование этой датировки (Максим Грек как публицист. Труды ОДРЛ, т. I, 1934, стр. 62), в силу чего мы лишены возможности познакомиться с его аргументацией. Если «Главы поучительные» написаны действительно в этот период, то вполне возможной представляется не только полемика Пересветова с Максимом Греком, но и обратное — полемика защитника «вельмож» Максима Грека с идеологом «воинников» Пересветовым.

К л. 72

$^{a-a}$А иныя присылали о миру глаголати с ним, а иныя цари дань дают, а иныя цари служити приказываются... а мир как может крепок быти, коли щита не розщепил и копия не переломил в недрузе? — Пересветов сильно преувеличивает выгодность международного положения Византии и могущество императора накануне падения Константинополя. Бо́льшая часть территории империи уже в момент восшествия на престол Константина XI (XII) была в руках турок; императору принадлежала узкая полоска территории вокруг Константинополя. Под «данью» Пересветов имел в виду, очевидно, деньги, которые султан платил императору за содержание в плену османского принца Урхана (соперника султана); требование императора об увеличении этой «дани» было поводом к войне 1453 года. Как и в других случаях, Пересветов здесь, повидимому, намекает на какие-то вопросы русской внешней политики. Русскому государю действительно неоднократно «приказывались служить» казанские ханы (ср. комм. к л. 98—98 об., *а-а*) — в 1546 году казанский престол занял Шах-Али, признавший себя вассалом Ивана IV (в том же году он был свергнут, а в 1550 году опять восстановлен на престоле). Пересветову такое компромиссное решение казанского вопроса без «розщепления щита» и без раздела казанских земель между «воинниками» казалось явно неудачным и «некрепким». В Большой челобитной он прямо писал, что даже если бы Казанская «землица и в дружбе была, ино бы ея не мочно терпети за такое угодие» (стр. 183).

К лл. 73—74 об.

$^{a-a}$Не приказал бог велможам ни воинником давати власти судити праведнаго суда и казны царевы збирати. Приказал бог от мудрости великия человека выбрати мудраго и ему приказати царева казна збирати и праведен суд судити. — Весь этот раздел сочинений Пересветова, представляющий собой как бы последний и заключительный завет Магмета-салтана, читается полностью только в списках Полной редакции (в Музейном списке он следует за всеми сочинениями Пересветова, кроме Большой челобитной, место которой во всех списках сочинений Пересветова вообще не является постоянным). В списках Сокращенного извода Неполной редакции сохранился только маленький фрагмент из него, присоединенный к Малой челобитной (стр. 198); В. Ф. Ржига счел это «дополнение» (и в Неполной и в Полной редакции) позднейшим и не принадлежащим Пересветову (И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 8—9). Текст, читающийся в Полной редакции, не дает никаких оснований для подобного заключения: ни по своему содержанию, ни по стилю он не отличается от других сочинений Пересветова. Мы вправе рассматривать этот текст именно как заключительную концовку к сборнику сказаний Пересветова (см. комм. к л. 75, *а-а*), подводящую итоги этим сказаниям и дающую практические выводы. В чем же заключается практическое предложение, содержащееся в этой Концовке? Прежде всего автор вновь обнаруживает себя в ней сторонником неограниченного самодержавного строя — годы пребывания в шляхетской Польше не превратили его ни в сторонника олигархии «вельмож», ни даже в сторонника власти «воинников»: гарантию интересов последних он видит не в специальных привилегиях, а в системе централизованной власти, воплощаемой в некоем идеальном «вельможе». Фигура этого «вельможи», о котором в Концовке

говорится дважды, выдвигается автором с такой настойчивостью, что трудно предполагать в нем только абстрактное лицо. Этот «мудрый великий человек», выступающий, в частности, в качестве «праведного судьи», неизбежно напоминает читателю современника Пересветова, выдвинувшегося как раз в конце 40-х годов, — А. Ф. Адашева. Вот как определяет обязанности Адашева малоизвестный летописец начала XVII века, недавно найденный и подготовленный к печати О. А. Яковлевой: «А как он был во времяни, и в те поры Русская земля была в великой тишине и во благоденстве и в управе. А кому откажет, тот вдругорядь не бей челом; а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою, тот болши не бей челом — то бысть в тюрме или сослану». С. О. Шмидт, впервые привлекший и процитировавший приведенный текст об Адашеве, делает отсюда вывод, что Адашев был главой Челобитенного приказа — высшей судебно-контрольной инстанции в Русском государстве середины XVI века (С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI ст., стр 446—447). Иван IV и Курбский в позднейших полемических произведениях, при диаметрально противоположной оценке деятельности Адашева, одинаково признавали факт его могущества в эти годы (Послания Ивана Грозного, стр. 36—37, 56; Сочинения Курбского. СПб., 1913, стлб. 169—173). Польский архиепископ Карнковский еще в конце XVI века вспоминал, как Адашев «правил государство Московское», и сравнивал его с Борисом Годуновым (Памятники дипломатических сношений, т. I. СПб., 1851, стлб. 934). Если Пересветов действительно заканчивал свои сочинения прославлением Адашева, то это означало бы, что он был тесно связан с правительственной группировкой, выдвинувшейся в середине XVI века и получившей в литературе довольно неудачное название «избранной рады». Связь Пересветова с правительственной верхушкой того времени подтверждается совпадением многих (хотя и не всех) его предложений с реальными реформами середины века. Следует, однако, иметь в виду, что давно назревшие реформы середины XVI века в той или иной мере поддерживались весьма широким кругом лиц самых различных воззрений, включая даже таких, как Максим Грек (ср.: В. Ф. Ржига. Максим Грек как публицист, стр. 75—76). Если Пересветов примыкал к «избранной раде», то, несомненно, в качестве представителя ее наиболее радикального крыла, — подобно Башкину (тоже как-то связанному с одним из деятелей «избранной рады» — Сильвестром).

*б—б*Да рек тако Магмет-салтан: «Пишет о милостыни мудрец... да обрящете покой душам вашим». — Все это рассуждение, направленное против внешнего благочестия и раздачи милостыни «от лихоимства», читается только в списках Полной редакции; часть текста рассуждения, несомненно, искажена переписчиками (например: «Тем подобает милость его и правду получити»); перевести его можно только весьма приблизительно. В рассуждение включено несколько библейских цитат (Лука, 16, 9; Притчи Соломона, 21, 27; Захария, 7. 11—13); библейский текст, как и в других сочинениях Пересветова, передан очень неточно.

К л. 75

*а—а*А се речи вывезл Иван Семенов сын Пересветов изо многих кролевств, и Петра Волоскаго воеводы. — Эта заключительная фраза, подводящая итог всем «речам» Пересветова, еще раз говорит в пользу признания всего данного раздела (см. комм. к лл. 73—74 об., *а-а*) концовкой к какому-то единому комплексу сочинений

Пересветова. Комплекс этот, повидимому, включал в себя и Большую челобитную: «речи... Петра волоскаго воеводы» (молдавского господаря Петра IV Рареша; см. комм. к л. 87—87 об., *б-б*), о которых говорится в приводимой фразе, из всех сочинений Пересветова упоминаются только в Большой челобитной. Когда мог возникнуть этот сборник «речей» Пересветова с заключительной концовкой? Как уже указано выше, у нас нет оснований отрывать Концовку от других сочинений Пересветова и считать ее произведением другого автора. Но если сборник сочинений Пересветова с Концовкой мог быть составлен им самим, то несомненно, что это не первый этап его работы. Большая челобитная (как и Малая) прежде существовала как самостоятельное произведение (как реальная челобитная); упоминание в этой челобитной более ранних «книжиц» того же автора позволяет предполагать, что и другие части этого комплекса (например предсказания философов и докторов) прежде существовали самостоятельно (см. комм. к л. 87—87 об., *а-а*). Приводимая фраза напоминает найденную Ю. А. Яворским запись на принадлежавшем ему тексте рукописной «Александрии»: «Вывез сию книгу из греци Иван Семенов сын Пересветов» (Ю. А. Яворский, стр. 23—24); как убедительно предположил В. Ф. Ржига (И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 25, примеч. 3), слова «из греци» в этой записи скорее всего испорченное «и речи». Но из этого необязательно делать вывод, что владелец «Александрии» просто механически переписал указанную фразу из сочинений Пересветова в свою рукопись. «Александрия» могла и реально принадлежать И. С. Пересветову и быть вывезенной им из Литовской Руси вместе с «речами».

К лл. 83 об.—84

[а—а]М у д р о с т и   г р е ч е с к и х   ф и л о с о ф о в   и   л а т ы н с к и х   д о х т у р о в   и   П е т р а   в о л о с к а г о   в о е в о д ы... д а   н и к т о   ж е   с е б е   н е   п о с о б и т». — Заголовок («Мудрости...») и первый абзац в Большой челобитной предшествуют обычному началу челобитных («Государю благоверному...» — стр. 170—171; ср. с Малой челобитной, стр. 162) и образует особую вступительную часть. Текст этого вступления сильно варьируется в различных списках. В Погодинском I и Погодинском II списках нет заголовка «Мудрости...», и текст начинается с рассуждения: «Аще ли которого царя мудрость его приroженная воинская оминет...». (стр. 198). В Олонецком списке Полной редакции за заголовком следуют слова: «Аще кто хочет при помощи божии видати и о уставе жития царского...» (стр. 170, пр. 71). В других списках той же редакции явно спутанный текст: «Естьли ведати — которого царя мудрость его прироженная воинская оминет...» В Щукинском списке вступительной части нет, и текст начинается прямо с челобитья (стр. 236). Правда, текст, составляющий в других списках вступление, читается и в Щукинском списке (после первых автобиографических сведений и в конце челобитной — стр. 237 и 247), и это дало основание В. Ф. Ржиге считать, что текст в Щукинском списке просто переставлен и что эта перестановка является вторичной и искусственной (И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 10). Однако, то обстоятельство, что такой же порядок размещения материала, как в Щукинском списке, мы встречаем и в Сказании о Петре, не позволяет безоговорочно признать этот список просто неисправным (стр. 358). Но даже если признать, что фрагменты вступления попали внутрь Щукинского списка случайно и что в его протографе вступление предшествовало остальному тексту, то из этого еще не следует, что Большая челобитная с самого своего возникновения начиналась с этого вступления. Более вероятным представляется предположение, что вступление было все-таки на какой-то стадии (воз-

можно, весьма ранней) приставлено к тексту и, вероятнее всего, не к тексту только Большой челобитной, а к сборнику пересветовских сочинений в целом (аналогично Концовке), т. е., что «Мудрости...» — общее название всего сборника. В пользу этого говорит совет «Петра волосского воеводы... прочести взятие греческое до конца» для того, чтобы понять «устав житья царского». Среди сочинений Пересветова имеется (вопреки мнению В. Филиппа: W. Philipp, стр. 86—87, 103) произведение, специально посвященное причинам гибели «Греческого царства», — это Сказание о царе Константине (вместе с рассказом Нестора Искандера оно составляет «взятие греческое до конца»). Очевидно, вступление предназначалось для сборника, где читатель мог найти это произведение.

К л. 85—85 об.

[а—а] Государю благоверному великому царю... бьет челом холоп твой государев, выеждей из Литвы Ивашко Семенов сын Пересветов. — В отличие от Малой челобитной Большая челобитная носит не столько индивидуальный, сколько общегосударственный характер; И. С. Пересветов в ней бьет челом не о своих личных делах, а о проведении ряда государственных реформ. Этот своеобразный характер Большой челобитной является причиной особенно скептического отношения к ней исследователей: исследователи, даже признающие в общем историчность самого И. С Пересветова (ср. комм к л. 67, *а*), склонны иногда считать Большую челобитную непринадлежащим ему сочинением, написанным кем-то от его имени уже после завоевания Казани и проведения реформ середины XVI века. К такому выводу пришли в разное время два исследователя — С. Вилинский (ЖМНП, 1908, сентябрь, стр. 185—192) и И. И. Полосин (О челобитных Пересветова. Ученые записки Московского Гос. пед. инст. им. Ленина, т. XXXV, вып. 2, Кафедра истории СССР, 1946). Оба исследователя указывают на то, что о своем пребывании в Молдавии у воеводы Петра Пересветов говорит только в Большой челобитной (где Петр Волосский вообще играет важную роль); в то время, как в Малой челобитной, при перечислении своих служб, Пересветов ни словом не упоминает об этом (С. Вилинский, ук. соч., стр. 188; И. И. Полосин, ук. соч., стр. 29). И. И. Полосин, кроме этого, отмечает, что посвятив значительную часть Малой челобитной вопросу о «щитах македонского образца», Пересветов в Большой челобитной не возвращается к этому вопросу, «что непонятно и недопустимо ни для Пересветова, ни для техники составления повторных челобитных»; ему представляется также подозрительной генеалогия Пересветова (от Пересвета, героя Куликовской битвы), содержащаяся в Большой челобитной (см. там же). С. Вилинский предполагал, что именем реально существовавшего (и написавшего Малую челобитную) Пересветова воспользовались «лица, окружавшие Иоанна, для составления публицистических трактатов», т. е. Большой челобитной (С. Вилинский, ук. соч., стр. 190); И. И. Полосин идет еще дальше, считая, что автором Большой челобитной был Иван Грозный, написавший ее в 1580 году на основе Малой челобитной Пересветова и Сказания о Петре Волосском (И. И. Полосин, ук. соч., стр. 36, 42—54). Однако аргументация С. Вилинского и И. И. Полосина не представляется достаточно убедительной. В Малой челобитной, где Пересветов рассказывал только о своей военной службе, которая помогла ему накопить «собинку», он вовсе не должен был упоминать о «Волосской земле», где он был проездом и на военной службе не служил (см. комм. к л. 87—87 об., *б-б*). Целью Малой челобитной было для Пересветова получение защиты «от насильных людей»;

вопроса о щитах Пересветов касался только в связи с воспоминаниями о своем приезде на Русь за 11 лет до этого; тем более у него не было основания возвращаться к этому вопросу в Большой челобитной, представлявшей собой не «повторную челобитную» по отношению к Малой, а обращение к государю по совсем иному поводу. Верность или неверность генеалогии Пересветова в Большой челобитной тоже никак не решает вопроса о ее авторстве (см. комм. к л. 85—85 об., *в-в*). Вопреки И. И. Полосину. Сказание о Петре Волосском (в наст. изд. стр. 341—349) следует считать не более ранним, а более поздним памятником по сравнению с Большой челобитной. Сопоставление этих двух источников свидетельствует об обработке пересветовского текста составителем Сказания (см. стр. 357—358). И. И. Полосин, сопоставляя Большую челобитную со Сказанием о Петре, оставил без внимания все произведения Пересветовского цикла, кроме Сказания и двух челобитных. Усматривая в Большой челобитной, в отличие от Сказания, «ослепительный блеск еретической мысли», который «в России XVI в. никому, кроме Грозного, не мог быть ни прощен, ни позволен», И. И. Полосин не обратил внимания, например, на Сказание о Магмете Пересветова, где содержатся такие же еретические мысли. В этом Сказании содержится (и даже в более развернутом виде, чем в Большой челобитной) та самая мысль о введении иноверным Магметом-салтаном «великой правды» (стр. 154, 157, 160), которую, по мнению И. И. Полосина, «нельзя было найти... ни в каком другом литературном произведении эпохи», кроме Большой челобитной (И. И. Полосин, ук. соч., стр. 35); в Сказании о Магмете, как и в Сказании о Константине, мы встречаем оценку измены «вельмож», как «ереси» (стр. 152 и 167); во Втором предсказании философов (и в Концовке) мы находим и другую «ересь» из Большой челобитной: «правда сильнее всего» (стр. 165 и 168), и т. д. Противопоставление Большой челобитной остальным произведениям Пересветова представляется неправомерным — вопрос об авторстве этого произведения не отделим от общего вопроса о творчестве Пересветова. Ища подтверждения своей гипотезе об Иване IV, как авторе Большой челобитной, И. И. Полосин подверг специальному рассмотрению известную (см. комм. к л. 67, *а-а*) помету в «Описи царского архива» относительно «черного списка Ивашка Пересветова да Петра Губастого». И. И. Полосин предполагает, что в архиве Ивана IV сохранился черновик его незаконченной работы над Большой челобитной. Любопытное объяснение дает И. И. Полосин «Петру Губастому»: он сближает это имя с прозвищем молдавского господаря Петра IV — «Рареш», что значит в прямом смысле «редина́» (редкость), что можно, по мнению И. И. Полосина, понимать как «простак»; слово «губастый» имеет, по мнению автора, тот же смысл (аналогично слову «губошлеп»). Таким образом, И. И. Полосин считает, что в архиве Грозного лежал черновик его работы над «челобитной» и Сказание о Петре Волосском (И. И. Полосин, ук. соч., стр. 30—31). Однако термин «черный список» едва ли можно толковать как «черновик», набросок (см. комм. к л. 67, *а-а*). Сближение «черного списка Петра Губастого» со Сказанием о Петре Волосском совсем неправомерно. Не говоря уже о том, что слово «Рареш» (понимать ли его как «редина́» или даже как «глупость», «простота») ничего общего не имеет со словом «Губастый» (в молдавском языке понятие «простак» никогда не выражается словами, производными от «губы»), следует указать, что в Сказании о Петре Волосском, как и в Большой челобитной, Петр IV не «простак», не «губошлеп»; наоборот, — он «философ и дохтур мудрый» (стр. 183), мысли которого с благоговением пересказывает автор. Таким образом, у нас нет никаких оснований видеть в «черном списке Ивашка Пересветова да Петра Губастого» черновик Большой челобитной и Сказания о Петре Волосском.

*а—б*В ы в е з л е с м и к т е б е, г о с у д а р ю, р е ч и и з о м н о г и х к о р о л е в с т в г о с у д а р ь с к и я и о т П е т р а в о л о с к а г о в о е в о д ы, и д е л а т в о и ц а р с к а я. И т е, г о с у д а р ь, р е ч и и д е л а л е г л и в к а з н е т в о е й г о с у д а р е в а, а м е н я, х о л о п а с в о е г о, з а т е р е ч и и з а д е л а в е л е л е с и, г о с у д а р ь, г о р а з д о п о ж а л о в а т и. А т е, г о с у д а р ь, р е ч и и д е л а и д о с и х м е с т п р е д т о б о ю, г о с у д а р е м, н е б ы в а л и. И н о, г о с у д а р ь, п р о т и в е н п р е д т о б о ю, г о с у д а р е м, а д е л а т в о и, г о с у д а р ь, у м е н я с л у ж б ы м о е й. — Пересветов говорит о каких-то «речах и делах», привезенных им при его приезде из-за границы, т. е. в конце 30-х годов XVI века, в начале периода «боярского правления». Из дальнейшего текста ясно, что после передачи государю этих «речей и дел» прошло 11 лет, в течение которых Пересветов не мог «доступить» Ивана IV; и только по истечении этого срока ему удалось «доступить» его и передать «две книжки» (см. комм. к л. 87—87 об., *а-а*). В. Ф. Ржига (И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 14) и Ю. А. Яворский (стр. 17—19) не обратили достаточного внимания на различие между этими «речами и делами», переданными в 30-х годах, и «книжками», переданными в 40-х годах; впервые это отличие было четко указано Г. П. Бельченко (К вопросу о составе и редакциях сочинений Пересветова. Сборник статей в честь акад. Соболевского, Сборник ОРЯС АН, т. CI, № 3, Л., 1928, стр. 330). Некоторые недоумения вызывает утверждение Пересветова, что государь велел его «пожаловати... за те речи и за дела», в то время как, по его же словам, эти «речи и дела» до сих пор перед государем «не бывали». Создается впечатление, что Пересветов что-то измышляет (в Малой челобитной он не упоминает о подаче «речей») и противоречит себе. Но следует учесть время, в которое Пересветов, по его словам, подал эти «речи и дела». Это — 30-е годы XVI века, до 1538 года, когда Ивану IV еще не было восьми лет. Принимать «речи и дела» Пересветова, «жаловать» его за них мог, конечно, не малолетний князь, а реальный правитель государства (например Елена Глинская). Как человек своего времени, Пересветов твердо держался монархической терминологии; говоря о том же периоде до 1538 года, он утверждал, например, что Михаилу Юрьевичу Захарьину его «приказал» (поручил) государь (см. комм. к л. 67, *е-е*). Здесь «государь» — такая же номинальная фигура, за которую фактически действуют другие. Но прошли годы «боярского правления», Иван IV вырос, взял власть в свои руки; для людей типа Пересветова он перестал быть только номинальной фигурой. Когда Пересветов (в той же Большой челобитной, стр. 172) описывает, как он домогался и добился свидания с государем (в конце 40-х годов) «в церкви пречистой богородицы» и подал ему «книжки», он имеет в виду уже царя — реального человека. Вполне естественно, что теперь Пересветова интересовало также, чтобы этот реальный государь, на которого он хотел воздействовать, прочитал и старые «речи и дела», легшие в свое время в «казне государеве». Второе утверждение Пересветова, заслуживающее специального рассмотрения, это его слова: «Про́тивен пред тобою, государем, а дела твои, государь, у меня службы моей» Слова «дела... у меня службы моей» можно понимать двояко (в зависимости от смыслового ударения): 1) находящиеся у меня дела составлены (добыты) мной в о в р е м я м о е й с л у ж б ы; 2) дела, составленные на службе, находятся (остались) у м е н я («дела» у Пересветова здесь несомненно означают «бумаги», нечто, записанное на бумаге, — иначе он не мог бы их «вывезти», и они не могли бы «лечь в казне»). Соответственно варьируется и понимание слов о «противне». Некоторые исследователи (Г. П. Бельченко, А. А. Зимин) считают, что словами «про́тивен пред тобою, государем» Пересветов указывал на тож-

дество (по содержанию) между тем, что он «подал» в 30-х годах и тем, что он «подал» в 40-х годах; т. е. Пересветов 11 лет спустя подал царю «противень» (копию, список) прежних дел (см. комм. к л. 87—87 об., *а-а*). Но возможно и другое толкование слов «противен пред тобою, государем». «Противнем», списком своих «речей и дел», вывезенных из-за границы, Пересветов мог называть те самые материалы, которые он передал Ивану IV сразу по приезде, которые «легли в казне государевой» и, следовательно, находились «перед» государем. Оригинал же этих материалов («дела... службы моей») остался у Пересветова («у меня»).

*в—в*Поминая своих пращур и прадед, как служили верно государем, руским великим князем, твоим пращуром, Пересвет и Ослябя... на Донском побоищи. — Пересвет и Ослябя — монахи Троице-Сергиевского монастыря, участвовавшие в Куликовской битве 1380 года. Александр Пересвет — историческая фигура, он упоминается уже в наиболее раннем летописном рассказе о Куликовской битве (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 130). Большинство историков считает генеалогию Пересветова фантастической, и лишь Н. И. Троицкий в дискуссии по докладу С. Авалиани (Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1909 г., М., 1910/11, т. III, Протоколы, стр. 111) высказал предположение о возможности связи между западнорусским шляхтичем Пересветовым и брянским боярским родом, к которому принадлежал А. Пересвет. Но даже если генеалогия Пересветова фантастична, это вовсе не означает, что фамилия И. С. Пересветова есть псевдоним, как полагал А. Н. Попов (см. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, стр. 85) и что «патриотическую обработку имени Пересветова не мог сделать сам Пересветов» (И. И. Полосин. О челобитных Пересветова, стр. 29). Создание генеалогических легенд было весьма распространенным явлением в боярских и дворянских фамилиях того времени (ср.: А. Введенский. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. Сборник «Проблемы источниковедения», 1, Л., 1933, стр. 96—97).

К л. 86 об.

*а—а*Ко Августу-кесарю во убогом образе пришед воинник и принесл ему великие мудрости воинския, и он его за то пожаловал... А ко царю Александру Макидонскому пришед воинник во убогом же образе с великою ростию воинскою. — Это известие Пересветова о покровительстве Августа-кесаря и Александра Македонского «убогому воиннику» до некоторой степени перекликается с рассказом, содержащемся в польской «Турецкой хронике» Константина из Островицы (ср. комм. к л. 61, *а-а*), о том, как Александр Македонский пригрел и обласкал «старого иззябшего драба» (солдата-пехотинца) и как такую же «ласковость» обнаружил «Юлий, цесарь Римский» (Pamiętniki Janczara, стр. 185; ср.: W. Philipp, стр. 88). Однако рассказ Пересветова содержит и существенные отличия от рассказа «Турецкой хроники». Пересветов в соответствии со всей общей концепцией подчеркивает не просто «ласковость» Августа-кесаря и Александра, а их готовность учиться «великой мудрости воинской» от «убогого воинника».

*б—б*богатый любит упокой, а воинника всегда чредити аки сокола. — Важнейшая для творчества Пересветова идея противопоставления «воинников» и «вельмож» подробнее развивается ниже (см. комм. к л. 89—89 об., *б-б*). Глагол «чредити» у Пересветова В. Ф. Ржига сопоставляет с палеославянским глаголом «чрѣдити» (оказы-

вать гостеприимство), отмеченным в «Лексиконе» Миклошича. Однако глагол «чредити, чередити» встречается и в русском языке и не только в смысле «угощать» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. III, стлб. 1538), но и в смысле «устраивать, обхаживать, ухаживать» (В. Даль. Толковый словарь русского языка, стлб. 1309—1310).

К л. 87—87 об.

*а—а*И доступил есми тобя, государя, у праздника в церкви Рожества пречистыя богородицы, и подал есмь тобе, государю, две книжки, с твоими речми царскими, что есми вывезл из ыных королевств, служачи тобе, государю благоверному царю и великому князю... И будет тобе, государю... не полюбится службишко мое и речи... и ты, государь, те книжки обе мне вели отдати назад. Да сию книжку прочетши, мне же вели отдати, толко тобе, государю, не полюбится, благоверному царю. — Время свидания Пересветова с Иваном IV приблизительно можно определить. Дело происходило уже по истечении 11 лет с момента приезда Пересветова, т. е. в 1548—1549 годах (ср.: В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 17), на праздник рождества богородицы — 8 сентября. Вопрос о содержании «книжек», поданных Ивану IV, и их соотношении с известными нам сочинениями Пересветова уже подымался в литературе. В. Ф. Ржига, смешивавший упоминаемые здесь «книжки» с «речами изо многих королевств... и от Петра волоскаго воеводы», которые Пересветов подал Ивану IV сразу по приезде в 30-х годах, считал, что «книжками», поданными Пересветовым царю в церкви, были предсказания докторов и философов и Сказание о Петре Волосском, но не то, которое известно нам сейчас (его В. Ф. Ржига справедливо считает памятником более поздним, чем Большая челобитная), а некий его протограф (ук. соч., стр. 14—16). Г. П. Бельченко представляет себе «схему литературной деятельности» Пересветова иначе. Первым ее этапом он считает «речи», поданные в 30-х годах, но не дошедшие до царя; затем, спустя 11 лет, Пересветов передал Ивану IV две «книжки», одна из которых была, по мнению Г. П. Бельченко, новым вариантом («противнем») прежних «речей»; третьей «книжкой» является Большая челобитная. Эти три «книжки» Г. П. Бельченко сопоставляет с тремя редакциями произведений Пересветова — Полной редакцией (без Большой челобитной), редакцией, представленной Погодинскими списками (без Большой челобитной) и, наконец, Большой челобитной (которую Г. П. Бельченко рассматривает как третью редакцию того же трактата; см.: К вопросу о составе и редакциях сочинений Пересветова, стр. 330). Искусственность этой схемы очевидна, — сам Г. П. Бельченко признает (там же), что «было бы рискованно отождествить сборники со статьями Пересветова довольно позднего происхождения (XVII век) с теми двумя книжками, поданными царю». Вдобавок странно предполагать, что Пересветов в течение многих лет четырехкратно, со странным упорством представлял царю разные редакции одного и того же сочинения. Кроме того, вызывает сомнение отождествление (по содержанию) «речей» 30-х годов с одной из «книжек», поданных в церкви. Если полагать, что, говоря (см. комм. к л. 85—85 об., *а-а*): «А те речи... пред тобою... не бывали... а прóтивен пред тобою, государем», Пересветов имел в виду, что тот предмет, который в данный момент он передает государю, есть «прóтивен» прежних «речей», то из этого вытекает, что «противнем»

(копией) прежних «речей» была, по Пересветову, Большая челобитная (в которой содержатся эти слова) — именно ее он передавал царю. Никаких указаний на то, что вместе с Большой челобитной Пересветов передавал еще какие-либо материалы, в тексте челобитной нет. Слово «про́тивен» во всяком случае нельзя относить к «книжкам»: «книжки» и Большая челобитная не могли быть поданы царю одновременно, ибо в Большой челобитной Пересветов писал о передаче этих книжек как о состоявшемся факте; между подачей «книжек» и подачей челобитной должно было бы пройти довольно значительное время, необходимое для написания такого обширного сочинения, как Большая челобитная. Если же полагать, что слова «про́тивен... пред тобою, государем» не обязательно должны относиться к тому предмету, который Пересветов в данный момент передавал государю, то нет необходимости считать «противнем» «речей» 30-х годов какое-либо из дошедших до нас сочинений Пересветова. Определить содержание «речей» 30-х годов (или их «противня») — задача пока неосуществимая. Можно считать «речи» эти (и факт их подачи) более поздним измышлением Пересветова. Но вполне возможно, что они действительно существовали и были поданы. Если вместе с В. Ф. Ржигой и другими исследователями признать, что Пересветов был в Молдавии (см. комм. к л. 87—87 об., *б-б*), то можно предполагать, что он вывез оттуда реальные «речи» (дела, дипломатические материалы) Петра IV Рареша (следом этих «речей» может быть являются некоторые замечания в челобитной, см. комм. к л. 91, *а-а*). «Речи» 30-х годов могли состоять и не из одних дипломатических материалов; судя по приводимым Пересветовым ниже (стр. 171) похвалам этим «речам» от «философов и дохтуров», они могли включать в себя и какие-то политические проекты. Но если это были и политические сочинения, то, конечно, не те, которые известны нам по дошедшим сочинениям Пересветова. Все известное нам творчество Пересветова тесно связано с концом 40-х — началом 50-х годов — со временем борьбы за Казань и реформ середины XVI века. В 30-х годах, в самом начале «боярского правления», большинство вопросов, ставящихся в сказаниях и челобитных Пересветова («особная война» вельмож и необходимость «грозы» по отношению к ним, злоупотребления наместников и желательность полной ликвидации этого института), еще не назрело; рано было еще что-то «предсказывать» и советовать младенцу Ивану IV. Итак, попытки восстановить содержание ранних «речей» Пересветова — пока безнадежны. Иное дело «книжки», поданные в праздник рождества богородицы 1548/49 года. Содержание их указывает сам Пересветов, говоря, что в них изложены «речи», слышанные «от мудрых людей, дохтуров и философ про твое царское прирожение... по небесному знамению» и призывающие «неверных в веру приводити». Тема «прирожения» (астрологического гороскопа) Ивана IV и завоевания Казани действительно содержится в известных нам предсказаниях философов и докторов. Первая «книжка», таким образом, могла заключать предсказания философов (вместе со сказаниями о Константине и Магмете или без них). Второй «книжкой», поданной в церкви, могла быть Малая челобитная, написанная как раз по истечении одиннадцатилетних мытарств Пересветова, — вероятно, незадолго до Большой челобитной (Пересветов вполне мог назвать это челобитную «книжкой», ибо так он именует Большую челобитную; ср.: С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI ст., стр. 453). И, наконец, спустя некоторое время после подачи этих двух «книжек» Пересветовым была написана «сия книжка» — Большая челобитная.

б—б Ехал есми, государь, из Югор на Волоскую землю и был есми пять месяц у Петра волоскаго воеводы в Сочаеве. — Петр IV Рареш — молдавский господарь,

занимавший престол в 1527—1538 и 1541—1546 годах (ср.: История Молдавии, т. I, под редакцией А. Д. Удальцова и Л. В. Черепнина, Кишинев, 1951, стр. 168, 210—214). «Сочаево» — это Сочава (Suceava), главный город Молдавии в XIV—XVI веках (ныне в Румынии). В. Ф. Ржига (И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 13) считал, что Пересветов был в Молдавии в промежуток между своей службой у Запольи и у Фердинанда (1532—1537); Ю. А. Яворский (стр. 17) представлял себе историю передвижений Пересветова иначе: по его мнению, в Молдавии Пересветов был уже по окончании своей службы на западе, после службы у Фердинанда I, и оттуда выехал (может быть, через Грецию) на Русь. При этом Ю. А. Яворский ссылался на слова Пересветова (в заключительной части Большой челобитной, стр. 184), что Петр «уимал» его служить себе, но он, «оставив службы богатыя и бескручинныя», предпочел поехать «государю благоверному служити». В литературе прочно утвердилась точка зрения В. Ф. Ржиги; излагая историю странствий Пересветова, почти все авторы придерживаются схемы: служба у Запольи — Молдавия — служба у Фердинанда — Русь (ср., например: А. С. Орлов. Курс лекций, стр. 273; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 209; и т. д.). Схему В. Ф. Ржиги принял и немецкий исследователь Пересветова В. Филипп, дополнив ее любопытной, но ничем не подтвержденной догадкой о том, что Пересветов ездил в 1532 году в Сочаву в качестве военного или дипломатического уполномоченного Запольи (W. Philipp, стр. 6). А между тем главной причиной того, что схема Ю. А. Яворского (согласующаяся с высказыванием самого Пересветова в конце челобитной) не была принята, являлось недоразумение, в котором был повинен и сам Ю. А. Яворский. Ю. А. Яворского смущало то, что, по словам Пересветова, он поехал «на Волоскую землю» «из Югор» (Венгрии), в то время как последним местом его службы на Западе была армия Фердинанда — «чешского короля». Ю. А. Яворский предполагал поэтому, что после службы у Фердинанда Пересветов «снова, повидимому, очутился в Венгрии» — предположение, которое его рецензент С. А. Щеглова нашла слишком сложным, предпочитая поэтому точку зрения Ржиги (ук. рецензия, стр. 135). Однако для объяснения маршрута Пересветова вовсе не нужно предполагать его «вторичной поездки» в Венгрию. Фердинанд I, брат и наследник германского императора, считался в такой же степени чешским (богемским), как и венгерским, королем — он оспаривал (и в тот период довольно успешно) этот титул у Запольи (см. комм. к л. 68—68 об., *а-а*, *б-б*, *в-в*). Хотя находившиеся в его руках бывшие венгерские владения состояли главным образом из словацких и хорватских земель, но в глазах современников это были «Угры» — земли венгерской короны. Предположение, что Пересветов поехал от Фердинанда в Молдавию, а оттуда на Русь, хорошо согласуется не только со словами Пересветова в конце Большой челобитной, но и с его указанием, что он ехал «из Югор н а Волосскую землю»; предлог «на» (при описании пути следования) в древнерусском языке, как иногда и в современном русском языке (например при описании железнодорожного маршрута), имел значение «через» (ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. III, стлб. 261, п. 3). Пересветов ехал из Венгрии ч е р е з Молдавию на Русь. Такому пониманию не противоречат слова Пересветова, что он «выехал из Литвы», и то, что он называл себя «выеждим из Литвы» (стр. 171), — бывший подданный польского короля. Пересветов был «выходцем из Литвы» (и в конечном счете «выехал из Литвы»), независимо от того, каким путем он явился на Русь. Приезд Пересветова на Русь совпал с оживленными сношениями Петра IV с русским государством; упоминания Пересветова о «великом доброхотстве... волоского воеводы» Ивану IV (см. стр. 170) имели за собой

вполне реальные основания. Петр IV обращался с просьбой о «бережении» от польского короля еще к Василию III в 1532 году; когда оказалось, что русскому вмешательству в польско-молдавский конфликт препятствует перемирие между Василием III и Сигизмундом I, Петр IV попросил русского государя «послать к туръскому салтану, чтобы... туръский салтан оборонил его от Литовского» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 67). После смерти Василия III и вступления на престол малолетнего Ивана IV сношения еще более участились, — в связи с ухудшением русско-польских отношений. В 1534 году Петр просил через своего «человека Бустерея . . . чтобы его князь великий Иван Васильевич жаловал и берег по тому же, как его отец князь великий Василий пожаловал» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 84). В сентябре 1535 года на Русь явились «большие послы» Петра IV — «боярин Сунжар» и «дьяк Урекарь»; на этот раз молдавский господарь, кроме «жалованья», попросил также «приятельства», и «князь великий Петра воеводу пожаловал, в приятельство ево к собе взял» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 99; Сб. РИО, т. 59, стр. 41). В феврале 1537 года, во время переговоров о перемирии с польским королем, бояре, ведшие переговоры от имени Ивана IV, поставили дополнительное условие: если король хочет мира с государем, он должен примириться и с «Петром воеводой». Королевские послы, не имевшие полномочий по этому поводу, попытались отделаться от этого требования, заявив, что с Петром воюют «польские воеводы», «а с нами с паны с виленскими брани ему нет, в миру с нами». Но русских дипломатов таким способом сбить с толку было невозможно: если «волошской», — заявили они, — «с вами с литовскими панами в миру, а брань была ему с Польскою землею», то «мы Московскою землею перемирье возмем с королем, а Ноугородцкою землею с королем валчити [воевать] станем». Ошеломленные этим неожиданным замечанием послы прекратили разговор, обидчиво заметив: «Мы приехали от своего господаря к вашему государю не баломутные люди, паны радные своего господаря; и нам что о безлепице много говорити?» (Сб. РИО, т. 59, стр. 89—90). В 1538 году сношения с Молдавией прервались — попытка Петра IV уничтожить вассальную зависимость от султана привела к свержению его с престола; «волоский воевода» хотел бежать на Русь, но не сумел этого сделать («История Молдавии, стр. 212). Только в 1542 году на Русь явились послы от «воеводы», сообщившие о его злоключениях и о том, что султан «пожаловал его, отдал ему 2 части Молъдовские земли» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 114). Пересветов мог приехать на Русь из Молдавии скорее всего с одним из посольств 30-х годов (с «Бустереем», «Сунжаром» или еще с кем-нибудь). Польско-молдавские столкновения не могли помешать ни его поездке из венгерских владений Фердинанда в Молдавию, ни переезду из Молдавии в Москву: молдавские посольства 30-х годов ездили на Русь главным образом через крымскую территорию (ПСРЛ, т. XIII, стр. 69, 70, 80, 84; Сб. РИО, т. 59, стр. 41).

[в—в]к р е с т ц е л у ю т, д а и з м е н я ю т — т о е с т ь в е л и к а я е р е с ь. — Пересветов имеет в виду довольно многочисленные в годы малолетства Ивана IV случаи «отъезда» за границу представителей крупных боярских родов (например бегство князя С. Ф. Бельского в Польшу). Уже предки Ивана IV (начиная с Ивана III) начали борьбу с пережитком феодальной раздробленности — правом боярского «перехода», требуя у представителей крупного боярства «поручные записи» о неотъезде. Боярская оппозиция вплоть до конца XVI века отстаивала «право отъезда»: в третьем послании Ивану Грозному Курбский защищался от обвинения в измене «для того, иже есми принуждены были от тебя по неволе крест целовати, — яко есть у вас обычай, аще бы кто не присягнул, горчайшею смертию да умрет» (Переписка А. М. Курбского с царем Иоанном Гроз-

ным. СПб., 1914, стлб. 131). Представитель дворянства Пересветов решительно выступал против боярских «отъездов». Считая, что «бог не веру любит, правду», Пересветов видел в нарушении «крестного целования» (присяги) не только политическую измену, но и религиозную ересь. Это та же точка зрения, которую высказывал в 1564 году в «Послании во все Российское царство на крестопреступников» (первом послании Курбскому) Иван Грозный, писавший, что нарушив «крестное целование», Курбский «не токмо свою единую душу, но и души своих родителей погубил». (Послания Ивана Грозного, стр. 13). Более позднее по сравнению с Большой челобитной Пересветова Сказание о Петре Волосском смягчило определение «измены» как «ереси», указывая только, что нарушители присяги «в том злочестивно согрешают и милость божию от себя отгоняют» (см. стр. 342; ср.: И. И. Полосин. О челобитных Пересветова, стр. 32).

К л. 88—88 об.

[а—а]у с о б н у ю в о й н у н а ц а р с т в о с в о е н а п у щ а е т, д а е т г о р о д ы и в о л о с т и д е р ж а т и в е л м о ж а м с в о и м. — Система наместничества и связанные с нею злоупотребления бояр-наместников достигли особенного развития в годы малолетства Ивана IV. «В тыя же лета, господу богу попущшу за умножение грех наших, быша наместники на Пскове сверепи аки львове», — сообщает Псковская летопись под 1541 годом (Псковские летописи, вып. 1, 1941, стр. 110). Сходную характеристику наместническому правлению тех лет дает Иван Грозный в первом послании Курбскому: «Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градех и властех совладети, иде же вам быти, не подобает. И что от сего случишася в России, егда быша в коеждом граде градоначальницы и местоблюстители, и какова разорения быша от сего, и сам беззаконныма очима видел еси, и отселе можеши разумети, что сие есть» (Послания Ивана Грозного, стр. 27—28). Что имеет в виду Пересветов под «усобной войной» (в других списках «особной войной»), связанной с наместничьим «держанием», не вполне ясно. Может быть он имеет в виду тяжбы, возникавшие в результате деятельности наместников между ними и управляемыми лицами (эти тяжбы иногда могли разрешаться судебным поединком: «поле», по законам того времени, могло присуждаться и незнатным лицам в споре со знатными). Возможно также, что здесь идет речь вообще о междоусобицах времени боярского правления. Об этих междоусобиях писал и Иван Грозный в первом послании Курбскому (Послания Ивана Грозного, стр. 33—35) и в «писании» Стоглавому собору (там же, стр. 523). О проекте реформы наместничьего управления, выдвинутом Пересветовым, и о соотношении этого проекта с действительной реформой середины XVI века см. комм. к л. 58—58 об., *а-а*, *г-г*; л. 63—63 об., *б-б*.

[б—б]к р е с т ц е л у ю т н а в и н о в а т е о б а и с ц а — и с т е ц и о т в е т ч и к. — Пример обоюдно лживой клятвы для иллюстрации несовершенства этого юридического института (как и «поля») Пересветов приводит и в Сказании о Магмете (см. комм. к л. 56, *а-а*). Называя и истца и ответчика «обоими истцами» Пересветов следует обычной терминологии древнерусского права (ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. 1, стлб. 1156—1160).

[в—в]А к а к о в а в е л м о ж у п о ж а л у е т з а е г о в е р н у ю с л у ж б у к а к и м г о р о д о м и л и в о л о с т и ю, и о н п о ш л е т к с у д и я м с в о и м и в е л и т е м у п о д о х о д н о м у с п и с к у в ы д а т и и з к а з н ы в д р у г. — Проект судебно-административной реформы, изложенный Пересветовым в Большой челобитной, в общем совпа-

дает с аналогичным проектом в его Сказании о Магмете (см. комм. к л. 58, *а-а* и л. 63—63 об., *б-б*). Предусмотренный здесь случай «пожалования» какого-либо «вельможи» «городом или волостью» свидетельствует о том, что отвергая систему наместничества в принципе (ср. в Сказании о Магмете: «никому ни в котором городе наместничества не дал вельможам своим», — стр. 152), Пересветов допускал отдельные случаи «кормления» для особенно «верных» вельмож при условии немедленной выплаты им их «корма» «из казны» по «доходному списку». Следует отметить, что и в действительности уже после 1556 года, когда наместничество, по мнению большинства историков, было отменено, имели место отдельные случаи пожалования в «кормления» городов и волостей «с пятном и корчмою» и «иными наместничьими пошлинами» (ср.: Акты XIII—XVII вв., представленные в Разряд, изд. А. Юшковым. Чтения ОИДР, 1898, кн. 2, №№ 189, 190, 194, 200, 210, 212 и др.); доходы кормленщиков и после 1556 года (как и в проекте Пересветова) определялись полученным ими «доходным списком» (Доходный список ряжскому наместнику Карамышеву 1568 года. Чтения ОИДР, 1898, кн. 2, № 194, стр. 176; ср. № 212).

К л. 89—89 об.

а—а По уставу Магметову с великою грозою мудрою а нынешнии цари живут. — Речь идет, очевидно, о турецких «царях» — современниках Пересветова (Сулеймане II и др.; ср.: А. Крымский. История Турции, стр. 161, примеч. 2). В середине XVI века нельзя было еще упоминать русских «царей» во множественном числе, не говоря уже о том, что и Иван IV не следовал еще, по мнению Пересветова (и к его величайшему сожалению), «уставу Магметову». Но уже в XVII веке слово «цари» в тексте Пересветова воспринималось как указание на русских «царей»; Именно поэтому автор Сказания о Петре Волосском счел нужным переделать это место из Большой челобитной (см. стр. 342).

б—б Тако говорит Петр волоский воевода про руское царство, что велможи рускаго царя сами богатеют и ленивеют... Воинника держати, как сокола чредити и всегда ему сердце веселити, а ни в чем на него кручины не напустити. — Противопоставление «велмож» и «воинников» делается в сочинениях Пересветова и в других местах (см. стр. 156—158, 166—167 и 172). Выступая против «велмож» (боярства) Пересветов не был одинок. С обличениями (правда, гораздо более мягкими) пороков боярства выступали в XVI веке и митрополит Даниил (ср.: В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 587—592) и современник Пересветова Ермолай-Еразм (см.: В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, ЛЗАК, вып. 33, 1926, стр. 161, 183, 184, 187) и даже Максим Грек (против злоупотреблений бояр-наместников, см. комм. к л. 94 об., *б-б*). Чрезвычайно близок к Пересветову по своей непримиримой враждебности к «болярам» Иван Грозный. «Самовластие» «боляр и вельмож» в годы своего детства царь картинно описывает в «писании» Стоглавому собору (Послания Ивана Грозного, стр. 523), в первом послании Курбскому он вновь возвращается к этому периоду, упоминая также «собачью измену... боляр и воевод» во время восстания 1547 года (там же, стр. 33, 35—36). Даже преступления вельмож древнего Израиля и Византии царь считает нужным напомнить «болярам» своего времени: «Еже вам, боляром, прилично!» — злорадно замечает он, рассказывая о гибели двух библейских заговорщиков (там же, стр. 23; об использовании Грозным вслед за Пересветовым византийской

истории в публицистических целях см. комм. к л. 70, *а-а*). Но если отрицательная, антибоярская программа Пересветова разделялась рядом других писателей, то зато положительная его программа во многих отношениях оригинальна. Он единственный публицист древней Руси, прямо и открыто выступающий в качестве защитника интересов определенного класса — «воинников» (дворян). Фактически на позициях этого класса стояли и некоторые другие представители древнерусской письменности. Выразителем интересов служилого класса можно, например, вопреки И. У. Будовницу (Русская публицистика XVI в., стр. 221—229), считать Ермолая-Еразма. Горячий поборник идей самодержавного централизованного государства, Иван Грозный также отражал стремления в первую очередь основной массы класса феодалов — дворянства. Но царь далеко не полностью осознавал это обстоятельство и, во всяком случае, не выступал специально в защиту интересов «воинников». «Болярам» он противопоставляет не определенный класс, а абстрактный «християнский род» (Послания Ивана Грозного, стр. 60—61), «кристьянство» (там же, стр. 194); о выдвижении дворян-опричников в противовес «князьям и боярам» он упоминает в своих сочинениях всего один раз, да и то скорее в шутливой, чем в серьезной форме (иронически именуя дворян «страдниками»; там же стр. 193). У Пересветова же резкая критика «вельмож» прямо соединяется с пламенной защитой интересов «воинников». В Сказании о Магметесалтане Пересветов пошел еще дальше в защите принципа личных заслуг воина в противовес родовитости, дойдя даже до мысли о природном равенстве воинов: «все есмя дети Адамовы» (см. комм. к л. 62—62 об., *б-б*).

К л. 90—90 об.

а—а И жалоба их послушати во всем. — Вопрос о приеме представителями центральной власти «жалоб» (обращений, апелляций к великокняжескому суду) имел очень большое значение в период складывания централизованного государства в XV—XVI веках. Уже ст. 2 Судебника 1497 года декларативно провозглашала: «А каков жалобник к боярину придет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобникам управа во всем . . .». Однако эта статья, как показал Л. В. Черепнин (Русские феодальные архивы, т. II, стр. 325—327; Судебники XV—XVI вв., стр. 43—45), имела довольно ограниченное применение, превращаясь иногда в формальное основание для отказа в иске истцу, своевременно не искавшему «управы». Ниже (стр. 180) Пересветов сам говорит о «вельможах», которые «мир от царя отбивали и жалобников ко царю не припущали». Недовольство представителей служилого класса недостаточным вниманием к «жалобам» с их стороны нашло свое отражение в Судебнике 1550 года, где ст. 7 сильно расширена по сравнению с соответствующей ей ст. 2 Судебника 1497 года, и установлено специальное наказание — «опала» соответствующему «боярину, дворецкому или казначею» за отказ «жалобнику» в «управе» (ср.: С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI ст., стр. 449).

б—б Таковому государю годится держати 20 тысящ юнаков храбрых со огненою стрелбою, гораздо ученою, и стрелбы поляниц со украины на поле при крепостех от недруга, от крымскаго царя, и оборочивши их из казны своим жалованием государевым годовым. — Вопрос о южной границе Руси особенно остро встал с 1521 года, когда большой поход хана Мухаммед-Гирея обнаружил непримиримую враждебность Крыма (и стоящей за ним Турции) Русскому госу-

дарству. Особенно частыми были нападения крымцев в период «боярского правления». Крымские «царевичи» нападали на Каширу, на Ростовскую власть, на Рязанские, Белевские и Одоевские места (ПСРЛ, т. XIII, стр. 130, 143, 146); в 1541 году хан Сагиб-Гирей предпринял большой поход со «всей ордой» на Русское государство (ПСРЛ, т. VIII, стр. 295—351; ПСРЛ, т. XIII, стр. 99—114, правая колонка, 137—140). Для борьбы с крымской опасностью на южной границе Руси устанавливалась сложная система сторожевой и станичной службы; позади передовых сторожевых крепостей создавалась на большом протяжении «засечная черта» из лесных завалов. Середина XVI века несомненно была переломным моментом в истории укрепления южной границы Руси. По мнению исследователей, засечная черта сомкнулась «в сплошную и связную систему» в 60-х годах XVI века (А. И. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916, стр. 20; С. Л. Марголин. Оборона Русского государства от татарских набегов. Военно-исторический сборник, Труды ГИМ, вып. 20, М., 1948, стр. 13). В середине XVI века были сформированы и первые регулярные военные силы «со огненной стрелбою» — стрелецкое войско; первым достоверным упоминанием об этом войске следует, повидимому, считать указ 1550 года о «выборных стрельцах», сохранившийся в летописи, служащей продолжением Русскому хронографу (ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 532); в отличие от прежних «пищальников» (существовавших с начала XVI века), стрельцы были постоянной военной организацией, расквартированной в определенном месте (Воробьево) и получавшей «денежное жалованье», соответствуя в этом отношении плану Пересветова об «юнаках» (ср.: С. Л. Марголин. Начало стрелецкого войска. Ученые записки кафедры истории СССР Моск. обл. пед. инст., вып. 1, 1939, стр. 51—53; А. В. Чернов. Образование стрелецкого войска. Исторические записки, 1951, т. 38, стр. 285—286). Количество стрельцов в середине XVI века установить трудно, — «указ 1550 г.» называет 3000 «выборных стрельцов»; в более поздних источниках о казанском походе 1551 года называются более крупные цифры — 5000—9000 (А. В. Чернов, ук. статья, стр. 284). Использовались ли стрельцы в середине XVI века при обороне границ — неизвестно, но уже в начале XVII века Маржерет отмечал, что единственная сила, которой боятся татары при нападении на Русь, это «отборнейшие воины» — «русская пехота или стрельцы, укрепившиеся на речном берегу или в засеке» (Маржерет. Состояние Российской державы. Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. III. СПб., 1837, стр. 58; ср.: С. Л. Марголин. Начало стрелецкого войска, стр. 51—53). Не совсем понятно выражение Пересветова: «стрельбы поляниц со украины». «Поляница» (удалец, богатырь) — слово, встречающееся в былинах, в «Сказании о Мамаевом побоище» (ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. II, стлб. 1153); «стрелбы», может быть, означают «стрелковые отряды». В списках Неполной редакции вместо «стрелбы» читается «стояли бы» (стр. 203).

[в—в] г р е к и з а с в о ю г о р д о с т ь и з а б е з з а к о н и е и з а л е н и в ь с т в о. — Вопроса о судьбе греков и причинах их несчастий Пересветов касался выше, в Сказании о Магмете-салтане (см. комм. к л. 64 об., *а* и л. 70, *а-а*).

К л. 91—91 об.

[а—а] Г о в о р и т П е т р в о л о с к и й в о е в о д а... п р о с и т у б о г а в с е г д а в о у м н о ж е н и е в е р ы х р и с т и я н с к и я о т в о с т о ч н о г о ц а р с т в а, о т р у с к а г о ц а р я, б л а г о в е р н а г о в е л и к а г о к н я з я И в а н а В а с и л и е в и ч а в с е а Р у с и и. Т е м с я

царством руским ныне хвалит вся греческая вера, надеются от бога великаго милосердия и помощи божия свободити руским царем от насильства турскаго царя иноплемянника. — Если представление о Русском царстве, как о единственном христианском царстве, оставшемся после «изрушения» греческого православия было довольно распространено на Руси (см. комм. к л. 64 об., *а-а*), то мысль Пересветова об освобождении Русью стран «греческой веры» от турецкого ига была достаточно необычной для литературы того времени. У Филофея встречается, правда, замечание, что «вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя» (В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 45), но звучит это замечание довольно неопределенно: неизвестно, идет ли здесь речь о политическом объединении «во едино царство» (тогда не совсем понятно, почему Филофей говорит об этом, как уже о совершившемся факте) или о том, что в «царстве нашего государя» обрела, наконец, приют покинувшая первый и второй Рим церковь «христианских царств». Идею войны за «Константинопольское наследство» развивали на Руси главным образом иностранные деятели, чуждые интересам Русского государства. О войне за «констянтинопольскую отчину» говорил в 1519 году с Василием III посол прусского магистра — Д. Шонберг (Сб. РИО, т. 53, стр. 85, 86, 91, 92); впоследствии аналогичные предложения делал Ивану IV Габсбургский (императорский) посол Кобенцль (Памятники дипломатических сношений, т. I, стлб. 529). Примерно одновременно с Д. Шонбергом призывал Василия III к освобождению «нового Рима» и Максим Грек (Сочинения Максима Грека, ч. 2, стр. 318; ср.: В. Ф. Ржига. Максим Грек, стр. 89). Русское правительство относилось к этим идеям несочувственно, и неоднократно отклоняло подобные предложения иностранных дипломатов (ср.: Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 97, 99). Приводимая Пересветовым мысль «волосского воеводы» о «свобождении всей греческой веры» имеет иной характер, чем идея войны за «константинопольскую отчину». Прежде всего, Пересветов нигде не говорит о Царьграде и каких-либо правах русского государя на византийский престол, — и уже поэтому его высказывание об освобождении «греческой веры» не может рассматриваться как выражение идеи «Москва — третий Рим» (как считает, например, А. Сакетти, см.: Политическая программа И. С. Пересветова, стр. 110). Далее, Пересветов здесь говорит в такой же мере о греках, как и других представителях «греческой веры», попавших под турецкое иго (например сербах). Своеобразие этой идеи Пересветова, наряду с употреблением им совершенно несвойственного русской письменности определения Русского государства, как «восточного царства», позволяет предположить, что в данном случае Пересветов действительно передает услышанные за рубежом (и, может быть, именно от «Петра Волосского») высказывания представителей «греческой веры». Надежда на помощь русского царя была очень широко распространена в странах южной Европы. Как указывал венецианский дипломат XVI века, «великого князя московитов султан должен бояться также и потому, что он принадлежит к греческой церкви, как население Болгарии, Сербии, Боснии, Мореи и Греции, которое ему в высочайшей степени предано, ибо оно придерживается того же греческого обряда, и они также вполне готовы взяться за оружие, чтобы освободиться от турецкого рабства и подчиниться господству великого князя» (ср.: J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanisches Reiches in Europa, t. III. Gotha, 1855, стр. 529).

*б—б*Ино у него служит москвитин Васка Мерцалов... И он стал сказывати Петру, волоскому вое-

воде: «Вера, государь, християнская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет». — Опасную мысль об отсутствии в Московском государстве «правды» Пересветов, по своему обыкновению, излагает чужими устами: от имени «москвитина» Васьки Мерцалова, находящегося на службе у молдавского воеводы (в Сказании о Петре это место переделано, см. стр. 344). Конкретное имя, называемое здесь Пересветовым, дает основание предполагать, что этот Мерцалов — не вымышленный персонаж, а реальное лицо; характерно также выражение «москвитин», естественное в устах такого западнорусского человека, как Пересветов. Относительно «правды» у Пересветова и отношения ее к вере см. комм. к л. 55—55 об., *г-г* и л. 71 об., *а-а*.

К л. 92 об.

*а—а*таковыя великия досады терпит от своего недруга, от казанского царя. — Прямое упоминание здесь «казанского царя» делает совершенно невозможным предположение И. И. Полосина, что автор Большой челобитной писал ее уже после завоевания Казани и что, говоря здесь и ниже (ср. комм. к л. 98—98 об., *а-а*) о «добывании Казанского царства», он имел в виду подавление «мятежей татарских феодалов» и «восстаний татарского народа», происходивших после 1552 года (И. И. Полосин. О челобитных Пересветова, стр. 43). Пересветов писал несомненно в тот период, когда на казанском престоле сидел еще татарский «царь». Борьба за Казань велась в течение почти всей первой половины XVI века. В период малолетства Ивана IV казанский хан Сафа-Гирей, связанный с Крымом и Турцией, обнаруживал явную враждебность к Русскому государству. Взаимные столкновения происходили в 1536—1537 годах (ПСРЛ, т. XIII, стр. 105—107, 113—114, 116). В апреле 1545 года Иван IV послал на Казань одного из своих наиболее выдающихся воевод — князя С. И. Пункова-Микулинского (ПСРЛ, т. XIII, стр. 146, 445—446); в начале 1546 года Сафа-Гирей был свергнут и на его место посажен московский ставленник Шах-Али (Шигалей). Однако власть Шах-Али оказалась непрочной, спустя несколько месяцев его опять сменил Сафа-Гирей. В 1547—1548 годах царь лично собирался итти на Казань, но поход был отложен из-за оттепели (ПСРЛ, т. XIII, стр. 155, 156). С 1549 года (ПСРЛ, т. XIII, стр. 158) начинается большая война с Казанью, закончившаяся восстановлением власти Шах-Али в 1550 году. В 1552 году Казань была окончательно присоединена к Русскому государству.

*б—б*Так был Магмет-салтан, турской царь, ко Царюграду дань давал, з благоверным царем жил в велик ом смирении безбранно; а отец его разбойник был на море... и потом грех ради наших Магмет-салтан, турской царь, разбойнический род, осилел и Царьград взял. — Пересветов имеет в виду султана Магомета II и его отца Мурада II (Амурата), но при этом очень неточно излагает историю этих султанов. Территорию «Турской земли» (Малую Азию) завоевал не Мурад II, а Мурад I (XIV век); Мурад II завоевал Валахию, значительную часть Греции и Сербии; одержал крупные победы над христианами при Варне (1444 год) и Коссовом поле (1448 год). Магомет II вступил на престол в 1451 году, всего за два года до взятия им Константинополя, и никакого «смиренного» периода в его царствовании, когда он «дань давал», не было (единственный греческий «царь», правивший при нем, был Константин XI; об его отношениях с Магометом II см. комм. к л. 72, *а-а*).

Легенда об этом «смиренном» периоде понадобилась Пересветову либо для того, чтобы оправдать данную им положительную оценку внутренней политики Магмета-салтана, либо для того, чтобы доказать необходимость «грозной и мудрой» (а не «кроткой») политики в отношении «иноплеменников» («разбойнический род» Магмета «осилел», когда сами греки обнаружили свою «кротость»).

К л. 93—93 об.

а—а которыя велможеством ко царю приближаются не от воинские выслуги, ни от иныя которыя мудрости. Ино про тех мудрые философи говорят тако: то есть чародеи и еретики... и к собе царское сердце разжигают ересию и чародейством и воинство кротят. — П. Н. Милюков (Очерки истории русской культуры, ч. III, вып. 1. Изд. 2-е, СПб., 1903, стр. 71), а вслед за ним Ю. А. Яворский (стр. 13) видят в словах Пересветова о «чародействе» намек на «характер влияния Сильвестра на Ивана Грозного» (Сильвестр, по известию Грозного, подтверждаемому и Курбским, не гнушался запугивать Ивана IV «децкими страшилы»; см.: Послания Ивана Грозного, стр. 57 и 586, примеч. 10). Такое истолкование слов Пересветова о «ереси и чародействе» совершенно неубедительно. В «чародействе» Пересветов, как это вполне ясно видно из контекста, обвиняет тех, которые «велможеством к царю приближаются» и подрывают военные силы государства — «воинство у царя кро́тят». Это определение никак не может относиться к Сильвестру — человеку совсем не знатного происхождения, никак не «вельможе». Сопоставление с другими упоминаниями о «ересях и чародействах», содержащимися в сочинениях Пересветова, позволяет понять смысл данного места. Ересью Пересветов считал боярские «отъезды» (стр. 173); «ерестьми и чародействы» (стр. 176), «кудесы и вражбами» (стр. 181) «укоротили» греческие вельможи Константина; та же опасность от «ереси» и «лукавства» вельмож грозит, по словам Петра Волосского, и Ивану IV (стр. 183). Исходя из своей теории о приоритете «правды» над «верой» (ср. комм. к л. 55—55 об., *г-г*; л. 96—96 об., *а-а*), Пересветов всюду рассматривает действия «вельмож» в ущерб государству («отъезды», местничество и т. д) как «ереси и чародейства». И. У. Будовниц, справедливо отмечая, что «при Грозном под чародеями вообще подразумевали врагов царя — бояр», сопоставляет в связи с этим сочинения Пересветова с другими памятниками публицистики XVI века — «Повестью некого боголюбивого мужа», рассказывающей о прельщении некого царя «чарами и волхвованием» (И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 221).

К л. 94 об.

а—а хистятся на кровь. — Это выражение В. Ф. Ржига (И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 28, примеч. 1) сопоставляет с чешским chystati se — «готовиться, собираться».

б—б А велможи царьския на городех и на волостех домышлялися лукавством своим и дияволским прелщением мертвых из гробов новопогребенных выгребали... да богатаго человека в дом подкинут, да истца ему ябедника поставят. — О том, что нарисованная здесь конкретная картина «ябедничества» (см. комм. к л. 63—63 об., *б-б*) взята

не столько из быта «Цареграда», сколько из хорошо знакомой Пересветову русской действительности, говорит совершенно аналогичный рассказ современника Пересветова — Максима Грека. Максим Грек, обличая «иудейское сребролюбие и лихомания страсть» «судий и анфипатов», рассказывает, что они разрешали «своим слугам всякия неправедныя вины замыслити явственне и неявленне на имущих имения, или пометанием разным в домы их в нощи или мертваго человека труп привлекшим, оле величества нечестия их, пометати посреди стогны, да яко праведно бытто мстители убитаго извет имут не едину улицу, но всю ону часть града истязати об убийстве оном, и сребро много себе собирати от сицевых корыстований неправедных и богомерских» (Максим Грек, Сочинения, ч. 2, стр. 199—200). Наблюдающееся здесь совпадение в сюжете у Пересветова и Максима Грека объясняется не только тем, что оба автора при всем различии их идейных позиций сходились в вопросе о необходимости административных реформ в тогдашней Руси (см. комм. к лл. 73—74 об., *а-а*), но и тем, что обличаемое здесь преступление (злостное вымогательство) по самому своему характеру могло быть направлено против «богатого человека». Пересветова здесь интересовал главным образом конкретный пример лихоимства «вельмож», для Максима Грека, очевидно, были особенно близки самые жертвы подобного «лихоимания».

К л. 96—96 об.

а—а И тако рек Петр волоский воевода: «Бог не веру любит — правду». — Это место из Большой челобитной, как и весь последующий текст (апокрифическая легенда об Адаме, служащая обоснованием проповеди против порабощения), выпущен в Сказании о Петре Волосском (см. стр. 347 и 356). Наряду с высказываниями Пересветова против порабощения и о всеобщем равенстве людей в Сказании о Магмете, это место принадлежит к числу наиболее «еретических» высказываний Пересветова: несмотря на оговорку «истинная правда — Христос бог наш», высказанное им противопоставление «правды» «вере» с прямым предпочтением первой было достаточно дерзким. И. У. Будовниц считает слова «не веру бог любит, но правду» «позднейшей вставкой» и думает, что они «принадлежат, очевидно, какому-то пылкому почитателю Пересветова» (Русская публицистика XVI в., стр. 213), но никак не обосновывает этого мнения. Приведенные слова Пересветова читаются во всех списках Большой челобитной — и в Полной и в Неполной (стр. 207) редакциях.

б—б Коли Адама господь бог выгнал из раю, а он заповедь божию преступил, и тогда диявол его искусил, и запись на него взял, и Адам было навеки погинул, и господь бог... Адама извел изо ада и запись изодрал. — Пересветов здесь излагает легенду о «рукописании Адама», включенную в состав апокрифического «Исповедания Евы» (А. Н. Пыпин. Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. СПб., 1862, лл. 2—3, 5; Н. С. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, т. I. СПб., 1883, стр. 12, 13, 16, 300, 301; И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877, стр. 93, 211), но читающуюся только в славянских текстах этого апокрифа (И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1873, стр. 176; V. Jagić. Slavische Beiträge zu den Biblisch. Apocryphen, I. Das Adambuch, Denkschr. d. K. Akademie der Wissensch., Phil.-Hist. Cl., Bd. 42, Wien, 1893, стр. 33). По некоторым вариантам апокрифа, Адаму пришлось

дать запись дьяволу потому, что земля является собственностью последнего: мотив, в котором исследователи видят черты богомильской ереси. Ближе всего к тексту Пересветова те варианты легенды, где рассказывается, как душа Адама в соответствии с данным им «рукописанием» попала в ад, откуда была освобождена Христом (изданный Барсовым отрывок XVI века «О море Тивериадском», см.: Чтения ОИДР, 1886, кн. 2, отд. 2, стр. 7—8, так называемая «Отреченная книга бытия», см.: В. Мочульский. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887, стр. 239—241). Как и другие мыслители средневековья, Пересветов привлекает образ «первого человека» — Адама — для решения основных философских проблем человеческого бытия, и в особенности для решения вопроса об изначальной «свободе» или «несвободе» человека. Вопрос этот волновал русскую общественную мысль еще до Пересветова. Уже еретики конца XV века (например дьяк Федор Курицын) ставили вопрос об изначальном «самовластии» человека, привлекая для этого, повидимому, и образ «первого человека». Идея эта была весьма популярна и в XVI веке. Хотя сама по себе мысль об изначальной «свободе воли» не противоречила греко-православному богословию (и даже считалась его обязательной составной частью), чересчур решительное толкование теории «самовластия», подрывавшее авторитет «мирских властей», вызывало возражения со стороны различных писателей в XVI веке. В так называемую «Беседу валаамских чудотворцев» было включено специальное опровержение теории «самовластия»: «Мнози убо глаголют в мире, яко самовольна человека сотворил есть бог на сесь свет. Аще бы самовластна человека сотворил бог на сесь свет, и он бы не уставил царей и великих князей и прочих властей и не разделил бы орды от орды» (Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев. СПб., 1890, стр. 25). К образу «первого человека Адама» обращался для решения вопроса о «свободе» и «несвободе» и Иван IV. Когда в 1567 году польский король Сигизмунд II Август предложил нескольким русским боярам изменить своему государю во имя той же извечной «вольности», царь продиктовал этим боярам следующий однотипный ответ: «А што, брат наш, писал еси, што бог сотворил человека и волность ему даровал и честь, ино твое писанье много отстоит от истины: понеже первого человека Адама бог сотворил самовластна и высока и заповедь положи, иже от единаго древа не ясти, и егда заповедь преступи и каким осужением осужен бысть! Се есть первая неволя и безчестье... Видиши ли, як везде убо несвободно есть и твое, брате, писмо далече от истины отстоит?» (Послания Ивана Грозного, стр. 243, 244, 251, 252, 261). Прямой предшественник Ивана IV в защите идеи государевой «грозы» и в обличении «вельмож», Пересветов в данном вопросе занимал иную позицию, чем царь. Он не делал, правда, из легенды об уничтожении «записи» на Адама открытого вывода о «самовластии» человека — этот тезис мы читаем только в более поздней переработке Большой челобитной, Сказании о Петре Волосском (см. стр. 347); но прямой смысл приведенной им притчи, конечно, заключался в утверждении идеи свободы в противовес «порабощению» (в первую очередь — обращению в холопы и закабалению). Легенда о «рукописании» Адама, изложенная Пересветовым, вызвала в XVI веке и специальное опровержение: «Инока Максима, Грека сказание о рукописании греховнем». Максим Грек писал: «Последним неведением и неискуством святых писаний недущет воистину глаголяй, яко первозданный Адам дал на себя прельстившему его диаволу рукописание вечныя работы ... Блядь убо явленна и кощунна сицевых безумное неких мудрословие; не от божественных бо писаний приемше имут себе, но от своея ненаказанныя мысли умысливше, обносят сие везде и сказует подобным себе ненаученным, не боящееся отнюд глаголющия

божественныя речи: погубивша вся глаголющая лжу» (Максим Грек, Сочинения, ч. 1, слово XXVI, стр. 533—541). Частое совпадение сюжетов писаний Максима Грека и Пересветова при постоянном резком расхождении взглядов обоих писателей, делает особенно интересным вопрос о том, какого именно «ненаученного» автора имеет в виду Максим Грек: неизвестного создателя апокрифической легенды или ее популяризатора, «Ивашка Семенова сына Пересветова», человека сугубо светского, «неискусного» в «святом писании» и, с точки зрения Максима Грека, безусловно, «ненаученного»? Ответ на этот вопрос затрудняется тем, что Сказание о рукописании принадлежит к числу совершенно недатированных сочинений Максима Грека; мы можем только отметить, что оно не входит в состав сборника, составленного, повидимому, самим Максимом Греком в 30—40-х годах XVI века (Леонид. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Троице-Сергиевой лавры, ныне находящихся в Библиотеке Московской духовной академии, вып. 2, М., 1887, стр. 224—233; см. комм. к л. 71 об., *а-а*) и может быть поэтому отнесено к числу его поздних сочинений.

К л. 97

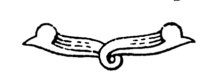
*а—а*н и в е р с т ы п е р е е х а т ь о т о о б и д ы в е л м о ж е г о: в с е ц а р с т в о з а л о ж и л о с я з а в е л м о ж е г о, и с л ы л и и х и м я н е м д л я п р о ж и т к у. — Институт «закладничества» (отдача себя под покровительство крупного светского или церковного феодала, связанная с зависимостью от этого феодала) существовал на Руси (в основном в городах) до конца XVII — начала XVIII века. Пересветов очень точно определяет корни этого института: жители древнерусских городов шли в «закладчики» (или «закладни») для того, чтобы защититься от «обид велмож», а также для того, чтобы избавиться «их имянем» от непосильных налогов — на «закладчиков» распространялись иммунитетные права их господ (наиболее обстоятельное исследование о «закладничестве» см.: Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, стр. 309—326, 467—481). Расширение «закладничества», на которое жаловался Пересветов, свидетельствовало об ослаблении власти государя в годы «боярского правления» и об усилении «вельмож». Рост числа «закладчиков» в городах означал для остальной части населения — посадских и служилых людей, не обладавших иммунитетными правами, усиление налогового гнета. Отсюда широкое недовольство этим институтом. Судебник 1550 года сделал попытку ограничить рост «закладничества», запрещая монастырям «в городцких дворах» держать закладчиков — «торговых людей городцких» (ст. 91; Судебники XV—XVI вв., стр. 174, 326—332).

К л. 98—98 об.

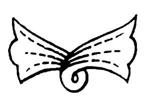
*а—а*Д а т о м у в е л м и д и в у е м с я, ч т о т а к о в а я з е м л и ц а н е в е л и к а, в е л м и у г о д н а, у т а к о в а г о в е л и к а г о у с и л н а г о ц а р я п о д п а з у х о ю, а в н е д р у ж б е... х о т я б ы т а к о в а я з е м л и ц а и в д р у ж б е б ы л а, и н о б ы е я н е м о ч н о т е р п е т и з а т а к о е у г о д и е. — Упоминание в Большой челобитной (см. комм. к л. 92 об., *а-а*) «татарского царя», «недруга» Ивана IV, равно как и совет Пересветова «Казанского царства добыти» (читающийся непосредственно перед комментируемой фразой), делает невозможным предложенное И. И. Полосиным (О челобитных Пересветова, стр. 43) понимание слов «[Казань] под пазухою, а в недружбе» в смысле: Казань «в руках рус-

ского царя», но там мятежи и т. д. Против этого говорит и следующее за этим весьма откровенное замечание Пересветова, что даже если бы «таковая землица угодная и в дружбе была», все равно при таком ее «угодьи» нельзя было бы «терпети». Ясно, что речь идет о существовании независимого ханства: если бы речь шла уже о завоеванной Казани, да еще находящейся в «дружбе» — то, спрашивается, что́ нужно было бы «терпети»? Выражение «под пазухою» следует понимать либо в смысле географической близости (делающей завоевание возможным и легким), либо в смысле вассальной зависимости татарского хана от русского государя, нарушаемой казанцами («в недружбе»). Казанские ханы неоднократно и при Иване III (1487 г.), и Василии III (1518 г., 1532 г.), и при Иване IV (правление Шах-Али в 1546 году) признавали русский суверенитет; одним из лозунгов войны за Казань было наказание казанских «клятвопреступников». Вся эта «речь Петра» о Казанском ханстве полностью опущена в Сказании о Петре (см. стр. 348 и 358), что́ вполне понятно, если считать Сказание более поздней переделкой Большой челобитной, сделанной, вероятно, в XVII веке.

[б—б] в своих мудрых книгах в видоцеях. — И. И. Полосин считает, что слово «видоцея» (ойдоицея) происходит от латинского «аддицио» — первое действие арифметики, сложение (О челобитных Пересветова, стр. 36), но, к сожалению, он не производит обоснования этой этимологии. По смыслу «видоцеи» несомненно означают астрологические книги (таблицы) — нечто вроде гороскопа.



ПРИЛОЖЕНИЯ





Приложение I

СКАЗАНИЕ О ПЕТРЕ, ВОЕВОДЕ ВОЛОССКОМ

В пересветовской историографии вопрос о Сказании о Петре, воеводе Волосском, является одним из наиболее запутанных. Долгое время после публикации этого Сказания Н. Добротворским в 1865 году памятник рассматривался как сочинение Пересветова [1]. Впервые поставил вопрос о происхождении Сказания А. С. Архангельский в лекциях по древнерусской литературе [2]. Он считал, что Сказание о Петре «повидимому... дошло до нас не в подлинной, первоначальной редакции» [3]. Этой исходной, первоначальной редакцией он считает «эпистолу», т. е. в конечном счете Большую челобитную [4].

Иначе подошли к этому вопросу А. С. Николаев, Ю. А. Яворский и В. Ф. Ржига. А. С. Николаев полагал, что Соловецкий список № 863 (т. е. Сказание о Петре Волосском) дает просто испорченный текст пересветовского трактата [5]. Ю. А. Яворский счел Большую челобитную и Сказание о Петре «двумя редакциями одного и того же сочинения» [6]. Близок к этому взгляду и В. Ф. Ржига. Отождествив «речи» Петра Волосского с одной из «книжек», поданных Пересветовым царю,

---

[1] П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, т. II, вып. 1. СПб., 1901, стр. 69 и сл.

[2] А. С. Архангельский. Из лекций по истории русской литературы. Казань, 1913, стр. 340—356.

[3] Там же, стр. 342.

[4] Там же, стр. 355.

[5] Памятники древней письменности и искусства, т. CLXX, 1908, стр. 16.

[6] Ю. А. Яворский. К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI в. Киев, 1908, стр. 64.

этот исследователь предположил, что «речи» сохранились как в составе Большой челобитной, так и в Сказании о Петре [1]. Сказание, по В. Ф. Ржиге, носит двойственный характер, ибо «речи» воеводы Петра подверглись в нем позднейшим изменениям (когда именно — сказать трудно) [2]. Однако оснований для предположения о том, что существовали какие-то недошедшие до нас «речи Петра», являющиеся протографом как Сказания о Петре, так и Большой челобитной, В. Ф. Ржига не привел.

В рецензии на работы В. Ф. Ржиги и Ю. А. Яворского С. А. Щеглова высказала мнение, что Сказание о Петре было «написано раньше челобитных», ибо в нем нет позднейших напластований [3].

Это предположение развил И. И. Полосин, считающий, что Сказание о Петре Волосском первоначальнее Большой челобитной, и что составитель последней использовал Малую челобитную и Сказание о Петре в качестве источников для своего памфлета [4].

Для всех этих гипотез характерно отсутствие текстологического сопоставления Сказания (Соловецкого списка; *Сл*) с другими редакциями сочинений Пересветова. Результаты этого сопоставления позволяют окончательно решить вопрос о взаимоотношении Сказания о Петре с Большой челобитной: Сказание о Петре восходит к протографу Сокращенного извода сочинений Пересветова; Сказание близко к спискам Погодинскому I и Погодинскому II, но имеет некоторые черты списка Оболенского [5]. Вместе с тем Сказание, как обратил на это внимание Я. С. Лурье [6], — имеет черты сходства со Щукинским списком и, очевидно, восходит к общему с ним протографу: во-первых, в обоих памятниках имеется только одна (переработанная) Большая челобитная без других сочинений; во-вторых,

---

[1] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. СПб. 1908, стр. 14.

[2] Там же, стр. 16. — В. А. Кельтуяла предполагал, что Сказание о Петре «является как бы первой редакцией» Большой челобитной (Курс истории русской литературы, ч. 1, кн. 2. СПб., 1911, стр. 614).

[3] Рецензия С. А. Щегловой на работы В. Ф. Ржиги «И. С. Пересветов, публицист XVI в.» и Ю. А. Яворского «К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI в.» (ЖМНП, 1911, март, стр. 139, 141).

[4] И. И. Полосин. О челобитных Пересветова. Ученые записки Московского Гос. пед. института, т. XXXV, М., 1946, стр. 36.

[5] Ср. чтения: «перво душу свою продаст; потом товар свой продаст неправедно» (л. 86 об.) и «уставил... правду» (л. 87). — Здесь и далее все ссылки на листы Сказания даются по Соловецкому списку (см. «Археографический обзор», стр. 116).

[6] См. стр. 358 наст. издания.

начало челобитной в обоих случаях перенесено в конец; в-третьих, оба списка имеют одинаковые чтения, отличные от других списков Неполной редакции [1].

Итак, Щукинский список и протограф Сказания о Петре восходят к тексту Большой челобитной, которая в свою очередь была списана с протографа Сокращенного извода сочинений Пересветова [2].

О том, что Сказание о Петре является позднейшей обработкой Большой челобитной, говорит не только его близость к Щукинскому списку, но и целый ряд дефектных чтений этого Сказания [3]. Отсутствие слова «оминет» в протографе Щукинского текста привело к тому, что автор Сказания переделал фразу о царской мудрости так, что исказилось самое существо учения И. С. Пересветова о кротости и мудрости.

Щукинский список (л. 188)	Сказание о Петре (л. 88)
Аще ли котораго царя мудрость его прироженная воинская [оминет] и приидет на него великая кротость, и то есть уловление от врагов его, не будет царь мыслити о воинстве и о управе во царьстве своем, будет веселитися с теми, которые ему сердце разжигают вражбами.	Аще ли котораго царя мудрость прирожденная воинская и придет на него великая кротость: то ловления ему ото врагов не будет. Царева бо есть мудрость, еже мыслити о воинстве и о управе своим рассмотрением; а аще сие в своем усердии поставит, то возможно ему в царствии своем веселитися.

«Кротость» в полном противоречии с системой взглядов Пересветова оказалась благом.

Таким образом, гипотезу И. И. Полосина можно отбросить на основании уже текстологических соображений. Сказание о Петре является переделкой одной из редакций Большой челобитной.

Удивляет сам метод, примененный И. И. Полосиным для доказательства его гипотезы. Автор излагает свое мнение как аксиому, не доказывает его, а лишь иллюстрирует отдельными

---

[1] Ср. отсутствие слова «оминет» в тексте «Аще ли котораго царя мудрость прироженная воинская» (л. 88); ср. «духовному», а не «доходному» списку (л. 82); образы «выносил» (л. 85 об.), «от врагов» (л. 88), «поляницы украиные» (л. 83 об.) и др.

[2] Впрочем, не исключена возможность, что протограф Сказания о Петре восходит к более лучшему тексту, чем протограф Сокращенного извода. Ср.: «высоко» (л. 82 об.), а не «высоко место», как в *Щ*; «послал...гнев» (л. 86 об.), а не «плен»; «в славе жить» (л. 82 об.), а не «быти».

[3] Ср. «об научении мудрости» (л. 87 об.) с правильным — «от научения мудрости».

примерами [1]. И. И. Полосину прежде всего следовало бы доказать, что Сказание не может быть позднейшей обработкой Большой челобитной. Этого, однако, он не сделал.

Ряд исследователей считают Сказание о Петре позднейшей переработкой. Так, В. Филипп говорит об этом произведении, как о тенденциозной обработке Большой челобитной. Автор Сказания, по мнению этого исследователя, — церковник; зная о популярности сочинений Пересветова, он воспользовался Большой челобитной, чтобы написать антипересветовский памфлет [2].

А. Л. Саккетти видит в Сказании о Петре, как и в Хронографическом сказании, «повидимому, позднейшую редакцию произведений И. С. Пересветова, быть может, продиктованную самим Иваном Грозным» [3].

Я. С. Лурье убедительно доказал, что Сказание о Петре Волосском является переделкой XVII века. Он также обратил внимание на отдельные существенные стороны этой переделки (усиление антимусульманских сюжетов и т. д.) [4].

До настоящего времени не была выяснена та социальная среда, в которой сложилось Сказание, не установлена связь этого произведения с другими памятниками публицистики XVII века. Для решения всех этих вопросов следует выявить все основные отличия Сказания от Большой челобитной и объяснить их происхождение.

Прежде всего, в Сказании о Петре исключены все разделы, содержащие упоминание об Иване Пересветове [5]. Произведение, содержащее «речи Петра Волосского», приобрело, таким образом, иную литературную форму: из челобитной оно стало сказанием («Сказание о Петре волоском воеводе, како писал похвалу благоверному царю и великому князю Ивану Василье-

---

[1] Так, в своей работе он пишет: «Проследим редакционные поправки и изменения, внесенные автором и редактором Пространной челобитной в текст Сказания о Петре» (О челобитных Пересветова, стр. 31). То, что Сказание предшествует Большой челобитной, И. И. Полосин считает само собой разумеющимся.

[2] W. Philipp. Jvan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches. Osteuropäische Forschungen, N. F., Bd. 20, Königsberg — Berlin, 1935, стр 115—119.

[3] Рецензия А. Л. Саккетти на работу И. У. Будовница «Русская публицистика XVI в.» (Советское государство и право, 1948, № 3, стр. 80).

[4] См. стр. 350—359 наст. издания.

[5] Первый отрывок «Государю благоверному царю... сколко бог поможет»; второй отрывок: «А яз холоп твой... у бога просит умножения веры християнския»; третий отрывок: «Государь благоверный... мудрость его великую», и, наконец, четвертый отрывок со слов «А меня, холопа твоего» до конца.

вичю всеа Русии»). Все исправления в тексте Сказания о Петре ведут нас к обстановке XVII века.

В первую очередь Сказание содержит более резко выраженные выпады против турок. В 30—40-х годах XVII века на Руси создается ряд произведений, направленных против турецкой агрессии [1], что объясняется в известной мере обострением русско-турецких отношений в это время. В Сказании сравнительно с Большой челобитной усилена критика теневых сторон правления Магмета-салтана. Снято утверждение о том, что Магмет-салтан «великую правду в царство свое ввел... да сердечную радость богу воздал». И вообще турки рисуются автором Сказания более мрачными красками [2].

Зато прямые выпады против греков в Сказании смягчаются. Особенно это относится к обвинениям греков в еретичестве. Если Пересветов язвительно писал, что греки «ленились за християнскую веру крепко стояти против неверных», и они ныне невольно «бусурманскую веру боротят от находу», то автор Сказания заключает, что греки «ныне от турков приимают неволею многие страсти» (л. 81 об.) [3].

Перелом во взглядах русских публицистов на греков начал намечаться только с конца XVI века. Приезд патриарха Иеремии и его переговоры с Борисом Годуновым, утверждение русской патриархии (1589 г.), а затем частые визиты греческих иерархов на Русь после завершения борьбы с иностранной интервенцией начала XVII века, — все это привело к укреплению взглядов на «правоверие» греков. Греческие иерархи иногда превращались в политических агентов русского правительства, получавших за свои услуги вознаграждение в виде милостыни [4]. В таких условиях обвинения Пересветова по адресу греков в «отступничестве» от православия показались составителю Сказания о Петре по меньшей мере нетактичными и не были включены им в текст произведения.

---

[1] Например, Повести об Азове, ряд редакций подложных статейных списков Ищеина и Сугорского, и др.

[2] У Пересветова турский царь «в свою веру бусурманит», а у автора Сказания — «в свою богоотметную в бахметеву веру неволею бусурманит» (л. 81 об.). Отец Магмета Турскую землю «разбоем своим осилел» (л. 85 об.). Вместо с «грозою мудрою» — с грозою «совершают, не щадят» (л. 82 об.).

[3] Греки страдают «за свое прелестное возвышение» (л. 84), а у Пересветова «за свою гордость и за беззаконие и за ленивство»; они находятся в неволе «за свое изволенье» (л. 84), а у Пересветова «за свою гордость и ленивство». Сняты утверждения, что «греки тмы для да свет оставили, во всем в ересь впали», что «греки... на бога хулу положили и в ересь впали», и др.

[4] Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е, Сергиев посад, 1914, стр. 282.

Автор Сказания о Петре по своим взглядам был далек от еретического вольномыслия Пересветова. Поэтому он не поместил в свое сочинение все места Большой челобитной, которые были явно сомнительными с точки зрения ортодоксального православия (в частности, о том, что «не веру бог любит, правду», «правду бог любит сильнее всего», а также апокриф о «записи», взятой дьяволом с Адама).

Если Пересветов неправедные действия вельмож объявлял еретическими, то автор Сказания говорит просто о грехах вельмож [1]. Утверждение Пересветова об отсутствии «правды» на Руси заменено более осторожным «а правды в Московском государстве умалися» (л. 84 об.). К тому же, — подчеркивает автор, — «аще в Московском государстве и правды нет, а ко Христу вера есть у царя и святителей и у православных крестьян... таким великим царством у Христа милость своею верою упросят» (л. 85). Так как Христос «истинная правда», то «аще по вере помилует, то и правду в них вселит». Это явно противоречит Пересветову, считавшему, что правда выше веры. Автор вводит ряд текстов из священного писания [2], благочестивую концовку [3] и вообще мотивы религиозного характера [4]. Этого, однако, явно недостаточно, чтобы считать Сказание о Петре произведением, возникшим в кругах духовенства [5].

Очень интересно снижение образа Ивана Грозного в Сказании. Автор неоднократно опускает те места, где дается восторженная характеристика Грозного [6]. В его сочинении нет

---

[1] У Пересветова, например: «что крест целуют и изменяют, то есть великая ересь»; у автора Сказания: «и в том злочестиво согрешают и милость божию от себя отганяют» (л. 82). Автор изъял текст Пересветова о кормленщиках, которые «в великую ересь впадают и на бога хулу кладут». Снято обвинение вельмож в том, что они все действуют «дьявольским прельщением» (л. 86 об.).

[2] Ср.: «аще брат твой или друг алчет» (л. 87 об.; Послание к римлянам Павла, 12, 20); «аще кто вас хощет болий всех быти» (л. 87; Матфей, 23, 12; Лука, 22, 26).

[3] «Ты... царь... здравствуй о Христе Исусе господе нашем во всея веки и на веки. Аминь».

[4] См. л. 81 об., добавлено: «Тот всегда в милости божии бывает»; л. 82 об.: «Тако бо пишет: когда придет господь судити живым и мертвым, тогда воздаст всем суд нелицемерен»; л. 84 об.: «и страх божий совершают святители... безпрестанно»; л. 85: царь «живет чюдотворцы прежними да святительскими молитвами».

[5] W. Philipp, ук. соч., стр. 98—99.

[6] Им опущены следующие места: «Ты, государь, грозный и мудрый... правду в царстве своем ведешь и богу сердечную радость воздаси»; «пишут о тебе... правду в царство свое ввести»; «Да так говорит волосский воевода: знаменуется.. от бога прироженные»; «ныне пишут мудрые философы с благоверном цари... волное царство».

потерявших актуальность настойчивых требований Пересветова о захвате «подрайской землицы», т. е. Казани [1]. Зато вставлены замечания о том, что вельможи чародейством приворожили к себе царя [2]. Вместе с тем сняты предсказания философов о том, что Иван Грозный «многие царство покорит». Составитель Сказания, писавший уже после завершения Ливонской войны, знал, что этим предсказаниям не суждено было сбыться. Введен специальный раздел «о нынешних царях», которые живут «с милостью» [3].

Напрашивается сопоставление автора Сказания с теми приказными дьяками — писателями начала XVII века (типа Ивана Тимофеева), которые уже двойственно относились к Ивану Грозному.

Все это, однако, не дает основания считать Сказание о Петре антипересветовским трактатом, как считает его В. Филипп [4]. Автор не только сохраняет в целом неприязненный тон по отношению к боярам, но и дополняет картину боярского своеволия в суде и во время войн [5]. Касаясь турецкого завоевания, автор пишет: «То все совершилось от велмож от греческих, что царя ни во что поставили и сами похотели царствовать» (л. 84).

Он пишет, что «начнут царством его владети велможи его и царство его и землю на ся разделять, ему же мало начнут о всем докладовати, койждо властелин приимет себе власть, тако у себя и дело вершит без боязни и без спору; и тем наведут на царство его велия беды неутолимыя» (л. 88).

Опыт предательского поведения боярства и «семибоярщины», в частности во время иностранной интервенции, не прошел даром для нашего публициста.

---

[1] «Да рек Петр волосский воевода про Казанское царство... за тако угодие». Вместо «А о том велми дивныя... терпети» — сказано кратко: «говорит... про Казанское царство, что ему, московскому государю, пущие недруги» (л. 85 об.). В Большой челобитной говорилось прямо о Казанском царе.

[2] Л. 86: «чародейством царя кротить»; л. 86 об.: «серце царево своим чародейством к себе привратили».

[3] В Щукинском списке Неполной редакции говорится: «А нынешние цари живут... не пощадити и лутчаго, а казнити их противу дел».

[4] W. Philipp, ук. соч., стр. 95—99.

[5] См. о кормленщиках, которые должны «своею казною» строится, «а не з города и не с волостей» (л. 82). Вельможи «егда и бывают при битве, тогда людми травят и войско теряют, а сами ся от смертново меча остерегают, и тем богу и государю согрубляют» (л. 83). Он пишет: «Не будет от велмож ево царству воинсково раденья, но токмо неправедным собраньем богатеть да роды своими считатся да месты месничатся и тем царево воинство тратит» (л. 86 об.).

Очень интересно также изменение отношения к воинникам. Автор Сказания не склонен считать их единственной опорой государства, поэтому он несколько раз снимает пересветовские панегирики воинникам [1]. Наконец, подновляет автор и терминологию [2].

У нас есть некоторые основания для датировки Сказания. Оно возникло не позже 30-х годов XVII века, которыми датируется Соловецкий список, но позже 1560 года, ибо, как обратил на это внимание Я. С. Лурье, в нем прямо говорится об отмене «поля» [3] и о воеводствах, т. е. автор пишет явно не ранее начала XVII века, когда воеводства распространились по Руси [4].

Автора Сказания надо искать в приказной среде. Целый ряд дополнений, которые он ввел в свое произведение, говорят о хорошем знании им судопроизводства XVII века. Он говорит о судьях «за присягою», «с людми и с конми»; судье «лишнево за перепискою через указ ему не держать, а и держит, и он своею казною стройся, а не з города и не с волостей» (л. 82). Он знает, что вместо поля применяется «ныне крестное целование» (л. 82). Виноватого в суде «мучат ево на дыбулях, пугами и страшат горячетою огненною» (л. 82 об.) [5]. Он говорит о местничестве и счете родов; знает, что мертвецов подкидывали «в село» и «научали» ябедника клеветать на людей (л. 86 об.). Если «хто ково изобидит и подаст хто на ково в обиде жалобу, и того велел казнить смертью» (л. 87).

Интересы сентенции в защиту обездоленных в Сказании. Автор пишет, что «бог не велел другу друга поработить»

---

[1] Ср.: «Ко Августу кесарю во убогом образе пришед воинник... воинника всегда чредити, что сокола и сердце ему веселити, и ни в чем на него кручины не напустити»; «до воинников быти аки отцу до детей... всему собирати» (*М*, л. 86 об., 93 об. — 94).

[2] Вместо «лукаво» судит — «неправо» судили (л. 81 об.); вместо «на службу его» — «на потехи», вместо «пхнет» — «ударят» (л. 82 об.); вместо «мыслит» — «печется» (л. 83); вместо «измытарили» — «помутили» (л. 83 об); вместо «тощи загребали» — «закопывали» (л. 86 об.). Снято непонятное для автора выражение «от восточного царства от русского» (л. 84 об.).

[3] К словам Пересветова — «присужают поля» — автор добавляет «а ныне крестное целование» См. об отмене поля: АИ, т. I, № 234; т. V, № 15. Ср. ниже, стр. 350.

[4] «Которого послать на кормление на воеводство» (л. 86 об.). Ср. в росписи воеводам: «по царе Федоре Ивановиче и при царе Борисе по 113 год... в тех городех воевод не было» (Временник ОИДР, 1849, кн. 3, Смесь, стр. 6). См. ниже, стр. 355.

[5] «Дыба» упоминается в договоре Смоленска с Ригою 1229 года в Псковской судной грамоте и «Розыске» о Шакловитом. О «пуге» ср.: «хотели карать пугами» [Памятники сношений с Литвою, вып. 3, стр. 752 (1570 г.)]; «бияхуся сами пугами до крови» (Максим Грек, Сочинения, ГБЛ, Q, № 219, л. 563). См. ниже стр. 353.

(л. 87 об.) [1]. Он возмущается теми греками, которые «иным силным и богатым убогих в обиду давали» (л. 87). Греческие вельможи «обиды творили, а на силных бедным и беспомощным управы не давали, а татем и разбойником волю давали» (л. 87 об.). С горечью сообщает он, что люди «от бедностей и от обид в работу придаются» (л. 87). Его собственный вывод ясен: пусть мы «друг другу не насилуем и неволею не поработим, но волею приемлем» (л. 87). Аргументирует автор Сказания это утверждение как ссылками на священное писание, так и мыслью о «самовластии» человека: «Занеже бог сотворил человека самовластна и самому о себе повеле быть владыкою, а не рабом» (л. 87). Учение о «самовластии» человека в начале XVII века приобрело особенную популярность; его развивал, например, составитель Краткой космографии, сложившейся в Посольском приказе (т. е. там, где хранились сочинения Пересветова).

Особенный интерес представляет одна из заключительных картин, нарисованных автором. «Многия от бед и от смерти придавались во двор к велможам, а велможи их от смерти избавляли и во двор к себе приимали, а от тех их приемник царству было и конечное гоненье... Тогда было от велмож и от их приемник невозможно безмощному во граде ходити и от града единого поприща отъехати» (л. 87 об.). За этими образами «велмож» и «приемников» нельзя не увидеть русских бояр начала XVII века, воспользовавшихся голодом 1601—1602 годов для охолопления бедняков. «Конечное гонение» царству от «приемников» вельмож, безусловно, — восстание Болотникова, в котором беглые холопы играли значительную роль. Сам Болотников в официозной публицистике рассматривался прежде всего как холоп князя Телятевского.

Таковы в основном те коррективы, которые внес в Большую челобитную неизвестный нам автор 20—30-х годов XVII века, в результате чего под его пером родилось новое публицистическое произведение — Сказание о Петре Волосском. Обращение неизвестного автора, очевидно, принадлежавшего к числу мелких приказных людей [2], к сочинениям Пересветова объясняется тем интересом, который в XVII веке

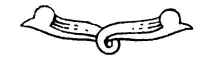
[1] Ср. там же: «аще ли изнеможет... не обидить и не убить и не поработить указал».

[2] За то, что автор принадлежал к числу московских приказных людей, говорит и его знакомство с Большой челобитной Пересветова, которая находилась в Посольском приказе, а также, возможно, и с Краткой космографией. Об этом же может говорить и распространенность Сказания о Петре.

вызывали не утратившие своей актуальности произведения публициста середины XVI века. Вместе с тем Сказание о Петре Волосском резко отличалось по своей направленности от Большой челобитной Пересветова. Здесь мы уже не встречаем тех ярких вольнодумных мыслей, которые составляют неотъемлемую часть всех сочинений Пересветова; здесь нет той страстной защиты интересов воинников, которая является одной из центральных идей Пересветова, и т. д.

Но целый ряд мыслей Пересветова нашел в Сказании свое дальнейшее продолжение и развитие. Прежде всего это относится к идее о необходимости сильной централизованной власти. Царю следует быть «грозну и самоупрямливу и мудру без воспрашиванья» (л. 88). Эта мысль в условиях постепенного развития Русского государства в XVII веке к абсолютизму была одной из самых злободневных. Усилена и конкретизирована картина бедствий, проистекавших от самовластия бояр. Борьба с боярской аристократией в XVII веке не потеряла своей актуальности и была завершена только Петром I. Наконец, мысль Пересветова о том, что Москва является надежным оплотом славянства, всего ярче выражена в Сказании. Автор Сказания, зная о тесных связях Руси с греками, снял все те обвинения единоверных греков в «ереси», которые содержались в Большой челобитной, и резче подчеркнул турецкие насилия.

В целом же Сказание о Петре Волосском является интересным памфлетом 20—30-х годов XVII века, свидетельствующим о значительном развитии русской общественно-политической мысли этого периода. Сказание о Петре Волосском нужно, без сомнения, поставить в один ряд с другими произведениями того времени, авторы которых обращаются ко времени Ивана Грозного (Временник Ивана Тимофеева, Новый летописец и др.).





ТЕКСТ СКАЗАНИЯ

л. 81 об. **Сказание о Петре волоском воеводе, како писал похвалу благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии**

Тако рек Петр волоский воевода: «Аще кому восхотети умети мудрости царской, отведати о воинстве и в уставе жития царскаго, ино[1] взять взатье цареградцкое и прочесть его до конца, и найдет в нем всю помощь божию. Бог бо помогает не ленивым; но кто труды полагает и бога на помощь призывает, тот всегда в милости божии бывает, да кто правду любит и праведен суд судит: правда — сердечная богу радость, а царю — великая мудрость».

Ленились греки за православную крестьянскую веру крепко стояти, и ныне от турков приимают неволею многие страсти. Царь турской у греков и у сербов седьмой год детей отъимает, и в [а]свою богоотметную в бахметеву веру[а] неволею бусурманит.

[б]Пишют о благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии мудрые философы, что будет об нем, государе, во веки великая слава, яко о царе Августе и о царе Александре Макидонском; тако и о твоем государеве войстве[б] философи пишют, что введешь в царство великую правду; и о том начитают мудрые философи, что не будет такие правды ни во всей подсолнечной, и от премудрыя премудрости и от страшныя грозы лукавыя судьи, яко от сна, востанут и трепетни и правдиви станут, и о том начнут сами дивитись, что неправо судили, и от того богатство напрасно збирали, и в том богу велми согрешали.

Да еще говорит Петр волоский воевода: «Дай, господи, умноженье веры крестьянской, якоже преже сево была во умно-

---

[1] *М IV*; и то *Сл.*

жение вера греческая, и мы ею хвалились, а ныне за руское
царство бога молим и хвалимся, и соблюди, боже, веру кресть-
л. 82 янскую от неверных || и от ереси всякия». Да того Петр воло-
ской воевода не хвалит, что крест целуют и измѣняют, [в]и в том
злочестивно согрешают и милость божию от себя отганяют[в],
и за веру не стоят, и государю неверно служат. Да и того не
хвалит, что особную войну на свое царство воспущают: дает
городы и волости велможам своим держати, и велможи от
слез и от крови богатеют; а так сьедут с кормленья з городов
и с волостей, и в обидах присужают поля, [г]а ныне крестное
целованье[г], и в том великой грех оба истцы сотворяют,
и крестное целованье ни во что ставят; один ищея приложит —
ищет, а другой ищея в том запрется и сам ищет, и от тово оба
в грехе погибают; чем вера крестьянская укрепленна, а тем они
ее учинили развращенну».

Так говорит Петр волоский воевода про турского царя Маг-
мет-салтана: «Неверный царь, да богу угодно учинил, мудрость
и правду в царство свое ввел, розослал по своему царству вер-
ные свои судьи за присягою, пооброчивши их ис казны своим
жалованьем, чем им мочно прожить [д] с людми и с конми з году
на год. А лишнево за перепискою через указ ему не держать,
а и держит, и он своею казною стройся, а не з города и не
с волостей[д]. А суд дал полатной во все царство, а судить бес
противня, а присуд велел имать на себя в казну, чтоб не иску-
шались, в грех не впадали и бога не гневили. А какова велможю
пожалует за его верную службую каким городом или волост*ию*[2],
и он пошлет к судьям своим и велит по духовному списку вы-
дать ис казны вдруг. А просудится судья, ино им пишется та-
л. 82 об. кова смерть по || уставу Магметеву — возведут ево высоко, да
ударят ево взашеи надаль и рекут так: «Не умел еси в далней
и в доброй славе жить и верно государю служить». И тому так
и указ. А иных судей живых одирают, и та им казнь презлей-
шая всех а рекут так: «Как обростет тело, отдастътися вина».
По уставу Магметеву с великою грозою сие совершают, [е]не
щадят. А нынешние цари живут с милостию, а виноватых
смерти росписаны, и нашедши виноватово не казнят ево
смертью, но мучат ево на дыбулях пугами и страшат горяче-
стою огненною[е], и едва казнят их против дел их, боящеся за-
поведи от бога; тако бо пишет: «Когда придет господь судити
живым и мертвым, тогда воздаст всем суд нелицемерен, ко-
муждо по делом его».

Волоский же воевода Петр так говорит про царстъво руское,
что велможи рустии сами ся богатеют и ленивеют, [ж]о царе

[2] *M IV*; волость *Сл.*

и царстве ево не болят, и собою царство его оскужают, и тем они слуги ему называются, что цветно и конно и людно выез-
л. 83 жают на потехи, а крепко за веру крестьян||скую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, а егда и бывают при битве, тогда людми тревят и войско теряют, а сами ся от смертново меча остерегают[ж], и тем богу и государю согрубляют. Так глаголет волоский воевода: «Хотя руских богатых богатырей и много, коли у них доброго серца нет, доброй смерти боятся и не хотят умереть за веру крестьянскую. Как богатым умирати? Всегда богатый об воинстве не печется, а мыслит о покое. Хотя и богатырь обогатеет, и он обленится и головы пощадит». Так говорит волоский воевода: «Воина держати и важну на то быти, как сокола на битву черядити, и всегда ему сердце веселити, а ни в чем ему кручины не пустити, и всегда ему на битву готову быти».

Так говорит волоский воевода: «Такому силному государю царю рускому годится со всего своего царства доходы себе в казну имати и ис казны своей воином своим серце веселити, жалуючи их; и так казне ево конца не будет, и царство его не оскудеет. А которой воин начнет против недруга твердо стояти и смертною игрою играти, и таковым воином имян их возвышати, и тем серца их утешати, и жалованья своего царского ис казны своей придавати, и иных на то приучати, и к себе
л. 83 об. их || блиско припущати, и жалобы их позлащати, и во всем их утешати, и яко отцу детей своих любити, и быти до них щедру; щедрая бо рука никогда оскудевает, и славу царю собирает, и мудрость ему составляет, и царство его укрепляет.

«Такому великому государю годитца держать по 20 000 юнаков храбрых со огненным боем, гораздо бы учинены стояли поляницы украйные на поле при крепостех против недруга от крымского царя, изоброчивши их ис казны своим царским жалованьем годовым. И та бы ему 20 000 лутче и грознее и постоятелнее ста тысеч, а украйные его городы и волости все будут богати и ничем не оскужены ото врагов. А все то ему, государю царю, добре надобно чинити».

Так говорит Петр волоский воевода про греческое царство: «Велможи гречести при царе Костянтине Ивановиче царством обладали и крестъное целование ни во что поставили, изменяли, и царством помутили своими неправедными суды, и от слез и от крови крестьянским богатством наполнились и неправым собраньем обогатели, и сами обленивели, и [з] кресть-
л. 84 янскую веру ни во что поставили, || и своими враждбами и еретическими прелесными чародействы свою греческую крестьянскую веру и красоту церковную иноплеменником туркам на

поруганье и на оскверненье выдали. А ныне сами греки за свое прелестное возвышение крестьянскую веру у турского царя укупают, великие оброки дают, и сами у царя турсково за свое изволенье в неволе; занеже начаша с турки пити и ясти и посягати и детей своих в бусурманство начаша отдавати, а инии, великово сану доставаючи, сами бусурманились и волю турсково царя творили[3]. И чему позавидели, тому и поработали. И ныне греки и сербы наймуются у турков овец пасть и верблудов. Егда же не восхотеша турецкого возвысити, тогда турским людем самим земли не было, и вытить было им погулять не на што, были у греков в работе и жили укупаючи и землю наймуючи. То все совершилось от велмож от греческих, что царя ни во что поставили и сами похотели царствовать, а ныне с тою гордостию изучались овцы пасть».

Говорит волоский воевода с великими слезами про веру крестьянскую руского царства, и просит всегда у бога милости
л. 84 об. || и о умножении веры крестьянския и за благовернаго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии. И тем руским царством греческая вера ся хвалит и величает и надеется от бога великого милосердия и помощи божии, и свободитися надеют царем руским от турского насильстъва, и о том всегда греки бога молят и уповают.

И у волоского воеводы служит москвитин[2a] Васка Мерцалов, и волоски воевода того Васки про московское господарство роспрашивал, а говорил ему так. Говорит волоский воевода: «Такое великое и силное, и славное, и всебогатое царство Московское [и]и всеа Росия[и], и ест ли в том царстве правда? Ты же, Васька, гораздо на Москве знаешь; скажи ми подлинно о всем». И Петру волоскому воеводе Васка Мерцалов нача сказывать: [к]«Вера, государь, крестьянская добра и всем исполненна, и красота церковная велика, и страх божий совершают святители и весь вселенский собор за царя и за благоверныя князи и за боляря и за христолюбивое воинство и за всех православных крестьян со благоговейнством безпрестанно,
л. 85 а правды в Московском государстве умалися». || И слыша такие Васькины речи Петр волоский воевода воздохнул и заплакал и рек: «А коли по грехом в Московском государстве правды нет, то у государя царя и всего доброво нет и он живет чюдотворцы прежними да святительскими молитвами». Да так рек Петр волоский воевода: «Аще в Московском государстве и правды нет, а ко Христу вера есть у царя и святителей и у православных крестьян и просят у Христа милости царства

[2a] *Испр.*; москвитит *Сл.*

своего о устроении, и о укреплении христолюбиваго воинства, и на враги о победе, и о мире и о тишине; то таким великим царством у Христа милость своею верою упросят[к]. Христос бо есть истинная правда, и аще по вере помилует, то и правду в них вселит. Христос есть зиждитель небесныя высоты и земныя широты и преисподния глубины. Христос есть праведное многочисленное солнце. Вся ему колена покланяются небесная и земная, и преисподня трепещет; яко свят господь Исус Христос в славу богу отцу. Велик бог и крепок и силен, велик бог крестьянский, безначален и безсмертен, и чюдна дела его,
л. 85 об. и много милости его || на всех любящих и призывающим имя его. И в котором царстве вера и правда, ту есть бог пребывает вечно. Аминь».

И паки говорит Петр волоский воевода про Казанское царство, что то ему, московскому государю, пущие недруги: как был Магмет-салтан турский к Царюгороду дань давал, з благоверным царем жил в великом смирении и безбранно; а Багамметев отец был на море розбойник, и турскую землю разбоем своим осилел, и путь морской затворил; и потом грех ради наших Багаммет розбойничей сын турецкую землю осилел и Царьград засел, а взял взятьем: и благовернаго царя Костянтина потребил, и вере крестьянской поругался, и красоту церковную обещестил, и звоны церковные поотымал и кресты с церквей посымал, и образы чюдотворные из церквей выносил, и в церквах мизгити поделал на свои скверныя молитвы, [л]и всю святыню осквернил[л].

И Петр волоский воевода так говорил и бога молил: «Боже, милостив буди над руским царем Иваном Васильевичем всеа Русии и над царством его, да не уловят велможи его враждбою своею и ересью серце его и да не укротят его от воинства боящиись смерти, якоже благовернаго царя Костянтина Ивановича в Цареграде велможи укротили от воинства ересию своею для ради богатства своего и царство благовернаго царя потребили иноплеменническим мечем. [м]Изначала мудрые философи мудростию и велможи велможеством своим не хвалятся[м]. Но к царю придвигаются не от воинские выслуги и ни от иные которые прехвальные[3] мудрости, то есть чародея еретики: отъимают у царя щастье, и мудрость царскую к себе привлачит
л. 86 и царское сердце || зажигают ересью и чародейством своим по себе, и власть от него примет, тогда царь начнет во всем волю их творити. И от того чародейства помилуй бог благовернаго царя Ивана Васильевича всеа Русии». И к тому гово-

---

[3] *М IV*; прехвахвалные *Сл.*

рит волоский воевода: «Таковых подобает огнем зжечь, а иных лютой смерти давать, чтоб зло не множилось; то на земли болшая вина, что чародейством царя кротить и мудрость и мысль царскую отъимать. А царю без воинства не уметь быти, якоже и ангели божии от Адама и до сего часа служат человеческому роду, и пламеннаго оружия не испущают из рук своих день и нощь, и стрегут душь человеческих от врага лукаваго и от ево всякие пакости; а царю земному не мочно без воинства быти, воинами и воинством царь силен и славен. Царю быти благоверному благодатию божиею и мудростию на царствии своем; царская мудрость и щедрость николи не оскудевает, [н] и силу неприятельскую перемогает, и царю величеством имя возвышает» [н].

Тако рек Петр волоский воевода: «У благовернаго царя Констянтина во Цареграде воини обнищали, а велможи обогатели неправдою; занеже царское серце к себе обратили, и царскую казну со крестьян неправдою збирали; и ково пошлют казны збирать, с тово возмут сребра много, и тот збирает бес пощады и крестьян мучит и возмет на царя десять рублев, а себе доправит сто рублев; а которые велможи царские их посылали, и те с ними делились и от крови крестьянские и от слез богатели. А велможи друг о друге царю печаловались и хва-
86 об. лили, || [о] чтоб которого послать на кормление на воеводство [о], о городах и о наместничестве яко гладнии пси хитяхусь на слезы и на кровь крестьянскую. А царь во всем их веселил и волю их чинил, и тем от велмож своих [п] лишнюю войну напущал на царство свое, что не будет от велмож ево царству воинсково раденья, но токмо неправедным собраньем богатеть, да роды своими считатся, да месты месничатся, и [4] тем царево воинство тратит» [п].

Да так рек волоский воевода: «Суд был греческий неправеден, а купля была их нечиста; сами купить не умели, а своему товару прямой цены не скажют; перво душу свою продаст, потом товар свой продаст неправедно. А велможи на городех и на волостях, домыслясь своим злым лукавством, мертвых новопреставлыших из земли выгребали ночью тайно и гробы закопывали тощи, да того мертвого человека исколов рогатиною или саблею изсекши, или голову отрубя да кровью измазав, да к богатому человеку в дом или в село поткинут, да на него ябедника научат[5], поставят, и того богатаго[6] человека осудивши неправым судом, подворье ево и богатство разграбят.

---

[4] *Отсюда начинается список А.* [5] *А, М IV*; научa *Сл.* [6] *А, М. IV*; богата *Сл.*

А царевы грозы к ним не было, что серце царево своим чародейством к себе привратили и научили ево во всем волю свою творити. И за ту их злокозненную неправду послал на них бог гнев свой — победителя и ругателя Магметя-салтана, турецкого царя от ниского колена, разбойнического роду; и Магмет-салтан, потребив царя Констянтина, и тех немилостивых велмож
л. 87 велел предать || казни, что они мир з жалобницами от царя отбивали, и сами они мир изобижали, и иным силным и богатым убогих в обиду давали. И как Магмет-салтан взял Царьград и познал силу божию, и уставил во всем царстве правду, и никому никово не велел обидить; а хто ково изобидит, и подаст хто на ково в обиде жалобу, и того велел казнить смертью. Да в царстве ж своем уставил правую куплю и продажю купцем купити и продати единым правым словом хотя на тысечю рублев. Да рек так ко всем: „Делайте правду во царстве моем, богом данном. Видите, яко бог победи мною великого царя Костянтина и отъя у него царство за неправду властелей ево, а за его неуправленье, и вда мне, малому царю. Вы же, вси человецы, во царствии моем, делайте правду, и бойтеся бога, и заповеди божия держитесь и питайтеся от поту лица своего, якоже прадеду нашему Адаму повеле бог в поте лица своего снести хлеб. Мы же тому поревнуем и долговечни будем, и царство будет нерушимо, и начнем правду творити и [р]друг друга любити, а не обидити"»[р].

И так рек волоский воевода: «[с]Господь бог милосерд надо всею вселенною и искупил нас кровию своею от работы вражия; мы же приемлем создание владычне, такова же человека, в работу и записываем их своими во веки, а те от бедностей и от обид в работу придаются и прелщаются на ризное украшение; и те оба, приемлющий и дающийся, душе*ю*[7] и телом перед богом погибают во веки, занеже бог сотворил человека самовластна и самому о себе повеле быть владыкою, а не рабом[с]. А то ево божие смирение и терпение уча ны правду творити, и во всем всякому повиноватись, а *не*[8] гордети иже рек: аще кто вас хощет болий всех быти, да будет всем раб, то*й*[9] есть сам о себе смирения своего образ показа, да и мы не гордимся и друг другу не насилуем и неволею не поработим, но волею приемлем. ||

87 об. И так рек волоский воевода: «Которая земля порабощенна, в той земле все злое сотворяется, татбы и розбои, и убивство, и обида, и всему царству оскуденье великое. Егда во Цареграде у царя Костянтина велможи царством его владели и обиды

---

[7] *А*; душе *Сл.* [8] *А*; *нет Сл.* [9] *А*; то *Сл.*

творили, а на силных бедным и беспомощным управы не давали, а татем и разбойником волю давали: тогда многие народы от тех обид завидели живые мертвым, а волные порабощенным. [т]Занеже многия от бед и от смерти придавались во двор к велможам, а велможи их от смерти избавляли и во двор к себе приимали; а от тех их приемник царству было и конечное гоненье[т]. А благовернаго царя Костянтина кудесы своими и вражбами осетили, и мудрость у него воинскую отлучили, и храбрость его укротили и мечь царский притупили, и учинили ево простецем. И тогда было от велмож и от их приемник невозможно безмощному во граде ходити и от града единого поприща отъехати; занеже все царство за велмож заложилось, и царево властелство отложилось и ни во что вменилось. А то гречестии велможи забыли, яко показал господь бог знание нат фараоном царем египетцким: его и велмож его потопил бог в Чермном море, что он израильтян поработил, — и то знамение божие поставили ни во что же, [у]яко бог не велел друг друга поработить, божие бо изволение сие: аще брат твой или друг алчет или жаждет, ухлеби ево, аще ли изнеможет, ты же послужи ему не яко брату или другу, но яко отцу своему; а не обидить и не убить и не поработить указал»[у].

И говорит Петр волоский воевода об научении мудрости философъския, занеже и сам Петр воевода учен философ и[10] дохтур, и был дохтур мудрый, и ево слушали мудрые люди и
л. 88 философы || и доктуры; и он, Петр, сам начитал в мудрых своих книгах с своими доктуры и философи [ф]про царское приложенье по небесному кругу, что быти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии грозну и самоупрямливу и мудру без воспрашиванья, и покорит бог недруги мнози под нозе ево, и обладати имат многими царствы[ф].

[х]Аще ли котораго царя мудрость прироженная воинская, и придет на него великая кротость: то ловления ему ото врагов не будет. Царева бо есть мудрость, еже мыслити о воинстве и о управе своим разсмотрением; и аще сие в своем усердии поставит, то возможно ему во царствии своем веселитися и велмож своих всячески искушати и бояры своими тешитись яко младенцы. Тогда велможи ево, боящеся мудраго искушения, начнут ево боятися и ни с которыми с своими злохитрствы не дерзнут к нему приближитись. Аще ли начнет о воинстве и о управе с велможи своими думати, и своей думы не начнет вмещати, и начнет во всем полагати на велмож своих: то нач-

[10] *А*; их *Сл.*

нут ему сердце разжизати враждбами своими прелестными, и будет пред ними во всей мысли своей покорен. И начнут царством его владети велможи его, и царство его и землю на ся разделять, ему же мало начнут о всем докладовати, койждо властелин приимет себе власть, тако у себя и дело вершит без боязни и без спору; и тем наведут на царство его велия беды неутолимыя. Он же не начнет болеть ни о царьстве своем, ни о воинстве, и ни о которой царственней мудрости [11]. Но сотворя ево яко телца упитеннаго и мало будут до него приходити; занеже сами обогатеют и обленивеют, и его мудрое приложение и мудрости ни во что вменят[х].

[ч]Ты же, благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, здравствуй о Христе Исусе, господе нашем, во всея веки и на веки. Аминь[ч].



[11] *На этом обрывается список А.*



КОММЕНТАРИИ К СКАЗАНИЮ О ПЕТРЕ, ВОЕВОДЕ ВОЛОССКОМ

Сказание о Петре Волосском — памятник, сохранившийся в рукописной традиции, не связанный с комплексом пересветовских сочинений, но совпадающий в основной своей части с Большой челобитной. В виду этого нам нет необходимости давать комментарий ко всему этому памятнику. Мы отмечаем здесь его соотношение с текстом Большой челобитной (по Щукинскому списку, спискам Полной и Неполной редакции), и далее будем комментировать только те места Сказания, которые существенно отличаются от Большой челобитной (см. таблицу).

а—а свою богоотметную в бахметеву веру. — В Большой челобитной просто «свою веру»; антимусульманские моменты в Сказании вообще сильнее, чем в Большой челобитной.

б—б Пишют о благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче... тако и о твоем государеве войстве. — В Большой челобитной последовательно во втором лице (Пересветов обращается к Ивану IV): «пишут о тебе... и о твоем государеве воинстве...»; в Сказании Иван IV упоминается в третьем лице; неожиданное употребление второго лица («твоем... войстве») говорит в пользу вторичного характера Сказания (след более ранней редакции).

в—в и в том злочестивно согрешают и милость божию от себя отганяют. — В Большой челобитной содержится еще более резкое осуждение боярских «отъездов»: «то есть великая ересь» (см. комм. к л. 87—87 об., *в-в*).

г—г а ныне крестное целование. — Этих слов нет в Большой челобитной. Вставка «а ныне...» могла быть сделана только тогда, когда институт «поля» (судебного поединка), против которого выступала Большая челобитная (ср. комм. к л. 57—57 об., *а-а*), был ликвидирован и заменен «крестным целованием» (присягой). Отмена «поля» нашла свое выражение в одном из дополнительных указов к Судебнику 1550 года (АИ, т. I, № 254, разд. V, 15, стр. 257), относящихся примерно к 60-м годам XVI века. Большая челобитная была составлена, следовательно, до 60-х годов XVI века (отмены «поля»), Сказание о Петре — после этой даты.

д—д с людми и конми з году на год. А лишнево за перепискою через указ ему не держать, а и держит, и он своею казною стройся, а не з города и не с волостей. — Этот текст, отсутствующий в Большой челобитной, содержит дополнительные ограничения (якобы введенные Магметом-салтаном) для судей — наместников. «Строиться» значит на языке XVI—XVII веков «устраиваться».

Сказание о Петре Волосском и Большая челобитная

Текст	Сказание о Петре (стр.)	Большая челобитная (стр.)			Комментарии к Полной редакции (к лл.)
		Щукинский список	Неполная редакция	Полная редакция	
Тако рек Петр волоский воевода: „. . . а царю — великая мудрость“ . . .	341	237	198—199	170	83—84, *а-а*
Ленились греки . . . „ . . . в свою богоотметную в бахметеву веру неволею бусурманит“	341	237	199	170—171	—
Пишют о благоверном царе . . . богу вельми согрешали .	341	237	200	171—172	—
Да еще говорит Петр волоский воевода: „Дай, господи, умноженье веры крестьянской, яко преж сего была во умноженье вера греческая . . . “ . . . чем вера крестьянская укрепленна, а тем они ее учинили развращенну (внутри изменения)	342	238—239	201	173—174	87, *в-в* 88, *а-а* 88, *б-б*
Тако говорит Петр волоский воевода про турскаго царя . . . „ . . . комуждо по делом его“ (внутри большие изменения и дополнения) . .	342	239	201—202	174	88, *в-в* 89, *а-а*
Волоский же воевода Петр так говорит про царьство русское . . . „ . . . кручины не пустити и всегда ему на битву готову быти“ (внутри изменения) .	343	239—240	202	174—175	89, *б-б*
Так говорит волоский воевода: „Такому силному государю царю русскому годится . . . царю добре надобно чинити“	343	240	202—203	175	90, *а-а* 90, *б-б*
Так говорит Петр волоский воевода про греческое царство: „Вельможи гречести при царе Костянтине . . . изучались овцы пасть“ (внутри изменения и дополнения) .	343—344	240	203	175—176	90, *в-в*

Продолжение

Текст	Сказание о Петре (стр.)	Большая челобитная (стр.)			Комментарии к Полной редакции (к лл.)
		Щукинский список	Неполная редакция	Полная редакция	
Говорит волоский воевода с великими слезами . . . от турскаго насильства, и о том всегда греки молят и уповают (последняя фраза изменена) . .	344—345	240—241	203	176	91, *а-а*
И у волоского воеводы служит москвитин Васка Мерцалов . . . ту есть бог пребывает вечно, аминь (сильно переработано) . .	345	241	203—204	176—177	91, *б-б*
И паки говорит Петр волоский воевода про Казанское царство . . . „ . . . поделал на свои скверныя молитвы и всю святыню осквернил" .	345	242	204—205	177—178	{ 92, *а-а* 92, *б-б*
И Петр волоский воевода так говорил и бога молил: „Боже, милостив буди над руским царем . . . не оскудевает и силу неприятельскую перемогает и царю величеством имя возвышает (внутри изменения) . . . "	345—346	242—243	205	178—179	93, *а-а*
Тако рек Петр волоский воевода: „У благовернаго царя Костянтина в Цареграде воины обнищали . . . и тем царево воинство тратит" (внутри изменения; иной конец)	346	243	205—206	179	94, *а-а*
Да так рек волоский воевода: „Суд был греческий неправеден . . . в поте лица своего снести хлеб. Мы же тому поревнуем . . . и друг друга любити и не обидити" (внутри изменения) . .	346—347	243—244	206—207	179—181	94, *б-б*
И так рек волоский воевода: „Господь бог милосерд . . . не поработим, но волею приемлем (соответствующего абза-					

Продолжение

Текст	Сказание о Петре (стр.)	Большая челобитная (стр.)			Комментарии к Полной редакции (к лл.)
		Щукинский список	Неполная редакция	Полная редакция	
ца в Большой челобитной нет; единственная совпадающая фраза: „В работу придаются, и прелщаются на ризное украшение; и те оба, приемлющий и дающийся, душею и телом перед богом погибают вовеки") . .	347	244	207	181	—
И так рек волоский воевода: „Которая земля порабощенна . . . что он израильтян поработил . . . и не поработить указал" (внутри изменения; конец иной) .	347—348	244—245	207—208	181—182	97, *а-а*
И говорит Петр волоский воевода об научении мудрости философьския; занеже и сам Петр воевода учен философ и дохтур . . . и обладати имат многими царствы (частичные совпадения)	348	245—246	208—209	183	—
Аще ли котораго царя мудрость прироженная воинская . . . и мудрость ни во что вменят (внутри значительные изменения) . . .	348—349	247	198	170	—
Ты же благоверный царь . . . аминь	349	—	—	—	—

[е—е]не щадят. А нынешние цари живут с милостию, а виноватых смерти росписаны, и нашедши виноватово не казнят ево смертью, но мучат ево на дыбулях пугами и страшат горячетою огненною. — В Большой челобитной нет этого противопоставления «нынешних царей» Магмету. Там говорится, что «нынешние цари» живут «по уставу Магметову» (см. комм к л. 89—89 об., *а-а*). Противопоставление «нынешних царей» (русских) Магмету в Сказании находится в явном противоречии с предыдущим текстом, в котором султан, наоборот, восхвалялся («богу угодно учинил»), и снова обнаруживает руку редактора, смягчавшего излишне «пробасурманские» места Большой челобитной (ср.: W. Phillipp, ук. соч., стр. 116). Заслуживает внимания детальное описание в Сказании пыток: избиение подвешенного на дыбе («дыбулях») палками («пугами») и пытка огнем. Хотя применение пытки устанавливалось уже Судебником 1497 года,

но специальная детализация пыток не предусматривается в законодательных актах XVI века; только в дошедшем до нас «Допросе пленников, вышедших из Крыма» 1576 года упоминается пытка огнем (Чтения ОИДР, 1916, кн. 2, отд. 3, стр. 29—31). Система сложных и дифференцированных пыток появилась на Руси, повидимому, в XVII веке, — во всяком случае только в источниках XVII века (Котошихин, «сказания» иностранцев) мы встречаем о них подробные и определенные упоминания (ср.: Н. Ланге. Древнее русское судопроизводство. СПб., 1884, стр. 142—144).

*ж—ж*о царе и царстве ево не болят... выезжают на потехи... а егда и бывают при битве, тогда людми травят и войско теряют, а сами ся от смертново меча остерегают. — Эти дополнительные попреки «вельможам» за недостойное поведение в военных делах читаются только в Сказании и отсутствуют в Большой челобитной.

*з—з*крестьянскую веру ни во что поставили... за свое прелестное возвышенье... за свое изволенье в неволе; занеже начаша с турки пити и ясти и посягати и детей своих в бусурманство начаша отдавати, а инии, великово сана доставаючи, сами бусурманились и волю турсково царя творили. — Объяснение гибели Византии в Сказании несколько отличается от соответствующего объяснения в Большой челобитной. В Сказании большая роль приписывается прегрешениям греков против «крестьянской веры» и сближению их с мусульманами; в Большой челобитной речь шла в первую очередь о «гордости, беззаконии и ленивстве» греческих вельмож (ср. комм. к л. 70, *а-а*).

*и—и*и всеа Росия. — Этого добавления к словам «царство Московское» нет в Большой челобитной.

к—к«Вера, государь, крестьянская добра... и страх божий совершают святители и весь вселенский собор за царя и за благоверныя князи и за боляря... а правды в Московском государстве умалися»... Да так рек Петр волоский воевода: «Аще в Московском государстве и правды нет, а ко Христу вера есть... то таким великим царством у Христа милость своею верою упросят». — Текст беседы Петра Волосского с Васькой Мерцаловым резко отличается в Сказании от соответствующего текста в Большой челобитной. В Сказании нет дерзкого утверждения, что «правды» в Московском государстве нет; говорится лишь, что «правды (sic!)... умалися». Вместо категорического утверждения, что «коли правды нет, то и всего нет», мы читаем в Сказании: «коли... в Московском государстве правды нет» (хотя только что читалось, что правда лишь «умалися»), то и в этом случае государь может жить «прежними молитвами», а дальше (с новой реплики Петра: «Аще в Московском государстве и правды нет, а ко Христу вера есть») идет раздел, по существу совершенно не совпадающий с текстом Большой челобитной, где доказывается, что даже при полном отсутствии «правды» в Москве столь «великое царство» может выпросить «милость свою» у Христа. И, наконец, в заключение «правда» ставится на одну доску с «верой». Это рассуждение в Сказании о Петре находится в противоречии не только с текстом Большой челобитной, но и с утверждением, что «правда выше всего» в других сочинениях Пересветова (стр. 165 и 168) [1].

---

[1] Здесь и далее все ссылки на сочинения Пересветова даются по настоящему изданию.

[л—л]и всю святыню осквернил. — Говоря об отношениях с мусульманами, Сказание о Петре менее подробно, чем Большая челобитная, касается казанского вопроса (нет утверждения, что «царь благоверный таковые великия досады терпит от своего недруга, от казанского царя», как в Большой челобитной) и более энергично выражает свою вражду к мусульманству, говоря о турках («вере крестьянской поругался... всю святыню осквернил»). Отсутствие развернутого сравнения между русско-казанскими отношениями (в Большой челобитной: «От казанского царя не надобно ему так много терпети») и византийско-турецкими делает весь этот раздел в Сказании непоследовательным и малопонятным.

[м—м]Изначала мудрые философи мудростию и велможи велможеством своим не хвалятся. — В Большой челобитной вместо этого читается: «Давно того не хвалят мудрые философы», и далее: «что которые велможеством к царю приближаются». Похвала скромности философов и вельмож, читающаяся в Сказании, явно не вяжется с последующей фразой: «но к царю предвигаются не от воинские выслуги и ни от иные которые похвальные мудрости». Здесь снова обнаруживается вторичный характер текста Сказания.

[н—н]и силу неприятельскую перемогает, и царю величеством имя возвышает. — В разделе о злодействах «велмож» Сказания содержится ряд частных отличий от Большой челобитной. Вместо «без лица им вина» в Большой челобитной, здесь читается: «на земли большая вина»; опущено обвинение в том, что вельможи у царя «воинство кротят», из-за чего становятся непонятными дальнейшие рассуждения о значении воинства. Вместо приведенных слов — «и силу неприятельскую...» — в Большой челобитной читается более развернутый призыв к «щедрости до воинников» («что щедрость царская до воинников, то его и мудрость»).

[о—о]чтоб которого послать на воеводство. — Это место из Сказания, отсутствующее в Большой челобитной, представляет большую ценность для определения времени составления Сказания. Хотя еще в XV веке название воевод встречалось рядом с должностью наместников, но воеводство как система местного управления возникает в XVII веке. Это обстоятельство специально отмечено в «Росписи воеводам» начала XVII века: «Со 121 [1617] году при государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея Русии в городех учинены воеводы и приказные люди; а до 121 году при боярех и при царе Василье в тех городах воеводы были ж; а при царе Федоре Ивановиче и при царе Борисе по 113 год по ростригин приход в тех городех воевод не было; а были в них судьи и губные старосты и городовые прикащики» (Временник ОИДР, 1849, т. III, Смесь, стр. 6; ср.: А. Д. Градовский. История местного управления в России, т. I. СПб., 1868, стр. 285—289).

[п—п]лишнюю войну напущал на царство свое, что не будет от велмож ево царству воинсково раденья, но токмо неправедным собраньем богатеть, да роды своими считатся, да месты местничатся, и тем царево воинство тратит. — Этого окончания нет в Большой челобитной (там: «усобную войну на царство свое напустил вельмож своих, и всем бога разгневил»). Любопытно, что несмотря на всю враждебность Пересветова к «вельможам», мы не встречаем в Большой челобитной (и в других сочинениях Пересветова) ни прямых высказываний против местничества, ни даже самого этого термина. В одном месте Большой челобитной (отсутствующим в Сказании) мы находим даже попрек вельможам, что они

«доходят» царской «любви» «ни по роду, ни по вотчине, ни по воинству» (стр. 183).

[р—р]друг друга любити, а не обидити. — Главные отличия между Сказанием и Большой челобитной сводятся в этом рассказе о греческих беззакониях к следующему: в Сказании отсутствует фраза из Большой челобитной, что вельможи Константина, не допуская к царю «жалобников», «не мир от царя отбивали и не жалобников, отбивали от царя божие милосердие, да и отбили» (вместо этого читается довольно малопонятное утверждение что «вельможи... жалобницами мир от царя отбивали»); в Сказании отсутствует обвинение «греков» в том, что они «во всем в ересь впали» (выше обвиняются лишь «вельможи» в «чародействе»); в Сказании отсутствует утверждение, что Магмет, «неверный иноплеменник... утешил бога сердечною радостью, и за то ему бог помогает» (ряд похвал по адресу Магмета все-таки имеется); в Сказании, наконец, отсутствует характернейшее для Пересветова заявление: «Видите то, иже бог любит правду, а за неправду гневается неумолимым гневом». Заканчивается этот раздел в Сказании отсутствующим в Большой челобитной призывом к христианской любви («друг друга любити»).

[с—с]Господь бог милосерд надо всею вселенною... занеже бог сотворил человека самовластна и самому о себе повеле быть владыкою, а не рабом. — Весь этот раздел в Сказании не имеет соответствия в Большой челобитной (частично совпадает только кусок фразы о людях, прельщающихся «на ризное украшение»). В Большой челобитной на соответствующем месте читается одно из самых «еретических» высказываний Пересветова — о том, что «бог не веру любит — правду» и далее апокрифическая легенда о порабощении Адама дьяволом (см. комм. к л. 96—96 об., *а-а*, *б-б*). В Сказании аргументация против «порабощения» имеет гораздо более благочестивый характер: бог «искупил нас кровию своею от работы вражия», «бог сотворил человека самовластна» и «смирения своего образ показа»; приводится (хотя и не вполне точно) евангельская цитата (Матфей, 23, 12; Лука, 22, 26). Однако практический вывод в Большой челобитной и Сказании одинаков — он сводится к отрицанию «порабощения» (холопства, кабальной зависимости).

[т—т]Занеже многия от бед и от смерти придавались во двор к велможам, а велможи их от смерти избавляли и во двор к себе примали; а от тех их приемник царству было и конечное гоненье. — Этой яркой картины поступления бедняков в зависимость к «вельможам» (кабала или закладничество) нет в Большой челобитной. В Сказании в соответствующем месте нет читающегося в Большой челобитной утверждения, что греки «бога гневили и дьяволу угождали».

[у—у]яко бог не велел другу друга поработить, божие бо изволение сие: аще брат твой или друг алчет или жаждет, ухлеби ево... а не обидить и не убить и не поработить указал. — Этой довольно неточно переданной библейской цитаты (ср. Послание к римлянам апостола Павла, 12, 20) нет в Большой челобитной. С другой стороны, в Сказании нет читающегося в Большой челобитной утверждения, что греки «учинили» царя в «беспутном (т. е. греховном, — *Я. Л.*) житии» и «погибли» (как и израильтяне) «за гордость и за порабощение».

[ф—ф]про царское приложенье по небесному кругу, что быти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии грозну и самоупрямливу

и мудру без воспрашиванья... и обладати имат многими царствы. — Этих слов нет в Большой челобитной. Предсказание Петра и его философов Ивану IV следуют в Большой челобитной за рядом мест автобиографического и политического (советы «добывать» Казань) характера, отсутствующих в Сказании. В Большой челобитной этот раздел пространнее, чем в Сказании, и состоит в значительной степени из прямых обращений Пересветова к царю (во втором лице) и ряда предостережений против «ловления враждебного вельмож»; в Сказании составитель уже как бы знает действительную историю Ивана Грозного. «Небесный круг» — гороскоп, в Большой челобитной вместо этого термина — «видоцеи» (ср. комм. к л. 98—98 об., *б-б*).

*х—х*Аще ли которого царя мудрость прироженная воинская, и придет на него великая кротость... занеже сами обогатеют и обленивеют, и его мудрое приложение и мудрости ни во что вменят. — Весь этот заключительный раздел Сказания лишь приблизительно соответствует небольшому отрывку из Большой челобитной, читающемуся в Щукинском списке (как и в Сказании) в конце всего текста (стр. 246), а в остальных списках — в начале. В первой фразе Сказание, как и Щукинский список, опускает сказуемое «оминет» (к подлежащему «мудрость»), далее, в отличие от всех списков Большой челобитной, утверждающих, что с приходом «великой кротости» начнется «уловление от врагов» царя, в Сказании говорится, что в этом случае «ловления ему ото врагов не будет». Таким образом, в отличие от пересветовских сочинений, в которых «кротость» рассматривается как серьезнейшая угроза для существования государства (ср. комм. к л. 71 об. *а-а*), Сказание не считает «кротость» саму по себе опасным недостатком. Если царь мудр, если он «мыслит о воинстве» — «то возможно ему во царствии своем веселитися и велмож своих всячески искушати и бояры своими играти как младенцы». Опасность возникает только в том случае, если он «начнет во всем полагатися на вельмож своих» и «не начнет болеть ни о царстве своем, ни о воинстве» — тогда только «мудрость его ни во что вменят» (ср.: W. Philipp, ук. соч., стр. 97, 117—118) Едва ли можно сомневаться, что эта концепция, во многом расходящаяся с общей системой взглядов Пересветова, внесена автором Сказания в более ранний текст, причем обработка этого текста была проведена не очень умело. В результате вводная фраза, вполне последовательная и ясная в Большой челобитной (если царя оставит его прирожденная воинская мудрость и найдет на него кротость, — то этим воспользуются его враги), становится в Сказании почти бессмысленной.

*ц—ц*Ты же благоверный царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии, здравствуй о Христе Исусе, господе нашем, во вся веки и на веки. Аминь. — Этой заключительной благочестивой формулы Сказания нет в Большой челобитной.

Подводя итоги сопоставлению Сказания о Петре Волосском с Большой челобитной, следует, вслед за В. Ф. Ржигой (И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 16) и вопреки И. И. Полосину (О челобитных Пересветова, стр. 30—37) признать, что Сказание о Петре является более поздним памятником, чем Большая челобитная, и памятником, значительно обработавшим первоначальный текст. Это доказывается множеством противоречивых и просто испорченных мест в Сказании о Петре, которым соответствует вполне последовательное изложение в Большой челобитной (см. комм. *б-б*, *к-к*, *л-л*, *м-м*, *н-н*, *х-х*); отдельные реалии (отмена «поля», воеводство и т. д.), при-

внесенные составителем Сказания и отсутствующие в Большой челобитной, также ведут нас к более позднему периоду, чем время написания Большой челобитной и других сочинений Пересветова — к концу XVI века (комм. *г-г*) или даже к XVII веку (комм. *о-о* и *е-е*); поздним происхождением Сказания о Петре можно объяснить и то обстоятельство, что тема борьбы за Казань, подробно развиваемая Пересветовым в Большой челобитной и других его произведениях, почти совершенно исключена из Сказания (комм. *л-л* и *ф-ф*): после 1552 года вопрос этот имел уже чисто историческое значение.

Источником, на основе которого было составлено Сказание о Петре, следует считать Большую челобитную; но какой именно из редакций Большой челобитной пользовался составитель Сказания — сказать трудно. Ближе всего к Сказанию о Петре Щукинский список Большой челобитной, список интересный, в частности тем, что в нем Большая челобитная начинается прямо с челобитья и помещена отдельно, а не в составе сборников сочинений Пересветова, как в других списках. В Щукинском списке, как и в Сказании о Петре, раздел «Аще ли которого царя мудрость его прироженная...» читается в заключительной части сочинения (стр. 247), раздел «Тако рек Петр волосский воевода: «Есть ли хотети мудрости царской...» — в начальной части (в других списках оба эти раздела объединены воедино и составляют введение к Большой челобитной; см. комм. к л. 83 об.—84, *а-а*). Наблюдаются между Щукинским списком и Сказанием о Петре и другие, частные совпадения: в обоих текстах читается, что Магмет-салтан, жалуя вельмож за верную службу, выплачивал им жалованье «по духовному списку» (стр. 342 и 239, прим. 9; в остальных списках — «по доходному»); в обоих текстах читается «Аще ли которого царя мудрость прироженная воинская» без сказуемого «оминет» (стр. 348 и 247, прим. 35).

Однако мы не можем считать, что именно Щукинский список Большой челобитной был протографом Сказания. Как Щукинский список, так и Сказание, весьма близки к спискам так называемой Неполной редакции сочинений Пересветова; отдельные чтения Сказания (как указал А. А. Зимин) совпадают не со Щукинским списком, а со списками Неполной редакции (в Неполной редакции и Сказании читается: «Неверный царь богоугодно учинил», в Щукинском списке: «добре угодно» — стр. 201, 342 и 239; в Неполной редакции и Сказании: «мочно прожить», в Щукинском списке: «мочи прожить» — см. там же, и т. д.). Очевидно, и Неполная редакция, и Щукинский список, и Сказание восходят к некоему общему протографу. Для того чтобы определить, что представлял собой этот протограф (читалась ли в нем Большая челобитная отдельно или в сборнике сочинений Пересветова), необходимо более широкое источниковедческое исследование с привлечением всей совокупности списков пересветовских сочинений.

Что же представляет собой Сказание о Петре Волосском, и с какой целью эта позднейшая переделка Большой челобитной Пересветова была составлена? В. Ф. Ржига не дал определенного ответа на этот вопрос. По его мнению, в основу Сказания были положены какие-то ранние «речи Петра», составленные Пересветовым еще до Большой челобитной (это предположение В. Ф. Ржиги основано на его понимании одного из высказываний Пересветова в Большой челобитной — см. комм. к лл. 85—85 об., *б-б* и 87—87 об., *а-а*), но само Сказание было написано повидимому, после царствования Грозного и, судя по «различиям по смыслу», иным автором, чем Пересветов (В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., стр. 16). Более определенно высказывается по этому вопросу В. Филипп. Сказание о Петре он характеризует как «eine Streitschrift gegen Peresvetov» («полемическое произведение против Пересветова»), и полагает, что

произведение это написано идейным противником Пересветова, представителем «политически активного духовенства», враждебного всякой государственной власти («самовластие человека»); использование же этим автором сочинений Пересветова в качестве образца свидетельствует о том, что «пересветовские сочинения получили признание, и распространение противоположного мнения под видом его сочинений сулило наибольший успех» (W. Philipp, ук. соч., стр. 95—99). Это мнение Филиппа целиком связано с его общим взглядом на Пересветова. Игнорируя главное и основное в концепции Пересветова — его враждебность к «вельможам» и энергичную защиту интересов «воинников», Филипп выдвигает на первый план «светское правосознание» Пересветова, сильно преувеличивая роль этого момента в его мировоззрении (см. комм. к л. 55—55 об., *г-г*). Поскольку в Сказании пересветовского противопоставления «правды» «вере» нет (см. комм. *к-к*), Филипп видит в нем произведение совершенно противоположного направления. Между тем внимательное рассмотрение всех оригинальных мест Сказания (как и основного его текста, совпадающего с Большой челобитной) свидетельствует о том, что высказывания против «вельмож» не только не устранены составителем Сказания, но в ряде случаев расширены им и подкреплены новым материалом (комм. *д-д*, *ж-ж*, *о-о*); составитель ввел даже прямые высказывания против местничества, отсутствовавшие у Пересветова (комм. *п-п*); разделял составитель Сказания и враждебность Пересветова к «порабощению» (комм. *с-с*, *т-т*).

Использование автором Сказания сочинения Пересветова следует объяснить причинами, прямо противоположными тем, которые выдвигает Филипп. Ничто не говорит о том, что к XVII веку «пересветовские сочинения получили признание». Наоборот, отсутствие списков Пересветова XVI века, почти полное молчание о нем источников, — все это свидетельствует о том, что имя приезжего «воинника» считалось одиозным или во всяком случае было не в почете. Причину этого понять нетрудно: религиозное вольномыслие Пересветова (крайне необычное в то время отсутствие цитат из церковной литературы, использование апокрифики, подчинение религиозных вопросов вопросам светской политики), совпадение его взглядов со взглядами еретиков середины XVI века, — все это делало его сочинения неприемлемыми даже для близких ему по взглядам политических деятелей (как, например, Иван IV). Для того чтобы воскресить в XVII веке Пересветова, публицистам, разделявшим его ненависть к «вельможам», нужно было очистить его от чересчур опасных мест. Это и сделал составитель Сказания о Петре. Чтобы устранить подозрение в сочувствии «бесерменам», он усилил в Сказании антимусульманские высказывания (комм. *а-а*, *з-з*, *л-л*, *р-р*), исключил места, вызывавшие подозрения в ереси (комм. *в-в*, *к-к*, *р-р*, *с-с*), ввел (хотя и не вполне точные) цитаты из священного писания (комм. *с-с*, *у-у*). Сохранив пересветовскую проповедь против «порабощения», он обосновал ее агрументом о «самовластии человека» (свободе воли) — идеей, которая не противоречила взглядам самого Пересветова (см. комм. к л. 96—96 об., *б-б*), и была вполне ортодоксальной с православной точки зрения (ср. ее, например, у Максима Грека: Сочинения, ч. I, стр. 408, 441).





Приложение II

ПОВЕСТЬ О ДВУХ ПОСОЛЬСТВАХ

Судьба произведений Ивана Пересветова своеобразна. Мы не знаем, были ли известны челобитные Пересветова широкому читателю XVI века. Они предназначались по преимуществу для царя и для тех его политических единомышленников, которые могли практически провести в жизнь предложения Пересветова. Самих списков XVI века, свидетельствующих о распространении произведений Пересветова среди читателей, до нас не дошло (все известные списки относятся к XVII веку). В этих условиях приобретает особое значение Повесть о двух посольствах — первое и, повидимому, единственное (если не считать Сказания о Петре) произведение начала XVII века, отразившее взгляды Пересветова.

Издаваемый текст Повести о двух посольствах — о посольстве князя Захария Ивановича Сугорского 1576 года и посольстве Ждана Ивановича Квашнина 1578 года к королю Максимилиану («Максимъяну») в Вену, — представляет вторую часть сложного литературно-политического памятника, включающего в себя три самостоятельных произведения, объединенных единым сюжетом о титулах.

В первой части этого сложного памятника — рассказе о посольстве 1570 года Андрея Ищеина и дьяка Алексеева в Царьград — сообщается, что в Царьград к Мурату-салтану пришли послы от Ивана Грозного с жалобой на крымского царя Мен-Гирея и на Калгу-царевича в том, что они, нарушив крестное целование и мирное поставление, пришли на Русь с войною «и Москву град пожгли». Во время посольства Андрей Ищеин и дьяк Алексеев, защищая честь самодержавного государя Ивана Васильевича Грозного, отвергли притязания турецкого султана на дань и на Астрахань и, в свою очередь, передали

ему слова Грозного о том, что не подобает ему, турецкому царю, в Царьграде царствовать, потому что «не от царского еси прироженья». Турецкий султан не захотел принимать посольства, потому что Грозный, написав ему в послании так же, как и крымскому царю — «Мурату брату моему», нанес оскорбление султану, приравняв последнего к его «посаженнику» — крымскому царю. Однако султан отпустил послов Грозного, обещав разобрать их «извет».

Рассказ этот кончается тем, что послы, вернувшись в Москву, были пожалованы царем. Однако Грозный «был в великой кручине», не зная, с какими титулами обращаться ему к турецкому султану, а с какими — к крымскому царю, вассалу турецкого султана.

Все произведение написано в форме посольских и дьячих речей с небольшими авторскими отступлениями.

Дальше сюжет о титулах развивается во второй части памятника — в рассказе о посольствах Сугорского и Квашнина. Царь Иван Васильевич посылает их к королю Максимъяну узнать, какие титулы следует употреблять при обращениях к турецкому султану, и Максимъян присылает Грозному подлинную грамоту турецкого султана с послом Жданом Квашниным. В Повести описывается дворец и свита Максимъяна, приводятся его пророчества о том, что в Русском государстве будет смута, «потому что многие власти, а несогласны», и о том, что земля потом возвеличится. Король Максимъян рассказывает притчу о своем подручнике Михаиле и предсказывает, что он будет царем в великой области (явный намек на Михаила Федоровича Романова).

За рассказом о посольствах Сугорского и Квашнина следует третья часть: письмо Ивана Грозного к турецкому султану и ответ последнего; оба письма сатирического характера, причем письмо Ивана Грозного — не что иное, как пародия на верительную грамоту послов.

Повесть о двух посольствах датируется началом XVII века, точнее 1614 годом. Это литературно-публицистическое произведение, центральная мысль которого — необходимость сильной царской власти. Образцом такой власти является Иван Грозный, поэтому и тема произведения обращена в прошлое, ко времени Грозного. Однако в произведении присутствует и тема «смуты», выявляется и отношение автора к этому периоду в истории русского народа. О «смуте» говорится в притче, в пророчествах короля Максимъяна. Автор хочет видеть Русскую землю «распространившейся», а власть государя «высокой» («царя вашего рука будет высока»).

Повесть о посольствах Сугорского и Квашнина упоминается у Карамзина. Он называет ее «басней», внесенной в некоторые новые летописцы, и в отрывках пересказывает ее содержание [1].

Несколько списков этой Повести было известно акад. А. С. Орлову, который высказал мысль о знакомстве автора Повести с произведениями Ивана Пересветова. Доказывая влияние Пересветова, А. С. Орлов приводит выдержки из Повести о посольствах [2]. С мыслью А. С. Орлова о влиянии Пересветова на автора Повести соглашается и В. Ф. Ржига [3].

Сходство с сочинениями Пересветова усматривается в двух местах: во-первых, там, где «ездил царь в виноград и посла государева роспрашивал, сколь велика руская земля и сколь сильно ходит государь вашь. И князь Захарей сказал, земляде руская велика и чудотворцев в ней много, и милость от них, и чюдеса великая, а за государем ходит силы в собранье 400 000 головами своими» (ср. стр. 161); и, во-вторых, там, где «король цысарской сказал, про государя-де вашего мудрые философы пишут, да которые его знают и детей его, что он подобен храбростию и ратью Александру царю Макидонскому и прославился во всех нах царех, а подобен возрасту и досужеству царю Костянтину» (ср. стр. 161 и 171).

Повесть о двух посольствах за время своего существования претерпела ряд изменений. Так, уже в середине XVII века появилась вторая редакция текста, в которой содержание Повести не изменено, но имеются существенные текстологические отличия. Позже, в конце XVII — начале XVIII века, в Повесть были внесены значительные добавления и изменения, которые определили ее третью и четвертую редакции. Эти добавления заключаются в том, что Максимъян в своем пророчестве перечисляет всех царей, вплоть до Алексея Михайловича, которые будут царствовать после Грозного. Он не называет их по именам, а только дает характеристики. Добавлениями являются примеры из священного писания и античной истории. Третья редакция опубликована по неизвестному нам списку в издании ОЛДП 1883 года.

Приводим археографический обзор списков первой и второй редакций Повести о двух посольствах.

---

[1] Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. IX. СПб., 1821, стр. 161, примеч. 442.

[2] А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове (текст). М., 1906, стр. 35—36.

[3] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в. Чтения ОИДР, 1908, кн. I, стр. 52.

Списки первой редакции.

1. Список из сборника БАН, №№ 4, 7, 16; написан скорописью начала XVII века, в восьмушку, лл. 22—34 об. Водяной знак: кувшинчик с одной ручкой, с короной и полумесяцем на крышке, с буквами «PO» (ср.: Лихачев, № 4126 = 1587 г.). Заглавия выделены киноварью. Этот список можно считать старшим из всех известных. Он датируется 1614 годом благодаря приписке тем же почерком, помещенной после переписки Грозного с турецким султаном: «Создан бысть Царьград благоверным царем Костянтином в лето 6000 от 29-го. И был за православным хрестьянстве 1132 лета, а взят от турскаго в лето 6961 маия в 29 день, и тому, как взят, по 29 день 161 год. А после распятия христова создан Царьград в 290-м в 6 году». Указание на 161 год от взятия Царьграда турками и дает 1614 год, как год, если не написания, то, во всяком случае, существования памятника. Характер исправленных описок говорит о том, что перед нами не авторский текст, а список. Так, в ряде мест переписчик начинал списывать вышележащую строку, затем зачеркивал написанное и исправлял (см., например, л. 33 рукописи, где зачеркнуто слово «властителю»). На полях списка имеются приписки другим почерком и другими чернилами. В них сделана попытка озаглавить некоторые части Повести. Таких приписок три: на л. 26, на полях неразборчиво — «руско посол»; на л. 27 об., вверху — «о руском цари слово»; на л. 28, вверху — «от мертво матери сын». В списке имеется ряд пропусков: на л. 25 об., в описании полка короля Максимъяна; на л. 29 пропущена фраза о прославлении Максимъяном послов Ивана Грозного.

В настоящем издании публикуется этот список: все разночтения и исправления к нему даются по списку ГПБ (собрание Погодина, № 1574; *П*).

2. Список из сборника ГПБ (собрание Погодина, № 1574); написан скорописью начала XVII века, в четверку, лл. 73—81. Водяной знак: кувшинчик с одной ручкой, с украшениями на крышке. Заглавия даны киноварью. Список наиболее исправный. Особенностью его следует отметить явное «аканье» в написании слов.

3. Список из сборника ГПБ (собрание Погодина, № 1573): написан скорописью середины XVII века, в четверку, лл. 40—49. Водяной знак: шут.

4. Список из сборника ГПБ (собрание Погодина, № 1955); написан скорописью конца XVII века, в четверку, лл. 190 об. — 197 об. Водяной знак неопределенный. Ветхость рукописи

отмечена у А. Ф. Бычкова[1]. Список довольно неисправный, имеются пропуски, описки. Например, пропущены слова «крыльцо через стену на реку . . . а на крыльце пять рундуков мощено все аспидом»; из взятых Иваном Грозным городов названы только два — Перков и Вакула; в эпизоде с обманом турецкого царя описка — «как коли оманул руского царя» вместо «турского». Имеются и другие мелкие неисправности и искажения текста. Переписки Грозного с турецким султаном в списке нет.

5. Список из сборника ГПБ, Q. IV. 414; написан полууставом первой четверти XVIII века, в четверку, лл. 184—192. Водяной знак: амстердамский герб (ср.: Тромонин, № 856 = 1721 г.).

В этом списке перед циклом повестей о посольствах помещена Казанская история, и все три составные части нашего памятника как бы включены в состав Казанской истории тем, что каждая часть выделена как отдельная глава. Повесть о посольстве Ищеина озаглавлена «Послание в Царьград, глава 92-я», Повесть о двух посольствах (Сугорского и Квашнина) — «Глава 93-я, Послание в лето 7084 году»; сатирическое письмо Грозного озаглавлено «Послание православного царя к турскому царю. Глава 94-я». Отписка турецкого царя в отдельную главу не выделена. Заглавные буквы киноварные. Этот список отличается от основного развернутым титулом Ивана Грозного, что несомненно является позднейшей припиской к основному тексту. Видимо, этот список копировался со старого и дефектного экземпляра, так как в середине текста имеется большой пропуск: после «и в статьях их не по многу, человек по семи» сразу идет «и государя не стретили и челом не ударили» (л. 186 об.). В остальном эта рукопись дает чтения, близкие к чтениям основного списка.

6. Список из сборника ГБЛ (собрание ОИДР, № 197); написан скорописью середины XVII века, в четверку, лл. 48—57 об. Водяной знак: большой сосуд с двумя ручками, с крышкой, увенчанной трехлопастной коронкой и геральдической лилией поверх нее. На боку сосуда изображен бегущий заяц (см.: Лихачев, стр. 250). Хотя список принадлежит к группе списков первой редакции, но в нем есть элементы, характерные для списков второй редакции.

7. Список из сборника ГБЛ (собрание Ундольского, № 603); написан скорописью первой половины XVII века, в

[1] А. Ф. Бычков. Описание рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1883, стр. 365—366.

восьмушку, лл. 232 об. — 250. В начале Повести о посольстве Сугорского пропуск за счет утраты листов: л. 234 об. кончается словами «на берегу город», л. 235 начинается словами «и земли и царства и бытья многие».

8. Список из сборника ГБЛ (собрание Ундольского, № 620); написан скорописью первой половины XVII века, в четверку, лл. 8—16 об. Водяные знаки: кувшинчик с одной ручкой, на крышке корона, над ней полумесяц, на боку кувшинчика буквы «УА»; кувшинчик с двумя ручками, тонкого рисунку, на боку буква «Н», вместо крышки узор в виде ветвей. Заглавия и заглавные буквы выделены киноварью.

9. Список из сборника ГБЛ (Музейное собрание, № 1518) [1]; написан скорописью конца XVII века, в четверку, лл. 251 об. — 261. Водяных знаков несколько, среди них шут и амстердамский герб. Список близок по разночтениям к списку из сборника ГПБ. Q. IV. 414 .В сборнике Музейного собрания, № 1518, так же как и в сборнике Q. IV. 414. Повести о посольстве Сугорского предшествует Казанская история.

10. Список из сборника ГБЛ (Музейное собрание, № 1517) [2]; написан скорописью второй половины XVII века, в четверку, лл. 231—241. Водяной знак: шут с семью бубенцами (ср.: Тромонин, № 384 = 1676—1687 гг.). Сатирической переписки Ивана Грозного с турецким султаном в этом списке нет. Кроме Сугорского назван и дьяк Андрей Арцыбашев. Слова: «Крыльцо через стену на реку а» пропущены (л. 232 об. рукописи). Этот пропуск, а также разночтения делают список близким к списку сборника ГПБ (собрание Погодина, № 1955).

11. Список из сборника ГБЛ (собрание Никифорова, № 381) [3]; написан скорописью первой половины XVII века, в четверку, лл. 74—81. Водяной знак: небольшой кувшинчик с двумя ручками, с короной на крышке, над короной розетка. На боку кувшинчика буквы «О(?)Р». Список совпадает с предыдущим, тот же пропуск и разночтения, сходен со списком ГПБ (собрание Погодина, № 1955). Сатирической переписки Ивана Грозного с турецким султаном нет.

12. Список из сборника ГИМ (собрание Уварова, № 1917); написан скорописью XVII века, в малую восьмушку, лл. 544—555 об. Водяной знак: шут и амстердамский герб. В списке назван дьяк Андрей Арцыбашев. В тексте много искажений и пропусков. Сатирической переписки Ивана Грозного с турецким султаном нет.

---

[1] Список указан мне А. А. Зиминым.
[2] Список указан мне А. А. Зиминым.
[3] Список указан мне А. А. Зиминым.

13. Список из сборника ГБЛ (собрание фундаментальное, № 196); написан скорописью начала XVII века, в четверку, лл. 273—277 об. Водяной знак: кувшинчик с одной ручкой, с розеткой, на крышке полумесяц, на боку буквы «РО». Список обрывается на словах: «86 пришел в цысарь от госадаря царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии посланник Ждан Иванов», на этом тетрадь кончается, остальные листы утеряны.

14. Список из сборника ГБЛ (Музейное собрание, № 435); написан скорописью XVII века, в восьмушку, лл. 369 об. — 376 об. Водяной знак: гербовый щит с полосой, увенчан короной с геральдической лилией наверху (ср.: Лихачев, №№ 3548—3549 = 1629—1630 гг.).

Последние листы в тетради отсутствуют, текст Повести о посольстве Сугорского обрывается на словах: «и над собою царем нарек и те бы тебе» (л. 376 об.). Подзаголовки и заглавные буквы киноварные.

Другая группа списков представляет собой вторую редакцию Повести. В этих списках дается развернутый титул короля Максимъяна в послании, которое привозит к Максимъяну и читает ему князь Захарий Иванович Сугорский. Этим они отличаются от другой редакции. Помимо этого в списках второй редакции много общих для всех списков перефразировок текста, которые, не меняя основного содержания Повести, дают иные чтения. Эти перефразировки настолько значительны, что делают невозможным подведение вариантов по этой группе списков к основному тексту Повести.

Списки второй редакции.

1. Список из сборника ГПБ (собрание Погодина, № 1615); написан скорописью, переходящей в полуустав, в четверку, лл. 63 об. — 71. А. Ф. Бычков датирует сборник 1632 годом по записи, находящейся после Апокалипсиса, помещенного на лл. 16—57 рукописи[1]. Водяной знак: широкий кувшин с одной ручкой, с узором на нем, с короной и полумесяцем на крышке (ср.: Тромонин, № 1763 = 1626 г.). Конец списка утрачен.

2. Список из сборника ГПБ (собрание Толстого, Q. XVII. 17; II, № 249); написан полууставом середины XVII века, в четверку, лл. 148 об. — 154 об. Водяной знак: кувшинчик с буквами «МВ», с короной и полумесяцем на крышке. Список изобилует киноварными подзаголовками и буквами. Описание поездки короля Максимъяна в виноград дано в несколько

---

[1] А. Ф. Бычков. Описание рукописных сборников, стр. 454, 456.

сокращенной редакции. Переписки Грозного с турецким султаном в списке нет.

3. Список из сборника БАН (Арханг., № 257); написан полууставом XVII века, в четверку, лл. 205—214 об. Водяной знак: двуглавый орел (см.: Тромонин, № 633 = 1644 г.). На обороте последнего листа сборника имеется дата: «168-го году, апреля в 28 день» (т. е. 1660 год). Подзаголовки и отдельные буквы киноварные. Книга вся писана одним почерком, поступила из библиотеки Антониева Сийского монастыря, принадлежала игумену Феодосию (об этом известно из скрепы и из приписок на обороте последнего листа). Список Повести почти дословно во всех разночтениях совпадает со списком ГПБ (собрание Толстого, Q. XVII. 17). Переписки Грозного с турецким султаном в списке нет.

4. Список из сборника ГПБ (собрание Титова, № 2350; охранный каталог, 1121) [1]; написан скорописью конца XVII века, в четверку, лл. 316 об. — 324. Водяной знак: шут с семью бубенцами (ср.: Тромонин, № 384 = 1676—1682 гг.). Заголовки и заглавные буквы киноварные. В списке не только дан полный титул Максимъяна, но более полно дан титул Грозного («владимирский, московский, новгородский, царь казанский и астраханский, государь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермский, вятцкий, болгарский»). Пропущена притча о сыне мертвой матери и вместе с ней фраза короля Максимъяна о том, что Михаил, его подручник, будет царем в великой области. В списке на л. 323 после Повести о двух посольствах помещена тайнопись.

5. Список из сборника ГБЛ (собрание Ундольского, № 632), написал полууставом середины XVII века, в восьмушку, лл. 327 об. — 342 об. Водяной знак: шут. Сатирической переписки Ивана Грозного с турецким султаном нет.

6. Список из сборника ГБЛ (Музейное собрание, № 5408) [2]; написан скоропистью XVIII века, в лист, лл. 482—486 об. Водяной знак: «Pro patria» (см.: Тромонин, № 1057= = 1754 г.); на другой половине листа буква «Ф» (см.: Тромонин, №№ 378, 376=1747 г.). Заголовки и заглавные буквы киноварные.

7. Список из сборника ГБЛ (Музейное собрание, № 8779) [3]; написан скорописью XVIII века, в четверку, лл. 41 об. — 49 об. Водяной знак: амстердамский герб. Сатирической переписки Ивана Грозного с турецким султаном нет.

[1] Список указан мне М. А. Салминой.
[2] Список указан мне А. А. Зиминым.
[3] Список указан мне А. А. Зиминым.

8. Список из сборника ГИМ (собрание ГИМ, № 1388); написан скорописью XVIII века, в лист, лл. 256 об. — 260 об. Водяной знак: амстердамский герб. Сатирической переписки Ивана Грозного с турецким султаном нет. Текст притчи о сыне мертвой матери близок к тексту первой редакции. Заголовки и заглавные буквы киноварные.

9. Список из сборника ГИМ [собрание Уварова, № 1909 (151)]; написан четкой мелкой скорописью XVII века, в шестнадцатую, лл. 27 об. — 39 об. Водяной знак: кувшинчик с одной ручкой, на крышке полумесяц, ручка изогнута, на ней розетки, на боку кувшинчика буквы — первая неясна, вторая «В» (ср.: Тромонин, №№ 1157 и 1170 = 1638 г.). В списке притча о сыне мертвой матери изложена в последовательности, характерной для первой редакции. Предсказания о том, что Михаил будет царем в великой области нет. Место это переделано следующим образом: «Да некогда будет в великой области у вашего царя во всем ево царстве при нем смятение великое» (л. 35—35 об.). Сатирической переписки Ивана Грозного с турецким султаном нет.

10. Список из сборника ГПБ, Q.·XVII. 164; написан полууставом конца XVII века, в четверку, лл. 164—177. Водяной знак: шут с семью бубенцами. Заглавные буквы киноварные. Сатирической переписки Ивана Грозного с турецким султаном нет.

11. Список из сборника ГПБ, КП 182/1939 [1]; написан полууставом конца XVII — начала XVIII века, в четверку, лл. 141—151. Водяной знак: амстердамский герб и гербовый щит со львом и молниями в середине (см.: Лихачев, № 502; Тромонин, № 930 = 80-е годы XVII в.). Сатирической переписки Грозного с турецким султаном нет.

В особую группу следует выделить несколько списков, которые можно определить как переходные от первой редакции ко второй. В этих списках дается распространенный титул короля Максимъяна, но нет всех перефразировок текста, характерных для второй редакции.

Списки этой группы следующие.

1. Список из сборника ГПБ (собрание Погодина, № 1556); написан скорописью середины XVII века, в малую восьмушку, лл. 85 об. — 95 об. Водяной знак не найден. Заглавия киноварные. В середине текста большой пропуск за счет утраты листов: л. 91 об. кончается словами: «взяли у нашего государя людей наряду 2», л. 92 начинается со слов: «обладает.

---

[1] Список указан мне А. А. Зиминым.

И цысарь король, едучи из винограда, молвил». Список обрывается на словах: «и тогда мне скажи, а остров». Конец утрачен. В списке указано, что к Максимъяну посланы были князь Захарий Сугорский, да дьяк Андрей Арцыбашев, что соответствует исторической действительности. Во многих списках назван только Сугорский.

2. Список из сборника ГПБ, F XVII. 15; написан скорописью середины XVII века, в лист, лл. 202—205 об. Водяной знак: гербовый щит (см.: Тромонин, №№ 536 и 640 = 1644 г.). Киноварный заголовок «О посольстве в цысарскую землю». Полностью даны титулы и Максимъяна и Грозного.

3. Список из сборника ГИМ (собрание Синодальной патриаршей библиотеки, № 58/360); написан скорописью первой половины XVII века, в восьмушку, лл. 149 об. — 180 об. (листы с текстом Повести о посольстве Сугорского в этом списке разорваны и сплетены с текстом Повести о посольстве Ищеина в Царьград). Водяной знак: буквы «МТ» и маленькая геральдическая лилия в гербе. Буквы датировать не удалось, но различные виды лилий сходны у Тромонина (№ 472 = 1636 г.), у Каманина (№№ 604—608 = 1622 г.; № 629 = 1649—1650 гг.). Повесть о посольстве Сугорского обрывается на словах: «и за вашим государем скончаются, а не тко [так] что городы» (л. 180 об.). Причиной того, что в Повести нет конца, вероятно, является дефектный список протографа, так как в данном списке последние слова написаны в виде концовки; «что городы» написано в середине строки. Сатирической переписки Ивана Грозного с турецким султаном нет.

4. Список из сборника ГИМ (собрание ГИМ, № 1551); написан скорописью первой половины XVII века, в четверку, лл. 49 об. — 58. Водяной знак: кувшинчик с одной ручкой, с короной и полумесяцем на крышке. На боку кувшинчика украшение из кружков и под ними буквы «МС». В Повести о посольстве Сугорского дан титул Максимъяна полностью, но перефразировок, характерных для второй редакции, нет. Заголовки и заглавные буквы киноварные.

Еще один список даю по описанию А. А. Зимина.

Список из сборника ГБЛ (собрание Тихонравова, № 379); написан полууставом, датируется началом XVIII века, в восьмушку, лл. 3 об. — 13. Водяной знак: гербовый щит со львом и стрелами в середине и амстердамский герб. Повидимому, Повесть обрывается на словах: «а за вашим государем и скончаются».

При издании текста орфография подлинника упрощена: титла раскрыты, «ъ» в середине слов сохранен, в конце слов опущен, «і» заменяется «ь», «ѣ» — «е», «θ» — «ф», «кси» — «кс», «пси» — «пс», «омега» — «о», «оу» — «у», «юс малый» — «я». Выносные буквы внесены в текст, буквы-цифры переданы цифрами. Пунктуация современная.





ТЕКСТ ПОВЕСТИ

В лета 7084 году послание государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к цысарю крестьянскому Максимъяну

Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии о том послал к ближнему своему благоприятному приятелю в цысари к рымскому и цысарскому королю Максимъяну царю и посла своего князя Захарья Ивановича Сугорского и велел о том доложити и допросити, которым королем и царем турской пишот свои титлы, коим обычаем. А в государеве послание наречен область данную [1] власть все западные страны над цари царь [2], держащу скипетр непобедимыя державы Августа [3] кесаря римского царя, цысарь царю Максимъяну королю.

Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии от своего царьского величества владимерский, московский, наугородцкий, да ту же титлу пишут [4], что и во Царьград, велел тебе, государю [5], поклонитись. И король, встав, лист [6] принял. А как посол князь Захарья до листа говорил титлу и государя нашего челобитье и посольство правил, Максимъян в те поры все стоял, и держал его подручник [7] сын его Филип, да племяник его Андрей, потому что он добре стар, во сто в девять лет.

А обычай же у него таков: многие философы у него избранных много орд и земель, а служат ему всякие люди, занеже силен вельми. Думные его философы стоят избранны и всякие [8] люди по статьям.

В цысарех первое посольство было во граде в Ведне, на реке на Ведне. На берегу город, полаты у него все каменные,

---

[1] *П* дальную. [2] *П* царю. [3] *П* от Августа. [4] *П* пишет. [5] *П* государю цысарю королю. [6] *Испр. в рукоп., ошибочно дважды* лист. [7] *П* под руку, [8] *П* великие.

все аспид. Крыльцо черезь стену на реку а[9] от полат царевых аспидно, а на крыльце пять рундуков мощено все аспидом же, потому что крыльцо высоко. А у всякого крыльца решетки медные большие на рундуках, что ворота, позолочено красно. А в оконцех[10] у брусков у медных втирано камение драгое, а иных[11] крустали по гусину яицу. А верхнее крыльцо стекольчето мурчито, а все красно золочено. Подле город по обе стороны города, а среди[12] крыльца чердак стеколчат высокого вознесен, востроверх[13]. А полаты все с подзоры золотыми, а на всех писаны всякие орды и земли и царства были многие, а крыты полаты цьветы розными круг[14]. Крайние палаты золочено и лужено, а в серетках полаты востроверхие крыты медию накрасно золочено. А царева полата посреди всех полат, а крыта арапскою медию, не узнать, что не золото, только не скажут.

Турки, которые у царя у римскаго, человек 8 или 9, или больши, те стоят и ездят в одном месте и пред царем вместе ставятся, ни един[15] без одного. А гречани — потому же, человек их з десять, или сколько будет, тако же по другую сторону царя ставятця. Римляне тако же пред царем стоят и ездят вместе. И жиды, и поляки, и русь, и литва, и немцы, и волынцы, и угряне, и волохове — все по своим статьям ставятца и ездят. А в статьях их не по многу, по 7 человек, или по 8, и по 10. А больши 12, а менши 7 — нет. У него же велемудрыи[16] философы избраны и всякие люди.

А как Максимъян король цысарь поедет в объезд, или в виноград гулять, или в Санфир город на Дунаи от Вядина[17] девяносто веръст, и ту думные его дворяне, избранные люди по тому же едут по сторонам, кои же во своем месте, а иной земли не вмещаетца. А посол бывает подле царя или за ним. А по сторонь царя едет сын его Филип, а по другую сторону — племяник его Андрей, а за ним подручник его Михайло, да посол государя нашего, а за ним едет полк его и в нем всяких людей и земель [18]идут в одъном месте, а воеводы у них по землям[18] и головы потому же, да за тем сына его полк поидет, а воевода в нем потому ж, а земель розных людей и воеводы и головы потому ж, а ставятца по полком. А в полке же людей[19] на выезд ходит[20] на конех служивых тысящь с полтретьятцать, а кроме кошевых.

[9] *П нет.* [10] *П* в концех. [11] *П* у иных. [12] *П* а посеред. [13] *Испр. по П*; *рукоп.* востровверх. [14] *П* кругом. [15] *П* ни единого. [16] *П* вельми мудры. [17] *Испр. по П, в рукоп.* Вядина. [18–18] *В рукоп. пропуск, восполняется по П.* [19] *П* люди. [20] *П* ходят.

Да 85 году ездил царь в виноград и посла государева роспрашивал, сколь велика руская земля и сколь сильно ходит государь вашь. И князь Захарий сказал, земля-де руская велика[21] и чудотворцов в ней много, и милость от них, и чюдеса великая, а за государем ходит силы в собранье 400 000 головами своими. И король подивись, и похвали бога, распространит впредь руская земля.

И царь учал посла князя Захарья въстречати, коли-де вашь государь был под Пайдою, а посылал воевод своих под немецкие городы, под Коловер, а Пайду сам взял и немец велел пожечь. А колыванские немцы, собрався, от Коловера воевод отбили и наряд поимали. Мне-де то сказывали датцкие немцы.

И государев посол цысарю королю сказал: «Тогды государь нашь ходил в объезд во свою отчину, в Ругодив и в ыные городы, и пошел[22] на рубеж. И пайдинские немцы его, государя, не встречали и челом ему не ударили, и он, государь, велел город их разорити, их[23] велел жещи. А под те городы послал государь нашь лехких людей [24]и наряд: две полковых, да скорострельную, да три затинных. И тогды немцы взяли[24], и государь нашь на них за то гнев свой положил, да послал на другой год воевод своих и велел те городки поимати. И воеводы государевы городов взяли - Перков, Апсел, Падцу, Салам, Перков, Вакулу и с мызами, и со всеми их животы, и с нарядом».

И король цысарской сказал, про государя-де вашего мудрые философы пишут, да которые его знают и детей его, что он подобен храбростию и ратью Александру царю Макидонскому и прославился во всех нас царех, а подобен возрасту и досужеству царю Костянтину. Да еще в вашеи земли будет трясение великое, потому что многие власти, а несогласны. А мятение в вашей земли лет з десять мало больши или меньши десяти, а земля ваша распространится вельми и царь многими царствы обладает. И едучи из винограда, молвил: «Да попаметуиде Максимъяна короля цысаря царя крестьянского, что я говорил, то все[25] в вашой земле[25] збудетца».

Да едучи, сказал притчю про своего подручника, про Михаила, что он мертвой матери сын. Было-де в моей земле божие разгневание. В 59 году град погиб Мелхил именем, тому 26 лет. И пришла на него туча каменная и огнь, и гром.

---

[21] *П* и велика. [22] *П* прошел. [23] *П* и их. [24–24] *П* с лехким нарядом. И тогда немцы взяли у государя нашего людей наряд: две полковых, за скоростельную (*так!*), да три затинных. [25–25] *П* вашей земли.

Пожгло град каменье и полаты, не токмо полаты, но и подошву каменную за беззаконие. И став буря великая, и пришли волны морские, да и место града того помыло и песок разнесло. А тот град стоял на острову, и на том же острову город, а от того города тридцать верст, именем Тордор. И в ту ночь было в том граде трясение великое от божия разгневания. И пришли ис того града Тордора гости на телегах к Мелхиграду, иже погиб, и место равно; развее нашли жену мертву в погребе, а у ней чрево терзаетца. И оне разрезали утробу и выняли из нее подручника моего младенца и привезли его ко мне. И аз его дал воспитати, и ныне стоит предо мною и пред вами, да некогда в великой области будет царь. Тако же и у вас во царстве смятение будет, а после царя вашего рука будет высока и обладает всем и скончаетца в век.

Да 86 году пришел в цысари от государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии посланник [26] Ждан Иванович Квашнин, и Максимъян царь посольства у Ждана слушал. И в посольстве пишот, что государь латыгорские и влифинские [27] земли 27 городов взял, а встреча не была нигде.

И цысарской король крестьянский похвалил бога и прославляя [28] государя, и великую честь послом получил и дары многие и великие [28] государю прислал: скипетр римскаго; державы непобедимыя, и дьадиму и порфиру и послание со умилением писал, и на турскаго царя титлу и полную грамоту к государю нашему писал, как коли оманул турскаго царя посаженик его, цысарского царя, а был посажен на Кипре острове. И турской просил Кипра острова, а давал [29] кипръскому царю против того языйские антиохийския, вавилонские, индейские страны и тевризы, и скиндырь и писал ему братом, а нарек под собою вторым царем. А кипрский царь о том докладывал цысарского Максимъяна короля, а на Кипре 74 епископы, да три митрополиты. И цысарь показал [30] ему, — такову грамоту у него возьми, что он тебе писал братъством и под собою царем нарек, и те б тебе царства в титлу ввел. И тогды мне скажи, а остров ему кипръской отсулил, да как [31] грамота к тебе такова приидет [31], и ты ко мне пришли, и яз тебе о том указ учиню. Кипрской царь остров отсулил турскому царю и царь был рад, что безбранно такову землю достал, и велел очистити все те свои царства на приезд кипръскому царю,

---

[26] *Испр. по П; в рукоп. чтение испорчено.* [27] *П* вифлянские. [28–28] *В рукоп. пропуск, восполняется по П; в рукоп.* и великие дары. [29] *Испр. по П; в рукоп.* дал. [30] *П* приказал. [31–31] *П* грамоты таковы к тебе придут.

и грамоту к нему, и дары многие великие послал [32], и велел ему к себе ехати. А кипръской [33] остров царь турской провеле ехати шестьсот катарг людей, да велел Кипръ засести.

И как приехали з дары и з грамотами на Кипр от турского послы, и кипръской царь ту грамоту и дары прислал к цысарскому королю к Максимъяну. И цысарской король прислал к нему лист, а назнаменавал Кипр остров весь и городы все как стоят, все вызнаменовал на штидесят листех на александреской [34] бумаге, и велел тот остров послати к турскому царю на бумаге. И кипръской царь так сотворил, послов турскаго царя засадил, а иных лестию отпустил, и титлы те же написал во своем послании. А написал: цысарского посаженик и голдовник, твой брат Аизия, и Антиохия territories великия, и вавилонские, и инъдейские — и все титлы сполна выписал, — брату моему, турскому царю, что б еси одночлично мне Царьград очистил и все мои царства по духовной нашей грамоте, которую, еси ко мне прислал; а у ней шестнадцать царств печати золотые. И я ту духовную грамоту принял и послал к государю своему к Максимъяну королю царю римскому и всея западныя страны. И ты в Цареграде полно царствовал, хощу и я [35] царствовати на степени царяградцкой.

Царь же турской посрамлен и возъярися и посла те свои катарги с нарядом и с войною на Кипр остров и велел пленити и воевати. И кипръской царь собрався [36] и их дождався [37] великим собранием. Да и цысарской царь прислал полтораста тысящь на гольях [38], а иных в коробленных [39] послал. И турских людей божиим изволением побили, а живых 90 000 взяли. И с тое поры турской царь за великим срамом не зсылаетца ни с цысарским, ни с кипръским.

И цысарь ту его грамоту, турскаго царя, за всеми за шестнатцатьми печатьми золотыми послал к государю нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, и велел ему с тех мест теми ж титлами писатись. Да послов государя нашего отпустил честно, да молвил: «Которые ныне городы иманы — недолговечны, а впредь достанутся опять да за вашим государем и скончаютца. Да не токмо городы, но и земля вся».

А послы вышли на петров день того же году 78-го году. А на осень под Кесью воевод государевых побили и наряд отлучили.

---

[32] *П* *прислал.* [33] *П* а на Кипър. [34] *П* на олекъсандрейской. [35] *Испр. по П*; *в рукоп.* я и я. [36] *Испр. по П, в рукоп.* собравъвся. [37] *П* дожидался. [38] *П* на голиях. [39] *П* коробельных.

Послание православнаго царя к турскому

Высокостольному властелю, превознесенному честью, яко ж рогу инорогу, Маю Сулембеку Салтану царю Костянтину белозерскому и карманскому, твоея [40] области многия земли, божиею милостию царь и великий князь дикого и глубокого поля послал есми к тебе своего избранного человека. И что [41] тебе учнет говорить, а то слово наше, и ты б ему верил.

Отписка турскаго царя к православному царю

Хто у тебя таков во благочестивых, яко же ти [42] есть [43] прародителей твоих сын Святославль [44] внук Игорев великий князь Владимер? Той бо крести рускую землю святым крещением. От того процвете благоухание и благоверие, крестная твоя сила, светоносная хоругов.

Непобедимый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, ближний еси нашь брат, святый и милосердый, правдою еси праведен, а величеством еси велик, ко всем людям еси счаслив, велика б твоя [45] и честная держава была до втараго пришествия. Прежняя у нас с тобою брань была и нелюбовь о кости о лодыжном мозгу. И много у нас с тобою было брани и нелюбви. И мы прежни огнь с тобою любовною водою угасили [46], и опять огнь зажегъся, и слух [47] до нас доходит до великого нашего града Станбала, люди твои уловляютца, яко ж море, и казнь твоя нам на радость.

Создан бысть Царьград благоверным [48] царем Костянтином в лето 6000 от 29-го. И был за православным хрестьянстве 1132 лета, а взят от турскаго в лето 6961 маия в 29 день и тому, как взят, по 29 день 161 год. А после распятия христова создан Царьград во 290-м в 6 году.

---

[40] *П* тоея. [41] *П* что он. [42] *Испр. по смыслу; в рукоп.* ты. [43] *П* есть бог. [44] *Испр. по смыслу; в рукоп.* Смоиславль. [45] *П* то я. [46] *Испр. по другим спискам; в рукоп.* угасилъся. [47] *Испр. по П; в рукоп.* слуг. [48] *Испр. по смыслу; в рукоп.* глаговерным.





ДОПОЛНЕНИЕ

Во время подготовки настоящей книги к изданию обнаружен новый (XIV) список Полной редакции сочинений Пересветова.

Архивный список (*А*) находится в рукописи ЦГАДА (ф. 181, рукописные книги б. Архива МИД № 683/1195).[1] Рукопись представляет собою сборник, написанный скорописью самого конца XVII в., на 434 лл., в четверку.[2] Переплет — доски, обтянутые кожей конца XVI — начала XVIII в. По листам помета: «Сия книга глаголемая Звезда пресветлая царствующаго града Москвы дому подьячего Петра Иванова сына Кемарского», далее иным почерком: «а по смерти ево досталась племяннику ево мундирной канторы за секретаря Киприану Алексееву сыну Юдину и подписал своею рукою». На л. 433 помета: «Князя Григория Григорьевича Рамадановского 1706-го году генваря 20 день». На л. 330 об. той же рукою: «Домострой починаем отселе князю Рамадановскому». На л. 234 об. помета: «7208-го, 1700-го года июня в 7 день».

В сборнике помещены: написанная разными почерками Звезда пресветлая[3] (лл. 1—201), служба и житие Геннадию Костромскому (лл. 202 об. — 232), сочинения Пересветова (лл. 235—330 об.), Домострой (лл. 331—434) в 48 глав (последняя глава озаглавлена: «Как огород и сад водити»).

Сочинения Пересветова размещены в следующем порядке: лл. 235—256 — Большая челобитная, заголовок которой[4] отсту-

---

[1] Впервые указал на присутствие в сборнике сочинений И. С. Пересветова В. Н. Шумилов (см.: «Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв.», М., 1954, стр. 47).

[2] Водяной знак: герб Амстердама и pro patria.

[3] Начало: «Сугубство мыслетей и литера букви вручают нас».

[4] «Мудрость греческих философ и латынских дохтуров и Петра волоского воеводы, а свез сия речи и дела царския изо многих королевств ко государю благоверному князю Ивану Васильевичю всеа Росии Иван Семенов сын Пересветов».

пил от начала текста;[1] лл. 256—298 об. — Повесть о взятии Царьграда;[2] лл. 298 об. — 305 об. — Сказание о книгах; лл. 305 об. — 322 об. — Сказание о Магмете; лл. 322 об. — 324 — Первое предсказание философов; лл. 324—328 — Сказание о Константине; лл. 328—330 об. — Концовка.[3] Повесть о взятии Царьграда и последующие сочинения Пересветова написаны слитно, без особого выделения какой-либо из названных выше частей.

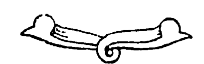
Список *А* весьма дефектен (в нем много пропусков и неверных чтений). Восходит он к протографу списка *Мз*.[4] К изданию сочинений Пересветова список не привлекается.

[1] На полях текста Большой челобитной помещена буквенная цифирь (1—12), делящая произведение на 12 частей.

[2] Начало: «О взятии (!) Царяграда от безбожного царя Магмета Амуратова сына турского царя. В лето 6960-е».

[3] Конец: «И за то их господь бог покорил».

[4] См. общие варианты для *А* и *Мз*, например в Сказании о книгах (вариант I, 85—85). Вместе с тем список *А* не мог быть списан непосредственно с *Мз* (см. вариант I, 98—98, где в *А* чтение «исправи дела своя», а *Мз* с *А*, в котором по сравнению с *Мз* есть значительные пропуски, например, опущен на л. 301 текст «бога на помощь... слезами своими» (ср. *М* л. 50)).





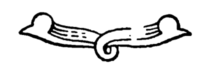
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты Археографической экспедиции.
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России.
АИ	— Акты исторические.
БАН	— Библиотека Академии Наук СССР (Ленинград).
Временник ОИДР	— Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ГБЛ	— Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва).
ГКЭ	— Грамоты Коллегии экономии.
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ДАИ	— Добавления к Актам историческим.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
Известия ОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
Каманин	— И. Каманин и А. Витвицкая. Водяні знаки на папері украïнськÏх документів XVI и XVII вв. (1556—1651). Кiïв, 1923.
Лихачев	— Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, чч. I—III. СПб., 1899.
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии.
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии Наук СССР.
МДА	— Московская духовная академия.
МИД	— Министерство иностранных дел.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РИБ	— Русская историческая библиотека.
Сб. ОРЯС АН	— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества.
Тромонин	— К. Я. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.
Труды ОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института Русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.
ЦГАДА	— Центральный Государственный архив древних актов (Москва).
Чтения ОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.



УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

[1] Составлен Е. А. Юрченко.



СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
7	16 снизу	«торжестве	«тождестве
89	Подпись к иллюстрации	л. 573 об.	л. 100.
125	8 сверху	да*бе*	да*ле*
143	11 снизу	волможи	велможи
143	13 „	еще	аще
147	21 „	то бо	то и бо
148	16 сверху	на то	не то
150	11 снизу	моим	житиям моим
155	17 сверху	множил	умножил
156	14 снизу	государство	государево
161	1 сверху	Марметова	Магметова
162	11 „	о гресех	о гресех своих
164	18 снизу	с *службы*	с службы
165	4 сверху	твоея	твоея царския
167	14 снизу	«Хощу	«Хощу взяти
168	9 „	морзят	мерзят
171	10—11 сверху	государева	государеве
172	5 „	по	под
173	18 „	государство	государево
173	22	в крест	крест
176	17 „	кнзя	князя
180	12 снизу	и помощь	в помощь
183	7 сверху	воеводы [5] месяц	воеводы 5 месяц
198	18 снизу	кто в чем	что в нем
203	11 „	царство	царством
205	13 сверху	яко богатым	яко бы богатым
206	1 „	*же*	*где*
209	4 „	по	про
211	3 снизу	безбожники	безбожнии
216	6 „	хотял	хотел
226	5 сверху	оно	ино
241	10 снизу	эта	та
242	20 сверху	укротили	не укротили
247	5 снизу	ему	ему не
263	3 сверху	своя	твоя
370	3 „	«і» заменяется «ъ»,	«і» заменяется «и»,
372	9 „	высокого	высоко
375	2 „	провеле	повеле

